

5

О. ГЕНРИ

О. ГЕНРИ

О.ГЕНРИ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТИ ТОМАХ

О.ГЕНРИ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ПЯТИ ТОМАХ

ПРЕСТИЖ РИПОЛ
К Н И Г А КЛАССИК

МОСКВА 2006

О.ГЕНРИ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Том пятый

ПОД ЛЕЖАЧИЙ КАМЕНЬ

Сборник рассказов

ОСТАТКИ

Сборник рассказов

ПОСТСКРИПТУМЫ

Сборник рассказов

ЕЩЕ РАЗ О.ГЕНРИ

Рассказы

ПРЕСТИЖ
КНИГА

РИПОЛ
КЛАССИК

МОСКВА 2006

УДК 882
ББК 84(4США)
О-36

О. Генри

О-36 **Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5: Под лежащий камень; Остатки; Постскрипумы: Сборники рассказов; Еще раз О. Генри: Рассказы.**— М.: Литература; Престиж книга; РИПОЛ классик, 2006.— 544 с.

ISBN 5-363-00004-0 (т. 5)
ISBN 5-7905-3771-5

О. Генри (1862—1910) — псевдоним Вильяма Сиднея Портера, выдающегося американского новеллиста, прославившегося блестящими юмористическими рассказами. За свою недолгую творческую жизнь он написал около 280 рассказов, не считая фельетонов и различных маленьких произведений.

В настоящем Собрании впервые в полном объеме публикуются все 13 сборников рассказов О. Генри, а также произведения, не включенные автором в основные сборники. Свыше 40 рассказов переведены на русский язык впервые.

В пятый том Собрания сочинений вошли сборники рассказов «Под лежащий камень», «Остатки», «Постскрипумы», а также цикл рассказов «Еще раз О. Генри».

УДК 882
ББК 84(4США)

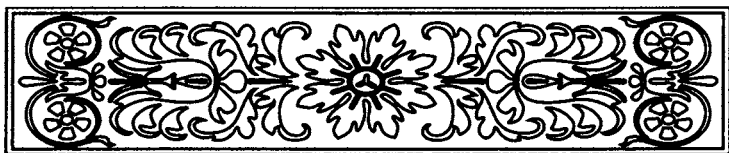
ISBN 5-363-00004-0 (т. 5)
ISBN 5-7905-3771-5

© ООО «РИЦ Литература»,
составление, переводы,
оформление, 2006
© ООО «Престиж книга», 2006
© ООО «ИД «РИПОЛ
классик», 2006

**ПОД ЛЕЖАЧИЙ
КАМЕНЬ**

СОН

Мюррею приснился сон.

Психологи и ученые теряются в догадках и предположениях, стараясь объяснить странные переживания нашего нематериального «я», когда мы бродим в царстве «близнеца смерти» — в царстве сна. Настоящий рассказ не имеет целью бросить свет на этот не исследованный еще вопрос. Он является просто описанием сна Мюррея. Одна из самых поразительных особенностей снов состоит в том, что происходящее во сне на протяжении нескольких месяцев или даже годов на самом деле происходит в течение нескольких секунд или минут.

Мюррей сидел в тюремной камере в отделении для приговоренных к смерти. Электрическая дуговая лампа, висевшая на потолке в коридоре, ярко освещала его стол. По листу белой бумаги полз муравей, дико бросавшийся из стороны в сторону в то время, как Мюррей преграждал ему путь конвертом. Приведение в исполнение смертного приговора посредством электричества было назначено на восемь часов вечера. Мюррей, улыбаясь, смотрел на обезумевшего муравья, мудрейшего из насекомых.

В отделении было еще семеро приговоренных к смерти. С тех пор как Мюррей находился здесь, он видел, как троих увели для приведения в исполнение приговора. Один обезумел и бился, как пойманный в западню волк; другой, не менее безумный, громко молился; третий, слабый духом, упал в обморок, и его унесли, привязав к доске. Мюррей размышлял, как он сам встретит внешне и внутренне момент казни. Сегодня вечером пришел его срок. Должно быть, теперь было около восьми часов.

В отделении было два ряда камер, и напротив него была камера Бонифацио, итальянца, убившего свою невесту и двух полицейских, пришедших его арестовать. Мюррей долгие часы играл с ним в шашки, выкликая ходы своему невидимому партнеру через коридор.

Послышался громкий басистый голос Бонифацио с его всегдашним певучим акцентом.

— Эй, маэстро Мюррей! Как вы себя чувствуете, — хорошо, да?

— Хорошо, Бонифацио, — сказал твердо Мюррей, позволяя муравью вползти на конверт и осторожно сбрасывая его на каменный пол.

— Так и следует, маэстро Мюррей. Такие, как мы, должны умирать как мужчины. Мой срок на будущей неделе. Отлично. Помните, маэстро Мюррей, я выиграл у вас последнюю партию в шашки. Может быть, мы когда-нибудь опять будем играть с вами. Я не знаю. Может быть, нам придется чертовски громко выкликать ходы в том месте, куда нас отправят.

Грубая философия Бонифацио, за которой последовал басистый взрыв музыкального смеха, согрел закоченевшее сердце Мюррея. Да, но Бонифацио оставалось жить еще целую неделю.

Обитатели камер услышали знакомое громкое щелканье стальных затворов в то время, как открывалась дверь в конце коридора. Трое людей подошли к камере Мюррея и отперли ее. Двое из них были тюремные сторожа; третий был Леон, сосед и друг детства Мюррея. Нет, это было в пресжие дни — теперь это был преподобный Леонард Уистон.

— Я добился разрешения занять место тюремного священника, — сказал он, крепко пожимая руку Мюррея. В левой руке он держал небольшую Библию, отмечая указательным пальцем нужную страницу.

Мюррей слегка улыбнулся и начал приводить в порядок две-три книги и несколько ручек на своем столике. Он охотно заговорил бы, но никакие подходящие слова не шли ему на ум.

Заключенные окрестили эту часть тюрьмы, в восемьдесят футов длиной и двадцать восемь футов шириной, «Преддверием ада». Постоянный сторож «Преддверия ада», огромный, неотесанный добрый человек, вытащил из кармана бутылку виски и протянул ее Мюррею со словами:

— Это самое, понимаешь, настоящее дело для тех, кому нужно подкрепиться. И, понимаешь, тебе нечего бояться, что ты приохотишься к виски.

Мюррей хлебнул из бутылки.

— Вот так, — сказал сторож. — Немного укрепляющего средства, и все пойдет как по маслу.

Они вышли в коридор, и каждый из семи обреченных понял, что было около восьми часов и что в восемь была назначена казнь Мюррея. В «Преддверии ада» существует своя аристократия. Человек, убивший своего врага или преследователя в открытом бою, в пылу битвы или обуреваемый первобытными чувствами, с презрением относится к подлым убийцам из-за угла.

Таким образом, только трое из семи обреченных крикнули последнее «прости» Мюррею, в то время как он шагал по коридору между двумя стражниками. Это были Бонифацио, Марвин, убивший тюремщика во время попытки бегства из тюрьмы, и Бассет, железнодорожный грабитель, который был принужден убить проводника экспресса, не желавшего поднять руки вверх. Остальные четверо молча притаились в своих камерах, чувствуя себя отщепенцами в обществе «Преддверия ада».

Мюррей удивлялся своему собственному спокойствию и почти безразличию. В комнате казни собралось около двадцати людей — тюремное начальство, газетные репортеры и зрители, которым удалось...

Здесь, на самой середине фразы, рука смерти прервала последний рассказ О. Генри. Он предполагал написать этот рассказ совершенно в другом духе, как его предыдущие рассказы. Это должно было стать началом новой серии.

— Я хотел показать публике, — говорил Генри, — что я могу написать нечто новое — то есть новое для меня — историю с настоящей драматической завязкой, трактованную в таком духе, который ближе подойдет к моим взглядам на писательство.

До того как начать писать настоящий рассказ, он вкратце набросал, как он предполагал развить его. Мюррей, виновный в зверском убийстве своей возлюбленной, — убийстве, вызванном припадком безумной ревности — встречается сперва смертную казнь совершенно спокойно и, по всем внешним признакам, даже безразлично. Когда он приближается к электрическому стулу, им овладевает странное чувство нереальности. Вся сцена в комнате казни — свидетели, зрители, приготовления к казни — кажется ему нереальной. В его уме мелькает мысль, что произошла страшная ошибка. Почему его привязывают к стулу? Что он сделал? Какое преступление он совершил? В те несколько мгновений, когда прикрепляли ремни на стуле, перед его умственным взором

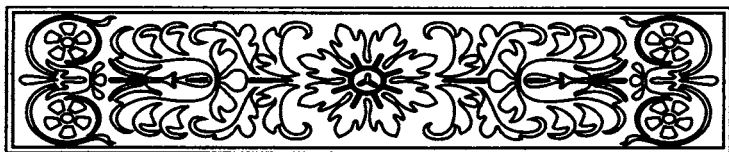

встает видение. Ему снится сон. Он видит маленький деревенский коттедж, светлый, залитый солнцем, спрятавшийся под сень цветов. Он видит женщину и ребенка. Он говорит с ними и узнает, что это его жена и его ребенок, а коттедж — его дом. Таким образом, в конце концов, все это была ошибка. Кто-то страшно, непоправимо ошибся. Обвинение, суд, приговор к смерти на электрическом стуле — все это сон. Он обнимает жену и целует ребенка. Да, здесь счастье. А то был сон. Но тут, по знаку тюремного сторожа, пускается роковой ток.

И то, что Мюррей принял за сон, — оказалось действительностью.

• • •

Рассказ «Сон» был последним произведением О. Генри, начатым им по заказу журнала «Космополит». После смерти Генри неоконченная рукопись была найдена в его комнате на его пыльном письменном столе.

ПРАВИТЕЛЬ ЛЮДЕЙ

Я бродил по улицам города Подлоти, страстно желая увидеть незнакомое лицо, потому что Нью-Йорк представляет собою собрание знакомых типов, похожих друг на друга, как песчинки в пустыне. И вы начинаете ненавидеть их, как ненавидите друга, вечно торчащего около вас, или как ненавидите одного из близких ваших родных.

Мое желание исполнилось. Я увидел на углу Бродвея и Двадцать девятой улицы маленького человечка с льяными волосами, с лицом, напоминающим шероховатую кору орехового дерева. Он продавал собравшейся вокруг него толпе универсальный инструмент, который попеременно мог служить пробочником, крючком для застегивания пуговиц, пилкой для ногтей, мог открывать жестянки, чистить картофель и в то же время его, как брелок, можно было подвесить к часам любого джентльмена.

В эту минуту упитанный полисмен стал пробираться сквозь толпу покупателей. Продавец, привыкший, очевидно, к тому, что его торговля внезапно таким образом прерывалась, быстро прикрыл свою сумочку и юркнул, как ящерица, в противоположную сторону. Толпа быстро разбежалась, как муравьи из потревоженного муравейника. Я поспешил за Билли Боуэрсом из Канзаса и поймал его за рукав.

Не взглянув на меня и не убавляя шага, он сунул мне в руку аккуратно сложенный пятидолларовый билет.

— Я не думал, Билли, — сказал я, — что ты так дешево ценишь старых друзей.

Он повернул ко мне голову, и его лицо, похожее на ореховую кору, расплылось в широкую улыбку.

— Отдай деньги, — сказал он, — или я напущу на тебя полисмена за надувательство. Я принял тебя за полисмена.

— Я хочу поговорить с тобой, Билли, — сказал я. — Когда ты уехал из Оклахомы? Где теперь рыжий Мак-Джилл? По-

чему ты продаешь на улице эту ерунду? Как окончилось дело с твоей золотой рудой? Где ты так страшно загорел? Что ты хочешь выпить?

— Год тому назад я уехал из Оклахомы, — отвечал по порядку Билли. — Мак-Джилл строит ветряные мельницы в Аризоне... Я занимаюсь торговлей, чтобы заработать деньги на текущие расходы... С золотой рудой я прогорел... Был в тропиках... Хочу пива...

Мы пробрались в укромное местечко ресторана и расположились за столиком. Пришлось прибегнуть к воспоминаниям, чтобы вызвать в Билли охоту рассказывать.

— Да, — сказал он, — я помню, как веревка Тимоти разорвалась на рогах коровы, преследующей тебя. Ты и эта корова! Я никогда не забуду этой картины.

— Тропики, — сказал я, — очень обширная местность. Какую часть Рака или Козерога ты почтил своим посещением?

— Где-то в Чили или Перу, а может быть, это была Аргентина, — сказал Билли. — Во всяком случае, это был великий народ, прогрессивный. Я был там три месяца.

— Без сомнения, ты рад, что снова находишься среди настоящего великого народа, — высказал я свое предположение. — В особенности среди ньюйоркцев, самых прогрессивных и независимых граждан всего мира, — продолжал я с ослеплением провинциала, познавшего сладость столичной жизни.

— Как ты думаешь, есть у ирландца юмор? — спросил Билли, не вступая со мной в спор.

— У меня час и... два свободных, — сказал я, взглядывая на часы в зале и чувствуя, что Билли начнет свой рассказ. — Как звали ирландца?

— Его звали Барни О'Коннор, — ответил Билли. — Я познакомился с ним в меблированных комнатах в Западной части. Он пригласил меня в свою комнату выпить с ним, и мы подружились, как кошка и собака, выросшие вместе. Он был высокий, красивый мужчина. Однажды он сидел, прислонившись спиной к одной стене и упиравшись ногами в другую, разглядывал карту. На кровати лежал чудесный золоченый меч с кисточками и камушками на рукоятке.

— Что это? — спросил я (к этому времени мы уже были хорошо знакомы). — Ежегодный парад для уничтожения порабощенных Ирландии? Какой намечен маршрут? Вверх по

Бродвею до Сорок второй улицы, затем к западу, к кафе Мак-Карти, затем...

— Садитесь на умывальник, — сказал О'Коннор, — и слушайте. И не истолковывайте ложно присутствие меча. Это меч моего отца из старого Мюнстера. И эта карта совсем не предназначена для составления маршрута праздничной процессии. Если вы еще раз в нее внимательнее взгляните, то увидите, что это материк, известный под именем Южной Америки, состоящий из четырнадцати зеленых, синих, красных и желтых стран. Все они время от времени взывают о помощи, чтобы их освободили от ига угнетателя.

— Я знаю, — сказал я О'Коннору. — Эта идея встречается и в литературе. Можно ее найти в каждом десятицентовом журнальчике. Это постоянная история об искателе приключений, обыкновенно носящем имя О'Киф, который старается сделаться диктатором, в то время как испано-американское население кричит «Коспетто!» и прочие итальянские проклятия. Не думаете ли и вы попытаться это сделать, Барни? — спросил я.

— Боуэрс, — сказал он, — вы человек образованный и храбрый.

— Я не отрицаю этого, — сказал я. — Образование присуще моей семье, а храбрость я приобрел тяжелой борьбой за существование..

— О'Конноры, — сказал он, — воинственный род. Вот там меч моего отца, а вот карта. Я не вышошу бездельной жизни. О'Конноры рождены для того, чтобы править. Я должен стать правителем людей.

— Барни, — сказал я ему, — почему вы не поступите в полицию и не начнете спокойную жизнь резни и грабежа, вместо того чтобы скитаться по чужим странам? Каким другим образом сможете вы полнее удовлетворить ваше желание — притеснять угнетаемых?

— Взгляните опять на карту, — сказал он, — на ту страну, где я держу острие своего перочинного ножика. Вот эту-то страну я выбрал, чтобы помочь ей и ниспровергнуть существующий там строй при помощи отцовского меча.

— Я вижу, — сказал я. — Вот эта зеленая страна. Она самая маленькая. Это делает честь вашему здравому смыслу.

— Вы меня обвиняете в трусости? — воскликнул Барни, покраснев как рак.

— Нельзя назвать трусом человека, — ответил я, — который один собирается напасть на страну и конфисковать ее. Самое плохое, в чем можно вас обвинить, это в плагиате или подражании. Но если Рузвельт вас не притянет за это к ответственности, то никто другой не будет иметь права протестовать.

— Не думайте, что я шучу, — сказал О'Коннор. — У меня полторы тысячи долларов наличными, чтобы привести в исполнение этот план. Вы мне нравитесь. Хотите присоединиться ко мне?

— Я без работы, — ответил я ему. — Но нужно сговориться. Будете ли вы меня кормить во время приготовления восстания или я буду только военным секретарем после того, как страна будет завоевана? Вы берете меня на платную должность или на почетную?

— Я плачу за все издержки, — сказал О'Коннор. — Мне нужен человек, которому я могу доверять. Если наше дело завершится успехом, то вы сможете выбрать себе в правительстве любое место, которое вы пожелаете.

— В таком случае, отлично, — сказал я. — Можете быть спокойны — на место президента я не позарюсь. Способ, которым жители этой страны освобождаются от своих президентов, слишком болезненный. Во всяком случае, вы можете занести меня в вашу платежную ведомость.

Две недели спустя О'Коннор и я сели на пароход с целью отправиться в маленькую, зеленую, обреченную страну. Поездка заняла три недели. О'Коннор говорил, что весь его план разработан заранее, но достоинство главнокомандующего не позволяло ему раскрывать подробности перед армией и кабинетом министров, объединяемых в лице Билли Боуэрс. За свое присоединение к делу освобождения несчастной зеленой страны я получал три доллара в день. Каждую субботу я становился на пароходе во фронт, и О'Коннор вручал мне следуемые мне двадцать один доллар.

Мы высадились в городе Гвашверите или что-то в этом роде. Чертовски трудно выговаривать эти имена. Но сам город выглядел очень красиво с моря, когда мы к нему подплывали. Он был весь белый, с зелеными фалборами и с кружевными воланами на подоле, когда прибой разбивался о песчаный берег. Город выглядел удивительно мирным.

Мы должны были подвергнуться всяким карантинным и таможенным неприятностям, а затем О'Коннор повел меня

к оштукатуренному домику на улице, носящей название «Проспекта печальных бабочек». Проспект был шириною в десять футов и весь был усыпан окурками сигар.

— Хулиганский переулок, — сказал я, давая проспекту более подходящее название.

— Здесь будет наша штаб-квартира, — сказал О'Коннор. — Мой здешний агент, дон Фернандо Пачеко, нанял этот дом для нас.

Таким образом, в этом доме мы установили революционный центр. В передней комнате у нас для отвода глаз были фрукты, гитара и столик. В задней комнате стоял письменный стол О'Коннора, и в свертке соломенного мата был спрятан его меч. Спали мы в гамаках, которые подвешивали к стене, а обедали в гостинице «Ангелы», которую владелец-немец вел на американский лад, с китайским поваром.

Кажется, у О'Коннора действительно, была разработана заранее какая-то система. Он писал кучу писем, и почти каждый день в штаб-квартиру заходило несколько знатных туземцев, которые запирались на полчаса в задней комнате с О'Коннором и переводчиком. Я заметил, что когда они входили в комнату, то всегда курили огромные сигары и были настроены самым миролюбивым образом. Когда же они выходили, они обыкновенно складывали десяти или двадцатидолларовые билеты и страшно ругали правительство.

Однажды вечером, после того как мы прожили в Гвая... — ну, в этом морском городишке — около месяца, мы сидели с О'Коннором за воротами и потягивали лимонад с ромом. Я ему говорю:

— Простите патриота, который в точности не знает, какое дело он защищает, за нескромный вопрос, в чем состоит ваш план подчинения этой страны? Намереваетесь ли вы повергнуть ее в кровопролитие или хотите мирно и честно купить голоса на выборах?

— Боуэрс, — сказал он, — вы милый, хороший человек, и я хочу ваши способности применить после нашей победы. Но вы ничего не смыслите в политике. Мы уже раскинули целую сеть стратегических пунктов, и она невидимой рукой будет стянута у горла тирана Кальдераса. Агенты наши работают в каждом городе республики. Либеральная партия должна победить. В наших тайных списках значится достаточно имен, симпатизирующих нам, так что мы сможем одним ударом раздавить правительственные силы.

— И кто все это устроил? — продолжал О'Коннор. — Я устроил. Я всем распоряжался. Мои агенты сообщили мне, что время назрело. Народ стонет под тяготами налогов и пошлин. Кто будет их вождем, когда они восстанут? Может ли быть другой вождь, кроме меня? Как раз вчера Зальдас, наш представитель в округе Дураснас, передавал мне, что народ втайне уже называет меня «Дверью освобождения». Это испанская манера называть так «Освободителя».

— Я видел, как Зальдас, выходя от вас, засовывал желтый билет в жилетный карман, — сказал я. — Может быть, вас и называют «Дверью освобождения», но они обращаются с вами так, как будто вы являетесь дверью банка. Но будем надеяться на худшее.

— Конечно, это стоит денег, — сказал О'Коннор. — Но через месяц страна будет в наших руках.

По вечерам мы гуляли на площади, слушали оркестр и разделяли скудные удовольствия населения. В городе было тринадцать экипажей, принадлежавших лицам высшего класса и представлявших собою старомодные рыдваны. Они ехали посередине площади, вокруг недействующего фонтана, и сидевшие в них аристократы поднимали свои цилиндры при встречах со знакомыми. Народ разгуливал кругом босиком и попыхивал длинейшими сигарами. И самой внушительной особой во всем этом сборище был О'Коннор. Он был ростом выше шести футов, в нью-йоркском костюме, с орлиным взором, с черными усами, щекотавшими его уши. Он был врожденным диктатором, царем, героем человечества. Мне казалось, что все взоры были устремлены на О'Коннора, что все женщины были в него влюблены, что все мужчины его боялись. И я сам в эти минуты чувствовал себя важным гидальго Южной Америки.

— Обратите внимание, — сказал мне О'Коннор в то время, как мы разгуливали по площади, — на эту толпу. Посмотрите на их угнетенный, меланхоличный вид. Вы разве не видите, что они готовы возмутиться? Вы разве не замечаете, как они восстановлены против правительства?

— Нет, не замечаю, — ответил я. — Я начинаю понимать этот народ. Когда они выглядят несчастными, это значит, что они веселятся. Когда они чувствуют себя несчастными, они идут спать. Они не из тех народов, которые находят интерес в революциях.

— Они все встанут под наши знамена, — сказал О'Коннор. —

В одном этом городе три тысячи человек возьмутся за оружие, когда будет дан сигнал. Меня в этом уверили. Но все еще держится в секрете. Мы не можем проиграть.

В Хулиганском переулке, как я называл проспект, где находилась наша штаб-квартира, был ряд низеньких оштукатуренных домиков с красными черепичными крышами, несколько соломенных хижин, полных индейцами и собаками, и немного дальше двухэтажный деревянный дом с балконами. Там жил генерал Тумбало, комендант города и командующий войсками. Напротив, через улицу, был частный особняк, напоминавший своей постройкой не то духовую печь, не то складную кровать. Однажды, когда О'Коннор и я проходили мимо этого дома по так называемому тротуару, из окна упала большая красная роза. О'Коннор, шедший впереди, схватывает ее, прижимает к пятому ребру и отвешивает поклон до земли. Клянусь! Ирландский театр много потерял, что этот человек не пошел на его подмости.

Проходя мимо окна, я взглянул в него, и передо мною мелькнуло белое платье, пара больших жгучих черных глаз и сверкавшие зубы под черной кружевной косынкой.

Когда мы вернулись домой, О'Коннор начал расхаживать взад и вперед по комнате и крутить усы.

— Вы видели ее глаза, Боуэрс? — спросил он меня.

— Видел, — сказал я, — и видел еще нечто большее. Теперь все идет как в романе. Я все время чувствовал, что чего-то не хватает. Теперь я понял, что не хватало любви. Наконец-то у нас глаза чернее ночи и роза, брошенная через решетку окна. Что же дальше будет? Подземный ход — перехваченное письмо — преданный герой, брошенный в темницу, — таинственная весточка от сеньориты — затем восстание — бой на площади...

— Не дурите, — прервал меня О'Коннор. — Для меня существует только одна женщина в мире, Боуэрс. О'Конноры так же быстры в любви, как в сражении. Я эту розу буду носить на сердце, когда поведу в бой свои войска. Чтобы выиграть битву, всегда нужна женщина для придания силы.

— Если вы хотите хорошей драки, то без женщины не обойтись, — согласился я. — Меня только одно беспокоит. В романах светловолосый друг героя всегда бывает убит. Вспомните все романы, которые вы читали, и вы увидите, что я прав. Я думаю сходить в аптекарский магазин и купить краску для волос раньше, чем война будет объявлена.

— Как мне узнать ее имя? — проговорил О'Коннор, держась рукой за подбородок.

— Почему бы вам не перейти через улицу и не спросить ее? — сказал я.

— Я думаю, вы никогда не сумеете серьезно смотреть на жизнь, — сказал О'Коннор строгим тоном школьного учителя.

— Может быть, роза была предназначена, мне, — сказал я, насвистывая испанское фанданго.

Первый раз с тех пор, как я познакомился с О'Коннором, я увидел его смеющимся. Он вскочил, прислонился к стене, залился таким громким смехом, что черепицы на крыше задрожали. Он подошел к зеркалу, посмотрелся в него и снова захохотал. Затем он взглянул на меня и опять покатился со смеху. Поэтому-то я тебя и спросил, есть ли у ирландца чувство юмора. С того дня, как я познакомился с ним, он разыгрывал фарс, не подозревая об этом, и смотрел на него, как на драму.

На следующий день он вернулся домой с торжествующей улыбкой и стал вытаскивать из кармана листок бумаги.

— Я узнал ее имя, — сказал О'Коннор и прочел что-то вроде следующего: — Донна Изабелла Антония Инес Лолита Карерас-Буэнкаминос-Монтелеон. Она живет с матерью, — пояснил О'Коннор. — Ее отец был убит в последнюю революцию. Она, наверное, сочувствует нашему делу.

И, действительно, на следующий день она бросила маленький букет роз прямо через улицу к нашим дверям. О'Коннор нырнул за ним и нашел вокруг стеблей кусочек бумаги с написанной на нем испанской фразой. О'Коннор притащил переводчика и велел ему перевести. Переводчик почесал затылок и предложил нам на выбор три варианта: «Счастье имеет лицо воина»; «Счастье похоже на смелого человека» и «Счастье благоприятствует смелому». Мы остановились на последнем толковании.

— Понимаете? — сказал О'Коннор. — Она меня подбадривает, чтобы я мечом спас ее страну.

— Мне это кажется, скорее, приглашением к ужину, — сказал я.

И, таким образом, сеньорита за решетчатым окном опустила одну или две оранжереи, выбрасывая каждый день букет цветов. А О'Коннор выпячивал грудь и клялся, что завоюет ее славными подвигами на поле брани...

Понемногу революция начала назревать. Однажды О'Коннор отводит меня в заднюю комнату и сообщает мне весь план.

— Боуэрс, — говорит он, — через неделю, в двенадцать часов, начнется борьба. Вам угодно было высмеивать мой проект, потому что вы не могли себе представить, что он выполним. Но для такого храброго, интеллигентного, незаурядного человека, как я, все возможно. Во всем свете, — говорит он, — О'Конноры правили всегда мужчинами, женщинами и нациями. Подчинить же такую маленькую страну, как эта, совершенный пустяк. Вы сами видите, что здесь за жалкие людишки. Я один легко справлюсь с четырьмя из них.

— Не сомневаюсь, — сказал я. — Но можете вы справиться с шестью? А предположите, что они бросят на вас целую армию из семнадцати человек.

— Слушайте, — сказал О'Коннор, — как все произойдет. В следующий вторник, в полдень, двадцать пять тысяч патриотов восстанут во всех городах республики. Правительство окажется совершенно неподготовленным. Общественные здания будут захвачены, регулярная армия взята в плен, и составлено новое правительство. В столице будет немного труднее ввиду того, что большая часть войска квартирует там. Солдаты займут дворец президента, укрепленные правительственные здания и смогут выдержать осаду. Но в самый день восстания, как только на местах будет одержана победа, из всех городов выступят наши отряды к столице. Весь план так хорошо разработан, что абсолютно невозможно, чтобы мы проиграли. Я сам отсюда поведу отряд. Новым президентом будет синьор Эспадас, который теперь состоит министром финансов в нынешнем кабинете.

— А вы кем будете? — спросил я.

— Было бы странно, — ответил, улыбаясь, О'Коннор, — если бы мне не предложили на серебряном блюде любое место на выбор. Я был душою всего этого плана, а когда вспыхнет бой, думаю, что я не окажусь в задних рядах. Кто устроил так, что можно было тайком перевезти сюда оружие для наших отрядов? Разве не я, перед отъездом из Нью-Йорка, устроил это дело с тамошней фирмой? Мои агенты уведомили меня, что двадцать тысяч винтовок были выгружены месяц тому назад в секретном месте на берегу и распределены по городам. Я говорю вам, Боуэрс, игра уже выиграна.

Этот разговор поколебал мое неверие в серьезность замыслов ирландского искателя приключений. Видно было, что патриотические жулики не теряли время даром. Я начал взирать на О'Коннора с большим почтением и стал придумывать себе мундир для должности военного секретаря.

Настал вторник — день, назначенный для восстания. О'Коннор сказал, что восстание начнется по условленному сигналу. На берегу, около национальных складов, находилась старая пушка. Ее тайком зарядили, и ровно в двенадцать часов должен был быть произведен выстрел. Революционеры немедленно должны были взяться за спрятанное оружие, напасть на комендатуру и занять таможду и все правительственные здания.

Я нервничал все утро. К одиннадцати часам О'Коннор пришел в возбуждение, и им овладел воинственный дух. Он размахивал отцовским мечом и шагал взад-вперед по комнате, как лев в зоологическом саду. Я выкурил дюжины две сигар и решил сделать на форменных брюках желтые лампасы. *

В половине двенадцатого О'Коннор попросил меня пройтись по улицам, чтобы посмотреть, есть ли признаки готовившегося восстания. Я вернулся через четверть часа.

— Вы что-нибудь слышали? — спросил О'Коннор.

— Слышал, — ответил я. — Сперва я принял это за звуки барабана. Но я ошибся. Это был храп. Все в городе спят.

О'Коннор вытащил свои часы.

— Дураки! — сказал он. — Они выбрали как раз время отдыха, когда все спят. Но пушка их разбудит. Все будет в порядке. Поверьте.

Ровно в двенадцать часов мы слышим выстрел из пушки — бум! — от которого задрожал весь город.

О'Коннор с мечом в руке выпрыгивает на улицу. Я дохожу до дверей и останавливаюсь.

Люди высовывают головы из окон и дверей. И тут им представилась картина, заставившая их всех онеметь.

Комендант, генерал Тумбало, скатился со ступеней своего палатца, размахивая пятифутовой саблей. На нем была треуголка с плюмажем и парадный мундир с золотой тесьмой и пуговицами. Небесно-голубая пижама, сапог на одной ноге и красная плюшевая туфля на другой дополняли его наряд.

Генерал слышал пушечный выстрел и, запыхавшись, бежал по направлению к казармам так скоро, как ему позволял его внушительный вес.

О'Коннор видит его, испускает боевой клич и, высоко подняв отцовский меч, бросается через улицу на неприятеля.

И здесь, на самой улице, генерал и О'Коннор дают представление кузнечного мастерства. Искры летят от клинков, генерал рычит, а О'Коннор потрясает воздух ирландскими воинственными криками.

Но вот генеральская сабля ломается надвое, и генерал улепетывает, крича на ходу: «Полиция! полиция!» О'Коннор, обуреваемый жадой убийства, гонится за ним, на протяжении квартала, отрубая отцовским оружием пуговицы с фалд генеральского мундира. На углу пять босоногих полисменов в рубахах и соломенных шляпах набрасываются на О'Коннора и умиряют его согласно полицейскому уставу.

По дороге в тюрьму его пронесли мимо бывшей революционной штаб-квартиры. Я стоял в дверях. Четыре полисмена держали его за руки и за ноги и тащили по траве на спине, как черепаху. Два раза они останавливались, и запасной полисмен сменял одного из товарищей, чтобы дать ему покурить. Великий полководец повернул голову и взглянул на меня, когда его тащили мимо нашего дома. Я вспыхнул и поспешил заняться сигарой. Процессия прошла мимо, и в десять минут первого весь город снова заснул.

Вечером зашел переводчик и улыбнулся, когда положил руку на большой красный кувшин, в котором мы обыкновенно держали воду со льдом.

— Торговец льдом не заходил сегодня, — сказал я. — Ну, как дела, Санчо?

— Ах, да, — сказал переводчик. — Я только что слышал разговоры в городе. Очень плохо, что сеньор О'Коннор дрался с генералом Тумбало. Да. Генерал Тумбало великий человек.

— Что сделают с мистером О'Коннором? — спросил я.

— Я поговорил с судьей, — сказал Санчо. — Он сказал мне: «Очень плохо, что американский сеньор хотел убить генерала Тумбало». Он сказал еще: «Сеньор О'Коннор просидит в тюрьме шесть месяцев. Потом его будут судить и расстреляют». Очень печально.

— А как же насчет революции, которая должна была произойти? — спросил я.

— О, — ответил Санчо, — я думаю, слишком жаркая погода для революции. Революцию лучше устраивать зимой. Может быть, этак будущую зиму.

— Но ведь был пушечный выстрел, — сказал я. — Сигнал был дан.

— Этот громкий звук? — усмехнулся Санчо. — Это взорвался холодильник на заводе льда... И разбудил весь город... Очень печально... Не будет льда в такие жаркие дни.

Вечером я прошел к тюрьме, и мне дали поговорить с О'Коннором через решетку.

— Какие новости, Боуэрс? — сказал он. — Взяли мы город? Я весь день ждал спасательного отряда. Я не слышал никакой стрельбы. Получены известия из столицы?

— Не волнуйтесь. Барни, — сказал я. — Я думаю, произошло изменение в плане. Теперь у нас более важная тема для разговора. Есть у вас деньги?

— Нет, — сказал О'Коннор. — Последний доллар пошел вчера на уплату нашего счета в гостинице. Захватили ли наши отряды таможенную? Там, должно быть, много правительственных денег.

— Выбросьте всякую мысль о битвах, — сказал я. — Я навел справки. Вас расстреляют через шесть месяцев за нападение на генерала. Меня ждет наказание — пятьдесят лет принудительных работ за бродяжничество. Вам полагается во все время вашего пребывания в тюрьме только вода. В отношении пищи вы зависите от ваших друзей. Я посмотрю, что я могу сделать.

Я пошел домой и нашел в старой жилетке О'Коннора серебряный чилийский доллар. Я принес ему к ужину жареную рыбу и риса. Утром я прошел к лагуне, напился воды и отправился в тюрьму. По выражению глаз О'Коннора я понял, что он жаждал пива и бифштекса.

— Барни, — сказал я, — я нашел бассейн самой чистой, вкусной, чудной воды. Если желаете, я принесу вам целое ведро, и вы можете вылить из окна эту правительственную дрянную воду. Я готов сделать для друга все, что могу.

— Так вот до чего дошло! — зарычал О'Коннор, в ярости шагая взад и вперед по камере. — Меня хотят уморить голодом, а потом расстрелять? Эти предатели почувствуют тяжесть руки О'Коннора, когда я выйду отсюда! — Затем он подошел к решетке и заговорил более мягко. — Вы ничего не слышали о донне Изабелле? — спросил он. — Если все в

мире изменяет, то ее глазам я верю. Она найдет способ освободить меня. Как вы думаете, вам удастся переговорить с ней? Одно ее слово — даже только роза — облегчит мою печаль. Но только говорите с ней как можно деликатнее, Боуэрс. Эти знатные кастильцы очень гордые и щепетильные.

— Вы дали мне блестящую мысль, Барни, — сказал я. — Я зайду к вам потом. Нужно устроить что-нибудь как можно скорее, или мы оба умрем с голода.

Я вышел и отправился в Хулиганский переулочек, на противоположную сторону от нашего дома. Когда я проходил мимо окна донны Изабеллы Антонии Регалии, из окна, как обыкновенно, вылетела роза и задела мое ухо.

Дверь была открыта. Я снял шляпу и вошел. В комнате не было очень светло, но я увидел, что она сидела в качалке у окна и курила сигару. Когда я подошел ближе, я заметил, что ей было около тридцати девяти лет и о невинности говорить не приходилось. Я уселся на ручку кресла, вынул сигару из ее рта и похитил поцелуй.

— Алло, Иззи, — сказал я. — Простите мою фамильярность, но у меня такое чувство, будто я вас знаю уже целый месяц. Чья будет Иззи?

Донна спрятала голову под кружевную мантилью, и я опасался, что она завизжит. Но она через секунду вынырнула и проговорила:

— Я любить американцы.

Как только я услышал эти слова, я знал, что О'Коннор и я будем сыты в этот день. Я придвинул стул к ее креслу, и через полчаса мы были обручены. Тогда я встал, взял шляпу и сказал, что должен на время уйти.

— Ты вернуться? — с тревогой спросила Иззи.

— Я пойду за священником, — оказал я. — Вернусь через двадцать минут. Мы сегодня повенчаемся. Что ты на это скажешь?

— Повенчаться сегодня? — сказала Иззи. — Хорошо!

Я отправился в хижину консула Соединенных Штатов. Это был седоватый господин в закопченных очках, длинный и тощий. Когда я вошел, он играл в шахматы.

— Простите, что я вас прерываю, — сказал я. — Но не можете ли вы мне сказать, каким образом можно быстро обвенчаться?

Консул встал.

— Мне думается, у меня было право на совершение обряда год или два тому назад, — сказал он. — Я посмотрю и...

Я схватил его за рукав.

— Не смотрите, — сказал я. — Брак всегда является как бы лотереей. Я готов идти на риск, что ваше право еще действует.

Консул отправился со мною в Хулиганский переулок. Иззи позвала свою мамашу, но старая леди была занята ощипыванием курицы в кухне и просила извинить ее отсутствие. Иззи и я встали рядом, и консул совершил брачный обряд.

В этот вечер миссис Боуэрс состряпала шикарный ужин из тушеной курицы, печеных бананов, фрикасе из красного перца и кофе. После этого я уселся в качалку у окна, а счастливая Иззи села на пол, перебирая струны гитары.

Вдруг я подскочил с места. Я совершенно забыл О'Коннора. Я попросил Иззи собрать для него как можно больше еды.

— Для этот большой, некрасивый мужчина? — спросила Иззи. — Но все равно — он твой друг.

Я вытащил розу из большой вазы и отправился с корзиной провизии в тюрьму. О'Коннор ел с жадностью голодного волка. Потом он вытер лицо шелухой банана и спросил: — Вы ничего не слышали о донне Изабелле?

— Тс-с! — сказал я, просовывая розу между перекладинами решетки. — Это она вам посылает. Она просит не падать духом. С наступлением темноты двое замаскированных людей принесли эту розу к развалинам замка в апельсиновой роще. Как вам понравилась курятина, Барни?

О'Коннор прижал розу к губам.

— Это для меня дороже всей еды на свете, — сказал он. — Но ужин был замечательный. Где вы его раздобыли?

— Я взял его в кредит в гастрономическом магазине, — сказал я. — А теперь почивайте. Все, что может быть сделано, я сделаю.

Так шли дела в течение нескольких недель. Иззи была замечательной поварихой, и, будь у нее немного более уравновешенный характер и кури она немного лучший сорт сигар, может быть, дело повернулось бы иначе. Но я начал в это время скучать по настоящим американкам и по трамваям. Я не уезжал только потому, что считал долгом приличия остаться и присутствовать при расстреле О'Коннора.

Однажды наш прежний переводчик завернул ко мне и, просидев около часа, заявил, что его послал судья с просьбой, чтобы я зашел к нему. Я отправился к нему в канцелярию, в лимонную рощу, на краю города, и здесь меня ожидал сюрприз. Я думал увидеть одного из обычных туземцев, с лицом цвета корицы, в широкополой шляпе. На самом деле я увидел злосчастного джентльмена в мягком кожаном кресле, читавшего английский роман. С помощью Иззи я заучил несколько испанских слов и приветствовал его на чистейшем андалузском диалекте:

— Buenas días, señor. Я...

— Пожалуйста, садитесь, мистер Боуэрс, — ответил он мне на английском языке. — Я восемь лет провел в вашей стране, в университете. Позвольте мне приготовить вам крушон. Как вам — с лимонной коркой или без?

Мы проболтали с ним около получаса. А затем он мне сказал:

— Я вызвал вас, мистер Боуэрс, чтобы сообщить вам, что вы можете забрать вашего друга, мистера О'Коннора. Конечно, мы для вида должны были его наказать по случаю его нападения на генерала Тумбало. Решено освободить его завтра вечером. Вас обоих доставят на борт торгового парохода «Путешественник», который стоит в гавани и отправляется в Нью-Йорк. Насчет вашего переезда все устроено.

— Одну минутку, судья, — сказал я. — Эта революция...

Судья откинулся в кресле и покатился со смеха.

— Ведь все это было шуткой, — сказал он, немного успокоившись, — устроенной судейскими служащими и другими чиновниками. Весь город помирает от смеха. Служащие притворялись заговорщиками и вытянули из сеньора О'Коннора его деньги. Это очень забавно.

— Очень, — сказал я. — Если позволите, я еще налью стаканчик крушона.

На следующий вечер с наступлением темноты несколько солдат привели О'Коннора на берег, где я его ожидал под кокосовой пальмой.

— Тс! — шепнул я ему на ухо. — Донна Изабелла устроила наш побег. Ни слова!

Нас доставили в лодке на маленький пароход, пахнущий кухонным чадом.

Большая, блестящая, тропическая луна взошла, когда наш пароход отплыл. О'Коннор прислонился к перилам и молча взирал на удалявшуюся, как ее... Гваю.

В руке у него была красная роза.

— Она будет ждать, — промолвил он. — Такие глаза, как ее, не могут обманывать. Я ее снова увижу. Никакие предатели не смогут удержать О'Коннора.

— Вы говорите так, как будто ожидается продолжение романа. Но будьте добры, во второй части пропустите светловолосого друга, который украдкой приносит герою в темницу съестные припасы.

И, таким образом, вспоминая пережитое, мы добрались до Нью-Йорка.

Когда Билли Боуэрс кончил свой рассказ, наступило молчание, прерываемое только уличным шумом.

— Вернулся О'Коннор в ту страну? — спросил я.

— Заветное его желание исполнилось, — ИЛ Билли. — Хочешь со мной немного пройтись? Я тебе покажу.

Он повел меня через два квартала, затем вниз по ступенькам, и мы очутились на центральной станции подземной железной дороги. Сотни людей стояли на платформе.

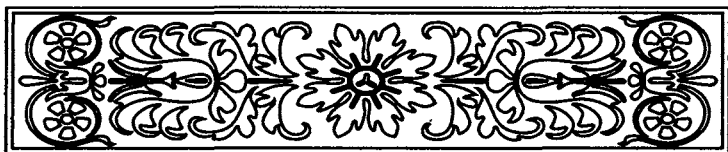
Городской экспресс примчался и остановился. Он был переполнен. Еще большая толпа бросилась к нему.

В самую гущу свалки бросился широкоплечий, великолепный атлет. Обеими руками он схватывал мужчин и женщин и швырял их, как лилипутов, в открытые двери поезда.

Иногда пассажир с чувством оскорбленного самолюбия оборачивался к нему, желая сделать ему выговор. Но вид синего мундира на гигантской фигуре, свирепый блеск его глаз и сильное нажатие его рук невольно смыкали уста.

Когда поезд наполнился пассажирами, атлет выказал свою особенную способность в качестве правителя людей. Коленами, локтями, плечами, ногами он подталкивал, поднимал, протискивал излишек пассажиров в вагоны. А затем экспресс умчался, и шум колес заглушался визгами, стонами, мольбами, проклятиями несчастных пассажиров.

— Это он. Не правда ли, он изумителен? — с восторгом сказал Билли. — Тропическая страна была не для него. Я желал бы, чтобы наш знаменитый драматург Ричмонд Дэвис увидел бы его. О'Коннор должен быть увековечен.

АТАВИЗМ ЛИТТЛ-БЭРА¹

Я увидел свет в комнате Джеффа Питерса, над аптекарским магазином. Я не знал, что Джефф в городе, и поспешил к нему. Это был человек на все руки, имевший сотни занятий и при желании умевший рассказать историю о каждом из них.

Я застал Джеффа за упаковкой чемодана для поездки во Флориду, куда он собирался, чтобы взглянуть на апельсиновую рощу, которую он месяц тому назад обменял на рудоносный участок на Юконе. Он ногой придвинул мне стул со своей всегдашней насмешливой улыбкой на продувном лице. Прошло восемь месяцев с тех пор, как мы виделись последний раз, но он поздоровался со мной так, как будто мы расстались только вчера. Для Джеффа время не играет никакой роли.

Некоторое время разговор вертелся вокруг неинтересных предметов и наконец перешел на вопрос о положении на Филиппинских островах.

— Гораздо лучше было бы для всех этих тропических народов, — сказал Джефф, — если бы им дали автономию. Тропический человек знает, что ему нужно. Ему нужно только годовой билет на петушинные бои и патентованную лестницу для влезания на хлебные деревья. А англосаксы хотят заставить его правильно спрягать английские глаголы и носить подтяжки. Поверьте, он был бы счастливее, если бы ему дали жить, как он хочет.

Я был возмущен.

— Образование, брат, — сказал я, — лозунг нашего века. Со временем мы их поднимем до уровня нашей цивилизации. Смотрите, как образование изменило индейцев.

— Ого! — запел Джефф, зажигая трубку (что было хорошим признаком). — Действительно, индейцы! Никак не мо-

¹ О. Генри считал этот рассказ лучшим среди рассказов Джеффа Питерса, вошедших в сборник «Благородный жулик».

гу смотреть на краснокожих как на носителей культуры. Как ни старайтесь, но вы не сможете сделать из них англо-саксонцев. Я вам не рассказывал, как мой друг Джон Том Литтл-Бэр¹ вкусил плодов прозвещения и культуры, а потом в один миг откатился к тому веку, когда Колумб был мальчуганом? Я не рассказывал?

Джон Том Литтл-Бэр был образованным индейцем и моим давнишним приятелем. Он окончил один из высших футбольных колледжей, которые с таким успехом научили индейцев использовать футбольный мяч, вместо того чтобы сжигать жертвы у столба.

Джон Том и я подружились и решили изготавливать лекарства. Это было законное благородное мошенничество, и мы могли работать потихоньку, так, чтобы не раздражать полиции. У нас было около пятисот долларов, и мы решили их приумножить, как это делают все почтенные капиталисты.

Мы придумали план, который должен был принести столько же выгоды, как лотерея, и был так же честен, как рекламы акционерных обществ по золотым приискам. И через месяц мы уже мчались в Канзас в красном фургоне, запряженном парой резвых лошадей. Джон Том превратился в предводителя Уши-Хип-До, известного индейского лекаря и начальника семи племен. Ваш покорный слуга, мистер Питерс, был управляющим делами и компаньоном. Нам нужен был третий человек, и мы нашли безработного — Конингэма Бинкли. Этот человек имел слабость к шекспировским ролям и мечтал об ангажементе в нью-йоркском театре на двести представлений. Но ему пришлось сознаться, что шекспировскими ролями он не мог прокормиться, и потому он решил удовольствоваться двухсотмильной поездкой в нашем фургоне. Кроме роли Ричарда III, он знал двадцать семь песенок, умел брэнчать на банджо и был согласен готовить нам пищу и смотреть за лошадьми.

Мы придумали много способов для выуживания денег. У нас было волшебное мыло, удаляющее с платьев жирные пятна вместе с кусками материи. Затем у нас было Сум-вата, великое индейское лечебное средство, приготовляемое из травы прерий. Название этой травы Великий Дух открыл во сне своим излюбленным лекарям, Мак-Гарриту и Зильберштейну, чикагским провизорам. Был еще способ выманива-

¹ Маленький медведь.

ния денег у канзасцев, страдающих из-за отсутствия универсальных магазинов. За пятьдесят центов мистер Питерс вручал дамам изящный пакет, завернутый в настоящий японский полусшелковый платок. В нем находились шелковые подвязки, сонник, дюжина французских булавок, зубная пломба — все это за пятьдесят центов.

Дела шли великолепно. Мы переезжали с места на место и мирно опустошали благодатный штат Канзас. Джон Том Литтл-Бэр, в полном костюме итальянского предводителя, собирал вокруг себя целые толпы народа. Во время своего пребывания в высшем футбольном колледже он приобрел достаточные познания по риторике и логике, и когда он, стоя в красном фургоне, красноречиво объяснял фермерам страшные болезни и целебные свойства индейского лекарства, то его помощник, Джефф Питерс, не мог достаточно скоро удовлетворить всех жаждущих иметь это снадобье. Однажды вечером мы расположились лагерем у небольшого городка к западу от Салины. Мы всегда разбивали лагерь около ручья, и на это у нас были свои причины. Иногда мы неожиданно быстро распродавали наше лекарство, и тогда предводителю Уши-Хип-До являлся во сне Великий Дух Маниту и приказывал ему наполнить несколько бутылок Сумвата из первого попавшегося ручья.

Было около десяти часов, и мы только что вернулись после уличного представления. Мы, как всегда, разбили палатку, и я при свете фонаря подсчитывал нашу дневную выручку. Джон Том еще не снял своего индейского наряда и сидел у костра, поджаривая на сковородке бифштексы, в то время как Бинкли кончал драматическую сцену с лошадьми.

Вдруг из-за темных кустов послышался треск, как от пестарды, и Джон Том ворча вытащил маленькую пулю, застрявшую в металлических украшениях на его груди. Джон Том прыгнул по направлению выстрела и вернулся, таща за шиворот мальчугана девяти или десяти лет, в бархатном костюмчике, с небольшим никелевым игрушечным ружьем в руке.

— Эй ты, малыш, — сказал Джон Том, — что ты выдумал стрелять из твоей гаубицы? Ты мог бы попасть кому-нибудь в глаз. Выйди-ка сюда, Джефф, и присмотри за бифштексами. Не дай им подгореть, пока я учиню допрос этому чертенку.

— Трусливый краснокожий, — сказал мальчуган, как бы цитируя одного из своих любимых авторов. — Посмей сжечь меня на костре, и белолицые сметут тебя с лица земли. А теперь пусти меня, или я скажу маме.

Джон Том поставил мальчугана на складной стул и уселся рядом с ним.

— Теперь скажи великому предводителю, — сказал он, — почему ты стрелял в него. Разве ты не знал, что ружье заряжено?

— Ты индеец? — спросил мальчуган, поглядывая на наряд Джона Тома.

— Да, индеец, — сказал Джон Том.

— Так вот поэтому я и стрелял, — ответил мальчик, размахивая ногой.

Я так залюбовался смелостью малыша, что мои бифштексы чуть не подгорели.

— Охо! — сказал Джон Том. — Я понимаю. Ты поклялся очистить весь материк от диких краснокожих. Ведь так, мальш?

Мальчуган кивнул головой.

— А теперь скажи, где твой вигвам, — продолжал Джон Том. — Где ты живешь? Твоя мама будет беспокоиться, что ты не вернулся. Скажи мне, и я провожу тебя домой.

Мальчуган усмехнулся.

— Ты не сможешь, — сказал он. — Я живу за тысячи, тысячи миль отсюда. — Он рукой обвел горизонт. — Я приехал на поезде, — сказал он, — совсем один. Я вышел здесь, потому что кондуктор сказал, что мой билет больше не действителен. — Внезапно он взглянул на Джона Тома с подозрением. — Держу пари, что вы не индеец, — сказал он. — Вы не говорите, как индейцы. На вид вы будто индеец, но индейцы умеют только говорить «много хорошо» и «белолицый умереть». Держу пари, что вы один из поддельных индейцев, которые продают лекарства на улицах. Я видел одного в Квинси.

— Это к делу не относится, — сказал Джон Том, — настоящий ли я индеец или сошел с этикетки сигарного ящика. Весь вопрос в том, что нам с тобой делать. Ты удрал из дома, начитавшись разных книг. И оскандалился тем, что стрелял в мирного индейца. Что скажешь на это?

Мальчуган на минуту задумался.

— Я вижу, что я ошибся, — сказал он. — Я должен был бы идти дальше на запад. Говорят, в ущельях еще встречаются дикие индейцы.

Маленький плутишка протянул руку Джону Тому.

— Пожалуйста, простите меня, сэра, — сказал он, — что я в вас стрелял. Надеюсь, я вас не ранил. Но вы должны быть осторожнее. Когда скаут видит индейца в белом наряде, его ружье не может бездействовать.

Литтл-Бэр громко захохотал, подбросил мальчугана высоко в воздух и посадил его себе на плечо, а маленький беглец с радостью стал перебирать пальцами орлиные перья на голове Джона Тома. По всему было видно, что с этой минуты Литтл-Бэр и мальчуган сделались закадычными друзьями. Мальчуган забыл свою вражду к индейцам, выкурил трубку мира с дикарем, и по его глазам было видно, что он мечтал о томагавке и о паре мокасин для себя.

Мы поужинали в палатке. Малыш смотрел на меня и на Бинкли, как на простых смертных, служивших только фоном для лагерной сцены. Во время ужина Литтл-Бэр спросил, как его зовут.

— Рой, — ответил мальчуган.

Но когда Джон Том начал спрашивать его фамилию и адрес, мальчик покачал головой.

— Я лучше не скажу, — сказал он. — Вы меня отправите обратно. Я хочу остаться с вами. Мне очень нравится жить в лагере. Дома я устраивал с мальчиками лагерь на нашем заднем дворе. Мальчики называли меня Рой Красный Волк. Так меня и зовите. Дайте мне, пожалуйста, еще кусок бифштекса.

Нам пришлось оставить мальчугана у себя. Мы знали, что где-то из-за него волнуются, что мама, дядя, тетка и начальник полиции горячо ищут его следы, но он упорно отказывался сообщить что-нибудь о себе.

Мальчуган стал главной приманкой нашего предприятия, и мы втайне надеялись, что родственники не найдутся. Во время торговли он находился в фургоне и передавал бутылки мистеру Питерсу с гордым и довольным видом. Однажды Джон Том спросил его об отце.

— У меня нет отца, — сказал он. — Он удрал и бросил нас. Мама очень много плакала.

Джон Том был за то, чтобы одеть мальчика как маленького предводителя и разукрасить его бусами и ракушками, но я запротестовал.

— Кто-то потерял этого мальчугана и ищет его. Я попробую какой-нибудь хитрый военный маневр. Может быть, мне и удастся узнать его адрес.

В этот вечер я подошел к костру, где сидел Рой, и презрительно на него посмотрел.

— Сникенвитцель! — сказал я таким тоном, как будто меня тошнило от этого слова. — Сникенвитцель! Тьфу! Если бы меня звали Сникенвитцель!

— Что с вами, Джефф? — спросил изумленный мальчуган, вытаращив на меня глаза.

— Сникенвитцель! — повторил я и сплюнул. — Я видел сегодня человека из твоего города, и он мне сказал, какая у тебя фамилия. Я не удивляюсь, что тебе стыдно было ее называть. Сникенвитцель! Фу!

— Да что с вами! — воскликнул с негодованием мальчик. — Меня совсем так не зовут. Моя фамилия Коньерс. Что с вами?

— И это еще не все, — продолжал я быстро, не давая ему опомниться. — Мы думали, что ты из приличной, хорошей семьи. Вот, например, мистер Литтл-Бэр — он предводитель ирокезов и имеет право носить по праздникам девять хвостов выдр. Профессор Бинкли — он играет Шекспира и на банджо. А я сам? У меня сотни долларов в черной жестянке в фургоне. И такие люди, как мы, не могут принимать к себе в общество бог знает кого. Этот человек мне рассказал, что твоя семья живет в маленьком переулке, где даже нет тротуаров, и что козы едят с вами за одним столом.

Мальчик чуть не заплакал.

— Враки, все враки! — закричал он. — Он не знает, что говорит. Мы живем на Поплар-авеню. Я не дружу с козами. Да что с вами?

— Поплар-авеню! — иронически произнес я. — Поплар-авеню! Нечего сказать, хорошая улица! В ней только несколько домов. Что ты мне толкуешь о Поплар-авеню!

— Она тянется на несколько миль, — сквозь слезы проговорил мальчик. — Наш дом — восемьсот шестьдесят второй, а за ним еще много домов. Я не понимаю, что с вами, Джефф? Ах, вы мне надоели!

— Ну, ну, успокойся, — сказал я. — Я вижу, что тот человек ошибся. Может быть, он говорил про какого-нибудь другого мальчика. Если я его поймаю, то я здорово его проучу, чтобы он не клеветал на людей.

А после ужина я отправился в город и протелефонировал миссис Коньерс, живущей в Квинси, на Поплар-авеню, дом 862, что сын ее с нами, жив и здоров и что мы его будем держать у себя до дальнейших распоряжений. Через два часа

пришел ответ, гласивший, что она приедет за сыном со следующим поездом и до тех пор просит держать его крепко.

Ближайший поезд прибывал на следующий день в шесть часов, и мы с Джоном Томом пошли на станцию, взяв с собою и мальчика. Вы напрасно бы искали великого предводителя Уши-Хип-До. Вместо него был мистер Литтл-Бэр в одеянии культурного англосаксонца. Сапоги были лакированные, и галстук завязан безукоризненно. Всему этому научился Джон Том в высшем футбольном коллежде вместе с метафизикой и прочими премудростями. Если бы не странный цвет его лица и не прямые черные волосы, его можно было бы принять за самого обыкновенного человека.

Поезд подкатил, и из него вышла маленькая женщина в сером, с ореолом пышных волос. Она быстро огляделась вокруг. Мальчик с криком «мама!» кидается к ней. Она кричит «о!», и они бросаются друг другу в объятия. И в эту минуту все краснокожие могли бы спокойно вылезти из своих пещер, не боясь ружья Роя Красного Волка. Миссис Коньерс подходит к нам и благодарит меня и Джона Тома без обычной для женщин экспансивности. Она как раз сказала столько, сколько было нужно, и с достаточной убедительностью. Я сделал неудачную попытку в разговорном искусстве, и леди дружески улыбнулась мне, как будто бы знакома была со мною целую неделю. Тут мистер Литтл-Бэр приплел несколько фраз, в которых сразу почувствовался образованный человек. Я видел, что мать мальчика пришла в некоторое недоумение, не зная, к какому обществу отнести Джона Тома.

Мальчик представил нас несколькими словами, которые были яснее длинных объяснений. Он приплясывал вокруг нас, хлопал нас по спине и старался вскарабкаться на Джона Тома.

— Это Джон Том, мама, — сказал он. — Он индеец. Он продает лекарство в красном фургоне. Я стрелял в него, но он не дикий индеец. Другого зовут Джефф. Он тоже факир. Пойдем, я покажу тебе лагерь, где мы живем. Хочешь, мама?

Видно было, что вся жизнь женщины заключается в этом ребенке. Он был опять около нее, и ей больше ничего не было нужно. Она готова была сделать все, что ему хотелось. Она колебалась восьмую долю секунды и снова взглянула на незнакомых ей людей. Я догадываюсь, что бы она сказала про Джона Тома: «Он кажется джентльменом, хотя волосы

его и прямые». А мистера Питерса она, вероятно, определила бы так: «Не женский кавалер, но человек, который знает женщин».

Итак, мы все дружно направились к лагерю. Она осмотрела фургон, погладила рукою место, где мальчуган обычно спал, и смахнула платком слезу с ресниц. Профессор Бинкли на одной струне банджо сыграл нам «Трубадура» и собирался перейти на монолог Гамлета, когда одна из лошадей запуталась в своей веревке, и он должен был пойти ее освободить.

Когда стемнело, мы отправились вчетвером в город, в гостиницу, и поужинали там. Я думаю, беда началась за ужином, когда мистер Литтл-Бэр начал выспренно выражаться. Я только молча внимал полету его мыслей. У этого краснокожего был дар слова. Я это всегда знал, но в этот вечер мне показалось, что я в первый раз слышу его красноречие. Поражал не предмет его разговора — он говорил о самых обыкновенных вещах: соборах, катарах, поэзии, футболе, стоимости багажа, — а манера его разговора, мягкий нежный акцент, с которым он произносил каждое слово. Миссис Коньерс, видимо, охотно его слушала, и они так и перекидывались элегантными фразами. А я только изредка вмешивался в разговор, прося передать мне масло или ножку цыпленка.

По-видимому, миссис Коньерс произвела большое впечатление на Джона Тома. Да она и была из того сорта женщин, которые могут нравиться. На нее было приятно смотреть, и вся ее манера подкупала в ее пользу.

Миссис Коньерс с мальчиком осталась ночевать в гостинице. Утром они хотели уехать домой. Мы просидели с ними до восьми часов, а затем до девяти продавали знаменитое индейское лекарство около городского сквера. Джон Том дал мне уехать с профессором к лагерю, а сам остался в городе. Мне этот план не особенно улыбался. Я из этого заключил, что Джон Том находился в расстроенных чувствах, а последствием этого могла явиться «огненная вода» и связанные с ней неприятности. Предводитель Уши-Хип-До не часто прибегал к огненной воде, но если это случалось то на долю белолицых в синих мундирах и с дубинками в руках доставалось немало хлопот.

В половине десятого профессор Бинкли завернулся в одеяло и мирно захрапел, а я остался сидеть у костра, при-

слушиваясь к лягушачьему концерту. Мистер Литтл-Бэр тихо проскользнул в лагерь и уселся под дерево. Не было признаков, что он прибежал к огненной воде.

— Джеффи, — сказал он после долгого молчания, — мальчуган пробрался на запад, чтобы преследовать индейцев.

— Ну а дальше? — спросил я, не понимая хода его мыслей.

— И он ранил одного индейца, — сказал Джон Том, — но не ружьем. И на нем не было бархатного костюма.

Тут-то я смекнул, в чем дело.

— Я понимаю, о ком ты говоришь, — сказал я. — О мальчике со стрелой, которого помещают на любовных письмах. Глупые люди, красные и белые, делают его жертвами.

— Про красных ты не ошибся, — спокойно сказал Джон Том. — Как ты думаешь, Джефф, за сколько лошадей я могу купить миссис Коньерс?

— Скандальный разговор! — ответил я. — У белолицых нет такого обычая.

Джон Том громко засмеялся и закурил сигару.

— Нет, конечно, — сказал он. — Белые люди выражают эту мысль иначе. Они спрашивают, сколько долларов нужно для женитьбы. О, я знаю. Непроходимая стена стоит между расами. Если бы я мог, Джефф, я поджег бы все высшие учебные заведения, в которых когда-либо получали образование краснокожие. Почему вы нас не оставляете в покое, — горячо воскликнул он, — с нашими плясками теней, собачьими пиршествами, грязными индианками, которые варили бы нам суп из акрида и штопали наши мокасины?

— Надеюсь, ты не хочешь сказать, что презираешь такое благодеяние, как образование, — возмущенно сказал я.

— Нисколько! — продолжал Литтл-Бэр. — Вы учите нас видеть красоту в литературе и жизни, показываете, как ценить благородство и красоту в мужчинах и женщинах. Что вы со мной сделали? — воскликнул он. — Вы сделали из меня передового ирокезца. Вы научили меня ненавидеть вигвамы и любить образ жизни белых людей. Я могу смотреть на обетованную землю, любоваться миссис Коньерс, но мне остается только... отказаться от такого счастья!

Литтл-Бэр, в своем индейском наряде, выпрямился во весь рост и снова захохотал.

— Но белолицые, — продолжал он, — дают средство забвения. Правда, оно временное, но все же приносит облегчение. Зовут его виски.

И прямо из лагеря он идет обратно в город.

«Теперь, — подумал я, — да хранит его в эту ночь Великий Дух Маниту!»

Было, может быть, около половины одиннадцатого, когда я услышал торопливые шаги по тропинке и увидел бегущую миссис Коньерс. Волосы ее были кое-как подобраны, а на лице было выражение, как будто за ней гнались грабители.

— О, мистер Питерс! — закричала она. — О! о!

Я сразу подумал, что тут замешан Джон Том, и сказал:

— Мы были как братья, я и этот индеец, но я в два счета покончу с ним, если...

— Нет, нет, — сказала она, ломая в отчаянии руки. — Литтл-Бэр тут ни при чем. Это... мой муж. Он украл моего ребенка. О, — сказала она, — и как раз когда я снова его нашла! Бессердечный человек! Что он только со мной не проделывал! Он меня заставлял пить. Бедный мой мальчик! В руках у этого дьявола!

— Как же все это случилось? — спросил я. — Я ничего не могу понять!

— Я устраивала ему постельку, — объяснила она, — а Рой играл на крыльце у гостиницы, когда муж подъехал к подъезду. Я услышала, как Рой завопил, и бросилась на улицу. Муж уже посадил его в кабриолет. Я умоляла его отдать мне мое дитя. Но вот что он сделал со мной. — Она повернула лицо к свету. Через всю щеку и рот шла багровая полоса. — Он ударил хлыстом, — сказала она.

— Вернитесь в гостиницу, — сказал я, — и мы посмотрим, что можно будет сделать.

По дороге она мне рассказала еще несколько подробностей. Когда он ударил ее хлыстом, он сказал ей, что он узнал, что она поехала за ребенком, и отправился в том же поезде. Миссис Коньерс жила в Квинси с братом, и они всегда оберегали мальчика, потому что ее муж неоднократно делал попытки его похитить. На мой взгляд, он был хуже всякого жулика. Он промотал все ее деньги, бил ее, убил даже ее любимую канарейку и рассказывал про нее всякие гадости.

В гостинице мы застали массовый митинг из пяти возмущенных граждан. Остальные жители города мирно спали уже с десяти часов. Я всячески старался успокоить миссис Коньерс и сказал ей, что с часовым поездом отправлюсь в ближайший город в сорока милях к востоку. Весьма веро-

ятно, что почтенный мистер Коньерс поехал туда, чтобы там сесть в поезд.

— Очень может быть, — говорю я, — что на его стороне законное право, но если я его настигну, я ему дам незаконный тумак в глаз и на день или на два выведу его из строя.

Миссис Коньерс идет в комнаты и плачет с хозяйкой гостиницы. Хозяин выходит на крыльцо в подтяжках и обращается ко мне:

— Я никогда так не волновался, как сегодня, разве только в тот день, когда жена Бедфорда Стигалла проглотила ящерицу. Я видел через окно, как он ударил ее хлыстом и как укатил с мальчиком. Сколько стоит костюм, который на вас? Мне кажется, что у нас сегодня будет дождь, как вы думаете? Скажите, доктор, этот ваш индеец сегодня вечером немножко того, напился? Он зашел сюда как раз до вашего прихода, и я ему рассказал, что случилось. Он как-то странно гикнул и убежал. Я так полагаю, что он очутится сегодня ночью в полицейском участке.

Я уселся на крыльцо и решил ждать часового поезда. На душе у меня было невесело. Меня беспокоило, что Джон Том загулял, да и дело с похищением мальчугана не давало мне спать. Но у меня вечные беспокойства за других. Каждые пять минут миссис Коньерс выходила на крыльцо и глядела на дорогу в том направлении, куда уехал кабриолет. Как будто она ожидала увидеть мальчика верхом на белом пони, с красным яблоком в руке. Не правда ли, совсем поженски?

Около четверти первого миссис Коньерс снова выходит, волнуется и плачет, снова глядит на дорогу и прислушивается.

— Сударыня, — говорю я, — вы совершенно напрасно прислушиваетесь. В это время они уже на полдороге к...

— Тише, — перебивает она меня, поднимая руку.

И я слышу в темноте приближающиеся шаги. Затем раздается боевой клич, самый страшный, который мне приходилось когда-либо слышать вне цирка, и на крыльцо вскакивает наш индеец. Лампа в сенях бросает на него свет, но я не могу признать в нем мистера Джона Тома Литтл-Бэра; окончившего высший футбольный колледж. Передо мной стоит дикий ирокез, и видно, что он вернулся из боевой схватки. Огненная вода и боевой пыл стерли в нем все следы культуры. Его лосина висит клочьями, и перья на голове

растрепались во все стороны. Мокасины покрыты пылью, а в глазах горит дикий огонь. Но в руках он держит мальчугана с полужакрытыми глазами, крепко обнявшего рукой шею индейца.

— Паппуз!¹ — говорит Джон Том, и я замечаю, что обороты речи белых людей вылетели из его головы. Он превратился в самого настоящего дикого краснокожего. — Мой приносить. — Говорит он и кладет ребенка в объятия матери. — Бежать пятнадцать миль, — говорит Джон Том. — Ух! Поймать белого человека. Приносить паппуза.

Маленькая женщина не помнит себя от радости. Она будит малыша, ласкает его и дает ему самые нежные прозвища. Я собираюсь расспросить Джона Тома, но взглядываю на него и вижу какой-то странный предмет у его пояса.

— Идите спать, сударыня, — говорю я, — и уложите вашего беглеца. Вы можете быть спокойны. Опасности больше нет никакой.

Я быстро увлекаю Джона Тома в лагерь, и когда он, падая от усталости, засыпает, я беру этот предмет из-за пояса и прячу его так, чтобы он не попадался на глаза культурным людям, потому что даже в высших футбольных колледжах не одобряется снятие скальпа.

Было десять часов утра, когда Джон Том проснулся и огляделся кругом. Я с радостью заметил в его глазах выраженные культурного человека.

— Что было вчера, Джефф? — спросил он.

— Огненная вода, — ответил я.

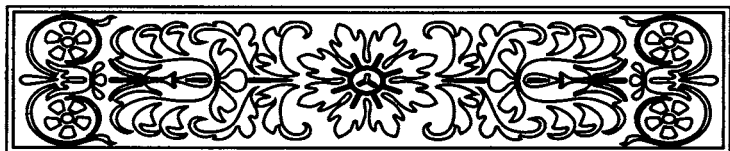
Джон Том нахмурил брови и призадумался.

— В соединении, — сказал он немного погодя, — с интересным физиологическим явлением, известным под названием атавизма. Я все вспомнил. Они уехали?

— Поездом семь тридцать, — ответил я.

— Ух! — вздохнул Джон Том. — Так лучше. Белолицый, принеси великому предводителю Уши-Хип-До немного сельтерской воды, и он снова возьмется за свое дело.

¹ Паппуз — по-индейски «маленький ребенок».

ВРАЧУ, ИСЦЕЛИСЯ САМ!

Эту историю рассказал мне Уильям Троттер на берегу у Агвас-Фрескас в то время, как я поджидал гичку, которая должна была доставить меня на борт торгового парохода «Андадор». Я неохотно покидал страну полуденного солнца, Уильям оставался и на прощанье рассказал мне страничку из своей жизни.

...

— Но было у вас желание вернуться в страну крахмальных воротничков? — спросил я его, когда мы сидели на песчаном морском берегу. — Вы, кажется, мастер на все руки и человек деятельный, — продолжал я. — Я уверен, что я мог бы найти для вас хорошее место где-нибудь в Штатах.

Уильям Троттер мне необычайно нравился. Это был бесхитростный мечтатель, оборванный, босоногий, и я не мог примириться с мыслью, что он пропадет в тропиках.

— Я не сомневаюсь, что вы могли бы многое сделать для меня, — сказал он, лениво отдирая кору от кусочка сахарного тростника. — Если каждый человек мог бы сделать для себя столько же, сколько он может сделать для других, то каждая страна в мире существовала бы тысячелетия вместо столетий.

Слова Уильяма Троттера давали пищу для размышления, но в это время мне пришла на ум другая мысль.

У меня был брат, которому принадлежали заводы — сахарный, хлопчатобумажный или что-то в этом роде. Он был неприлично богат и, как все богатые люди, относился с почтением к искусству. В нашем же семействе искусство было монополизировано мною, и я знал, что брат, Джемс, с радостью исполнит мое малейшее желание. Я попрошу у него место для Уильяма Троттера, скажем так, долларов на двести в месяц или приблизительно в этом роде. Я доверил Троттеру мои мысли и сделал ему широкие предложения. Он мне очень нравился и был оборван.

В то время как мы разговаривали, раздался треск ружей — пяти или шести. Выстрелы донеслись из барачков, где были казармы солдат республики.

— Слышите? — сказал Уильям Троттер. — Я вам расскажу относительно этого следующую историю.

Год тому назад я прибыл на этот берег с одним-единственным долларом. У меня и сегодня в кармане та же сумма. Я был вторым поваром на торговом судне, и в одно прекрасное утро меня, здорово живешь, высадили на этот берег только потому, что я накануне за обедом вымазал первому штурману лицо яичницей. Он изволил меня перед этим сильно ударить за то, что я в яичницу вместо соли положил хрен.

Меня без всяких церемоний выбросили из ялика, не причалив к самому берегу, и я, по колено в воде, добрал до берега и уселся под пальму. Вскоре ко мне подошел белый человек, красивой наружности, в белой одежде. Он был очень воспитан, но находился, по-видимому, под парами. Он подошел и сел рядом со мною.

Я заметил вдали от берега что-то вроде деревни на фоне красивого пейзажа — совсем как в кинематографе. Я, конечно, подумал, что это каннибальская деревушка, и размышлял, под каким соусом они съедят меня сегодня. Как я уже сказал, хорошо одетый мужчина уселся рядом со мною, и через каких-нибудь четыре минуты мы стали друзьями. Мы проболтали около часу, и он мне многое рассказал о себе.

Он был, по-видимому, образован и мог бы играть большую роль в жизни, но у него было пристрастие к спирту. Я вам не сказал, как его звали? Клиффорд Уэнрайт. Я не совсем понял причины, почему он оказался выброшенным в эту часть Южной Америки, но я и не расспрашивал его об этом. Это было его дело. Говорил он как живая энциклопедия, и у него были часы — серебряные, с механизмом, самые модные, но они не ходили.

— Я очень рад, что встретился с вами, — сказал Уэнрайт. — Я большой поклонник Бахуса, но моя голова работает как следует. И я не могу видеть, — сказал он, — как дураки правят миром.

— Я намекаю на президента этой республики, — продолжал он. — Его страна в отчаянном положении. Казначейство пусто, можно опасаться войны с Никамалой, и не будь та-

кой жаркой погоды, в каждом городе вспыхнула бы революция. Перед нами нация, находящаяся на краю гибели. Умный человек мог бы спасти ее от угрожающей ей судьбы в один день, издав нужные декреты и распоряжения. Президент Гомес ничего не смыслит в государственном управлении и в политике. Вы знаете Адама Смита?

— Дайте вспомнить, — сказал я. — В Техасе был одноухий человек, которого звали Смитом, но, мне кажется, имя его было...

— Я говорю об известном политико-экономе, — сказал Уэнрайт.

— Тогда не знаю, — ответил я. — Тот, о котором я говорю, не интересовался политикой — он ни разу не был арестован.

Уэнрайт еще долго кипятился и негодовал на то, что люди часто занимают положение, для которого они совсем не годятся. Затем он мне сказал, что собирается идти в летний дворец президента, который находится в четырех милях от Агвас-Фрескаса, и научить Гомеса искусству управлять республиками.

— Идемте со мною, Троттер, — сказал он, — и я покажу вам, что может сделать умный человек.

— Это что-нибудь принесет? — спросил я.

— Удовлетворение, — сказал он, — что спасли двухсоттысячное население от гибели и вернули его к благоденствию и миру.

— Великолепно, — сказал я. — Я пойду с вами. Я, правда, предпочел бы съесть теперь испеченного омара, но за такое великое дело можно и поголодать.

Уэнрайт и я отправились через город, и он остановился у пивной.

— Есть у вас деньги? — спросил он.

— Есть, — сказал я, выуживая из кармана серебряный доллар. — Я всегда выхожу из дома с достаточной суммой денег.

— Тогда выпьем, — сказал Уэнрайт.

— Только не я. Я в рот не беру ничего спиртного. В этом моя сила.

— А это как раз мой слабый пункт, — сказал он. — В чем же ваша слабость?

— В работе, — быстро ответил я. — Я очень прилежный, работающий, энергичный.

— Дорогой мой мистер Троттер, — сказал он, — мы с вами так давно знакомы, что я осмеливаюсь вам сказать, что вы лжете. У каждого человека есть свой слабый пункт. А теперь угостите меня стаканом рома, и мы пойдем к президенту Гомесу.

— Так вот, сэр, — продолжал свой рассказ Троттер, — мы и прошли четыре мили через природную оранжерею пальм, папоротников и прочей зелени, встречающейся в руф-гарденах¹, и подошли к летнему дворцу президента. Дворец был голубой и напоминал театральную декорацию.

Перед железной решеткой, окружавшей дом и сад, ждало более пятидесяти людей. Это были генералы, агитаторы, чиновники в золотых мундирах и граждане в брильянтах и в панамах. Все ждали аудиенции. В беседке перед дворцом мы могли видеть коричневого человека, который не торопясь, с прохладцей, завтракал на золотых блюдах. Я видел, что ожидавшая толпа собралась по делу, за распоряжениями и с просьбами, и боялся помешать.

Но Уэнрайт не смущаясь вошел в открытые ворота и прошел в беседку, где сидел президент, с таким самоуверенным видом, как будто он входил в знакомый ресторан. У меня было только семьдесят пять центов в кармане, и потому мне не оставалось ничего другого, как войти с ним.

Этот самый Гомес встал со стула, и вид у него был такой, как будто он собирался позвать на помощь стражу. Но Уэнрайт сказал ему несколько необычайно учтивых фраз, и через минуту мы все трое сидели за столом, и нас угощали кофеем, булками и котлетами из игуаны.

Затем Уэнрайт начал говорить, но президент прервал его.

— Вы совершили длинную прогулку, — сказал он. — Может быть, я могу предложить вам какие-нибудь прохладительные напитки?

— Рому, — сказал Уэнрайт.

— А мне сигару, — сказал я.

Так вот, сэр, они вдвоем проговорили около часа, а генералы и чиновники в золотых мундирах ждали за решеткой. Я молча курил и слушал, как Клиффорд Уэнрайт предлагал способ сделать из плохой республики хорошую. Я не особенно понимал специальные названия на непонятном ин-

¹ Сад на крышах ресторана.

тернациональном языке, но мистер Гомес слушал его с горячим вниманием. Уэнрайт вынул карандаш и исписал всю скатерть цифрами и сметами, говоря о ввозе и вывозе, о бюджете и концессиях, о налогах и таможенных пошлинах, вообще, о всех трюках, которые нужны для правительств. И когда он кончил, этот самый Гомес вспрыгнул, пожал ему руку и сказал, что он спас страну и народ.

— Вы будете награждены, — сказал президент.

— Могу я попросить... еще стаканчик рома? — сказал Уэнрайт.

— А мне сигару — покрепче, — сказал я.

Так вот, сэр, президент отправил меня и Уэнрайта обратно в город в экипаже, запряженном двумя клячами — самыми лучшими, которые нашлись в стране.

Уэнрайт мне очень нравился, но его губило его пристрастие к спиртным напиткам.

Однажды я заманил его на далекую прогулку, подальше от деревни, где на берегу речки стоял старый шалаш. В то время как он сидел на траве и разглагольствовал о мировой премудрости, которую он знал из книг, я с легкостью овладел им и связал ему руки и ноги кожаными ремнями, которые у меня были в кармане.

— Лежите смирно, — сказал я, — и размышляйте о превратностях жизни, пока я вернусь.

Я пошел в Агвас-Фрескас, в небольшую хижину, где жила необычайно умная девушка, Тимоти Карризо, со своей матерью. Красивее ее вы никогда не встречали. В штатах ее называли бы брюнеткой, но она была лучше всякой брюнетки. Я с ней был очень близко знаком. Я ей рассказал о моем друге Уэнрайте. Она дала мне две горсти коры — мне кажется, это была кализайя — и еще несколько трав, которые я должен был смешать с корой, и объяснила мне, что делать. Я должен был заварить чай из коры и трав и давать ему пить, и некоторое время должен был удерживать его от возможности пить ром. Я проделал это в течение двух недель, не отходя от него. Вы понимаете, он мне нравился. У нас у обоих не было ни цента, и Тимоти каждый день посылала нам козлятину, бананы и маисовый хлеб. Наконец, я достиг того, что Клиффорд Уэнрайт потерял всякий вкус к спирту. По вечерам, когда наступала прохлада, мы сидели с ним на крыше хижины Тимоти, пили безобидный кофе, ели рис и тушеных крабов и играли на аккордеоне.

К этому времени президент Гомес убедился, что совет, данный ему Клиффордом Уэнрайтом, был необычайно хорош и принес желанные результаты. Страна выходила понемногу из долгов, в казначействе уже было что записать, и население снова предалось ежедневному двухчасовому полуденному отдыху — вернейший признак общего благополучия.

Президент поэтому пригласил к себе в столицу Клиффорда Уэнрайта и сделал его своим личным секретарем с жалованьем в двадцать тысяч перуанских долларов в год. Да, сэр, такое большое содержание. Уэнрайт больше не пил — благодаря мне и Тимоти, и он стал жить припеваючи. Не забудьте, какое средство помогло — кора кализайи, смешанная с другими травами. Сварите чай и давайте по чайной ложке через каждые два часа. Можете на себе попробовать. Отбивает всякую охоту к вину.

Я уже вам говорил, что человек может сделать гораздо больше для других, чем для себя. Уэнрайт, благодаря своему уму, вывел целую страну из затруднения и поставил на ноги. А что он мог сделать для себя? А я без особого ума, но с некоторым характером и здравым смыслом, поставил его на ноги, потому что у меня не было того слабого пункта, которым он страдал. И...

Троттер остановился. Я взглянул на его обтрепанную одежду, на его загорелое, твердое лицо.

— Разве Уэнрайт не предлагал вам сделать что-нибудь для вас? — спросил я.

— Да, он мне предлагал очень хорошие места. Но мне пришлось бы покинуть Агвас-Фрескас, и поэтому я от них отказался... Видите, я только вскользь упомянул вам о той девушке, Тимоти. Мы с ней очень сошлись. Она была очень добрая. Что из того, что она жила в соломенной хижине и ходила с голыми ногами?

— Месяц тому назад, — продолжал Троттер, — она ушла. Я не знаю куда. Но...

— Вам лучше вернуться в штаты, — начал я снова уговаривать. — Я могу вам наверно обещать, что мой брат устроит вас на своем заводе, сахарном или хлопчатобумажном. Не знаю на каком.

— Я думаю, она вернулась к матери, — сказал Троттер, — в горы, в ту деревню, откуда она родом. Скажите мне, как будет оплачено то место, о котором вы говорите?

— Право, не знаю, — сказал я нерешительно, ничего не понимая в коммерческих делах. — Я думаю, пятьдесят или сто долларов в месяц... а может быть, и двести.

— Не забавно ли, — сказал Троттер, копя босыми ногами в земле, — как человек становится глуп, когда дело идет о том, как направить свой собственный челн? Я, например, не знаю. Конечно, я здесь не останусь. Но... я желал бы, чтобы вы видели Тимоти. У каждого человека свой слабый пункт.

Гичка с «Андадоры» приближалась к берегу, чтобы захватить капитана, судового комиссара и меня, единственного пассажира.

— Я гарантирую вам, — сказал я уверенно, — что мой брат будет вам платить семьдесят пять долларов в месяц.

— В таком случае, отлично, — сказал Уильям Троттер. — Я...

В эту минуту со стороны суши, из-за ослепляющих песков, донесся мягкий женский голос. Я увидел девушку с слегка желтоватым оттенком кожи. Она стояла и звала.

— Это она, — сказал Уильям Троттер, взглянув туда, откуда слышался голос. — Она вернулась! Я вам премного благодарен, но я не могу принять ваше предложение. Тем не менее большое спасибо. Разве не забавно, что мы не можем ничего сделать для себя, а делаем чудеса для других? Вы меня очень соблазнили вашими финансовыми предложениями. Но... у каждого из нас есть свой слабый пункт. Мой слабый пункт — Тимоти. — Троттер уже сделал несколько шагов от меня, но потом снова вернулся. — Я чуть не забыл попрощаться с вами. Это как-никак волнует, если неожиданно пропадают на месяц, а потом так же неожиданно возвращаются. Всего вам доброго. — Он пожал мне руку. — Да, помните эти ружейные выстрелы, которые мы недавно слышали в казармах? Я знал, что они обозначали, но не сказал вам тогда. Это взвод солдат расстрелял Клиффорда Уэнрайта за то, что он выдал государственные секреты Никамальской республике. Ну, конечно, был виноват ром. Он не удержался и снова запил. Я думаю, у нас у всех есть свои слабые пункты, и мы не можем помочь себе. Я должен идти — мой «слабый пункт» меня дожидается. Я очень охотно принял бы место у вашего брата, но... у нас у всех слабые пункты. Всего доброго!

...

Огромный черный кариб понес меня на спине через прибой к гичке. По дороге комиссар передал мне письмо, которое он в последнюю минуту получил на почте в Агвас-Фрескасе. Письмо было от брата. Он просил меня встретиться с ним в отеле в Новом Орлеане и принять место в его деле — сахарном или хлопчатобумажном — с годовым окладом в пять тысяч долларов.

Когда я прибыл в Новый Орлеан, я поспешил... как можно дальше от указанного отеля в захудалые меблированные комнаты. И, сидя у чердачного окошечка моей комнаты, я написал эту историю ради хлеба насущного.

МАРИОНЕТКИ

Полицейский стоял на углу Двадцать четвертой улицы и невероятно темного переулка, около того места, где надземная железная дорога пересекает улицу. Было два часа ночи; впереди, вплоть до самого рассвета, предвиделась одна холодная, сырая, жуткая тьма.

Человек в длинном пальто, с надвинутой низко на лоб шляпой и с каким-то предметом в руке, вышел бесшумно, но быстро из темного переулка. Полицейский окликнул его вежливо, но тем уверенным тоном, который всегда связан с сознанием своей власти. Поздний час, подозрительная репутация переулка, торопливость прохожего, его ноша — все это легко складывалось во «внушающие подозрения» обстоятельства, требовавшие со стороны полицейского выяснения.

«Подозрительный тип» тотчас же остановился и сдвинул шляпу на затылок. Свет электрических фонарей блеснул на бесстрашном, гладко выбритом лице с довольно длинным носом и уверенно глядевшими темными глазами. Сунув руку в перчатке в боковой карман пальто, прохожий вынул карточку и передал ее полицейскому. Приподняв ее, чтобы поймать луч слабого света, полицейский прочел имя: «Чарлз Спенсер Джемс, доктор медицины». Улица и номер на адресе свидетельствовали о такой солидной и внушающей уважение части города, что даже любопытство полицейского принуждено было умолкнуть. Взгляд, брошенный им на предмет, который доктор держал в руке, — изящный врачебный несессер из черной кожи, скромно отделанный серебром, — еще сильнее подтвердил в глазах полицейского то, о чем свидетельствовала визитная карточка.

— В порядке, доктор, — сказал полицейский с неуклюжей любезностью. — Поступил приказ насчет особых мер предосторожности. Дело в том, что много воров и грабителей развелось в последнее время. Скверная ночь сегодня для прогулки. Не то чтобы очень холодно, но... пронизывает.

Величаво кивнув головой и выразив двумя-тремя словами свое согласие с мнением полицейского относительно погоды, доктор Джемс быстро двинулся дальше. Три раза уже в эту ночь патрули удовлетворялись его визитной карточкой и беглым взглядом на его чудесный несессер, не требуя иных доказательств его личной честности и честности его намерений. Вздумай один из этих полицейских на следующий день проверить сведения, которые сообщала карточка, он нашел бы подтверждение им на изящной дощечке на двери доктора и в личности самого доктора, спокойного, хорошо одетого, сидящего в хорошо обставленном кабинете, — при условии, чтобы час был бы не слишком ранний, ибо доктор Джемс вставал поздно. Кроме того, все соседи подтвердили бы, что он — примерный гражданин, прекрасный семьянин и что он составил себе за двухлетнее свое пребывание в этом квартале большую практику.

Поэтому все эти ревностные блюстители порядка были бы крайне удивлены, если бы заглянули внутрь безупречного несессера. Первым делом им попался бы на глаза изящный набор новейших инструментов, употребляемых «замочниками», как именуют себя ловкие взломщики сейфов. Инструменты эти были сделаны по особому рисунку и заказу: коротенький, но мощный ломик, коллекция ключей странной формы, сверла вороненой стали и пробойники самого твердого закала, впивающиеся в крепкую сталь с легкостью мыши, проедающей себе дорогу внутрь головки сыра, щипцы, присасывающиеся, как пиявки, к гладкой двери сейфа и вырывающие замок с секретом, как дантист удаляет зуб. В маленьком внутреннем кармане «врачебного» несессера помещалась четырехунцевая склянка с нитроглицерином, в данный момент наполовину пустая. Под инструментами лежала куча смятых кредитных билетов и двести пригоршни золотых монет в общей сложности на восемьсот тридцать долларов.

В строго ограниченном кругу своих друзей доктор Джемс был известен под кличкой «Грека-щеголя». Вторая половина этого прозвища являлась данью его невозмутимости и изящным манерам; первая обозначала, на жаргоне воровского братства, вожака, начальника штаба, — того, кто в силу престижа своего положения и места жительства добывает сведения, на которых основываются планы отчаянных предприятий.

Этот избранный кружок насчитывал еще трех членов: Скитси Моргана и Гэма Декера, «замочников»-специалистов, и Леопольда Прецфельдера, ювелира, имевшего магазин в центре города; он сплавлял бриллианты и прочие украшения, приносимые к нему рабочей тройкой. Все это были прекрасные, верные люди, немые, как статуя Мемнона, и постоянные, как Полярная звезда.

Работа этой ночи дала, по мнению товарищества, лишь весьма умеренное вознаграждение за труды. Из двухэтажного с боковым засовом сейфа старинного образца, стоявшего в грязной конторе богатой фирмы, торговавшей мануфактурой и ведшей дело на старинный лад, — да притом в ночь на воскресенье, — можно было бы, казалось, выдоить побольше, чем две с половиной тысячи долларов. Но это было все, что они нашли, и, по своему обычаю, они разделили деньги между собою на равные части. Десять или двенадцать тысяч — вот что они ожидали найти. Но один из владельцев фирмы, оказалось, чересчур уж придерживался старинки. Когда запирали контору, он унес большую часть наличности домой, в картонке из-под сорочек.

Доктор Джемс пошел по Двадцать четвертой улице, которая казалась совершенно вымершей. Даже актеры, живущие на этой улице в большом количестве, уже давно спали. Изморось покрыла мостовую; лужицы между камнями, приняв свет дуговых фонарей, отражали его в виде мириад жидких блесков. Капризный ветер, леденящий и весь пропитанный сыростью, с кашлем вырывался, точно из горла, из промежутков между домами.

В тот момент, когда врач поравнялся с углом высокого кирпичного дома более претенциозного вида, чем его соседи, парадная дверь хлопнула, и громко орущая негритянка с грохотом сбежала по ступенькам крыльца. У нее вырывались какие-то слова; вероятно, она говорила сама с собой — к чему всегда прибегают ее сородичи, когда они одни и попали в беду. По-видимому, она принадлежала к старинной южной породе — болтливой, фамильярной, верной и неукротимой; об этом свидетельствовала вся ее фигура — толстенькая и аккуратная, — ее передник и платочек.

Это неожиданно появившееся существо, точно выплывшее безмолвным домом, очутилось на тротуаре как раз в то мгновение, когда доктор Джемс поравнялся с крыльцом. Мозг негритянки перенес всю свою энергию из центров ре-

чи в зрительные: она устала свои рачьи глаза на несессер и перестала вопить.

— Слава богу! — таким благословением приветствовала она его появление. — Уж не доктор ли вы будете, сэр?

— Да, я врач, — сказал доктор Джемс, останавливаясь.

— Тогда, бога ради, зайдите и посмотрите мистера Чандлера, сэр. У него сделался припадок, что ли, какой. Он лежит ну совсем как мертвый. Мисс Эми послала меня за доктором. Господь один знает, откуда старая Синди могла бы достать доктора, если бы вы, сэр, не подошли. Ох, если бы старый барин знал хоть тысячную часть того, что творится, он стал бы стрелять, сэр, — стрелять из пистолета; отмерил бы шагами на земле и была бы дуэль... А моя бедная овечка, мисс Эми...

— Ведите меня, — сказал доктор Джемс, поставив ногу на ступеньку, — если я вам нужен как врач. Как слушатель я в данный момент не принимаю приглашений.

Негритянка первая вошла в дом и поднялась по лестнице, покрытой толстым ковром. Они прошли мимо плохо освещенного коридора. Дойдя до второго такого же коридора, запыхавшаяся негритянка завернула в него, остановилась у какой-то двери и открыла ее.

— Мисс Эми, я привела доктора.

Доктор Джемс вошел в комнату и слегка поклонился молодой даме, стоявшей в ногах кровати. Он поставил свой несессер на стул, снял пальто и бросил его на спинку стула поверх несессера, а затем со спокойным самообладанием подошел к кровати.

На ней лежал растянувшись так, как он упал на нее, щегольски одетый мужчина. С него сняли только башмаки; он лежал бездыханный, неподвижный, точно труп.

От доктора Джемса исходила эманация спокойной силы и выдержки, действовавшая на его более слабых и склонных к отчаянию клиентов как манна небесная. Женщин в особенности привлекала особая какая-то его манера держать себя в комнате больного. Это была не снисходительная мягкость модного целителя, а умение поставить себя, уверенность в своем умении побороть судьбу, почтительность, преданность и покровительство. В его прямо глядевших, светившихся карих глазах был какой-то исследующий магнетизм; в невозмутимом, почти монашеском спокойствии его гладко выбритого лица чувствовалась скрытая властность;

Он казался созданным для роли наперсника и утешителя. Иногда, после первого же визита, женщины говорили ему, куда они прячут на ночь от воров свои бриллианты.

С легкостью, вызванной обширным опытом, доктор Джемс, не оглядываясь по сторонам, успел оценить сорт и качество обстановки. Мебель была роскошная, дорогая. Тем же взглядом он успел также оценить и внешность молодой дамы. Она была невысокого роста, лет двадцати с небольшим. Лицо ее претендовало на некоторую миловидность, омраченную, скорее, постоянной меланхолией, чем ярким проявлением неожиданного горя; на лбу, повыше бровей, у нее был знак от ушиба, нанесенного ей, так определил глаз врача, часов шесть назад. Пальцы доктора Джемса щупали пульс больного. Его почти говорящие глаза расспрашивали даму;

— Мое имя — миссис Чандлер, — ответила она с жалобной скользкой интонацией Юга. — Моему мужу вдруг сделалось дурно — минут за десять до вашего прихода. У него и раньше бывали сердечные припадки, иногда очень сильные. Он вернулся поздно; он был... на ужине, кажется...

Доктор Джемс обратил теперь свое внимание на пациента. Какой бы из своих профессий он ни занимался, он всегда достаивал «случай» или «работу» всего своего внимания.

Больному, казалось, было около тридцати лет. Лицо его говорило о цинизме и любви к кутежам; но оно не было лишено известной пропорциональности и тех тонких черточек, которые говорят об утонченности вкуса и юморе; это отчасти сглаживало первое впечатление. Платье его издавало запах пролитого вина.

Врач откинул его верхнюю одежду, затем распорол перочинным ножом манишку от ворота до талии. Устранив все препятствия, он приложил ухо к сердцу больного и стал внимательно слушать.

— Митральный шум? — тихо сказал он, выпрямляясь. В его тоне слышался вопрос, говоривший о колебании. Он опять выслушал больного и на этот раз сказал: — Недостаточность митрального клапана.

Теперь это был тон твердо установленного диагноза.

— Сударыня, — начал он тем ободряющим голосом, который так хорошо успокаивает тревогу, — возможно, что...

Но, когда он медленно повернул к ней голову, он увидел, что она упала, бледная, без чувств, на руки старой негритянки.

— Бедная овечка, моя бедная овечка! Убить они хотят тетки Синди собственную любимую деточку! Да разразит Господь в своем гневе тех, кто похитил ее; разбить сердечко ангельское!.. бросить!..

— Поднимите ей ноги,— сказал доктор Джемс, помогая ей поддержать падающую молодую женщину.— Где ее комната? Ее нужно уложить в постель.

— Здесь, сэр.— Старуха кивнула головой в платочке по направлению к двери.— Там комната мисс Эми.

Молодую женщину внесли в соседнюю комнату и положили на кровать. Пульс у нее был слабый, но ровный. Она не пришла в сознание, но обморок сменился глубоким сном.

— Она совершенно обессилела,— сказал врач.— Сон — хорошее лекарство. Когда она проснется, дайте ей стакан виски с сахаром и горячей водой, с яйцом, если она сможет его проглотить. Откуда у нее этот знак на лбу?

— Это ушиб, сэр... Бедная овечка, она упала... Нет, сэр! — расовая неустойчивость вызвала вдруг у старухи вспышку возмущения. — Старая Синди не будет врать из-за этого черта! Это он ее ударил, сэр. Пусть Господь иссушит руку, которая... ну, вот! Синди обещала своей любимой овечке, что она не будет говорить. Это ушиб, сэр... Мисс Эми ударилась головой, сэр...

Доктор Джемс подошел к лампе и прикрутил фитиль.

— Оставайтесь здесь с вашей госпожой, — приказал он,— и не шумите, чтобы она могла заснуть. Если она проснется, дайте ей тодди¹. Если слабость увеличится, позовите меня. Тут что-то странное.

— Тут еще много странных вещей, — начала было негритянка, но врач заставил ее умолкнуть. Он прибегнул к своему повелительному, настойчивому тону, который он употреблял редко, но одним звуком которого ему удавалось иногда останавливать даже истерики. Он вернулся в первую комнату и тихо запер за собою дверь. Человек на кровати не двинулся, но глаза его были теперь открыты. Губы его шевелились, словно он произносил какие-то слова. Доктор Джемс наклонил голову и прислушался.

— Деньги... деньги,— шептали губы.

— Понимаете ли вы, что я говорю? — спросил доктор тихо, но раздельно.

¹ Виски с горячей водой и сахаром.

Больной слегка кивнул головой.

— Я врач; ваша жена послала за мной. Я знаю, что вас зовут мистер Чандлер. Вы совсем больны. Вы должны избегать всякого волнения и беспокойства.

Глаза больного, казалось, призывали его. Доктор наклонился и уловил те же, еле слышные слова.

— Деньги... двадцать тысяч долларов...

— Где эти деньги? В банке?

Больной глазами показал, что нет.

— Скажите ей, — шепот его становился еще тише, — двадцать тысяч долларов... ее деньги...

Его глаза блуждали по комнате.

— Вы куда-то спрятали деньги?

Голос доктора Джемса, ласковый, как голос сирены, старался выманить тайну у угасающего сознания больного.

— Они здесь, в этой комнате?

Ему показалось, что слабое дрожание век означало «да». Пульс под его пальцем был тонок и незаметен, как шелковая нить.

В мозгу и душе доктора Джемса пробудились инстинкты его другой профессии. Быстро — как он всегда действовал во всем — он решил узнать, где находятся эти деньги, сознательно и наверняка жертвуя ради этого человеческой жизнью.

Вынув из кармана блокнот, он быстро написал на нем название лекарства, наиболее подходящего, согласно всем данным медицины, к состоянию пациента. Подойдя к двери в соседнюю комнату, он тихо вызвал старуху, дал ей рецепт и велел ей сходить за лекарством в аптеку.

Когда она ушла, бормоча себе что-то под нос, доктор подошел к кровати молодой женщины. Она все еще крепко спала; пульс у нее был лучше; лоб был прохладный, кроме воспаленного места ушиба, и слегка влажный. Если ее не тревожить, она проспит несколько часов. В дверях торчал ключ. Когда он вернулся в комнату больного, он повернул его в замке два раза.

Доктор Джемс взглянул на часы. У него было полчаса времени: вряд ли старуха могла раньше возвратиться из аптеки. Он стал искать воду и нашел графин и стакан. Открыв несессер, он достал оттуда пузырек с нитроглицерином, — «смазкой», как его называли члены ордена лома и отвертки.

Одна капля бледно-желтой жидкости упала в стакан. Он вынул коробку с градуированным шприцем и вставил на

место иглу. Градуированный шприц вобрал около полустакана воды с разведенной в ней каплей нитроглицерина.

В ту же ночь, двумя часами ранее, доктор Джемс ввел, посредством того же шприца, неразведенную жидкость в дырку, просверленную в замке сейфа, и разрушил одним глухим взрывом механизм, регулирующий засов. Теперь он собирался, пользуясь тем же средством, разрушить тонкий механизм человеческого существа, — и все это он делал ради денег.

То же средство, но в другом образе. В первом случае действовал первобытный великан — грубая сила; во втором — на арену выступил царедворец, прикрывавший свои, не менее гибельные, объятия бархатом и кружевами. Ибо жидкость в стакане и в шприце, который врач осторожно наполнил, представляла теперь собой раствор глоноила, самого сильного из известных в медицине сердечных средств. Две унции его взорвали крепкую дверь стального сейфа. А сейчас он остановит навсегда, посредством одной пятидесятой доли капли, сложный механизм человеческой жизни.

Но не сразу. Сначала должен был произойти быстрый подъем жизненной энергии, — должен был быть дан могущественный толчок каждому органу, каждой способности. Сердце мужественно отзовется на роковой удар шпорой, удар хлыстом; кровь в сосудах начнет быстрее возвращаться к своему источнику.

Но, как было хорошо известно доктору Джемсу, чрезмерное возбуждение при сердечных заболеваниях такого характера означало смерть не менее верную, чем от пули. Как только артерии переполнятся от усиленного притока крови, которую накачает в них «смазка» взломщика, тотчас же окажется, что в них «сквозного проезда нет», и источник жизни остановится.

Доктор обнажил грудь лежавшего без сознания Чандлера. Спокойно и ловко он вспырынул под кожу, в мышцы над сердцем, содержимое шприца. Верный аккуратным привычкам обеих своих профессий, он тщательно обтер иглу и вставил в нее тончайшую проволоку, сохранявшую иглу, когда она была без употребления.

Через три минуты Чандлер открыл глаза и заговорил слабым, но все же слышным голосом; он спросил, кто это ухаживает за ним. Доктор Джемс еще раз объяснил причину своего присутствия.

— Где жена? — спросил больной.

— Она заснула... от переутомления и волнения,— сказал доктор,— я не хотел будить ее, если...

— Нет... необходимости.

Чандлер говорил прерывисто, точно какой-то демон ускорял его дыхание и ему не хватало воздуха.

— Она вас не... поблагодарит... если... вы ее... разбудите... из-за меня...

Доктор пододвинул стул к кровати. Не следовало тратить зря слов.

— Несколько минут назад, — начал он спокойным и убедительным тоном другой своей профессии,— вы пытались мне что-то сказать про деньги. Я не желаю знать вашей тайны, но мой долг сказать вам, что всякое волнение и беспокойство будут мешать вам поправиться. Если вы хотите что-нибудь сообщить и это облегчит вас, — про эти двадцать тысяч долларов... кажется, вы именно эту сумму упомянули? — то вам лучше это сделать сейчас же.

Чандлер не мог повернуть голову, он только направил свой взгляд.

— Я сказал?. я?. где эти деньги?

— Нет, — ответил врач, — я только заключил из ваших еле понятных слов, что вы беспокоитесь об их целостности. Если они здесь, в комнате...

Доктор Джемс остановился. Показалось ли это только ему, или он на самом деле увидел луч понимания, проблеск сомнения в ироническом выражении лица своего пациента? Не выказал ли он чересчур большое нетерпение? Не сказал ли он слишком много?

Следующие слова Чандлера успокоили его.

— Где же... им быть... — проговорил он, задыхаясь,— как.. не в сейфе... там?

Он взглядом указал на угол, и доктор впервые заметил небольшой железный сейф, наполовину скрытый свисавшим краем портьера.

Он встал и взял больного за руку. Пульс бился сильными толчками, со зловещими переборами.

— Поднимите руку,— сказал доктор Джемс.

— Вы ведь знаете... что я... не могу... двигаться, доктор...

Врач быстро подошел к двери в вестибюль, открыл ее и стал вслушиваться. Везде было тихо. Без дальнейших околичностей он подошел к сейфу и стал его осматривать. Это

был шкаф первобытной конструкции и несложного устройства, который мог служить защитой разве лишь от нечистой на руку прислуги. Для его искусных пальцев это была простая игрушка, вещь из картона. Можно было считать, что деньги уже у него в руках. Своими щипцами он мог вытаскать ручку в форме набалдашника, пробить резцом замок и открыть дверь в две минуты. А может быть, ему удастся другим способом открыть ее даже в одну минуту?

Став на колени, он приложил ухо к пластинке с цифрами и медленно повернул ручку. Как он и предполагал, замок был заперт на простую, «дневную» комбинацию из одного номера. Его чуткий слух уловил еле слышное щелканье предупредителя; он остановил стрелку на ближайшей цифре. Ручка повернулась, и он широко распахнул дверь.

Сейф был совершенно пустой.

Доктор Джемс встал и подошел обратно к постели.

Густой пот покрывал лоб умирающего, но на губах его и в глазах играла мрачная ироническая улыбка.

— Я еще никогда... не видел... ничего подобного,— с трудом выговорил он.— Соединение врача... и громилы! Хорошо ли... это окупается, милейший доктор?

Самообладание доктора Джемса еще ни разу не подвергалось таким испытаниям, но, поставленный в смешное и вместе с тем рискованное положение дьявольской шуткой своей жертвы, он сумел сохранить достоинство и присутствие духа. Вынув часы, он стал ждать смерти больного.

— Вы чуточку... слишком уже... беспокоились... об этих деньгах. Но им никогда... никогда не угрожала опасность... от вас, милейший доктор. Они в безопасности. В совершенной безопасности. Они все... у букмекеров... Двадцать тысяч... деньги Эми. Я играл на скачках... проиграл все... до последнего цента. Я здорово кутил, господин громила... виноват, доктор... но я играл честно... Кажется... я никогда еще... не встречал такого мерзавца девяносто шестой пробы... как вы, господин доктор... виноват, господин громила... где бы я ни таскался. Не противно ли... этическим принципам... вашей шайки, господин громила, дать жертве... виноват, пациенту... глоток воды?

Доктор Джемс принес ему воды. Больной еле мог проглотить ее. Реакция от сильнодействующего лекарства все увеличивалась правильными волнами, но умирающему захотелось пустить еще одну ядовитую стрелу.

— Игрок... пьяница... мот — в этом виноват, но... врач- громила...

Доктор разрешил себе лишь раз ответить на эти насмешки больного. Низко нагнувшись, чтобы уловить взгляд уже наполвину стекляннх глаз Чандлера, он указал на дверь комнаты, где спала женщина, таким строгим и повелительным жестом, что распростертый на кровати человек, собрав остатки сил, поднял голову, чтобы посмотреть туда. Он ничего не увидел, но уловил холодно звучащие слова доктора, — последние земные звуки, которые ему суждено было услышать:

— Я ни разу еще... не ударил женщину.

Тщетно пытаться понять подобных людей. Их психология не укладывается ни в какие рамки. Мы только знаем, что они существуют и что мы можем наблюдать их и рассказывать друг другу голые факты их поступков, как дети, смотрящие на марионеток и рассуждающие про них.

А между тем какой интересный пример для изучения психологии эгоизма подавали эти двое: один — бандит и убийца стоял над своей жертвой; другой — более гнусный преступник, хотя и не столь явно нарушавший законы, лежал, всеми ненавидимый, в доме жены, которую он преследовал, развращал и бил; один — тигр, другой — шакал. Как интересно было бы наблюдать отвращение каждого перед гнусностью другого и видеть, как каждый из них, барахтаясь в грязи своих явных преступлений, все же размахивал своим собственным, незапятнанным знаменем — если не чести, то поведения.

Ответ доктора Джемса попал, по-видимому, в цель и затронул в умирающем последние остатки стыда и мужества. Это был *coup de grace*. Яркая краска залила лицо больного — позорная *rosa mortis*; дыхание прекратилось, и Чандлер, почти не дрогнув, скончался.

Не успел он испустить последний вздох, как вошла негритянка с лекарством. Тихонько нажимая рукой мертвые веки, доктор Джемс сказал ей, что конец наступил. Не горе, а наследственное *garrochement* с отвлеченным понятием о смерти вызвало у нее унылое всхлипывание, сопровождаемое обычными иеремиадами.

— Ну, вот. Теперь он в руках Господа. Он — судья преступникам и поддержка всем страждущим. Он даст нам теперь поддержку. Синди отдала последние деньги за эту склянку лекарства, а к чему она теперь нужна?

— Верно ли я понимаю, — спросил доктор Джемс, — что у миссис Чандлер нет денег?

— Денег, сэр? Знаете, что заставило мисс Эми упасть и быть такой слабой? Голод, сэр. В этом доме уже три дня кушать нечего, кроме черствых сухарей. Ангельчик! Она продала кольцо и часы месяц назад. Этот богатый дом с красными коврами и блестящими столами, — наемный; хозяин такой скандал устроил... не заплачено. Этот черт, — прости меня, Господи: он в Твоих руках теперь, — он все прокутил.

Молчание доктора ободрило ее, и она продолжала свою повесть или, вернее, свой бессвязный монолог. Повесть эта была повестью об иллюзиях, своеволии, несчастье, жестокости и гордости. Из туманного пейзажа, который рисовала ее болтовня, ярко выступали маленькие картинки: идилический дом в имении на далеком Юге; брак и быстрое раскаяние; период страданий, оскорблений и дурного обращения и, позднее, наследство, обещавшее избавление; захват денег, бегство и растрата денег шакалом в течение двухмесячного отсутствия; возвращение его домой после грязного кутежа. Между строчками, не выставляясь напоказ, но ясно тянулась красная нитью проходившая сквозь бессвязный рассказ чистая, бесхитростная, готовая все принести в жертву великая любовь старой негритянки, ни на минуту не покидавшей своей госпожи во всех ее испытаниях, до самого конца.

Когда она наконец умолкла, заговорил доктор; он спросил, есть ли в доме виски или какое-нибудь вино. Старуха объявила, что в буфете стоит немного водки, оставленной шакалом.

— Приготовьте тодди, как я вам говорил, — сказал доктор Джемс. — Разбудите вашу госпожу, заставьте ее выпить и расскажите, что произошло.

Минут через десять вышла миссис Чандлер, поддерживаемая старой Синди. Сон и подкрепляющий напиток, по-видимому, немного восстановили ее силы. Доктор Джемс успел покрыть простыней лежавшее на кровати тело.

Грустные глаза молодой женщины всего один раз обратились в ту сторону; она кинула на труп полуиспуганный взгляд и крепче прижалась к своей верной защитнице. Глаза у нее были сухие и блестели. Горе, по-видимому, уже исчерпало свою власть над ней. Источник слез иссяк; даже способность чувствовать была парализована.

Доктор Джемс стоял у стола; он уже надел пальто и держал в руках шляпу и несессер. Лицо его было спокойно и бесстрастно: долгая практика приучила его к виду человеческих страданий. Сверкающие карие глаза одни сдержанно выражали профессиональное сочувствие. Он заговорил, тепло и кратко. Час поздний, и достать помощь трудно; он сам пришлет людей, необходимых для выполнения последних формальностей.

— В заключение еще одно слово,— сказал доктор, указывая на сейф, дверь которого так и осталась открытой. — Перед своим концом, миссис Чандлер, ваш муж почувствовал, что не останется в живых; он дал мне указания, как открыть этот сейф, и сообщил мне цифру, на которой был поставлен секретный замок. Запомните, в случае, если вам придется им воспользоваться, что эта цифра — сорок один. Поверните ручку несколько раз вправо, потом один раз влево и остановите стрелку на сорока одном. Он не позволил мне разбудить вас, хотя и знал, что конец близок. Он сказал, что положил в этот сейф некоторую сумму денег,— не очень крупную, но достаточную для того, чтобы дать вам возможность исполнить его последнюю просьбу, а именно: вернуться в ваш родной дом, а впоследствии, когда время все сгладит, простить все его бесчисленные прегрешения против вас.

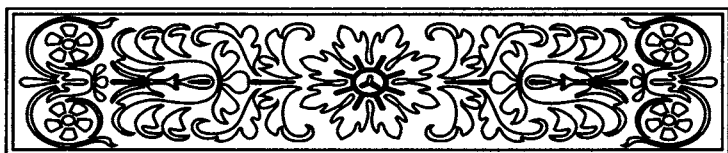
Он указал на стол, где лежала аккуратная пачка кредиток, а поверх ее — две кучки золотых монет.

— Деньги здесь, ровно столько, сколько он сказал, — во семьсот тридцать долларов. Разрешите мне оставить вам мою карточку, на случай, если я вам понадобится впоследствии.

Так, значит, он подумал о ней и позаботился перед концом? Так поздно! И все же ложь доктора заставила в ней вспыхнуть последнюю искру нежности, хотя она считала, что все в ее душе погасло и истлело. Она громко вскрикнула: «Роберт! Роберт!» — и, отвернувшись, упала на верную грудь всегда готовой поддержать ее служанки и облегчила свое горе слезами.

Утихнув, успокоившись, как ребенок, на этой темной груди, под убаюкивающие, многословные выражения сочувствия старухи, она наконец подняла голову...

Но доктор уже исчез.

МАРКИЗ И МИСС САЛЛИ

Старый Билл Баском, сам того не зная, удостоился великой чести: Господь призвал его в один день с маркизом Бордэйлом.

Маркиз жил в Лондоне на Риджент-стрит; старик Баском — у ручья Хромого Оленя, на южной границе Техаса. Катастрофа, сразившая маркиза, приняла образ некоего лопнувшего мыльного пузыря под названием «Средне- и Южно-американская монополия по добыче каучука и красного дерева». Судьба, насмеявшаяся над Баскомом, явилась к нему в не менее устрашающем обличье: шайка цивилизованных индейцев с соседней территории, специалистов по уводу скота, угнала у него все его стадо, насчитывавшее четыреста голов. А когда Баском вздумал выследить разбойников, они его застрелили. Что касается маркиза, то он, убедившись, что на каждые оставшиеся у него пятнадцать шиллингов приходится не менее фунта стерлингов долга, пустил себе пулю в лоб и этим уравнил итоги обеих катастроф.

Со смертью старика Билла шесть его сыновей и дочерей совсем осиротели. Отец не оставил им даже бычка на племя и ни единого доллара, чтобы купить его.

Со смертью маркиза осиротел его единственный сын, давно уже перебравшийся в Штаты и владевший богатым ранчо в Северном Техасе. Когда молодой человек получил скорбную весть, он сел на коня и поскакал в соседний город. Здесь он препоручил поверенным все свое имущество, за исключением лошади, седла, ружья и пятнадцати долларов, с наказом все распродать и вырученные деньги направить в Лондон для расплаты с отцовскими кредиторами. Покончив с этим делом, он снова вскочил в седло и прищипнул коня, держа путь на юг.

В один прекрасный день, почти минута в минуту, но только с разных концов, к ранчо Даймонд Кросс, что на Малой Пиедре, подъехали два молодых парня и спросили, нет

ли какой работы. Оба были в новеньких и даже щегольских ковбойских рубашках и штанах. Один — стройный, загорелый, коротко остриженный брюнет с тонкими, словно точеными чертами; другой — широкоплечий, коренастый малый, свежий и румяный, с вьющимися рыжеватыми волосами и некрасивым, чуть тронутым веснушками лицом, лучшим украшением которого были веселые глаза и смеющийся рот.

Управляющий ответил, что работа найдется. Кстати, ему в то утро донесли, что повар — как известно, самый необходимый человек в лагере, — не снеся шугок и проделок, какие такому лицу полагается сносить по штату, сел на свою мексиканскую лошадку и скрылся в неизвестном направлении.

— Который-нибудь из вас умеет стряпать? — спросил управляющий.

— Я умею, — вызвался рыжеватый. — Мне приходилось стряпать в поле, и я, пожалуй, мог бы выручить вас. Но с условием: при первой возможности вы устроите меня получше.

— Вот это разговор мужчины, — обрадовался управляющий. — Поедете с запиской к Сондерсу. Пусть поставит вас на работу.

Таким образом, в расчетной ведомости Даймонд Кросса прибавилось два новых имени: Джон Баском и Чарлз Норвуд Пообедав, новые работники вместе направились в лагерь. Маршрут, который им дали, был ясен и прост: «Езжайте прямо, оврагом. Как проедете пятнадцать миль, тут вам это самое место и будет». Оба паренька были чужие в этих краях, оба молодые и смелые, и, поскольку их свели случай и дальняя дорога, надо думать, что фундамент их последующей дружбы был заложен в тот самый день, когда они скакали бок о бок по извилистой балке Кандад Верда.

К месту назначения путники прибыли уже после заката. Штаб-квартира лагеря была удобно расположена вдоль длинной заводи, осененной высокими деревьями. Разбросанные по траве палатки и брезентовая кладовая показывали, что стоянка эта рассчитана на долгий срок.

Ковбои только что вернулись в лагерь, где никто не ждал их с ужином. Какие только проклятия не сыпались на голову сбежавшего повара! Пока они снимали седла и стреноживали лошадей, в лагерь прибыли новички и осведомились, где здесь Пинк Сондерс. Старший выступил вперед, и они отдали ему записку управляющего.

Пинк Сондерс, распорядившийся всем, что касалось работы, считался первым весельчаком и балагуром в лагере, где все — от повара до управляющего — были на равном положении. Прочитав записку, он помахал товарищам и, надрывая глотку, торжественно объявил:

— Джентльмены, позвольте представить вам Маркиза и Мисс Салли!

Новичков его слова как будто смутили. Новый повар вздрогнул, но, вспомнив, что «Мисс Салли» — обычное прозвище поваров на всех ранчо Западного Техаса, успокоился и добродушно присоединился к общему смеху. Что касается его спутника, то эта выходка не только привела его в смущение, но и рассердила. Резко повернувшись, он ухватился за луку седла, очевидно, намереваясь ускакать.

Но Мисс Салли тронул его за плечо и сказал, смеясь:

— Ничего, ничего, Маркиз. Сондерс не хотел тебя обидеть, наоборот! У тебя такой гордый вид и нос как у аристократа — эта кличка как раз по тебе.

Мисс Салли расседлал лошадь, и Маркиз, сменив гнев на милость, последовал его примеру. Мигом засучив рукава, Мисс Салли бросился к кладовой.

— Ну да, я ваш новый повар, черт возьми! А ну-ка, ребята, соберите побольше хворосту, и в полчаса я спворю вам самый настоящий ужин.

Живость и добродушие, с какими Мисс Салли в мгновение ока перерыл все в кладовой и, найдя кофе, муку и сало, взялся за дело, сразу завоевали ему расположение лагеря.

При ближайшем знакомстве и Маркиз оказался славным, веселым малым; правда, он держался несколько особняком и сторонился грубых лагерных развлечений. Но эта замкнутость так подходила к его прозвищу, что казалась уместной, и ребята даже полюбили его за эту черту. Сондерс назначил его гуртовщиком. Маркиз был отличный наездник и управлялся с лассо и клеймом не хуже других ковбоев.

Вскоре между Маркизом и Мисс Салли завязалось что-то вроде дружбы. После ужина, когда посуда была перемыта и убрана, их обычно видели вместе: Мисс Салли покуривал свою трубку, вырезанную из корневища шиповника, а Маркиз плел себе новый арапник или скоблил сырые ремни на путы для лошадей.

Управляющий не забыл своего обещания при случае подумать о поваре. Наведываясь в лагерь, он подолгу с ним бе-

седовал. Чем-то Мисс Салли приворожил его. Однажды в полдень, возвращаясь с объезда, он завернул в лагерь и сказал ему:

— С завтрашнего дня вас сменит новый повар. Как только он явится, приезжайте в усадьбу. Будете вести у меня всю отчетность и корреспонденцию. Мне нужен надежный человек, который мог бы всем распорядиться, когда меня нет на месте. Насчет жалованья можете не беспокоиться, на Даймонд Кроссе не обидят человека, который соблюдает хозяйский интерес.

— Ладно,— сказал Мисс Салли, да так спокойно, как будто только этого и ждал.— А вы не будете против, если я поселюсь у вас с женой?

— Как, вы женаты? — удивился управляющий, явно недовольный таким оборотом дела.— Первый раз слышу.

— Да то-то и есть, что не женат, но не прочь жениться,— отвечал повар.— Я все откладывал, пока подвернется настоящая должность и у меня будет хотя бы крыша над головой. Не мог же я поселить жену в палатке.

— Верно,— согласился управляющий.— Лагерь не место для женатого человека. Что ж, в доме у нас просторно, и если вы окажетесь тем, за кого я вас считаю,— милости прошу. Напишите ей, пусть приезжает.

— Ладно,— повторил Мисс Салли.— Как только завтра меня сменят, я уж не задержусь.

Вечер был прохладный, и, поужинав, ковбои расположились вокруг большого костра. Постепенно их задорные шутки умолкли и наступила полная тишина, а это в ковбойском лагере опасный знак — тут уж непременно жди какой-нибудь каверзы.

Мисс Салли и Маркиз сидели на бревне и рассуждали о преимуществе длинных или коротких стремян при езде на далекое расстояние. Вскоре Маркиз встал и направился к дереву, где у него сушились ремешки для нового лассо. Как только он ушел, с Мисс Салли случилась маленькая неприятность: ветер задул ему в глаз соринку табачной крошки, из которой Смизерс, он же Сухой Ручей, свертывал себе покурить. Пока повар тер пострадавший глаз, из которого текли слезы, Дэйвис Граммофон, прозванный так за свой въедливый, скрипучий голос, поднялся с места и стал держать речь:

— Граждане и ребята, позвольте задать вам один вопрос. Пусть каждый здесь скажет, какое есть на свете величайшее

безобразия, такое, что порядочному человеку и смотреть зазорно?

— Плохая карта на руках!

— Бесхозяйная телка, когда под рукой нет клейма!

— Твой нос!

— Револьверное дуло, когда оно глядит прямо на тебя.

— Молчать, дурачьё! — вмешался толстяк Тэллер, уже молодой гуртовщик. — Фони лучше знает, дайте ему сказать.

— Так вот, граждане и ребята, — продолжал Граммофон. — Все те безобразия, которые вы здесь пе-ре-чис-лили, достаточно прискорбны, и вы, можно сказать, почти угадали, но только не совсем. Нет на свете большего безобразия, чем вот это, — и он указал на Мисс Салли, который все еще тер себе глаза, — когда доверчивая, о-слеп-лен-ная молодая особа убивается, потому что подлый изменщик разбил ее сердце. Что мы с вами — люди или, может, хищные звери, что позволяем какому-то а-ри-сто-кратишке смеяться над чувствами нашей Мисс Салли? Неужто мы так и будем смотреть, как этот красавчик с блестящим титулом топчет чувства своей милашки, а ведь кому, как не нам, она вверила свою судьбу. Так что же: намерены мы поступить, как полагается настоящим мужчинам, или мы так и будем есть подмоченный хлеб, зная, что это она обливает его горькими слезами?

— Экое свинство! — негодуяще фыркнул Сухой Ручей. — Порядочные люди так не поступают. Я давно замечаю, что этот гад приударяет за нашей красоткой. А еще Маркиз называется! Скажи, Фони, маркиз — это титулованная особа?

— Это вроде как король, — поспешил дать объяснение Осока. — Только пониже чином. Поменьше валета, побольше десятки.

— Прошу понять меня правильно, — продолжал Граммофон. — Это вовсе не значит, что я против аристократов. Есть среди них и порядочные люди. Я сам с ними водился. Я не одну кружку пивца пропустил с мэром Форт-Уэрта, со мной не гнушался водить компанию даже кассир с полустанка — а это такие люди, — насчет выпивона они всякого за пояс заткнут. Но если Маркиз позволяет себе играть чувствами невинной кухарочки, — спрашивается, что ему за это полагается?

— Ремня ему хорошего! — крикнул Сухой Ручей.

— Собаке собачья и честь! — выразил общие чувства Осока.

— Проучить, проучить — хором поддержали остальные.

И прежде чем Маркиз угадал их намерение, двое схватили его за руки и потащили к бревну. Дэйвис Граммофон, сам себя уполномочивший привести приговор в исполнение, стоял наготове с кожаными штанами в руках. Впервые ковбой в своих грубоватых забавах посягали на неприкосновенность Маркиза.

— Что это вы затеяли? — крикнул он, возмущенно сверкая глазами.

— Полегче, Маркиз, — шепнул ему Руб Феллоуз, вдвоем с приятелем державший его за руки. — Видишь, ребятам пошутить вздумалось. Разложат тебя на бревне и всыпят с десяточек. Не бойся, очень больно не будет.

Однако Маркиз, вне себя от гнева, оскалил зубы и, крикнув что-то невнятное, стал с неожиданной силой вырываться из державших его рук. В мгновение он расшвырял четырех схвативших его молодцов, и они отлетели кто куда. Крик его услышал и Мисс Салли и, окончательно протерев глаза, со всех ног кинулся на выручку.

Но тут раздалось громкое «Алло!» — и в освещенное косяком пространство въехал тарантас, запряженный парой резвых лошадок. Все бросились к нему, и то, что они увидели, заставило их забыть о затее Дэйвиса Граммофона, кстати, уже потерявшей для них прелесть новизны. В ожидании более заманчивой дичи и более увлекательной забавы о недавнем пленнике попросту забыли.

Тарантас и лошади принадлежали Сэму Холли, скотоводу с Биг Мадди. Сэм правил, а рядом с ним сидел гладко выбритый толстяк в сюртуке и цилиндре. Это был окружной судья мистер Дэйв Хэккет, которому вскоре предстояло вторично баллотироваться на ту же должность. Сэм возил его по всей округе и по ковбойским лагерям, чтобы расшевелить независимых избирателей.

Приезжие вылезли из тарантаса, привязали лошадей к дереву и направились к костру.

При их появлении все обитатели лагеря, за исключением Мисс Салли, Маркиза и Пинка Сондерса, по обязанности встречавшего гостей, с криком ужаса бросились врассыпную и исчезли в окружающей темноте.

— Господи боже! — воскликнул Хэккет. — Это они нас так испугались? Неужто мы такие страшные? Рад видеть вас, мистер Сондерс. Как поживаете? Зачем это вам понадобился мой цилиндр, Холли?

— Я его боюсь,— задумчиво ответил Холли. Он сорвал с Хэкетта цилиндр и, вертя его в руках, вопросительно поглядывал в темноту, где теперь воцарилась мертвая тишина.— Ты как скажешь, Сондерс?

Пинк ухмыльнулся.

— Скажу, что не мешало бы его повесить повыше,— произнес он равнодушным тоном человека, дающего бесплатный совет.— В такой темноте разве что-нибудь увидишь! Не хотел бы я, чтобы этот головной убор торчал на моей макушке.

Холли стал на ступицу заднего колеса фургона и, дотянувшись до ближайшего сука, повесил на него цилиндр. Едва он спустился на землю, как грянули выстрелы по меньшей мере из десятка шестизарядных кольтов, и пробитый пулями цилиндр свалился наземь.

Тут из темноты послышался какой-то свистящий звук, словно двадцать гремучих змей шипело разом, и со всех сторон показались ковбои. Высоко, с величайшей осторожностью поднимая ноги, они обращали друг к другу предостерегающее «Тс-с-с!», словно предупреждая об опасности. В торжественном молчании они стали вокруг цилиндра, с опаской поглядывая на него. Поминутно то одна, то другая фигура, словно в припадке неизъяснимого ужаса, отскакивала в сторону.

— Это та самая гадина,— сказал один ковбой, понизив голос до громкого шепота,— что ночью ползает по болотам и кричит: «Вилли-валло!»

— Нет, это ядовитый Кипоотум,— высказал предположение другой.— Тот, что жалит, умирая, и орет, когда его закапывают в землю.

— Это хозяин всей нечистой твари,— сказал Дэйвис Граммофон.— Но ведь он издох. Не бойтесь его, ребята!

— Какое там издох, притворяется, бестия,— возразил Сухой Ручей.— Это Хайголлакум, страшный лесной дух. Есть только один способ с ним справиться.

Он вытащил в круг старину Тэллера, грузного гуртовщика в двести сорок фунтов весом. Тэллер поставил цилиндр на доньшко и шлепнулся на него всей своей тушей, сплюсшив его в тонкую лепешку.

Хэкетт, вытаращив глаза, смотрел на происходящее. Заметив, что он готов вспылить, Сэм Холли сказал ему:

— Смотрите, судья, не оплошайте. В Даймонд Кроссе шестьдесят голосов. Ребята хотят испытать вас. Мне думается, вы не проиграете, если обратите все в шутку.

И Хэкет, оценив великую мудрость этого совета, внял ему.

Подойдя к группе ковбоев, которые после успешной расправы с кроважидным гадом радовались, глядя на его останки, он торжественно произнес:

— Спасибо вам, ребята, за беспримерный подвиг. Вы с героическим и, можно сказать, неутомимым мужеством прикончили чудовище, которое, должно быть, свалилось на нас с деревьев, когда мы в потемках проезжали по оврагу. Теперь я до гроба ваш должник. Вы спасли мне жизнь и, надеюсь, отдадите мне ваши голоса, когда я снова буду баллотироваться на должность судьи. Разрешите вручить вам мою карточку.

Ковбои, которые выкидывали все эти штуки с неизменно серьезным видом, теперь одобрительно посмеивались.

Но Дэйвису Граммофону этого показалось мало. В его изобретательной голове родилась новая идея.

— Нет, приятель,— сказал он сурово.— Ни в одном лагере вы бы так легко не отделались. Шутка ли сказать — выпустить на людей такую вредную тварь! Счастье ваше, что еще обошлось без человеческих жертв. Но вы можете заглядить свою вину, исполните только нашу просьбу.

— В чем дело? — насторожился Хэкет.

— Вам дано право скреплять людей священными узами брака,— верно?

— Верно,— согласился Хэкет.— Брачный союз, скрепленный мною, считается законным.

— Здесь, в этом лагере, нам предстоит исправить величайшее зло,— начал Граммофон, впадая в торжественную слезливость.— Некий а-ристо-кратишка насмеялся над простецкой, хоть и смазливой на мордочку особой женского пола, которая уже давно по нем сохнет. Весь лагерь считает долгом призвать к порядку этого зарвавшегося потомка, может, тыщи, а может, и тыщи с хвостиком графов — и соединить его, хотя бы и силком, с пострадавшей мамзелью. Ребята! А ну-ка, заарканьте Маркиза и Мисс Салли и гоните их сюда. Мы их тут живо окрутим!

Предложение Граммофона было встречено криками восторга. Все бросились разыскивать главных участников предстоящей церемонии.

— С вашего разрешения,— сказал судья, отирая пот, хотя ночь выдалась холодная,— мне хотелось бы знать, как дале-

ко намерены вы зайти в своей шутке. И не следует ли мне опасаться, что и некоторые другие предметы моего туалета могут быть приняты вами за диких зверей и отданы на растерзание?

— Ребята разошлись нынче больше, чем обычно, — объяснил ему Сондерс. — Им, вишь, пришло в голову поженить тут двоих — нашего повара и гуртовщика. В шутку, конечно. Ну, да ведь вам с Сэмом все равно придется заночевать здесь. Так что сделайте уж им это одолжение, авось они угомонятся.

Сваты тем временем разыскали невесту и жениха. Повар сидел на дышле фургона и спокойно курил свою трубку. Маркиз был тут же, неподалеку, он прислонился к дереву, под которым была устроена кладовая.

Обоих бесцеремонно втолкнули в кладовую, и Граммофон, на правах церемониймейстера, принялся отдавать приказания.

— Ты, Сухой Ручей, и вы, Джимми, Бен и Тэллер, сбегайте в рощу и наберите цветов — хотя бы того же мескита — да не забудьте про испанский меч, что растет у загона для лошадей. Мы дадим его невесте вместо букета. Ты, Хромой, тащи сюда свое красное с желтым одеяло, это будет юбка Мисс Салли. А ты, Маркиз, и так обойдешься: все равно на жениха никто не смотрит.

Во время этих шуговских приготовлений оба главных участника торжества на минуту остались одни. Лицо Маркиза выражало страшное волнение.

— Этой глупости надо положить конец, — обратился он к Мисс Салли, и в свете висячего фонаря лицо его показалось повару мертвенно бледным.

— А почему собственно? — спросил тот с улыбкой. — Зачем портить людям удовольствие? Ведь они до сих пор никогда тебе особенно не докучали. По мне, пусть веселятся.

— Ах, ничего ты не понимаешь, — простонал Маркиз. — Ведь Хэкетт — окружной судья. Если он нас соединит — кончено... Я не могу... Ах, ничего ты не знаешь!

Но тут повар подошел поближе и взял Маркиза за руки.

— Салли Баском, — сказал он, — я знаю все!

— Знаешь? — пролепетал Маркиз. — И ты — ты хочешь?..

— Я в жизни ничего так не хотел. А ты?.. Тише, сюда идет.

В кладовую ввалились ковбои с свадебным убором для невесты.

— Вероломный койот! — воскликнул Граммофон, обращаясь к Маркизу.— Согласен ли ты загладить свою вину перед этой гладильной доской — перед этой, с позволения сказать, доверчивой юбкой? Пойдешь ли тихо-скромно к алтарю или прикажешь тащить тебя на веревке?

Маркиз стоял, небрежно сдвинув шляпу на затылок и прислонясь к груде мешков с бобами. Лицо его раздумянилось, глаза горели.

— Что ж, забавляться так забавляться,— сказал он.

Вскоре к Хэкету, Холли и Сондерсу, которые сидели под деревом и курили, приблизилась процессия.

Впереди выступал Хромой Уокер, наигрывавший на своей гармошке нечто весьма заунывное. За ним следовали жених и невеста. Повар обернул вокруг талии пестрое навахское одеяло, в руке его красовался испанский меч — большой, с решетом цветков, фунтов в пятнадцать весом, с белоснежными, словно восковыми лепестками. Шляпа невесты была украшена ветками мескита и желтыми цветами ратамы. Видавшая виды сетка от комаров служила ей вуалью. За молодой четой брел, спотыкаясь, Дэйвис Граммофон. В качестве посаженного отца он то и дело подносил к глазам конский потник и оглашал воздух рыданиями, которые можно было услышать за милю. Дальше следовали попарно ковбои. Они обменивались замечаниями насчет туалета невесты, по своему разумению изображая гостей на фешенебельной свадьбе.

Едва процессия поравнялась с Хэкетом, он встал и, сказав несколько слов о святости брачных уз, спросил:

— Как вас зовут?

— Салли и Чарлз,— отвечал повар.

— Подайте же друг другу руки, Чарлз и Салли!

Быть может, на свете не было еще столь странной свадьбы. Ибо это была настоящая свадьба, хотя только двое из присутствующих знали это.

После брачной церемонии ковбои прокричали «ура», и на этот вечер потеха была кончена. Все разворачивала одеяла, думая только о том, как бы поскорее завалиться спать.

Повар, снявший с себя свадебный убор, и Маркиз задержались на минуту в тени кладовой. Маркиз склонил голову на плечо новобрачному.

— Я просто не знала, на что решиться,— сказала она.— Отец умер, и нам, ребятам, не на кого было надеяться.

Я столько помогала ему с коровами, что решила пойти в ковбой. Чем еще могла я прокормиться? Особенного удовольствия мне это занятие не доставило, и я бы давно убежала, если бы не...

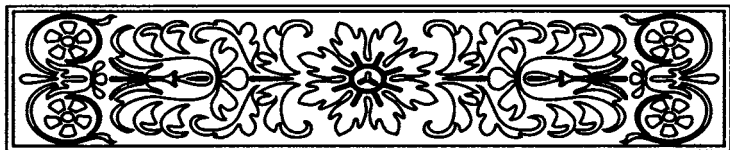
— Если бы не что?

— Сам знаешь... Но объясни мне... Как тебе пришло в голову?.. Когда ты первый раз...

— Да в ту же самую минуту, как мы приехали в лагерь. Помнишь, Сондерс заорал: «Маркиз и Мисс Салли». Я заметил, как ты смутилась, и сразу подумал...

— Вот нахал! А почему ты решил, что я подумала, что это он про меня сказал Мисс Салли?

— А потому, — невозмутимо отвечал повар, — что Маркиза я принял на свой счет. Мой отец был маркиз Бородэйл. Надеюсь, ты простишь мне это, Салли? Ведь это и в самом деле не моя вина!

ТУМАН В САН-АНТОНИО

Аптекарь впился острым взглядом в бледное лицо, полузакрытое поднятым воротником пальто.

— Не хочется мне отпускать вам,— говорит он с сомнением.— Вы уже взяли двенадцать таблеток морфия час назад.

Покупатель смущенно улыбается.

— Всё ваши кривые улицы. Я не собирался беспокоить вас вторично, да, верно, сбился с пути. Прошу прощения.

Подтянув повыше воротник пальто, он медленно направляется к выходу. Останавливается на углу, под электрическим фонарем, рассеянно вертит в руках маленькие картонные коробочки.

— Тридцать шесть,— бормочет он про себя.— Хватит за глаза.

Все дело в том, что серый туман завладел в эту ночь городом и холодный страх схватил за горло его гостей. Три тысячи больных, если верить статистике, проводили эту зиму в Сан-Антонио. Они съехались сюда со всех концов страны, прослышав, что узкие, петляющие по обеим сторонам реки улочки избрал своим местом пребывания великий бог Озон.

Самый чистый воздух, сэр! Чище нет на земле! Ну да, речка вьется через весь город, но это не значит, что у нас есть малярия, о нет, сэр! Многократные пробы, проводившиеся как местными, так и столичными экспертами, показали, что наш воздух не содержит в себе ничего вредоносного — ничего, кроме озона, чистого озона, сэр! Опыты с лакмусовыми бумажками на всем протяжении реки выявили... Впрочем, вы прочтете это в наших проспектах. А не то любой из местных жителей перескажет их вам слово в слово.

Мы достигли чудес в смысле климата, но погода не в нашей власти. И Сан-Антонио снимает с себя ответственность за этот холодный серый туман, который целует в губы три тысячи жертв и распинает их на кресте. В такую ночь свире-

пеют прожорливые туберкулезные бациллы, которых держала в узде надежда. Бледные цепкие пальцы тумана задушили в эту ночь не одного обреченного. Не один служитель бога Озона сдался в эту ночь врагу и повернулся на постели лицом к стене в той холодной тупой апатии, которая так пугает окружающих. И не одна душа отлетела прочь вместе с хлынувшей из горла алой струйкой крови, оставив позади мертвые тела — холодные и белые, как самый туман. А некоторые увидели в этом атмосферном посланце призрак великого, невысказанного соблазна; он нашептал им, как нелепо вдыхать воздух в легкие только затем, чтобы выдохнуть его обратно, и они обрели покой с помощью того, что подвернулось под руку, — пистолета, газа или благодетельной соляной кислоты.

Покупатель морфия долго бредет в тумане и, наконец, останавливается на одном из десятка чугунных мостов в центре города, перекинутых через маленькую капризную речонку. Задышавшись, он прислоняется к перилам, ибо туман сгустился здесь, он притаился, как тать, и готов задушить любого из Трех Тысяч, который пройдет этим путем. Надсадный чахоточный кашель рождает насмешливое эхо в железных тросах моста, и они звенят, словно издеваясь:

«Кликети-кляк! Чугочку холодно, чугочку сыро! Но только не от реки, сэр! Лакмусовые бумажки на всем протяжении, и ничего, кроме озона. Клякети-кляк!»

Справившись с кашлем, приезжий из Мемфиса замечает шагах в десяти от себя какую-то фигуру в пальто; незнакомец привалился к перилам моста и тоже старается отдышаться после очередного приступа кашля. Три Тысячи — это своего рода братство, они обходятся без обычных формальностей при знакомстве. Кашель заменяет им визитную карточку, кровохарканье — рекомендательное письмо. Приезжий из Мемфиса, оправившись первым, первым и вступает в разговор.

— Гудол. Мемфис. Туберкулез легких. Кажется, последняя стадия.

Три Тысячи скупы на слова. Слово — это дыхание, а его надо беречь для того, чтобы выписывать чеки докторам.

— Хэрд, — хрипит другой. — Хэрд. Из Толедо. Огайо. Катаральный бронхит. Тоже скоро крышка... врач сказал. Дает мне четыре недели, если буду беречься. Ты уже получил увольнительную на тот свет?

— Мой доктор, — с оттенком хвастовства говорит Гудол из Мемфиса, — обещает мне еще три месяца.

— А, черт с ней... с разницей! — ворчит толедец, заполняя промежутки между словами хрипом и свистом. — Что такое месяц? Я вот свой срок... скошу... до одной недели... и подохну в какой-нибудь трясучке — на четырех колесах... чтоб не трястись на постели. В кабаках, гляди, вой подымут, когда я отправлюсь к праотцам. Я кабаки-то, можно сказать, облагодетельствовал с тех пор, как взял этот аллюр. Слышь, Гудол из Мемфиса... если твой доктор отмерил тебе такую малость... ты бы... вот, как я... кутнул во всю мочь... и отправился бы ко всем чертям легко и без проволочки.

— Кутнуть? — повторяет Гудол из Мемфиса, видимо, осваивая эту новую для него идею. — Я никогда не пробовал. У меня была другая мысль, но...

— Пойдем выпьем, — предлагает толедец. — Я уже вторые сутки накачиваюсь... да чертово зелье что-то перестало забирать... не то, что прежде. Гудол из Мемфиса, у тебя какое дыхание?

— Двадцать четыре.

— А температура?

— Сто четыре.

— Ну, ты через два дня окочуришься. А меня... меньше чем в неделю не свернет. Надерись, друг Гудол... загуляй так, чтоб чертям тошно стало... тут тебя и прихлопнет... без лишних издержек и хлопот. Эх, будь я проклят, ну и курорт же... курам на смех! Туман с озера Эри заблудился бы в этом тумане через две с половиной минуты.

— Вы сказали что-то насчет выпивки, — напоминает Гудол.

И вот они уже сидят у сверкающей стойки бара и дают отдых ногам за счет локтей. Бармен, белобрысый, тучный, вылощенный, наливает им виски, отмечая про себя, что эти двое — из числа Трех Тысяч. Один клиент — хорошо одетый мужчина средних лет, с изборожденным морщинами исхудалым лицом. Другой — совсем еще мальчик; огромные глаза над поднятым воротником пальто. Ловко маскируя скуку, порождаемую бесконечным повторением одного и того же, виночерпий за стойкой заводит санитарную сагу Сан-Антонио:

— Сыроватый вечер, джентльмены. Редкость для нашего города. Небольшой туман с реки. Совершенно безвредный, впрочем. Многократные пробы...

— К черту ваши лакмусовые бумажки,— хрипит толедец.— Не примите, конечно, на свой счет.. Мы уже о них слышали. Пускай себе краснеют, синеют или белеют. Нас больше интересуют многократные пробы этого виски. Повторим? Прошлый раз платил я, Гудол из Мемфиса.

Бутылка клонится то к одному стакану, то к другому и не сходит со стойки. Бармен с любопытством наблюдает, как два полуживых человека хлопают «Кентуккийскую красотку» стакан за стаканом, и думает о том, что такое количество виски уже свалило бы с ног дюжину ковбоев, а эти — ни в одном глазу и только следят с задумчивым и печальным интересом за странствиями бутылки. Это заставляет его высказать участливое опасение по поводу последствий.

— Вашей бурдой нас не проймешь,— говорит толедец.— У нас прививка — из виски... и рыбьего жира. Если бы вы пили с нами, вас бы уж, верно, сволокли в участок, а мы только-только разохотились. Давайте еще бутылку.

Искать смерть в стакане вина — канительное дело. Надо придумать что-нибудь другое. Они выходят из бара и снова ныряют в туман. Тротуары — чуть приметные тропки у подножия домов; улицы — холодные, сырые ущелья, туман заливает их, как поток в половодье. Где-то неподалеку — мексиканский квартал. Сквозь туман, как по проводу, плывут звуки: бренчанье гитары и волнующий голос какой-то сеньориты:

*En las tardes sombrillos del invierno
En el prado a Marar mereclino
Y maldigo mi fausto destino —
Una vida la mas infeliz.*

Они не понимают слов — ни тот, что из Мемфиса, ни тот, что из Толедо, но к чему слова — самое пустое и ничтожное в жизни? Музыка бередит душу искателей нирваны и вырывает у толедца признание:

— Как подумаю о своих ребятишках, так просто... Черт подери, мистер Гудол из Мемфиса, маловато мы с вами хвятили виски. Да еще эта тягучая музыка... Забываешь, что надо забыть.

Тут Хэрд из Толедо поспешно вытаскивает часы и восклицает:

— Провалиться мне! Совсем забыл. Я же условился встретиться с приятелями в одиннадцать часов, чтобы прокатиться на источник в Сан-Педро. С одним парнем из Нью-Йорка и двумя девицами — сестрами Кастилло из «Рейнгельдер гарден». Этот парень — везучий, собака, одно легкое целехонько. Год еще протянет. И куча денег притом. Вся гулянка за его счет. Никак нельзя упустить такой случай. Жаль, что тебя не будет с нами. Ну, прощай, Гудол из Мемфиса.

Он заворачивает за угол и спешит прочь, без стеснения оборвав знакомство, как делают те, кто стоит одной ногой в могиле, ибо, когда человек чувствует приближение конца, его эгоизм и себялюбие расцветают пышным цветом. Но вот он оборачивается, и из тумана долетает его голос:

— Гудол из Мемфиса! Если ты меня опередишь, скажи им там — Хэрд идет следом. Хэрд из Толедо, штат Огайо.

И с этими словами искуситель Гудола покидает его. Юноша не выражает ни недовольства, ни сожалений. Его бьет кашель. Когда приступ проходит, Гудол безучастно бредет дальше по какой-то улице, названия которой он не знает и не стремится узнать. Но вот он видит вращающуюся дверь и слышит звуки духовых и струнных инструментов. Двое мужчин входят в эту дверь, и он следует за ними. Он попадает в какой-то вестибюль, щедро уставленный пальмами, кактусами и олеандрами в кадках. За маленькими мраморными столиками сидят люди. Официанты бесшумно разносят пиво. Все здесь чисто, чинно, весело и уныло — развлечение на немецкий лад. Справа от входа юноша видит лестницу. Человек, стоящий внизу у перил, протягивает руку. Гудол достает пригоршню серебра, и человек выбирает оттуда одну монетку. Гудол поднимается по лестнице и видит две галереи. Они тянутся по сторонам концертного зала, который расположен в глубине здания, позади вестибюля. Галереи разделены на небольшие ниши, или ложи; легкие кружевные занавеси у входа в ложи придают им характер некоторой интимности.

Бесцельно бредя по проходу мимо этих стыдливо-нахальных убежищ, Гудол замечает в одном из них молодую женщину, которая сидит одна, в задумчивой позе. Молодая женщина видит приближающегося Гудола. Она улыбается ему, и он замирает на месте. Потом, следуя ее приглашению, нерешительно опускается на стул напротив нее; между ними столик.

Гудолу всего девятнадцать лет. Жестокая богиня Чахотка отмечает иных печатью красоты, прежде чем их погубить, и Гудол — из их числа. Грозный румянец, горящий на восковых щеках, придает ему особое, пугающее очарование. У него отрешенный взгляд человека, чувствующего свою обреченность. Ведь никому не дано знать свое будущее, и потому всякий страшится приподнять над ним завесу.

Молодая женщина хорошо одета, женственна, красива, нежна и полна очарования — неувыдаемого очарования Евы.

Как они находят путь друг к другу — неважно. Путь этот короток и прям, он подсказан обстоятельствами.

Кнопка звонка на перегородке время от времени передает сигнал; официант приходит и уходит.

Задумчивая красавица отказывается от вина. Ее толстые белокурые косы падают почти до полу — она, несомненно, ведет свой род от Лорелеи. И официант приносит пиво — холодное, пенистое, зеленовато-золотистое. Оркестр на эстраде взывает: «Рахиль, ты мне дана...» Юная пара уже многое успела поведать друг другу. Она называет его Уолтер, а он ее — мисс Роза.

Гудол чувствует себя легко. Он рассказывает ей о себе, о своем родном доме в Теннесси — старом доме с колоннами в тени вековых дубов. О лошадях, об охоте, обо всех своих друзьях, даже о цыплятах и о кустах самшита, окаймляющих садовую дорожку. О том, как он отправился на юг искать в целебном климате спасения от своего наследственного врага — чахотки. О том, как три месяца жил на ранчо. Об охоте на оленей, о гремучих змеях, о веселой, бесшабашной жизни ковбойского лагеря. И о своем приезде в Сан-Антонио, где знаменитый специалист дал ему понять, что дни его сочтены. И, наконец, об этой ночи, когда туман бледной рукой мертвеца сдавил ему горло, сломил его дух, и он ринулся искать свою пристань среди его свинцовых волн.

— На этой неделе не пришло письма из дому, — говорит он, — и я совсем было раскис. Я ведь знаю, что конец близок, и уже устал ждать. Я вышел на улицу и стал покупать морфий в каждой аптеке, где соглашались отпустить мне хоть несколько таблеток. Набрал их тридцать шесть штук — по четверть грана каждая — и хотел пойти домой и принять, но тут мне встретился на мосту один чудак, который подал новую мысль.

Гудол бросает на стол маленькую картонную коробочку.

— Я сложил их все сюда,— говорит он.

Мисс Роза, как истая женщина, должна, разумеется, раскрывать коробочку и поежиться в испуге, взглянув на невинное с виду снадобье.

— Страх какой! Но неужто эти крошечные белые лепешечки... Да нет, никогда не поверю, что они могут убить человека!

О да, могут, могут! Уж он-то знает. Девять гранов морфия! Хватит и половины.

Мисс Роза требует, чтобы он рассказал ей о мистере Хэрде из Толедо, и Гудол удовлетворяет ее любопытство. Она смеется восхищенно и простодушно, как ребенок.

— Какой смешной малый! Но расскажите мне еще о вашем доме и сестрах, Уолтер. О Техасе, тарантулах и ковбоях я уже, кажется, все знаю.

Эта тема очень дорога сейчас его сердцу, и он снова рассказывает ей про свой родной дом, вспоминает различные мелкие, незатейливые подробности — все то, что нежными и крепкими узами связывает изгнанника с родиной. К одной из сестер, Элис, он особенно часто возвращается в своих воспоминаниях.

— Она похожа на вас, мисс Роза,— говорит он.— Может, и не такая красивая, но такая же милая, и добрая, и чистая...

— Ну, ну, Уолтер,— обрывает его мисс Роза,— расскажите теперь о чем-нибудь другом.

Но вот на стену в проходе падает чья-то тень, а следом за тенью движется фигура плотного, хорошо одетого мужчины. Он приближается, неслышно ступая, к кружевной занавеске на двери, задерживается на секунду и проходит дальше. И тотчас в дверях возникает официант:

— Мистер Рольф просит...

— Передайте Рольфу, что я занята.

— Не знаю, в чем тут дело,— говорит Гудол из Мемфиса,— но я чувствую себя куда лучше. Час назад я мечтал умереть, а когда я встретил вас, мисс Роза, мне так захотелось пожить еще.

Молодая женщина обходит вокруг столика, обнимает юношу за шею и целует в щеку.

— Ты и должен жить, мой славный мальчик,— говорит она.— Я знаю — виной всему этот мерзкий туман. Он нагнал на тебя тоску... да и на меня тоже... чуть-чуть. А посмотри-ка!

Быстрым движением она отдергивает портьеру. Окно в стене — напротив двери, и, о чудо! Туман растаял. Благодетельница-луна снова плывет на просторе по бездонно-синему небу. Крыши, балконы и шпили отливают жемчугом и перламутром. Сияющий небесный свод отражается в реке, которая вьется где-то там внизу, между домами, то исчезая, то появляясь снова. Заря принесет на завтра ясный день — свежий, бодрый, радостный.

— Как можно говорить о смерти, когда мир так чудесен! — восклицает мисс Роза, кладя руку на плечо юноши. — Сделайте то, о чем я вас прошу, Уолтер... ради меня. Пойдите сейчас домой, отдохните и скажите себе: «Я должен выздороветь!» И сдержите слово.

— Хорошо, — улыбаясь, говорит юноша. — Я сделаю так, раз вы просите.

Появляется официант с полными стаканами на подносе. Нет, они не звонили, но это кстати. Он может оставить им пиво.

Последний стакан на прощанье. Мисс Роза говорит:

— За ваше здоровье, Уолтер!

Он отвечает:

— За нашу скорую встречу!

Его глаза не смотрят больше в пустоту. Перед ним — видение того, что побеждает смерть. В эту ночь он вступил в новую, неизведанную страну. Он послушен и готов уйти.

— Доброй ночи, — говорит она.

— Я еще никогда не целовал женщины, — признается он. — Только сестер.

— Ну, вы и теперь еще не целовали, — смеется она. — Это я поцеловала вас — на прощанье.

— Когда мы встретимся? — снова спрашивает он.

— Вы обещали мне пойти домой, — говорит она, сдвинув брови. — И выздороветь. Быть может, мы встретимся скоро. Прощайте, Уолтер.

Он все еще медлит, со шляпой в руке. Мисс Роза улыбается и целует его еще раз — в лоб. Она провожает его глазами, пока он не исчезает в глубине прохода; потом возвращается к своему столику.

На стену снова падает тень. На этот раз плотный, слышно ступающий мужчина отодвигает кружевную занавеску и заглядывает внутрь. Глаза мисс Розы встречают его взгляд, и так — скрестив оружие — они с минуту ведут этот

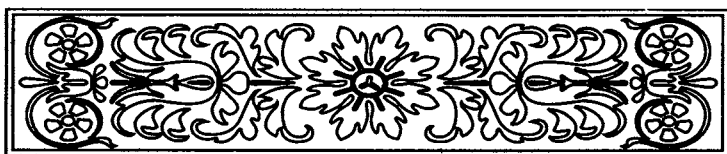
молчаливый поединок. Потом мужчина опускает занавеску и уходит.

Оркестр внезапно смолкает, и из соседней ложи доносится чей-то самодовольный голос. Должно быть, кто-то из местных жителей угощает там приезжего гостя. Мисс Роза откинулась на спинку стула и улыбается, уловив отдельные восклицания:

— Самый чистый воздух, сэр... лакмусовые бумажки... лучшие в мире... ничего вредоносного... наш город... только озон... чистый озон!

Официант возвращается за стаканами и подносом. При его появлении мисс Роза комкает в кулаке пустую картонную коробочку и швыряет ее в угол. Шляпной булавкой она размешивает что-то в своем стакане.

— Что это, мисс Роза,— говорит официант привычным, любезно-фамильярным тоном,— до утра еще далеко, а вы уже начинаете солить пиво?

ПО СЛЕДАМ УБИЙЦЫ, ИЛИ ТАЙНА УЛИЦЫ ПЕШО

Париж, полночь. На темных водах Сены, таинственно струящихся мимо Вандомской площади и черных стен монастыря Нотрдам, играют блики фонарей, бесконечной цепочкой протянувшихся вдоль Елисейских полей и Больших бульваров.

Великая французская столица не спит.

В этот час миром правят зло, преступление и грех.

Сотни фиакров бешено проносятся по улицам, доставляя домой из оперных и концертных залов усыпанных драгоценностями женщин, прекрасных, как мечта, а в миниатюрных, похожих на бомбоньерки ложах кафе «Ту ле Тан» ужинают, смеются, острят, перебрасываясь бонмо, колкостями, шутками, рассыпая жемчужины мысли и тонкой беседы.

Роскошь и нищета шагают по улицам бок о бок. Бездомный гамен, выклянчивающий су на ночлег, и расточительный повеса, швыряющий на ветер золотые луидоры, проходят по одним и тем же тротуарам.

В час, когда другие города погружаются в сон, Париж погружается в водоворот веселья.

Первое действие нашей драмы разыгрывается в погребке¹ на улице Пешо.

Густая пелена табачного дыма от бесчисленных трубок застит свет. Воздух — сгусток множества зловонных дыханий. Мерцающее пламя единственного газового рожка тускло освещает сцену, достойную кисти Рембрандта, или Морленда, или Кейзеля.

Гарсон разливает по выщербленным чайным чашкам скудные порции абсента и обносит ими тех членов этого разношерстного сборища, которые в состоянии наскрести в кармане несколько су.

¹ См. отдел объявлений в ежедневных газетах под рубрикой «Где можно хорошо пообедать». (Примеч. авт.)

Прислонившись к стойке бара, стоит Канайя Крюшон, более известный под кличкой Серый Волк.

Это самый плохой человек в Париже.

Рост его превышает четыре фута десять дюймов; острый хищный профиль и буйная масса серых всклокоченных волос на голове и на лице заслужили ему это страшное прозвище.

Его полосатая блуза расстегнута на груди и небрежно заправлена в грязные кожаные штаны. Из-за пояса торчит рукоятка не знающего пощады ножа. Один удар его острого лезвия мгновенно вскрывает любую коробку лучших французских сардин.

— Voila¹, Серый Волк! — восклицает бармен Кухо.— Сколько жертв на твоем счету сегодня? Что-то я не вижу крови у тебя на руках. Неужто Серый Волк разучился кусаться?

— Sacre Bleu, Mille Tonnerre², черт подери! — скрежеща зубами, произносит Серый Волк.— Вы что-то слишком расхрабрились, месье Кухо, кто вам позволил так разговаривать со мной? Клянусь преисподней, я сегодня даже не обедал. Какая там добыча! В Париже просто житья не стало. За две недели мне удалось придушить и ограбить единственного богатого американца.

А все эти демократы! Они погубят страну. С этим своим подоходным налогом и свободой торговли они совсем расшатали крупный капитал. Carramba! Diable!³ Провалиться им!

— Ш-ш-ш! — зашипел вдруг старьевщик Шампани, обладатель капитала в двадцать миллионов франков.— Кто-то идет сюда!

Дверь погребка отворяется, и какой-то мужчина, мягко ступая, спускается по шатким ступенькам. Все в безмолвном оцепенении наблюдают за ним.

Мужчина подходит к стойке бара, кладет на нее свою визитную карточку, заказывает стакан абсента, достает из кармана маленькое зеркальце, устанавливает его на стойке и принимается прилаживать себе фальшивую бороду и парик и рисовать углем морщины, быстро превращаясь в старика семидесяти одного года от роду.

¹ Здесь: послушай! (*фр.*)

² Французские ругательства.

³ Испанское и французское ругательства.

После чего, забившись в самый темный угол, он начинает следить оттуда за всеми, зыряка по сторонам острыми, как у хорька, глазами.

Серый Волк крадучись приближается к стойке и впивается взглядом в визитную карточку, оставленную незнакомцем.

— Святая преподобная Бригитта! — восклицает он. — Да это же Тикток, сыщик!

Минуту спустя в погребок входит очень красивая женщина.

Изнеженная, выросшая в холе, привыкшая к самой изысканной роскоши, какую можно приобрести за деньги, эта женщина на заре своей юности бежала из монастыря святой Сюзанны де ла Монтард с Серым Волком, гленившись его бесчисленными преступлениями и его профессией, не позволявшей ему скрипеть башмаками в прихожей и храпеть в постели.

— Parbleu¹, Мари! — зарычал Серый Волк. — Que voulez vous? Avez-vous le beau cheval de mon frère, ou le joli chien de votre rigre?²

— О нет, нет, Серый Волк! — возопило разноликое собрание плутов, убийц и карманников, ибо даже их зачерствелые сердца были потрясены этими ужасными словами. — Mon Dieu!³ Ты не можешь быть столь жесток!

— Tiens!⁴ — огрызнулся обезумевший от ярости Серый Волк, и нож блеснул в его руке. — Voila! Canaille! Tout le monde, carte blanche enbonpoint sauve que peut entre nous revenez nous a nos moutons!⁵

Испуганные санюлоты отпрянули в ужасе, а Серый Волк, схватив Мари за волосы, рассекает ее на двадцать девять абсолютно равновеликих кусков.

Наступает могильная тишина. Серый Волк еще стоит с окровавленными руками над трупом, а седобородый старик, наблюдавший эту сцену, срывает с себя фальшивую бороду и парик, и убийца видит перед собой знаменитого французского сыщика по имени Тикток.

¹ Французское ругательство.

² Чего вы хотите? Есть ли у вас красивая лошадь моего брата или хорошенькая собачка вашего отца? (Пародируются фразы из учебника французского языка.)

³ Боже мой! (фр.)

⁴ Здесь: Вот как! (фр.)

⁵ Бессвязный набор французских слов и ходовых выражений.

Безмолвные и остолбеневшие, взирают завсегда на погребка на величайшего из современных сыщиков, приступившего к выполнению своего профессионального долга.

Он же первым делом принимается измерять рулеткой расстояние от трупа убитой женщины до стены; затем записывает фамилию бармена и день, месяц и год, когда было совершено преступление. После чего, достав из кармана сильный микроскоп, тщательно изучает каплю крови, взятую из растекшейся по полу лужи.

— Mon Dieu! — бормочет великий сыщик.— Это именно то, что я предполагал и чего опасался, — это человеческая кровь!

И, быстро записав в свой блокнот результаты проведенного расследования, великий сыщик покидает погребок.

Он спешит в главное управление парижской жандармерии, но внезапно застывает на месте, досадливо хлопнув себя по лбу.

— Mille tonnerre! — бормочет он.— Мне же следовало спросить имя этого человека с ножом в руке!

Герцогиня Валери дю Бельведер дает прием у себя во дворце.

Покои залиты мягким светом парафиновых свечей в тяжелых серебряных канделябрах.

Здесь собралась вся знать и все богачи Парижа.

Из-за портьеры льется музыка четырех духовых оркестров, исполняющих популярную мелодию «Кто в лес, кто по дрова». Лакеи в расшитых позументом ливреях бесшумно разносят кружки с пивом и выносят яблочную кожуру, которую гости бросают на ковер.

Валери, седьмая герцогиня дю Бельведер, окруженная красивейшими, храбрейшими и умнейшими представителями столичной знати, возлежит на оттоманке литого золота, откинувшись на подушки из гагачьего пуха.

— Ах, мадам, — говорит принц Шампиньон из Пале-Руаля, угол Семьдесят третьей улицы, — как сказал Монтескье, «Rien de plus bon tutti frutti»¹ — вы сама молодость. Сегодня в вашем салоне нет никого красивее и остроумнее вас. Я едва могу поверить своим глазам, когда вспоминаю, что тридцать один год тому назад вы...

¹ Нет ничего лучше тупти-фрутти (фр.).

— Полно вздор-то молоты! — властно говорит герцогиня.

Принц отвешивает низкий поклон и, вытащив усыпанный брильянтами кинжал, наносит себе смертельный удар в сердце.

— Немилость вашей милости страшнее смерти,— говорит он, берет свое пальто и шляпу с каминной полки и покидает зал.

— Voila,— говорит Бэбэ Франкмассон, лениво обмахиваясь веером.— Все мужчины на один лад. Лыстите им, и они будут целовать вам ручки. Ослабьте хоть на миг шелковые вожжи тщеславия и самомнения, которыми вы держите их в плену, и эти сукины дети уже плевать на вас хотели. А по мне, так ну и черт с ними.

— Ах, принцесса,— со вздохом произносит граф Пумперникель и, наклонившись к принцессе, шепчет ей на ухо, пожирая ее глазами: — Вы слишком беспощадны к нам. Бальзак говорит: «Женщина — это то, чем ни одно живое существо не может быть по отношению к другому». Неужели вы с ним не согласны?

— А, бросьте,— говорит принцесса.— Философия мне приелась. Пошли вы с ней!..

— Так пошли, что ль, отсюда? — говорит граф.

Рука об руку они выходят и направляются в игорный дом.

Арманда Флердоранж, юная меццо-балерина из «Фоли Бержер», готовится петь.

Слегка откашлявшись, она кладет объемистый кусок жевательной резинки на крышку рояля, так как по залу уже разносятся звуки аккомпанемента.

Сейчас она запоеет. Герцогиня дю Бельведер, хищно вцепившись в подлокотники оттоманки, впивается в певицу остекленевшим от напряжения взором.

Она затаила дыхание.

Арманда де Флердоранж, не издав ни звука, шатается и, смертельно побледнев, как подкошенная падает замертво на пол. Герцогиня испускает вздох облегчения.

Она ее отравила.

Потрясенные гости, едва дыша, толпятся вокруг рояля, и по телам их пробегает дрожь, когда они, взглянув на стоящие на пюпитре ноты, видят, что романс, который не успела спеть балерина, называется «Красотка Мари».

Двадцать минут спустя темная, закутанная в плащ фигура выходит из ниши в сводчатой стене Триумфальной арки и быстрым шагом устремляется в северном направлении.

Мы видим, что это не кто иной, как сыщик Тикток.

Сеть улик все туже затягивается вокруг убийцы Мари Крюшон.

На колокольне собора Нотрдам часы показывают полночь.

В других расположенных поблизости пунктах точно такое же время суток.

Шпиль собора возносится на 20 тысяч футов над мостовой, и случайный прохожий, быстро произведя в уме простое арифметическое действие, легко может установить, что собор этот, по крайней мере, вдвое выше других соборов, насчитывающих в высоту всего 10 тысяч футов.

На вершине шпиля имеется небольшой деревянный помост, на котором может поместиться одновременно не более одного человека.

На этом углу сооружения, приходящем в колебательное движение от дуновения самого легкого ветерка, притулилась закутанная до бровей фигура человека, загримированного под оптового торговца бакалеей.

Старик Франсуа Бонбаллон, знаменитый астроном, изучая звездные миры из своего чердачного окошка на Рю де Болонь, содрогнулся от ужаса, случайно направив свой телескоп на одинокую фигуру на верхушке шпиля.

— *Sacré Bleu!* — прошипел он сквозь свои новые зубы из целлулоида. — Это же Тикток, сыщик. Хотел бы я знать, за кем он на этот раз охотится!

Тикток острым рысьим взглядом окидывает холм Монмартра и внезапно слышит тяжелое дыхание у себя за спиной. Мгновенно обернувшись, он встречает устремленный на него бешеный взгляд Серого Волка.

Канайя Крюшон, прикрепив к ногам патентованные монтерские когти «Уорлд Юнайтед Телеграф Компани», вскарабкался на шпиль собора.

— *Parbleu, messe,* — говорит Тикток. — Кому я обязан честью этого визита?

Серый Волк улыбается — мягко и слегка пренебрежительно.

— Вы Тикток, сыщик? — говорит он.

— Да, это я.

— Тогда слушайте: я убийца Мари Крюшон. Она была моей женой. У нее были холодные ноги, и она ела лук. Что мне еще оставалось делать? Но жизнь манит меня. Я не хочу на гильотину. Я узнал, что вы напали на мой след. Верно ли, что расследование убийства поручено вам?

— Да, это так.

— Хвала Создателю, тогда я спасен.

Серый Волк тщательно поправляет когти на ногах и спускается вниз.

Тикток достает из кармана блокнот и что-то в него записывает.

— Наконец,— произносит он вслух,— у меня есть ключ к разгадке тайны.

Граф Канайя Крюшон, известный когда-то под кличкой Серый Волк, стоит в роскошной гостиной своего дворца на Восточной Сорок седьмой улице.

Спустя три дня после сделанного им сыщику признания он случайно заглянул в карманы выброшенной за непригодность пары брюк и обнаружил там двадцать миллионов франков золотыми монетами.

Внезапно дверь распаивается, и сыщик Тикток с дюжиной жандармов возникает на пороге.

— Я пришел вас арестовать,— говорит сыщик.

— На каком основании?

— По обвинению в убийстве Мари Крюшон в ночь на семнадцатое августа.

— Какие у вас улики?

— Я видел это собственными глазами, а затем вы сами признались мне во всем на шпиле собора Нотрдам.

Расхохотавшись, граф достает из кармана какую-то бумажку.

— Прочтите, что здесь написано,— говорит он.— Вот вам неопровержимое доказательство того, что Мари Крюшон умерла от разрыва сердца.

Сыщик Тикток смотрит на бумажку.

Это чек на сто тысяч франков.

Тикток мановением руки повелевает жандармам удалиться.

— Мы допустили ошибку, господа,— говорит он и, повернувшись, направляется к двери, но граф Канайя преграждает ему путь.

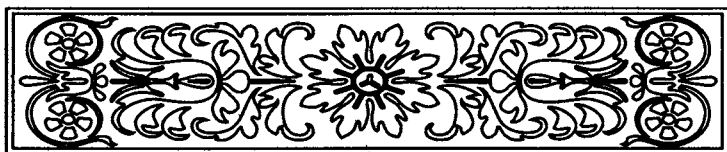
— Одну минуту, месье,— говорит он.

Граф Канайя срывает с себя фальшивую бороду, и мы видим сверкающий взгляд и всемирно известные черты знаменитого сыщика Тиктока.

А затем, прыгнув вперед, он срывает парик и накладные брови со своего посетителя, и перед ним, скрежеща зубами в бессильной ярости, стоит Серый Волк.

Тайна убийства Мари Крюшон так никогда и не была раскрыта.

Я ИНТЕРВЬЮИРУЮ ПРЕЗИДЕНТА

(Вряд ли кто-нибудь успел забыть, что месяц тому назад можно было купить круговой билет в Вашингтон и обратно со значительной скидкой. Чрезвычайная дешевизна этого билета подвигла нас обратиться к некоему остинскому гражданину, принимающему общественные интересы близко к сердцу, и занять у него двадцать долларов под залог нашего типографского станка, а также коровы, и под поручительство нашего брата вкупе с небольшим векселем майора Хатчинсона на четыре тысячи долларов.

Мы приобрели круговой билет, две венские булочки и изрядный кусок сыра, каковые вручили одному из наших штатных репортеров с заданием съездить в Вашингтон и взять интервью у президента Кливленда, по возможности натянув нос всем прочим тexasским газетам.

Наш репортер вернулся вчера утром по проселочной дороге. К обеим его ступням были аккуратно привязаны куски толстой, сложенной в несколько слоев мешковины.

Оказалось, что он потерял круговой билет в Вашингтоне и, разделив венские булочки, а также сыр, с искателями должностей, которые несолоно хлебавши возвращались к себе тем же путем, добрался до дому голодным, с волчьим аппетитом и в надежде на сытный обед.

И вот, правда, с некоторым запозданием, мы печатаем его сообщение об интервью, взятом у президента Кливленда.)

Я — старший репортер «Роллинг стоун».

Примерно месяц тому назад главный редактор вошел в комнату, где мы сидели с ним, беседуя, и сказал:

— Да, кстати. Поезжайте в Вашингтон и возьмите интервью у президента Кливленда.

— Ладно, — сказал я. — Счастливо оставаться.

Через пять минут я уже сидел в сказочно пышном пульмановском вагоне и трясся на пружинном плюшевом сиденье.

Не стану рассказывать подробности моего путешествия. Мне была предоставлена карт-бланш и велено не стесняться в расходах, если у меня будет чем их оплатить. Ублаготворение моего организма было предусмотрено на самой широкой ноге. И Вена и Германия прислали яства, достойные моего взыскательного вкуса.

В пути я всего лишь раз сменил вагон и рубашку и с достоинством отказался разменять два доллара какому-то незнакомцу.

Виды по дороге в Вашингтон разнообразны. Их можно созерцать в окно, а стоит отвернуться, как они же поражают и чаруют взор в окне напротив.

В поезде было очень много Рыцарей Пифии¹, и один начал было практиковать тайное орденское рукопожатие на ручке моей дорожной сумки, но у него ничего не вышло.

По прибытии в Вашингтон, который я сразу узнал, будучи весьма начитан в биографии Джорджа, я покинул вагон столь поспешно, что забыл вручить представителю мистера Пульмана причитающийся ему гонорар.

Я без промедления направился к Капитолию.

Как-то раз во власти *jeu d'esprit*² я изготовил сферическую модель эмблемы нашей газеты — «катящийся камень, который не обрастает мхом». Я взял деревянный шар размером с небольшое пушечное ядро, покрасил его в темный цвет и приделал к нему перекрученный жгутик длиной дюйма в три, как символ мха, которым он не обрастает. И я захватил его с собой в Вашингтон вместо визитной карточки, рассчитывая, что каждый с первого же взгляда уловит столь изящный намек на нашу газету.

Предварительно изучив план Капитолия, я двинулся прямо к личному кабинету мистера Кливленда.

В вестибюле я встретил служителя и с улыбкой протянул ему мою визитную карточку.

Волосы у него встали дыбом, он, как олень, помчался к двери, лег на пол и мгновенно скатился во двор по ступеням длинной лестницы.

— Ага! — сказал я себе. — Наш подписчик-неплательщик.

¹ Один из многочисленных американских клубов, имевших в подражание масонам свой «тайный» ритуал.

² Остроумия (*фр.*).

Затем я увидел личного секретаря президента. Он писал письмо о тарифах и заряжал утиной дробью охотничье ружье мистера Кливленда.

Едва я показал ему эмблему моей газеты, как он выпрыгнул в окно на стеклянную крышу оранжереи, чаровавшей взор редкостными цветами.

Это меня несколько удивило.

Я проверил, в порядке ли мой костюм. Шляпа не съехала на затылок, и вообще в моей внешности не было ничего, что могло бы внушить тревогу.

Я вошел в личный кабинет президента.

Он был один и беседовал с Томом Окилтри. Увидев мой шарик, мистер Окилтри с пронзительным визгом выскочил из кабинета.

Президент Кливленд медленно поднял на меня глаза.

Он тоже увидел мою визитную карточку и сказал сиплым голосом:

— Будьте любезны, подождите минутку.

Президент принялся рыться в карманах сюртука и вскоре извлек из них исписанный листок.

Положив листок на стол перед собой, он встал, простер одну руку над головой и сказал с глубоким чувством:

— Я умираю за свободу торговли, за отечество и... и... и... и за все такое прочее.

Тут он дернул за веревочку, и на столике в углу щелкнул фотоаппарат, запечатлев нас обоих.

— Не надо умирать в палате представителей, мистер президент,— посоветовал я.— Пройдите лучше в зал заседаний сената.

— Умолкни, убийца! — сказал он.— Пусть твоя бомба свершит свое смертоносное назначение.

— Я не прошу о назначении,— произнес я с достоинством.— Я представляю «Роллинг стоун», газету города Остин, штат Техас. Ее же представляет и эмблема, которую я держу в руке, но, по-видимому, не столь удачно.

Со вздохом облегчения президент опустился в кресло.

— А я думал, вы динамитчик,— сказал он.— Минутку... Техас? Техас?

Он направился к большой настенной карте Соединенных Штатов, ткнул указательным пальцем примерно в Айдахо, зигзагом повел палец все ниже и, наконец, нерешительно остановил его на Техасе.

— Ага, вот он! У меня столько дел, что иной раз я забываю самые простые вещи. Погодите-ка... Техас? А, да! Это тот штат, где Айда Уэлс и орава цветных линчевали какого-то социалиста по фамилии Хогг за то, что он безобразничал на молитвенном собрании. Так, значит, вы из Техаса. Я знал одного человека из Техаса. Дэйв Калберсон — так, кажется, его звали. Ну, как там Дэйв? И его семейство? А детишки у Дэйва есть?

— Его парнишка в Остине работает,— сказал я.— Возле Капитолия.

— А кто сейчас президент Техаса?

— Я не вполне...

— Ах, простите! Опять забыл. Мне казалось, я что-то слышал о том, что его вновь объявили самостоятельной республикой.

— А теперь, мистер Кливленд,— сказал я,— не ответите ли вы мне на кое-какие вопросы?

Глаза президента подернулись какой-то странной пленкой. Он выпрямился в кресле, как механическая кукла.

— Приступайте,— сказал он.

— Что вы думаете о политическом будущем нашей страны?

— Я хотел бы заявить, что политическая необходимость требует чрезвычайной безотлагательности, и хотя Соединенные Штаты в теории связаны нерасторжимо и в принципе делимы и не едины, измена и внутриполостные раздоры подорвали единокровие патриотизма и...

— Минуточку, мистер президент,— перебил я.— Будьте добры, смените валик, а? Если бы мне нужны были прописи, я бы мог получить их от Американ ассошиэйтед пресс. Носите ли вы теплое белье? Ваш любимый поэт, приправа, минерал, цветок, а также чем вы предполагаете заняться, когда останетесь без работы?

— Молодой человек! — строго произнес мистер Кливленд.— Вы себе много позволяете. Моя частная жизнь широкой публики не касается.

Я извинился, и к нему не замедлило вернуться хорошее настроение.

— В сенаторе Миллсе вы, техасцы, имеете замечательного представителя,— сказал он.— Честное слово, я не слышал более блестящих речей, чем его обращения к сенату с призывом отменить тариф на соль и повесить его на хлористый натрий.

— Том Окилтри тоже из нашего штата,— сказал я.

— Не может быть. Вы ошибаетесь,— ответил мистер Кливленд.— Ведь он сам как раз это и утверждает. Нет, мне следует все-таки побывать в Техасе и поглядеть своими глазами, что это за штат и такого ли он цвета, каким его изображают на карте, или нет.

— Ну, мне пора,— сказал я.

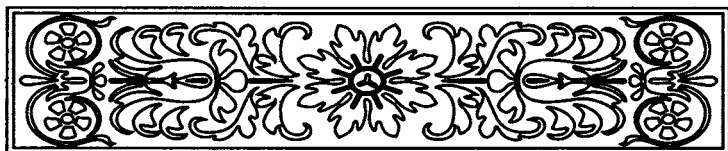
— Когда вернетесь в Техас,— сказал президент, вставая,— обязательно пишите мне. Ваш визит пробудил во мне живейший интерес к вашему штату,— до сих пор, боюсь, я не уделял ему того внимания, которого он заслуживает. Благодаря вам в моей памяти воскресли всякие исторические и по-иному любопытные места — Аламо, где пал Дэйви Джонс, Голиад, Сэм Хьюстон, сдающийся Монтесуме, окаменелый бум, обнаруженный в окрестностях Остина, хлопок по пять центов и сиамская демократическая платформа, родившаяся в Далласе. Я бы с удовольствием посмотрел, чем обилён Абилин, и полюбовался на девушек Деверса¹. Рад был познакомиться с вами. Когда выйдете в вестибюль, сверните налево, а дальше идите все прямо и прямо.

Я отвесил низкий поклон, давая понять, что интервью окончено, и тотчас удалился. Очувтившись снаружи, я без всяких затруднений покинул здание.

Затем я отправился на поиски такого заведения, где продают съестное, которое не значится в списке товаров, облагаемых пошлиной.

Описывать свое возвращение в Остин я не буду. Я потерял мой круговой билет где-то в недрах Белого дома и был вынужден избрать способ возвращения, несколько утомительный для моих башмаков. Когда я покидал Вашингтон, там все были здоровы и просили кланяться.

¹ Эта часть речи президента представляет собой беспорядочную смесь собственных имен, географических названий и намсков на события, так или иначе связанных с Техасом.

НЕЗАКОНЧЕННЫЙ СВЯТОЧНЫЙ РАССКАЗ

По-моему, святочный рассказ должен быть святочным. Новейшие авторы несут в рождественский номер журнала рассказы, из которых правдами и неправдами, с помощью тонких уловок и обходных маневров, вытравлен праздничный дух. Они так преуспели в своих коварных намерениях, что теперь единственный способ распознать, что рассказ святочный, — это искать под строкой примечание: «Действие в этом рассказе происходит 25 декабря. *Ред.*».

Успехи прогресса? Возможно. И тем не менее печально. Ведь святочных сюжетов на свете не стало меньше, оглянитесь вокруг. Что до меня, я сторонник старых добрых рассказов про Скруджа и Марли¹ и песнопений про Энни и Уилли. Я за то, чтобы ровно в полночь, с последним ударом часов, блудный сын возвратился в родительский дом, нагруженный говорящими куклами и кукурузными хлопьями. И за то, чтобы просроченная закладная на этот ветхий, под соломенной крышей домик навсегда улетела в глубокий сугроб...

Так что не бойтесь подвоха с моей стороны. Чулок, набитый гостинцами, висит на каминной полке, дальше вас ждет плумпудинг, рождественский перезвон, а вот и богатый купец, одаряющий в приступе щедрости хромых мальчуганов-газетчиков свистульками по пенни за штуку.

Помню, мне как-то пришлось звонить у парадной двери (это не имеет отношения к рассказу, но тоже прелюбопытно). Дверь вела в меблированный пансион на Западной...надцатой улице. Я искал молодого художника-иллюстратора по фамилии Пэли. Он был родом из Терри-Хота, но потом переехал в Нью-Йорк. С моим святочным рассказом Пэли никак не связан. Называю его просто так, чтобы стало

¹ Скрудж и Марли — персонажи святочного рассказа Диккенса «Рождественская песнь в прозе».

янее, зачем я звонил у подъезда (есть ведь такие читатели, которым все надо знать). Дверь открыла хозяйка. Я встречал таких сотни. Еще не увидев ее, я учуял промозглый меблированный воздух, пытавшийся вырваться прочь из пансионной темницы

Это была тучная женщина. Руки и лицо у нее были белые-белые, как будто ее вымачивали в бочке, наполненной уксусом. Она придерживала у горла рукой фланелевую кофту без пуговиц, сшитую по какой-то неведомой миру моде. Ниже ее облегала, в цветах по черному полю, атласная длинная юбка, жесткие складки которой мели за ней пол.

Прочее все было желтым. Когда-то она окунула свою шелвелюру в фонтан, где жила беззаботная нимфа Водородная Перекись, но теперь, по прошествии времени, грязно-седой колорит утвердил себя снова. Глаза у нее были желтые, зубы и ногти желтые. Отвислые щеки тряслись в унисон с шагами. На лице лежал отпечаток той неизбывной грусти, какую можно увидеть у пса на пороге покинутого хозяином дома.

Я сказал, что мне нужен Пэли. Долгий холодный взгляд выразил подозрительность. Потом послышался голос, тусклый, заношенный, как фланель ее кофты.

Пэли? Уверен ли я, что его зовут Пэли? Может быть, Сандерсон, третий этаж, окна во двор? — Нет, я хочу видеть Пэли. Снова недвижный, пронзающий душу взгляд бледно-желтых глаз. Мне не удастся ее провести, все мои жалкие фокусы будут раскрыты.— Мистер Томкинс живет на втором этаже, окна на улицу. Не его ли мне надобно? Томкинс ходит в ночную смену, возвращается в семь утра. Или, может быть, Таккер (вот он, ваш пресловутый Пэли!), Таккер приходит к пяти..

Я уперся, мне нужен Пэли. Пэли? Такого нет. Банг! Дверь захлопнулась. Послышался скрежет задвижек.

Я спустился с крыльца и задумался. Номер дома был 43. Пэли сказал 43. А вдруг он сказал 45? Или, может быть, 47? Пропущу один дом, попытаю счастья у 47-го.

Звонок. Дверь раскрылась. Там стояла та самая женщина. Дело было не в сходстве. Та же самая женщина придерживала у шеи рукой ту же самую кофту, вперив в меня желтый взгляд, словно видя меня впервые. Уже примеченный мной черно-красный след от ожога, полученного, вернее всего, у раскаленной плиты, красовался на сгибе ее среднего пальца.

За время, что я стоял, раскрыв рот и тараща глаза, другой мог бы без спешки досчитать до пятидесяти. Я ни слова не молвил о Пэли, я забыл его имя начисто. Далее я действовал как человек, не лишенный присутствия духа, но притом понимающий, что в природе есть силы, тайны которых нам до конца не открыты. Пятясь, я слез с крыльца, потом быстро пошел по улице, не глядя ни вправо, ни влево, только вперед. Увы, сколь тревожны, подумал я, встречи с подобным феноменом для специалиста-психолога. А как насчет тех, кто занимается переписью населения?

Позднее все разъяснилось — обычная судьба необъяснимых явлений.

Хозяйка, являвшаяся мне дважды в дверях, была миссис Кэннон. Она сняла для своего пансиона три дома подряд, а потом, пробив стены, соединила их сквозным коридором. Сама жила в среднем доме и откликалась на звонки во всех трех.

Но к чему я так задержался с этим прологом? Можно было сделать короче. Просто крикнуть, как водится в штатах Среднего Запада: «Знакомьтесь, господа, миссис Кэннон!»

Дело в том, что как раз в ее триедином доме разыгралось действие моего святочного рассказа. Толкуя с ее квартирантами, я выяснил факты, неоспоримые факты, я встретил там Стикни и — главное — увидел тот галстук.

Рождество в этом году выпало на четверг, снег тоже выпал в четверг.

Что касается Стикни (Гарри-Кларенса-Фаулера Стикни, если кто пожелает знать полностью имя, полученное им при крещении), то он прибыл по адресу в среду, в половине седьмого вечера (прибыл по адресу — на нью-йоркском наречии означает вернулся домой). Стикни живет в доме 45 по Западной ...надцатой улице, третий этаж, окна во двор. Ему двадцать лет и четыре месяца, и он служит в магазине фотографических принадлежностей (здесь же можете сдать свои снимки, их проявят и отпечатают). Что именно делает Стикни в том магазине, не знаю, но ручаюсь, что вы его видели. Он стоит за прилавком, и, войдя, вы ему растолковываете, зачем вы сюда пришли. После чего он пронзительным голосом подзывает хозяина. Теперь вы должны еще раз объяснять все хозяину, а Стикни уходит небрежной походкой, посвистывая.

Не будем терять здесь времени на описание внешности Стикни. Впрочем, если читатель игрок на бильярде, могу

пояснить, что Стикни полнейшая копия того молодого бездельника, который, когда вы, промазав шара, плететесь к любимому креслу, всегда умудряется сесть раньше вас и сидит там, блаженно покуривая.

Рождество — не для всех Рождество. Есть, конечно, богатые люди и люди недурно устроенные, живущие в особняке или в удобной квартире, у хозяйки, на всем готовом, на худой конец, в мебелированных комнатах с гостиничным обслуживанием. Эти знают, что в городе праздник. Они носят друг другу подарки (соскребя предварительно ножичком ярлык с указанием цены), украшают окна на улицу гирляндами из остролиста и на вопрос за обедом, чего им желательно, грудку или ножку индейки, отвечают осклабясь: «Того и другого».

Бедняки урывают свое. Армия Спасения стряпает им обед, а издатели многотиражной вечерней газеты шлют на дом корзину с яблоком, жареным голубем, баклажанами всмятку и белесым пучком петрушки. И чем вы беднее, тем больше вы рады подарку.

Но я укажу вам смертного, для которого 25 декабря не более, чем день, предшествующий 26-му. Это молодой человек в большом городе, чей заработок шестнадцать монет в неделю, без друзей, без знакомых, и в канун Рождества у него в кармане всего пятьдесят центов. Встать в хвост за бесплатным супом ему вроде неловко, попросить в долг не у кого, и к обеду, увы, он не зван.

Иногда, фантазируя, я рисую такую картину. Волхвы представляют стада, чтобы идти за вифлеемской звездой. Среди них долговязый юнец; он только недавно начал учиться пастушеству. «Слушай, Бобби,— они говорят,— мы идем за звездой, разузнать, что случилось. Если действительно там Рождество, нет смысла его пропускать. Ну а ты до волхва не дорос, да и дар купить тебе не на что. Так что лучше побудь пока туг, пригляди за стадами».

Гарри Стикни — потомок того пастуха, который смотрел за стадами.

Однако вернемся к рассказу. Стикни звонил у подъезда под номером 45. Он, конечно, забыл свой ключ.

Дверь открылась. На пороге была миссис Кэннон. Придерживая кофту у самого горла, она глядела на Стикни, подобно Горгоне, своим желтым и мутным взором.

(Чтобы никто не подумал, что я скуплюсь на рассказы, вот вам еще один, новелла в новелле. Квартирант, живший в

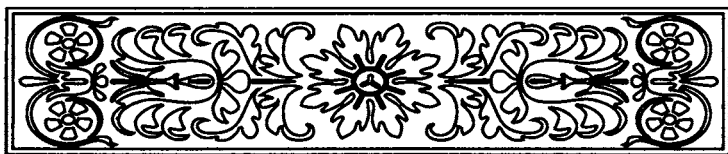

доме под номером 47 и известный своими шотландскими склонностями (не скажу, чтобы он выходил на прогулку в клетчатой юбочке, зато был сердечно привязан к шотландскому виски), призадумался как-то над тем, что получится, если два человека зазвонят одновременно один в 43-й дом, другой в 47-й. Его взору предстало видение двух половин миссис Кэннон, открывающих порознь двум посетителям две разные двери и придерживающих — каждая — у горла рукой свою половину кофты. Нервы шотландца не выдержали, его увезли санитары.)

— Добрый вечер,— промямлил Стикни, оставляя на коврике в холле мокрый и грязный след.— Не пойму, снег пошел, что ли?

— Вы забыли свой ключ,— сказала ему..

(Здесь рукопись обрывается.)

СЛУТА-БЕССРЕБРЕНИК

Я значительно обогатился, познакомившись с четырьмя журналистами. Редкое везение — они мои ходячие энциклопедии, друзья, менторы и порой банкиры. Но время от времени каждый из них хватается за годный для печати случай в панораме нашей быстротекущей жизни и, подвергнув его репортерской обработке, отправляет свое сочинение в газету. И вот тут-то для меня начинается самое смешное. Ибо каждый из них, в силу своих способностей и подготовки, сообщая об одном и том же, представляет совершенно иную грань драгоценного камня под названием «жизнь».

Один описывает, предположим, что квартиру мадам Андре Макарте ограбили шестеро взломщиков, которые проникли в нее по дымоходу, похитили украшенную рубинами тиару стоимостью две тысячи долларов и чемпиона-шпица за пятьсот долларов, который (в нарушение законодательства о недопущении мокрот) свободно разгуливал по холлам апартаментов Вуттапеситуккесановертунквет.

Второй мой «малый» сообщает, что когда в снимаемых миссис Энди Маккарти апартаментах тихо-мирно шла дружеская игра, типа безик, одна из гостей, леди по имени Руби О'Хара, спустила с шести лестничных пролетов грабителя, где он и был крепко-накрепко связан под присмотром английского бульдога стоимостью две тысячи долларов и толпы возбужденных зевак, общей численностью человек пятьсот.

Мой третий приятель-хроникер разворачивает сюжет этого события на свой, удачный лад: на газетной странице вы читаете, что дом Антонио Макартини был взорван ровно в шесть часов утра обществом «Черная рука», после того как он ответил отказом положить две тысячи долларов в водосточную трубу на углу одной из улиц, в результате взрыва был убит шпиц померанской породы стоимостью пятьсот долларов, любимец маленькой дочери Олдермана Рубитара.

Четвертый мой любитель сенсаций, не долго думая, состряпал на основании этого историю о том, что когда аудитория из двух тысяч восторженных любителей музыки слушала фортепианный концерт Рубинштейна на Шестой улице, какая-то женщина, которая назвалась мисс Эндрю мистера Картера, бросила кирпич и разбила им зеркальное стекло стоимостью пятьсот долларов.

Жена мистера Картера утверждала, что кто-то в этом билдинге украл у нее собаку.

Разночтения в изложении дневных событий не должны никого удивлять. Несомненно, чтения одной газеты вполне достаточно, чтобы любой мужчина припал к своей утренней фляжке, избегая улыбчивой ненависти, ярко выраженной в глазах его супруги. Но если он глуп настолько, что начнет читать все четыре, то в этом он будет не мудрее самого уважаемого критика.

Помню,— и вы, наверное, тоже,— как я прочел одну притчу о талантах. Процветающий гражданин, собравшийся в далекую страну, перед путешествием распределял свое состояние между слугами. Первому он дает пять талантов, второму — два, третьему — один; в общем, каждому по способностям, как говорится в тексте. У этой притчи есть две версии, а может, и не две, а больше, кто знает.

Когда процветающий гражданин возвращается домой, он требует от слуг отчета. Два слуги отнесли свои таланты ростовщику и получили прибыль в сто процентов. Очень хорошо. Тот, который не помышлял о прибыли, просто зарыл свой талант в землю, а когда хозяин потребовал, он его вырыл и вернул ему.

Вот вам поистине предмет для подражания страховым компаниям и банкам! В одной версии мы читаем, что он завернул талант в салфетку и спрятал его. Но рассказчик уведомляет нас, что упомянутый талант весил 750 унций серебра, то есть его стоимость была около 900 долларов. Поэтому тот хроникер, который упоминает о салфетке, должен был либо сократить сумму депозита, либо попытаться объяснить, какого же веса была эта салфетка в те дни. Поэтому, как мы замечаем, он в своей версии использует слово «фунт» вместо слова «талант».

Фунт серебра можно очень легко спрятать и унести в салфетке, об этом вам скажет любой привратник в отеле или официант.

Но давайте отойдем от наших баранов.

Когда процветающий горожанин-богач увидел, что этот слуга-бессребреник, которому он дал один талант, возвращает ему ровно столько — один талант, он впал в ярость, как любой мультимиллионер, обнаруживший, что кто-то прячется у него под кроватью и громко оценивает его имущество для взимания с него налога. Он приказывает бросить незадачливого слугу в темницу, предварительно отняв у того талант и отдав его финансисту с надеждой получить сто-процентную прибыль, произнеся при этом странные пословицы, типа: «У того, у кого ничего нет, нельзя взять и того, что у него есть». Что приблизительно подразумевает: «На нет и суда нет».

А теперь внимательнее разглядывайте нити параболы, ее аллегоричность, ее повествовательность, посмотрите, куда она вас приведет, или сами можете остановить свое внимание на небольшом рассказе о Клифе Макговане и его одном таланте. Нужно следить за определением, и вот появляются обычные актеры. Талант — дар, способность, особое свойство, сила, достижение природное или благоприобретенное (Притча заимствована из Евангеля по Матфею, XXXV, 14—30).

Сегодня в Нью-Йорке, как полагают, живут 125 000 живых существ, которые готовят себя к сцене. В это число не входят моржи, свиньи, собаки, слоны, боксеры, Кармен, ясновидящие и японские борцы. Число таковых достигает четырех миллионов. Из всего этого количества выживет не больше тысячи.

Девятьсот из них достигнут зенита славы, когда они, в какой-то мере еще сомневаясь, будут тыкать шляпной булавкой в фотографию всей сцены с горделивыми словами: «Видите, вот это — я!»

Восемьдесят из них в ярко-красных придворных костюмах эпохи Людовика XIV будут приветствовать королеву мифических островов Парпау несколькими хорошо заученными словами, задирая свой покрасневший нос перед остальными девятистами.

Десятеро, в маленьких кружевных капотах, будут выбивать пыль из ибсеновской мебели в течение шести минут после поднятия занавеса.

Девять добьются радиосетей и будут своими мускулами, своим искусством, глазами, руками, голосом, остроумием,

мозгами, ногами и пятками штурмовать последние рубежи, ведущие к царству звезд.

Только один унаследует Бродвей. Так проходит земная слава.

Клиф Макгован и Мэк Макгован были двоюродными братьями. Они были людьми талантливыми и жили на Вест-Сайде. Пение, танец, подражание, трюковые номера на велосипедах, бокс, комедия на немецком или ирландском диалекте, ловкость рук, хождение по канату, жонглирование на подбородке — все им давалось с такой же легкостью, с какой вам удастся скрыть свое истинное настроение или обмануть вашего кредитора, шмыгнув через вращающиеся двери хорошо освещенного кафе, если и вы принадлежите ко второй половине великих престижджитаторов, к народу.

Они были худыми, бледными юношами, умеющими держать себя в руках, их ногти всегда были безукоризненно чистыми и всегда сияли лаком, а швы на костюмах безупречно исполненными по мастерству. Разговаривали они такими короткими фразами, по сравнению с которыми предложения Киплинга казались такими длинными, как речь в суде.

Они обладали особым темпераментом и посему не работали. В любой час после полудня вы могли встретить их на Восьмой авеню или перед парикмахерской Спинелли, в заведении Майка Дунгана или в отеле «Лимерик», где они начищали ноготок на указательном пальце выцветшим шелковым носовым платком.

В любой момент, если бы вы стояли в нерешительности перед столом, за которым заключаются сделки, то и Клиф с Мэком небрежно подошли бы поближе, не проявляя никакого особого интереса, сделали бы пару замечаний об игре и вы могли бы уйти, так и не удостоившись их к себе внимания.

Такое утверждение нуждается, конечно, в подробном рассмотрении в отношении времени, пунктуации и совета незнакомцам.

Из всех родственных связей самая близкая касается кузенов. Между ними узы родства, имени, благоприятства, а эти узы вам не водица, не отягощены растущей братской ревностью или обязанностями, связанными с обязательствами по матримониальному игу. Вы можете проявлять к кузену такой же интерес и такую же любовь, что и к незнакомцу, вы не испытываете к нему ни презрения, ни зависти, как, на-

пример, к другим сыновьям вашего отца, это такое клановое чувство, которое иногда делает ветвь дерева сильнее его ствола.

Вот так были связаны оба Макгована.

Они были довольно популярны в своем районе — к западу от Восьмой авеню с Насосной станцией в центре. Их таланты восхвалялись в сотне «притонов», их дружбой дорожили в округе, где мужчины были большими любителями отбивать жен у своих приятелей, когда домашнюю войну навязывали жены этих друзей их друзьям (ограниченные возможности английского языка заставляют нас прибегать к тавтологии).

Вот так, бок о бок, с сосредоточенными бледными лицами, неразлучные, непобедимые, кузены прокладывали свой путь к храму Искусства, искусству с большой буквы И, что заставляет обратиться к уроку по геометрии.

Однажды, часов в одиннадцать вечера, Дель Делано вошел в заведение Майкла на Восьмой авеню. С этой минуты это кафе уже не было заведением, оно было любимым ночным пристанищем для отдыха.

Это выглядело так, словно король Эдуард снизошел до того, чтобы якшаться с публикой десятка ночных клубов, или Джо Гэнс закатился сюда, чтобы присматривать за школой Таскеджи, или мистер Шоу из Англии принял приглашение прочитать здесь выдержки из своей «Рены, или Снежная птица» на церемонии открытия предполагаемого памятника Джеймсу Оуну О'Коннору в Чикаупин-фоллс в штате Миссиссипи.

Несмотря на все эти сравнения, вам, конечно, нужно знать, почему патронаж третьеразрядного салуна на Вест-Сайде со стороны Дель Делано придавал так много чести этому заведению.

У Дель Делано ноги никогда не стояли на месте, поэтому публика платила ему по 300 долларов в неделю за то, чтобы поглядеть, как они у него выкаблучиваются на сцене, где играли водевиль. Ну, чтобы вам все стало ясно без особых слов, скажу лишь, что он был лучшим, просто фантастическим танцором любого ночного заведения в пространстве от Оттавы до Корпуса Кристи. Так как его ноги почти никогда не останавливались, то на возможной вакансии останавливались его глаза, и он «каждую ночь умел очаровывать тысячи», как неверно выразился его пресс-агент. Даже если

сложить ночные и дневные представления, от силы он мог очаровать чуть больше тысячи восьмисот человек, включая и тех, которые оставались после выступления Зоры, девушки из Нотча, которая пролезала через обруч диаметром двенадцать дюймов, и еще тех, кто ждал начала киносеанса.

Но Дель Делано был любимцем Вест-Сайда, а где вы найдете более лояльный Сайд. За пять лет до того, как этот рассказ был представлен очам редактора, Дель выполз из какого-то подвала на Десятой авеню, словно отощавшая крыса, и сумел-таки прогрызть для себя дыру в Большом Сыре. Латаный-перелатаный, чуть не умирая от голода, в рубашке без манжет, презрительно отзываясь о Хуке, этом интерпретаторе драм Ибсена, он добился состояния и славы за каких-то шестнадцать минут во время выступления «любителей» в театре-варьете Криари на Восьмой авеню.

Один букмекер (из тех, чей талант всегда оказывается в выигрыше, а не в проигрыше) сидел в это время среди зрителей и клевал носом, ибо твердо считал, что ничего хорошего из числа «любителей» подобрать просто невозможно. Вскрапнув немного, приняв кружку пива из рук услужливого красавца официанта, ослепленный на несколько секунд блеском бриллиантов на потрясающей блондинке, сидевшей в ложе Б, букмекер все же окончательно проснулся и довольно долго бодрствовал, за это время сумев предложить Дель Делано испытательный трехнедельный ангажемент для выступлений в программе дрессированных собак на трех самых важных точках, связанных с именем Вашингтона — на Высотах, у Статуи и на Площади.

К тому времени, когда эта наша история была прочитана и принята к печати, Дель Делано получал свои три сотни долларов в неделю; эта сумма, если разделить ее на семь (по воскресеньям выступления в костюмах не проводились), вполне способна развеять иллюзии большинства из нас о том, что, мол, видели мы и лучшие дни. Можно легко себе представить, какой благоговейный ажиотаж парил на Восьмой авеню, когда Дель Делано оказал ей честь своим визитом после своего исторически великого подвига, достойного Терпсихоры, в громадном, хорошо вентилируемом театре на Бродвее. Если Вест-Сайду удавалось заполучить сорок две минуты из его графика выступлений, рассчитанного на сорок две недели вперед, то это была убедительная причина для праздничных костров и ликования. Теперь вы, должно

быть, понимаете, почему салун Майка стал не просто заведением, а новым популярным пристанищем.

Когда Дель Делано вошел к Майку, он был один. Там он увидел закугавшегося в пальто на меховой подкладке и в шляпе, по крайней мере, на пару размеров больше его головы, принца Лайтфута. Из-под поля шляпы виднелось только его бледное, с острыми, как острие томагавка, чертами лицо, и пара немигающих холодных светло-голубых глаз. Почти все прохладившиеся возле стойки посетители сразу узнали знаменитый продукт искусства из Вест-Сайда. Ну а те, кто на его появление не среагировал, получили мудрый совет от других в виде энергичной работы тех локтями и воплей, сопровождавших представление ему только одной стороны.

На Чарли, одного из барменов, слава и состояние обрушились одновременно. Когда-то в боксерском поединке на Седьмой авеню он удостоился чести обменяться рукопожатиями с великим Делано. Теперь во всю силу своей луженой глотки он закричал: «Эй, хелло, Дель, старина. Что тебя сюда привело?»

Хозяин заведения Майк, который сидел, позвякивая касовым аппаратом, услышал это приветствие. На следующий день Чарли получил еженедельную прибавку к жалованью — пять баксов! Дель Делано выпил небольшой стакан пива и небрежно расплатился за него из своего ночного заработка — 42 доллара 85 5/7. Он любезно, но холодно кивнул выстроившимся перед ним в очередь патронам Майка и неторопливо прошел мимо них в глубь кафе. Ибо он услышал звуки, относившиеся к его искусству, — легкое, возбуждающее скакато танца с подпрыгиванием и похлопыванием по бокам руками, словно крыльями.

Это в задней комнате Мэк Макгован демонстрировал для избранных гениальность своих не знающих покоя ног. Несколько сидевших за столиками бросали на исполнителя довольно критические взгляды и получали удовольствие скорее, налегая на пиво. Они, правда, наградили своими одобрительными кивками несколько сложных выкрутасов, придуманных самим Мэком.

При виде великого Дель Делано ноги любителя стали давать сбои, сделали несколько неуверенных па, еще пару раз взбрыкнули и замерли на месте. Похожие на длинные языки туфли прилипли к полу в присутствии Мастера. Бледное лицо Мэка чуть покраснело.

Из непросматриваемого пространства между полями громадной шляпы Дель Делано и поднятого воротника его пальто на меховой подкладке вырвалось белое облачко выпущенного изо рта сигаретного дыма и послышалось:

— Ну-ка, малыш, сделай этот последний шагок еще раз. Да не напрягай так руки. Ну, поехали!

Еще раз Мэк повторил все свои движения. В полном соответствии с традициями мужчины-танцора все его тело теперь трансформировалось только в ноги — от паха до ступней. На лице появилось застывшее выражение, туловище его, легче пробки, стало вдруг извиваться, качаться из стороны в сторону, как пробка, которая подпрыгивает на ряби быстро текущего ручейка. Отбиваемая его ногами дробь была похожа на дробь аккомпанирующего барабана — облигато. Представление завершилось поразительным стуком кожаных каблуков о деревянный пол, который сменила когда расслабленного топота, после чего танцовщик замер, застыл, словно столб на портике колониального стиля у особняка в каком-нибудь страдающем от сухого закона городке в штате Кентукки.

Мэк чувствовал, что это вершина всех его достижений, но и предполагал, что Дель Делано с презрительной физиономией отвернется от него.

Последовало что-то похожее на тишину, нарушаемую только мяуканьем кошки, обитательницы кафе, грохотом, поднимаемым несколькими миллионами топочущих горожан, и шумом транспорта за окнами.

Мэк, распроставшись со всякой надеждой, нервно вглядывался в лицо Дель Делано. На нем он видел отвращение, восхищение, зависть, безразличие, ободрение, разочарование, похвалу и презрение.

Так, глядя на лица тех, кого мы любим или ненавидим, мы сами выбираем, чего желаем или чего боимся. Такое вот утверждение, которое по своей мудрости и затемненной ясности относится к самым знаменитым изречениям самых глупых философов на свете.

Дель Делано вышел из комнаты в своем пальто и в шляпе. Через пару минут он вновь возник и, повернувшись левым боком к Мэку, заговорил:

— Ноги у тебя, малыш, двигаются так, как у беби-гиппотамы, который пытается улизнуть от джэба в корпус птички колибри. А держишь ты себя словно водитель грузовика,

который стоит перед фотокамерой в фотоателье на Третьей улице. У тебя нет ни метода, ни стиля. А колени у тебя такие же гибкие, как пара йельских отмычек. А когда ты работаешь, складывается впечатление, что ты вешишь, скажем, фунтов четыреста пятьдесят. Ну да ладно. Не хочешь ли назвать мне свое имя?

— Макгован,— робко ответил любитель.— Мэк Макгован.

Делано Великий неторопливо зажег сигарету и, выпустив облачко дыма, продолжал:

— Короче говоря, ты никуда не годишься. Ты не умеешь танцевать. Но я скажу, что у тебя есть.

— Выброси к чертовой матери всю свою манеру и навсегда забудь о ней, так? — подсказал ему Мэк.— Ну, что же у меня есть?

— Гениальность,— ответил Дель Делано.— Если не считать меня, то тебе быть самым лучшим танцором в Соединенных Штатах, Европе, Азии и во всех их колониальных владениях.

— Эко, куда хватил! — изумился Мэк Макгован.

— Гениальность,— без тени смущения повторил Мастер.— У тебя талант гения. Мозги твои находятся в ногах, то есть там, где им и следует быть. Ты своим самообразованием чуть себя не погубил. Я говорю — чуть. Тебе нужен тренер. Я позабочусь о тебе и приведу тебя к вершине профессионального мастерства. Там есть место только для нас двоих. Ты можешь, конечно, побить меня,— продолжил Мастер, бросая на него свой холодный дикий взгляд, в котором сосредоточились соперничество, любовь, справедливость, чисто человеческая ненависть — и все эти чувства делали Дель Делано одним из маленьких гигантов на этой земле,— ты можешь побить меня, но я сильно в этом сомневаюсь. Я могу обеспечить тебе старт, нужные связи. Но твое место на самом верху. Так, говоришь, тебя зовут Робинзон?

— Макгован,— поправил его любитель,— Мэк Макгован.

— Это неважно,— сказал Делано.— Может, пройдемся до моего отеля? Хотелось бы поговорить с тобой. Хуже работы ногами, чем твоя, я никогда не видел, Мэджиган, ну да все равно, я хотел бы поговорить с тобой. Может, ты мне и не поверишь, но я не такой задавака. Я и сам вышел из Вест-Сайда. Вот за это пальто я отдал восемьсот долларов, но воротник не слишком высокий, и я все отлично вижу через него. Я тоже сам себя учил танцу, угробил на это целых девять лет и

только после этого задрогал ногами перед публикой. Но у меня есть гениальность. Я не так сильно себя испортил самообразованием, как ты. У тебя самый отвратительный метод и неприемлемый стиль. Ничего хуже я не видал.

— Ну, я не слишком высокого мнения о своих танцевальных движениях,— сказал Мэк, слегка лицемеря.

— Нечего хвалить себя, словно гречневая каша! — посоветовал ему Дель Делано.— У тебя есть талант, которым ты был награжден по велению Всевышнего, и только ты сам можешь разумно с ним обойтись. Так что пошли ко мне в отель, поговорим, если ты не против.

В своем номере в «Короле Хлодвисе» Дель Делано переоделся в пунцовый халат с золотой тесьмой, выставил на стол бутылку оранжада «Апполинарис» и коробку сладких крекеров.

Мэк вытаращил глаза.

— Забудь об этом,— сказал Дель.— Выпивку и табак может позволить себе тот, кто зарабатывает на жизнь собственными руками, но они совершенно вредны для тех, кто зарабатывает головой и ногами. Попался коготок — всей птичке пропасть! Вот почему пиво и сигареты не противопоказаны пианистам и художникам. Но ты должен их выбросить из головы, если собираешься заняться умственной или ножной работой. Ну, возьми крекушку, пожуй, потом поговорим.

— Хорошо,— сказал Мэк,— вы, конечно, оказываете мне большую честь, заметив, как я здесь выкаблучиваюсь. Конечно, мне хотелось бы сделать кое-что как профессионал. Ну, я немного пою, умею делать различные карточные трюки, ну, произносить со сцены весь этот вздор — ирландские и немецкие комедии. Я неплохо кручусь на трапеции, умею делать комичные кунштюки на велосипеде, читать на еврейском монологи и...

— Минутку,— перебил его Дель Делано,— прежде, чем мы начнем. Я сказал, что ты не умешь танцевать. Это не совсем так. В твоём методе есть только два-три изъяна. Ты хорошо работаешь ногами и твоё место наверху, рядом со мной. И я приведу тебя туда. У меня непрерывные шестинедельные гастроли здесь, в Нью-Йорке, и всего за четыре я так усовершенствую твой стиль, что букмекеры будут драться, чтобы первыми заполучить контракт с тобой. И я это сделаю, вот увидишь. Ведь я сам — плоть и кровь Вест-Сайда. Имя «Дель

Делано» только для афиш, мое настоящее имя — Кроули. Ну а теперь, Макинтош, то есть Макгован, у тебя есть шанс, причем он раз в пятьдесят лучше того, который был в самом начале у меня.

— И я буду полным дураком, если им не воспользуюсь, — сказал Мэк. — Надеюсь, вы понимаете, насколько я ценю вашу доброту. Мы с моим кузеном Клифом Макгованом хотели показаться на любительском представлении в театре Криари через месяц.

— Превосходно! — воскликнул Делано. — Я и сам там стартовал. Джюниус Т. Роллингс, букмекер компании «Кун энд Дули», увидев мой танец, сам запрыгнул на сцену и тут же предложил мне контракт. А сцена по щиколотку была усеяна пятицентовиками, десятицентовиками, двадцатьюпятицентовиками. И в этой куче было всего девять монеток по пенни.

— Знаете, я вот что хочу вам сказать, — начал Мэк, помолчав минуты две. — Мой кузен лучше меня танцует. Мы всегда с ним были, что называется, приятелями. Не лучше ли вам взять к себе его, а не меня? Он изобрел столько замысловатых степов, исполнить которые мне просто не под силу.

— Забудь об этом, — оборвал его Делано. — По понедельникам, вторникам, пятницам и субботам каждую неделю, вплоть до этого любительского представления, я буду тебя тренировать. Сделаю таким же танцором, как я. И никто не сможет большего сделать для тебя. Мои представления заканчиваются каждый вечер в десять пятнадцать. Через полтора часа я к твоим услугам и буду тренировать тебя до двенадцати. Я сделаю тебя выше всех, приведу на то место, где стою я. У тебя — талант. У тебя есть гениальность, хотя стиль хреновый. Им я и займусь. Я ведь и сам из Вест-Сайда и скорее смирюсь с победой кого-то другого из нашей банды, чем переметнусь на Ист-Сайд или свяжусь с этими пацанами из Флэтбуша или Хакенсэк-медуос, которые только мешают искусству. Я попрошу Джюниуса Роллингса поприсутствовать на твоей тренировке в пятницу вечером, и, если он после нее не полезет на рампу и не предложит тебе для начала пятьдесят в неделю, я стану каждый понедельник вечером выделять тебе такую сумму из своего гонорара. Ну как я делаю тебе достойное предложение или не очень?

Ночное выступление любителей в театре Криари на Восьмой авеню проходит по такому же образцу, как и все

другие ночные выступления любителей. После обычного выступления даже самый скромный талант, по договоренности с руководством, может провести свой дебют на сцене перед публикой. Амбициозные непрофессионалы, главным образом самоучки, демонстрируют, как только могут, весь спектр своего искусства в умении развлекать публику: поют, танцуют, занимаются мимансом, жонглируют, строят рожи, декламируют, в общем, гарцуют по любой изъезженной колее Искусства.

Из рядов этих тщеславных новичков подбираются будущие профессионалы, которые станут украшением большой сцены и прославят ее. Пресс-агенты с восторгом любят рассказывать болтливым, но разыгрывающим из себя глухих репортерам различные истории о том, как скромные, ничем не примечательные новички становятся яркими «звездами», и те орбиты, по которым они движутся, теперь находятся целиком под их контролем.

Например, такая-то примадонна — начнут они вам рассказывать — впервые поклонилась со сцены публике, когда скакала на руках во время представления любителей. Один великий, непререкаемый фаворит всех утренних спектаклей дебютировал однажды в пятничный вечер, когда исполнил разбитные песенки собственного сочинения. Трагик, снискавший такую себе славу на двух континентах и на одном острове, впервые привлек внимание публики к своей скромной персоне любителя, когда представил на сцене скандинавскую крестьянскую девушку, только что приплывшую в Америку. А один бродвейский комедиант, от которого все сходят с ума, получил свой первый ангажемент в тот же благодатный пятничный вечер, с поразительной серьезностью прочитав сцену с могильщиками из «Гамлета».

У всех у них был свой шанс. Ночное выступление любителей — настоящее благо. Это, по сути дела, благотворительность без подаяния. Это — братская рука, протянутая членам самой лучшей объединенной группы соратников в мире, чтобы поставить на ноги менее счастливых и везучих, не давая им при этом понять, что они — попрошайки.

Оно дает тебе большой шанс, и, чтобы его ухватить, нужно выйти на несколько минут на сцену и на фоне обшарпанных декораций и под оркестр, играющий десять-двенадцать тактов, выдать такой степ, чтобы обеспечить себе жалованье, нисколько не меньшее, чем у конгрессмена или

у ортодоксального священника, даже если ваши ступни с большим трудом отрываются от досок. Может ли амбициозный студент, изучающий литературу или финансы, получить такой же шанс, проведя всего двадцать минут в библиотеке Карнеги-Холла? Не думаю.

Но не заглянуть ли нам в театр Криари? Давайте представим себе, что благодатный пятничный вечер наступил, когда ошастливленному Мэку Макговану предстояло оправдать лестные предсказания его выдающегося патрона и без всякого сожаления бросить свой серебряный талант в щель автомата славы, который раздает высокие репутации и большие деньги.

Я предлагаю, заранее зная о вашем молчаливом согласии, отказаться от лицемерной философии и несдерживаемых комментариев и дать возможность автору закончить свою историю в одеяниях реальных утверждений — метод куда более достойный, если его строго придерживаться, чем самые старательные творения словоблудов...

(Здесь не хватает страницы текста.)

легко попал за кулисы вместе со своим патроном, великим Дель Делано. Ибо: какие бы яркие огни рампы ни сияли в этом Граде, Ожидающем Развлечений, свободой на освещенной стороне распоряжался Дель. Ведь это он должен представить любителя, понимаете? Это он должен привести его сюда — понимаете? — и, помаргивая одним холодным голубым глазом, сказать менеджеру: «Вот, возьми его у меня, у него есть порох, понимаешь?» А этот любитель тем временем должен сидеть на неокрашенной скамье и, обливаясь потом, ждать своей очереди, ясно?

Мэк большей частью прогуливался за кулисами с Несравненным, а семеро кандидатов ожидали, приклеенные к скамье.

Какой-то великан без пиджака, с мрачным, но добрым лицом, на котором время от времени хирурги оставляли свои швы, держал в руках длинный шест с петлей на конце. Это был Человек с Крючком.

Менеджер, с густыми белокурыми волосами, с кривой улыбкой, с ужасной развязностью, проявляя свое снисходительное терпение, готовился следить за программой выступлений любителей. Последнее выступление профессио-

налов — «Великий марш Счастливого гусара» — подошло к концу, их мятые, сморщенные, штопаные шелковые трико исчезли за кулисами. Музыкант в оркестре, который играл на литаврах, цимбалах, на треугольнике, на наждачной бумаге, на барабане, изображал цокот копыт, свистел и производил выстрелы из пистолета, устало вытер пот со лба. Для «римлян» наступил законный отдых.

Ну а пока оркестр исполняет знаменитый вальс «Огорченная жена», давайте уделим слов сто-двести для описания психологического настроения аудитории.

Партер был занят Народом. В ложах сидели Персоны. На галерке набились те, кто уже заранее приготовил свой Вердикт. Клака была в зале в том же виде, когда она появилась еще в каменном веке, а потом была воспринята французами. Каждый Микки и каждая Мэгги, куда мудрее, чем талантливый, сидевшие в ожидании своей очереди на скамье в театре Криари, знали, что их успех или неудача уже заранее решены этой толпящейся, свистящей, рычащей зрительской массой римлян, заполнивших три балкона и галерку. Они знали, что их выигрыш или проигрыш целиком зависел от умения «банды» на небесах, могущей обеспечить бешеные овации своему любимцу.

На Бродвее на премьере искатель славы может добиться ее от тех, кто купил билеты, через голову знатоков. Но только не здесь, в театре Криари, где судьба любителя подвержена точному арифметическому расчету. Число присутствующих на представлении его почитателей во время этого испытания решает все заранее. Но вам неплохо бы знать, как такие утомительные пятничные вечера заставляют краснеть от стыда представления по Понедельникам, Вторникам, Средам, Четвергам и Субботам, все утренники на бродвейской сцене...

(На этом рукопись обрывается.)

ДВОРЯНСКАЯ КОРОНА И БИФСТЕКСЫ

Когда репортер «Катящихся камней» возвращался вчера вечером домой по авеню, к нему подошел худощавый, голодного вида человек, с блуждающими глазами и растрепанными волосами. Глухим, слабым голосом он обратился к репортеру:

— Можете ли вы мне сказать, сэр, где я могу найти в этом городе семью пролетариев?

— Я не совсем вас понимаю.

— Дайте мне рассказать, в чем дело, — сказал незнакомец, засовывая свой указательный палец в петличку репортера и безжалостно теребя его хризантему. — Я представитель округа «Мыльный корень», и я и моя семья оказались здесь без пищи и крова. Больше недели у нас во рту не было ни маковой росинки. Я привез сюда семью и стал искать комнату с пансионом, потому что я не могу позволить себе поселиться в гостинице. Я нашел хороший, аристократического вида дом, где сдаются комнаты, и спросил хозяйку. Ко мне вышла представительная дама с римским носом. Одну руку она держала на жи... на талии, а в другой у нее был кружевной платок. Я сказал, что хочу пансион для себя и семьи, и она милостиво согласилась нас принять. Я спросил об условиях; она сказала: «Триста долларов в неделю».

У меня было два доллара в кармане, но я отдал их за красивый чайник, который я разбил, когда при ее словах я упал на стол.

— Вы, кажется, удивляетесь, — сказала она. — Но не забывайте, пожалуйста, что я вдова губернатора, и что у моей семьи большие связи. Я оказываю вам честь, давая вам пансион. Никакие деньги не могут быть эквивалентны моему обществу. Я...

Я поспешил уйти и обошел другие места. Следующая дама оказалась двоюродной сестрой генерала Могана из Виргинии и хотела четыре доллара в час за заднюю комнату, с

дворянским гербом над дверьми и со старинной кроватью. Следующая была теткой важного должностного лица и просила восемь долларов в день за плохо меблированную комнату, за сливы к завтраку и за час беседы с ней вместо обеда. Другая заявила, что она потомок Бенедикта Арнольда, предлагала в день только одно блюдо и молитву и оценивала свое общество в сто долларов в неделю.

Я нашел девять вдов высших судей, двенадцать вдов губернаторов и генералов и двадцать две развалины, оставленные различными полковниками, профессорами и майорами, и все они оценивали свое аристократическое происхождение от девятности до девятистот долларов в неделю, прибавляя к этому «преимуществу» только яблоки и мясной фарш. Я восторгаюсь людьми высокого происхождения, но мой желудок жаждет бифштексов и бобов вместо дворянских гербов. Разве я не прав?

— Ваши слова, — сказал репортер, — убеждают меня, что вы произнесли то, что сказали.

— Спасибо. Вы понимаете, в чем дело. Я небогат, и я не могу платить за родословную и заплесневелых предков. Бифштекс для меня важнее дворянской короны, а когда я голоден, никакой герб меня не насытит.

— Я очень опасаясь, — сказал репортер, — что вы попали в высокопоставленный город. Большинство из первоклассных меблированных комнат содержится дамами из старинных южных семейств.

— Я прямо в отчаянии, — сказал представитель «Мыльного корня». — Я желал бы найти пансион, где хозяйка была бы сиротой, найденной на конюшне, и чтобы отец этой хозяйки был бы какой-нибудь испанец или итальянец, а дедушка совсем неизвестен. Я хотел бы найти самую обыкновенную семью, самого низкого происхождения, которая никогда не слыхала о разных аристократических тонкостях, но может кормить горячими маисовыми лепешками и щами с бараниной по рыночным ценам. Есть такой дом в Остине?

Репортер грустно покачал головой.

— Не знаю, — сказал он, — но я могу показать вам, где на мелок можно выпить пиво.

Десять минут спустя в пивной «Голубые развалины» на доске появились две добавочные цифры: 10.

ПЛЕННИК ЗЕМБЛЫ

(Сказка)

Король впал в такую бешеную ярость, что все боялись близко подойти к нему. И он издал приказ, что, так как принцесса Остла ослушалась его, имеет быть большой турнир, и рыцарь, проявивший самую большую доблесть, получит руку принцессы.

И он послал герольда объявить о своем решении.

Герольд проехался по всей стране, трубя в большой оловянный рог и гарцуя на породистом коне. И деревенские жители смотрели на него и дивились.

Когда наступил назначенный день, король уселся на золотом троне, держа в руке перчатку для вызова на поединок. Рядом с ним сидела принцесса Остла, очень бледная и прекрасная, но с грустными, печальными глазами. Она едва удерживалась от слез. Рыцари, съехавшиеся на турнир, изумлялись красоте принцессы, и каждый из них поклялся завоевать ее, чтобы жениться на ней и обедать за одним столом с королем. Внезапно сердце принцессы усиленно забилось. Среди рыцарей она увидела одного бедного студента, в которого она была влюблена.

Рыцари сели верхом и продефилировали перед королем и принцессой. У бедного студента была самая плохая лошадь, самая простая попона и ржавое старое вооружение. В это время принцесса Остла, которая начала себя чувствовать лучше при виде своего возлюбленного, сунула сливочную тянучку в рот и слегка улыбнулась, обнажив при этом свои зубы. Как только рыцари заметили это, двести семнадцать из них отправились к королевскому казначею, рассчитались за корм для лошадей и уехали домой.

— Очень тяжело, — сказала принцесса, — что я не могу выйти замуж, когда жую.

Только два рыцаря остались, и из них один был возлюбленный принцессы.

— Во всяком случае, осталось достаточно участников для состязания, — сказал король. — Идите сюда, о рыцари! Хотите ли вы ломать копыя, чтобы получить в награду руку этой прекрасной леди?

— Хотим, — ответили рыцари.

Два часа бились рыцари, и наконец, возлюбленный принцессы одержал верх и повалил соперника наземь. Победитель прогарцевал на коне перед королем и отвесил низкий поклон.

Нежным румянцем вспыхнули щеки принцессы Остлы. В глазах светилось возбуждение и мягкий блеск любви. Губы ее полуоткрылись, красивые волосы распустились, и она, схватившись за ручки кресла, наклонилась вперед и, с тяжело вздымавшейся грудью и счастливой улыбкой, ждала слова своего возлюбленного.

— Ты хорошо сражался, рыцарь, — сказал король. — Скажи, чего желает твое сердце, и всякое твое желание будет исполнено.

— В таком случае, — сказал рыцарь, — я вот чего попрошу. Я купил патент на распространение в твоем королевстве знаменитого универсального ключа и хочу, чтобы ты грамотой подтвердил это право за мною.

— Я это сделаю, — сказал король, — но я должен предупредить тебя, что в моем королевстве нет ни одного замка.

С криком ярости победитель вскочил на коня и ускакал бешеным галопом.

Король хотел что-то сказать, но страшное подозрение зародилось в его уме, и он замертво упал на ступеньки трона.

— Боже мой! — закричал он. — Он забыл захватить с собою принцессу.

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ

В северной части Остина жило однажды честное семейство Смозерс. Семья состояла из Джона Смозерса, его жены, их маленькой пятилетней дочери и ее родителей, итого пять человек, если пришлось бы считать для специальной статистики, но на самом деле их было только трое.

Однажды вечером, после ужина, девочка почувствовала сильные рези в желудке, и Джон Смозерс поспешил в город за лекарством.

Он ушел и больше не вернулся.

Девочка поправилась и, когда пришло время, превратилась в девушку.

Мать очень горевала по случаю исчезновения мужа, и прошло почти три месяца, пока она снова вышла замуж и переехала в Сан-Антонио.

Дочь тоже вышла замуж, когда пришло ее время, и, по прошествии нескольких лет, у нее тоже была маленькая пятилетняя девочка.

Она жила в том же самом доме, в котором они жили, когда отец пропал.

Однажды вечером, по удивительному совпадению, у ее девочки случились желудочные колики в годовщину исчезновения Джона Смозерса, который, будь он жив, был бы теперь дедушкой.

— Я пойду в город и принесу лекарство, — сказал Джон Смит (так звали человека, за которого она вышла замуж).

— Нет, нет, дорогой Джон, — воскликнула его жена. — Ты тоже можешь исчезнуть навсегда.

Джон Смит остался, и они вместе уселись у кровати маленькой Пэнси (так звали их дочь).

Немного погодя Пэнси стало как будто хуже, и Джон Смит снова попытался идти за лекарством, но жена непустила его.

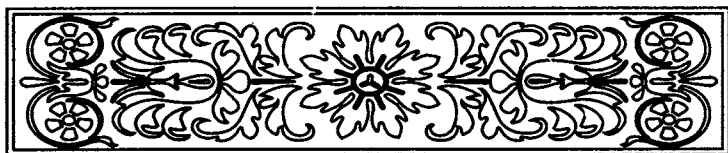
Внезапно дверь отворилась, и в комнату вошел согбенный старик, с длинными седыми волосами.

— Вот и дедушка, — сказала Пэнси, которая узнала его раньше других.

Старик вынул из кармана бутылку с лекарством, налил столовую ложку и дал Пэнси выпить.

Она вскоре поправилась.

— Я немного запоздал, — сказал Джон Смозерс, — потому что мне пришлось ждать трамвая.

ИЗМЕНЧИВАЯ СУДЬБА, ИЛИ ПЕРЕБРАСЫВАНИЕ ГЛЭДИС

— Не упрашивайте меня больше, — сказала Глэдис Вавазур-Смит. — Я никогда не буду вашей, мистер Снупер.

— Но вы давали мне раньше понять другое, Глэдис, — сказал Бертрам Снупер.

Золотистый свет заходящего солнца вливался в круглые окошки великолепного особняка, расположенного на одной из самых аристократических улиц.

Бертрам Снупер, бедный, но честолюбивый и талантливый молодой адвокат, только что проиграл свое первое дело. Он осмелился добиваться руки Глэдис Вавазур-Смит, прекрасной и одаренной дочери одной из старейших и именитейших фамилий в округе. В ее жилах текла «самая голубая кровь». Ее дед пилил дрова для Хорнсби, а тетка с материнской стороны вышла замуж за человека, которого лягнул мул генерала Ли.

Складки рта резче обозначились на лице Бертрама Снупера, шагавшего взад и вперед по комнате в ожидании ответа на вопрос, который он собирался предложить Глэдис, как только он его придумает.

Наконец ему явилась мысль.

— Почему вы не хотите выйти за меня замуж? — спросил он едва слышным голосом.

— Потому что, — напыщенно сказала Глэдис, — прогресс и развитие, которых достигла современная женщина, требуют, чтобы мужчины принесли к брачному алтарю сердце и тело, свободное от унижительных и наследственных несправедливостей, которые более не существуют, кроме как в воображении поработанных обычаем.

— Я так и ожидал, — сказал Бертрам, обтирая свой расгоряченный лоб оконной занавеской. — Вы начитались книг.

— Кроме того, — продолжала Глэдис, игнорируя убийственное обвинение, — у вас нет денег.

Кровь Снупера залила румянцем щеки Бертрама. Он надел пальто и гордо направился к двери.

— Останьтесь здесь, пока я вернусь, — сказал он. — Я вернусь через пятнадцать лет.

Кончив говорить, он замолчал и вышел из комнаты.

После его ухода Глэдис почувствовала, что ею овладевает непреодолимое желание. Она тихо проговорила, скорее про себя, чем для печати:

— Хотела бы я знать, осталось ли с обеда немного холодной капусты!

И она вышла из комнаты.

Только что она ушла, как мужчина, с смуглым цветом лица, с черными волосами, в мрачной, выражающей отчаяние, одежде, вышел из камина, где он скрывался, и заявил:

— Ага! Наконец-то ты в моей власти, Бертрам Снупер. Глэдис Вавазур-Смит будет моей. Я владею тайной, о которой не подозревает ни одна душа в мире. У меня бумаги, доказывающие, что Бертрам Снупер наследник поместья Тома Бина¹, и я нашел, что дед Глэдис, пиливший дрова для Хорнсби, был во время войны поваром в отряде майора Фишера. Поэтому семья откажется от нее, и она выйдет за меня замуж, чтобы втоптать в грязь их гордое имя. Ха-ха-ха!

Как читатель, без сомнения, уже давно догадался, это был не кто иной, как Генри Грэсти. И, порадовавшись еще немного, мистер Грэсти с сардоническим смехом уехал в Нью-Йорк.

...

Прошло пятнадцать лет.

Конечно, наши читатели поймут, что это только подразумевается...

На самом деле потребовалось несколько секунд, чтобы сделать три звездочки, представляющие промежуток времени.

Мы не могли позволить себе прервать рассказ на середине и заставить читателей ждать пятнадцать лет.

Надеемся, что этого объяснения будет достаточно. Мы избегаем создавать ложные представления.

¹ Поместье, получившее громкую известность в Техасе благодаря долгому судебному разбирательству. Потребовалось много времени и хлопот для установления наследственных прав, и большая часть имения была поглощена судебными издержками.

Глэдис Вавазур-Смит и Генри Грэсти стояли у брачного алтаря.

Мистер Грэсти, очевидно, не потерял эти годы даром.

Как раз когда священнослужитель собирался произнести роковые слова, за которые он должен был получить десять долларов, рухнула церковная колокольня и вошел Бертрам Снупер.

С глухим стоном упал священник на пол. Он не мог перенести потери десяти долларов. Его поспешно вынесли и заменили более дешевым.

Бертрам Снупер держал в руке правительственную газету.

— Ага! — сказал он. — Я так и думал, что я вас застану врасплох. Я только что приехал сегодня утром. Вот газета, в которой сообщается о моем прибытии.

Он передал ее Генри Грэсти.

Мистер Грэсти взглянул на газету и смертельно побледнел. Она была помечена тремя неделями позже прибытия мистера Снупера.

— Опять побит, — прошипел он.

— Говорите, Бертрам Снупер, — сказала Глэдис, — почему вы встали между мной и Генри?

— Я только что узнал, что я единственный наследник состояния Тома Бина, оцениваемого в два миллиона долларов.

С радостным криком Глэдис бросилась в объятия Бертрама.

Генри Грэсти вынул из своего жилетного кармана большую жестяную коробку, в которой находились четыреста шестьдесят семь мелко исписанных страниц большого формата.

— То, что вы указали, совершенная правда, но я прошу вас прочесть это, — сказал он, передавая листы Бертраму Снуперу.

Едва мистер Снупер прочел документы, как издал пронзительный крик.

— Все потеряно, — сказал он.

— Что это за документ? — спросила Глэдис.

— Он лишает меня всего моего состояния. Но мне это все равно, Глэдис, раз я завоевал тебя.

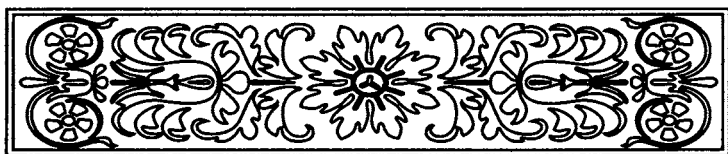
— Что это такое? Говори, я умоляю тебя, — сказала Глэдис.

— Эти бумаги, — сказал Генри Грэсти, — представляют счет моего жалованья за управление имением Тома Бина.

С криком любви Глэдис бросилась в объятия Генри Грэсти.

Двадцать минут спустя Бертрам Снупер не спеша входил в пивную на Семнадцатой улице.

МЕСТЬ ЛОРДА ОКХЕРСТА

I

Умирающий лорд Окхерст лежал в дубовой комнате в восточном флигеле окхерстского замка. Сквозь открытое окно вливалось спокойствие летнего вечера, доносился нежный аромат первых фиалок и распускающихся деревьев. И умирающему казалось, что никогда земная красота и прелесть не были так явны, как в этот светлый июньский день, последний день его жизни.

Его молодая жена, которую он любил с такой силой и преданностью, что даже приближение смерти не могло ослабить этой любви, сидела в комнате печальная и плакала. Иногда она оправляла подушки и спрашивала больного грустным, тихим голосом, не может ли она сделать что-нибудь для его облегчения, а иногда, с подавленным рыданием, она ела шоколадную карамель, находившуюся у ней в кармане. Слуги ходили взад и вперед тихо и неслышно, как это всегда делается в доме, где ожидается смерть. Даже звон битого фарфора и стекла, возвещавший о их приближении, казалось, был более заглушенный, чем обыкновенно.

Лорд Окхерст думал о тех днях, когда он ухаживал за своей красивой, молодой женой, бывшей тогда прелестной, невинной девушкой. Как ясно вставали в его памяти малейшие подробности этих сцен. Ему казалось, что он снова стоит в старой ореховой роще, где они обручились в сумерках, при блеске звезд. Ему казалось, что он снова чувствует аромат июньских роз и запах готовившегося ужина, который приносил с собою легкий ветерок. Там он сказал ей о своей любви. Он сказал, как все его счастье и будущая радость заключаются в надежде, что она станет его невестой; что, если она доверит свое будущее его попечениям, он всю свою жизнь посвятит ей и его единственной мыслью будет сделать ее жизнь одним долгим днем, полным солнечного света и радости.

Как живо он помнил, как она с девичьей робостью и застенчивостью сперва колебалась, пробормотав про себя что-то про «старого плешивого дурака». Но когда он сказал, что жизнь без нее станет для него бесцветной и что у него пятьдесят тысяч долларов годового дохода, то она бросилась к нему на шею и сказала со слезами радости на глазах:

— Генри, я твоя!

А теперь он умирал.

II

По аллее быстро ехал экипаж и остановился у подъезда замка. Сэр Эвергард Фитцармонд, известный лондонский врач, вызванный по телеграфу, вышел из коляски и быстро взошел по мраморным ступеням. Леди Окхерст встретила его в дверях, и ее хорошенькое лицо выражало сильную тревогу и печаль.

— О, сэр Эвергард, как я рада, что вы приехали. Кажется, его силы быстро убывают. Вы привезли сливочные тянучки, о которых я упоминала в телеграмме?

Сэр Эвергард не ответил ни слова, но молча передал ей пакет и, сунув в рот парочку гвоздик, начал подниматься по лестнице, ведущей в помещение лорда Окхерста. Леди Окхерст последовала за ним.

Сэр Эвергард приблизился к постели своего пациента и тихонько положил руку на пульс больного. На бесстрастном лице доктора мелькнула легкая тень сочувствия, когда он серьезно и торжественно произнес:

— Сударыня, ваш муж издох.

Леди Окхерст сначала не поняла этого технического выражения и продолжала сосать сливочную тянучку. Но затем в ее сознание проникло значение зловещих слов, и она схватила топор, который обычно стоял у постели ее мужа и которым он калечил слуг. Этим топором она раскрыла дверь в кабинет лорда Окхерста, где хранились его бумаги, нервным движением вытащила из стола какой-то документ и прочла его. С диким, нечеловеческим криком она без чувств упала на пол.

Сэр Эвергард Фитцармонд подобрал документ и заглянул в него. Это было завещание лорда Окхерста, в силу которого все его состояние переходило ученому учреждению, которое поставило бы себе целью изобретение способа делать водку из опилок.

Сэр Эвергард быстро оглянулся. Никого не было видно. Бросив завещание, он быстро переложил несколько ценных украшений и редких образчиков золотой и серебряной филигранной работы со стола в свой карман и позвонил слугам.

III

Сэр Эвергард Фитцармонд сошел со ступеней окхерстского замка и пошел по аллее, ведущей от подъезда к большим железным воротам парка. Лорд Окхерст при жизни был большим спортсменом и всегда держал свору дворняжек. Теперь собаки выскочили со всех сторон и с громким лаем набросились на доктора, вонзая клыки в его нижние конечности и нанося серьезные повреждения его костюму.

Сэр Эвергард вышел из своего обычного равнодушия к человеческим страданиям и разразился страшным проклятием. Со всей возможной скоростью добежал он до коляски и поехал по направлению к городу.

ИЗВИНЕНИЕ

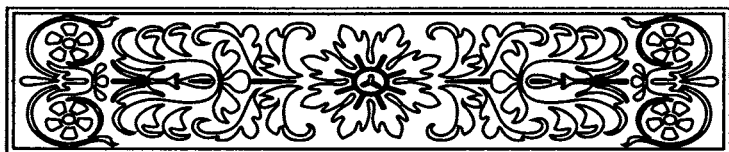
Тот человек, который подметает в редакции, переводит письма, получаемые из зарубежных стран, расшифровывает сообщения от выпускников бизнес-колледжей и заполняет большую часть газетного пространства, последние недели был вынужден лежать в кровати под толстым стеганым одеялом красного цвета из-за гибридного заболевания — гриппа и кори.

Мы пропустили два номера «Роллинг стоун» и теперь, когда постепенно выздоравливаем, желаем извиниться перед читателями и выразить им наше сожаление

Подписка всех будет продлена, чтобы восполнить подписчику недостающие номера, и в скором времени мы намерены сообщить, что все у нас в порядке, все на мази. Люди, которые пытаются совместить выпуск забавной газеты с болезнью гибридом гриппа с корью, вполне отдают себе отчет, насколько для этого важен такт, тонкость, предупредительность и горячий чай из американского лавра.

Мы надеемся выпускать с этого времени нашу газету регулярно, но вынуждены быть весьма осторожными, ибо неэффективное лечение и губительные последствия кори, вкупе с удорожанием газетной бумаги и печатных станков, могут привести к рецидиву, что уже и бывало в прошлом.

Любой желающий получать нашу газету регулярно должен прийти к нам и заявить об этом и принести с собой кусок ветчины или какой другой деликатес, продаваемый инвалидами.

БЕКСАРСКОЕ ДЕЛО № 2692

В случае, если вы посетите Остин, вы непременно должны осмотреть Главное земельное управление.

Пройдя вверх по авеню, вы круго заворачиваете за угол дома, где находится суд, и перед вами на крутом холме предстанет средневековый замок.

Вы помните о Рейне, о Лорелеи, покрытых виноградниками горах Германии, потому что архитектура этого замка живо напоминает Германию.

План был составлен старым чертежником родом из «фатерланда», в сердце которого глубоко были запечатлены картины его родной страны. Говорят, что он с замечательной верностью воспроизвел старинный замок, находившийся вблизи места его рождения.

Нынешняя администрация новой окраской испортила благородный стиль старинных стен. Современные изразцы заменили каменные плиты пола, истоптанного ходьбой тысячи ног. Старинная потертая мебель сменилась нарядным и изящным гарнитуром.

Но даже и теперь, при входе в здание, вы невольно понижаете голос, потому что весь окружающий вас воздух пропитан дыханием прошлых поколений.

Каменные стены здания необычайно толсты. Летом здесь прохладно, зимою тепло. Здание стоит поодаль от других государственных учреждений и имеет печальный, одинокий вид, как бы живя в прошлом.

Двадцать лет тому назад здание было почти таким же, как теперь. Двадцать лет спустя с него сойдет блестящая яркая окраска, и оно снова примет мрачный вид. Люди, живущие в других штатах, не могут себе представить, какая обширная и важная работа производилась в этих стенах и какое значение имеют миллионы описей и дел, составляющие архив этого учреждения.

Здесь собраны все акты, свидетельства и документы, относящиеся к каждому футу земли штата Техас.

Можно было бы заполнить целые тома отчетами о мошенничествах, ложных свидетельствах, подкупах, обманах, подчистках и исчезновении документов, о всех тех разнообразных махинациях, которыми, ради всемогущего доллара, запятнаны дела Главной земельной конторы.

Служащие здесь ни при чем. Трудно найти более верных, компетентных, исполнительных работников, но есть или, скорее, был — потому что дни их теперь прошли — класс земельных спекулянтов, обычно называемых земельными акулами, которые оставили свои следы в каждом отделе земельного управления в виде уничтоженных документов, похеренных актов, поддельных передаточных записей и ложных показаний.

В старых каменных плитах пола, замененных теперь изразцами, были глубокие выбоины от бесчисленных ног, проходивших ежедневно по гулким коридорам, из комнаты архива в канцелярию, из святилища комиссара к реестровой книге и обратно.

Честный, но невежественный владелец небольшого клочка земли сталкивался здесь с земельной акулой, искавшей документы, которые дали бы возможность забрать его землю.

Змеиный след проходит через все дела.

Честные люди в продолжение нескольких поколений старались распутать неразбериху, созданную обманом и подлостью. Взгляните на описи, и вы увидите на них бесчисленные надписи, вроде нижеследующих:

«Передаточный акт сомнительный».

«Свидетельство порожное».

«Подпись подложная».

«Свидетельства выкрадены», — и так далее, до бесконечности.

Реестровые книги, разложенные на длинных столах в большой комнате наверху, всем открыты для осмотра.

Откройте их, и вы увидите черные, жирные отпечатки пальцев — признаки полувекового их употребления. Быстрая рука акулы перелистывала листы миллион раз; заскорузлые пальцы встревоженного земледельца оставили следы на потрепанных листах.

Весь материал сосредоточивается в комнате архива.

Это большая сводчатая комната, безопасная в пожарном отношении, с одним входом.

На дверях красуется надпись «Вход запрещен». И драгоценные документы передаются дежурным чиновником только по представлении ордера, лично подписанного комиссаром.

В прежнее время с документами обращались очень небрежно. Они выдавались для ознакомления всем желающим и часто не возвращались обратно. В эти-то дни и было сделано наибольшее зло.

Все документы, относящиеся к определенному участку земли, заключены в папку и составляют одно дело. Вы просите дежурного чиновника бумаги, относящиеся к какому-нибудь участку в Техасе. Они разложены по районам и номерам.

Чиновник исчезает из окошечка в дверях, вы слышите, как он поднимает крышку жестяного ящика, и папка с документами в ваших руках.

Ступайте как-нибудь в земельное управление и спросите дело Бексарского участка за № 2692.

Дежурный чиновник воззрится на вас, а затем коротко ответит:

— Не находится в делах. Его нет в делах уже двадцать лет.

История этого дела не была написана до настоящего времени. Двадцать лет тому назад в Остине жил земельный агент, хитрый и пронырливый человек, который все свои обширные знания по части земельных документов и земельных законов посвятил тому, чтобы выискивать свидетельства на участки, составленные по незнанию, не по букве закона.

В деле Бексарского участка за № 2692 он нашел крупный дефект и сделал заявку на этот участок от своего имени.

Закон был на его стороне.

Но всякое чувство справедливости, права или человечности было против него.

В деле не хватало свидетельства, на основании которого была сделана первоначальная заявка на участок. И на папке не было никакого указания, что подобное свидетельство было когда-нибудь подшито к делу.

По закону участок считался бесхозным, свободным и мог быть отдан во владение.

На самом деле на участке жила вдова со своим единственным сыном, и она была уверена, что документы, устанавливающие ее права на землю, в полном порядке.

Железная дорога наметила новую ветку через этот участок, в силу чего ценность его удвоилась.

Земельный агент Шарп не сообщил ей ничего, пока сам не сделал заявки в земельное управление и не подал прошения о выдаче ему патента.

Тогда он написал ей письмо, предлагая на выбор или купить у него участок, или освободить место.

Он не получил ответа.

Однажды он просматривал другие дела и наткнулся на пропавшее свидетельство. Кто-то, очевидно служащий, по ошибке положил его в другую папку.

Шарп спросил дело № 2692, к которому свидетельство относилось, и тщательно пересмотрел его, нет ли каких-либо надписей о существовании свидетельства.

Свидетельство было составлено самым законным образом и заверено главным клерком. Если бы это свидетельство попало в руки чиновника, выправляющего патенты, то прошение Шарпа было бы отклонено.

Шарп осторожно оглянулся. Неподалеку от него стоял молодой человек или, скорее, мальчик лет восемнадцати, наблюдавший за ним острыми черными глазами.

Шарп слегка смутился, сунул свидетельство в папку и стал читать другие бумаги.

Мальчик подошел и прислонился к столу рядом с Шарпом.

— Очень интересное учреждение, сэръ, — сказал он. — Я никогда здесь раньше не бывал. Все эти бумаги насчет земли, правда? Документы и акты и все такое?

— Да, — сказал Шарп. — Здесь содержатся все документы.

— Вот это, например, — сказал мальчик, беря дело Бексарского участка за № 2692, — к какому участку земли относятся эти документы? Ах, да, вижу — шестьсот сорок десятин Бексарского участка. Пожаловано Авессалому Харрису. Пожалуйста, скажите мне, — я, такой невежда в этих делах, — как можно отличить законную заявку от незаконной. Мне сказали, что здесь так много подложных и неправильных документов. Вот эти документы, например, они в порядке?

— Нет, — сказал Шарп. — Свидетельства не хватает.

— А та бумага, которую вы только что положили в папку, это, вероятно, что-нибудь другое — запись о передаче или промерка полей?

— Да, — торопливо сказал Шарп, — исправленная проверка полей. Простите меня, я очень спешу.

Мальчик следил за ним живыми, блестящими глазами.

Нельзя было оставить свидетельства в папке, но нельзя было его также и вынуть в присутствии этого следившего за ним мальчика.

Шарп, держа в руках около дюжины дел, повернул к комнате архива и по дороге как бы случайно уронил часть папок на пол. Нагнувшись, чтобы подобрать их, он быстро засунул дело Бексарского участка за № 2692 в боковой карман своего пиджака.

Это случилось как раз в половине пятого, к закрытию учреждения, и чиновник, взяв папки, бросил их в кучу в комнате архива, вышел и запер дверь.

Чиновники выходили из всех дверей и направлялись к выходу. Шарп боялся вынести папку из земельного управления. Мальчик мог видеть, как он положил дело в карман, а закон карал за такой поступок очень строго.

В некотором расстоянии от комнаты архива находилась чертежная, никем не занимаемая.

Шарп отстал и, оставшись позади, незаметно юркнул в чертежную.

Чиновники шумно спускались по железной лестнице, напевая, болтая и насвистывая.

Внизу сторож ожидал их выхода, чтобы запереть две большие входные двери, выходящие на юг и на восток.

В его обязанности входило тщательно следить ежедневно за тем, чтобы никто после закрытия не оставался в здании.

Шарп решил обождать, пока все стихнет, а затем вынуть свидетельство из папки, а саму папку бросить на один из чертежных столов, как будто бы ее забыли здесь во время дневных занятий.

Ему нужно было, во всяком случае, вынести свидетельство из управления или уничтожить его, потому что если бы один из чиновников нашел эту бумагу, то ее положили бы в дело и его право на Бексарский участок тем самым было бы аннулировано.

Он осторожно двигался по каменному полу, но громкий лай небольшой собачонки, принадлежавшей сторожу, доказывал, что ее острый слух уловил звуки его шагов.

В больших помещениях гулко отдавался малейший звук.

Шарп уселся у стола и положил папку с делом перед собой.

В его прошлой жизни было много мошенничеств и хитросплетений, но явно преступного действия он не совершал.

Он всегда благоразумно держался на границе закона, но для того поступка, который он теперь собирался совершить, даже его податливая совесть не могла бы найти оправдания.

Нет определенной границы между честностью и нечестностью. Обе эти области сливаются одна с другою, и человек, свернувший с прямого пути, может незаметно для себя очутиться по ту сторону границы.

Шарп занимал в обществе так называемое высокое положение. То есть, его слову верили, его чек принимался как наличные деньги; он был принят в хорошем обществе и никому ничего не был должен.

Про него говорили, что за какую бы земельную аферу он ни брался, он всегда выигрывал, но здесь не было ничего плохого, потому что в этом состояло его занятие.

Теперешний же его поступок поставит его в ряды преступников, если будет обнаружен.

Этот поступок лишит вдову и ее сына имущества большой ценности, которое по праву принадлежало им.

Но он зашел слишком далеко, чтобы остановиться на полдороге.

Его собственное заявление на участок уже поступило в отдел патентов. Документ на его имя должен быть выправлен в ближайшие дни. Свидетельство должно быть уничтожено.

Он на минуту склонил голову на руки. В это время сзади послышался шум, заставивший его сердце забиться от страха. Раньше, чем он мог встать, чья-то рука протянулась через его плечо и схватила папку с делом.

Он быстро встал, бледный как полотно, и стул с громким шумом покатился по каменному полу.

Перед ним стоял тот же мальчик, который с ним прежде говорил, и смотрел на него сверкающим, полным презрения взглядом. Спокойно взял он папку и положил в левый боковой карман своей куртки.

— Оказывается, я был прав, мистер Шарп, — сказал он, — что поджидал за дверью, пока вы уйдете. Вы поймете испы-

тываемое мною удовольствие, если я вам скажу, что мое имя Харрис. Моей матери принадлежит земля, на которую вы позарились, и если существует справедливость в Техасе, то земля останется за матерью. Я не совсем уверен, но мне кажется, я видел, что вы в эту папку положили какую-то бумагу, которая, возможно, представляет большую ценность для меня. Мне также показалось, что вы как будто хотели опять вынуть эту бумагу, но вам не представилось удобного случая. Как бы то ни было, я сохраню эту папку до завтра у себя, а затем пусть решит комиссар.

Вероятно, среди далеких предков мистера Шарпа были дикие воины, потому что в один миг его покинула вся его осторожность и присутствие духа, и им овладела слепая, дикая нерассуждающая ярость.

— Отдай мне папку, — глухо сказал он, протягивая руку и бешено сверкая глазами.

— Я не такой дурак, мистер Шарп, — сказал юноша. — Эта папка будет представлена завтра комиссару для обследования. Если он найдет... помогите! спасите!

Шарп, как тигр, набросился на него и повалил его на пол. Мальчик был крепкий и сильный, но неожиданность нападения не дала ему возможности сопротивляться. Он вскочил на ноги, но против него стоял не человек, а разъяренное животное с пылающим взором и сверкающими зубами.

Мистер Шарп, занимающий в обществе высокое положение, бился теперь за свою репутацию и доброе имя.

Вскоре послышался глухой звук, еще и еще. Сверкнуло лезвие белое, а потом красное, и Эдуард Харрис свалился безжизненно на каменный пол земельного управления.

Старый ночной сторож был глухой и ничего не слышал.

Собачонка лаяла внизу лестницы, пока сторож не позвал ее в свою комнату.

Шарп несколько минут стоял неподвижно, держа в руке окровавленный складной нож и прислушиваясь к воркованью голубей на крыше и к громкому тиканью часов в конторе.

Карта зашуршала на стене, и кровь заледенела в его жилах. Крыса пробежала по разбросанным на полу бумагам, и волосы зашевелились у него на затылке, и он с трудом смочил языком пересохшие губы.

Между чертежной и комнатой архива находится дверь, которая ведет на узкую темную винтовую лестницу, идущую от нижнего этажа до самого чердачного помещения.

Этой лестницей в то время никогда не пользовались, не пользуются и теперь.

Она пыльная, неудобная, темная и совершенно лишняя и просто была ошибкой архитектора, составлявшего план.

Лестница кончается наверху в чердачном помещении, между крышей и стропилами.

Это помещение, имеющее форму палатки, темное и, будучи ненужным, оно редко посещается.

Шарп открыл дверь и с минуту глядел на узкую, затянутую паутиной лестницу.

В эту ночь одно из окон в нижнем этаже земельного управления тихонько раскрылось, и из него выскочил с большой предосторожностью человек и скрылся в темноте.

Прошла неделя после этого случая, и Шарп снова остался в управлении после закрытия и после ухода чиновников.

На следующее утро служащие, пришедшие первые, заметили на пыльной верхней площадке лестницы широкую полосу. Такой же след виден был внизу, под лестницей, у окна.

Казалось, как будто по пыльному каменному полу тащили какой-то тяжелый и довольно большой предмет. На ступеньках лестницы подобрали записную книжку, на заглавном листе которой стояло «Э. Харрис», но ничего подозрительного или особенного во всем этом не усмотрели.

Долгое время в газетах появлялись объявления с просьбой сообщить что-нибудь об Эдуарде Харрисе, который в определенный день покинул материнский дом и затем бесследно исчез.

Немного погодя эти события были изглажены другими, более интересными, и публика о них забыла.

Шарп умер два года тому назад, всеми почитаемый и уважаемый. Последние два года своей жизни он страдал глубокой меланхолией, для которой друзья его не могли найти причины.

Главная часть его значительного состояния досталась ему от земли, приобретенной им при помощи обмана и преступления.

Исчезновение из архива дела за № 2692 вызвало некоторое смятение в земельном управлении, но патент свой он получил.

В Остине и его окрестностях ходит слух, что где-то на берегу речки Шол, в миле к западу от города, зарыт клад большой ценности.

Трое молодых людей, живущих в Остине, недавно нашли, как им казалось, ключ к разгадке местонахождения клада, и в четверг вечером, когда стемнело, они отправились к тому месту и в течение трех часов усердно работали заступом и лопатой.

К концу этого времени их труд увенчался успехом. В четырех футах под поверхностью земли они нашли большой ящик, который они поспешили открыть.

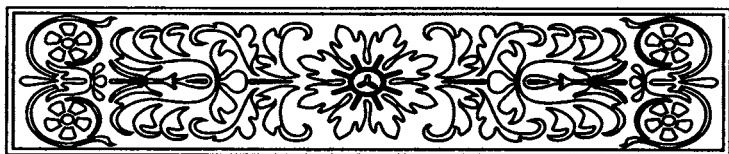
При свете фонаря их взорам представился человеческий скелет, на котором еще уцелели остатки костюма.

Они немедленно сообщили о своей страшной находке надлежащим властям.

При ближайшем осмотре в левом боковом кармане куртки был найден плоский длинный пакет бумаг, насквозь прорезанный в трех местах лезвием ножа и настолько смоченный запекшейся кровью, что превратился в какую-то массу.

При помощи микроскопа и при наличии небольшого воображения можно на верхней бумаге разобрать следующие буквы:

Б — кс — р — — ело — № — 2 — 92.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Не сообщите ли, где можно приобрести акции какой-нибудь газеты? У меня есть свободные деньги, и я был бы рад инвестировать их в такое предприятие, я с удовольствием найду такое приложение своему капиталу в обмен на опыт предпринимателя.

Выпускник колледжа

Немедленно телеграфом сообщите нам свой адрес дневной почтой. Направляйте нам свои телеграфные сообщения каждые десять минут за счет редакции и продолжайте это делать до самой нашей встречи. Мы выезжаем первым же поездом после получения от вас телеграммы.

Скажите, кто автор строчки — «Бездыханный человек, у которого скончалась душа»?

Д. Ф.

Эта строка принадлежит одному посетителю Стейт Зенгефест в 1892 году, когда он разговаривал с одним членом, скушавшим перед этим большой кусок лимбургского сыра.

Где достать «Свидетельство скал»?

Геолог

Свидетельства немых скал можно получить из докладов комитетов после ноябрьских президентских выборов.

Просьба указать на семь чудес света; я лично знаю только пять, не можете ли найти два других?

Ученик

Храм Дианы в Лексингтоне, штат Кентукки; Великая китайская стена; судья Джон Розенберг (Колосс дорог); висья-

чие сады в Олбани; воскресно-приходская школа в Сан-Антонио; миссис Фрэнк Лесли и популистская партия.

Когда наступило Рождество в 1847 году?

25 декабря.

Что означает аббревиатура — П.В.Ж?

Незнайка

Что это означает? В отношении того человека, который доверительно берет вас под руку, утверждая, что вы — вылитый его брат из Ричмонда, это означает — пошарить в вашем жилете, ибо ему позарез нужны пять долларов. А в отношении того, кто идет мимо вас с гордо поднятой головой на улице и не желает с вами разговаривать, потому что он уже должен вам десятку, это означает — пойди высмотри жертву!

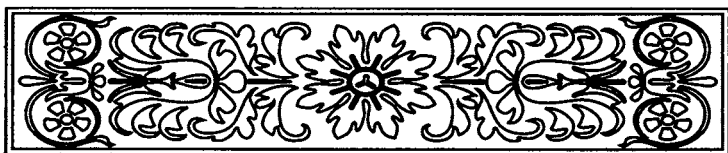
Просим вас разрешить наше пари. Мой приятель говорит, что фраза «Негр купил арбуз у фермера» — совершенно правильная, а я возражаю, правильнее сказать — «Негр купил арбуз от фермера».

Оба варианта неверны. Фраза должна звучать так: «Негр украл арбуз у фермера!»

Когда техасские законы по охоте вступают в силу?

Охотник

Когда вам охота сесть за игорный стол.

НА ПОМОЩЬ, ДРУГ!

Когда я торговал скобяными товарами на Западе, мне не раз случалось наведываться по делам в один городишко под названием Салтилло, в Колорадо. Симон Белл держал там лавку, в которой торговал всякой всячиной, и я знал, что всегда смогу сбыть ему партию-другую своего товара. Белл был этакий шестифутовый басовитый детина, соединявший в себе типические черты Запада и Юга. Он нравился мне. Поглядеть на него, так можно было подумать, что он должен грабить дилижансы или жонглировать золотыми копиями. Однако он отпускал вам дюжину кнопок или катушку ниток, проявляя при этом во сто раз больше обходительности и терпения, чем любая продавщица за прилавком столичного универсального магазина.

Мое последнее посещение Салтилло преследовало двоякую цель. Во-первых, я хотел продать свой товар, во-вторых — дать Беллу добрый совет, воспользовавшись которым он мог сделать неплохое дельце.

В Маунтен-Сити — это город на Тихоокеанской, раз в пять крупнее Салтилло, — одно торговое предприятие не сегодня завтра должно было вылететь в трубу. Торговало оно бойко и могло бы торговать еще лучше, но в результате неумелого ведения дел и чрезмерного пристрастия одного из компаньонов к азартным играм оказалось на краю банкротства. Все это еще не получило огласки, а мне стало известно стороной. Я знал, что, сразу выложив деньги, можно приобрести это предприятие за четверть его истинной стоимости.

Прибыв в Салтилло, я направился к Беллу в его лавку. Белл кивнул мне, и, как всегда, широкая улыбка медленно расплылась по его лицу, но он продолжал не спеша отпускать леденцы какой-то девчужке. Покончив с этим, он вышел из-за прилавка и пожал мне руку.

— Ишь ты, — сказал он (незатейливая шутка, которой неизменно встречалось каждое мое появление), — не иначе,

как вы приехали делать видовые снимки наших гор. Сейчас как будто не сезон сбывать скобяные изделия?

Я рассказал Беллу про выгодное дело, которое наклевывалось в Маунтен-Сити. Если он хочет воспользоваться таким случаем, я готов, так и быть, остаться со всем своим товаром на руках и не помогать ему затовариваться в своем Салтилло.

— Звучит заманчиво,— сказал он с жаром.— Я бы не прочь расширить немножко дело. Очень вам признателен за эти сведения. Только... Ну ладно, пойдемте ко мне, вы переночуете у нас, а я подумаю.

Солнце уже село, и всем большим лавкам в Салтилло пора было закрываться на ночь. Приказчики захлопнули свои книги, заперли сейфы, надели пиджаки и шляпы и отправились по домам. Белл задвинул засов на двойных дубовых дверях, и мы немножко постояли на крылечке, вдыхая свежий ароматный ветерок, потянувший с гор.

На улице появился высокий плотный мужчина и подошел к крыльцу лавки. Его пушистые черные усы, черные брови и курчавая черная шевелюра находились в странном противоречии с нежно-розовым цветом лица, который по всем законам естества должен был бы принадлежать блондину. Незнакомцу на вид было лет сорок. На нем был белый жилет, белая шляпа, часовая цепочка из золотых пятидолларовиков и недурного покроя серый костюм, в каких любят щеголять восемнадцатилетние юнцы, еще не окончившие колледж. Поглядев сначала с недоверием на меня, незнакомец устремил затем холодный и даже, как мне показалось, враждебный взгляд на Белла.

— Ну как? — спросил Белл тоном, каким говорят с посторонними людьми.— Удалось все уладить?

— Вопрос! — негодуяюще вскричал незнакомец.— Чего ради, по-твоему, я здесь околачиваюсь вторую неделю? Сегодня все будет закончено. Устраивает это тебя, или ты, может, на попятный?

— Устраивает,— сказал Белл.— Я знал, что ты это сделаешь.

— Еще бы тебе не знать! — сказал величественный незнакомец.— Будто я раньше не делал.

— Делал,— согласился Белл.— Но и я тоже. Как тебя кормят в гостинице?

— Зубы обломаешь. Но я терплю. А ты, кстати, не можешь ли дать мне каких-либо указаний? Как лучше управляться с...

с этим делом? Ты ведь знаешь — у меня нет никакого опыта по этой части.

— Нет, не могу,— подумав, отвечал Белл.— Я все перепробовал. Придется тебе самому поискать какой-нибудь способ.

— Умасливать не пробовал?

— Бочки масла пустил в расход.

— А подпруги с медными пряжками не пойдут в дело?

— И не пытайся. Я раз рискнул — вот что получилось.

Белл протянул руку. Даже в сгустившихся сумерках я разглядел на тыльной стороне кисти длинный белый шрам, похожий на след когтя, ножа или еще какого-нибудь острого предмета.

— О, вот как! — сказал незнакомец беспечно.— Ладно, поглядим.

Не прибавив больше ни слова, он пошел прочь. Но, отойдя шагов на десять, обернулся и крикнул:

— Ты держись подальше, когда я буду принимать груз, а то как бы не сорвалось дельце-то.

— Хорошо,— отвечал Белл.— Я буду действовать в своем направлении.

Смысл этой беседы остался для меня совершенно темен, но, поскольку она не имела ко мне никакого касательства, я тут же выбросил ее из головы. Однако необычайная внешность незнакомца нет-нет да всплывала у меня в памяти, пока мы с Беллом шли к нему домой, и я сказал:

— Этот ваш клиент довольно-таки мрачный тип. Я бы не хотел попасть с ним вместе в буран и быть засыпанным снегом в палатке на охоте.

— Вот-вот,— с воодушевлением подхватил Белл.— Настоящая гремучая змея, отравленная укусом тарантула.

— Он не похож на жителя Салтилло,— продолжал я.

— Да,— сказал Белл.— Он живет в Сакраменто. Приехал сюда по делу. Его зовут Джордж Ринго. Это мой лучший друг — единственный, пожалуй, настоящий друг за последние двадцать лет.

Я был так поражен, что не проронил ни слова.

Белл жил в простом, удобном, квадратном, двухэтажном белом домике на краю города. Он попросил меня обождать в гостиной. Это была удручающе благопристойная комната — красный плюш, соломенные циновки, кружевные занавески, подобранные фестонами, и стеклянный шкаф, доста-

точно вместительный, чтобы держать в нем мумию, и набитый сверхудонизу образчиками минералов.

Пока я ждал, у меня над головой вдруг раздалась звуки, происхождение которых не может вызвать у вас ни малейшего сомнения, в какой бы части света вы их ни услышали. Это был сварливый женский голос, поднимавшийся все выше и выше, по мере нарастания клокотавшей в нем злобы. В промежутках между шквалами до меня долетал мерный рокот — голос Белла, пытающегося усмирить разбушевавшуюся стихию.

Мало-помалу буря утихла. Но я все же успел услышать, как женщина сказала, понизив голос, с выражением сдержанной ярости, звучавшей внушительнее, чем все предыдущие вопли:

— Ну, теперь конец. Слышишь — конец. О, ты еще пожалелешь!

В доме, насколько я знал, никого, кроме четы Беллов и прислуги, не было. Меня представили миссис Белл за ужином.

На первый взгляд она показалась мне красивой женщиной, но я вскоре заметил, что это — красота с червоточинной. Раздражительность, неуравновешенность, крикливость, эгоизм, вечное чем-нибудь недовольство и неумение владеть собой чрезвычайно портили ее женственную прелесть. За ужином она была деланно весела, притворно добродушна и подчеркнута смиренна, что изобличало в ней особу с заскоками и капризами. При всем том это, несомненно, была женщина, не лишенная привлекательности в глазах мужчин.

После ужина мы с Беллом вынесли стулья на травку и уселись покурить при лунном свете. Полная луна, как известно, — колдунья. При бледном ее сиянии правдивые люди открывают вам самые драгоценные сокровища своего сердца, а лгуны выдавливают на палитру рассказа самые яркие краски из тюбиков своих фантазий. Я увидел, как широкая улыбка снова медленно разлилась по лицу Белла...

— Вам, верно, кажется странной такая дружба, как у нас с Джорджем, — сказал он. — Нам, признаться, никогда не доставляло особенного удовольствия общение друг с другом. Но мы одинаково понимаем дружбу и все эти годы никогда от этого не отступали. Я постараюсь дать вам некоторое представление о том, как мы это себе представляем.

Человеку нужен один-единственный друг. Тот, кто околачивается возле вас, пьет ваше виски, хлопает вас по плечу, расписывает, как он вас любит, и отнимает у вас время, — это еще не друг, даже если вы играли с ним в камушки в школе и удили рыбу в одном ручье. Пока вам не понадобился истинный друг, может, сойдет и этот. Но настоящий друг, на мой взгляд, это тот, на кого вы можете положиться, — вот как я на Джорджа, а он на меня.

С давних пор мы с ним были связаны на самый различный лад. На паях гоняли в Нью-Мексико фургоны с товаром, вместе рыли кой-какое золотишко и слегка поигрывали в карты. Каждому из нас случалось время от времени попадать в беду, и на этой почве мы с ним главным образом и сошлись. А еще, вероятно, потому, что не испытывали потребности слишком часто видеться друг с другом и не слишком друг другу докучали. Джордж — тщеславный малый и отчаянный хвостун. Слушать его, так стоит ему только дунуть, и самый большой из гейзеров в Йосемитской долине тотчас уберется назад в свою дыру. Я человек тихий, люблю почитать, поразмышлять. Чем чаще нам с ним приходилось встречаться, тем меньше мы искали этих встреч. Если бы Джордж попробовал хлопнуть меня по плечу или просюсюкать что-нибудь насчет нашей дружбы, как делают это, я видел, некоторые так называемые друзья-приятели, я бы вздул его, не сходя с места. То же самое и он. Мои замашки так же противны ему, как мне — его. На прииске мы с ним всегда жили в разных палатках, чтобы не навязывать друг другу свою омерзительную личность.

И все же со временем мы поняли, что в беде каждый из нас может рассчитывать на другого — вплоть до его последнего доллара, честного слова или лжесвидетельства, последней пули в его винчестере, последней капли крови в жилах. Мы никогда с ним об этом не говорили — это бы все испортило, — а просто убедились на деле. Как-то раз я схватил шляпу, вскочил в товарный вагон и проехал двести миль до Айдахо, чтобы удостовериться его личность, когда его хотели повесить, приняв за железнодорожного бандита. А раз как-то я валялся в тифу в своей палатке, где-то в Техасе, без гроша в кармане и без смены белья, и послал за Джорджем в Бойз-Сити. Он приехал с первым поездом. Ни слова не говоря, пришил к палатке дорожное зеркальце, подкрутил усы и втер какое-то снадобье в волосы (они у него от приро-

ды ярко-рыжие), после чего с исключительным мастерством изругал меня на все корки и снял пальто.

— Ну ты, трухлявый старый гриб, какого черта ты разлегся? — сказал он. — Надо же быть таким идиотом, — небось наакался воды из какого-нибудь гнилого болота? И уж ты, конечно, не можешь не валиться в постель и не подымать визга, когда укусит тебя москит или кольнет под ложечкой?

Я здорово обозлился.

— У тебя не слишком приятная манера ухаживать за больными, — сказал я. — Ступай туда, откуда пришел, и дай мне умереть естественной смертью. Очень жалею, что послал за тобой.

— Я и то подумываю, не уехать ли, — сказал Джордж. — Кому это интересно — будешь ты жить или загнешься? Но раз уж меня сюда заманили, я теперь могу и подождать, пока не кончится это несварение желудка, или крапивная лихорадка, или что там у тебя такое.

Две недели спустя, когда я пошел на поправку, доктор расхохотался и сказал, что, по его мнению, меня поставили на ноги не его лекарства, а то состояние бешенства, в котором я все это время пребывал.

Вот, собственно, как протекала наша дружба с Джорджем. Мы не разводили на этот счет никаких сантиментов. Все строилось на взаимных одолжениях — и только. Но каждый из нас знал, что другой всегда готов прийти ему на помощь.

Помню, как я однажды подшутил над Джорджем — просто чтобы испытать его. Потом мне было даже совестно. Я мог бы не сомневаться в том, как он поступит.

Мы жили тогда в одном городишке в долине Сент-Луиса, где у нас было стадо овец и немного рогатого скота. Дело у нас было общее, а жили мы, как всегда, врозь. Из восточных штатов ко мне приехала на лето моя тетушка, и я снял небольшой коттедж. Она тут же завела двух коров, несколько поросят и немного кур, чтобы придать дому обжитой вид. Джордж жил в маленькой хижине в полумиле от города.

Однажды у нас с тетушкой околел теленок. Ночью я разрубил его на куски, сложил эти останки в мешок и завязал его проволокой. Затем надел старую рубаху, основательно разодрал на ней ворот, почти напроць оторвал один рукав, взъерошил себе волосы, вымазал руки красными чернилами и побрызгал ими немного на рубаху и на лицо. Думаю,

что у меня был такой вид, словно я только что выдержал борьбу не на жизнь, а на смерть. Взвалил мешок на повозку и поехал к Джорджу. Я покричал перед его хижиной, и он вышел на порог в желтой пижаме, лакированных туфлях и в феске. Джордж всегда был страшным франтом.

Я свалил мешок на землю.

— Ш-ш-ш! — прошипел я, с безумным видом озираясь по сторонам. — Возьми это, Джордж, и зарой где-нибудь за домом. Как есть, так и схорони. И не...

— Ну, чего раскудахтался, — говорит Джордж. — И, ради Создателя, походи умойся и переодень рубашку.

Он закурил трубку, а я галопом поскакал обратно. Наутро он появился у нас в садике перед домом, где моя тетушка возилась со своими овощами и цветочками. Джордж раскланивается, изгибаясь дугой, рассыпается в комплиментах — он на этот счет мастак, когда захочет, — и просит тетушку подарить ему розовый куст. Он вскопал небольшую клумбу у себя за домом и хочет посадить там что-нибудь красивое и полезное. Тетушка, чрезвычайно польщенная, выкапывает с корнем один из своих самых больших кустов и отдает ему. Потом я видел, где он его посадил. На голом, без травы, хорошо утрамбованном месте. Ни я, ни Джордж никогда ни словом не обмолвились больше по этому поводу.

Луна поднялась выше, быть может, стремясь вызвать прилив океана, — или эльфов из своих убежищ, а скорее всего — Симса Белла на дальнейшую откровенность.

— Вскоре после этого привелось и мне оказать услугу Джорджу Ринго, — продолжал Белл. — Он сколотил немного денегат с помощью своих овец и коров и уехал в Денвер. Когда я его там увидел, он щеголял в замшевом жилете, желтых башмаках, полосатом костюме, похожем на тент над витриной бакалейной лавочки, и волосы у него были уже до того черны, что даже отливали вороненой сталью и выделялись своей чернотой в полном мраке. Я приехал в Денвер по его вызову. Джордж написал, что я срочно ему нужен, и просил прихватить с собой мой самый парадный костюм. Он был как раз на мне, когда я получил письмо, и я отбыл с ближайшим поездом. Джордж жил...

Белл оборвал свой рассказ и с минуту настороженно прислушивался.

— Мне показалось, что проехал кто-то по дороге, — пояснил он. — Да, так Джордж жил на курорте, на берегу озера под Денвером, и пускал там пыль в глаза, не жалея сил. Он снял двухкомнатный коттедж, обзавелся собакой какой-то невиданной породы, гамаком и дюжиной тросточек самого различного вида.

— Симс, — говорит он мне, — здесь есть одна вдова, которая вконец допекла меня разнообразными знаками внимания. Нет мне от нее спасенья. Не то чтоб она была некрасива или непривлекательна, но ее намерения слишком серьезны, а я еще не подготовлен к женитьбе и оседлому образу жизни. Стоит мне пойти на вечеринку, или посидеть на веранде отеля, или вообще появиться в каком-нибудь обществе, как она тут как тут — накинет на меня свое лассо и не даст общаться со всем прочим стадом. Мне нравится это местечко, — продолжал Джордж, — я тут имею успех в самом избранном кругу, и в мои планы вовсе не входит сматываться отсюда. Вот я и вызвал тебя...

— А что же я должен делать? — спрашиваю.

— Ну как, — говорит, — ты должен заставить ее изменить курс. Отрезать ее от меня. Прийти мне на помощь. Ну, что бы ты сделал, если бы увидел, что меня хочет съесть дикая кошка?

— Бросился бы на нее.

— Правильно, — говорит. — Вот и бросься на миссис де Клинтон.

— А как я должен это сделать? — спрашиваю. — С применением физической силы и устрашения или каким-либо более мягким и приятным способом?

— Поухаживай за ней, — говорит Джордж. — Сбей ее с моего следа. Таскай ее по ресторанам. Катайся с ней на лодке. Околачивайся возле нее, не отходи от нее ни на шаг. Постарайся вскружить ей голову, если сумеешь. Некоторые женщины порядочные дуры. Кто знает, может, она и прельстится тобой.

— А ты никогда не пытался, — спрашиваю я его, — несколько ослабить действие своих роковых чар? Накинуть, так сказать, вуаль на свою ослепительную красоту? Или позволить своему чарующему голосу издать две-три резкие ноты? Короче, не пробовал ли ты сам как-нибудь отшить эту даму?

Джордж не уловил иронии в моих словах. Он подкрутил усы и уставился на носки своих башмаков.

— Ты же знаешь, Симс,— говорит он,— мое отношение к женщинам. Я не могу не щадить их чувств. Это у меня в крови — я всегда вежлив с дамами, всегда потакаю их капризам. Но эта миссис де Клинтон просто мне не пара. К тому же я не создан для брака.

— Ладно,— говорю я.— Сделаю все, что в моих силах.

После этого я купил себе новый костюм и книжку о хорошем тоне и вцепился мертвой хваткой в миссис де Клинтон. Она была совсем недурна собой, очень живая и веселая. Первое время мне казалось, что, только стреножив эту даму, можно помешать ей таскаться за Джорджем по пятам. Но под конец я так ее приручил, что она стала вроде как с охотой кататься со мной верхом и на лодке и даже как будто принимала очень близко к сердцу, если я забывал послать ей с утра цветы. Все же мне как-то не нравилась ее манера поглядывать порой краешком глаза на Джорджа. А Джордж тем временем развлекался вовсю и мог возвращаться и общаться сколько влезет. Да, продолжал Белл, слов нет, миссис де Клинтон была очень хороша тогда. Она несколько изменилась с тех пор, как вы могли заметить за ужином.

— Что такое?! — воскликнул я.

— Я женился на миссис де Клинтон,— сказал Белл,— как-то раз вечером, после прогулки на лодке. Когда я сообщил об этом Джорджу, тот разинул рот, и мне показалось, что он готов изменить нашему правилу и выразить мне свою признательность. Но он подавил в себе этот порыв.

— Вот как,— сказал он, продолжая играть со своей собакой.— Надеюсь, это не причинит тебе слишком больших хлопот. Что касается меня, то я никогда не женюсь.

— Это было три года назад,— продолжал рассказ Белл.— Мы обосновались в этом городе и примерно с год сравнительно неплохо ладили друг с другом. А потом все пошло кувырком. За последние два года жизнь моя постепенно превратилась в ад. Слышали небось сегодня скандальчик наверху? Ну, так это был очень приветливый прием по сравнению с тем, как меня обычно встречают. Ей скучно со мной, скучно в этом захудалом городишке, и она целый день рвет и мечет, бесится, как пантера в клетке. Я терпел, терпел и, наконец, две недели назад воззвал о помощи. Мой призыв настиг Джорджа в Сакраменто. Получив телеграмму, он выехал с первым поездом.

Из дома быстрым шагом вышла миссис Белл и направилась к нам. Она казалась очень взволнованной или встревоженной, но старалась улыбаться, как радушная хозяйка, и говорить спокойно.

— Уже садится роса,— сказала она.— И час довольно поздний. Вы не хотите пойти в дом, джентльмены?

Белл вынул несколько сигар из кармана и сказал:

— Очень уж ночь хороша, неохота пока забираться в комнаты. Я думаю, мы с мистером Эймсом прогуляемся немного по дороге и выкурим еще по сигаре. Мне надобно потолковать с ним насчет некоторых закупок, которые я предполагаю сделать.

— Направо по дороге пойдете или налево? — спросила миссис Белл.

— Налево,— отвечал Белл.

Мне показалось, что миссис Белл вздохнула с облегчением.

Когда мы отошли от дома шагов на сто и деревья скрыли его из глаз, Белл свернул в густую рощу, тянувшуюся вдоль дороги, и мы направились обратно к дому. Шагах в двадцати от него мы остановились в тени деревьев. Я недоумевал — что значит этот маневр? И тут до нас долетел стук копыт — к дому приближался экипаж. Белл вынул часы и взглянул на них при лунном свете.

— Минута в минуту,— сказал он.— Джордж всегда точен.

Экипаж подъехал к дому и остановился в густой тени. Женская фигура с большим саквояжем в руках вышла из дома и поспешно направилась к экипажу. Затем мы услышали, как он быстро покатил обратно.

Я поглядел на Белла. Само собой разумеется, я не задал никакого вопроса, но, вероятно, Белл прочел его на моем лице.

— Она убежала с Джорджем,— сказал он просто.— Он все время держал меня в курсе событий. Через шесть месяцев она получит развод, и тогда Джордж женится на ней. Если он берется помочь, то никогда не останавливается на полдороге. У них уже все решено.

«Что же такое дружба в конце-то концов?» — невольно подумалось мне.

Когда мы вернулись в дом, Белл завел о чем-то непринужденную беседу, и я старался ее поддерживать. Внезапно наш утренний разговор о фирме в Маунтен-Сити всплыл в

моей памяти, и я стал настойчиво уговаривать Белла не упустить такой случай. Теперь он свободен, и ему легче сняться с места. А дело это, несомненно, очень выгодное.

Белл с минуту молчал. Я взглянул на него, и мне показалось, что он думает о чем-то другом, очень далеком от моего проекта.

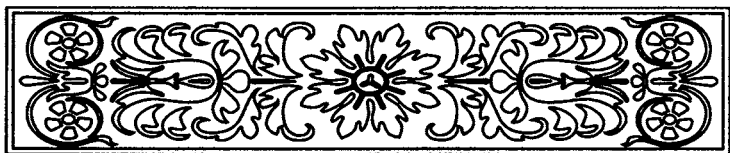
— Нет, мистер Эймз,— сказал он наконец.— Я не могу пойти на это дело. Горячо признателен вам за ваши хлопоты, но я уж останусь здесь. Я не могу перебраться в Маунтен-Сити.

— Почему же? — спросил я.

— Миссис Белл,— отвечал он,— не захочет жить в Маунтен-Сити. Она не любит этого города и ни за что туда не поедет. Придется мне торчать здесь, в Салтилло.

— Миссис Белл? — воскликнул я в полном недоумении. Я был так изумлен, что даже не пытался найти какой-нибудь смысл в его словах.

— Сейчас объясню,— сказал Белл.— Я знаю Джорджа и знаю миссис Белл. Джордж не очень-то покладист. Если ему что-нибудь не по нутру, он не станет долго терпеть — не то что я. Я даю им от силы полгода — полгода супружеской жизни,— а затем последует разрыв, и миссис Белл вернется ко мне. Ей больше некуда деться. Значит, я должен сидеть здесь и ждать. А через полгода придется схватить чемодан и сесть на первый поезд. Потому что придет призыв от Джорджа: «Друг, на помощь!»

ОБЕД У...¹

*Небольшое происшествие, приключившееся
с автором по милости его героя.*

Весь день — иначе говоря, с момента его появления на свет и до самого вечера — Ван Суэллер вел себя вполне прилично, на мой взгляд. Разумеется, мне приходилось кое в чем идти на уступки, но и он со своей стороны был не менее тактичен. Раза два мы, правда, немного поспорили из-за некоторых аспектов его поведения, но в основном взяли себе за правило по возможности считать друг с другом.

Первая небольшая перепалка произошла у нас из-за утреннего туалета Ван Суэллера. Он неожиданно проявил в этом вопросе чрезмерную независимость.

— Думается мне, старина, тут мудрить нечего, — сказал он, улыбаясь и зевая. — Я звоню, чтобы мне подали виски с содовой, а затем принимаю ванну. В ванне я, как положено, нежусь долго. Существуют, как вам известно, два способа принимать посетителей: когда Томми Кармайл заедет поболтать со мной о поло, я могу беседовать с ним, лежа в ванне, через дверь, или же сидя за столом и ковыряя вилкой крылышко фазана, которое мне подаст лакей. Что вы предпочитаете?

Я злорадно улыбнулся, заранее предвкушая, как я его сейчас срежу.

— Ни то ни другое, — сказал я. — Вы появитесь в рассказе так, как подобает джентльмену, то есть уже полностью закончив свой туалет, причем это сугубо интимное дело совершится за плотно закрытой дверью. И вы чрезвычайно меня обяжете, если в дальнейшем будете держаться и вести себя так, что у автора не возникнет необходимости заверять обеспокоенных читателей, что вы не преминули принять ванну.

Ван Суэллер удивленно поднял брови.

¹ См. отдел объявлений в ежедневных газетах под рубрикой «Где можно хорошо пообедать». (Примеч. авт.)

— Ну что ж, как вам будет угодно,— сказал он, слегка задетый.— Для вас же в конце концов это важнее, чем для меня. Сделайте милость, вычеркните «ванну», если вам так больше нравится. Но только это обычный атрибут, знаете ли.

Тут я одержал победу. Но после того как Ван Суэллер появился из своих апартаментов в «Божоли», он взял надомной верх в ряде мелких, но ожесточенных схваток. Я разрешил ему выкурить сигару, но категорически отказался назвать ее марку. Однако он тут же взял реванш, когда я восстал было против «костюма ярко выраженного английского покроя». Я позволил ему «немного пофланировать по Бродвею» и даже пошел на то, чтобы «все идущие мимо прохожие» (а куда, скажите на милость, могут они еще идти, как не мимо!) «оборачивались и с нескрываемым восхищением окидывали взглядом его стройную фигуру». И я уже опустился до того, что прямо как какой-нибудь парикмахер наградил его «гладкой смуглой кожей, открытым и пронизательным взглядом и твердым подбородком».

А затем он заехал в клуб и увидел там Фредди Вавасура, капитана команды игроков в поло, лениво грызущего первое за этот день крылышко фазана.

— Здорово, старик, дружище, рад тебя видеть, малыш, — начал было Ван Суэллер, но я мгновенно схватил его за шиворот и без всяких околичностей оттащил в сторону.

— Ради всего святого, изъяснитесь человеческим языком! — сказал я строго.— Какой уважающий себя мужчина пользуется такой слащавой, идиотской формой обращения? Этот человек вовсе не старик, и тем более не малыш, и отнюдь вам не друг.

К моему удивлению, Ван Суэллер поглядел на меня с нескрываемой радостью.

— Рад это слышать! — с жаром произнес он.— Я употребил эти слова просто по привычке — очень уж часто меня заставляли их произносить. Они и вправду омерзительны. Спасибо, старик. Хорошо, что вы поправили меня, дружище!

Тем не менее я должен признать, что в то утро поведение Ван Суэллера в парке было почти безупречно. Отвага, решительность, ловкость, скромность и преданность, проявленные им, искупают все его промахи.

Вот что происходит в рассказе.

Ван Суэллер, джентльмен-кавалерист, служил в полку «Отчаянных ребят», прославившем нашу войну с иноземной державой на весь мир. Среди его однополчан был один малый по имени Лоренс О'Рун, которому Ван Суэллер очень симпатизировал. По странной — и для художественного вымысла несколько рискованной — прихоти судьбы Ван Суэллер и О'Рун до смешного походили друг на друга лицом, сложением и всем обличем. После войны Ван Суэллер нажал, где следовало, на кнопки, и О'Рун был принят на службу в конную полицию.

Как-то раз в Нью-Йорке старые товарищи по оружию устроили юбилейную пирушку с большим количеством возлияний, и наутро конный полицейский О'Рун, не привыкший к крепким напиткам, — еще одно рискованное для изящной прозы утверждение, — обнаружил, что пол под его ногами брыкается и встает на дыбы, как необъезженный мустанг, и он не в состоянии вдеть ногу в стремя и тем спасти свою честь и свое право на бляху.

Noblesse oblige? Как может быть иначе! И вот уже Гудзон Ван Суэллер в мундире своего недееспособного приятеля и неотличимый от него, как одна горошина от другой, объезжает трусцой аллеи и тропинки парка.

Разумеется, для Ван Суэллера это была не более как веселая проказа: при его положении и деньгах он мог, приди ему охота, позволить себе, ничем не рискуя, любой маскарад — даже выступить в роли полицейского комиссара при исполнении служебных обязанностей. А представители светского общества, не имеющие привычки вглядываться в лица конных полицейских, не увидели ничего необычного в этом блюстителе порядка, патрулирующем свой участок.

А затем идет сцена с коляской и лошадьми, которые понесли.

Это великолепная сцена. Коляску швыряет из стороны в сторону, обезумевшие лошади, закусив удила, мчатся среди шарахающихся от них экипажей, кучер в растерянности держится за лопнувшие вожжи, и Эми Ффоллиотт без кровинки в лице в отчаянии цепляется за сиденье своими хрупкими ручками. Первый мгновенный страх уже прошел, и лицо ее выражает лишь задумчивость и кроткую мольбу, ведь жизнь не так уж плоха.

Но вот раздается топот копыт, и как вихрь вылетает на сцену Конный Полицейский Ван Суэллер! О, это было...

Впрочем, рассказ еще не напечатан. Когда он будет опубликован, вы узнаете, что Ван Суэллер, словно пулю из мушкета, пустил своего каурого вдогонку гибнущему экипажу. Александр Македонский, Крез и Кентавр в одном лице, он со всей решимостью этого непобедимого триумvirата ринулся в погоню за коляской.

Когда рассказ будет опубликован, вы, затаив дыхание, прочтете о том, как Ван Суэллер остановил бешено мчащуюся упряжку. А затем он взглянул в глаза Эми Ффоллиотт и увидел в них и возможность счастья, о котором так долго мечтал, и робкое обещание этого счастья. Она не знает, кто он, но в ее глазах он увенчан немеркнувшей славой героя, и по великим, прекрасным, безрассудным законам любви и изящной прозы он и она навеки принадлежат друг другу.

О, это волшебная минута! И вы будете тронуты до глубины души, узнав, что в этот краткий, но сулящий блаженство миг мысли Ван Суэллера обратились к его приятелю О'Руну, который в колеблющемся номере скромной гостиницы клял на чем свет стоит свою вращающуюся кровать и неустойчивые ноги, в то время как Ван Суэллер спасал от позора его честь и его полицейскую бляху.

Ван Суэллер услышал, как хрустальный голосок мисс Ффоллиотт спрашивает имя своего спасителя. Но если Гудзон Ван Суэллер в полицейской форме спас в парке жизнь трепетной красавицы, то где же, спрашивается, Конный Полицейский О'Рун, на чьем участке совершился этот подвиг? Как просто, одной короткой фразой мог наш герой раскрыть свое инкогнито, покончить с неуместным маскарадом и тем удвоить романтичность развязки. Но что же будет с его другом?

Ван Суэллер отдал честь.

— Ничего такого особенного, мисс, — сказал он стойко. — Служба наша такая — за нее нам и жалованье платят. — И с этими словами он отъехал прочь. Но рассказ на этом не кончается.

Как я уже сказал, Ван Суэллер, к полному моему удовольствию, провел всю сцену в парке без сучка и задоринки. Даже мне он показался героем, когда во имя дружбы пожертвовал подвернувшейся возможностью завязать роман. И только несколько позднее, под бременем изнурительных условностей, которыми изобилует жизнь светского героя, между нами возникли особенно острые разногласия. В пол-

день Ван Суэллер посетил О'Руна и нашел, что его приятель достаточно окреп, чтобы приступить к исполнению своих служебных обязанностей, что тот немедленно и сделал.

А ближе к вечеру Ван Суэллер, достав из кармана часы, метнул на меня быстрый взгляд, исполненный такого затаенного коварства, что я сразу заподозрил неладное.

— Время переодеваться к обеду, старина, — преувеличенно небрежно заметил он.

— Отлично, — сказал я, ничем не выказывая своих подозрений. — Я пойду вместе с вами и послежу, чтобы вы проделали все как положено. Вероятно, такова уж участь автора — нести обязанности камердинера при своем герое.

Он изобразил радостную готовность пойти навстречу моей несколько бестактной назойливости. Однако я видел, что он раздосадован, и это еще больше укрепило мои подозрения: он явно замышлял какую-то каверзу.

Когда мы прибыли в его апартаменты, он сказал мне как-то уж чересчур свысока:

— Вам, я полагаю, известно, что в процессе одевания джентльмена есть довольно много тонких, но и весьма характерных штрихов. У некоторых писателей все, в сущности, к ним и сводится. Насколько я понимаю, мне следует позвонить лакею, и он должен бесшумно войти с непроницаемым выражением лица.

— Он может войти, — сказал я жестко, — войти, и только. Лакеи, как правило, не входят, распевая студенческие песни, и не строят при этом таких рож, словно у них пляска святого Витта. Так что читатель, если он не идиот, легко может представить себе нечто совершенно обратное и без клятвенных заверений с вашей стороны.

— Простите меня великодушно, если я докучаю вам своими вопросами, — с изящной церемонностью проговорил Ван Суэллер, — но некоторые особенности вашего творческого метода немного непривычны для меня. Должен ли я надеть полный вечерний костюм с безусловно белым галстуком, или мне предстоит и здесь нарушить устоявшуюся традицию?

— Вы наденете, — отвечал я, — вечерний костюм, какой обычно надевают все джентльмены. Если он почему-либо окажется неполным, пеняйте на своего портного. Те начатки образования, коими вы, предположительно, должны располагать, подскажут вам, что ни один белый галстук не ста-

новится блее оттого, что он безупречен. И я оставляю на совести вашей и вашего лакея вопрос о том, может ли галстук, если он не белый и к тому же еще не безупречный, составлять каким-либо образом принадлежность вечернего костюма джентльмена. Если нет, тогда понятие «вечерний костюм» уже включает в себя такой галстук, какой положено, и дополнительное упоминание о нем либо свидетельствует об излишнем многословии автора, либо рисует пугающую картину человека, повязавшего на шею сразу два галстука.

Сделав этот мягкий, но заслуженный упрек, я оставил Ван Суэллера в гардеробной, а сам в ожидании его расположился в кабинете.

Примерно через час из гардеробной вышел его лакей, и я услышал, как он вызывает по телефону электромобиль. А затем появился и сам Ван Суэллер — он улыбался, но по глазам его я снова с тревогой понял, что у него продолжает тайно созревать какой-то коварный план.

— Я, пожалуй, заеду к...¹, — небрежно промолвил он, натягивая перчатки, — и пообедаю там.

При этих словах я в бешенстве вскочил со стула. Так вот какую подлую штуку надумал он сыграть со мной! Я бросил на него такой свирепый взгляд, что даже его патрицианское самообладание было поколеблено.

— Ни под каким видом! — воскликнул я и продолжал, все более распаясь: — Какая черная неблагодарность! И это после всех поблажек, которые я вам делал! Я наградил вас приставкой «Ван» к вашей фамилии, в то время как мог бы назвать вас «Перкинс» или «Симпсон». Я даже унизился до того, что начал похвалиться вашими автомобилями, вашими пони для игры в поло, вашими стальными бицепсами, которые вы себе нагуляли, будучи загребным на университетской спортивной «восьмерке», или «девятке», или как там она называется. Я сотворил вас героем моего рассказа и не позволю вам его уродовать. Я старался сделать вас типичным представителем самых фешенебельных светских кругов нью-йоркской молодежи. Вы никак не можете пожаловаться на мое отношение к вам. Эми Фоллиотт, девушка, любовь которой вам предстоит завоевать, — идеал совершенства в

¹ См. отдел объявлений в ежедневных газетах под рубрикой «Где можно хорошо пообедать».

глазах любого мужчины и к тому же непревзойденная красавица... если, разумеется, художник-иллюстратор окажется на высоте. Не понимаю, зачем вы стараетесь все испортить? Мне казалось, что вы как-никак джентльмен.

— А что вас, собственно, так возмущает, старина? — удивленно спросил Ван Суэллер.

— То, что вы собрались пообедать у...¹ — отвечал я. — Для вас это, понятное дело, удовольствие, а я расхлебывай. Вы преднамеренно хотите превратить мой рассказ в рекламу ресторана. Где вы сегодня будете обедать, не имеет ни малейшего отношения к фабуле моего рассказа. Вам очень хорошо известно, что в соответствии с авторским замыслом вам сегодня надлежит появиться перед зданием оперного театра «Альгамбра» ровно в одиннадцать часов тридцать минут, дабы вторично спасти жизнь мисс Фоллиотт, когда в ее кабриолет врежется пожарная машина. Что вам мешает скромненько пообедать где-нибудь не на виду, как это делают очень многие литературные героини, не стремясь то и дело самым неуместным и вульгарным образом выставлять себя напоказ?

— Послушайте, дружище, — сказал Ван Суэллер вежливо, но я заметил, что упрямая складка залегла у его губ. — Очень жаль, конечно, что мой образ действий вам не по вкусу, но что ж поделаешь. Ведь и литературный персонаж тоже обладает кое-какими правами, и автор не может ими пренебрегать. Если герой принадлежит к великосветским кругам Нью-Йорка, он должен хотя бы раз на протяжении своей литературной жизни пообедать у...²

— Должен? — саркастически повторил я. — Это почему же он «должен»? Чье это требование?

— Редакторов журналов, — отвечал Ван Суэллер, бросая на меня многозначительный и предостерегающий взгляд.

— Да почему? — не сдавался я.

— Чтобы потрафить вкусам подписчиков из Канкаки, штат Иллинойс, — без запинки отвечал Ван Суэллер.

— А откуда вам это стало известно? — спросил я, чувствуя, как во мне снова зашевелилось подозрение. — Вас же до нынешнего дня не существовало в природе. Вы же в конце концов всего лишь художественный вымысел, и не более того.

^{1, 2} См. отдел объявлений в ежедневных газетах под рубрикой «Где можно хорошо пообедать».

Я сам создал вас. Каким образом можете вы что-либо знать?

— Не в обиду вам будь сказано,— сочувственно улыбнувшись, промолвил Ван Суэллер,— но я как-никак был уже героем не одной сотни рассказов подобного сорта.

Я почувствовал, что краснею.

— Ну, мне казалось...— пробормотал я.— Я все-таки надеюсь... В общем, я хочу сказать... конечно, полностью оригинальная концепция художественного произведения — вещь недостижимая в наш век.

— Тип столичного денди,— мягко продолжал Ван Суэллер,— не представляет широких возможностей для проявления авторской самобытности. Кочуя из рассказа в рассказ, я веду себя везде примерно одинаково. Время от времени женщины-писательницы заставляют меня выкидывать несколько странные для джентльмена фортели, но авторы-мужчины, как правило, уступают меня один другому без каких-либо существенных изменений. Но, так или иначе, еще не было случая, чтобы я в каком-нибудь рассказе не пообедал у...¹

— Ну, на сей раз вам придется обойтись без обеда у...² — решительно заявил я.

— Воля ваша,— сказал Ван Суэллер, поглядывая из окна на улицу,— но в таком случае это будет впервые за всю мою жизнь. Все авторы посылают меня туда. Мне кажется, многие из них с удовольствием составили бы мне компанию, если бы не такой пустяк, как материальные издержки.

— Повторяю: я не стану делать рекламу какому-то там ресторану,— сказал я, повысив голос.— Вы целиком зависите от моей воли, и я заявляю, что в этот вечер вы не будете фигурировать в рассказе до тех пор, пока не придет время снова броситься на выручку мисс Фоллиотт. Если наши читатели не в состоянии вообразить, что в промежутке между двумя подвигами вы пообедали в одном из многочисленных заведений, созданных в городе для этой цели, но не удостоившихся рекламы в беллетристических произведениях, то пусть себе думают, что вы объявили голодовку, мне наплевать.

— Премного благодарен,— холодно промолвил Ван Суэллер,— нельзя сказать, чтобы вы были очень любезны. Но

^{1, 2} См. отдел объявлений в ежедневных газетах под рубрикой «Где можно хорошо пообедать».

берегитесь. Вы рискуете многим, пренебрегая одним из фундаментальных принципов построения рассказа из светской жизни столицы, принципом, одинаково дорогим как автору, так и читателю. Я, разумеется, исполню свой долг, когда настанет время спасти вашу героиню, но предупреждаю: вы сильно рискуете, лишая меня возможности пообедать у...¹

— Я готов нести любые последствия, если таковые неизбежны,— отвечал я.— Я еще не дошел до такой степени падения, чтобы служить ходячей рекламой для кабаков.

Я направился к столу, на котором оставил свои перчатки и трость. С улицы до меня донесся гудок автомобиля, и я поспешно обернулся. Ван Суэллер исчез.

Я опрометью кинулся вниз по лестнице и выбежал на тротуар. Мимо проезжал свободный извозчик. Я в крайнем возбуждении замахал ему рукой.

— Видите там, в конце квартала, такси? — закричал я.— Следуйте за ним. Не выпускайте его из виду ни на секунду и получите от меня два доллара!

Конечно, будь я не я, а один из персонажей моих рассказов, мне бы ничего не стоило посулить ему десять, или двадцать пять, или даже сто долларов. Но для меня два доллара были крайней суммой, которую я считал допустимым потратить при нынешних литературных гонорах.

Извозчик, вместо того чтобы бешено настигать свое животное, умышленно плелся трусцой, словно рассчитывая на почасовую оплату.

Но я предугадал замысел Ван Суэллера и, когда мы с извозчиком потеряли из виду такси, приказал моему вознице немедленно отвезти меня к...²

Я нашел Ван Суэллера за столиком под сенью пальмы: он просматривал меню, а преисполненный радужных надежд официант маячил возле.

— Ступайте за мной,— безжалостно приказал я.— Больше вам не удастся от меня улизнуть. Я не спущу с вас глаз до одиннадцати тридцати.

Ван Суэллер отпустил официанта и поднялся с места. Больше ему ничего не оставалось. Вымышленный персонаж обладает весьма ограниченными возможностями ока-

^{1, 2} См. отдел объявлений в ежедневных газетах под рубрикой «Где можно хорошо пообедать».

зывать сопротивление реально существующему, хотя и голлодному автору, который пришел, чтобы увести его из ресторана. Он произнес только:

— Вы все-таки успели меня выследить. Но, мне кажется, вы совершаете большую ошибку. Нельзя не считаться с запросами широкой читательской массы.

Я отвез Ван Суэллера к себе, в свои... свою комнатенку. Ему еще никогда не доводилось бывать в таких местах.

— Присядьте сюда, на сундук,— сказал я ему,— а я погляжу, не подкарауливает ли нас хозяйка. Если ее нет, я сбегая вниз, раздобуду чего-нибудь в кулинарной лавочке и сварганю вам поесть на газовой горелке. У меня тут где-то есть сковородка. Увидите, это будет не так уж плохо. Но на страницы рассказа это, разумеется, не просочится.

— Черт побери, старина! — сказал Ван Суэллер, с интересом оглядываясь по сторонам.— Какой чудесный маленький чуланчик! И вы тут живете? А на чем же, черт побери, вы спите? О, эта штука откидывается от стены? А что это у вас тут засунуто под ковер? А-а, сковородка! Понимаю, здорово придумано! И вы стряпаете на газовой горелке? Надо же! Забавно!

— Ну, надумали, чем вас покормить? — спросил я.— Может, зажарить котлетку?

— Да чем хотите,— восторженно сказал Ван Суэллер,— только не крылышком фазана.

Две недели спустя почтальон принес мне большой толстый конверт. Я вскрыл его и извлек оттуда нечто уже знакомое мне по виду вместе с отпечатанным на машинке письмом из редакции журнала, охотно публикующего рассказы из светской жизни.

«Одновременно с этим письмом возвращаем вам рукопись вашего рассказа «Бляха полицейского О'Руна».

Очень сожалеем, что ваш рассказ не получил у нас достаточно благоприятной оценки. Но, на наш взгляд, он не отвечает некоторым требованиям, которые мы предъявляем к публикуемым в нашем журнале произведениям.

Композиция вашего рассказа безупречна, стиль вашей прозы выразителен и неповторим, развитие сюжета и характеры героев — выше всяких похвал. Рассказ как таковой превосходит все, что нам приходилось читать за последнее

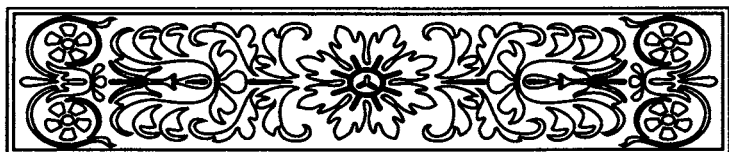
время. Но, как мы уже сказали, он не удовлетворяет кое-каким принятым у нас стандартам.

Не могли ли бы вы переработать ваш рассказ таким образом, чтобы в нем больше ощущалась атмосфера светской жизни, и вернуть его после этого нам для нового рассмотрения? Было бы весьма желательно, чтобы ваш герой раз-другой позавтракал или пообедал у...¹ Это было бы вполне в духе тех коррективов, какие нам бы хотелось внести в ваш рассказ.

Примите уверение в совершенном почтении.

Редакция».

¹ См. отдел объявлений в ежедневных газетах под рубрикой «Где можно хорошо пообедать».

ШУМ И ЯРОСТЬ

Действующие лица драмы

Мистер Пенн — автор

Мисс Лор — секретарь

На сцене — кабинет мистера Пенна на фабрике по производству романов.

Мистер Пенн. Доброе утро, мисс Лор! Очень рад, что вас ничто не задержало. Мы должны сегодня закончить главу для июньского номера «Эпохи». Левертт меня торопит. Ну, вы готовы? Начнем с того, где остановились вчера (*начинает диктовать*): «Кейт, вздохнув, встала с его колен и...»

Мисс Лор. Прошу прощения. Но мы, вероятно, хотели сказать поднялась с ее колен, а не с его колен?

Мистер Пенн. Ну что вы, мисс,— именно с его колен, если вам будет угодно. Это ведь любовная сцена, она происходит в саду (*снова начинает диктовать*): «Поднялась с его колен, на которых она посидела с мгновение, вспыхнув от обволаживающей девичьей скромности, после того как Кортлэнд признался ей в любви. Это были самые высокие, самые нежные мгновения, доставлявшие им радость. Когда Кейт видит сцену, которую Кортлэнд никогда...»

Мисс Лор. Прошу прощения. Как она может видеть сцену? Может, логичнее и правильнее сказать, она видит Кортлэнда?

Мистер Пенн. Из контекста будет ясно (*продолжает диктовать*): «Когда Кортлэнд видит,— эту сцену ему вовек не забыть,— как Кейт бежала к нему вприпрыжку по садовой дорожке, то такой прелестной картины его глаза еще не видывали...»

Мисс Лор. О боже!

Мистер Пенн (*продолжает диктовать*). «Кейт отдавалась вся, целиком, без остатка чудесной радости новой обретенной ею любви, что на ее личике не сохранилось и следов ее прежней печали. Кортлэнд, крепко обняв ее рукой за талию, не догадывался о ... размере ее...»

Мисс Лор. Делов-то! Разве трудно, обнимая рукой женщину, узнать размер ее талии...

Мистер Пенн (*нахмурившись*). О размере ее горя и выпланных ею накануне ночью слез...

Мисс Лор. О боже!

Мистер Пенн (*продолжает диктовать*). «Кортлэнда больше всего очаровывало в ней ее невинность и отрешенность от мира сего. Никогда еще монашка...»

Мисс Лор. Может, лучше — никогда прежде еще монашенка...

Мистер Пенн (*подчеркнуто*). «Никогда еще монашка в своей келье не имела более приятного, более чистого цвета лица...»

Мисс Лор. О боже!

Мистер Пенн (*продолжает диктовать*). «Но Кейт пора возвращаться домой, чтобы там не заметили ее отсутствия. Нежно попрощавшись с ним, она, повернувшись, легко побежала прочь. Кортлэнд следил за ней глазами. Он следил за ее подъемом...»

Мисс Лор. Прошу прощения, мистер Пенн. Как он мог следить за ее подъемом, если он видел только ее пятку?

Мистер Пенн (*стараясь быть как можно вежливее*). Может, вы лучше поймете то, что я имею в виду, если потрудитесь до конца выслушать мою фразу? (*Продолжает диктовать*.) Он следил за ее подъемом по крыльцу на восточную террасу, который был таким грациозным...»

Мисс Лор. О боже!

Мистер Пенн (*продолжает диктовать*). «Социальное положение Кортлэнда никак нельзя было сравнить с положением этой сельской скромной девицы, и он с ужасом представлял себе, какой социальный взрыв произойдет, если он на ней женится. Что за сим последует...»

Мисс Лор (*испуганно*). Не может быть, мистер Пенн. Вы, наверное (*хихикнув*), хотите добавить мистер Галлегер?

Мистер Пенн (*холодно*). Прошу меня простить. Должен заявить вам, что мне вовсе не нужен соавтор. Постарайтесь задавать вопросы, имеющие отношение к тексту.

Мисс Лор. О боже!

Мистер Пенн (*продолжает диктовать*). «На одной стороне были Кейт и их любовь, на другой — его наследство, высокое социальное положение, гордость семьи...» (*Пенн чувствует, что мисс Лор устала, смотрит на часы*). Ну, получился довольно большой кусок. Может, прервемся? (*Мисс Лор промолчала*)

Мистер Пенн. Послушайте, мисс Лор, я говорю, что получился довольно большой кусок. Не угодно ли вам немного отдохнуть?

Мисс Лор. Ах! Это вы мне? А я все записала. Мне показалось, что эти ваши слова из рассказа. Все так здорово совпадает. Нет, что вы, я совсем не устала.

Мистер Пенн. Ну и отлично! В таком случае продолжим (*начинает диктовать*): «Несмотря на все угрызения совести, на все гложущие его сомнения, Кортлэнд, можно сказать, был человеком счастливым. В ту ночь в клубе он наслаждался яркими глазками Кейт через наполненный до краев стакан редкого вина старой выдержки. После этого он пошел на прогулку с Кейт на взводе...»

Мисс Лор. Прошу прощения, мистер Пенн. Могу ли я внести поправку? Нельзя ли обо всем этом сказать не в столь грубой манере.

Мистер Пенн (*ошарашен*). Гм-гм. Боюсь, я вас не понимаю.

Мисс Лор. Ну, я о его состоянии. Почему не сказать «нагрузившись, опьянев»? Так будет куда элегантнее, чем у вас...

Мистер Пенн (*мрачней*). Не будете ли вы столь любезны, мисс Лор, указать, где это я утверждал, что Кортлэнд «нагрузился», если вам угодно предпочесть такое слово?

Мисс Лор (*внимательно сверяется со своими записями*). Вот я все точно записала, слово в слово (*читает*): «После этого он пошел на прогулку с Кейт на взводе...»

Мистер Пенн (*сердясь*). Пых! Боже мой! Не угодно ли вам записать исправленную фразу: «После этого он отправился на прогулку, на которую его уговаривала однажды Кейт, которая шла, опираясь на его руку».

Мисс Лор. О боже!

Мистер Пенн (*продолжает диктовать*). Итак, глава тридцать четыре. Заголовок: «Что нашла Кейт в саду». «В это чудесное летнее утро у всех находилась работа. Пчелы собирали мед с расцветших кустов у крыльца. Кейт, что-то на-

певая, перебирала упругие веточки своей любимой жимолости. Солнце раздаривало...»

Мисс Лор. Может, лучше — раззадоривало?

Мистер Пенн (*медленно, упрямо повторяет*): «Солнце раздаривало лучи розоватым гвоздикам, алтею, гиацинтам и терпеливо ожидало, когда они высушат влагу из их маленьких чашечек».

Мисс Лор. О боже!

Мистер Пенн (*продолжает диктовать*). «Ранний утренний трамвай, разгоняя на своем пути птиц, словно кот-мародер, привез Кортлэнда из Олдлорта. Он забыл опла...»

Мисс Лор. Боже, где же был кондуктор?

Мистер Пенн (*очень громко*). «Он забыл, что оплакивал этим сумрачным утром свою судьбу, расставаясь с прекрасными розоватыми ночными видениями...»

Мисс Лор. О боже!

Мистер Пенн (*продолжает диктовать*). «Он встретил ее своей обычной улыбкой, в той же манере. “Посмотрите на волны,— воскликнул он, указывая на вздымавшееся море,— урча и громокая, они возвращаются к берегу вновь. Готов разбить вас, Кейт”...»

Мисс Лор. Ничего себе! Только накануне вечером обнимал ее за талию, а утром уже ищет, чем бы разбить ей голову! Все вы мужчины такие!

Мистер Пенн (*с подозрительным спокойствием*). Бывает так, мисс Лор, что мужчина становится настолько раздраженным, что даже женщина... Но, может, прежде закончим фразу? «Готов разбить вас, Кейт,— сказал он,— своими волнами этот прибой, превратить в пену и брызги, которые умрут на своем любимом берегу».

Мисс Лор. О боже!

Мистер Пенн. «В присутствии Кейт Кортлэнд лишь слабо слышал глас предосторожности. Тридцать прожитых лет не охладили его пыла. Теперь в его силах было одарить эту девушку всем, чем он мог. Ему казалось, что у него в запасе не тридцатка, а двадцатка...» (*Усталым голосом — мисс Лор.*) Думаю, на сегодня достаточно.

Мисс Лор. Ну, даже если у него на самом деле завалилась двадцатка, то на нее можно было бы кое-что ей купить.

Мистер Пенн. Я вам продиктовал свою фразу. Ваша мне не нужна. Ну, на сегодня все, мисс Лор.

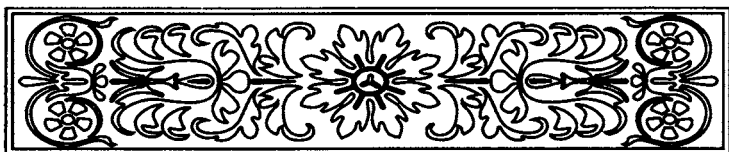
Мисс Лор. Мне приходится завтра?

Мистер Пенн *(не умея скрыть своего очарования ею).*

Если будете настолько любезны.

(Мисс Лор выходит).

Занавес

ГРЯЗНЫЕ НОСКИ, ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИНТРИГА

ГЛАВА I

Не все знают, что знаменитый французский сыщик Тикток на прошлой неделе был в Остине. Он записался в гостинице «Авеню» под вымышленным именем, и из-за сдержанного его поведения сразу заметили, что он не хочет, чтобы его замечали.

Никто не знает, почему он приехал в Остин, но двоим или троим он сообщил, что у него было важное поручение от французского правительства.

По одному известию, французский министр нашел среди законов империи старый устав, явившийся результатом договора между императором Карлом Великим и губернатором Робертсом и по которому требуется, чтобы северные ворота столицы были всегда открыты. Но все это одни предположения.

В прошлую среду хорошо одетый джентльмен постучал в дверь номера, занимаемого Тиктоком.

Сыщик открыл дверь.

— Если не ошибаюсь, месье Тикток, — сказал джентльмен.

— Вы увидите в списке, что я записался под именем Джонса, — сказал Тикток, — и каждый джентльмен понял бы, что я хочу, чтобы меня принимали за такового. Если вам не нравится, что я вас не считаю джентльменом, то я готов вам дать удовлетворение в любое время после первого июля.

— Мне это совершенно все равно, — сказал джентльмен. — Я, по правде сказать, к этому привык. Я председатель демократического исполнительного комитета, платформа номер два, но дело в том, что у меня друг в беде. Я знал, что

вы Тикток, по вашему сходству с вами.

— Entrez, — оказал сыщик.

Джентльмен вошел, и Тикток предложил ему стул.

— Я не люблю лишних слов, — сказал Тикток. — Я помогу вашему другу, если это возможно. Наши страны в большой дружбе. Мы дали вам Лафайета и жареную картошку по-французски. Вы дали нам калифорнийское шампанское. Изложите ваше дело.

— Я буду очень краток, — сказал посетитель. — В этой гостинице в номере семьдесят шесть остановился известный кандидат народной партии. Он один. Прошлую ночь кто-то украл его носки. Их не нашли. Если они не будут найдены, то народная партия припишет их кражу демократической партии. Они воспользуются этим грабежом, хотя я уверен, что в этом воровстве не было никакого политического мотива. Вы единственный человек, который сможет раскрыть преступление.

Тикток поклонился.

— Даете ли вы мне *carte blanche* допрашивать всех, имеющих отношение к этой гостинице?

— Владелец гостиницы уже предупрежден. Все к вашим услугам.

Тикток посмотрел на часы.

— Приходите в эту комнату завтра в шесть часов с хозяином гостиницы, кандидатом народной партии и какими-нибудь свидетелями с обеих сторон, и я возвращу носки.

— До свидания.

Председатель демократического исполнительного комитета, платформа № 2, вежливо поклонился и удалился.

Тикток послал за коридорным лакеем.

— Ходили вы вчера вечером в номер семьдесят шесть?

— Да, сэр.

— Кто там был?

— Старый хрен, который приехал с поездом семь двадцать пять.

— Что ему нужно было?

— Потушить свет.

— Вы что-нибудь взяли, пока были в комнате?

— Нет, он ничего не велел мне взять.

— Как вас зовут?

— Джим.

— Вы можете идти.

ГЛАВА II

Гостиная одного из самых роскошных особняков в Остине горит огнями. Экипажи вереницей выстроились на улице, а от ворот до крыльца разложен бархатный ковер, чтобы нежным ногам гостей было мягко ступать.

Празднество устроено по случаю вступления в свет одного из прекраснейших бутончиков города. В особняке собрались молодость, красота и цвет общества.

Хозяйка дома, миссис Рутабага Сан-Витус привыкла собирать вокруг себя талантливых людей, подобных которым редко сыщешь в другом месте. Ее вечера славятся своей изысканностью.

Мисс Сан-Витус, чье вступление в общество отмечено таким праздником, представляет собою стройную брюнетку, с большими блестящими глазами, подкупающей улыбкой и обворожительными манерами инженю. На ней шелковое платье с брильянтовыми украшениями. Сзади подшиты два полотенца, чтобы скрыть выдающиеся лопатки. Она непринужденно болтает, сидя на обитом плюшем тет-а-тете, с Гарольдом Сан-Клер, коммивояжером торгового дома готовых вещей.

Где-то играет оркестр, скрытый за зеленью, и во время перерывов в разговоре из кухни доносится запах жареного лука.

Счастливый смех срывается с коралловых губ, мужские лица дышат нежностью, склоняясь над белоснежными шеями и опущенными головками; робкие глаза умоляют о том, чего не смеют просить губы, и под шелковыми платьями и крахмальными рубашками сердца ударяют в такт нежному вальсу «Сон любви».

— Где же вы были все это время, неверный рыцарь? — спрашивает мисс Сан-Витус Гарольда Сан-Клера. — Поклонялись вы другим богам? Не изменили ли вы прежним друзьям? Говорите, рыцарь, и оправдайтесь.

— О, отчепитесь, — сказал Гарольд своим мягким грудным баритоном. — Я был чертовски занят. Пришлось примерять брюки разным кривоногим олухам. У некоторых ноги как у носорога, а все хотят, чтобы брюки хорошо сидели. Вы когда-нибудь пробовали примерять кривоногому... то есть, я хочу сказать, можете вы себе представить, какое приятное занятие примерять брюки? И дело-то невыгодное, никто не дает больше трех долларов.

— Остроумный вы мальчик, — сказала мисс Витус. — Всегда скажете что-нибудь смешное и умное. Что вы теперь хотите?

— Пива!

— Дайте мне руку, пойдемте в столовую и хлопнем по бутылочке.

Красивая парочка прошла под руку через весь зал, притягивая к себе все взоры.

Внимательный наблюдатель заметил бы фигуру одинокого гостя, который в течение всего этого времени, казалось, избегал общества. Однако, благодаря ловкой и частой перемене своей позиции и полному хладнокровию, ему удавалось не привлекать к себе особенного внимания.

Львом вечера был пианист, профессор Людвиг фон Бум.

Полковник Сан-Витус неделю тому назад нашел его в пивной и, согласно Остинским обычаям в подобных случаях, пригласил его к себе домой, а на следующий день профессор был принят в высшее аостинское общество.

Профессор фон Бум уселся за рояль и начал играть прелестную симфонию Бетховена «Песни без музыки», наполняя комнату гармоничными звуками. Он играл необычайно трудные пассажи с редким доморощенным мастерством, и, когда он кончил, в комнате воцарилась глубочайшая тишина, которая дороже сердцу артиста, чем самые громкие аплодисменты.

Профессор оглядывается.

Комната пуста.

Никого нет, за исключением Тиктока, великого французского сыщика, который выскакивает из-за группы тропических растений.

Встревоженный профессор поднимается из-за рояля.

— Тс! — говорит Тикток. — Не делайте шума. Вы и так уже достаточно пошумели.

За дверью слышны шаги.

— Живее, — говорит Тикток. — Давайте мне носки. Нельзя терять ни минуты.

— Was sagst du?

— А, он сознается, — говорит Тикток. — Подавайте носки, которые вы утащили из комнаты народного кандидата.

Не слыша больше музыки, общество возвращается в зал.

Тикток не колеблется. Он хватает профессора, бросает его на пол, срывает с него сапоги и носки и удирает с носками через открытое окно в сад.

ГЛАВА III

Комната Тиктока в гостинице «Авеню».

В дверь слышится стук.

Тикток открывает и смотрит на часы.

— А, — говорит он, — как раз шесть часов. Entrez, messieurs.

Messieurs входят. Их семеро — народный кандидат, явившийся по приглашению, не зная, для какой цели его просили прийти, председатель демократического исполнительного комитета, платформа № 2, хозяин гостиницы и три или четыре демократа и народника.

— Я не знаю, — начинает кандидат народной партии, — на кой ч...

— Простите меня, — твердо говорит Тикток. — Я вас очень прошу хранить молчание, пока я не представлю отчета. Меня просили заняться этим делом, и я распугал его. Во имя чести Франции я прошу, чтобы меня выслушали с должным вниманием.

— Само собой разумеется, — ответил председатель. — Мы выслушаем с удовольствием.

Тикток стоит в середине комнаты. Электрическая лампа ярко освещает его. Он кажется воплощением ума, силы, хитрости и сметливости.

Общество усаживается на стулья вдоль стены.

— Когда мне сообщили о грабеже, — начинает Тикток, — я первым делом допросил коридорного. Он ничего не знал. Я пошел в Главное полицейское управление, они тоже ничего не знали. Я пригласил одного из полицейских в ресторан выпить. Он рассказал мне, что раньше в десятом участке был цветной мальчишка, который крал вещи и хранил их, чтобы они были найдены полицией. Но однажды он не оказался на условленном месте, и его послали в тюрьму.

Тогда я начал соображать. Ни один человек, подумав, не унесет в кармане носки народного кандидата, не завернув их в бумагу. Он не захотел бы проделать это в гостинице. Ему нужна бумага. Где он может ее достать? Конечно, в конторе газеты «Государственный деятель». Я пошел туда. За конторкой сидел молодой человек с зачесанными на лоб волосами. Я знал, что он писал статью на общественную тему, потому что на конторке перед ним лежала женская туфелька, кусок пирожного, веер, наполовину выпитый коктейль, букет роз и полицейский свисток.

— Можете ли вы мне сказать, не покупал ли кто-нибудь у вас газеты в истекшие три месяца?

— Да, — ответил он, — мы продали один номер вчера вечером.

— Можете вы описать человека, купившего газету?

— В точности. У него синеватые усы, бородавка между лопатками, и он страдает коликами.

— Куда он пошел?

— На улицу.

— Тогда я пошел...

— Подождите минутку, — сказал кандидат народной партии, встав со стула. — Я не понимаю, на кой ч...

— Я вас еще раз прошу соблюдать молчание, — немного резко сказал Тикток. — Вы не должны были бы прерывать меня в середине моего отчета.

— Час спустя, — продолжал Тикток, — я проходил мимо пивной и увидел за столом профессора фон Бума. Я знал его в Париже. Я тотчас же подумал: «Вот он». Он боготворит Вагнера, питается лимбургским сыром и пивом в кредит и в состоянии украсть какие угодно носки. Я прокрался за ним в дом полковника Сан-Витуса и там, воспользовавшись удобным случаем, схватил его и сорвал с его ног носки. Вот они.

Драматическом жестом Тикток бросил пару грязных носков на стол, скрестил руки и откинул назад голову.

Кандидат народной партии с громким криком ярости вскочил вторично со стула.

— Будьте вы прокляты! Я скажу то, что хочу. Я...

Другие два члена народной партии, находившиеся в комнате, холодно и сурово посмотрели на него.

— Правда ли то, что здесь рассказали? — спросили они кандидата.

— Клянусь, это ложь! — ответил он и дрожащим пальцем указал на демократического председателя. — Вот кто придумал весь этот план. Это дьявольская нечестная политическая проделка, чтобы провалить на выборах нашу партию. Получило ли это дело огласку? — спросил он, повернувшись к сыщику.

— Я разослал всем газетам письменный отчет, — сказал Тикток.

— Все потеряно! — сказали члены народной партии, повернувшись к выходу.

— Ради бога, друзья мои, — умолял кандидат, следуя за

ними, — клянусь небом, что я никогда в жизни не носил ни одной пары носков. Все это подлая предвыборная ложь!

Народники повернулись к нему спиной.

— Зло уже нанесено, — сказали они. — Все уже узнали про эту историю. Вам остается только снять вашу кандидатуру.

Все покидают комнату, кроме Тиктока и демократов.

— Идем вниз в ресторан и разопьем шипучку на счет нашего комитета финансов, — предложил председатель исполнительного комитета демократической партии.

ОСТАТКИ

МЕТЕЛЬ

Ночь распростерла свои мрачные крылья над ущельем Потерянной реки, и я дал шпоры своему коню и быстро помчался по направлению к ранчо Гнедая лошадь, потому что все предвещало метель.

Я был знаком с Россом Куртисом, владельцем ранчо, и знал, что буду радушно принят, во-первых, потому, что он был всегда гостеприимным хозяином, а во-вторых, потому, что он любил поговорить.

На мой оклик из ворот усадебного дома, который находился в самой «пасти» ущелья, высунулась чья-то рука и взяла за уздцы моего усталого коня. А несколько минут спустя я уже сидел с Россом у пылающего камина в столовой усадебного дома, состоящего из четырех комнат. К столовой, не отделяясь от нее дверью, прилегала кухня.

В ней я мельком увидел коренастого человека с обветренным лицом, с профессиональной уверенностью рассказывающего вокруг раскаленной плиты. На его серьезном лице нельзя было ничего прочесть — это могло быть лицо великого мыслителя или человека, не привыкшего вовсе мыслить.

Мелкий сухой снег пробивался сквозь щели балок, и, несмотря на весело горящий камин, в комнате было холодно. Мы сидели и болтали, вздрагивая от нервности и от сквозняков. Росс очень кстати вспомнил о бутылочке, которая стояла у него в шкафу, и мы устроили себе горячий грог.

Те, которые считают, что все можно выразить в музыке, вероятно, вдохновились бы и написали бы симфонию для выражения того настроения, в котором мы находились. Звон стаканов, треск дров в камине, завывание ветра и вагнеровский грохот сковородок на кухне — все это сливалось в одну гармоническую мелодию. Не менее приятным акком-

панементом было шипение жарящихся бараньих котлет, которое сулило нам вкусный ужин.

Повар вошел в комнату и поставил на стол шипящую сковородку. Он равнодушно кивнул мне головой и с ловкостью жонглера расставил тарелки и приборы. Я бросил на него любопытный и, должен сознаться, несколько заискивающий взгляд. Кто мог предсказать, когда кончится метель и когда можно будет выбраться отсюда? А в таком случае всегда хорошо пользоваться расположением повара. Но я не мог прочесть на его невозмутимом лице ни расположения, ни пренебрежения. Ужин отвлек меня от дальнейших моих наблюдений, и я обратил все свое внимание на вкусные бараньи котлеты.

— Как ты думаешь, Джордж, долго ли продлится метель? — спросил Росс повара.

— Может быть, долго, — ответил он — а может быть, и не долго, — добавил он после некоторого размышления и вернулся к своей плите.

После ужина Росс насыпал табаку на стол, снова поставил бутылку виски и стаканы. Я понял, что на меня скоро хлынет так долго сдерживаемый поток его красноречия.

— Чертовская вещь эта метель! — сказал Росс в виде предисловия. — Я могу выносить дождь и слякоть, и двадцать градусов выше и ниже нуля, и даже циклон средней силы, но этот дурацкий снег выводит меня из терпения!.. Я полагаю, что он потому так действует на мои нервы, что сильно изменяет вид всех предметов. В одну ночь снег скрывает все старые хорошо знакомые нам места, и мы неожиданно переносимся в какую-то сказочную страну...

Понемногу поток красноречия Росса стал сгущаться в тучи, и он замолк. И мы молча сидели у догорающего камина, как это делают хорошие друзья или ярые враги...

Наше молчание было прервано внезапным стуком в дверь. Повар открыл дверь, и в комнату ввалился человек. В первую минуту он не мог произнести ни слова. Он весь был облеплен снегом, как куколка в белый кокон, и окоченел от холода. Мы подвергли его испытанному лечению — растиранию снегом, давали ему чайными ложками виски и довели его постепенно до такого состояния, что он мог сам пить грог.

Это был француз и звали его Этьеном Жиро. Сначала он был оперным певцом, но разные обстоятельства заставили его бросить эту карьеру. За неимением заработка он сделался хиромантом, перекочевывая из одного города в другой. Он ругал снег на чем свет стоит, и мы ему поддакивали. Повар стоял в дверях и молчал. По его лицу я понял, что он считал ребячеством наши выпады против снега. Кроме того, я заметил, что он недолюбливал иностранцев, так как он с пренебрежением смотрел на Этьена.

В течение всего дня француз стоял у окна и грыз свои ногти, жалуясь на однообразие и скуку. Мне лично он был несимпатичен, и, чтобы хоть на время избавиться от его общества, я вышел взглянуть на свою лошадь, причем поскользнулся и сломал себе ключицу. После этого неприятного происшествия я должен был прилечь на диване и неподвижно лежать на спине.

Я превратился теперь в зрителя и стал наблюдать за Россом и Этьеном, сидевшими у окна.

— Я сойду с ума в этом проклятом месте! — довольно неучтиво сказал Этьен.

— Никогда не знал раньше, что Марк Твен может так надоесть, — сказал Росс, сидя у другого окна. На подоконнике стоял ящик отвратительных крепких питсбургских сигар. Начиная новую главу, он каждый раз закуривал новую сигару и с остервенением выпускал дым.

— Ужин подан! — объявил повар.

— Мы все радостно просияли и сели за стол. Обеды и ужины были нашим единственным развлечением.

После ужина Росс снова закурил свою отвратительную сигару, а Этьен стал снова грызть свои ногти. Моя ключица страшно болела, и, чтобы отвлечь свое внимание от боли, я следил полузакрытыми глазами за движениями повара в кухне.

Вдруг я увидел, что он насторожил уши, как собака. Затем он подошел к входной двери, распахнул ее и остановился на пороге.

— Что случилось, Джордж? — спросил Росс.

Он ничего не ответил, но мы видели, что он нагнулся и поднял какой-то предмет. Затем боком захлопнул дверь и опустил ношу на пол. Мы молча застыли в жутком ожидании, пока повар не произнес глухим голосом:

— Женщина!..

Имя ее — Вилли Адаме, профессия — школьная учительница, возраст — гм... гм... около двадцати лет.

Если бы мы хотели описать мисс Адаме, то мы, наверно, прибегли бы к сравнению с лесом. Грацией своей она напоминала тополь, белизной кожи — березу. Цвет глаз напоминал голубое небо, голос — шепот вечернего летнего ветерка в листве леса, рот — лесную землянику...

Легко себе представить, какое впечатление она произвела на всех мужчин. Можете исключить меня из числа мужчин, потому что я никогда не шел в счет, когда дело касалось женщин. Исключите и повара, если хотите. Но обратите внимание, какое действие произвело появление хорошенькой женщины на Росса и Этьена.

Когда мисс Адаме удалилась в отведенную ей отдельную комнату, Росс швырнул своего Марка Твена в сундук и запер его на замок. Он также убрал свои отвратительные питсбургские сигары, а затем тщательно побрился.

Этьен вынул из жилетного кармана гребеночку и причесал свои всклокоченные волосы, затем вынул из того же кармана маленькие ножницы и подстриг свою бородку, наконец, на помадил свои усы и тщательно закрутил их. Его настроение сразу изменилось. Он улыбался, изгибался и делал разные пируэты, напевая какую-то арию из своего прежнего репертуара.

У Росса приемы были более грубые, но он из кожи лез, чтобы оказать внимание мисс Адаме. Она смущенно благодарила и удалялась в свою комнату.

Как-то раз под вечер, когда я, по обыкновению, лежал на диване, я услышал следующее:

— Мисс Адаме, я почти погибал... умирал от скуки, когда вы, как очаровательное видение, появились на нашем горизонте! — Я приоткрыл свой правый глаз. Этьен нервно закручивал свои усы, страстно вращал глазами и ближе придвинул свой стул к мисс Адаме. — Я француз... вы понимаете... у меня страстный темперамент. Я не мог вынести скуки на этом ранчо, но... появились вы, прелестная женщина, и все стало улыбаться вокруг вас!.. Мое сердце ожило, когда я почувствовал вашу близость!.. — Он нервно схватил ее руку и с пафосом произнес: — Мисс Адаме! О, если бы вы знали, как я...

— Ужин готов! — громко произнес повар. Он стоял позади француза и смотрел прямо в глаза мисс Адаме. — Ужин будет подан через две минуты.

Мисс Адаме вскочила со стула с видимым облегчением.

— Я должна приготовиться к обеду, — сказала она и ушла в свою комнату.

Этьен гневно взглянул на повара и, подойдя к окну, стал опять грызть свои ногти.

...

Когда после ужина убрали со стола, я подождал благоприятной минуты, когда мы с Россом остались одни, и рассказал ему, что случилось.

Он так взволновался, что по ошибке опять закурил свою отвратительную питсбургскую сигару.

— Ах, мерзкий хиромант! — пробормотал он сквозь зубы. — Я его подстрелю, как собаку, если он посмеет еще раз так разговаривать с моей женой.

— С вашей женой? — удивленно спросил я.

— Ну да, я собираюсь на ней жениться! — воскликнул он.

В течение всего этого вечера атмосфера на ранчо была очень неприятная. Росс следил за мисс Адаме, как петух за курицей, а Этьен следил за Россом, как за петухом-соперником. Положение мисс Адаме было незавидно. Избегнув недавно мучений от холода и снега, она вдруг наткнулась на новые неприятности.

Под вечер, когда Этьен вышел из дома на несколько минут, Росс воспользовался случаем, чтобы произвести новую атаку. Он встал перед мисс Адаме и, бросив взгляд на меня (я представился спящим), сказал:

— Вы, конечно, понимаете, что мне, как хозяину, крайне неприятно, что к вам пристают и вам надоедают. Этого хироманта следует выгнать отсюда, и стоит вам только сказать слово, как его здесь не будет. Вы должны, наконец, решить, кому вы дадите предпочтение. Как всегда, я прямо подхожу к делу, мисс Адаме!.. Я терпел эти два дня, но больше молчать не могу. Положение создалось невыносимое. Мисс Адаме! — сказал он с чувством и схватил ее за руку. — Скажите только одно слово!.. Вам нужен человек, который заботился бы о вас всю жизнь. Хотите выйти!..

— Ужин готов! — объявил повар, появившись в дверях кухни.

Мисс Адаме облегченно вздохнула и ушла в свою комнату. Росс сердито повернулся к повару:

— Ты всегда...

Повар молча подал ужин. Росс сидел насупившись, мрачный и разочарованный. Этьен, как всегда, любезничал и кривлялся. Мисс Адаме нервничала и еле дотрагивалась до еды. В воздухе чувствовалось, что дело приближается к развязке.

После ужина мисс Адаме вышла в кухню и о чем-то разговаривала с поваром; я прилег опять на диван, а Этьен, придвинув свой стул ближе к Россу, сказал:

— Я вижу, что я должен быть с вами откровенен. Во-первых, потому, что мы сверстники, — он шутя хлопнул его по плечу, — во-вторых, потому, что вы так серьезно смотрите на эти вещи. Я француз... Я люблю женщин! — Он откинул назад свои волосы и послал воздушный поцелуй по направлению к кухне. — Я думаю, это национальная черта моего народа... Все французы любят женщин... Я с ума сошел от скуки, я был в отчаянии... И вдруг на нашем горизонте появляется очаровательная женщина... Конечно, я влюбился в нее с первого взгляда... Я сделался опять веселым, счастливым, довольным... Женщины доставляют развлечение... как музыка, как вино!.. Они повышают настроение!.. Флиртовать с женщиной — это самое приятное препровождение времени!..

Росс с нетерпением слушал его; наконец он не выдержал и, сильно ударив кулаком по столу, крикнул:

— Замолчите наконец, гнусная вы тварь! Я запрещаю вам приставать к мисс Адаме в моем доме! — Он схватил ящик с сигарами и стал ударять им по столу. Шум привлек внимание мисс Адаме. Незаметно она пробралась из кухни в комнату. — Я решил, что эта девушка будет моей женой, и, как только она даст мне свое слово, вы можете убираться ко всем чертям! — И он решительно ударил по столу ящиком, как бы желая поставить точку.

— Ах! Таким способом не завоеешь сердца женщины! — возразил Этьен без всякого смущения. — С женщиной нужно поступать иначе. С ней нужно пофлиртовать, а потом поцеловать... и тогда она станет вашей!..

Внезапно послышался звук сильной оплеухи, и Этьен упал на пол без чувств. Сначала я думал, что рука, ударившая Этьена по его жаждущим поцелуя губам, принадлежала Россу, но когда я повернулся на своем диване, то заметил, что этот удар нанес ему повар. Он молча стоял перед Россом и спускал свои засученные рукава. В это время в столовую вошла мисс Адаме, привлеченная шумом.

— Соберитесь в дорогу, мисс Адаме! — сказал решительным голосом повар. — Мы уедем немедленно отсюда, если этот молодец, — он указал рукой на меня, — одолжит мне свою лошадь.

— Сделайте одолжение, возьмите! — великодушно ответил я.

— Что ты собираешься делать, Джордж? — спросил удивленно Росс.

— Я пораскинул мозгами и увидел, что если тут вовремя не принять меры, то дело у вас дойдет до убийства! — Он замолчал на несколько секунд и поднял свой толстый указательный палец, чтобы помешать заговорить кому-нибудь из нас. — Я знаю вас, мистер Куртис, и знаю, что вы думаете о женщинах. Если бы мисс Адаме случайно не оказалась здесь, то вы и не подумали бы ни о какой женщине. Да и когда метель пройдет и вы опять выедете в степь, то вся эта чепуха вылетит у вас из головы, и вы не вспомните о женщинах до второго пришествия. Так почему же переворачивать все вверх дном из-за того только, что вам пришлось четыре дня просидеть дома? Вот почему я принял такое решение.

— А кто же нам будет стряпать? — спросил растерянно Росс. — Я же не один...

— Я же отлучусь ненадолго... Я только провожу мисс Адаме до Гикевилля, а затем вернусь.

— Разве вы не боитесь ехать в такую метель? — спросил я, вставая с дивана, и подошел к окну.

— Этот черт ничего не боится, — пробормотал Росс.

Между тем повар вывел оседланную лошадь и осторожно посадил девушку в седло, медленно надел перчатки и, положив ногу в стремя, сам вскочил на лошадь.

Девушка крепко ухватилась за коренастую фигуру повара, и они поехали верхом под крутящиеся вихри снега...

...

Из моего пребывания на ранчо Гнедая лошадь я вынес две вещи, нет, три. Во-первых, сломанную ключицу, которая часто давала себя чувствовать; во-вторых, воспоминание об ужасной еде, которую мы сами себе готовили в отсутствие повара, и, в третьих, небольшую записку, полученную нами в конце недели:

«Посылаю вам с посланным лошадь. Я не могу вернуться к вам, так как женился на мисс Адаме и основал свое хозяйство.

Джордж Сно».

НЕБОЛЬШОЙ РАЗГОВОР ОБ УЛИЧНОЙ ТОЛПЕ

— Как я вижу,— заметил высокий джентльмен в сюртуке и мягкой фетровой шляпе с широкими полями,— еще одного вагоновожатого в вашем городе чуть не линчевала разъяренная толпа за то, что он зажег сигару и прошел пару кварталов по улице.

— Вы думаете, она бы его линчевала? — спросил нью-йоркец, сидевший с ним рядом на паромной пристани в ожидании парохода.

— Только после выборов,— сказал высокий человек, откусывая уголок от плитки жевательного табака.— Я провел в вашем городе достаточно времени, чтобы иметь право судить об этих толпах. Толпа вагоновожатых — самая безобидная из них всех, за исключением Национальной гвардии и съезда портных.

Видите ли, когда мама посылает маленького Вилли Голдштейна за поросячьими ножками, а он, крепко сжимая в кулачке полученный от нее никель, всегда с особой осторожностью переходя через трамвайные пути футов за двадцать впереди идущего трамвая, вдруг резко поворачивает назад, чтобы спросить у матери, что ей нужно: светлый эль или катушка белых ниток номер восемьдесят, то вагоновожатый издает пронзительный вопль и давит на тормоза с такой силой, с какой футболист посылает с близкого расстояния мяч в сетку ворот. Раздается ужасный грохот, треск, пронзительный визг, и вот результат: Вилли сидит у предохранительной решетки трамвая с разорванными штанами и льет горькие слезы из-за того, что потерял серебряную монету.

Через десять секунд трамвай окружают шестьсот разъяренных граждан. Все они орут: «Линчевать вагоновожатого! Линчевать вагоновожатого!» Некоторые бегут в ближайший сигарный магазин за веревкой. Но как выясняется, там только что порезали последнюю на куски и прикрепили к ним

по этикетке. Сотни возмущенных участников толпы угрожающе надвигаются на съжившегося вагоновожатого, рука его заметно дрожит, когда он вытаскивает пепсиновую жвачку из кармана и отправляет ее в рот.

Когда жаждущая крови толпа озверевших граждан окружила плотным кольцом вагоновожатого, а некоторые, принеся походные табуретки, расселись перед ним, а все дружно скандировали «Линчевать его!», полицейский Фогарти начал протискиваться сквозь них по направлению к намеренной толпой жертве.

«Хэлло, Майк,— тихо сказал ему вагоновожатый,— что мне делать: бежать отсюда через весь квартал или ты меня спасешь от расправы?»

«Ну, Джерри, если ты не против,— сказал полицейский,— то позволь мне самому прежде справиться с этой разъяренной толпой. Что-то я давненько не разгонял линчующую толпу, кажется, со вторника, но она была тогда невелика, человек триста всего, они хотели вздернуть мальчишку-итальянца за то, что он продавал червивые груши».

«Хорошо, Майк,— сказал вагоновожатый,— всегда готов тебе угодить. Кажется, я побледнел, весь дрожу».

Так и было на самом деле. Тогда полицейский Фогарти вытаскивает свою дубинку и кричит:

«Эй, вы, черт вас подери! Пошли вон!»

И через восемь секунд вся толпа рассеялась, все отправились по своим делам, за исключением сотни тех, кто все же остался, чтобы поискать потерянный Вилли никель.

— Я что-то никогда не слышал, чтобы толпа прибегла к насильственным действиям в отношении вагоновожатого при несчастном случае,— сказал ньюйоркец.

— С какой стати,— сказал высокий.— Толпа ведь знает, что вагоновожатый не виноват, он даже не переедет бродячую собаку, если сумеет вовремя затормозить. Она знает, что ни один человек среди них не завяжет удавку на горле даже кошки, которую судили, осудили и приговорили к казни в полном соответствии с законом.

— В таком случае, почему они все такие разъяренные, почему прибегают к таким угрозам — линчевать? — спросил ньюйоркец.

— Только для того, чтобы вселить уверенность в вагоновожатого,— ответил высокий,— убедить его, что он в полной безопасности. Если бы они на самом деле захотели его

укокошить, то могли бы подняться на третий этаж и сбросить оттуда из окна ему на голову несколько кирпичей.

— Нет, ньюйоркцы не трусы,— сказал кто-то еще, чуть надменно.

— Никогда, в одиночку,— тут же согласился с ним высокий.— У вас в городе полно первоклассных драчунов. Я бы охотнее сразился с тремя, чем с одним. Я готов выступить против целой толпы жертв газового треста, но побоюсь оказаться лицом к лицу с парой граждан в темном углу, когда у меня на животе поблескивает серебряная цепочка от часов. Когда перед вами один или два, вы тушуетесь, вас подводят нервы. А когда перед вами толпа, вы уверены в себе, вы хорошо себя чувствуете. Спросите у дорожных патрулей, у Джорджа Д. Картеля, в полицейских будках на Кони-Айленд. Если вы разъединены, то выстоите, если объединены, вам хана.

— Можно представить себе чувство преступника в руках нью-йоркской полиции, когда разъяренная толпа требует передать его ей, чтобы линчевать на месте.

«Ради бога, господ офицеры,— верещит несчастный,— у вас ведь сердце не камень, вы не отдадите меня им на растерзание?»

«Извините, Джимми,— говорит один из полицейских,— так не пойдет. Нас трое: я, Даррел и один коп в штатском. А в толпе — несколько тысяч. Как нам объяснить в участке, если они заберут тебя от нас? Нам прежде нужно разъединиться. Ну-ка, Даррел, отгони разъяренную толпу за угол, а мы спокойно проследуем по улице к участку...»

— Однако некоторые сборища наших перевозбужденных граждан не столь безобидны,— сказал ньюйоркец с ноткой гражданской гордости в голосе.

— Да, охотно признаю это,— сказал высокий.— Мой кузен, приехавший сюда, как-то столкнулся с толпой и лишился уха, еще ему сломали руку.

— Это, должно быть, произошло во время мятежей профсоюза бондарей,— заметил ньюйоркец.

— Нет, виной был не профсоюз бондарей,— объяснил высокий,— тоже союз, только брачный, состоялась свадьба.

— Кажется, вы одобряете закон Линча,— строго сказал ньюйоркец.

— Нет, сэр, не одобряю. И какой интеллигентный человек на такое способен? Однако, сэр, согласитесь, что в неко-

торых случаях люди начинают бунтовать из-за своих справедливых требований, призывать к правой мести за те преступления, наказывать за которые наш закон не спешит. Я — поборник законности и порядка, но я скажу вам, что менее полугода назад я сам принимал участие в линчевании одного из тех, кто создает глубокую пропасть между вашей частью страны и моей.

— Да, такое положение достойно сожаления,— сказал ньюйоркец,— но оно существует на Юге...

— Я из Индианы, с севера, сэр,— сказал высокий, отправляя в рот очередную порцию жевательного табака,— и я думаю, что вы не станете меня за это осуждать, когда я скажу вам, что этот цветной, которого я имел в виду, украл девять долларов шестьдесят центов у моего брата, сэр.

ЦЕНИТЕЛЬ И ПЬЕСКА

Уляя по Бродвею в июле месяце, натолкнуться на сюжет для рассказа можно, как правило, только если день выдался прохладный. А вот мне на днях в самую жару и духоту сюжет подвернулся, да такой, что он, кажется, решает одну из серьезных задач искусства.

Во всем городе не осталось ни души — только мы с Холлисом да еще миллиона два-три солнцепоклонников, прикованных к канцелярским столам и конторкам. Избранные давно бежали на взморье, к озерам или в горы и уже успели поиздержаться. Каждый вечер мы с Холлисом рыскали по обезлюдевшему городу, надеясь обрести прохладу в пустых кафе и закусочных или где-нибудь в саду на крыше. Мы изучили с точностью до десятой доли оборота скорость вращения всех электрических вентиляторов в Нью-Йорке и всякий раз переходили к самому быстрому. Невеста Холлиса, мисс Лорис Шерман, уже месяц как уехала с друзьями в Адирондакские горы, на озеро Нижний Саранак. Через неделю Холлис должен был к ним присоединиться. А пока он не унывал, весело поругивал Нью-Йорк и охотно проводил время со мной, потому что я не злился, когда после обеда за черным кофе он всякий раз показывал мне невестину карточку.

В отместку я читал ему свою одноактную пьесу.

То был невыносимый вечер, над задыхающимся от жары городом дрожало знойное марево; каждый камень и кирпич, каждый дюйм раскаленного за день железа яростно швырял в небеса избыток жара. Но с хитростью, свойственной двуногим, мы отыскивали оазис, куда не позволено было ступить копытам Аполлоновых коней. Под ножками наших стульев расстилался прохладный океан полированного дубового паркета; белые полотняные скатерти на полусотне пустынных столиков хлопали крыльями, словно чайки, под дуновением искусственного ветерка; в миле от нас маячил

официант, дожидаясь условного знака, — мы вполне могли бы тут без помехи горланить песни или сразиться на дуэли.

За кофе появилась фотография мисс Лорис, и я в который раз воздал хвалу изящной, стройной шейке, тяжелому узлу необыкновенно густых волос и глазам, которые следят за тобой, словно с писанного маслом портрета.

— Другой такой девушки свет не видал! — восторженно сказал Холлис. — Надежна, как скала, и верна, как часы. Еще неделя — и я помчусь к своему счастью. Старина Том Толливер, мой лучший приятель по колледжу, уже две недели там. Он пишет, что Лорис только обо мне и говорит. Знаешь, не одному только Рипу Ван Винклю в жизни повезло!

— Да-да, — быстро согласился я и вытащил мою отпечатанную на машинке пьесу. — Спору нет, она очаровательная девушка. А это моя пьеска, ты обещал послушать.

— Ее уже где-нибудь ставили? — спросил Холлис.

— Не совсем, — ответил я. — На днях я прочел половину одному человеку, у него брат знаком с одним режиссером; но он не мог дослушать до конца, потому что спешил на поезд.

— Ладно, читай, — сказал Холлис (он и правда славный малый) и откинулся на спинку стула. — Я не рабочий сцены, но я тебе выскажу свое мнение как завсегдатай первого яруса. Я ведь заядлый театрал, если вещь нестоящая, в два счета разберусь, не хуже галерки. Махни-ка еще разок официанту и валяй читай полным ходом. Я твой первый ценитель.

Я читал свою пьеску с нежностью и, боюсь, чересчур старательно. Есть там одна сцена, которая, по-моему, очень удалась. Комедия внезапно переходит в захватывающую дух непредвиденную драму. Капитан Марчмонт вдруг делает открытие, что его жена — бессовестная обманщица и лгала ему с первой же встречи. И теперь между ними разыгрывается поединок не на жизнь, а на смерть, обмен молниеносными ударами: она со своей искусной ложью и очарованием сирены обвивается вокруг него, как змея, пытаясь вновь им завладеть; он, страдая от оскорбленного мужского достоинства, полный презрения, обманутый в своей вере, силится вырвать ее из сердца. Я всегда считал, что эта сцена просто блеск. Когда капитан Марчмонт, в зеркале прочитав отпечатывающуюся на промокательной бумаге записку жены к графу, убеждается в ее неверности, он воздевает руки к небесам и восклицает:

«О Боже, Ты, что создал женщину, пока Адам спал, и дал ее ему в спутницы, возьми назад свой дар и верни человеку сон, даже если сон этот будет длиться вечно!»

— Чушь! — грубо прервал Холлис, когда я с должным выражением продекламировал эти строки.

— Простите, как вы сказали? — переспросил я с изысканнейшей учтивостью.

— Да брось, не валяй дурака,— продолжал Холлис. — В наше время никто таких словес не произносит, ты и сам это знаешь. Все шло недурно, пока тебя вдруг не занесло. Выкинь это, когда он машет руками, и штучки про Адама и Еву, и пускай твой капитан разговаривает, как мы с тобой и вообще как все люди.

— Согласен,— сказал я серьезно (затронуты были мои заветные убеждения),— в любых обычных условиях все мы излагаем свои мысли самым обыкновенным языком. Вспомни, до той минуты, когда капитан сделал это ужасное открытие, все действующие лица говорили точно так же, как говорили бы не на сцене, а в жизни. Но я убежден, что вложил в уста моего героя слова, единственно подходящие для столь роковой, трагической минуты.

— Подумаешь, трагедия,— непочтительно фыркнул мой друг.— Во времена Шекспира он, может, и проверещал бы этакую высокопарную ерунду, тогда они даже яичницу с ветчиной заказывали белыми стихами и кухарке давали расчет в рифму. Но для Бродвея летом тысяча девятьсот пятого это уж никак не подходит!

— А я другого мнения,— сказал я.— Сильное чувство перетряхивает наш словарь, и на поверхности оказываются слова, которые лучше всего могут выразить это чувство. В порыве горя, в час тяжелой утраты или разочарования самый обыкновенный человек находит выражения такие же сильные, торжественные и трагические, какими изображают эти переживания в романах или на сцене.

— Вот тут-то ваш брат и ошибается,— сказал Холлис.— Здесь годятся самые простые будничные слова. Чем запустить этакие фейерверки в духе Роберта Мэнтела¹, твой капитан, скорей всего, пнет ногой кошку, закурит сигару, смешает себе коктейль и позвонит по телефону своему адвокату.

¹ Мэнтел Роберт Брюс (1854—1928) — американский актер романтической школы.

— Немного погодя и это может быть,— сказал я.— Но в первую минуту... когда на него только что обрушился удар... или я сильно ошибаюсь, или у человека самого современного и практического вырвутся какие-то очень проникновенные слова, прямо как в театре или в Священном Писании.

— Ну, понятно,— снисходительно заметил Холлис,— на сцене все приходится раздувать. Публика этого ждет. Когда злодей похитит малютку Эффи, ее мамаша должна хвататься руками за воздух и вопить: «О, мое дитя-а! Мое дитя-а!» А в жизни она позвонит по телефону в полицию, потом велит подать стакан чаю покрепче и приготовит фотографию ненаглядной доченьки для репортеров. Когда ты загнал злодея в угол — то есть в угол сцены,— ему в самый раз хлопнуть себя по лбу и прошипеть: «Все пропало!» А не на сцене он скажет: «Тут какой-то подвох, под меня подкапываются, обращайтесь к моему адвокату».

— Хорошо, что ты понимаешь необходимость сценического преувеличения, но это меня не утешает,— мрачно сказал я.— От души надеюсь, что в моей пьесе я верен правде жизни. Если в жизни люди при жестоких потрясениях ведут себя обыденно, они должны так же держаться и на сцене.

А потом мы, точно две форели, выплыли из прохладной заводи большого отеля и двинулись по стремительному потоку Бродвея, лениво клюя на разноцветных бродвейских мушек. Спор о драматическом искусстве так ничем и не кончился.

Мы поклевывали мушку и увертывались от крючков, как и положено разумной форели; но скоро изнуряющая жара летнего Манхэттена одолела нас. На девятом этаже, окнами на юг, нас ждало жилище Холлиса, и вскоре мы сели в лифт и вознеслись в эту немного более прохладную гавань.

У Холлиса я чувствовал себя как дома и через несколько минут, позабыв о своей пьесе, уже стоял у буфета, заставленного стаканами и колотым льдом, и смешивал коктейли. В окна веял ветерок с бухты, не вовсе отравленный асфальтовым пеклом, над которым он пролетел. Холлис, тихонько посвистывая, взял со стола несколько писем, пришедших с последней почтой, и пододвинул самые прохладные плетеные кресла.

Я осторожно подливал в стаканы вермут, как вдруг раздался странный звук. Незнакомый голос хрипло простонал:

— Изменила, о боже, изменила! И любовь — ложь, и дружба всего лишь дьявольский обман!

Я круго обернулся. Холлис навалился грудью на стол, уронил голову на руки. А потом он посмотрел на меня снизу вверх и засмеялся совсем как всегда.

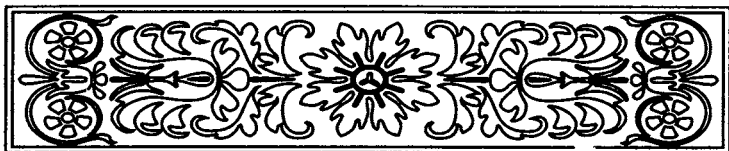
Я сразу понял — это он издевается над моей теорией. И в самом деле, так неестественно прозвучали высокопарные слова посреди нашей мирной болтовни, что мне подумалось: а ведь, пожалуй, я ошибался и теория моя неверна.

Холлис медленно выпрямился.

— Ты был прав насчет этих театральных эффектов, старина, — негромко сказал он и перебрросил мне записку.

Я ее прочел.

Лорис сбежала с Томом Толливером.

СЫЩИК ЗА ДЕТЕКТИВАМИ

Я гулял по Центральному парку с Эвери Найтом, великим нью-йоркским взломщиком, грабителем с большой дороги и убийцей.

— Послушайте, дорогой мой Найт,— говорил я ему,— все это просто невероятно! Вы, вне всякого сомнения, совершили самые расчудесные подвиги по части вашей профессии, известные современному преступному миру. Вы сотворили такие удивительные деяния под самым носом полиции, вы без всякого труда запросто проникали в дома миллионеров, удерживали их под дулом незаряженного револьвера, а второй рукой вытаскивали из ящиков серебро и драгоценности; вы грабили граждан при ослепительно ярком свете лампочек на Бродвее; вы убивали и грабили с поразительной открытостью, с полной безнаказанностью, но когда вы начинаете хвастать, что всего спустя сорок восемь часов после совершенного вами убийства вы можете привести меня и поставить лицом к лицу с тем детективом, которому было поручено вас задержать, то простите, позвольте мне выразить по этому поводу свои сомнения. Не забывайте, вы ведь в Нью-Йорке, а не где-нибудь в другом месте!

Эвери Найт только снисходительно улыбнулся.

— Вы, доктор, пытаетесь уязвить мою профессиональную гордость,— сказал он обидчиво.— Ну что же, я смогу вас переубедить.

Приблизительно ярдах в двадцати от нас шел какой-то явно состоятельный гражданин по дорожке, которая закруглялась возле растущих кустов. Найт внезапно вытащил из кармана револьвер и выстрелил ему в спину.

Жертва упала и лежала на земле без движения.

Великий убийца вразвалочку, не спеша подошел к труп, вытащил из его карманов деньги, часы, снял дорогой перстень и отцепил от галстука бриллиантовую булавку. Потом

он с мягкой улыбочкой подошел ко мне, и мы продолжили прогулку.

Мы успели сделать шагов десять, как столкнулись с полицейским, который бежал на место преступления. Эвери Найт остановил его.

— Я только что убил человека,— с самым серьезным видом сказал он ему,— и ограбил его.

— Какого черта! — сердито сказал полицейский.— Ну-ка посторонись, если не хочешь, чтобы я сбил тебя с ног. Что, захотел, чтобы твое имя напечатали в газетах, так? Я еще не видел, чтобы все эти чокнутые сбегались так быстро после того, как прозвучал выстрел. Ну-ка, убирайся из парка подобру-поздорову, не то я лично тебя отсюда провожу!

— Ну, то, что вы сделали,— сказал я, стараясь быть аргументированно убедительным,— это просто! Но если вам придется иметь дело с детективом, которого послали по вашим следам, чтобы вас задержать, тогда другое дело — это подвиг куда потруднее!

— Может, вы и правы,— беззаботно сказал Найт.— Могу признать, что мой успех отчасти зависит от того человека, которого отрягают меня поймать. Если это обычный коп в штатском, то я могу его и не заметить. Но если мне будет оказана честь и мою поимку поручат одному из знаменитых сыскарей, то я без особого страха готов противопоставить ему свою хитрость и искусство индукции.

На следующий день в полдень Найт вошел ко мне в офис с весьма удовлетворенным видом на своей хитрой физиономии.

— Ну, как идет расследование таинственного убийства? — поинтересовался я.

— Как обычно,— с улыбкой ответил Найт.— Утром я зашел в полицейский участок, потом в отдел дознания. Кажется, возле трупа они обнаружили коробочку для визитных карточек с моим именем и адресом. Они допросили троих свидетелей, которые видели, как я стрелял, и описали мою внешность. Расследование было поручено Шемроку Джолнсу, знаменитому детективу. В одиннадцать тридцать он покинул штаб-квартиру для выполнения задания. Я ждал у себя дома до двух по указанному адресу, полагая, что он должен ко мне заглянуть.

Я засмеялся, чтобы его уколоть.

— Вы увидите Джолнса,— продолжал я,— только после того, как об этом преступлении будет забыто, то есть через две или три недели. Знаете, Найт, я был лучшего мнения о вашей проницательности. Он идет по вашим следам, используя знаменитый индуктивный метод, и еще ни один преступник, насколько мне известно, не избежал встречи с ним. Я советую вам оставить свою затею.

— Доктор,— сказал мне Найт, и его серые глаза внезапно вспыхнули, а квадратная челюсть задрожала,— хотя в вашем городе и существует рекорд дюжины совершенных убийств, так и не завершившийся последующей встречей преступника и сыщика, расследующего все эти дела, я намерен побить этот рекорд. Завтра же я приведу вас к Шемроку Джолнсу, сорву с него маску перед вами и докажу вам, что в вашем городе существует вполне реальная возможность, когда представитель закона и убийца человека оказываются лицом к лицу.

— Прошу, действуйте,— сказал я,— и вы получите благодарность от департамента полиции.

На следующий день Найт приехал ко мне на извозчике.

— Я шел по двум ложным следам, доктор,— сказал он.— Мне кое-что известно из методов этих детективов, и я исследовал некоторые из них, надеясь выйти в конце концов на Джолнса. Так как мой револьвер был сорок пятого калибра, я уверен, что он ищет ключ на Сорок пятой улице. Потом я искал его в Колумбийском университете, так как убийство человека выстрелом в спину требует кропотливого исследования. Но и там и духа его не было.

— Вы его и не найдете,— с нажимом заверил я.

— Нет, конечно, если обычными методами,— согласился со мной Найт.— Я могу прочесывать весь Бродвей с начала до конца целый месяц без всякого успеха. Но вы, доктор, ущемили мою гордость, и если я не встречу Шемрока Джолнса сегодня, то обещаю вам больше никогда не убивать и не грабить в вашем городе.

— Какая чепуха, парень,— сказал ему я.— Если наши взломщики и забираются в дома и там вежливо требуют отдать им драгоценности на тысячи долларов, после чего спокойно обедают и барабанят час или два на фортепиано перед уходом, то как же вы, обычный убийца, надеетесь войти в контакт с детективом, который ведет за вами слежку?

Эвери Найт молча сидел, словно о чем-то думая.

— Все ясно. Надевайте вашу шляпу, поедете со мной. Гарантирую вам, что через полчаса вы будете стоять перед Шемроком Джолнсом.

Мы с Эвери Найтом взяли извозчика. Я не слышал, какие указания он давал ему, но экипаж довольно бодро помчался вверх по Бродвею, потом свернул на Пятую авеню, после чего вновь поехал на север.

Сердце мое учащенно билось от сознания того, что я провожаю этого чудесного, одаренного убийцу, чей гениальный аналитический ум и безграничная самоуверенность позволили дать мне поразительное обещание — столкнуть лбами убийцу и нью-йоркского детектива, который идет по его следу. Даже мне это казалось чем-то невозможным.

— А не боитесь ли вы попасть в ловушку? — спросил я. — Предположим, что ваш «ключ», каким бы он ни был, приведет нас не только к комиссару полиции, но еще и к дюжине-две копов?

— Дорогой мой доктор, — сказал Найт несколько чопорно, — я никогда не был азартным игроком.

— Прошу простить меня, — продолжал я, — но я не думаю, что вам удастся найти Джолнса.

Экипаж наш остановился у одного из самых фешенебельных особняков на авеню. Перед домом взад-вперед разгуливал какой-то человек с длинными рыжими усами и со значком детектива на отвороте сюртука. Иногда он отодвигал усы, чтобы вытереть платком лицо, и тогда я узнал хорошо знакомые черты великого нью-йоркского детектива. Джолнс не спускал внимательных глаз с дверей и окон дома.

— Ну, доктор, — сказал Найт, с трудом подавляя триумфальную нотку в своем голосе, — убедилсь?

— Великолепно, просто великолепно! — Не мог сдерживать я восклицания, когда наш извозчик, развернувшись, направился обратно. — Но как вам это удалось? С помощью какого дедуктивного метода...

— Мой дорогой доктор, — перебил меня убийца, — индуктивный метод это то, чем пользуются детективы. Мой метод куда более современный. Я называю это скачкообразной теорией. Я не утомляю себя скучной умственной работой для решения какой-то тайны, опираясь лишь на ее призрачные «ключи». Я тут же, без всяких обиняков, стремительно, словно в прыжке, хватаюсь за умозаключение.

Теперь я объясню вам свой скачкообразный метод, примененный в этом случае.

Прежде всего, рассуждал я, так как преступление было совершено в Нью-Йорке среди бела дня, в публичном месте и при ужасных обстоятельствах и самый искусный сыщик расследует это преступление, то преступник никогда не будет найден. Не считаете ли вы, что такой мой постулат оправдывается прецедентом?

— Может, и так,— неохотно согласился я.— Но если Большой Билл Дев...

— Ах, прекратите,— перебил меня Найт с улыбкой.— Я уже не раз это слышал. Теперь слишком поздно. Ну, я продолжу.

Если убийства людей в Нью-Йорке оставались нераскрытыми, рассуждал я, хотя лучшие, самые талантливые сыщики пытались их расследовать, то, следовательно, можно сделать такой вывод: они неверно выполняли свою работу. И не только неверно, а в абсолютно противоположной манере по отношению к той, которая была в данном случае необходима. И в этом скрыт мой «ключ».

Я убил человека в Центральном парке. А теперь, доктор, позвольте мне описать себя самого.

«Я высокий человек с черной бородкой и ненавижу павлины. У меня нет таких денег, о которых стоило бы говорить. Мне не нравится овсянка, и единственная моя амбиция в жизни — умереть богатым человеком. Я человек холодный, с беспощадным сердцем. Мне наплевать на всех своих соотечественников. Я никогда не подаю ни цента нищим или тем, кто собирает на благотворительность».

Таков вот, дорогой доктор, перед вами подлинный мой портрет, портрет человека, которого хитроумный детектив должен выследить и поймать. Вы, человек, которому хорошо известна история преступности в Нью-Йорке за последнее время, должны предсказать результат. Когда я пообещал вам представить перед вашим недоверчивым взором сыщика, который ищет меня, вы посмеялись, так как, на ваш взгляд, детективы с убийцами никогда в Нью-Йорке не встречаются. А я продемонстрировал, что такое вполне вероятно.

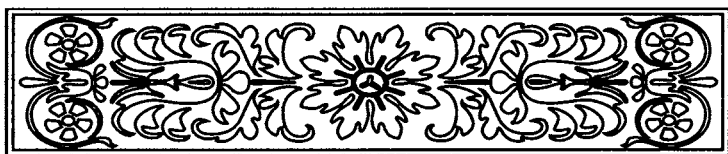
— Но каким образом вам это удалось?

— Все очень просто,— ответил улыбающийся убийца.— Я предположил, что детектив будет действовать имеющим-

ся в его распоряжении «ключом» с точностью наоборот. Я привел вам описание своей внешности. Исходя из этого, он должен будет искать не высокого, а низенького человека, не с черной, а с белой бородкой, которому нравится видеть свое имя в газетах, который человек очень состоятельный, обожает овсянку, хочет умереть бедняком и по характеру весьма склонен к щедрости и филантропии. Когда все эти предпосылки собраны, то никаких больше колебаний быть не может. Поэтому я и отвез вас на то место, где Шемрок Джолнс следил, патрулируя, за домом Эндрю Карнеги.

— Найдт, да вы — просто чудо! Если бы не существовало опасности вашего исправления, то каким бы чудесным полицейским инспектором могли бы вы стать!

КАКТУС

Наиболее характерной особенностью времени является его относительность. Все знают, как быстро проносятся воспоминания в памяти утопающего. И вот почему легко допустить, что иной человек переживает вновь весь период своей влюбленности в тот короткий миг, когда он расстегивает свои перчатки.

Вот именно такое состояние переживал Трисдаль, вернувшись в свою холостяцкую квартиру и застыв у стола. На этом столе в высокой красной вазе красовались какие-то странные зеленые цветы, представлявшие собой разновидность кактуса и снабженные длинными, перистыми листьями, плавно и мягко колыхавшимися при малейшем дуновении ветра.

Приятель Трисдаля, брат невесты, сидел в стороне и был искренне огорчен тем, что ему приходится пить одному. Молодые люди были во фраках. Их белые лица, словно тусклые звезды, светились в густых сумерках, обволакивавших комнату.

В то время как Трисдаль расстегивал свои перчатки, в его памяти проносились быстрые и мучительно-острые воспоминания о последних пережитых часах. Ему казалось, что в его ноздрях все еще держится аромат цветов, которые огромными букетами окружили всю церковь, и что в его ушах все еще стоит мягко-заглушенный шум тысячи голосов, шелест нежно шуршащих платьев и протяжный, медлительный голос священника, навеки и нераздельно соединяющий новобрачных.

При этой последней и безнадежной мысли память Трисдаля затуманилась настолько, что он никак не мог найти ответ на вопрос: как и почему он потерял Эллис? Глубоко потрясенный этим непреложным фактом, он вдруг очутился лицом к лицу с чем-то, что никогда до сих пор не представлялось так ясно его мысленному взору, а именно — со сво-

им внутренним, неприкрашенным, голым «я». Он увидел те отрепья, в которые рядились его напыщенность и эгоизм и которые могли дать иному человеку полное право усомниться в доброкачественности его ума. Он содрогнулся, подумав о том, что посторонние люди гораздо раньше его самого увидели всю жалкую, нищенскую оболочку его души. Надменность и самоуверенность! Вот какие эмблемы скрестились на его щите! И насколько же всего этого была лишена Эллис!

Но почему все-таки...

Когда два-три часа назад Эллис медленно повернула за угол придела и направилась к алтарю, он почувствовал низменную, болезненную радость, которая помогла ему на время овладеть собой. Он сказал себе, что ее мертвенная бледность объясняется только тем, что она сейчас думает о другом человеке, не имеющем ничего общего с женихом, с которым духовная власть связывает ее до гроба. Но тотчас же он лишился и этого последнего жалкого утешения. Потому что в тот момент, когда она устремила быстрый лучистый взгляд на человека, который протянул ей руку, Трисдаль понял, что он забыт навсегда. Было время, когда Эллис точно так же смотрела на него самого, и он по опыту знал, что таится в этом взгляде. Вот каким образом рушилась последняя опора. Его самоуверенность была разорвана в клочья, и теперь у него уже не оставалось никаких сомнений относительно истинного положения вещей.

Но почему все кончилось подобным образом? Ведь они не поссорились, и вообще ничего такого не произошло...

И в тысячный раз он принялся мысленно восстанавливать события последних дней, которые предшествовали столь резкой перемене в отношении к нему девушки.

Она систематически и упорно возносила его на пьедестал, а он с королевским достоинством и величием взирал на знаки ее преклонения. Она курила ему такой нежный фимиам! Она так прекрасно, так ласково, с такой детской непосредственностью выражала ему свои чувства! Она с таким глубоким почитанием награждала его безмерным количеством достоинств и талантов, что он привык впивать ее словесные жертвоприношения, как пустыня поглощает влагу, не сулящую ни цветов, ни плодов.

Когда Трисдаль с угрюмым видом сорвал с руки вторую перчатку, запоздалые угрызения совести заговорили в нем

сильнее прежнего. Никогда раньше он не страдал так от сознания собственного преступного эгоизма и фатовской самонадеянности...

По ассоциации он вспомнил тот вечер, когда он предложил Эллис подняться к нему на пьедестал и разделить его величие. Было слишком мучительно вспоминать все детали, и вот почему он не разрешал своей памяти восстановить ту пленительную внешнюю оболочку, в которой девушка предстала тогда пред ним.

Во время разговора Эллис сказала ему:

— Капитан Каруссерс сообщил мне, что вы говорите по-испански, как настоящий испанец. Почему же вы до сих пор скрывали от меня эти познания? Я вообще начинаю думать, что на свете нет ничего такого, чего бы вы не знали!

Каруссерс оказался идиотом, вот и все! Конечно, он, Трисдаль, виноват в том, что, находясь в клубе, любит сыпать старинными приторными кастильскими поговорками, которые он выуживает из словаря... Каруссерс, один из его самых невоздержанных поклонников, пользовался всяким удобным и неудобным случаем для того, чтобы прославить его сомнительную эрудицию, и вот где таилась основная причина всего этого сомнительного недоразумения.

Но, увы, фимиам этого восхищения был так сладок и упоителен, что у Трисдаля просто не хватило сил отрицать свои лингвистические таланты. Не протестуя, он разрешил Эллис украсить его чело незаконными лаврами выдающегося знатока испанского языка. В первые минуты горделивого возбуждения он не почувствовал уколов предательских шипов, которые дали себя знать лишь впоследствии.

В тот незабвенный вечер она была так взволнована и застенчива! Она забилась, как пленная птичка, когда он сложил к ее ногам свою великую мощь, и он готов был поклясться в ту минуту (да и теперь тоже!), что прочел в ее глазах несомненное согласие. Но, слишком робкая и скромная, она не дала ему прямого ответа на месте.

— Я завтра пошлю вам свой ответ! — сказала она, и — великодушный, уверенный победитель! — он с милостивой улыбкой дозволил ей эту отсрочку.

Весь следующий день он не выходил из дому, с нетерпением дожидаясь ее письма. Днем Эллис послала ему этот странный кактус, к которому не было приложено ни ма-

лейшей записочки. Только ярлычок, на котором значилось варварское или ботаническое название цветка!

Трисдаль прождал до самого вечера, но ее ответ так и не пришел. Необузданная гордыня и оскорбленное самолюбие не разрешали ему отправиться к девушке и потребовать у нее объяснения. Через два дня, вечером, они встретились у знакомых за обедом. Их приветствия носили чисто официальный характер, но Эллис устремила на Трисдаля удивленный, взволнованный и вопрошающий взгляд. Он же был очень вежлив, но тверд и холоден, как алмаз, и высокомерно ждал ее объяснения. Тогда Эллис с чисто женской быстротой изменилась в лице и обращении и превратилась в снег и лед..

Вот каким образом случилось, что они навсегда отошли друг от друга. Кого винить в этом? Кого порицать? Свалившись теперь со своего пьедестала, Трисдаль мучительно искал ответа среди осколков своей гордыни.

Голос другого человека, находившегося в той же комнате, ворвался в поток его мыслей и привел его в себя.

— Черт возьми, Трисдаль! — воскликнул брат Эллис. — Объясни же ты мне, ради бога, что такое происходит с тобой. Ты выглядишь таким жалким и несчастным, словно ты сам женился, а не присутствовал на этом торжестве в качестве самого обыкновенного гостя. Взгляни на меня, на другого участника этого преступления! Я проделал целых две тысячи миль на грязном, отвратительном банановом судне и приехал из Южной Америки только для того, чтобы потворствовать бабьему капризу. Ты посмотри, с какой легкостью я несу эту тяжелую вину на моих плечах! Из родных у меня до сих пор была только одна сестричка, и выходит теперь, что я и ее лишаюсь. Ничего не поделаешь, старина: приди в себя и выпей чего-нибудь для облегчения совести.

— Да, это верно... надо бы выпить чего-нибудь! — ответил Трисдаль.

— Между нами будь сказано, твой бренди отвратителен! — заметил его приятель, привстав с места и подойдя поближе. — Вот поезжай к нам, в Пунту-Редонду, и отведай наш бренди, который готовит старый Гарсиа. Уверяю тебя, не пожалеешь о том, что так далеко и долго ехал. Постой, постой, брат, я вижу у тебя моего старого знакомого! Скажи, пожалуйста, каким образом попал к тебе этот кактус?

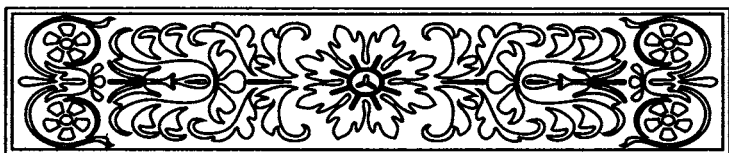

— Подарок от приятеля! — уклончиво ответил Трисдаль. — Ты знаешь эту породу?

— Ну вот еще! Отлично знаю! Это — тропическое растение, которое у нас, в Пунте, ты можешь встретить на каждом шагу. Вот и название его на ярлыке! Ты знаешь испанский язык, Трисдаль?

— Нет! — ответил Трисдаль с горькой улыбкой. — А разве тут по-испански написано?

— Конечно! Мои земляки держатся старинного поверья, что листья кактуса передают тем, кому они посланы, любовный привет. Вот почему южные американцы называют эту разновидность кактуса «Ventomarme», что означает по-испански: «Приди и возьми меня!»

СЕРДЦА И РУКИ

В Денвере Балтиморский экспресс брали с бою. В одном из вагонов удобно и даже с комфортом, как свойственно бывалым пассажирам, устроилась очень хорошенькая, изысканно одетая девушка. Среди тех, кто только что сел в поезд, были двое, оба молодые, один — красивый, с дерзким, открытым лицом и такой же повадкой; другой — озабоченный, угрюмый, грузноватого телосложения, просто одетый. Они были пристегнуты друг к другу наручниками.

Двое двинулись по вагону, где незанятой оставалась лишь скамья напротив хорошенькой пассажирки. Сюда, к ней лицом, но против движения поезда, и сели неразлучные двое. Взгляд девушки, чужой, равнодушный, скользнул по ним мимоходом, и вдруг на ее лице расцвела прелестная улыбка, круглые щеки зарделись нежным румянцем, она протянула вперед маленькую руку в серой перчатке. Первые же звуки ее голоса, грудного, мелодичного и уверенного, возвестили о том, что, когда его владелица говорит, ее слушают и она к этому привыкла.

— Что ж, мистер Истон, если вам угодно, чтобы я заговорила первой, извольте. Вы нарочно не узнаете старых друзей, если встречаетесь с ними на Западе?

Услышав ее голос, тот, что помоложе, встрепенулся, секунду помедлил, как бы преодолевая легкое замешательство, но тут же справился с собой и схватил левой рукой протянутую руку.

— Как не узнать, — сказал он с усмешкой. — Мисс Фэрчайлд! Прошу извинить, что здороваюсь левой рукой, правая в настоящую минуту занята другим.

Он чуть приподнял правую руку, скованную блестящим «браслетом» на запястье с левой рукой его спутника. Радость в глазах девушки медленно угасла, сменяясь ужасом и недоумением. Румянец сошел с ее щек. Рот приоткрылся огорченно и разочарованно. Истон, словно наблюдая что-

то забавное, коротко засмеялся и собрался было заговорить опять, но его опередил второй. Все это время острые, смышленные глаза угрюмого пассажира исподтишка следили за выражением ее лица.

— Вы уж простите, мисс, что я к вам обращаюсь, только я вижу, вы знакомы с шерифом. Так, может, попросили бы, пусть замолвит за меня словечко, когда прибудет в тюрьму. Он вам не откажет, а мне все же будет послабление. Он ведь сажать меня везет, в Леве-нуэрт. На семь лет, за подлог.

— Ах вот что! — сказала пассажирка, глубоко вздохнув, и лицо ее опять порозовело.— Вот чем вы тут занимаетесь! Стали шерифом?

— Мисс Фэрчайлд, милая, надо же мне было чем-то заняться,— спокойно сказал Истон.— Деньги имеют свойство улетучиваться сами по себе, а за теми, с кем вы и я водили знакомство в Вашингтоне, без денег не угнаться. Подвернулся случай на Западе, вот я и... конечно, шерифу далековато до посла, но все же...

— А посол у нас больше не бывает,— с живостью отозвалась девушка.— И незачем ему вообще было к нам ездить. Вы могли бы знать это. Ну а вы теперь, значит, заправский герой Дикого Запада, скачете верхом, стреляете, и на каждом шагу вас подстерегают опасности. Да, в Вашингтоне живут по-другому. А вас там многим не хватало в кругу старых знакомых.

Глаза девушки, чуть расширившись, снова зачарованно устремились к сверкающим наручникам.

— Вы насчет них не сомневайтесь, мисс,— сказал второй.— Шерифы всегда пристегивают к себе арестантов наручниками, чтобы не сбежали. Мистер Истон свое дело знает.

— Скоро ли вас ждать обратно в Вашингтон? — спросила пассажирка.

— Боюсь что не скоро,— сказал Истон.— Видно, кончились для меня беззаботные деньки.

— Мне страшно нравится на Западе,— без всякой связи с предыдущим сказала девушка. Глаза у нее мягко светились. Она отвела их к вагонному окну. Она заговорила прямо и просто, без гладких оборотов, предписанных воспитанием и правилами хорошего тона: — Мы с мамой прожили это лето в Денвере. Неделю назад она уехала домой, потому что прихворнул отец. Я прекрасно могла бы жить на Западе. По-

моему, здешний воздух очень полезен для здоровья. И не в деньгах счастье. Но некоторые люди такие глупые и так все неверно понимают...

— Послушайте, это нечестно, начальник,— ворчливо сказал угрюмый.— У меня вся глотка пересохла и курить охота с утра. Неужели еще не наговорились? Взяли бы да отвели человека в вагон для курящих. Помираю без трубки.

Скованные друг с другом путники поднялись, и на лице у Истона появилась прежняя ленивая усмешка.

— Грех отказать в такой просьбе,— сказал он беспечно.— Нет лучше друга у обездоленных, чем табачок. До свидания, мисс Фэрчайлд. Ничего не поделаешь, служба.

Он подал ей руку на прощанье.

— Так жаль, что вы не на Восток,— сказала она, вновь об-лачаясь в латы воспитания и хорошего тона.— Но вам, очевидно, никак нельзя не ехать в Левенуэрт?

— Да,— сказал Истон. — Никак нельзя.

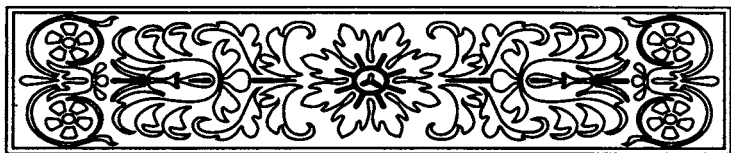
И двое стали бочком пробираться вдоль прохода к вагону для курящих.

Два пассажира с соседней скамьи слышали почти весь разговор. Один сказал:

— Душевный малый, этот шериф. Здесь, на Западе, попадает славный народ.

— А не молод он для эдакой должности? — спросил второй.

— Почему молод! — воскликнул первый.— По-моему... Пойдите, да разве вы не поняли? Ну подумайте сами — какой же шериф пристегнет арестованного к своей правой руке?

ВОРОБЬИ НА МЭДИСОН-СКВЕРЕ

Молодому человеку в стесненных обстоятельствах, если он приехал в Нью-Йорк, чтобы стать писателем, и притом заранее тщательно изучил поле боя, требуется сделать только одно. Надо напрямик отправиться на Мэдисон-сквер, написать очерк о здешних воробьях и за пятнадцать долларов продать его редакции «Сан».

Я не могу припомнить ни единого романа или рассказа на ходкую тему о молодом литераторе из провинции, приехавшем в великий город завоевать пером богатство и славу, в которых герой не начал бы именно с этого. Даже странно, почему какой-нибудь автор в поисках сверхоригинального сюжета не додумался заставить героя описать синиц на Юнион-сквере и продать свое произведение «Гералду». Но комплекты нью-йоркских журналов неоспоримо свидетельствуют в пользу воробьев и зеленого островка на старой площади, и чек всегда выписывает «Сан».

Разумеется, нетрудно понять, почему первая дерзкая попытка начинающего автора всегда увенчивается успехом. Его подстегивает необходимость сделать сверхчеловеческое усилие; в огромном грохочущем городе, среди железа, камня и мрамора он отыскал уголок, где зеленеют трава и деревья и щебечут птицы; все чувствительные струны его души трепещут в сладостной тоске по родным местам; быть может, никогда больше в нем не пробудится с такой силой творческий гений; птички поют, колышутся ветви деревьев, забыт грохот колес; он пишет, вкладывая в строчки всю душу... и продает свое творение в «Сан» за пятнадцать долларов.

Многие годы читал я про этот обычай, прежде чем приехал в Нью-Йорк. Когда друзья, пуская в ход самые убедительные доводы, пытались отговорить меня от поездки, я лишь безмятежно улыбался. Они не знали, что в запасе у меня фокус с воробьями.

Когда я приехал в Нью-Йорк и трамвай повез меня от паррома по Двадцать третьей улице напрямиком к Мэдисон-скверу, я уже слышал, как этот чек на пятнадцать долларов шуршит у меня в кармане.

Я остановился в каком-то скромном пансиончике и на другое утро, в час, когда едва просыпаются воробьи, уже сидел на скамье в Мэдисон-сквере. Мелодичное воробьиное чирикание, приветливая весенняя листва величавых деревьев и свежая душистая трава с такой силой напомнили мне старую ферму, которую я покинул, что на глаза мои чуть не навернулись слезы. И тотчас меня посетило вдохновение. Смелые звонкие голоса этих веселых пичужек словно задавали тон чудесной, светлой, причудливой песне надежды, радости и любви к ближнему. Сердца этих крохотных созданий, как и мое сердце, звучали в лад лесам и полям; как и я, они, по воле случая, оказались пленниками сумрачного шумного города, — но как же весело, с каким изяществом они переносят неволю!

А потом появились люди, те, кто спозаранку идет на работу, — хмурые, угрюмые, они проходили мимо, бросая на меня косые взгляды, и всё торопились, торопились, торопились. И я отчетливо уловил в птичьей песенке свою тему и преобразил ее в притчу и в стихи, в праздничную пляску и в колыбельную песню; а потом перевел все это в прозу и принялся писать.

Два часа кряду карандаш мой без роздыха бегал по листкам блокнота. Потом я пошел в комнатку, которую снял на два дня, сократил написанное вдвое и свеженькое, с пылу с жару, отослал почтой в «Сан».

Назавтра я поднялся чуть свет и потратил два цента из своих капиталов на газету. Если и было в ней слово «воробей», мне не удалось его отыскать.

Я вернулся с газетой в номер, разостлал ее на кровати и просмотрел всю, столбец за столбцом. Где-то произошла осечка.

Три часа спустя почтальон принес мне большой конверт, в котором находились моя рукопись и листок дешевой бумаги размером примерно три дюйма на четыре — наверно, кое-кому из вас случалось видеть такие листки, — на котором лиловыми чернилами было написано: «Редакция “Сан” возвращает с благодарностью».

Я пошел все в тот же сквер и сел на скамью. Нет, в это утро я не считал нужным позавтракать. Несносные воробьи сво-

им дурацким чириканьем совсем испакостили сквер. В жизни не видал таких неумолчно крикливых, нахальных и противных птиц.

Согласно всем традициям, сейчас я должен бы стоять в кабинете редактора «Сан». Сей почтенный деятель — высокий, серьезный, седовласый — должен бы стиснуть мою руку, протереть стекла подозрительно увлажнившихся очков и тряхнуть серебряным колокольчиком.

— Мистер Мак-Чесни,— должен бы он сказать появившемуся в дверях подчиненному,— познакомьтесь, этот молодой человек — мистер Генри, тот самый, что прислал нам такую прелестную жемчужину о воробьях на Мэдисонсквере. Сейчас же зачислите его в штат. Для начала, сэр, вы будете получать восемьдесят долларов в неделю.

Вот чего я ждал, доверяя всем авторам, которые воспевали литературный Нью-Йорк.

Да, традиция почему-то дала осечку. За собою я никакой вины не знал; стало быть, во всем виноваты воробьи. Я уже начал страстно, неукротимо их ненавидеть.

В эту минуту рядом со мной осторожно уселся некто давным-давно не бритый и не стриженный, в какой-то жеваной шляпе и с премерзкой физиономией.

— Послушай, Вилли,— вкрадчиво забормотал он,— ты не выдашь мне гривенник из своих сундуков? Я бы выпил чашку кофе.

— Я и сам оскудел, приятель,— отвечал я.— От силы могу дать три цента.

— А поглядеть — джентльмен,— сказал он.— Что же это тебя разорило — выпивка?

— Птички,— свирепо ответил я.— Певуны с коричневым горлышком, которые среди городской пыли и шума распевают над ухом усталого труженика про бодрость и надежду. Маленькие пернатые посланцы полей и лесов, нежно чирикающие нам про голубые небеса и цветущие луга. Несносные хитрые надоеды, которые верещат, точно целая стая фисгармоний, и наедаются до отвала букашками и семенами, когда человек сидит тут без завтрака. Да, сэр, птички! Вот, полюбуйтеесь-ка на них!

С этими словами я подобрал валявшийся подле скамейки сук и изо всей силы швырнул его в сборище воробьев на лужайке. С пронзительным писком стая взлетела на деревья, но двое остались лежать в траве.

Мой малопривлекательный сосед мигом перепрыгнул через скамьи, подхватил трепыхающиеся жертвы и поспешно засунул в карман. Потом поманил меня грязным пальцем.

— Пошли, друг,— прохрипел он.— Будет тебе кормежка.

Я покорно последовал за моим сомнительным знакомцем. Он вывел меня из садика на какую-то боковую улочку, потом через щель в заборе — на пустырь, где когда-то рыли какие-то ямы. За грудой камней и строительного хлама он остановился и вытащил воробьев из кармана.

— Спички у меня есть,— сказал он.— Найдется у тебя бумажка разжечь огонь?

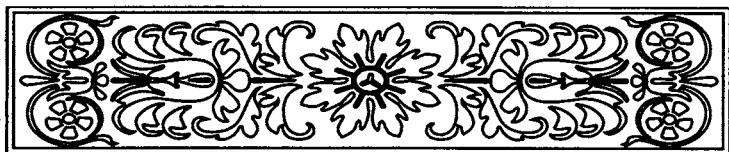
Я достал рукопись моего рассказа о воробьях и предложил ее для жертвенного костра. Под ногами у нас валялись обломки досок, щепки, стружки. Откуда-то из недр своего потрепанного одеяния мой замызганный приятель извлек полбулки, перец и соль.

Через десять минут мы держали над пляшущим огнем посаженному на палочку воробью.

— А что,— сказал мой сотрапезник,— не так уж и плохо на голодный-то желудок. Вот, помню, когда я только попал в Нью-Йорк... тому уж лет пятнадцать... Приехал я с Запада, думал подыскать себе работу в газете. Пошел я в первое утро в садик на Мэдисон-сквере и уселся на скамейку. Гляжу, воробьи чирикают, трава зеленая, и деревья, и так это славно, будто я опять дома, в наших краях. Вытащил я из кармана бумагу и...

— Знаю,— перебил я.— Отослал в «Сан» и получил за это дело пятнадцать долларов.

— Слушай,— подозрительно сказал мой приятель,— ты что-то больно много знаешь. Где ты был? Я там заснул на скамье, на солнышке, и кто-то вытащил у меня деньги, все пятнадцать долларов до последнего цента.

ИСПОВЕДЬ ЮМОРИСТА

Инкубационный период длился, не причиняя мне беспокойства, двадцать пять лет, а затем появилась сыпь, и окружающие поставили диагноз.

Только они называли болезнь не корью, а чувством юмора.

Когда старшему компаньону фирмы исполнилось пятьдесят лет, мы, служащие, преподнесли ему серебряную чернильницу.

Церемония эта происходила в его кабинете. Произнести поздравительную речь было поручено мне, и я старательно готовил ее целую неделю.

Моя коротенькая речь произвела фурор. Она была пересыпана веселыми намеками, остротами и каламбурами, которые имели бешеный успех.

Сам старик Марлоу — глава солидного торгового дома «Оптовая продажа посудных и скобяных товаров» — снизошел до улыбки, а служащие, прочтя в этой улыбке поощрение, хохотали до упаду.

Вот с этого-то утра за мною и утвердилась репутация юмориста.

Сослуживцы неустанно раздували пламя моего сомнения. Один за другим они подходили к моей конторке, уверяли, что я произнес замечательную речь, и прилежно растолковывали мне, чем именно была смешна каждая из моих шуток.

Выяснилось, что я должен продолжать в том же духе. Другим разрешалось вести нормальные разговоры о делах и о погоде, от меня же по всякому поводу ожидали замечаний игривых и легкомысленных.

Мне полагалось сочинять эпиграммы на глиняные миски и зубоскалить по поводу эмалированных кастрюль. Я занимал должность младшего бухгалтера, и товарищи мои бывали разочарованы, если я не обнаруживал повода для

смеха в подсчитанной мною колонке цифр или в накладной на плуги.

Постепенно слава обо мне разнеслась, и я стал «фигурой». Наш городок был для этого достаточно мал. Меня цитировали в местной газете. Без меня не обходилось ни одно собрание.

Я, очевидно, и в самом деле был от природы наделен некоторой долей остроумия и находчивости. Эти свойства я развивал постоянной тренировкой. Шутки мои, надо сказать, носили безобидный характер, в них не было язвительности, они не ранили. Еще издали завидев меня, встречные начинали улыбаться, а к тому времени, когда мы сходились, у меня обычно была готова фраза, от которой улыбка их разрешалась смехом.

Женился я рано. У нас был прелестный сынишка трех лет и пятилетняя дочка. Мы, конечно, жили в домике, увитом плющом, и были счастливы. Мое бухгалтерское жалованье гарантировало нас от зол, сопряженных с чрезмерным богатством.

Время от времени я записывал какую-нибудь свою шутку или выдумку, показавшуюся мне особенно удачной, и посылал в один из тех журналов, что печатают такую чепуху. Не было случая, чтобы ее не приняли. От некоторых редакторов поступили просьбы и дальше снабжать их материалом.

Однажды я получил письмо от редактора известного еженедельника. Он просил прислать ему какую-нибудь юмористическую вещичку на целый столбец и давал понять, что, если она подойдет, он будет печатать такой столбец из номера в номер. Я послал, и через две недели он предложил мне годовой контракт и гонорар, значительно превышавший то жалованье, которое платила мне скобяная фирма.

Я был вне себя от радости. Жена мысленно уже венчала меня неувядающими лаврами литературного успеха. На ужин мы закатали крокеты из омаров и бутылку черносмодинной наливки. Освобождение от бухгалтерской ляжки — об этом стоило подумать! Мы с Луизой очень серьезно обсудили этот вопрос и пришли к выводу, что мне следует отказаться от места и посвятить себя юмору.

Я бросил службу в торговом доме. Сослуживцы устроили мне прощальный обед. Моя речь была сплошным фей-

ерверком. Местная газета напечатала ее — от первого до последнего слова. На следующее утро я проснулся и посмотрел на часы.

— Преспал! — воскликнул я в ужасе и кинулся одеваться.

Луиза напомнила мне, что я уже не раб скобяных изделий и подрядов на поставку. Отныне я — профессиональный юморист.

После завтрака она гордо ввела меня в крошечную комнату за кухней. Милая Луиза! Оказывается, мне уже был приготовлен стол и стул, блокнот, чернила и пепельница, а также все остальное, что полагается настоящему писателю: вазочка с только что срезанными розами и жимолостью, прошлогодний календарь на стене, словарь и пакетик шоколадных конфет — лакомиться в промежутках между приступами вдохновения. Милая Луиза!

Я засел за работу. Обои в моем кабинете были расписаны арабесками... или одалисками, а может быть, трапециоидами. Упершись взглядом в одну из этих фигур, я сосредоточил свои мысли на юморе.

Я вздрогнул, — кто-то окликнул меня.

— Если ты не очень занят, милый, — сказал голос Луизы, — иди обедать.

Я взглянул на часы. Да, страшная старуха с косою уже забрала себе пять часов моей жизни. Я пошел обедать.

— Не надо тебе переутомляться, — сказала Луиза. — Гете — или кто это, Наполеон? — говорил, что для умственной работы пять часов в день вполне достаточно. Хорошо бы нам после обеда сходить с ребятами в лес.

— Да, я немножко устал, — признался я. И мы пошли в лес.

Но скоро я втянулся. Через месяц я уже сбывал рукописи без задержки, как партии скобяных товаров.

Я познал успех. О моих фельетонах в еженедельнике заговорили. Критики снизошли до утверждения, что я внес в юмористику новую, свежую струю. Для приумножения своих доходов я посылал кое-что и в другие журналы.

Я совершенствовал свою технику. Забавная выдумка, воплощенная в двух стихотворных строках, приносила мне доллар. Я мог приклеить ей бороду и подать ее в холодном виде как четверостишие, тогда ее ценность возрастала вдвое. А перелицевать юбку да прибавить оборочку из

рифм — и ее не узнаешь: это уже салонные стишки с иллюстрацией из модного журнала.

Я стал откладывать деньги, мы купили два ковра и фисгармонию. В глазах соседей я был уже не просто балагур и остряк, как в дни моего бухгалтерства, а гражданин с некоторым весом.

Месяцев через пять или шесть мой юмор стал утрачивать свою непосредственность. Шутки и остроты уже не слетали у меня с языка сами собой. Порой мне не хватало материала. Я ловил себя на том, что прислушиваюсь — не мелькнет ли что-нибудь подходящее в разговорах моих друзей. Иногда я часами грыз карандаш и разглядывал обои, силясь создать веселенький экспромт.

А потом я превратился в гарпию, в Молоха, в вампира, в злого гения всех моих знакомых. Усталый, издерганный, алчный, я отравлял им жизнь. Стоило мне услышать острое словцо, удачное сравнение, изящный парадокс, и я бросался на него, как собака на кость. Я не доверял своей памяти: виновато отвернувшись, я украдкой записывал его впрок на манжете или в книжечку, с которой никогда не расставался.

Знакомые дивились на меня и огорчались. Я совсем изменился. Раньше я веселил и развлекал их, теперь я сосал их кровь. Тщетно они стали бы дожидаться от меня шуток. Шутки были слишком драгоценны, я берег их для себя. Транжирить свои средства к существованию было бы непозволительной роскошью.

Как мрачная лисица, я расхваливал пение моих друзей-ворон, помогаясь, чтобы они вырвали из клюва кусочек остроумия.

Люди стали избегать моего общества. Я разучился улыбаться — даже этой цены я не платил за слова, которые беззастенчиво присваивал.

В поисках материала я грабил без разбора, мне годился любой человек, любой сюжет, любое время и место. Даже в церкви мое развращенное воображение рыскало среди величественных колонн и приделов, вынюхивая добычу.

Едва священник объявлял «славословие великое», как я начинал комбинировать: «Славословие — пустословие — предисловие — великое — лик ее...»

Всю проповедь я процеживал как сквозь сито, не обращая внимания на утекавший смысл, жадно ища хоть зер-

нышка для каламбура или bon mot. Самый торжественный хорал только служил аккомпанементом к моим думам о том, какие новые варианты можно выжать из комической ситуации: бас влюблен в сопрано, а сопрано — в тенора.

Я охотился и в собственном доме. Жена моя — на редкость женственное создание, доброе, простодушное и экспансивное. Прежде разговаривать с нею было для меня наслаждением, каждая ее мысль доставляла мне радость. Теперь я эксплуатировал ее, как золотой прииск, старательно выбирая из ее речи крупинки смешной, но милой непоследовательности, отличающей женский ум.

Я стал сбывать на рынок эти перлы забавной наивности, предназначенные блистать лишь у священного домашнего очага. С сатанинским коварством я вызывал жену на разговоры. Не подозревая худого, она открывала мне душу. А я выставлял ее душу для всеобщего обозрения на холодной, кричащей, пошлой печатной странице.

Иуда от литературы, я предавал Луизу поцелуем. За жалкие сребреники я напяливал шутовской наряд на чувства, которые она мне поверяла, и посылал их плясать на рыночной площади.

Милая Луиза! По ночам я склонялся над ней, как волк над ягненком, прислушиваясь, не заговорит ли она во сне, ловя каждое слово, которое я мог назавтра пустить в оборотку. И это еще не самое худшее.

Да простит меня Бог! Я вонзил когти в невинный лепет моих малолетних детей.

Гай и Виола являли собой два неиссякаемых источника уморительных детских фантазий и словечек. Это был ходкий товар, и я регулярно поставлял его одному журналу для отдела «Чего только не выдумают дети».

Я стал выслеживать сына и дочь, как индеец — антилопу. Чтобы подслушать их болтовню, я прятался за дверьми и диванами или в садике переползал на четвереньках от куста к кусту.

Единственным моим отличием от гарпии было то, что меня не терзало раскаяние.

Однажды, когда в голове у меня не было ни единой мысли, а рукопись надо было отослать с ближайшей почтой, я зарылся в кучу сухих листьев в саду, зная, что дети придут сюда играть. Я отказываюсь верить, что Гай сделал это с

умыслом, но даже если так, не мне осуждать его за то, что он поджег листья и тем погубил мой новый костюм и чуть не кремировал заживо родного отца.

Скоро мои дети стали бегать от меня, как от чумы. Нередко, подбираясь к ним подобно хищному зверю, я слышал, как один говорил другому: «Вон идет папа», — и, подхватив игрушки, они взапуски мчались в какое-нибудь безопасное место. Вот как низко я пал!

Финансовые мои дела между тем шли неплохо. За год я положил в банк тысячу долларов, и прожили мы этот год безбедно.

Но какой ценой мне это далось! Я не знаю в точности, что такое пария, но, кажется, это именно то, чем я стал. У меня не было больше ни друзей, ни утех, все мне опостылело. Я принес на алтарь Маммоны счастье моей семьи. Как стяжательница-пчела, я собирал мед из прекраснейших цветов жизни, и все сторонились меня, опасаясь моего жала.

Как-то раз знакомый человек окликнул меня с приветливой улыбкой. Уже много месяцев со мной не случилось ничего подобного. Я проходил мимо похоронного бюро Питера Геффельбауэра. Питер стоял в дверях и поздоровался со мной. Я остановился, до глубины души взволнованный его приветствием. Он пригласил меня зайти.

День был холодный, дождливый. Мы прошли в заднюю комнату, где топилась печка. К Питеру пришел клиент, и он ненадолго оставил меня одного. И тут я испытал давно забытое чувство — чувство блаженного отдохновения и мира. Я огляделся. Меня окружали ряды гробов полированного палисандрового дерева, черные покровы, кисти, плюмажи, полосы траурного крепа и прочие атрибуты похоронного ремесла. Это было царство порядка и тишины, серьезных и возвышенных раздумий. Это был уголок на краю жизни, овеянный духом вечного покоя.

Войдя сюда, я оставил за дверью суетные мирские заботы. Я не испытывал желания найти в этой благолепной, чинной обстановке пищу для юмора. Ум мой словно растянулся, отдыхая, на черном ложе, задрапированном крошечными мыслями.

Четверть часа тому назад я был развратным юмористом. Теперь я был философом, безмятежно предающимся со-

зерцанию. Я обрел убежище от юмора, от бесконечной, изматывающей, унижительной погони за быстрой шуткой, за ускользающей остротой, за увертливой репликой.

С Гейффельбауэром я не был близко знаком. Когда он вернулся, я заговорил с ним, втайне страшась, как бы он не прозвучал фальшивой нотой в упоительной погребальной гармонии своего заведения.

Но нет. Гармония не была нарушена. У меня вырвался долгий вздох облегчения. Никогда еще я не слышал, чтобы человек говорил так безукоризненно скучно, как Питер. По сравнению с его речью Мертвое море показалось бы гейзером. Ни единый проблеск остроумия не осквернял ее. Из уст Питера сыпались общие места, обильные и пресные, как черная смородина, не более волнующие, чем прошлогодние биржевые котировки. Не без трепета я испробовал на нем одну из своих самых отточенных шуток. Она упала наземь со сломанным наконечником, даже не оцарапав его. С этой минуты я полюбил Питера всем сердцем.

Я стал навещать его по вечерам два-три раза в неделю и отводить душу в его комнате за магазином. Других радостей у меня не было. Я вставал рано, мне не терпелось покончить с работой, чтобы можно было подольше пробыть в моей тихой пристани. Только здесь я избавлялся от привычки искать поводов для смеха во всем, что видел и слышал. Впрочем, разговоры с Питером все равно не дали бы мне в этом смысле ровно ничего.

В результате настроение у меня улучшилось. Ведь я имел теперь то, что необходимо каждому человеку, — часы отдыха после тяжелой работы. Встретив как-то на улице старого знакомого, я удивил его мимолетной улыбкой и шутилым приветствием. Несколько раз я привел в крайнее изумление своих домашних — в их присутствии разрешил себе сказать что-то смешное.

Демон юмора владел мною так долго, что теперь я упивался свободным временем, как школьник на каникулах.

Это скверно отразилось на моей работе. Она перестала быть для меня тяжким бременем. Я часто насвистывал с пером в руке и писал небрежнее, чем раньше. Я старался поскорее развязаться с рукописью, меня тянуло в мое пристанище, как пьяницу в кабаk.

Жена моя провела немало тревожных часов, теряясь в догадках, где это я пропадаю по вечерам. А мне не хотелось ей рассказывать — женщины таких вещей не понимают. Бедная девочка! Один раз она не на шутку перепугалась.

Я принес домой серебряную ручку от гроба для пресспапы и чудесный пушистый плюмажик — смахивать пыль.

Мне было приятно видеть их у себя на столе и вспоминать уютную комнату за магазином Геффельбауэра. Но они попались на глаза Луизе, и она завизжала от ужаса. Чтобы успокоить ее, пришлось сочинить какую-то басню о том, как они ко мне попали, но по глазам ее я видел, что ее подозрения еще не скоро улягутся. Зато плюмаж и ручку от гроба пришлось убрать немедленно.

Однажды Питер Геффельбауэр сделал мне увлекательнейшее предложение. Методично и разумно, как было ему свойственно, он показал мне свои книги и объяснил, что и клиентура его и доходы быстро растут. Он надумал пригласить компаньона, который внес бы в дело свой пай. Больше всего ему хочется, чтобы этим компаньоном был я. Когда я в тот вечер вышел на улицу, у Питера остался мой чек на тысячу долларов, что лежали у меня в банке, а я был совладельцем его похоронного бюро.

Я шел домой, и к бурной радости, бушевавшей у меня в груди, примешивались кой-какие сомнения. Меня страшил разговор с женой. И все же я летел как на крыльях. Поставить крест на юмористике, снова вкусить сладких плодов жизни, вместо того чтобы выжимать их ради нескольких капель хмельного сидра, долженствующего вызвать смех читателей, — какое это будет блаженство!

За ужином Луиза дала мне несколько писем, которые пришли, пока меня не было дома. Среди них оказалось тричетыре конверта с непринятыми рукописями. С тех пор как я стал бывать у Геффельбауэра, мои писания возвращались ко мне все чаще. В последнее время я строчил свои стишки и заметки с необыкновенной легкостью. Раньше я трудился над ними, как каменщик, — тяжело, с натугой.

Затем я распечатал письмо от редактора того еженедельника, с которым у меня был заключен контракт. Чеки, регулярно поступавшие из этого журнала, до сих пор составляли наш основной доход. Письмо гласило:

«Дорогой сэръ!

Как Вам известно, срок нашего годового контракта истекает в конце этого месяца. С сожалением должны Вам сообщить, что мы не собираемся продлить означенный контракт еще на год. Ваш юмор вполне удовлетворял нас по своему стилю и, видимо, отвечал запросам значительной части наших читателей. Однако в последние два месяца мы заметили, что качество его определенно снизилось.

Прежде Ваше остроумие отличали непосредственность, естественность и легкость. Теперь в нем чувствуется что-то вымученное, натянутое и неубедительное, оставляющее тягостное впечатление напряженного труда и усилий.

Разрешите еще раз выразить сожаление, что мы не считаем возможным в дальнейшем числить Вас среди наших сотрудников.

С совершенным почтением

Редактор».

Я дал письмо жене. Когда она кончила читать, лицо ее вытянулось и на глазах выступили слезы.

— Какая свинья! — воскликнула она негодуя.— Я уверена, что ты пишешь ничуть не хуже, чем раньше. Да к тому же вдвое быстрее.— И тут Луиза, очевидно, вспомнила про чеки, которые нам больше не будут присылать.— Джон! — простонала она.— Что же ты теперь будешь делать?

Вместо ответа я встал и прошелся полькой вокруг обеденного стола. Луиза, несомненно, решила, что я от огорчения лишился рассудка. А дети, мне кажется, только того и ждали — они пустились за мною следом, визжа от восторга и подражая моим пируэтам.

— Сегодня мы идем в театр! — заорал я.— А потом — все вместе кутим полночи в ресторане «Палас». Три-та-та-три-та-та!

После чего я объяснил свое буйное поведение, сообщив, что теперь я — совладелец процветающего похоронного бюро, а юмористика пусть провалится в тартарары — мне не жалко.

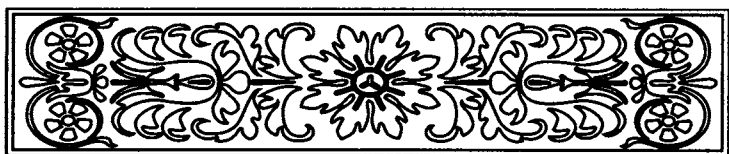
Поскольку Луиза держала в руке письмо редактора, она не нашлась, что возразить против моего решения, и ограничилась какими-то пустыми придирками, свидетельствующими о чисто женском неумении оценить такую пре-

лесть, как задняя комната в похоронном бюро Питера Геффа... прошу прощения, Геффельбауэра и К°.

В заключение скажу, что сейчас вы не найдете в нашем городе такого популярного, такого жизнерадостного и неистощимого на шутки человека, как я. Снова все повторяют и цитируют мои словечки; снова я черпаю бескорыстную радость в интимной болтовне жены, а Гай и Виола режутся у моих ног, расточая сокровища детского юмора и не страшась угрюмого мучителя, который, бывало, ходил за ними по пятам с блокнотом.

Предприятие наше процветает. Я веду книги и присматриваю за магазином, а Питер имеет дело с поставщиками и заказчиками. Он уверяет, что при моем веселом нраве я способен любые похороны превратить в ирландские поминки.

ИЗ НАЗАРЕТА

В Окочи, штат Джорджия, наблюдался «бум» и Д. Пинкни Блум вышел из него с неплохими деньжатами.

Окочи вышел из него с полумиллионным долгом, с двумя с половиной процентами налога на городскую недвижимость и с городским советом, члены которого проявляли удивительную склонность к посещению улиц на окраине города.

Все началось из-за фатальной схожести местной реки Кулузы с Гудзоном, эту особенность эксплуатировали и расширяли, как могли, туристы с Севера. Окочи считал, что нечего, мол, Нью-Йорку мнить, что он — единственный, так сказать, аллигатор на болоте. И тогда этот безобидный, но упрямый индивидуум, которых полным-полно на Юге, человек, всегда выступающий за строительство большого количества бумагоделательных фабрик, человек, всегда готовый купить акций на доллар, если только ему удастся оный у кого-нибудь занять, и вот этот человек своим губительным трудом разрушил невинные мечты туристов, и Окочи вновь погрузился в застой.

Река Кулуза вьется среди гряды небольших гор, течет через Окочи и плавно смешивает свои воды с другой рекой со сладкозвучным индейским названием — Чаттахучи.

Окочи со своего освещенного солнечным светом основания рос, подпрыгивая, словно на помочах, вверх, и вскорее на реке Кулуза, в миле от него, появилась гранитная дамба, длиной в двести сорок футов и высотой в шестьдесят. Образовалось озеро в горах, с искрящейся водной рябью, на высоте двадцати миль. Так в результате острого муниципального соперничества Окочи пытался затмить главного притягательного актера — Гудзон.

Было единодушно решено, что нигде деревянные заборы и палисадники не должны загораживать живописные и величественные места.

После разыгранного «джокера» все рассчитывали на туза коммерции. Электростанция мощностью четырнадцать тысяч лошадиных сил украсит дамбу. Бумагопрядильные фабрики, заводы станут расти, как грибы после дождя. Валы, маховики, турбины будут своим жужжанием воспевать громкую славу Окочи. На живописных высотах над озером поднимутся красивые дорогостоящие виллы и прекрасные летние дачи богачей.

Моторные лодки миллионеров будут снова по уединенным романтическим бухточкам. На зеленых холмах возникнут ярусы террас, зеленые лужайки, парки. Деньги будут течь, как вода между пальцами, да и сама вода будет превращаться в деньги.

Но, рассказывая о счастливой судьбе города, мы слишком забегаем вперед. Капитал отказал в инвестициях. Из всех обещанных грандиозных проектов оставался только окружающий ландшафт. Лесистые горные вершины, впечатляющие гранитные выступы, прекрасные зеленые берега реки и живописные овраги — только это и примиряло Окочи со скудным «развращающим» золотым потоком.

Местные закаты золотили задумчивую водную поверхность с ее уютными бухточками, и такая позолота не могла не очаровать любое сердце. Окочи, храня верность кровному инстинкту родного края, подпал под свое убаюкивающее очарование. Он сошел с большой арены, ослабил помочи и оказался на прежнем месте, где решил передохнуть, пожевать резинку. Он утешался язвительными замечаниями в адрес членов городского совета, которых не за что было бранить и которые, как отцы города, постоянно инспектировали улицы на задворках и, роняя капли пота, с тревогой следили, как за ним стремительно утекают фонды вместе с предполагаемыми барышами.

Молодежь Окочи, которой предстояло нести в розовом будущем тяжелую ношу долга, принимала провал с истинно молодой, беззаботной радостью. Ведь еще оставался спорт, водный и водно-технический, что было добавкой к скудному рациону жизненных удовольствий. В своих картузах яхтсменов, с развевающимися на груди галстуками, они заполнили все озеро до самых берегов. Девушки вышивали корсеты своих шелковых платьев голубыми и розовыми якорьками. Брюки молодых людей расклешивались книзу, юноши гордо демонстрировали набитые веслами мозоли

на ладонях рук. Рыбаки были словно заворожены глубоко прочувствованной, терпеливо ожидаемой всеми радостью. Парусники, лодки с гребцами бороздили ленивые воды, на небольшом деревянном пирсе возникали лавки, торгующие попкорном и мороженым. Построили два небольших экскурсионных пароходика, которые спустили на желанную воду. Философски настроенный Окочи отказался от надежды хлебать черепаховый суп золотой ложкой и без особого огорчения вернулся к повседневной диете из цветков лотоса и жареной кукурузы.

И вдруг из этой мертвой кучи больших ожиданий возник Д. Пинкни Блум со своими деньжатами и счастливой, свидетельствующей о его процветании улыбкой. Нужно ли говорить, что Д. Пинкни не был взращен на почве штата Джорджия? Он прибыл из цветущего, очень способного на многое региона, который известен под названием Север. Он называл себя «промоутером», а враги называли его «стяжателем» и жуликом. Он выбрал между этим нечто среднее и называл себя просто — «янки», что было и не лучше и не хуже.

Высоко в горах в восемнадцати милях от города, око этого неунывающего охотника за «бумом» сразу узрело выгоду. Он приобрел там обрывистый кусок земли, площадью пятьсот акров, по сорока пяти центов за акр, и на начерченном им плане все предстало в виде города Скайлэнд — «Земли Небесной», — королевского града Южной Швейцарии. На плане появились улицы и авеню, парки, которые будут разбиты, площадки в центральной части для «предполагаемого» возведения оперного театра, торговой палаты, лица, рынка, общественных школ и выставочного зала.

Бум в Окочи нарастал, составленные Д. Пинкни циркуляры, карты, проспекты порхали от одной почты к другой, долетая до всех частей страны. Инвесторы слали деньги по почте, а компания по недвижимости «Скайлэнд» Д. Пинкни Блума высылала обратно каждому вкладчику должным образом оформленный и зарегистрированный акт на владение лучшим участком по текущей на это время цене. А тем временем рысь рыскала по заповедному участку, приготовленному для возведения торговой палаты, опоссум вилял хвостиком, бегая по будущему выставочному залу, а сова ухала что-то напоминающее меланхоличный речитатив для аудитории маленьких белочек, которые собрались на

площади будущего оперного театра.

Позже, когда поток денег все нарастал, Д. Пинкни распорядился построить в будущем городе с дюжину дешевых домиков-коробок и убедил поселиться в них целый контингент индейцев, которому теперь предстояло играть роль местного населения в грядущих проспектах, становящихся, как и полагается, с каждым днем все соблазнительнее, красочнее, толще, приносящими большую прибыль.

Когда светлые мечты рассеялись и Окочи вернулся к своей верной приманке — два с половиной процента налога, Д. Пинкни Блум, испытывавший нелюбовь к чекам и тратам, а также холодным опросникам банкиров, снял со своей талии, объемом пятьдесят два дюйма, мягкий кожаный пояс, в который были заложены восемь тысяч долларов в сотенных купюрах, и, удовлетворенно вздохнув, сказал, что все это очень, очень хорошо.

Он совершил еще одну поездку в Скайлэнд перед тем, как перенестись на другие поля с растущим салатом. Его Скайлэнд теперь представлял собой такую картину: почтовое отделение, пароход «Прекрасный Юг», по контракту доставляющий мешок с почтовыми отправлениями, который бывал в основном пустым, дважды в неделю. Д. Пинкни Блуму предстояло еще кое-что уладить: заплатить почтмейстеру за его легкий в одиночестве труд, а городским «жителям» передать очередной месячный рацион жареной кукурузы, о чем прежде с ними было достигнуто соглашение. И с этой минуты Скайлэнд Д. Пинкни Блума больше не увидит. Владельцы расположенных на склоне бесплодных, бесполезных участков могли теперь приезжать сюда, чтобы полюбоваться картиной, созданной их капиталом и легковерием, а также чтобы передать свои участки самым подходящим владельцам — дикой свинье и молодому оленю.

Работа компании по недвижимости «Скайлэнд» завершилась. Маленький пароходик «Прекрасный Юг» уже был готов отчалить, чтобы отправиться в свой регулярный рейс, как вдруг на пирс с грохотом въехала извозчицья карета, из нее вылез высокий пожилой джентльмен, весь в черном, и энергично, но довольно куртуазно замахал пароходу, чтобы тот немного повременил, подождал.

Время абсолютно ничего не значило для расписания «Прекрасного Юга». Капитан Мак-Фарлэнд тут же отдал приказ, и на борт взошли еще два пассажира. На руку высо-

кого пожилого джентльмена, когда он поднимался по трапу, опиралась небольшого роста тоже довольно пожилая дама, седой локон кокетливо свисал над ее левым ухом.

Капитан Мак-Фарлэнд стоял у штурвала, поэтому Д. Пинкни Блуму, до этого единственному пассажиру на борту, стало ясно, что именно ему выпадает честь играть роль хозяина, принимающего на палубе новых гостей, которые, несомненно, собирались на экскурсию, чтобы обозреть окрестности. Он выступил вперед с детской, искренней улыбкой на свежем, розоватом лице. За этой напускной искренностью скрывалась его грубость и тонкий расчет с удивительной живостью и ловкой демонстрацией своих манер, которые так шли его призванию, он поспешил, выпятив далеко вперед свое круглое «накопление», навстречу супружеской чете — полковнику Пейтону Блейлоку и миссис Блейлок.

С грациозностью гофмейстера или сопровождающего брачующихся он, играя роль эскорта, проводил пассажиров на верхнюю палубу и подвел к борту, с которого перед глазами наблюдателей открывался живописный пейзаж во всей своей красе и величии. Там, устроившись на удобных парходных стульях, они приступили к первым, выбранным наобум, фразам, которым было суждено сплестись в разумный отрывок большой истории маленьких событий.

— Мы живем, сэр,— начал полковник Блейлок, снимая свою широкополую, изрядно помятую, черную фетровую шляпу,— в Холли-Спрингс, штат Джорджия. Я очень горжусь знакомством с вами, мистер Блум. Мы с миссис Блейлок только сегодня утром приехали в Оочи, сэр, по делам, это очень важный бизнес, связанный с недавним столь быстрым прогрессом в этой части нашего штата.

Полковник энергичным жестом руки пригладил свои длинные гладкие седые локоны. Его черные горящие глаза под тяжелыми черными бровями, казалось, совсем не вязались с обликом бизнесмена. Он смахивал, скорее, на явившегося сюда из королевства Карла придворного, которого переодели в современный костюм из дорогой, правда потертой на швах, ткани.

— Да, сэр,— сказал мистер Блум самым сердечным тоном, предназначенным для демонстрации его рекламных проспектов в устном исполнении.— Здесь, вокруг Оочи, деловая активность просто бурлит. Здесь наблюдается величайшее индустриальное возрождение и глубокое осозна-

ние своих богатых природных ресурсов, чего давненько не было в Джорджии. Не удалось ли вам, полковник, ухватиться хотя бы за одну из множества здешних просто золотых возможностей?

— Ну, что вам сказать, сэр,— начал полковник, вежливо выражая свое сомнение,— если я правильно понял ваш вопрос, то могу вам сказать, что я воспользовался такой возможностью и сделал инвестицию, которая, как я считаю, будет весьма для меня выгодной. Да, сэр, и в денежном отношении, и в отношении приятного занятия.

— Полковник Блейлок,— вмешалась в разговор низенькая пожилая дама, потряхивая своими седенькими жиденькими кудряшками и улыбаясь Д. Пинкни Блуму, которому она хотела сама все объяснить,— так предан бизнесу. У него такой большой талант к финансам, рынкам и инвестициям, ну и ко всему такому прочему. Я думаю, мне ужасно повезло, что удалось сагитировать его стать моим спутником в этом путешествии всей нашей жизни, я всегда стремилась к таким потрясающим и при этом весьма полезным областям знаний.

Полковник Блейлок встал и отвесил учтивый поклон. Для большего впечатления от поклона не хватало только шелковых облегающих чулок, гофрированных манжеток и бархатного камзола.

— Практические дела,— сказал он, махнув рукой в сторону «промоутера»,— это, если мне позволят такое сравнение, садовые дорожки, по которым мы идем на протяжении всей жизни, глядя по сторонам на цветы, оживляющие наше передвижение. И мне доставляет большое удовольствие проложить одну или две такие дорожки. А миссис Блейлок, сэр, одна из тех женщин высочайшего духа, чья миссия — это выращивание благоухающих цветов. Может, мистер Блум, вы слышали строчки Лореллы, поэтессы Южных штатов. Под таким псевдонимом миссис Блейлок вносила свой вклад в прессу Юга на протяжении многих лет.

— К своему большому несчастью,— сказал мистер Блум с печальным видом понесенной безвозвратной утраты на своем открытом лице,— я, как и полковник, сам состою в этом бизнесе, связанном с садовыми дорожками, и у меня не было времени, чтобы нюхать цветы по их сторонам. Поэзия — это такая область, с которой я никогда не имел дела. Но, должно быть, это тоже приятно, весьма приятно.

— Ах, это такая возвышенная область, — улыбнулась миссис Блейлок, — в которой обитает моя душа. Где моя шаль, мистер Пейтон, — с этих зеленых холмов задувает легкий ветерок.

Полковник вытащил из кармана сюртука небольшую накидку из кружевного шелка и заботливо укрыл ею плечи своей дамы. Миссис Блейлок вздохнула, весьма довольная, и направила свои выразительные, все еще такие ясные и по-детски невинные глаза на обрывистые холмы, которые медленно проплывали перед ними. Они были такими красивыми, такими величественными этим ясным утром, напоенным прозрачным воздухом. Казалось, они отвечали в полной мере пылливому духу Лореллы.

— Ах, мои родные горы! — словно во сне, шептала она. — Вы только посмотрите, как «зелень пьет солнечный свет из впадин и долин!».

— Знаете, свои девичьи годы миссис Блейлок провела среди гор Северной Джорджии, — сказал полковник, трактуя ее настроение Д. Пинкни Блуму. — Горный воздух, горные пейзажи уносят ее воспоминаниями к тем далеким дням. Холли-Спрингс, где мы прожили двадцать лет, — это равнина, ровная как стол. Мне кажется, что от долгого проживания там у нее испортилось здоровье, надломился высокий дух. Вот одна из главных причин устроенной нами перемены мест. Дорогая, не могла бы ты вспомнить те строчки, которые ты когда-то написала, стихотворение, кажется, называется «Горы Джорджии». Эта поэма была усердно размножена всей южной прессой и высоко оценена критиками Атланты.

Миссис Блейлок, бросив на полковника взгляд невыразимой нежности, несколько секунд повертела пальчиками серебряный локон, упавший ей на грудь, и вновь устремила свой взор на горы. Без всякого предисловия, подготовки или аффектации она начала читать свои строки восторженным, глубоко прочувствованным тоном:

*Ах, горы Джорджии, горы Джорджии,
Для чего заставляете сердце скорбеть?
Пусть лучшие скорбят низины гордые,
Медоносны они и цветущи ведь!*

*А когда река замирает там,
Задумавшись о своих ручейках,
Размышляя о своих берегах-рукавах,
Я мысленно улетаю к милой Джорджии горам!*

*И через густую ночи мглу,
Лечу я на крыльях сна,
Туда, где склоны лицезреть смогу
И буду странствовать одна.*

*С вершин их небо ближе мне,
Не слышен земной ор,
Слагаю я в мечтах сонет
О прелести Джорджии гор.*

*А травка в горных их садах —
Прекрасная лежанка для меня,
И песня птички на ее крылах
Летит ко мне быстрее коня!*

*И вот когда придет старуха с острою косою,
Я не скажу ни ох, ни ах!
И от печального конца не взвою,
Лишь руку протяну ей на Джорджии горах!*

— Великая поэзия, мэм, — восторженно произнес Д. Пинкни Блум, когда поэтесса закончила чтение своих стихов. Приходится лишь сожалеть, что я не занимался в нужной мере поэзией. Я ведь сам вырос среди гор, в сосновых лесах.

— Горы всегда зовут своих возвращенных детей, — прошептала миссис Блейлок. — Я предчувствую, что жизнь вновь обретет свой розоватый оттенок надежды среди этих прекрасных гор. Пейтон, не будете столь любезны, не дадите ли мне глоточек смородинового винца? Путешествие, хотя оно и такое приятное, все же немного меня утомляет.

Полковник Блейлок вновь запустил руку в недра своего обширного сюртука и извлек оттуда черную шершавую бутылку с плотно подогнанной пробкой.

Мистер Блум тут же вскочил на ноги.

— Сейчас принесу стаканчик, мадам. Пойдемте со мной, полковник, принесем сюда маленький столик. Может, поскребем и обнаружим кое-какие фрукты на борту, чашку чая. Сейчас спрошу у Мака.

Миссис Блейлок, откинувшись на спинку стула, отдыхала. Вряд ли многие королевские придворные дамы умели держать себя с такой возвышенной грацией, как эта женщина, любимица Южных штатов. Полковник, с галантностью и усердием, достойными его ухажерства, и Д. Пинкни Блум,

с его бойкостью, наполовину профессиональной, наполовину подсказываемой его давно забытыми, безымянными, но возрождающимися чувствами, оба, каждый на свой лад, оказывали внимание единственной даме. Бутылка со смолодиным вином домашнего приготовления из Холли-Спрингс пошла по кругу, а Д. Пинкни становилось все больше известно о жизни пары в Холли-Спрингс.

Ему становилось ясно из бесед с четой Блейлок, что Спрингс пребывает в упадке. Треть населения уехала. Бизнес, а полковник был авторитетом в этой области, зачах. После внимательного изучения всех возможностей для приложения капитала он продал свою небольшую собственность за восемьсот долларов и вложил их в одно из предприятий, открывшихся здесь, в Окочи, о чем вычитал в проспекте.

— Могу ли я осведомиться, сэр,— спросил мистер Блум,— в какую именно область бизнеса вы вложили свои монеты? Я слишком хорошо знаю этот город, так же хорошо, как и методы незаконного использования почтовых отправлений. Могу дать вам дельный совет, стоит ли игра свеч.

Д. Пинкни почувствовал какие-то добрые чувства к этим простодушным представителям ушедшей старины. Они были такие простые, непрактичные, не подозревающие никакого подвоха люди. Как он был рад, что у него не было кирпичика, выглядящего как настоящий золотой слиток, или «куклы» акций Западной серебряной копи бывалого малого. Ему не хотелось обманывать этих людей, которые ему так понравились. Но все же соблазн был слишком велик, чтобы ему долго противиться.

— Нет, сэр,— сказал полковник Блейлок, опираясь на плечах своей дамы королевскую накидку.— Я не вкладывал деньги в Окочи. Прежде я как следует изучил все условия ведения бизнеса и, должен признаться, что всегда считал старые, устоявшиеся города невыгодной сферой приложения капитала, тем более, если он у вас довольно ограничен. Несколько месяцев назад, благодаря одному моему доброму другу, ко мне в руки попала карта с подробным описанием этого нового города Скайлэнд, который возник на озере. Все было так здорово описано, будущее города вырисовывалось в таких убедительных аргументах, а его неуклонное процветание преподносилось в таком привлекательном стиле, что я решил воспользоваться такой возможностью. Я тщательно подобрал для себя один участок в деловой час-

ти города, несмотря на его самую высокую цену в каталоге — пять сотен долларов, и тут же оформил покупку.

— То есть вы тот самый человек, я хочу сказать, что вы заплатили пятьсот баксов за участок земли в Скайлэнде, так? — спросил Д. Пинкни Блум.

— Да, я приобрел его, — ответил полковник с видом скромника-миллионера, объясняющего непосвященным свой успех. — Он превосходно расположен, рядом с оперным театром и лишь в двух кварталах от торговой палаты. Отличное приобретение, считаю, что мне сильно повезло. Я тут же решил построить на участке небольшое здание и открыть в нем скромный книжный магазин с канцелярскими принадлежностями.

В последние годы мне пришлось столкнуться с несколькими финансовыми потерями, и теперь я понял, что нужно заняться какой-то коммерцией, чтобы заработать себе на жизнь. Торговля книгами и канцелярскими принадлежностями, хотя и кажется весьма скромным бизнесом, вовсе не такое неприбыльное и безнадежное дело, как многие полагают. Я закончил Виргинский университет, а миссис Блейлок обладает такими широкими поистине чудесными знаниями беллетристики и поэзии, что, на мой взгляд, обеспечит успех нашего предприятия в будущем. Само собой разумеется, миссис Блейлок не будет сама стоять за прилавком. У меня еще осталось долларов триста, и я, надеюсь, смогу на них построить домик, для чего можно заложить участок. В Атланте у меня есть друг, он является партнером владельца большого книжного магазина, он согласился поставить мне необходимые товары в кредит на весьма выгодных условиях. Мне остается лишь выражать надежду на то, что здоровье миссис Блейлок значительно улучшится в результате смены обстановки и она будет весьма счастлива. Я надеюсь, что ей скоро будут дарить розы, эти символы надежды и отчаяния рыцарей штата Джорджия.

Снова, сделав свой низкий галантный поклон, он легко прикоснулся губами к бледной щеке поэтессы. Миссис Блейлок, вспыхнув, словно маленькая девочка, потрясла своими кудряшками и, бросив на него укоряющий взгляд, жеманно похлопала его по плечу. «Секрет вечной юности — где ты?» — казалось, витал в воздухе вопрос. И мгновенно прозвучал ответ: «Да здесь же я, здесь, здесь!» Прислушайся к биению собственного сердца, о ты, искатель внешних чудес!..»

— Проведенные в Холли-Спрингс годы были такими долгими, долгими, долгими,— сказала миссис Блейлок.— Но теперь нам открылась Земля Обетованная. Скайлэнд — что за чудесное название!

— Я не сомневаюсь,— сказал полковник,— что мы найдем удобное пристанище в каком-нибудь отеле за разумную цену. Наш багаж остался в Окочи, его нам доставят туда после того, как мы все окончательно уладим.

Д. Пинкни Блум, извинившись, подошел к капитану, стоявшему за штурвалом.

— Мак,— сказал он,— ты помнишь, я тебе однажды говорил о земельных участках в Скайлэнде за пятьсот долларов за штуку?

— Кажется, помню,— широко улыбнулся Мак-Фарлэнд.

— Я вообще-то не хвастун,— продолжал «промоутер»,— но я всегда говорил, что если найдется какой-то простак, который купит этот участок, то я буду бегать от счастья как ошпаренный. Ты видишь вон того старого сосунка с усами? Ну, так этот парень выиграл конкурс простаков. Это был единственный участок, проданный за пятьсот долларов. Остальные уходили от десяти до двухсот баксов. Его жена пишет стихи. Один из стихов о высоких горах Джорджии, ты знаешь, это там, дальше в этом штате. Они едут в Скайлэнд, где собираются открыть книжный магазин.

— Ну что же, неплохо для вас, Джи Пи. Можете прогуляться с ними по городу, пока они не привыкнут,— сказал капитан, еще раз широко улыбнувшись.

— У него еще в кармане триста баксов, и он намеревается на них построить магазин и домик в придачу,— продолжал Д. Пинкни, словно разговаривая с самим собой.— И он думает, что там есть оперный театр.

Капитан Мак-Фарлэнд выпустил из рук штурвал на время, чтобы успеть хлопнуть себя по ляжкам.

— Ну ты и даешь, старый толстый жулик! — фыркнул капитан, мошеннически подмигнув ему.

— Мак, не будь дураком! — спокойно сказал Д. Пинки Блум.

Он вернулся к чете Блейлок. Теперь он, сидя рядом с ними, не был таким разговорчивым, как прежде, и между бровей у него пролегла прямая бороздка, что всегда свидетельствовало о том, что он замышляет что-то недоброе.

— Когда где-то наблюдается бум,— начал снова он,— то, как правило, появляется множество мошенников. А что, ес-

ли и этот Скайлэнд — тоже обман? Вдруг бизнес там идет вяло, а книги не продаются?

— Сэр, дорогой мой,— сказал полковник Блейлок, положив руку на спинку стула жены,— трижды я оставался без цента в кармане из-за двуличия людей, но тем не менее не утратил своей веры в человечество. Если я снова обманут, то все равно мы что-то получим: если не ощутимую прибыль, то хотя бы улучшим свое здоровье и будем всем довольны. Я, конечно, знаю, что в мире существуют бесчестные злоумышленники, которые готовят свои ловушки для несведущих сограждан, но и они, по сути дела, не столь уж дурны. Дорогая, не вспомнишь ли ты стихи под заголовком «Он воздаст куда больше», которые ты написала для хора нашей церкви в Холли-Спрингс?

— Ну, это было четыре года назад,— сказала миссис Блейлок,— может, вспомню пару строк..

*Из сора лилия возникнет летом,
Жемчуг из глубин украсит лоб,
Добро нам явится из Назарета,
Когда того лишь пожелает Бог.*

*К озлобленному сердцу благодать
Придет, чтоб освятить его,
Так сам смотри, кому что дать,
И не жалея, спасая, ничего.*

— Остальное — не помню. Эти строчки ни на что не претендуют. Они были написаны мной на музыку одного моего дорогого друга.

— Все равно, стихи великолепные,— безапелляционно заявил мистер Блум.— Чувствуется, словно звонит колокол. И, кажется, я постигаю их смысл. Даже самый отвратительный, гнусный обман иногда может обернуться чем-то хорошим.

Мистер Блум, задумавшись над чем-то, подошел к капитану и, стоя перед ним, о чем-то размышлял.

— Вскоре должны показаться шпили и золоченые купола Скайлэнда, через несколько минут,— сказал с подначкой Мак-Фарлэнд, получая, видимо, от этого большое удовольствие.

— Пошел ты к черту! — выпалил мистер Блум, оставаясь по-прежнему задумчивым.

Вдруг на левом берегу они увидели высоко в горах белую деревеньку, укрывшуюся между зеленых деревьев. Это был Колд-бранч — совсем не город, возникший в результате «бу-ма», а поселение, которое расширилось и росло долгие годы. Колд-бранч находился как раз на границе земель, засеянных кукурузой и утыканных шпалерами виноградников. Широкая сельская дорога вилась за ним между гор. Колд-бранч ничего не имел общего с Окочи, с его навязчивым озером и не разделял его амбиций.

— Мак,— вдруг сказал капитану Д. Пинкни.— Я хочу сойти в Колд-бранч.— Там есть пристань, ее построили для использования во время паводка.

— Нет, ничего не выйдет,— ответил капитан, улыбаясь еще шире.— На борту — почта Соединенных Штатов. Сегодня мой пароход обслуживает правительство. Уж не хотите ли вы, чтобы старый капитан получил головомойку от дяди Сэма? Ну а как быть со Скайлэндом, который ждет — не дожидется почты? Нет, мне просто стыдно за ваше такое экстравагантное требование, Джи Пи!

— Мак,— в отчаянии прошептал Д. Пинкни, и в его голосе послышалась угроза.— Я тут недавно заглянул в машинное отделение твоего «Прекрасного Юга». Разве тебе никто не сказал, что тебе давно пора обзавестись новым паровым котлом? Ты думаешь, если замазал цементом и черным японским лаком трещины, то я их не замечу? А акции на строительство и заем, которые ты обменял на запчасти,— они, конечно, твои, но все равно мне бы не хотелось говорить об этом, но...

— Ладно, что там, Джи Пи,— пошел на попятный капитан.— Я ведь только пошутил. Высажу я вас в Колд-бранче, если вы этого хотите.

— И остальные пассажиры сойдут там вместе со мной,— сказал мистер Блум.

Их беседа еще чуть продолжилась, а через минут десять нос «Прекрасного Юга» был повернут по направлению к небольшому деревянному шаткому пирсу. Капитан, передав штурвал матросу, подошел к пассажирам и сделал такое удивительное объявление:

— Скайлэнд, все выходим!

Чета Блейлоков вместе с Д. Пинкни Блумом спустилась с парохода, а «Прекрасный Юг» продолжил свое плавание по озеру. В сопровождении неутомимого «промоутера» гости

медленно стали взбираться вверх по крутому склону. Время от времени они останавливались, чтобы перевести дух и полюбоваться прекрасным видом.

В конце концов они вошли в Колд-бранч. Полковник с женой тепло отзывались о городке, хвалили за домашнюю, уютную красоту. Мистер Блум привел их к двухэтажному строению на тенистой стороне улицы, на котором красовалась надпись «Гостиница «Сосновая вершина»». Там он с ними попрощался, с достоинством принимая благодарность от обоих за проявленную заботу. Полковник сказал, что остаток дня они посвятят отдыху, а свое приобретение осмотрят завтра утром.

Д. Пинкни Блум шел по главной улице Колд-бранча. Он не знал этого городка, но зато он знал множество других, и ноги его не подвели. Вскоре он увидел перед собой над дверью вывеску «Фрэнк Кулли, адвокат и публичный нотариус». Мистер Кулли был еще молодым человеком и скучал по бизнесу.

— Ну-ка, напяль свою шляпу, сынок,— сказал ему мистер Блум в своей раскованной, легкой манере,— и возьми нужные бланки, пойдешь со мной. Есть для тебя работенка.

Когда мистер Кулли все с необычайной живостью исполнил, он спросил у него:

— Ну а теперь скажи, есть ли в городе книжный магазин?

— Есть один,— ответил адвокат.— Принадлежит Генри Уильямсу.

— Ну, пошли к нему,— сказал мистер Блум.— Мы с тобой сейчас оформим покупку.

Генри Уильямс стоял за прилавком. Это был маленький магазинчик, в котором все смешалось: книги, канцелярские принадлежности и прочая всякая всячина. Рядом стоял домик Генри — приятный уютный коттеджик, окруженный виноградником.

Генри был худощавым человеком, медлительным и сонным, и не любил спешки в делах.

— Я хочу купить ваш дом вместе с магазином,— ошарашил его мистер Блум.— У меня нет времени рассусоливать, назовите вашу цену.

— Все вместе стоит восемьсот долларов,— ответил Генри, настолько ошеломленный, что назвал настоящую цену; ничего не прибавив.

— Закройте двери,— приказал мистер Блум адвокату. Сняв сюртук и жилет, он стал расстегивать рубашку.

— Вам угодно из-за цены подражаться, не так ли? — с тревогой осведомился Генри Уильямс, подпрыгивая на месте и дважды угрожающе стукнув каблуками. — Давай, приятель, давай нападай, выделывай коленца!

— Можешь не раздеваться, — бросил ему мистер Блум. — Я собираюсь пойти в банк.

Из своего пояса он вытащил ровно восемь стодолларовых купюр и выложил их на прилавке перед владельцем.

Мистер Кулли тут же сообразил, что обещанная сделка состоится, и потянулся через прилавок за чернильницей.

Никогда еще в Колд-бранче не осуществлялась такая быстрая сделка.

— Ваше имя, пожалуйста? — спросил адвокат.

— Пиши — Пейтон Блейлок, — сказал мистер Блум. — Черт знает, как правильно его писать!..

Всего через полчаса Генри Уильямс был вытеснен из своего бизнеса, а мистер Блум с мистером Кулли стояли вдвоем на кирпичном тротуаре, а в руках адвокат держал подписанную и заверенную бумагу.

— Вы их найдете в гостинице «Сосновая вершина», — сказал Пинкни Блум. — Зарегистрируй все как положено и отнеси бумаги им. Они начнут задавать кучу вопросов, вот тебе десятка за причиненное беспокойство, чтобы ты им не отвечал и держал язык за зубами. Ты, молодой человек, никогда не увлекался поэзией?

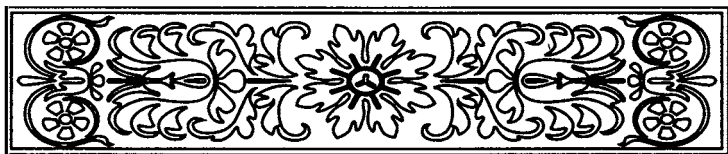
— Ну, — ответил на самом деле талантливый Кулли, который все еще был в здравом уме, — время от времени.

— Нужно заняться, — сказал мистер Блум. — Поэзия тебе пригодится. Ты, случайно, не слышал поэму, в которой есть такие строчки:

*Из сораилия возникнет летам,
Жемчуг из глубин украсит лоб,
Добро нам явится из Назарета,
Когда того лишь пожелает Бог.*

— Кажется, нет, — сказал мистер Кулли.

— Это — гимн, — объяснил мистер Д. Пинкни Блум. — Ну а теперь, сынок, покажи мне, где находится здесь платная конюшня. Я намерен вернуться по грязной дороге в Окочи.

РАССКАЗ РЕЗИНОВОГО ДЕРЕВА

Мы, резиновые деревья, образуем нечто вроде связующего звена между растительным царством и складом декораций в театре «Уолдорф-Астория-театр» на Третьей авеню в Нью-Йорке.

Мне не приходилось еще рассматривать наше родословное дерево, но я глубоко убежден, что мы появились на свет Божий от прививки старой резиновой галоши к стеблю спаржи, которая подается за тридцатицентовым табльдотом. Вы берете отвратительного белого бульдога с надутой, надменной физиономией, присоединяете к нему одно резиновое дерево, которое очень часто именуется кактусом, и создаете флору и фауну мелкобуржуазной квартиры. Трилистник относится точно так же к Ирландии, как резиновое дерево относится к обитателям меблированных комнат: пропорция одна и та же. Мы так часто и быстро меняем местожительство и переезжаем с места на место, что уловить наши движения можно только в кинетоскоп, никак иначе...

Мое первое воспоминание относится к следующим двум фактам: на мне три листа, и я являюсь собственностью дрессировщика танцующих лошадей. Меня держат на подоконнике, выходящем на солнечную сторону, и, главным образом, поливают сельтерской водой и лимонадом. Этот период связан для меня со многими приятными и веселыми воспоминаниями. Я пользуюсь неограниченной свободой и только тем и занимаюсь, что слежу за нескончаемой вереницей автомобилей и отмечаю их номера у задних колес.

Не знаю, что случилось с цирком, где работал мой властелин, но факт тот, что ангел-хранитель конного балета растерял все перья из своих крыльев и вся труппа исчезла неведомо куда. Лошадки ускакали, а я остался бесхозным на том же самом окне, где провел все мое детство. Швейцар, не

зная, куда меня деть, подарил меня другому артисту, проживавшему на восьмом этаже, и за ближайшие шесть недель я переменял пять окон в пяти различных квартирах. За это время я приобрел большой жизненный опыт и выпустил еще два листа.

Мисс Каруссерс, замечательная артистка, которая славилась тем, что необыкновенно искусно скрещивала обе ноги на затылке, пресытившись моим пребыванием, подарила меня одной своей приятельнице, которая очень неудачно вышла замуж за какого-то приказчика. Немедленно после того я занял свою позицию на окне мебелированной комнаты (деньги за два месяца вперед, водопровод двумя этажами ниже, дополнительная плата за газ позже десяти часов вечера!). Два моих листа зачахли от горя, и я вскоре потерял их. Я недолго удержался на этом месте и в самый короткий срок переменял так много окон и комнат, что в конце концов прокурился насквозь и даже полюбил запах трубачного и всякого другого табака.

За всю мою многострадальную жизнь я не запомню такого скучного периода, как тот, который я провел у этой претенциозной и банальной леди. Внешний пейзаж был до того неинтересен, что я никогда не смотрел на него, а что касается домашней жизни, то должен сказать, что моя хозяйка страшно и страстно любила своего мужа и, кроме него, флиртowała только с еще одним мужчиной — с молодым парнем, который доставлял нам лед. Она почти не отходила от подоконника и никогда и ничем не нарушала вопиющей монотонности нашей жизни.

Съехав наконец с квартиры, она бросила меня вместе со всем остальным своим добром в какой-то жалкой лавчонке. Я был выставлен наружу для продажи, причем за меня и за некоторые другие редкостные вещи была назначена поистине жалкая цена: один доллар пятьдесят девять центов. Для того чтобы вы могли судить о компании, в которую я попал, я назову только: Полное собрание сочинений известного национального писателя Генри Джеймса, пару ботинок для тенниса, две бутылки из-под перцовки, дверцы от поломанной чугунной печки и бильярдный кий.

Однажды вечером некая молодая девушка прошла мимо нашей лавочки и при виде меня круто остановилась. У нее были черные волосы, темные глаза, грустная складка у губ и печальное выражение лица.

— Как странно! — тихо и удивленно произнесла она. — Вот никогда не думала, что найду здесь такое растение.

Она вынула из кармана маленький кошелек, который был такой же плоский, как любой из моих листьев, и нащупала несколько мелких серебряных монет. Старый Кен, выжига и знаток своего дела, стоял уже на пороге и выразительно потирал руки. Девушка попыталась отделаться от Полного собрания сочинений Генри Джеймса и других редкостных вещей.

«Только резиновое дерево или ничего!» — вот как звучал лейтмотив ее песни. В конце концов продавец и покупатель пришли к соглашению, и я был продан за тридцать девять центов наличными деньгами; девушка схватила меня на руки и поспешно удалилась.

Это было очень милое создание, но совершенно не в моем стиле: уж слишком спокойно и корректно она выглядела! Я сказал себе: «Вот заранее предвижу, что она живет в мансардном помещении поверх патентованного огнетушителя для всего дома. Придется мне, несчастному, ближайшие шесть месяцев любоваться грязным бельем, вывешиваемым всеми жильцами!»

Но каково же было мое удивление, когда она внесла меня в маленькую, но уютную комнатку, которая находилась только в третьем этаже и на очень приличной улице. Само собой разумеется, что она немедленно поставила меня на подоконник, после чего занялась работой по дому и стряпаньем обеда. И что, по-вашему, она приготовила себе на обед? Представьте себе: хлеб, чай и немножечко мармеладу! Ничего больше! Ни кусочка омара и ни единой бутылки шампанского! Закончив обед, моя новая госпожа подошла к окну, вплотную прильнула к моим листьям и некоторое время что-то тихо-тихо шептала. Меня это страшно развеселило, потому что никогда до сих пор мне не приходилось слышать, чтобы кто-нибудь беседовал подобным образом с резиновым деревом. Конечно, я довольно часто видел людей, которые поливали меня своими слезами, но эта девушка разговаривала со мной как бы для собственного удовольствия, очень любовно перебирала каждый мой лист в отдельности и так нежно целовала их, что я почувствовал себя страшно неловко, чего никогда со мной не бывало. Обычно меня жевали пудели или бульдоги, и листья мои в большинстве

случаев бывали увешаны мокрым, только что выстиранным бельем. Что же касается поливки, то, за исключением лимонада и сельтерской воды, о которых я уже докладывал читателю, меня еще удобряли кофейной гущей и перекисью водорода.

В комнате стояло пианино, на котором девушка работала обеими руками и в то время как из горла ее вырывались какие-то странные звуки. Я не уверен в этом, но мне кажется, что она была певица.

По истечении некоторого времени мы с ней сошлись и стали относиться друг к другу с большой симпатией. Однажды я обратил внимание на то, что она очень взволнована и все время смотрит на часы. Часов в одиннадцать кто-то постучал в дверь, и она ввела к нам высокого, крепкого мужчину с растрепанной черной шевелюрой. Он сразу уселся за пианино и заиграл, а она начала петь. Кончив пение, она положила руку на грудь и с волнением посмотрела на гостя. Он покачал головой, а она прислонилась к инструменту.

— Я занимаюсь уже два года, — тихо произнесла она. — Как вы думаете: надо еще столько же или еще больше?

Мужчина снова покачал головой.

— Вы напрасно тратите время! — ответил он, по-моему, очень сурово. — Вы не можете похвастать хорошим голосом... — Тут он как-то странно посмотрел на нее. — Но дело вовсе не в голосе! — добавил он. — Вы — очень красивая девушка, и я могу устроить вас, как обещал, если только...

Молодая девушка, ничего не говоря, указала ему на дверь, и черный человек вышел из комнаты. А она подошла ко мне, склонилась совсем низко над моими ни в чем неповинными листьями и снова начала что-то шептать и плакать. Тут я поблагодарил судьбу за то, что она создала меня таким непромокаемым.

Не знаю, сколько времени прошло в таком положении, как вдруг снова раздался стук в дверь.

— Славу богу! — сказал я себе. — Быть может, теперь откроется какой-нибудь другой водосточный канал, потому что я устал.

И, сказать вам правду, я действительно немного устал от этой прелестной молодой девушки. Резиновое дерево уж так создано, что любит само веселиться и наблюдать, как веселятся другие.

Как только девушка открыла дверь, в комнату вошел молодой человек в дорожном костюме; не долго думая, он схватил мою хозяйку в свои объятия, и она запела гораздо лучше, чем пела до сих пор:

— О Дик! Ты?!

«Вот это дело! — подумал я про себя. — Я предпочитаю такие песни слезам и стенаниям! Теперь, пожалуй, станет в доме гораздо веселее!»

— Ты должна вернуться вместе со мной домой! — решительно заявил молодой человек. — Для того чтобы увидеть тебя, я проделал две тысячи миль! Ты не устала, Бесс, за это время? Ведь тебе так долго пришлось ждать! Нашла ли ты наконец то, что искала? Поняла ли, дурочка, в чем истинное счастье?

— Нарыв прорвало только сегодня, — ответила девушка. — Подойди сюда, Дик, и посмотри, какую прелесть я нашла на днях на тротуаре!

Она взяла его за руку и подвела его к вашему покорнейшему слуге:

— Я купила это на последние деньги, но ты понимаешь, что я должна была почувствовать, когда увидела это растение!

Он поглядел на меня, но у него хватило сил оторваться взглядом от Бесси не больше, чем на одну секунду.

— Помнишь, Бесс, тот вечер, — начал он, — помнишь тот вечер, когда мы вместе с тобой стояли на берегу под таким же старым деревом? Помнишь ли, дорогая, что ты тогда сказала мне?

«Что за чепуха, — снова подумал я. — Они оба стояли под резиновым деревом? Чудится мне, что у них в голове не совсем благополучно. Разве же можно говорить такие вещи?»

Она долго смотрела на него и наконец тесно прильнула к его пиджаку. И сказала:

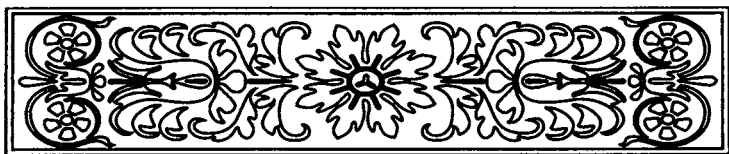
— Я одно время забыла про это, но теперь снова вспомнила и буду уже помнить мои слова до конца жизни. Посмотри, Дик, на эти листья! Ты видишь, какие они мокрые? Они насквозь пропитаны моими слезами, и слезы эти лились только потому, что я неустанно думала о тебе! Теперь ты понимаешь, что происходило со мной?

— Дорогие старые магнолии! — воскликнул юноша и щипнул один из моих листьев. — Как я люблю теперь все магнолии на свете!

Магнолии?! Что хотят сказать эти глупые дети? Уж не думают ли они, что я — магнолия? Но что общего может иметь эта благородная красавица с маленьким, жалким, нью-йоркским резиновым деревом?

Впрочем, пусть я называюсь как угодно, только бы девушка не удобряла меня своими слезами! Надеюсь, что отныне оно так и будет!

ПО КРУГУ

— Ну, как рубашка, Сэм? В порядке? — спросила миссис Уэбер, не вставая с качалки, в которой с удобством расположилась под виргинским дубом, прихватив с собою, чтобы не скучать, дешевую книжечку в бумажной обложке.

— Еще бы, Марта,— подозрительно кротким голосом отозвался Сэм.— Красота, до чего все подогнано одно к одному. Я сперва было наладился пошуметь, поскандалить, что, мол, пуговиц нет ни одной, а потом вижу — петли тоже все до единой разодраны, значит, расстраиваться из-за пуговиц нет смысла.

— Ничего,— сказала его супруга.— Повяжешь галстук, будет держать не хуже пуговиц.

Овцеводческая ферма Сэма Уэбера находилась в самом глухом и безлюдном углу, какой только есть на всем междуречье от Нуэсес до Фрио. Фермерский дом — коробочка о двух комнатах — стоял на пологом пригорке, густо поросшем высокими кустами чапаррала. Перед домом была небольшая прогалина, на которой разместились овчарни, навес для стрижки овец и сарай для хранения шерсти. За домом почти сразу начиналась колючая непролазная чащоба.

Сэм снаряжался в дорогу на ферму Чапмена, где задумал подкупить себе несколько породистых баранов-мериносов. Наконец сборы были закончены. Поездка предстояла деловая и достаточно важная, а ферма Чапмена как по размерам, так и по числу жителей могла потягаться с иным захолустным городком, и Сэм решил, что по такому случаю нелишне будет принарядиться. В итоге живописный, не лишенный своеобразного изящества первопоселенец преобразился в нечто куда менее ласкающее глаз. Тесный белый воротничок неловко врезался в крепкую, медную от загара шею. Под незастегнутым жилетом крутыми волнами дыбилась незастегивающаяся рубаха. Мешковатый костюм из «готовых» надежно скрывал красивые очертания ладной и

статной фигуры. На орехово-смуглом лице застыла скорбная важность, одинаково подходящая любому узнику, будь он закован в кандалы или в парадную одежду. Он мимоходом взъерошил волосы своему трехлетнему сынишке Рэнди и поспешил во двор, где его дожидался любимый верховой жеребец по кличке Мехико.

Марта, мерно покачиваясь взад-вперед, придержала пальцем слово, на котором остановилась, повернула голову и с лукавой усмешкой оглядела плоды разрушений, которые Сэм произвел в своей внешности, пока пытался привести себя, что называется, в приличный вид.

— Знаешь, Сэм,— протянула она,— уж не сердись на меня, но ты сейчас — вылитый пентюх, каких в газетах рисуют для смеха. И не подумай, что свободный и независимый овцевод штата Техас.

Сэм неуклюже взгромоздился в седло.

— Постыдилась бы говорить такие слова,— отозвался он с горькой обидой.— Уткнется носом в окаянную книжонку и сидит по целым дням, читает всякую дребедень, нет чтобы мужу починить рубашку.

— Ах, да замолчи и езжай себе,— сказала миссис Уэбер, резче налегая локтями на ручки качалки.— Вечно ты ворчишь из-за моих книжек. Сколько хочу, столько и читаю — я, слава богу, и работаю не покладая рук. Живешь в этой глухомани, как крот в норе, ничего не видишь, не слышишь, так чем же еще себя развлечь? Неужели лучше слушать, как ты ноешь да сетуешь с утра до ночи? Нет уж, Сэм, поезжай, сделай милость, и оставь меня в покое.

Сэм стиснул коленями бока лошади и припустил по просеке, ведущей от фермы на большую дорогу, старый почтовый тракт. Было восемь утра, но уже вовсю палило солнце. По-настоящему полагалось бы выехать часа на три пораньше. До фермы Чапмена ехать было всего восемнадцать миль, но из них только три — по дороге. Ему уже как-то раз привелось проделать этот путь с одним ковбоем, и он четко представлял себе, куда держать.

У расколотого грозой мескитового дерева Сэм свернул с большака и двинулся вдоль пересохшего ручья Кинтанилья. Неширокая светлая долина стлалась под ноги коню пышным ковром зеленых кудрявых трав, и Мехико прошел эти несколько миль играючи, резвым, размашистым галопом. Но вот показалось Утиное озеро, откуда путь лежал по без-

дорожью. Теперь Сэм повернул вправо и стал подниматься по отлогому косогору, усеянному галькой; здесь не росло ничего, кроме цепких колючих опунций и чапаррала. Наверху он приостановился, чтобы последний раз окинуть взглядом окрестности, потому что теперь ему предстояло продираться сквозь густые заросли чапаррала, опунции, мескита, где большею частью уже за двадцать шагов ничего кругом не разглядеть, и лишь природное чутье да случайная путевая примета — вершина бугра, мелькнувшая в отдаленье, причудливая группа деревьев или положение солнца — помогают местному жителю угадывать дорогу.

Сэм спустился по покатоному склону и нырнул в гущу опунций, буйно разросшихся по обширной низине от Кинтанильи до Пьедры.

Часа через два он обнаружил, что заблудился. В смятении он, как обычно бывает в подобных случаях, хотел только одного — поскорее выбраться, неважно куда. Мехико старался, как мог, рьяно пробираясь по извилистым лабиринтам через густые дебри. Конь мгновенно понял, когда хозяин сбился с пути. Ни единого холмика не было теперь, чтобы подняться и оглядеться по сторонам. Те, что все-таки попадались им изредка, сплошь оплела колючая поросль, сквозь которую не пролезть даже кролику. Дремучие, необитаемые пойменные заросли Фрио поглотили всадника и коня. Для овцевода или ковбоя сбиться с пути и проплутать день, а то и сутки — не ахти какое событие. Такое происходит сплошь да рядом. Ну, не поешь разок-другой вовремя, зато сладко выспишься на мягком травяном ложе, укрывшись попоной. Но тут был особый случай. Ни разу еще Сэм не отлучался со своей фермы на ночь. Слишком многое в здешней местности вызывало страх у Марты — она боялась мексиканцев, змей, ягуаров, даже овец. Потому-то он никогда не оставлял ее одну.

Муки совести у Сэма начались часа, наверно, в четыре пополудни. Мокрый, как мышь, он обмяк в седле, изнуренный не столько жарой и усталостью, сколько тревогой. До сих пор он все надеялся напасть на тропу, которая вывела бы его к переправе через Фрио и к ферме Чапмена. Должно быть, он пересек ее, полузаглохшую, не заметив, и проехал дальше. Если так, то он теперь был миль за пятьдесят от дома. Выехать бы к какой-нибудь ферме — пастушьему становищу — все равно куда, лишь бы получить свежего коня,

спросить дорогу, а там хоть всю ночь скакать, но добраться до Марты и малыша.

Словом, как я уже дал понять, Сэма одолевали угрызения совести. Он вспомнил, какие злые слова сказал жене на прощанье, и ком встал у него в горле. И без того ей, бедняжке, несладко жить в такой дыре, так еще приходится терпеть дурное обращение. Он ругал себя последними словами, и как он ни был распарен летним зноем, его все-таки бросило в жар при мысли о том, сколько раз он колол и корил ее за то, что она любит читать книжки.

— Бедная девочка, ведь нет у нее другой утехи,— вслух сказал Сэм и всхлипнул, и Мехико даже шарахнулся в сторону от непривычного звука.— Живет с тобой, паршивый ты брюзга, подлец бессовестный — отодрать бы тебя, шакала, кнутом, чтобы дух вон,— и готовит, и стирает, и не видит ничего, одну баранину да бобы, а тебе жалко, если она когда в книжку заглянет!

Тут ему представилось, какая Марта была, когда он в первый раз повстречал ее в Догтауне, — нарядная, хорошенькая, бойкая — розы у нее на щеках еще не побурели от солнца, безмолвие прерий не придавило ее к земле.

— Пускай меня первая дикая кошка разорвет в клочья, если я ей когда еще в жизни скажу обидное слово,— бормотал Сэм себе под нос.— Или чего недодам моей девочке по части любви и ласки, что ей законно причитается.

Теперь он знал, что делать. Он напишет в Сан-Антонио, чтобы через фирму «Гарсия и Джоунз», которая покупает у него шерсть и снабжает его всем необходимым, ему прислали для Марты ящик книг — романы и все такое. Теперь у них жизнь пойдет иначе. Интересно, поместится у них в домике маленькое пианино? Или им тогда всем придется спать на улице?..

Отнюдь не помогала унять голос совести и та мысль, что Марта с мальчиком будут вынуждены провести эту ночь одни. Обыкновенно, как бы они с женой ни грызлись, но когда наступала ночь, Марта с довольным и доверчивым вздохом безмятежно клала голову на сильную руку Сэма и забывала дневные страхи. А разве они были столь уж неосновательны? Сэму вспомнилось, сколько шастает по округе разбойников-мексиканцев, как часто бывает, что иную ферму повадится навещать пума, вспомнились гремучие змеи, сороконожки — да мало ли еще опасностей! Мар-

та просто голову потеряет от страха. Рэнди будет реветь и требовать, чтобы пришел папа.

По-прежнему нескончаемой чередой сменяли друг друга кустарники, заросли кактусов, мескитовые рощи. Лощина за лощиной, откос за откосом — все похожие, как две капли воды, — примелькавшиеся после бесчисленных повторений, и все-таки незнакомые, чужие. Ох, уж приехать бы хоть куда-нибудь!

Прямая линия противна Природе. В Природе все движется кругами. Прямолинейный человек — явление куда более противоестественное, нежели дипломат. Люди, заблудившиеся в снегу, ходят и ходят точно по кругу, как о том свидетельствуют их следы, пока не свалятся в изнеможении. Равно и те, кто забредет в дебри философии или иных умствований, нередко приходят обратно к исходной точке.

Как раз когда Сэм в пылу раскаяния и благих побуждений достиг наивысшего предела, Мехико тяжело вздохнул и перешел с обычной для него бодрой рыси на неторопливый и размеренный шаг. Перед ними полого поднимался склон, поросший кустарником футов в десять — двенадцать высотой.

— Эй, друг, так нельзя, — усостил жеребца Сэм. — Знаю, что ты умаялся, но надо же нам ехать дальше. Вот чертовщина, да куда же подевалось все на свете людское жилье! — И он с досадой пришпорил Мехико.

Мехико недовольно всхрапнул, как бы говоря: «Чего ради такие крайности, когда осталось всего ничего», но все же смирился и затрусил мелкой рысцой. Они обогнули большую купу чапарраля, и конь стал, как вкопанный. Сэм вырвал из рук поводья, да так и застыл в седле, глядя на заднее крыльцо собственного дома, до которого оставалось каких-нибудь десять шагов.

В холодке как ни в чем не бывало расположилась в качалке Марта, с удобством опершись ногами на ступеньку крыльца. Рэнди сидел на земле и возился с игрушкой — парой шпор. На секунду он оторвался от них, взглянул на отца и опять, мурлыча что-то, принялся крутить колесики. Марта, не поднимая головы со спинки кресла, лениво обратила на всадника и коня невозмутимый взор. Она держала на коленях книгу и придерживала пальцем слово, на котором остановилась.

Сэм встряхнулся с каким-то странным ощущением, как будто очнулся от забытья,— и медленно спешился. Он облизнул пересохшие губы.

— А ты, я вижу, все сидишь,— сказал он.— Уткнулась носом в окаянную книжонку и читаешь всякую дребедень.

Он совершил полный круг и снова стал самим собой.

КРАСНЫЕ РОЗЫ

Надо же было случиться именно так, что на междугородной дороге сгорел железнодорожный мост. Таким образом поезд из Сан-Антонио, направлявшийся на юг, встал перед обломками моста без малейшей надежды двинуться вперед в ближайшие сорок восемь часов.

И в этом поезде ехала новая праздничная шляпа мисс Тони Бивер. Работник, мексиканец Эспиши, поехавший в тележке за шляпой за сорок миль от ранчо Эспиноза, вернулся с пустыми руками, хладнокровно пожимая плечами и крутя свои сигаретки. Приехав на станцию Найяль, он узнал, что поезд не придет, и так как ждать ему не приказывали, то он подобрал вожжи, зачмокал губами и повернул своих пони назад к ранчо.

Вы жестоко ошибаетесь, если думаете, что Пасхе — первому весеннему празднику — гораздо больше импонирует парадное шествие в церкви богачей на Пятой авеню, чем скромное собрание ее верных почитателей в молитвенном доме Кактус-Сити в Техасе. Здесь, в прериях, дочери и жены скотоводов не менее тщательно, чем в Нью-Йорке, украшают в этот день свои платья и шляпы пасхальными цветами, и в этот день Дальний Запад превращается во что-то среднее между Парижем и Парадизом.

Но вот уже пришла Страстная пятница, а пасхальная, с цветами шляпа Тони Бивер уныло цвела в уголке товарного вагона экспресса, стоявшего перед сгоревшим мостом.

А в полдень в субботу мисс Роджерс с ранчо Шустринг и Элла Уивз из Энчоро и миссис Беннет с Идой из Грин-Уолли должны захватить в Эспинозу, чтобы захватить с собою Тони.

И тогда, тщательно одевшись в новые платья и шляпы, очаровательное общество весело покатит за десять миль в Кактус-Сити, чтоб в воскресенье утром, выстроившись в ряд, покорить сердца всех без исключения мужчин, и свои-

ми праздничными нарядами вызвать зависть даже у полевых лилий...

Итак, в пятницу Тони сидела на ступеньках дома и сосредоточенно избивала хлыстом невинный кустик, осмелившийся выставить свою свежую зелень напоказ бедной и злой Тони.

У Тони были обиженно поджаты губки, и вся она была окружена мрачным ореолом отчаянной трагедии.

— Ненавижу железные дороги, — мрачно и гневно говорила она. — И мужчин тоже ненавижу. Они смеют утверждать, что могут все объяснить и все устроить... Ну, какое оправдание вы найдете для сгоревшего моста? А у Иды Беннет шляпка будет отделана фиалками... И, в общем, я не могу ехать в Какгус без новой шляпы. Конечно, будь я женщиной, я бы, наверно, сумела ее достать...

Двое мужчин безмолвно слушали, как унижают их породу.

Один из них был Уэллс Пирсон, ковбой из Мэго-Келлор, другой Томсон Берроус, овцевод из Грин-Уолли. Оба считали Тони очаровательной, даже когда она издевалась над мужчинами и бранила железнодорожные порядки. Оба они охотнее, чем страусы, отдающие свои перья, или белая цапля, умирающая для эгретки, содрали бы с себя кожу, чтобы сделать из нее шляпку Тони, но, увы, их бедная кожа была неподходящим материалом для пасхальной шляпки. И ни один из них никак не мог сообразить, как поправить ужасное несчастье.

Пирсон, со своим темно-коричневым лицом и светлосоломенными, выгоревшими на солнце волосами, делавшими его похожим на школьника, был охвачен глубокой меланхолией, переходившей в тоску. Неудача бедняжки Тони огорчала его до глубины души, но выразить этого он никак не умел. Томсон Берроус был куда более ловок и галантен. Он был родом откуда-то с Востока, носил ботинки и галстук и никогда не терялся в женском обществе.

— Большая канава на Песчаной Балке стоит полна водой после последних дождей, — робко сказал Пирсон.

— Неужели?.. — сердито сказала Тони. — Благодарю вас за справку, мистер Пирсон. Мне кажется, что для вас новая шляпка ничего не значит... По-вашему, молодая женщина должна носить старый колпак, не снимая его пять лет, как это делаете вы? Если бы вода из вашей дурацкой канавы

могла бы залить этот нелепый пожар моста, тогда от нее был бы еще некоторый толк..

— Я глубоко огорчен несчастьем с вашей шляпкой, мисс Бивер, — сказал Берроус, учтя мгновенно печальный опыт Пирсона. — Я, право, очень, очень, чрезвычайно огорчен! Если бы только можно было что-нибудь сделать...

— Не огорчайтесь, прошу вас, — ядовито ответила Тони. — Если бы вы могли что-нибудь сделать, вы, наверное, сделали бы... Но вы ведь ничего не можете сделать...

Тони замолчала. Но вдруг в ее глазах блеснул огонек надежды, и нахмуренное личико прояснилось. У нее мелькнула блестящая мысль.

— В Лонг-Эльме есть магазин, где продаются шляпы, — воскликнула она. — Там покупала Эва Роджерс и говорила, что это последняя мода. Может быть, там еще остались шляпы? Но, увы, до Лонг-Эльма целых двадцать восемь миль...

Мужчины мгновенно вскочили, и шпоры их звякнули враз. Тони чуть не расхохоталась. Значит, есть еще рыцари на свете, у которых не заржавели доспехи...

— Конечно, — задумчиво проговорила она, созерцая белое облако, которое не торопясь совершало свою прогулку по голубому куполу, — никто не сумеет поехать в Лонг-Эльм, купить шляпку и привести ее сюда к тому времени, когда за мной заедут девушки. Что же, очевидно, мне придется провести Пасху дома...

Она вздохнула и... улыбнулась.

— Ну, мисс Тони, — виновато сказал Пирсон, берясь за шляпу, — мне кажется, что пора плестись домой. Там завтра в Драй-Бренче предстоит большая работа, и нам с Бегуном надо быть наготове. Очень мне досадно, что ваша шляпка задержалась в пути. Но, может быть, они еще починят мост как раз к Пасхе?

— Мне тоже пора ехать, — сказал Берроус, взглянув на часы. — Ого! Уже около пяти часов. Мне надо сейчас же скакать к своему загону помогать запереть моих дикарей-баранов.

Внезапно оба до того хмурые и ленивые поклонники Тони отчаянно заспешили. Церемонно попрощавшись с ней, они пожали друг другу руки с торжественной, изысканной вежливостью Запада.

— Надеюсь скоро увидеться с вами, мистер Пирсон, — сказал Берроус.

— И я тоже, — ответил ковбой с миной человека, провожающего друга в кругосветное плавание. — Буду всегда рад вас видеть у себя, когда бы вам ни вздумалось проехать мимо Мэго-Келлор.

Пирсон легко вскочил на Бегуна, лучшего коня в Техасе, и поднял его на дыбы, как всегда делал, даже после трудного и утомительного пути.

— Мисс Тони, — задержался на минуту Пирсон. — Так какую шляпу это вы заказали в Сан-Антонио? Никак не могу запомнить ее окраски.

— Чудесная соломенная шляпа и, конечно, последнего фасона, — скорбно ответила Тони. — Отделана красными розами. Больше всего я люблю именно красные розы.

— Этот цвет как нельзя больше идет к цвету ваших волос, — вежливо поддержал Берроус.

— Да, именно больше всего я люблю красные розы. Белые, голубые и розовые цветы можете нацепить себе на нос... Ах, да о чем говорить, когда горят какие-то мосты и оставляют девушек на Пасху без самых необходимых вещей! Ах, до чего скучная, отвратительная Пасха будет на этот раз для меня!

Пирсон раскланялся и пустил Бегуна быстрым галопом на восток от ранчо Эспиноза.

Когда стук подков его Бегуна утих на пыльной дороге, Берроус направил свою рыжую кобылу по узкой тропинке, ведущей на юго-запад прямо в открытую прерию.

А Тони повесила свой хлыст и пошла домой.

— Ах, как я огорчена, моя маленькая, что ты останешься на Пасху без новой шляпы, — сказала ее мать.

— Не стоит беспокоиться, мама, — отвечала Тони. — Завтра у меня будет новая шляпа и как раз вовремя. А то и две.

Добравшись до начала прерии, Берроус свернул направо и направил свою рыжую кобылу сквозь кустарник, скрывавший высохшее русло реки с обвалившимися берегами. Взобравшись по крутому склону, густо поросшему травой и кустарником, лошадь радостно зафыркала и вынесла его на ровное поле, покрытое ярко-зеленой травой. Берроус направлял ее все правее и правее, пока не пересек старую дорогу на Индиану через Нуэс. По ней-то в двадцати восьми милях к юго-востоку лежал Лонг-Эльм.

Тогда Берроус пустил лошадь галопом. Стараясь покрепче устроиться в седле для долгого пути, он вдруг услышал стук подков, шорох задеваемого кустарника, дикие индейские выкрики — и справа из кустарника вылетел Уэллс Пирсон, точно желторотый цыпленок, неожиданно появляющийся из зеленого пасхального яйца.

Пирсон был робок только в присутствии женщин. При Тони его голос был нескладен и нежен, как летнее кваканье больших лягушек в зеленых болотах Техаса. Но теперь от его радостных вскриков индейского образца робкие кролики в миле вокруг испуганно прижали чуткие уши и растения поспешили свернуть лепестки.

— А не слишком ли далеко от дома вы поставили свой загон для скота, друг? — крикнул Пирсон, когда Бегун шутя догнал рыжую кобылу.

— В двадцати восьми милях, — угрюмо процедил Берроус.

Взрыв хохота Пирсона заставил встрепенуться сову в полумиле от берега реки на полчаса раньше обыкновенного.

— Ладно, — сказал он. — Тем лучше для нас обоих. Я сам люблю играть в открытую. Мы ведь два сумасшедших шляпника, едущие на охоту за шляпами в этой дикой глуши. Итак, мы взяли старт в одно время, и тот, кто первый придет на финиш, будет иметь некоторое повышение акций в Эспинозе.

— У вас недурной конек, — сказал завистливо Берроус, оглядывая статную фигуру Бегуна и его точеные ноги, двигавшиеся, как стальные рычаги мощной разумной машины. — Конечно, вы правы, это гонки на скорость. Но вы слишком хороший наездник, чтобы с самого начала развивать предельную скорость и морить лошадь. Ее сила пригодится на финише. Слушайте, что, если мы вместе не спеша поедем за шляпами?

— Правильно, — согласился Пирсон. — Уважаю вашу пронизательность, но если только в Лонг-Эльме есть хоть какая ни на есть заваливающая шляпа, то она будет иметь высокую честь увенчать головку мисс Тони. Но, увы, Берр, вас при этой коронации не будет. Нет, серьезно, Берр, я не хвастаюсь... вы посмотрите, как ваша кобыла припадает на передние ноги.

— Ставлю свою лошадь против вашего скакуна, что мисс Тони наденет завтра именно ту шляпу, что я ей привезу из Лонг-Эльма.

— Это верный выигрыш для меня, — возразил Пирсон, — и выходит нечто вроде конокрадства. Впрочем, ваша рыжая пригодится мне под дамское седло, когда кое-кто переедет в мой дом в Мэго-Келлор и...

Темное лицо Берроуса вдруг так побелело, что ковбой запнулся. Но Пирсон никогда не чувствовал смущения долго.

— Скажите, пожалуйста, Берр, — заговорил он, — откуда берутся эти пасхальные удовольствия? Чем руководствуются эти женщины, когда хотят иметь новые шляпки и готовы перевернуть все вверх ногами, лишь бы их достать? Календарем, что ли?

— Нет, — задумчиво ответил Берроус, — кажется, это называется Библией. А может быть, по приказу Римского Папы или еще там кого-нибудь... на что же иначе Римский Папа? Опять же это имеет какое-то отношение к знакам Зодиака. Наверно я вам этого не скажу, но помнится, что его как будто изобрели египтяне.

— Значит, это настоящий праздник, раз даже язычники его признавали, — обрадовался Пирсон. — Иначе Тони никогда не стала бы его праздновать. Послушайте, Берр, а вдруг в Лонг-Эльме, в лавке, окажется всего одна шляпа? Что тогда?

— Тогда, — нахмурился Берроус, — лучший из нас отвезет ее в Эспинозу.

— Молодчина! — завопил Пирсон, высоко подбрасывая свою шляпу и ловя ее на лету. — Вот это по-моему! Вы правильный человек, Берр, и рассуждаете в самый раз, как надо мужчине. Ну а если там больше, чем одна шляпа?

— Тогда мы выберем по шляпе, и один из нас приедет первым, а другой застрянет в пути.

В полном восторге Пирсон воздел руки к звездам:

— Нет и не было еще двух сердец, которые бились бы так в унисон, как наши с вами, Берр. Нам бы следовало ехать с вами на единороге и думать одним куском мозга.

В Лонг-Эльм они прискакали уже после полуночи. Полсотни домиков городка стояли молчаливые, с темными окнами, а лавка, помещавшаяся посередине единственной улицы, была заперта на все засовы.

Через минуту лошади были привязаны, и Пирсон стал неистово дубасить в дверь старого Сеттона, лавочника.

А еще через минуту в щель тяжелой ставни просунулось дуло винчестера, и послышался краткий вопрос, кого дьявол несет в эту пору.

— Уэллс Пирсон из Мэго-Келлор и Томсон Берроус из Грин-Уолли. Нам нужно кое-что купить в вашем заведении, старина. Просим прощения, что разбудили вас, но нам крайне необходимо иметь нашу покупку в кратчайший срок. Словом, вылезайте, дядя Томми, да поскорее, а то у нас против вашего винчестера найдутся два славных кольта.

Наконец они вытащили заспанного дядю Томми за прилавок и сообщили ему о своей экстренной нужде.

— Пасхальные шляпки? — бормотал он. — Кой черт! Гм... Впрочем, у меня как будто оставалась пара. Всего к этой весне я заказал дюжину. Сейчас я их вам покажу.

Дядя Томми был самым обыкновенным торговцем, у которого продавалось все: гвозди, седла, мука, масло, карты, вино и чулки. Но дядя Томми вряд ли был особенно честен в это утро. Эта пара шляп завалялась у него еще с позапрошлого года, и опытный женский глаз сразу это обнаружил бы. Но неопытным глазам ковбоя и овцевода они показались самыми модными и распутившимися только в апреле текущего года. Эти шляпы в свое время звались «колесами». Они были сделаны из темно-красной соломки, с твердыми прямыми плоскими полями. Обе были совершенно одинаковы и пышно украшены чудесными белыми розами в полном цвету.

— Это весь ваш товар, дядя Томми? — спросил Пирсон. — Ладно. Берр, тащите одну, я возьму другую. Выбирать не из чего.

— Самая последняя мода, — нагло врал дядя Томми. — Если бы вы поехали за шляпами в Нью-Йорк, то нашли бы такие же только в лучших магазинах Пятой авеню.

Для сохранности дядя Томми на радостях завязал каждую шляпу в кусок темного коленкора. Одну Берроус привязал ремнем к седлу, другую так же приторочил Пирсон. Затем, попрощавшись с дядей Томми и поблагодарив его в изысканнейших выражениях, они тронули поводья и поскакали в темноту, направляясь обратно с драгоценной ношей.

Теперь от них требовалось все их умение ездить на лошадах. Они ехали даже несколько медленнее, чем прежде. Те

несколько слов, которыми они обменялись, вовсе не были враждебными. Но к седлу Берроуса слева был привешен карабин, а из-за пояса у Пирсона выглядывал шестизарядный кольт.

И они скакали молча по прерии.

В половине седьмого они добрались до холма, с которого в пяти милях расстояния белым пятном среди зарослей бука сияло ранчо Эспиноза.

Пирсон выпрямился в седле. Он знал, на что способен его Бегун. А рыжая кобыла Берроуса была вся в пене и часто спотыкалась.

Бегун летел вперед, как экспресс. Пирсон обернулся к Берроусу и помахал ему рукой.

— Мы почти приехали. Теперь пошло наперегонки. Кто скорее? Прощайте, Берр. Когда увидимся?

Он сильнее сжал коленями бока своего мустанга и повернул к ранчо. Бегун, свежий, как после месячного отдыха на пастбище, вытянул шею и сразу пустился крупным галопом.

Но не успел Пирсон проскакать и двадцати ярдов, как услышал легкий звук щелканья затвора винчестера, вогнавшего пулю в дуло карабина... И даже прежде, чем он сообразил это, Пирсон пригнулся к седлу.

Возможно, что Берроус только хотел подстрелить лошадь, он был достаточно хорошим стрелком, чтобы сделать это без вреда для всадника, но Пирсон не вовремя нагнулся и пуля пробила сперва его плечо, а затем и шею лошади. Бегун мгновенно свалился, а ковбой перелетел через его голову на каменистую дорогу, и оба застыли без движения.

Берроус мчался не останавливаясь.

Часа через два Пирсон пришел в себя и осмотрелся. Он с трудом поднялся и шатаясь пошел к лошади. Бегун лежал на боку, но, казалось, чувствовал себя не так плохо. Пирсон осмотрел его и нашел, что пуля только оцарапала его, он не был сильно ранен, но свалился от удара и предпочитал отдохнуть лежа. Он устал от гонки и, лежа на шляпе мисс Тони, меланхолично объедал листья с ветки, любезно свесившейся прямо к нему. Пирсон прикрикнул на него, и Бегун нехотя поднялся.

Увы, праздничная шляпа, отвязавшаяся от седла, лежала в своем коленкоровом чехле, превращенная в лепешку от пребывания под туловищем мустанга. Увидя это, Пирсон

снова потерял сознание и растянулся во весь рост, уткнувшись раненым плечом все в ту же злополучную шляпу. Ковбоя не так-то легко убить. Через полчаса он снова очнулся, — а этих полчаса для женщины вполне достаточно, чтобы дважды упасть в обморок, дважды помириться и потребовать в качестве компенсации порцию мороженого, сколько влезет в маленький стаканчик.

Он поднялся и увидел Бегуна, деловито щиплющего траву. Он снова привязал изуродованную шляпу и после нескольких неудачных попыток утвердился-таки в седле.

В полдень веселая компания подкатила к ранчо Эспиноза. Тут была и мисс Роджерс в своей новой тележке, и представители из Энчоро, и делегация от Грин-Уолли, почти все исключительно женщины. И у каждой из них была новая пахлящая шляпка, надетая еще здесь, в пустынной прерии, — мисс не могли дожидаться церкви, чтобы начать с подобающим блеском встречать праздник.

А у калитки стояла заплаканная Тони и не скрывала крупных, с горошину слез. В руках у нее была шляпа, привезенная Берроусом, шляпа с ненавистными белыми розами...

А подруги с торопливой радостью и умилением настоящих друзей сообщали ей, что колес сейчас никто не носит и что они вышли из моды ровно три года назад.

— Надевай старую шляпу и поедем, — торопили они.

— На Пасху? Старую шляпу? Да я лучше умру, чем надену, — и Тони неутешно рыдала, вертя в руках противное колесо. Шляпы ее подруг были кокетливо изогнуты и примяты по последней моде.

И вдруг из-за кустов выехало какое-то странное существо, все в пятнах: белых, зеленых, красных и серых.

— Алло, Пирсон, — сказал папаша Бивер. — Вы не занимались укрощением мустангов на Страстной? Нет, вы, пожалуй, были на охоте, потому что у вас за седлом болтается что-то вроде поросенка в мешке.

— Слушай, Тони, если ты хочешь ехать, то собирайся скорее, — воскликнула хорошенькая Бетти Роджерс. — Мы тебе оставили место в тележке. Плюнь на шляпу. У тебя замечательная вуалька, которая будет прекрасно выглядеть на всякой шляпе.

Пирсон медленно отвязывал от седла то, что папаша Бивер принял за поросенка. Тони с внезапной надеждой взглянула на него. Вообще Пирсон был человеком, подающим

некоторые надежды для Тони. А он медленно отвязал пакет и подал его Тони, которая быстрыми пальчиками стала распускать веревки.

— Сделал, что мог, — медленно проговорил он. — Пожалуй, мы с Бегуном сделали даже больше, чем могли.

— О-о-о!.. — завизжала Тони. — Как раз настоящий фасон... и красные розы... Погодите минуту!.. Сейчас примерю...

Она влетела в дом и через минуту выбежала, вся раскрасневшаяся, сияющая от счастья.

— Ах, как тебе идет красный цвет! — хором защебетали девушки. — Но скорее, скорее, Тони, а то мы опоздаем!..

На секунду Тони задержалась подле Бегуна.

— Спасибо, большое спасибо вам, Уэллс, — пролепетала она. — Это именно то, что мне так хотелось. Приезжайте завтра в Кактус и пойдёмте со мною вместе в церковь... Хотите?..

— Если смогу, — отвечал он, с любопытством посмотрел на ее шляпу, почесал в затылке и улыбнулся.

А Тони, веселая и сияющая, как птица, впорхнула в тележку Роджерсов, и процессия покатила по дороге в Кактус-Сити.

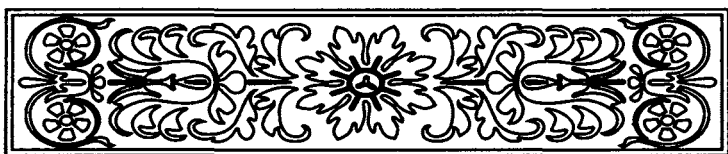
— Чем это вы занимались, Пирсон? — спросил папаша Бивер. — Вид у вас довольно-таки потрепанный.

— Я цветы красил, — угрюмо сказал тот. — Когда я выехал из Лонг-Эльма, эти розы были белыми... Папаша Бивер, помогите мне сойти с Бегуна, а то я боюсь, что у меня больше краски не останется.

ПОСТСКРИПТУМЫ

ЧУВСТВИТЕЛЬНЫЙ ПОЛКОВНИК

Солнце ярко светит, и птицы весело поют на ветвях. Во всей природе разлиты мир и гармония. У входа в небольшую пригородную гостиницу сидит приезжий и, тихо покуривая трубочку, ждет поезда.

Но вот высокий мужчина в сапогах и в шляпе с широкими, опущенными вниз полями выходит из гостиницы с шестизарядным револьвером в руке и стреляет. Человек на скамье скатывается с громким воплем. Пуля оцарапала ему ухо. Он вскакивает на ноги в изумлении и ярости и орет:

— Почему вы в меня стреляете?

Высокий мужчина приближается с широкополой шляпой в руке, кланяется и говорит:

— П'ошу п'ощения, сэ'. Я полковник Джей, сэ', и я понял, что вы оско'бляете меня, сэ', но вижу, что я ошибся. Очень 'ад, что не убил вас, сэ'.

— Я оскорбляю вас — чем? — вырывается у приезжего. — Я не сказал ни единого слова.

— Вы стучали по скамье, сэ', словно хотели сказать, что вы дятел, сэ', а я п'инадлежу к д'угой по'оде. Я вижу тепе'ь, что вы п'осто выколачивали пепел из вашей т'убки, сэ'. П'ошу вашего п'ощения, сэ', а также, чтобы вы вошли и де'нули со мною по стаканчику, сэ', дабы показать, что у вас нет никакого осадка на душе п'отив джентльмена, кото'ый п'инес вам свои извинения, сэ'.

НЕ СТОИТ РИСКОВАТЬ

— Посмотрим, — сказал жизнерадостный импресарио, наклоняясь над географическим атласом. — Вот город, куда мы можем завернуть на обратном пути. Антананариво, сто-

лица Мадагаскара, имеет сто тысяч жителей.

— Это звучит обещающе, — сказал Марк Твен, запуская руки в густые кудри. — Прочтите, что там есть еще по этому вопросу.

— Жители Мадагаскара, — продолжал читать жизнерадостный импресарио, — отнюдь не дикари, и лишь немногие из племен могут быть названы варварскими. Среди мадагаскарцев много ораторов, и язык их полон фигурами, метафорами и притчами. Есть много данных, чтобы судить о высоте умственного развития населения Мадагаскара.

— Звучит очень хорошо, — сказал юморист. — Читайте дальше.

— Мадагаскар, — продолжал импресарио, — родина огромной птицы — эпиорнис, — кладущей яйца величиной в сто пятьдесят один с половиной на девяносто один с половиной дюймов, весом от десяти до двенадцати фунтов. Эти яйца...

— Не стоит читать дальше, — сказал Марк Твен. — Мы не поедem на Мадагаскар.

ЗЕЛЕНЫЙ

— Я впредь буду иметь дело только с опытными приказчиками, освоившимися со всеми особенностями ювелирной торговли, — сказал вчера хаустонский ювелир своему другу. — Видите ли, на Рождество мы обычно нуждаемся в помощи и часто берем на эти дни людей, которые являются прекрасными приказчиками, но не посвящены в тонкости именно ювелирного дела. И вот тот вон молодой человек чрезвычайно исполнителен и вежлив со всеми, но благодаря ему я только что потерял одного из лучших своих клиентов.

— Каким образом? — спросил друг.

— Господин, всегда покупающий у нас, зашел с женой неделю тому назад, дал ей выбрать великолепную бриллиантовую булавку, обещанную им в качестве рождественского подарка, и просил этого молодого человека отложить ее для него до сегодня.

— Понимаю, — сказал друг, — он продал ее кому-то другому, к великому разочарованию вашего клиента.

— Вы, по-видимому, недостаточно хорошо знаете психологию женатых людей, — сказал ювелир. — Этот идиот действительно сохранил отложенную булавку, и тому пришлось купить ее.

ОБОРОТНАЯ СТОРОНА

Все газеты обошло одно утверждение, касающееся хорошо известного женского недостатка — любопытства. Оно гласит, что, если мужчина принесет домой номер газеты, из которого вырезан кусочек, жена его не успокоится до тех пор, пока не достанет другого экземпляра и не убедится, что именно было вырезано.

Один из хаустонских жителей настолько заинтересовался этим утверждением, что решил проверить его на опыте. Как-то вечером на прошлой неделе он вырезал из утренней газеты объявление о новом средстве против катара — так, дюйма на два — и оставил искалеченный номер на столе, где жена не могла его не заметить.

Он взял книгу и сделал вид, что поглощен ею, в то же время наблюдая за женой, просматривавшей газету. Когда той попало место, откуда была вырезана заметка, она нахмурилась, и серьезное раздумье отразилось на ее лице.

Однако она ни слова не сказала, и муж никак не мог решить наверняка, возбуждено в ней любопытство или нет.

На следующий день, когда он вернулся к обеду, жена встретила его с пылающими глазами и зловецким дрожанием губ.

— Жалкий, лживый негодяй! — вскричала она. — После стольких лет совместной жизни узнать, что ты низко обманывал меня, ведя двойную жизнь и навлекая позор и горе на твою ни в чем не повинную семью! Я всегда подозревала, что ты мерзавец и подлец, а теперь у меня в руках неоспоримое доказательство этого!

— Что-что-что ты имеешь в виду, Мария? — вырвалось у него. — Я ничего не сделал!

— Конечно, ты готов добавить и ложь к списку твоих пороков! Раз ты делаешь вид, что не понимаешь меня, — погляди на это!

Она держала перед ним неповрежденный экземпляр вчерашней утренней газеты.

— Ты рассчитывал скрыть от меня твои поступки, вырезав часть газеты, но я умнее, чем ты думал!

— Но это всего лишь шутка, Мария. Я не думал, что ты отнесешься к этому серьезно.

— Ты называешь это шуткой, бессовестный негодяй! — вскричала жена, развертывая перед ним газету.

Муж взглянул — и прочел в смущении и ужасе. Вырезая объявление о катаре, он ни на минуту не подумал взглянуть, что стояло на оборотной стороне его, — и вот какая заметка должна была представиться глазам того, кто встретился с вырезкой, читая другую страницу листа:

«Один из жителей города, видный делец, весьма весело проводил вчера время в одном из ресторанов, ужиная вместе с двумя хористками из гастрوليрующей в настоящее время у нас комической оперы. Излишне громкий разговор и битье посуды привлекли внимание посторонних, но все было улажено, благодаря видному положению, занимаемому упомянутым джентльменом».

— Ты называешь это шуткой, старая ты гадина? — визжала возбужденная дама. — Я уезжаю к маме сегодня же вечером и намерена остаться там. Думал надуть меня, вырезав заметку, да? Ты низкая, транжирящая деньги змея! Я уже упаковала свои сундуки и еду сию же минуту домой... не приходи ко мне!

— Мария! — пролепетал не находивший слов муж. — Клянусь, что я...

— Не прибавляйте кощунства к вашим преступлениям, сэр!

Муж сделал три-четыре тщетных попытки заставить себя выслушать, а затем схватил шляпу и помчался в город. Через четверть часа он вернулся с двумя шелковыми платьями, четырьмя фунтами конфет, бухгалтером и тремя приказчиками, чтобы доказать, что в упомянутый вечер он был по горло занят у себя в магазине.

Дело в конце концов было улажено к удовлетворению обеих сторон, но зато один из хаустонских жителей больше не испытывает любопытства по вопросу о женском любопытстве.

СПОРТИВНЫЙ ИНТЕРЕС

На задах одной из крупнейших мануфактурных фабрик Хаустона кипит оживленная работа. Целый ряд рабочих хлопочет, подымая тяжести с помощью блоков и талей. Каким-то образом канат перетирается, и подъемный кран летит вниз. Толпа с быстротой молнии рассеивается, кто куда. Сильный, режущий уши грохот, туча пыли — и труп человека под тяжелыми лесами.

Остальные окружают его и геркулесовыми усилиями стаскивают балки с исковерканного тела. Из грубых, но добрых грудей вырывается хриплый ропот жалости, и вопрос обегает все уста:

— Кто скажет ей?

В маленьком аккуратном домике близ железной дороги, который они стоя видят отсюда, ясноглазая, каштановололая молодая женщина работает напевая, и не знает, что смерть в мгновение ока вырвала ее мужа из числа живых.

Работает, счастливо напевая, в то время как рука, которую она выбрала для защиты и поддержки в течение всей ее жизни, лежит неподвижная и быстро холодеет холодом могилы!

Эти грубые люди, как дети, стараются уклониться от необходимости сообщить ей. Их страшит принести весть, которая сменит ее улыбку на горе и плач.

— Иди ты, Майк, — говорят одновременно трое или четверо из них. — Ты, брат, учнее, чем кто-либо из нас, и будешь чувствовать себя, после того как скажешь ей, как ни в чем не бывало. Пошел, пошел — и будь поласковее с женкой бедного Тима, пока мы попробуем привести его труп в порядок!

Майк — приятного вида мужчина, молодой и дюжий. Кинув последний взгляд на злополучного товарища, он медленно направляется вниз по улице к домику, где живет молодая жена — теперь, увы, вдова.

Прибыв на место, он не колеблется. Сердце у него нежное, но закаленное. Он поднимает щеколду калитки и твердым шагом идет к двери. Прежде чем он успевает произнести хоть одно слово, что-то в его лице говорит ей всю правду.

— Что это было? — спрашивает она. — Внезапный взрыв или укус змеи?

— Подъемный кран сорвался, — говорит Майк.

— В таком случае я проиграла пари, — говорит она. — Я не сомневалась, что это будет виски.

Жизнь, господи, полна разочарований.

УМЕНИЕ ИСПОЛЬЗОВАТЬ

Сильный запах лука и того сорта виски, который рекомендуется в рекламах «для технических целей», проникли сквозь замочную скважину, а немедленно за ними появился индивидуум, неся под мышкой внушительную рукопись, напоминавшую величиной скатанный кусок обоев. Индивидуум принадлежал к типу, определяемому нашими английскими кузенами как «представитель низших классов», а демагогической прессой как «кости и нервы страны»; местом же его вторжения была святая святых великого тexasского еженедельника.

Редактор сидел за письменным столом, вцепившись руками в свои скудные волосы и глядя с отчаянием на письмо, полученное от фирмы, у которой он брал в кредит бумагу.

Индивидуум пододвинул стул к самому креслу редактора и положил тяжелую рукопись на стол — так что последний даже затрещал под ее весом.

— Я работал над этим девятнадцать часов, — сказал он, — но наконец оно кончено.

— Что это такое? — спросил редактор. — Травокосилка?

— Это ответ, сэр, на послание президента: развенчание каждой и всех из его проклятых доктрин, полный и уничтожающий обзор каждого из утверждений и каждой из лживых и предательских теорий, им выдвинутых.

— Приблизительно сколько... гм... сколько фунтов оно содержит, по-вашему? — спросил в раздумье редактор.

— Пятьсот двадцать семь страниц, сэр, и...

— Написано карандашом на одной стороне листа? — спросил редактор со странным блеском в глазах.

— Да, и здесь затронуто...

— Можете оставить рукопись, — сказал редактор, вставая со своего кресла. — Полагаю, что мы сумеем использовать ее надлежащим образом.

Индивидуум отчаянным усилием перевел дух и удалился, чувствуя, что решительный удар уже нанесен — тем, наверно.

Не прошло и десяти минут, как были приобретены шесть лучших резинок, и весь состав конторы приступил к работе над рукописью.

Великий еженедельник вышел вовремя, но редактор задумчиво взглянул на непогашенный с прошлого месяца счет за бумагу и сказал:

— Пока что хорошо. Но хотел бы я знать, на чем мы будем печатать следующий выпуск!

ПРИМИРЕНИЕ

Одноактная драма

Действующие лица: хаустонская супружеская чета. Место действия: будуар супруги.

Он. А теперь, Виола, раз мы понимаем друг друга, не станем повторять этого еще раз. Забудем горькие слова, сказанные нами друг другу, и решим жить всегда в любви и в мире. *(Берет ее за талию).*

Она. Ах, Чарлз, ты не представляешь, как я счастлива! Разумеется, мы никогда больше не будем ссориться. Жизнь слишком коротка для того, чтобы изводить ее на мелкие дразги и стычки. Будем идти по светлomu пути любви и никогда больше не сойдем с него. Ах, какое блаженство сознавать, что ты любишь меня и что ничто никогда не встанет между нами! Как будто вернулись прежние дни наших встреч у сиреневой изгороди, не правда ли? *(Кладет голову ему на плечо).*

Он. Да, и я еще срывал тогда гроздьи, и вплетал в твои волосы, и называл тебя царицей Титанией.

Она. Ах, это было прелестно! Я помню. Царица Титания? Ах, это одна из шекспировских героинь, которая еще любила человека с ослиной головой.

Он. Гм!

Она. Не надо. Я не имела в виду тебя. Ах, Чарлз, прислушайся к этим рождественским колоколам! Что за веселый день это будет для нас! Ты уверен, что любишь меня так же, как любил раньше?

Он. Больше! *(Чмокает.)*

Она. Мои губки сладки?

Он. *(Чмок! Чмок!)*

Она. Ты хочешь их съесть?

Он. Все без остатка. Чья ты жenuшка?

Она. Моего собственного маленького мальчика.

Оба. *(Чмок!)*

Он. Слушай, колокола зазвонили опять. Мы должны быть вдвойне счастливы, любовь моя, потому что мы переплыли бурные моря сомнения и гнева. Но теперь близок рассвет: розовая зря любви вернулась!

Она. И вечно останется. Ах, Чарлз, ни словом, ни взглядом не причиним больше боли друг другу!

Он. Никогда! И ты не будешь больше бранить меня?

Она. Нет, любимый. Ты знаешь, я никогда не браню тебя, если ты не даешь мне повода.

Он. Иногда ты злишься и говоришь неприятности без всякого повода.

Она. Может быть, ты так думаешь, но это не так. *(Отрывает голову от его плеча).*

Он. Я знаю, о чем я говорю. *(Снимает руку с ее талии).*

Она. Ты приходишь домой раздраженным, потому что не умеешь вести свои дела как следует, и срываешь зло на мне.

Он. Я устаю от тебя. Ты наступаешь сама себе на уши, потому что ты принадлежишь к такой уж бездумной широкой породе и не в силах не делать этого.

Она. Ты старый беспардонный лгун из лгуного рода, и не смей разговаривать так со мной, или я выцарапаю твои глаза!

Он. Ты проклятая бешеная кошка! Жалею, что меня не убило молнией прежде, чем я встретил тебя.

Она *(хватая щетку).* Бах! Бах! Тррах!

Он *(после того, как выбрался на тротуар).* Интересно, прав ли полковник Ингерсоль, утверждая, что самоубийство не грех?

Занавес.

ПЕРЕМУДРИЛ

Есть в Хаустоне человек, идущий в ногу с веком. Он читает газеты, много путешествовал и хорошо изучил человеческую натуру. У него естественный дар разоблачать мисти-

фикации и подлоги, и нужно быть поистине гениальным актером, чтобы ввести его в какое-либо заблуждение.

Вчера ночью, когда он возвращался домой, темного вида личность с низко надвинутой на глаза шляпой шагнула из-за угла и сказала:

— Слушайте, хозяин, вот шикарное брильянтовое кольцо, которое я нашел в канаве. Не хочу наделать себе хлопот с ним. Дайте мне доллар и держите его.

Человек из Хаустона с улыбкой взглянул на сверкающий камень кольца, которое личность протягивала ему.

— Очень хорошо придумано, паренек, — сказал он. — Но полиция наступает на самые пятки таким, как ты. Лучше выбирай покупателей на свои стекла с большей осторожностью. Спокойной ночи!

Добравшись до дому, человек нашел свою жену в слезах.

— О Джон! — сказала она. — Я отправилась за покупками нынче днем и потеряла свое кольцо с солитером! О, что мне теперь...

Джон повернулся, не сказав ни слова, и помчался по улице — но темной личности уже нигде не было видно.

Его жена часто размышляет на тему, отчего он никогда не бранит ее за потерю кольца.

ПОКУПКА ФОРТЕПЬЯНО

Человек из Хаустона решил несколько дней тому назад купить своей жене фортепьяно в качестве рождественского подарка. Надо при этом сказать, что между агентами по распространению фортепьяно больше соперничества, соревнования и обставливания друг друга, нежели между людьми всех остальных профессий. Страховое дело и разведение фруктовых садов — беззубые младенцы по сравнению с фортепьянной промышленностью. Человек из Хаустона — он видный адвокат — знал это и постарался посвятить в свои намерения самый ограниченный круг людей, опасаясь, что агенты станут досаждать ему. Он всего один раз справился в музыкальном магазине о ценах и т. п. и решил через неделю-другую сделать свой выбор.

Выйдя из магазина, он по пути в свою контору завернул на почту.

Придя в контору, он нашел трех агентов, примостившихся в ожидании его в кресле и на письменном столе.

Один из них раскрыл рот первым и сказал:

— Слышал, что вы хотите купить фортепьяно, сэр. «Стейнвей» славится своими нежностью звука, прочностью, изяществом отделки, тоном, работой, стилем, качеством и...

— Чепуха! — сказал второй агент, проталкиваясь между ними и хватая адвоката за воротник. — Возьмите «Читтерлинг». Единственное фортепьяно в мире. Нежностью звука, прочностью, изяществом отделки, тоном, работой...

— Виноват! — сказал третий агент. — Не могу стоять рядом и видеть, как человека обжуливают. Фортепьяно «Кроник и Барк» нежностью звука, прочностью, изяществом отделки...

— Убирайтесь вон, все трое! — завопил адвокат. — Когда я хочу купить фортепьяно, я покупаю то, которое мне нравится. Вон из комнаты!

Агенты удалились, и адвокат занялся выпиской из какого-то дела. В течение дня пятеро из его личных друзей заходили порекомендовать различные марки инструментов, и адвокат начал раздражаться.

Он вышел, чтобы дернуть стаканчик. Хозяин бара сказал ему:

— Послушайте, мистер, мой братан работает на фортепьянной фабрике, и он сболтнул мне, что вы хотите купить одно из этих тамтамов. Братан говорит, что по нежности звука, прочности, изяществу от...

— Черт побери вашего братана! — сказал адвокат.

Он влез в вагон трамвая, направляясь домой, и там внутри уже было четверо агентов, поджидавших его. Он отпрянул назад прежде, чем они его заметили, и остался на площадке. В ту же минуту вагонный кондуктор наклонился к нему и шепнул:

— Дружище, эпперсоновские фортепьяны, которые мой дядька распространяет в Южном Техасе, по нежности звука, прочности...

— Остановите вагон! — рявкнул адвокат.

Он слез и забился в темный подъезд, так что четверо агентов, также покинувших вагон, промчались, не заметив, мимо. Тогда он поднял с мостовой тяжелый бульжник, по-

ложил его в карман, задами пробрался к своему дому и, чувствуя себя в полной безопасности, направился к калитке.

Священник его прихода был сегодня с визитом у его семьи. В ту минуту, когда адвокат достиг калитки, он выходил из нее. Адвокат был гордым отцом новехонького, всего двух недель от роду, ребенка, и священник, только что восхищавшийся адвокатским отпрыском, захотел поздравить его.

— Дорогой брат мой! — сказал священник. — Ваш дом скоро будет наполнен радостной музыкой. Это будет великое прибавление к вашей жизни. И вот — во всем мире нет ничего, что по нежности звука...

— Черт поberi вас! И вы тоже будете бубнить мне про фортепьяно! — завопил адвокат, извлекая булыжник из кармана.

Он швырнул камень и сбил высокую шляпу священника, так что она отлетела на другую сторону улицы, и пнул его в голень. Но священник верил в то, что церковь — Христов воин, и он двинул адвоката кулаком по носу, и они сцепились и покатались с тротуара на кучу сваленных кирпичей.

Соседи услышали шум, прибежали с фонарями и ружьями, и в конце концов недоразумение разъяснилось.

Адвокат был порядочно-таки избит, и пришлось послать за обслуживающим его семью врачом, чтобы малость починить его. Когда доктор наклонился к нему с липким пластырем в одной руке и свинцовой примочкой в другой, он сказал:

— Через день-два вы сможете выходить, и тогда я хотел бы, чтобы вы завернули насчет покупки фортепьяно к моему брату. Те, представителем коих он является, считаются лучшими по нежности звука, прочности, изяществу отделки, качеству и стилю — во всем мире.

СЛИШКОМ ПОЗДНО

Юный лейтенант Болдуин ворвался вне себя в комнату генерала и хрипло крикнул:

— Ради бога, генерал! Скорей, скорей — и в путь! Орлиное Перо увез вашу дочь Инессу!

Генерал Сплашер в ужасе вскочил на ноги.

— Как, — вскричал он, — Орлиное Перо, вождь киомов самого мирного племени в округе?

— Он самый.

— Милосердное небо! Вы знаете, что представляет из себя это племя, когда его затронут?

Лейтенант бросил на своего начальника понимающий взгляд.

— Это самое мстительное, кровожадное и вероломное племя из всех индейцев Запада, когда оно воюет, — ответил он. — Но в течение многих месяцев они были мирны, как никто.

— В путь, — сказал генерал. — Мы не можем терять ни минуты. Какие меры приняты?

— Пятьдесят кавалеристов готовы броситься в погоню, а Билл Острый Нож, знаменитый следопыт, готов указывать путь.

Десять минут спустя генерал и лейтенант, в сопровождении Билла Острого Ножа, помчались галопом во главе кавалерийского эскадрона.

Билл Острый Нож с тренированным чутьем пограничной ищейки шел по следу лошади Орлиного Пера с безошибочной быстротой.

— Помоги Бог, чтобы мы не опоздали, — сказал генерал, пришпоривая своего задыхающегося скакуна. — Из всех вождей племени судьба выбрала именно Орлиное Перо! Он всегда казался нашим другом!

— Вперед! Вперед! — вопил лейтенант Болдуин. — Может быть, время еще не ушло!

Милую за милей оставляли за собой преследователи, не останавливаясь ни есть, ни пить, почти до самого заката солнца.

Билль Острый Нож показал на тоненькую струйку дыма вдали и сказал:

— Вот их лагерь!

Сердца всех людей готовы были выпрыгнуть от возбуждения по мере приближения к указанному месту.

— Пospели ли мы во время? — был немой вопрос в каждой голове.

Они вынеслись на открытый простор прерии и натянули поводья перед палаткой Орлиного Пера. Завеса у входа была опущена. Солдаты соскочили с коней наземь.

— Если случится то, чего я боюсь, — хрипло прошептал генерал лейтенанту, — это будет означать войну с племенем киомов. О, почему он не выбрал кого-нибудь другого вместо моей дочери?

В это мгновение завеса над входом приподнялась, и Инесса Сплашер, генеральская дочь, дева тридцати восьми весен, показалась, неся в руке окровавленный скальп Орлиного Пера.

— Слишком поздно! — вскричал генерал, без чувств падая с лошади.

— Я знал это, — сказал Билл Острый Нож, скрещивая на груди руки, со спокойной улыбкой. — Меня удивляет только, как он ухитрился добраться живым досюда.

НЕМНОГО МОКРО — И ТОЛЬКО

Когда пароход вошел в Аранзасскую бухту, пассажир — родом из Гальвестона — упал за борт. Ему был брошен спасательный круг, но он отпихнул его с презрением. Была поспешно спущена шлюпка, которая и настигла утопающего, когда он во второй раз всплыл на поверхность. Десятки рук протянулись к нему, но он отверг их помощь. Он выплюнул с добрую пинту соленой воды и прокричал:

— Уходите и оставьте меня в покое! Я шагаю по дну. Ваша шлюпка сию минуту врежется в песок. Я достигну берега вброд и немедленно отправлюсь в парикмахерскую, чтобы из меня выбили пыль. Здесь немного мокро, но насморк меня не пугает!

Тут он окончательно пошел ко дну, и шлюпка повернула обратно. Житель Гальвестона обнаружил до конца свое презрение ко всем другим портам, которые тоже имели дерзость считать себя глубоководными!

ОНА УБЕДИЛАСЬ

Хаустон — то самое место, где живет некая молодая особа, заброшенная погорло дарами богини Фортуны. Она пре-

лестна с виду, блестяща, остра и обладает тем грациозным очарованием — не поддающимся описанию, но совершенно неотразимым, — которое обычно называют личным магнетизмом.

Как ни одинока она в этом огромном мире и как ни преисполнена достоинств наружных и внутренних, однако она — не пустая, порхающая бабочка, и лесь бесчисленных вздыхателей не вскружила ей головы.

У ней есть близкий друг — молодая девушка, простая с виду, но наделенная тонким практическим умом, к которой она обычно и прибегает, как к мудрой советчице и наставнице, когда дело касается запутанных жизненных проблем.

Однажды она сказала Марианне — этой самой умной подруге:

— Как бы мне хотелось узнать, кто из моих льстивых поклонников честен и правдив в своих комплиментах! Мужчины ужасные обманщики, и они все расточают мне такие безоговорочные похвалы и произносят такие сладкие речи, что я так и не знаю, кто из них говорит честно и искренно — и, вообще, говорит ли честно и искренно хоть один из них!

— Я укажу тебе путь, — сказала Марианна. — В следующий раз, когда у тебя будут гости, продекламируй что-нибудь драматическое и потом скажи мне, как отзовется об этой попытке каждый из них.

Юной леди очень понравилась эта идея, и в ближайшую пятницу, когда с полдюжины молодых людей собрались вечером в ее гостиной, она вызвалась что-нибудь продекламировать.

У нее не было ни малейшего драматического дарования. Но она встала и дочитала до самого конца длинную поэму с массой жестов, вращанием глаз и прижиманием рук к сердцу. Она проделала это очень скверно, обнаружив полное незнание правил дикции и экспрессии. Позже ее подруга Марианна справилась у нее, как была встречена ее попытка.

— Ах, — сказала та, — они все столпились вокруг меня и, казалось, были восхищены до последней степени. Том и Генри, и Джим, и Чарли — все были в восторге. Они сказали, что Мэри Андерсен не может и сравниться со мной. Они говорили, что никогда в жизни не слышали такой степени драматизма и чувства!

— Все до одного хвалили тебя? — спросила Марианна.

— За одним исключением. Мистер Джудсон откинулся в кресле и ни разу не аплодировал. Когда я кончила, он сказал мне, что боится, что мое драматическое дарование очень невелико.

— Теперь, — спросила Марианна, — ты знаешь, кто из них правдив и искренен?

— Еще бы! — сказала прекрасная девушка, и глаза ее блеснули энтузиазмом. — Испытание было как нельзя более удачным. Я ненавижу этого гадкого Джудсона и намерена немедленно начать готовиться к сцене!

СПРАВЕДЛИВАЯ ВСПЫШКА

Он источал запах джина, и его бакенбарды походили на цилиндрики музыкального ящичка. Он вошел вчера в игрушечный магазин на главной улице города и с убитым видом прислонился к прилавку.

— Что-нибудь прикажете? — холодно спросил владелец.

Он вытер глаза красным платком далеко не первой свежести и сказал:

— Ничего решительно, благодарю вас. Я просто зашел сюда пролить слезу. Я не люблю делать свидетелями моего горя случайных прохожих. У меня есть маленькая дочка, сэр, пяти лет от роду, с золотыми вьющимися волосиками. Ее зовут Лилиан. Она говорит мне нынче утром: «Папа, рождественский дед принесет мне на Рождество красный вагончик?». Это лишило меня последних сил, сэр, потому что, увы, я без работы и не имею ни гроша. Подумайте только, один красный вагончик сделает ее счастливой, а ведь есть дети, у которых сотни красных вагонов!

— Прежде чем вы покинете магазин, — сказал владелец, — а вы это сделаете через какие-нибудь пятнадцать секунд, я считаю долгом довести до вашего сведения, что мой магазин имеет отделение на Трэйнс-стрит, в каком-то отделении я вчера и находился. Вы вошли и сообщили то же самое о вашей маленькой девочке, которую вы называли Дэйзи, и я дал вам вагон. По-видимому, вы плохо помните имя вашей маленькой девочки.

Человек с достоинством выпрямился и направился к двери. Достигнув ее, он повернулся и сказал:

— Ее имя Лилиан-Дэйзи, сэр, а в вагоне, который вы мне дали, одно колесо соскакивает и с ручки сцарапана краска. У меня есть друг, владелец бара на Виллоу-стрит, который хранит его для меня до Рождества, но мне будет стыдно за вас, сэр, когда Лилиан-Дэйзи увидит этот старый, исцарапанный, дребезжащий, из вторых рук, оставшийся с прошлого года вагон. Но, сэр, когда Лилиан-Дэйзи опустится вечером на колени перед своей маленькой кроваткой, я скажу ей, чтобы она помолилась за вас и попросила Небо смилостивиться над вами. Есть у вас под рукой карточка с названием и адресом фирмы, чтобы Лилиан-Дэйзи правильно указала ваше имя в своей молитве?

ФАКТЫ, ФАКТЫ И ФАКТЫ

Было далеко за полдень, и дневной штат уже разошелся по домам. Ночной редактор только что вошел, снял пиджак, жилетку, воротничок и галстук, закатал рукава сорочки, спустил с плеч подтяжки и приготовился засесть за работу.

Кто-то робко постучался в дверь снаружи, и ночной редактор гаркнул:

— Войдите!

Красивая молодая леди с умоляющими голубыми глазами и прической Психеи вошла со скатанной в трубку рукописью в руке.

Ночной редактор молча взял трубку и раскатал ее. Это была поэма, и он стал читать ее вполголоса, судорожно кривя челюсть, так как его органы речи были частично закупорены доброй четвертью плитки жевательного табаку.

Поэма гласила:

РЕКВИЕМ

*Рассвет в окна немую муть
Проник, развеяв тьму,
Где он лежит, закончив путь,
Назначенный ему.*

*О, сердце, рвись от тяжких муж,
Рыдая и стена:
Мой alter ego, ментор, друг —
Оторван от меня!
Когда в восто рге он творил
В часы ночной тиши —
Он слишком много в масло лил
Огня своей души.
И взрыв пришел. И яркий свет
Погас: не вспыхнуть вновь.
И не проснется мой поэт
Принять мою любовь!*

— Когда это случилось? — спросил ночной редактор.

— Я написала это вчера ночью, сэр, — сказала молодая леди. — Оно годится для печати?

— Вчера ночью? Гм... Материал немного лежалый, но все равно, в другие газеты он не попал. Теперь, мисс, — продолжал ночной редактор, улыбаясь и выпячивая грудь, — я намерен дать вам урок, как надо писать для газеты. Мы воспользуемся вашей заметкой, но не в такой форме. Сядьте в это кресло, и я напишу ее заново, чтобы показать вам, в какую форму надо облекать факт для печати.

Юная писательница уселась, а ночной редактор сдвинул брови и два-три раза перечел стихотворение, чтобы схватить главные черты. Он написал затем несколько строк на листе бумаги и сказал:

— Вот, мисс, та форма, в какой ваша заметка появится в нашей газете:

НЕСЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ

В ночь на вчера мистер Альтер Эго из нашего города, обладающий недюжинным поэтическим дарованием, был убит взрывом керосиновой лампы во время работы у себя в комнате.

— Как видите, мисс, заметка содержит все существенное, и, однако...

— Сэр! — воскликнула с негодованием юная леди. — Ничего этого абсолютно нет в стихотворении! Сюжет его вымышлен, и целью стихотворения является изобразить горе друга поэта по поводу его безвременной смерти.

— Но, мисс, — сказал ночной редактор, — стихотворение ясно говорит о том, что в масло было подлито слишком много огня — или, вернее, в огонь слишком много масла — и что последовал взрыв, и что когда свет погас, джентльмен остался в положении, после которого он никогда уже больше не проснется.

— Вы прямо ужасны! — сказала юная леди. — Отдайте мне мою рукопись. Я занесу ее, когда здесь будет редактор литературного отдела.

— Очень жаль, — возразил ночной редактор, возвращая ей свернутую в трубку рукопись. — У нас мало происшествий сегодня, и ваша заметка была бы весьма кстати. Может быть, вам пришлось слышать о каких-нибудь несчастных случаях по соседству: рождениях, увозах, грабежах, разорванных помолвках?

Но хлопнувшая дверь была единственным ответом юной поэтессы.

РОКОВАЯ ОШИБКА

— Что ты такой мрачный сегодня? — спросил один из жителей Хаустона, завернув в сочельник в контору своего приятеля.

— Старая дурацкая штука с перепутанными письмами — и я боюсь теперь идти домой. Жена прислала мне час тому назад с посыльным записку, прося отправить ей десять долларов и подождать ее здесь в три часа, чтобы пойти вместе за покупками. В это же время я получил счет на десять долларов от торговца, которому я должен, с просьбой погасить его. Я нацарапал торговцу ответ: «Никак не могу выполнить просьбы. Десять долларов нужно для одной штучки, от которой не считаю возможным отказаться». Я сделал обычную ошибку: торговцу послал десять долларов, а жене — записку.

— Разве ты не можешь пойти домой и объяснить жене ошибку?

— Ты не знаешь моей жены. Я уже принял все меры, какие мог. Я застраховался на десять тысяч долларов от несчастного случая сроком на два часа и жду ее сюда в тече-

ние ближайших пятнадцати минут. Передай всем моим приятелям мой прощальный привет, и если, когда будешь спускаться вниз, встретишь даму на лестнице — держись ближе к стенке!

ТЕЛЕГРАММА

Место действия: телеграфная контора в Хаустоне. Входит очаровательное манто из черного велюра, отделанное шнурками и выпушками, с воротником из тибетской козы, заключающее в себе не менее очаровательную юную леди.

Юная леди. О, мне нужно немедленно послать телеграмму — будьте так добры, дайте мне, пожалуйста, бланков — штук шесть. (*Пишет в течение 10 минут*). Сколько это будет стоить? — пожалуйста!

Телеграфист (*Подсчитывает слова*). Шестнадцать долларов девяносто пять центов, мэ'эм.

Юная леди. Господи боже мой! У меня с собой только тридцать центов. (*Подозрительно.*) Каким образом вы берете так много, когда почтой это стоит всего два цента?

Телеграфист. Мы берем за то, что доставляем корреспонденцию быстрее, чем почта, мэ'эм. Вы можете послать телеграмму в десять слов всего за двадцать пять центов.

Юная леди. Дайте мне еще один бланк, пожалуйста. Я думаю, одного хватит.

Через пять минут напряженной работы она представляет следующее:

«Кольцо ужасно красиво. Приходите ко мне, как только вместе. *Ваша Мэми*».

Телеграфист. Здесь одиннадцать слов. Это будет стоить тридцать центов.

Юная леди. Ах, какая жалость! Я как раз хотела на эти пять центов купить жевательную резинку.

Телеграфист. А вот посмотрим. Вы можете выбросить слово «ужасно» — и все будет в порядке.

Юная леди. Но я не могу его выбросить! Вам следовало бы посмотреть на это кольцо. Я лучше дам вам тридцать центов.

Телеграфист. Кому вы посылаете телеграмму?

Юная леди. Вы, кажется, слишком любопытны, сэр!

Телеграфист. Уверю вас, мой вопрос не носит личного характера. Нам необходимы имя и адрес, чтобы знать, куда доставить телеграмму.

Юная леди. Ах, да! Я не подумала об этом.

Она надписывает имя и адрес, платит тридцать центов и уходит. Через двадцать минут она появляется снова, задыхаясь от быстрой ходьбы.

— Ах, я совсем забыла... Вы уже отослали?

Телеграфист. Да. Десять минут тому назад.

Юная леди. Такая жалость! Я совсем не то хотела сказать. Вы не можете протелеграфировать, чтобы изменили?

Телеграфист. Что-нибудь очень важное?

Юная леди. Да, я хотела, чтобы вы подчеркнули слова: «ужасно красиво». Вы можете это сделать сейчас же?

Телеграфист. Конечно. И у нас есть прелестные духи: фиалка. Не прикажете ли спрыснуть телеграмму?

Юная леди. О да! Вы так любезны! Я непременно буду посылать все свои телеграммы через вашу контору — вы до такой степени обязательны! Всего хорошего.

ОТКЛОНЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ

Фермер, живущий приблизительно в четырех милях от Хаустона, как-то на прошлой неделе заметил во дворе незнакомца, который вел себя не совсем обычным образом. На нем были парусиновые штаны, засунутые в сапоги, а нос у него был цвета прессованного кирпича. Он держал в руке заостренную палку фута в два длиной, втыкал ее в землю и, поглядев через нее в разных направлениях, переносил ее в другое место и повторял ту же процедуру.

Фермер вышел во двор и справился, что ему здесь нужно.

— А вот обождите минутку, — сказал незнакомец и, прищурившись, поглядел через палку на курятник. — Так. Это будет пункт Т. Видите ли, я принадлежу к разведывательному отряду инженеров, который проводит новую линию из Колумбуса, Огайо, до Хаустона. Понимаете? Остальные парни там за холмом с обозом и багажом. Свыше миллиона ос-

нового капитала. Понимаете? Меня послали вперед, чтобы найти место для большого узлового вокзала стоимостью в двадцать семь тысяч долларов. Стройка начнется как раз от вашего курятника. Я даю вам намек — соображаете? Требуйте основательно за этот участок. Тысяч пятьдесят они выложат. Почему? Потому, что деньги у них есть, и потому, что они должны строить вокзал в том самом месте, которое я укажу. Понимаете? Мне нужно ехать сейчас в Хаустон оформить заявку, а я забыл взять пятьдесят центов у казначея. Казначей — низенький человек в светлых брюках. Вы можете дать мне пятьдесят центов, а когда парни подъедут попозже, скажете им, и они вам вернут доллар. Вы можете даже спросить с них пятьдесят пять тысяч, если...

— Брось эту палку через забор, возьми топор и наколи ровно половину этих вот дров — и я дам тебе четверть доллара и ужин, — сказал фермер. — Улыбается тебе это предложение?

— Вы хотите отклонить возможность отдать часть своей земли под вокзал и получить за нее?..

— Да. Эта часть земли мне нужна под курятник.

— Вы, значит, отказываетесь взять за нее пятьдесят тысяч долларов?

— Значит. Ты будешь колоть дрова или мне свистнуть собаку?

— Давайте ваш топор, мистер, и покажите, где дрова. Да велите вашей миссис поджарить лишнюю сковородку оладий к ужину. Когда эта железнодорожная линия Колумбус-Хаустон пройдет перед самым вашим забором, вы пожалее-те, что не воспользовались моим предложением. Да скажите ей, чтобы она не пожалела к оладьям патоки и топленого масла. Понимаете?

НЕЛЬЗЯ ТЕРЯТЬ НИ МИНУТЫ

Молодая мать из Хаустона влетела на этих днях в страшном возбуждении к себе в квартиру и крикнула своей матери, чтобы та как можно скорее поставила на плиту утюг.

— Что случилось? — спросила та.

— Томми укусила собака, и я боюсь, что она бешеная. Ах, поторопись, мама! Не теряй ни минуты!

- Ты хочешь попробовать прижечь ранку?
- Нет, я хочу отутюжить голубую юбку, чтобы ее можно было надеть к доктору. Скорее, мама! Скорее!

ПОРАЗИТЕЛЬНЫЙ ОПЫТ ЧТЕНИЯ МЫСЛЕЙ

Как ужасно было бы жить, если бы мы умели читать в мыслях друг друга! Можно с уверенностью сказать, что при таком положении вещей люди думали бы не иначе, как шепотом!

В качестве примера этому можно привести случай, имевший место в Хаустоне. Несколько месяцев тому назад очаровательная юная леди посетила наш город и дала ряд публичных сеансов чтения мыслей, проявив в этом отношении настоящие чудеса. Она легко разгадывала мысли любого из присутствовавших, находила спрятанный предмет после того, как брала за руку человека, его спрятавшего, и читала фразы, написанные на маленьких клочках бумаги людьми, отстоявшими от нее на значительном расстоянии.

Один из молодых людей Хаустона влюбился в нее, и после продолжительного ухаживания дело кончилось браком. Они занялись домашним хозяйством и некоторое время были счастливейшими из смертных.

В один прекрасный вечер они сидели на веранде своего домика, держа друг друга за руки, охваченные тем чувством близости и взаимного понимания, которое может дать только разделенная любовь. Вдруг она вскочила на ноги и сшибла его с веранды огромным цветочным горшком. Он поднялся в полнейшем изумлении, с чудовищной шишкой на голове, и попросил ее — если это ей нетрудно — дать объяснения.

— Тебе не удастся одурачить меня, — сказала она, сверкая глазами. — Ты думал сейчас о рыжеволосой девушке по имени Мод с золотой коронкой на одном из передних зубов, одетой в легкую розовую кофточку и черную шелковую юбку. Ты представлял ее стоящей на Руск-авеню под кедровым деревом, и жующей резинку, и называющей тебя «душечкой», и играющей твоей часовой цепочкой, и чувствующей, как твоя рука обвивает ее талию, и говорящей: «Ах,

Джордж, дай же мне перевести дыхание!» — в то время как мать зовет не-дозовется ее ужинать. Пожалуйста, не отрицай этого! И не являйся на порог дома прежде, чем заставишь себя думать о чем-нибудь лучшем!

Тут входная дверь захлопнулась, и Джордж остался наедине с разбитым цветочным горшком.

ЕГО ЕДИНСТВЕННЫЙ ШАНС

На прошлой неделе труппа, делающая турне с пьесой «Громовержцы», дала в Хаустоне два спектакля — дневной и вечерний. На последнем видный политический деятель Хаустона занял одно из мест в самом первом ряду. В руках он держал блестящий шелковый цилиндр и казался страшно напряженным: так и ерзал в кресле, держа цилиндр перед собой обеими руками. Один из его приятелей, сидевший как раз сзади, наклонился к нему и справился о причинах такой возбужденности.

— Я скажу вам, Билли, — ответил политический деятель конфиденциальным шепотом, — в чем, собственно, дело. Я уже десять лет принимаю участие в политической жизни, и меня за это время столько раз оклеветывали, обкладывали, смешивали с грязью и называли крепкими именами, что я подумал, что хорошо было бы, если бы ко мне хоть один раз прежде, чем я помру, обратились приличным образом — а нынче, кажется, представляется единственная возможность к этому. Сегодня в одном из антрактов состоится сеанс престижджитатора, и профессор черной магии, конечно, спустится в публику и скажет: «Не будет ли кто-либо из джентльменов так любезен, что одолжит мне шляпу?» Тогда я встану и протяну ему свою — и после этого я буду чувствовать себя хорошо целую неделю. Меня уже столько лет никто не называл джентльменом! Боюсь только, что разрыдаюсь, пока он будет брать у меня цилиндр... А теперь извините, я должен быть наготове, чтобы кто-нибудь не опередил меня. Я отсюда вижу одного из гласных города со старым котелком в руке — и готов держать пари, что он здесь с этой же целью!

БУДЕМ ЗНАКОМЫ

Пальто его порыжело, и шляпа давно уже вышла из моды, но пенсне на черной ленте придавало ему внушительный вид, а в манере держать себя были изысканность и непринужденность. Он вошел в новую бакалейную лавку, недавно открывшуюся в Хаустоне, и сердечно приветствовал ее владельца.

— Я должен представиться, — сказал он. — Мое имя Смит, и я живу дверь в дверь с квартирой, куда вы только что переехали. Видел вас в церкви в это воскресенье. Наш священник также обратил на вас внимание и после службы сказал мне: «Брат Смит, вы должны обязательно узнать, кто этот незнакомец с таким интеллигентным лицом, что так внимательно слушал меня сегодня». Как вам понравилась проповедь?

— Очень хороша, — сказал торговец, извлекая из банки какие-то смешные (точно с крылышками) ягоды.

— Да, это богобоязненный и красноречивый человек. Вы недавно занялись коммерцией в Хаустоне, не правда ли?

— Недели три, — сказал торговец, перекладывая нож для сыра из ящика на полку.

— Жители нашего города, — сказал порыжелый господин, — радушны и гостеприимны. К новоприезжим они относятся даже сердечнее, чем к своим согражданам. А члены нашей церкви особенно внимательны к тем, кто заходит разделить с нами служение Господу. У вас прекрасный подбор товаров.

— Так-так, — сказал торговец, поворачиваясь спиной и рассматривая жестянки с консервированными калифорнийскими фруктами.

— Всего лишь неделю назад у меня был целый спор с моим бакалейщиком из-за того, что он поставляет мне второсортные продукты. У вас, надо полагать, есть хорошие окорока и такие вещи, как кофе и сахар?

— Н-да, — сказал торговец.

— Моя жена заходила нынче утром навестить вашу и с большим удовольствием провела время. В какие часы ваша повозка объезжает нашу улицу?

— Послушайте, — сказал торговец. — Я скупил тут весь остаток одной из бакалейных лавок и дополнил его массой новых товаров. В одной из старых книг я вижу против ваше-

го имени сумму долга в восемьдесят семь долларов десять центов. Вам угодно еще что-нибудь взять сегодня?

— Нет, сэр, — сказал порожельый субъект, выпрямляясь и сверкая глазами через пенсне. — Я просто зашел из чувства долга, присущего каждому христианину, чтобы приветствовать вас, но вижу, что вы не тот, за кого я вас принял. Мне не нужно вашей бакалеи. Черви в вашем сыре видны даже с той стороны улицы, а жена моя говорит, что ваша жена носит нижнюю юбку, сшитую из старой скатерти. Многие из наших прихожан заявляли, что от вас несло грогом в церкви и что вы немилосердно храпели во время службы. Моя жена вернет занятую сегодня утром у вашей жены чашку шпига, как только я получу продукты из лавки, которая мне их поставляет. Всего хорошего, сэр.

Торговец тихо напевал про себя: «Никто играть со мной не хочет!» — и машинально отколупывал свинец от одной из гирь, к вящему ущербу ее полновесности.

ОПАСНОСТИ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Иеремия К. Дилуорти живет в конце Сан-Джасинто-стрит. Он каждый вечер возвращается домой пешком. Первого января он пообещал жене, что в течение года ни разу не выпьет. Он тут же забыл свое обещание, и второго января мы сошлись веселой компанией, так что, когда он направился домой, он чувствовал себя несколько беззаботно.

Мистер Дилуорти — хаустонский старожил и в дождливые ночи всегда ходит посередине улицы, где мостовая лучше всего.

Увы! Если б только мистер Дилуорти помнил обещание, данное им жене!

Он пустился в путь в полном порядке, но когда он шел уже по Сан-Джасинто-стрит, ноги отнесли его к одной из сторон улицы.

Полисмен, стоявший на углу, услышал громкий крик ужаса и, обернувшись, заметил, как какой-то человек судорожно взмахнул руками и затем исчез из виду. Прежде чем полисмен мог кликнуть кого-либо, кто добрался бы до не-

счастливого вплавать, человек всплыл в третий и последний раз и исчез уже навсегда.

Мистер Иеремия К. Дилуорти утонул в тротуаре.

ВЗДОХ ОБЛЕГЧЕНИЯ

Джентльмен из Хаустона, стоящий сотни тысяч и живущий на одиннадцать долларов в неделю, спокойно сидел в своей конторе несколько дней тому назад, как вдруг вошел человек самого отчаянного вида и осторожно прикрыл за собой дверь. У посетителя было лицо типичного негодяя, а в руке он чрезвычайно бережно держал продолговатый четырехугольный сверток.

— Что вам угодно? — справился капиталист.

— Мне угодно денег, — прошипел незнакомец. — Я умираю с голода, в то время как вы катаетесь в миллионах. Видите этот пакет? Знаете, что в нем?

Богач выскочил из-за стола, бледный от ужаса.

— Нет, нет! — вырвалось у него. — Не может быть, чтобы вы были так жестоки, так бессердечны!

— Этот пакет, — продолжал отчаянный человек, — содержит количество динамита, достаточное — если уронить его на пол, — чтобы превратить все здание в бесформенную грудку развалин.

— Только и всего? — сказал капиталист, опускаясь в свое кресло и со вздохом облегчения подымая выпущенную им из рук газету. — Вы даже не представляете, как вы меня перепугали. Я думал, что это слиток золота и что вы хотите под него денег!

НИЗКИЙ ТРЮК

Когда актеру по ходу пьесы требуется написать письмо, он по установившемуся обычаю читает вслух слово за словом по мере занесения их на бумагу. Это необходимо для того, чтобы зрители знали его содержание, иначе фабула пьесы будет для них недостаточно ясна. Письмо, которое

пишется на сцене, чаще всего имеет существенное значение для развития драматической интриги, и, конечно, пишущий должен читать вслух то, что он пишет, чтобы довести об этом до сведения аудитории.

Но во время представления пьесы «Монбарс» в Хаустоне, несколько дней тому назад, джентльмен, играющий роль отъявленного негодяя, воспользовался упомянутой выше особенностью писания сценических писем самым недостойным образом.

В последнем акте мистер Мантель, в роли Монбарса, пишет имеющее решающее значение письмо и — по обычаю — читает его по мере писания, строка за строкой. Негодяй прячется за пологом алькова и прислушивается с низкой радостью к тому, что мистер Мантель сообщает публике совершенно конфиденциально. Затем он пользуется полученными таким недостойным образом сведениями, чтобы привести в исполнение свои дьявольские планы.

Пусть мистер Мантель незамедлительно обратит на это свое внимание. Человек, принадлежащий к его труппе и получающий, несомненно, очень приличное содержание, должен стоять выше этого и не злоупотреблять выгодами обыкновенно сценического приема.

ПАСТЕЛЬ

Надо всем распростерла свои крылья черная ночь.

Он умоляет ее.

Его рука лежит на ее руке.

Они стоят в холодной торжественной тьме и смотрят в ослепительно освещенную комнату. Его лицо бледно от ужаса. На ее лице написаны желание и презрительный упрек, и оно бледно от волнения перед неизбежным.

В десяти милях, на Гаррисбургском шоссе, уже прокричал свое «ку-ка-реку» петух с выщипанным хвостом, но женщина непоколебима.

Он умоляет ее.

Она стряхивает его руку со своей жестом, ясно говорящим об отвращении, и делает шаг по направлению к освещенной комнате.

Он умоляет ее.

Хрустальные блики луны дрожат на ветвях деревьев над ними. Звездная пыль осыпала грань, за которой начинается Непостижимое. Что-бы-там-ни-было Абсолютного царит надо всем.

Грех — внизу. Наверху — мир.

Порыв норда хлестнул их резким ударом хлыста. Мимо проносятся экипажи. Изморозь ползет по камням, ложится, хрустя, вдоль перил и отбрасывает, как северное сияние, назад к луне ее вызывающие лучи.

Он умоляет ее.

Наконец, она поворачивается, убежденная.

Он настоял на своем отказе угостить ее устрицами.

КОМНАТА С ПРЕДКАМИ

Пройдоха-репортер «Техасской почты» направлялся вчера ночью к себе домой, когда к нему подошел худой, голодного вида человек с дикими глазами и изнуренным лицом.

— Не можете ли сказать мне, сэр, — спросил он, — где мне найти в Хаустоне семью самого что ни на есть низкого происхождения?

— Я вас не совсем понимаю, — сказал репортер.

— Позвольте объяснить вам, как обстоит дело, — сказал истощенный человек. — Я приехал в Хаустон месяц тому назад и стал искать меблированную комнату с пансионом, так как гостиницы мне не по средствам. Мне попался прелестный аристократического вида особнячок, и я зашел туда. Хозяйка комнат вышла в гостиную: очень представительная дама с римским носом. Я справился о цене, и она назвала цифру:

— Восемьдесят долларов в месяц!

Я с таким глухим стуком ударился, отшатнувшись, о дверь, что она сказала:

— Вы, по-видимому, удивлены, сэр. Имейте, пожалуйста, в виду, что я вдова бывшего губернатора штата Виргиния. У моей семьи очень высокие связи. Иметь в моем доме комнату с пансионом чрезвычайно лестно, сэр. Я не считаю ни-

какие деньги достаточным эквивалентом пребыванию в моем обществе. Вы хотите комнату с отдельным входом?

— Я зайду еще раз, — сказал я и сам не помню, как выбрался оттуда и направился к другому красивому трехэтажному особнячку с вывеской: «Комнаты с пансионом и без».

У следующей дамы были седые кудри и нежные, как у газели, глаза. Она была кухиной генерала Магона из Виргинии и хотела пятнадцать долларов в неделю за маленькую боковую комнатку с розовой вышивкой и олеографией, изображающей битву при Чанселорсвиле на стене.

Я пошел дальше по мебелированным комнатам.

Следующая дама сообщила, что она произошла от знаменитого проповедника Аарона Бэра, с одной стороны, и от знаменитого пирата капитана Кидда — с другой. В деловой жизни в ней проявлялись наследственные черты капитана Кидда. Она хотела получать с меня за помещение и пансион по шестьдесят центов в час. Я обошел весь Хаустон и столкнулся: с девятью вдовами судей Верховного суда, с двенадцатью отпрысками губернаторов и генералов, с двадцатью двумя развалинами, состоявшими в счастливом браке с полковниками, профессорами и мэрами, — и все они оценивали свое общество в огромные цифры, а комнату и стол давали, по-видимому, как бесплатное приложение.

Но я к этому времени буквально умирал с голода, и потому снял на неделю комнату с пансионом в одном из красивых, стильных домов. Хозяйка была высокой представительной дамой. Одну руку она постоянно упирала в бок, а в другой держала молитвенник и крюк для льда. Она говорила, что она тетка Дэви Крокета и до сих пор носит по нем траур. Ее семья считалась одной из первых в Техасе. Когда я въехал, был как раз час ужина, и я сразу же отправился к столу. Ужин подавался между шестью часами пятьюдесятью минутами и семью и состоял из покупного хлеба, молитвы и холодной подошвы. Я так устал за день, что немедленно после ужина попросил показать мне мою комнату.

Я взял свечу, вошел в указанное помещение и быстро замкнул за собой дверь. Комната была мебелирована в стиле поля битвы при Аламо. Стены и пол были голы, как камень, а кровать была как монумент — только жестче.

Около полуночи мне приснилось, будто я упал в куст шиповника, который страшно колется. Я вскочил и зажег свечу. Оглядев постель, я быстро оделся и воскликнул:

— Фермопилы имели одного вестника несчастья, но в Аламо таких вестников тысячи.

Я выскользнул за дверь и был таков.

Так вот, дорогой мой сэр, я недостаточно богат, чтобы платить за аристократическое происхождение и за предков содержателей пансионатов. Я больше дорожу обыкновенными коронками своих зубов, чем геральдическими коронками своих хозяев. Я голоден, и в отчаянии, и ненавижу всякого, чья родословная восходит дальше отца с матерью. Я хочу найти комнату и стол у такой хозяйки, которая была в детстве подкинута сердобольным людям, чей отец имел пять судимостей и у которой вовсе не было никакого деда. Я хочу найти низкую по происхождению, вульгарную, нечистокровную, санкюлотную семью, в которой никогда не слышали о хорошем тоне, но которая может подать к обеду кусок жаркого по обычной рыночной цене. Есть хоть одна такая в Хаустоне?

Репортер печально покачал головой в ответ.

— Ни разу не слышал о такой, — сказал он. — Здешние содержательницы пансионатов сплошь аристократичны и цены заламывают выше любой примадонны.

— В таком случае, — сказал худосочный господин в полном отчаянии, — угостите хоть стаканом грога!

Репортер надменно сунул руку в жилетный карман, но почему-то презрительно отвернулся и исчез во тьме плохо освещенной улицы.

ПРИТЧА ОБ X-ЛУЧЕ

И случилось так, что Некто с Катодным Лучом обходил страну и показывал одним людям, за приличное вознаграждение, содержимое голов других людей и то, о чем они думают. И он ни разу не сделал ошибки.

И в одном из городов жил человек по имени Рюбен и дева по имени Руфь. И оба они любили друг друга и вскоре должны были стать мужем и женой.

И Рюбен пришел к Некому и заказал у него за плату снимок с головы Руфи, чтобы узнать, кого в действительности она любит.

И позже пришла Руфь и также заказала Некоему, чтобы он узнал, кого в действительности любит Рюбен.

И Некто сделал так, как они просили, и получил два хороших негатива.

Тем временем Рюбен и Руфь признались друг другу в том, что они сделали, и на следующий день они пришли рука об руку, чтобы Некто дал им ответ. И он, увидев их, написал каждое из имен на отдельном клочке бумаги и дал им их в руки.

— На этих клочках бумаги, — сказал Некто, — вы найдете имена тех, кого каждый из вас любит в действительности, как это обнаружено моим чудесным Катодным Лучом.

И человек и дева взглянули на клочки бумаги и увидели, что на одном написано: «Рюбен», а на другом: «Руфь», и были они преисполнены радости и счастья, и ушли, обнимая друг друга.

Но Некто с Лучом забыл им сказать, что сделанные им снимки показывали, что голова Рюбена была полна глубокой и неувыдающей любовью к Рюбену, а голова Руфи — глубокой и неувыдающей любовью к Руфи.

Мораль этой притчи в том, что владелец Луча, по-видимому, хорошо знал свое дело.

ВСЕОБЩАЯ ЛЮБИМИЦА

Наиболее популярная и повсеместно любимая девушка в Соединенных Штатах — мисс Анни Вильямс из Филадельфии. Нет такого человека, который не имел бы хоть раз в жизни ее изображения. Его добиваются иметь больше, нежели фотографии самых выдающихся красавиц. На него больший спрос, чем на портреты всех знаменитейших мужчин и женщин мира, взятые вместе. И тем не менее это — скромная, милая и, пожалуй, даже предпочитающая одиночество молодая девушка с лицом далеко не чисто классического типа.

Мисс Вильямс скоро выйдет замуж, но полагаем, что борьба за обладание ее изображениями будет идти по-прежнему.

Она — та самая девушка, чей профиль послужил моделью для головы Свободы, выбитой на серебряной монете достоинством в один доллар.

СПОРТ И ДУША

— Литературный редактор принимает?

Редактор отдела спорта поднял глаза от газеты, которую он читал, и увидел перед собой воплощение женственной прелести, лет двадцати от роду, с нежными голубыми глазами и с тяжелой массой коричневато-золотистых волос, собранных в самую модную и как нельзя более идущую прическу.

— Ни-ни, — сказал спортивный редактор. — Можете поставить сто против одного, что его нет. Вы зашли насчет стихотвореньца или хотите, чтобы он спер для вас пару лишних купонов на получение в премию велосипеда?

— Ни то и ни другое, — сказала юная леди с достоинством. — Я секретарь Хаустонской Лиги Этической Культуры для Молодых Девиц, и меня делегировали к редактору литературного отдела вашей газеты, чтобы он порекомендовал нам, как лучше и шире всего развить наши функции.

— Вот это хорошая штука, — сказал спортивный редактор. — Не улавливаю в точности, что такое этическая культура, но если это нечто похожее на физическую, то вы, барышня, попали как раз на нужного человека. Я могу за одну минуту дать вам больше ценных сведений для развития ваших функций, чем литературный редактор за целый час. Он знает все решительно о происхождении пирамид, но он не сделает ни одного удара и не сумеет научить вас, как увеличить размеры вашей груди хотя бы на полдюйма. Сколько времени ваша лига занимается тренировкой?

— Мы организовались в прошлом месяце, — ответила посетительница, рассматривая жизнерадостное лицо редактора с некоторым сомнением.

— Ну-с, а как вы, девицы, дышите — легкими или диафрагмой?

— Сэр?!

— О, вы должны приниматься за дело немедленно и вам надо знать, какой способ дыхания правильный и какой нет. Первое дело — держать грудь вперед, плечи назад, и в течение нескольких дней проделывать упражнения с руками. Затем попробуйте вот что: выпрямите верхнюю часть туловища и, стоя на одной ноге, постарайтесь...

— Сэр! — сурово воскликнула юная леди. — Вы слишком самоуверенны. Я не понимаю, о чем вы говорите. Наше общество не имеет никакого отношения к гимнастике. Наша цель — поощрение социальной этики.

— О! — разочарованно протянул спортивный редактор. — Так это все-таки общество — и чай в розовых чашечках... В таком случае это не по моей специальности. Полагал, что вы интересуетесь атлетикой. Вы смело могли бы! Послушайтесь моего совета и проделывайте это упражнение каждое утро в течение недели. Вы будете изумлены, когда увидите, насколько оно разовьет вашу мускулатуру. Как я уже говорил, станьте на одну ногу...

Бах! — хлопнула дверь, и голубоглазое видение исчезло.

— Ужасно жалко, — сказал спортивный редактор, — что наши девицы никак не хотят заниматься саморазвитием без... без этой самой этики!

ГОТОВНОСТЬ НА КОМПРОМИССЫ

Подойдя к бару, он подтянул обеими руками воротник и выровнял старый красный галстук, который упорно хотел заползти ему за ухо.

Владелец бара взглянул на него и продолжал крошить в посудину лимонную корку.

— Послушайте, — сказал субъект с красным галстуком, — мне прямо-таки больно думать об этом.

— О чем? — спросил владелец. — О воде?

— Нет, сэр. Об индифферентизме, проявляемом населением штата в вопросе о поднесении достойного подарка дредноуту «Техас». Это позор для нашего патриотизма! Я беседовал с Вудро Вильсоном по этому поводу, и мы оба решили, что что-нибудь необходимо предпринять немедленно. Вы дадите два доллара в фонд на приобретение подарка дредноуту?

Владелец бара протянул руку назад и снял с полки стакан.

— Я, может быть, дам вам и десять долларов, — сказал он, — но вот стакан виски, в который я по ошибке капнул скипидаром нынче утром и забрызгал выплеснуть. Это может заменить?

— Может, — сказал субъект в красном галстуке, потянувшись к стакану, — и я также собираю пожертвования в пользу голодающего населения Кубы. Если вы хотите поддержать гуманное начинание, но не располагаете свободной наличностью, фужер пива со случайно попавшей мухой...

— Катись дальше, — сказал владелец бара. — В заднюю дверь заглядывает член евангелической конгрегации, а он не войдет, пока кто-нибудь здесь есть.

ИСПОРЧЕННЫЙ РАССКАЗ

Недавно вечером в довольно грязный ресторанчик в небольшом городке на линии Центральной железной дороги вошел верзила самого отчаянного вида, имевший вообще малозавидную репутацию. Он подошел к бару и громко потребовал, чтобы все находившиеся в ресторанчике присоединились и выпили вместе с ним. Толпа быстро двинулась к бару при этом приглашении, так как субъект был почти вдребезги пьян и, несомненно, опасен в таком состоянии.

Лишь один человек не откликнулся на приглашение. Это был невысокого роста господин, чисто одетый, который спокойно сидел в кресле и лениво разглядывал толпу. Внимание физиономиста было бы привлечено выражением его лица, соединявшим в себе холодную решимость и силу воли. У него была плотная квадратная челюсть и пристальные серые глаза с тем своеобразным оттенком серого цвета, который больше говорит о таящейся за ним опасности, нежели какой-либо другой.

Хулиган обернулся и увидел, что нашелся один, который не откликнулся на его приглашение.

Он повторил его во всю силу своих легких.

Невысокий господин встал и спокойно подошел к пьяному верзиле.

— Виноват, — сказал он негромким, но решительным голосом. — Я несколько туг на ухо и не расслышал, что вы сказали в первый раз. Гоните сюда виски! Живо!

И еще один рассказ был испорчен для печати.

НИКАКОГО ИСХОДА

— Джон, — сказал на этих днях хаустонский бакалейный торговец одному из своих приказчиков, — вы были мне верным и исполнительным служащим, и, чтобы показать

вам свою признательность, я решил взять вас в дело компаньоном. С этого дня вы имеете часть в деле и являетесь участником фирмы.

— Но, сэр, — сказал обеспокоенный Джон, — у меня семья на плечах. Я ценю оказанную мне честь, но боюсь, что я слишком молод для столь ответственного положения. Я предпочел бы остаться в прежних условиях.

— Ничего не могу поделать, — сказал торговец. — Времена теперь тяжелые, и с целью сократить расходы я не останюсь даже перед тем, чтобы сделать всех своих приказчиков компаньонами!

СТРЕЛЯНЫЙ ВОРОБЕЙ

В прошлую субботу субъект без воротничка, в белом жилете и с дырявыми локтями, бодро вошел в бакалейную лавку на Конгресс-стрит с пакетом в руке и сказал:

— Вот, Фриц, я купил у вас сегодня две дюжины яиц, и, должно быть, ваш приказчик ошибся...

— Поди сюда, Эмиль, — закричал торговец, — ты надул этого джентльмена, подсунув ему гнилые яйца. Дай ему еще дюжину и...

— Вы меня не так поняли, — сказал покупатель с приятной улыбкой. — Ошибка не в этом. Яйца хороши — но вы положили их больше, чем нужно. Я уплатил всего за две дюжины, а дойдя до дому, обнаружил, что их в мешке тридцать шесть штук. Я хочу вернуть лишнюю дюжину и для этого вернулся назад. Я...

— Эмиль! — снова крикнул мальцу торговец. — Немедленно дай этому господину две дюжины яиц. Ты подсунул ему гнилые яйца. Не делай этого больше, или я уволю тебя.

— Но, сэр, — сказал человек в белом жилете с нотками беспокойства в голосе. — Вы дали мне больше яиц, чем следует на мои деньги, и я хочу вам вернуть дюжину. Я слишком честен, чтобы...

— Эмиль, — сказал торговец, — дай этому господину три дюжины самых свежих яиц, и пусть он уходит. Если мы отпускаем плохие яйца, мы их заменяем хорошими. Поспешите, да положи на всякий случай три-четыре штуки лишних.

— Но выслушайте меня, сэр, — сказал человек. — Я хочу...

— Вот что, мой друг, — сказал тихо торговец, — вы лучше забирайте эти яйца и идите домой. Я знаю, для чего вы принесли яйца назад. Если я их возьму у вас, я скажу: ну, это очень хороший человек, он честно поступил с этими яйцами, не правда ли? А потом вы придете в понедельник и возьмете у меня на девять долларов муки, и ветчины, и консервов и скажете, что заплатите в субботу вечером. Я стреляный воробей, меня на мякине не проведешь. Вы лучше заберите эти три дюжины яиц и считайте, что сделали хорошее дело. Мы всегда исправляем мелкие ошибки, если нам случится их сделать. Эмиль, клади уж прямо три с половиной дюжины — да прибавь штук пять леденцов для ребят!

ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ

— Как я удерживаю Джона дома по вечерам? — сказала хаустонская дама своей подруге. — Видишь ли, я однажды по вдохновению придумала способ — и он прекрасно действует до сих пор. Джон ежедневно уходил из дому после ужина и возвращался не раньше десяти-одиннадцати часов. В один прекрасный вечер он ушел как всегда, но, пройдя несколько кварталов, заметил, что забыл взять зонтик, и вернулся за ним. Я сидела и читала в гостиной, и он, подойдя сзади на цыпочках, закрыл мне руками глаза. Джон ожидал, вероятно, что я перепугаюсь, но я только спросила тихо:

— Это ты, Том?

С тех пор Джон все вечера проводит дома.

ПОЧЕМУ КОНДУКТОРА НЕОБЩИТЕЛЬНЫ

Трамвайных кондукторов бестактная публика часто выводит из себя; но им запрещено возражать и тем облегчать свою душу. Вот рассказ одного из кондукторов о случае, имевшем место несколько дней назад.

В числе пассажиров — а вагон был переполнен — находилась чрезвычайно изящно одетая дама с маленьким мальчиком.

— Кондуктор, — сказала она томно, — дайте мне знать, когда будет Роу-стрит.

Когда вагон поровнялся с этой улицей, кондуктор дернул веревку звонка и остановил вагон.

— Роу-стрит, мэм, — сказал он, проталкиваясь ближе, чтобы помочь даме выйти.

Дама поставила маленького мальчика на колени и указала ему в окно на дощечку с названием улицы, прикрепленную к забору.

— Посмотри, Фредди, — сказала она, — вот эта высокая прямая буква со смешной завитушкой вверху — «R». Постарайся запомнить. Можете пускать вагон, кондуктор. Мы выходим на Грэй-стрит.

ПО ВДОХНОВЕНИЮ

Он сидел на перевернутом пустом ящике под холодным морозящим дождем. Это было вчера, поздно вечером, на главной улице Хаустона. Одет он был бедно, и его толстое пальто с поднятым воротником было застегнуто до-верху. На его лице застыло выражение горестного замешательства, и во всем его виде было что-то такое, что отличало его от обыкновенного бродяги, строящего свою жизнь на обманах и надувательствах.

Журналист из «Техасской почты» почувствовал к нему жалость и подойдя сказал:

— Сейчас же за углом есть место, где вы сможете найти еду и ночлег за сравнительно небольшую плату. Как давно вы попали в Хаустон?

Человек посмотрел на репортера своими маленькими острыми глазками и спросил:

— Вы новый человек в газете, не так ли?

— Да, более или менее.

— Видите этот квартал, застроенный сплошь трехэтажными домами?

— Вижу!

— Так вот, все эти дома принадлежат мне, и я сижу здесь и размышляю, что мне делать.

— Что именно вас беспокоит?

— А видите ли, стены дают трещины и расползаются, и я боюсь, что мне придется всадить уйму денег в ремонт. У меня свыше ста квартиронанимателей во всех этих зданиях.

— Я вам скажу, что делать.

— Ну?

— Вы говорите, стены расползаются?

— Да.

— В таком случае жилая площадь квартир увеличивается. Повысьте на этом основании квартирную плату.

— Молодой человек, вы гений! Я завтра же увеличу ее на двадцать процентов.

И таким образом был спасен еще один капиталист.

РАЗГАДКА

В оранжерее одного из роскошных особняков Хаустона стоял со сложенными на груди руками и улыбкой сфинкса на лице Роланд Пендергэст и глядел сверху вниз на сидевшую в кресле Габриэль Смитерс.

— Почему, — говорил он, — меня так влечет к вам? Вы не прекрасны, вам не хватает апломба, грации и *Savoir faire*. Вы холодны, несимпатичны, и у вас кривые ноги. Я пытался проанализировать вашу власть надо мной — и не мог. Мы связаны друг с другом таинственной цепью телепатических явлений, но какова их природа? Мне противно думать, что я влюблен в женщину, у которой нет ни шика, ни передних зубов, но рок судил так. Все в вас отталкивает меня, но я не в силах вырвать вас из своего сердца. Днем вы наполняете мои мысли; ночью — кошмары. Вы сложены уродливо; но когда я прижимаю вас к своему сердцу, странный восторг наполняет его. Я не могу вам сказать, почему я люблю вас, как не могу сказать, почему парикмахер может скоблить бритвой чью-нибудь голову целых пятнадцать минут и не задеть воспаленного места. Говорите, Габриэль, скажите мне, в чем заключаются чары, которыми вы околдовали меня?

— Я скажу вам, — ответила Габриэль с мягкой улыбкой. — Я уже многих мужчин очаровывала этим. Когда я помогаю вам надеть пальто, я никогда не засовываю под него руку и не пытаюсь сдернуть вниз ваш пиджак.

ДОРОГО, КАК ПАМЯТЬ

— Предложенная цена?

Аукционист высоко поднял детскую лошадь-качалку, поломанную и грязную. Она принадлежала кому-то из младших членов семьи человека, чья подвижность продавалась с молотка.

Он был разорен вконец. Он отдал все, что у него было, своим кредиторам — дом, обстановку, лошадей, товары и землю. Он стоял в толпе и смотрел, как вещи, составлявшие его домашний очаг и доставшиеся ему от родителей, расходились по сотням незнакомых рук.

Женщина в густой вуали опиралась на его руку.

— Предложенная цена?

Аукционист высоко поднял игрушку, чтоб ее было видно всем. Детские ручонки оборвали и без того скудную гриву; уздечка была перекручена и потерта от прикосновений нежных пальчиков. Толпа молчала.

Женщина под густой вуалью зарыдала и протянула руки.

— Нет, нет, нет! — вырвалось у ней.

Мужчина был бледен от волнения. Маленькое существо, когда-то скакавшее на этой лошадке, много лет назад ушло и потерялось в широком мире. Это было все, что осталось в воспоминание о счастливых днях детства. Аукционист со странным влажным блеском в глазах передал мужчине игрушку, не говоря ни слова. Тот схватил ее жадными руками и вместе с женщиной под густою вуалью поспешил прочь.

По толпе пробежал шепот сочувствия.

Мужчина и женщина вошли в одну из пустых комнат и поставили на пол лошадь-качалку. Он вынул перочинный нож, вспорол грудь лошади и извлек оттуда пачку кредиток. Он пересчитал их и сказал:

— Меня мороз подирает по коже при мысли, что кто-нибудь мог предложить за нее несколько центов! Восемь тысяч пятьсот долларов — но этот аукционист чуть не испортил всей штуки!

НИКАК НЕ МОГ УГАДАТЬ

Субъект с длинным, острым носом и с огромным тюком на ремне поднялся по ступенькам на крыльцо мрачного кирпичного дома, скинул тюк, дернул звонок, а потом снял шляпу и вытер со лба пот.

Женщина открыла дверь, и он сказал:

— Мэм, я имею предложить целый ряд не только полезных, но прямо необходимых вещей, которые я хотел бы показать вам. Во-первых, попрошу вас взглянуть на эти изумительные жизнеописания великих людей и путешествий в разные страны в роскошных переплетах самых лучших авторов. Продаются исключительно по подписке. Переплет сделан...

— Мне нечего их смотреть. У нас ос...

— Особые вкусы, а? В таком случае, мэм, вот кубики для маленьких детей под названием «Юный строитель». Чрезвычайно полезно и занимательно. Нет? Тогда разрешите показать вам прелестные кружевные шторы для гостиной, ручной работы и совершенно даром. Могу...

— Не надо! Не надо! У нас ос...

— Осторожное отношение к торговцам в разнос? Все,, что я продаю, мэм, я продаю с гарантией. Вот, например, остроумнейшее приспособление, чтобы будить по утрам ленивых слуг. Стоит только нажать эту кнопку...

— Говорю вам, у нас ос...

— Острая нужда в деньгах? Пусть это не беспокоит вас, мэм. Я могу предоставить кредит до следующего посещения этого района или на любой указанный вами срок. Взгляните, мэм, на эту веревку для белья. Она не требует никаких прицепок и может быть прикреплена к чему угодно — забору, дереву, шесту. Ее можно снимать и натягивать в одну секунду, и для большой стирки это совершенно незаменимое...

— Я все пытаюсь сказать вам, — перебила женщина, — что у нас оспа в доме, и мы...

Длинноносый субъект судорожно схватил свои товары и скатился со ступеней крыльца в две секунды. Женщина тихо закрыла за ним дверь, а подъехавший в эту минуту мужчина вылез из экипажа и прикрепил к дому желтый флаг.

НЕСМОТРЯ НИ НА КАКУЮ НАУКУ

Человек, следящий за всеми новейшими открытиями и достижениями, — тот же «пророк в своем отечестве». Он знает все решительно о бациллах и микробах и обо всем многообразии вновь открытых врагов человечества. Он читает все газеты и наматывает на ус все предостережения, необходимые для долголетия и здоровья как физического, так и умственного. Он остановил вчера на Мэйн-стрит приятеля, который спешил на почту, и сказал вне себя от волнения:

— Минуточку, Браун. Вы когда-нибудь кусали ногти?

— Полагаю, что да — нет, впрочем, не знаю! Извините меня, пожалуйста, я должен вскочить в трамвай.

— Погодите вы! Боже милосердный, вы не представляете, какая вам грозит опасность! Если острая частица ногтя попадет к вам в легкие, начнется воспалительный процесс, который завершится поражением тканей, упадком сил, кровохарканьем, припадками, летаргией, туберкулезом и смертью. Подумайте об этом! И, между прочим, обнаружена очень опасная бактерия, возникающая в воде, в которой стояли розы. Хочу предостеречь вас. Знаете ли вы, что...

— Послушайте, старина, премного вам обязан, но это письмо...

— Что значит письмо в сравнении с вашей жизнью! В ложке обыкновенной ключевой воды находится свыше десяти миллионов живых существ; науке известны две тысячи их разновидностей. Вы солите пиво, когда пьете?

— Не знаю. Право же, я должен идти. Я...

— Не делайте меня ответственным за вашу жизнь — я пытаюсь ее спасти. Да знаете ли вы, что всякий прожитый нами день есть уже чудо! В каждом стакане пива находится

бесконечно малое количество хлористоводородной кислоты. Соединение ее с солью дает чистый хлор. Вы поглощаете хлористый газ каждый день вашей жизни. Остановитесь, пока не поздно!

— Я не пью пива!

— Но вы дышите через рот во время сна. Вы знаете, к чему это ведет? К грудной жабе и бронхиту. Или вы твердо решили, чтобы невежество привело вас к могиле? Подумайте о жене и детях! Известно ли вам, что обыкновенная комнатная муха носит на подушечках своих ног сорок тысяч микробов и служит распространителем холеры, тифа, дифтерии, скарлатины и...

— К черту микробов! У меня ровно три минуты, чтобы успеть сдать письмо. Всего!

— Одну секундочку! Доктор Пастер говорит, что...

Но жертва исчезла.

Десять минут спустя живой каталог новейших открытий был сбит с ног трамваем в то время, как пересекал улицу, поглощенный чтением о вновь изобретенном фильтре, и сочувствующие друзья отнесли его домой на руках.

«ДУРНОЙ» ЧЕЛОВЕК

Один смелый и «дурной» человек привлек на этих днях всеобщее внимание в одном из городов Техаса. По-видимому, он поглотил такое количество спиртных напитков, что им овладело желание во что бы то ни стало продемонстрировать свои особенности «дурного» человека. А когда полиция захотела арестовать его, он встал спиной к стене здания и предложил полиции «попробовать». Значительная толпа горожан — в том числе несколько коммивояжеров из находившейся неподалеку гостиницы — собралась поглазеть на происходящее.

«Дурной» человек был огромным свирепого вида парнем с длинными курчавыми волосами, ниспадавшими на плечи, в широкополой шляпе, в плаще из лосины с бахромой внизу и с весьма образным лексиконом. Он играл громадным шестизарядным револьвером и клялся костью Дэви Крокета, что продырявит каждого, кто попытается его схватить.

Шериф города вышел на середину улицы и стал было уговаривать его, но «дурной» человек гаркнул и поднялся на носки — и вся толпа очутилась на противоположной стороне улицы. Полисмены устроили совещание, но ни один из них не хотел начинать военные действия первым.

В это время маленький, худосочный, чахоточного вида вояжерчик, разъезжавший от одной из обувных фабрик Коннектикута, протискался через толпу на противоположной стороне улицы, чтобы взглянуть на бандита. Он весил каких-нибудь девяносто фунтов и носил двойные очки в золотой оправе. В эту самую минуту бандит гаркнул еще раз и проорал:

— Черт вас передери, почему никто из вас не подойдет и не попробует взять меня? Я проглочу любых пятерых из вас, даже не разжевывая, хотя я совсем не голоден — га! га!

Толпа подалась назад еще на несколько ярдов, а полисмены побледнели еще больше. Но худосочный человечек поправил обеими руками очки, шагнул с тротуара на мостовую и внимательно оглядел «дурного» человека. Затем он спокойно направился через улицу смешной подпрыгивающей походкой — прямо туда, где стояло воплощение ужаса.

Толпа завопила, чтобы он вернулся, а бандит еще раз потряс своим револьвером, но маленький человечек подошел к нему вплотную и сказал что-то. Зрители затрепетали, ожидая, что смельчак полетит наземь с пульей сорок пятого калибра в животе — но он не полетел. Все с изумлением увидели, как бандит опустил револьвер, сунул руку в карман и передал что-то маленькому человечку.

После этого бандит робко поплелся по тротуару, а человечек пересек улицу и присоединился к толпе.

— «Дурной» человек? — сказал он. — Полагаю, что нет. Он не способен обидеть и муху. Это — Зеке Скиннер. Он вырос на ферме в Коннектикуте по соседству со мной. Он представитель какого-то дутого средства от печени, и это его обычный уличный трюк, чтобы привлечь внимание толпы. Я дал ему взаймы восемь долларов в Гартфорде лет девять тому назад и думал, что уж никогда больше его не увижу. Его голос показался мне знакомым. Уплатил? Надо думать, что уплатил. Я всегда получаю то, что мне следует.

После этого толпа рассеялась, а двенадцать полисменов перехватили Зеке на ближайшем углу и избивали его до самого участка.

МАЛЕНЬКАЯ ОШИБКА

Самого обыкновенного вида субъект в сорочке-неглиже, вышедшей из моды еще в прошлом году, вошел в контору газеты и развернул рукопись длиною в добрых три фута.

— Я хотел повидать вас относительно этой небольшой вещицы, которую я собираюсь поместить у вас в газете. Здесь пятнадцать четверостиший, помимо прозаического материала. Стихи трактуют о весне. Мой почерк немного неразборчив, и мне придется прочесть вам это самому. Благоволите прослушать.

ВЕСНА

*Воздух полон нежных зефиров,
Трава в зеленые коврики вяжется.
Зима ушла из наших квартир,
А весна пришла, как мне кажется.
Когда солнце заходит, туманы
Ползут из низких болот,
А когда звезды зажигаются, освещая
заоблачные страны,
Холодный ветер дует, принося много хлопот.*

— Отнесите эту ерунду в редакцию, — сказал заведующий конторой коротко.

— Я там уже был, — возразил обыкновенного вида субъект, — и они направили меня сюда. Это заполнит целый столбец. Я хочу поговорить с вами о цене. Последнее четверостишие читается так

*Весенняя томность, чему есть примеры,
Закуривает нашу кровь в сердцах —
И мы должны немедленно принимать меры,
Чтобы не обратиться в то, чему имя: «Прах».*

За этим следует прозаический материал, который написан на машинке, как вы можете видеть, и вполне разборчив. Теперь я..

— К черту! — сказал заведующий конторой. — Нечего вам тут шляться и читать ваш старый весенний бред. Мне и так все утро досаждали представители фабрик, вырабатывающих бумагу и краску. Почему вам не заняться делом вместо того, чтобы валять дурака таким образом?

— Я не имел в виду отнять у вас время, — сказал посетитель, скатывая в трубку рукопись. — В городе имеются еще другие газеты?

— Да. Несколько. Семья у вас есть?

— Есть, сэр.

— Тогда какого черта не займетесь вы приличным делом, вместо того чтобы кропать гнусные вирши и читать их занятым людям? Мужчина вы или нет?

— Очень извиняюсь за беспокойство, — сказал самого обыкновенного вида субъект, направляясь к выходу, — я вам сейчас объясню, как обстоит дело. Я заработал за прошлый год свыше восьмидесяти тысяч долларов на этих самых маленьких вещичках, которые я пишу. Я помещаю свои весенние и летние рекламки для фирмы, вырабатывающей патентованное средство «Сарсапарилла», одним из совладельцев коей я являюсь.

Я решил затратить около тысячи долларов на рекламу в этом городе. Я побываю в других газетах, о которых вы упомянули. Всего хорошего!

Заведующий конторой стал после этого случая настолько осторожен, что все начинающие поэты города читают ему теперь свои стихи и он безропотно их выслушивает.

ВЫШЕ СИЛ ЖУРНАЛИСТА

— Вы дали заметку о самоубийстве, как я вас просил вчера вечером? — спросил редактор у новичка-репортера, только что окончившего школу журнализма.

— Я видел труп, сэр, но не нашел возможным дать его описание.

— Почему?

— Каким бы образом мог я написать, что горло несчастного было перерезано от уха до уха, когда у него всего-то было одно ухо?

ЧТОБЫ ИЗБЕЖАТЬ КРИКА

Это был большой мистификатор, никогда не пропускавший случая подшутить над кем-нибудь.

Несколько дней тому назад он встретил приятеля на Мэйн-стрит и конфиденциально шепнул ему:

— Я никогда бы не поверил этому, но полагаю своим долгом сделать факт общеизвестным. Мистер Джонсон, гласный нашей части города, принял деньги с определенной целью избежать крика.

— Невозможно! — сказал приятель.

— Говорю вам, что это правда, так как я случайно подслушал разговор и своими глазами видел, как деньги были переданы ему и как он взял их и положил в карман.

Затем он продолжал свой путь, не сообщив никаких подробностей, и целых два дня город только об этом и говорил.

Он совсем забыл об этом и не вспоминал до того дня, когда столкнулся с мистером Джонсоном и понес ущерб в виде двух фонарей под глазами и разорванного сверху до низу пальто.

После чего ему пришлось обходить всех и объяснять, что под деньгами, данными гласному во избежание крика, он разумел десять центов, переданные последнему его женой, чтобы купить успокоительного для младенца.

ПАМЯТНИК СЛАДКОГО ДЕТСТВА

Он был стар и слаб, и песок в часах его жизни почти истек. Он двигался неверными шагами вдоль одной из самых фешенебельных улиц Хаустона. Он оставил город двадцать лет тому назад, когда последний был немногим больше влачащей полунищее существование деревни, и теперь, устав странствовать по свету и полный мучительного желанья поглядеть еще раз на места, где протекло его детство, он вернулся и нашел, что шумный деловой город вырос на месте дома его предков. Он тщетно искал какого-нибудь знакомого предмета, какого-нибудь привычного вида, могущего напомнить ему минувшие дни. Все изменилось. Там, где стояла хижина его отца, высились стены стройного небоскреба; пустырь, где он играл ребенком, был застроен современными зданиями. По обе стороны расстилались великолепные лужайки, подбегавшие к роскошным особнякам.

Внезапно, с радостным криком, он бросился вперед с удвоенной энергией. Он увидел перед собой — не тронутый

рукой человека и не измененный временем — старый знакомый предмет, вокруг которого он бегал и играл ребенком. Он простер руки и кинулся к нему с глубоким вздохом удовлетворенности.

Позже его нашли спящим с тихой улыбкой на лице на старой мусорной куче посередине улицы — единственном памятнике его сладкого детства!

КОЕ-ЧТО ДЛЯ РЕБЕНОЧКА

Это всего только легкий диссонанс в радостной праздничной музыке. Минорная нотка под пальцами Рока, скользнувшими по клавишам, в то время как рождественские славословия и песни наполняют весельем святочные дни.

Журналист из «Техасской почты» стоял вчера в одном из крупнейших мануфактурных и галантерейных магазинов на Мэйн-стрит, наблюдая за толпой разодетых покупателей, главным образом дам, рывшихся в предпраздничных безделушках и предметах для подарков.

Но вот маленькая, тоненькая, бледенькая девочка робко пролезла к прилавку сквозь осадившую его толпу. Она была в слишком холодном для Рождества пальтишке, а ее сношенные башмачки были сплошь в заплатках.

Она оглядывалась с видом наполовину печальным, наполовину испуганным.

Приказчик заметил ее и подошел.

— Ну, чего тебе? — спросил он, пожалуй, слишком резко.

— Пожалуйста, сэр, — ответила тоненьким голоском девочка, — мама дала мне десять центов, чтобы купить кое-что для ребеночка.

— Кое-что для ребеночка, на десять центов? Рождественский подарок, а? А не находишь ли ты, что тебе лучше сбегать за угол, в игрушечный магазин? У нас этих вещей нету. Тебе нужно жестяную лошадку, или мячик, или петрушку на веревочке, верно ведь?

— Пожалуйста, сэр, мама сказала, чтобы я зашла сюда. Ребеночка уже нет с нами, сэр. Мама велела мне купить — на... десять... центов... крепа, сэр, пожалуйста!

СИЛА РЕПУТАЦИИ

В один из вечеров на прошлой неделе в Сан-Антонио, высокий торжественного вида господин в шелковом цилиндре вошел в бар при гостинице и остановился около камина, где уже сидели — куря и болтая — несколько человек. Толстяк, видевший, как он входил, справился у конторщика гостиницы, кто это такой. Конторщик назвал его имя, и толстяк последовал за незнакомцем в бар, бросая на него взгляды восторженного восхищения.

— Довольно холодная ночь, джентльмены, для теплого пояса, — сказал господин в шелковом цилиндре.

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха! — проревел толстяк, раздражаясь оглушительным хохотом. — Это недурно!

Торжественного вида господин был изумлен этим, но продолжал стоять и греться у камина.

Вскоре один из людей, сидевших подле огня, заметил:

— Старуха Турция там, в Европе, по-видимому, приутихла в настоящее время.

— Да, — сказал торжественный господин, — похоже, что обязанность шуметь взяли на себя все другие нации.

Толстяк издал громкий вопль, и лег на пол, и начал кататься по нему.

— Вот умора! — вопил он. — Лучшее, что я слышал когда-либо! Ха-ха-ха-ха-ха-ха! Давайте, джентльмены, дернем по этому поводу!

Приглашение дернуть показалось всем достаточным удовлетворением за такую ничем не оправданную веселость, и они сгрудились у стойки. Пока смешивались напитки, толстяк успел шепнуть что-то на ухо каждому из присутствующих, за исключением господина в шелковом цилиндре. Когда он кончил, все лица растянулись в широкие улыбки.

— Ну-с, джентльмены, если в чем и заключается шутка, то в этом! — произнес торжественный господин, поднимая стакан.

Вся компания единодушно разразилась в буквальном смысле ревом от хохота, расплескав половину содержимого стаканов на стойку и на пол.

— Когда-нибудь слышали такой поток остроумия? — спросил один.

— Он битком набит шутками, разве ж нет?

— Такой же, каким он был всегда!

— Лучшее, что мы имели здесь за год!

— Джентльмены, — сказал торжественный господин, — вы, по-видимому, сговорились разыграть меня. Я сам не прочь от хорошей шутки, но мне хотелось бы знать, насчет чего вы проходитеесь?

Трое лежали, вывалянные в опилках, на полу и взвизгивали, а остальные попадали в кресла или держались за стойку в пароксизмах хохота. Затем трое или четверо чуть не подрались за честь собрать всех снова у стойки. Торжественного вида господин держал себя подозрительно и осторожно — но пил каждый раз, когда кто-нибудь заказывал угощение. Стоило ему произнести слово, как вся орда выла от хохота, пока слезы не брызгали из глаз.

— Ну, — сказал торжественный господин, когда его собутельники оплатили, по крайней мере, двадцать круговых, — даже лучшие друзья расстаются. Мне нужно спешить к моему жесткому ложу.

— Здорово! — проревел толстяк. — Ха-ха-ха-ха-ха! Жесткое ложе, это — здорово! Лучшее, что я когда-либо слышал. Вы так же неистощимы, черт подери, каким были всегда! Ни разу не слышал такого экспромтного острословия! Техас гордится вами, старина!

— Спокойной ночи, джентльмены! — сказал торжественный господин. — Мне нужно встать очень рано и приняться за работу.

— Послушайте только! — взвыл толстяк. — Говорит, что ему надо приняться за работу. Ха-ха-ха-ха-ха!

Вся толпа разразилась прощальным ревом хохота вслед направлявшемуся к выходу торжественному господину. Последний остановился на минуту и сказал:

— Провел (ик!) чрезвычайно приятный вечер (ик!), джентльмены. Надеюсь увидеться еще с вами (ик!) утром. Вот моя карточка. Доброй ночи!

Толстяк схватил карточку и потряс торжественному господину руку. Когда тот исчез за дверью, толстяк взглянул на карточку, и лицо его вдруг стало серьезным.

— Джентльмены, — сказал он, — вы все знаете, кто такой наш друг, которого мы только что угощали?

— Еще бы! Вы сказали, что это Алекс Сладкий из «Техасского весельчака».

— Так я думал, — сказал толстяк. — Конторщик гостиницы сказал, что это Алекс Сладкий.

Он протянул им карточку и исчез через боковой выход. Карточка гласила:

Л. Х. УИТТ

Канзас-Сити

Представитель фирмы «СМИТ и ДЖОНС»

ГРОБА. ВЕНКИ. ПАМЯТНИКИ

Угощение стоило — всем по совокупности — тридцать два доллара. Толпа вооружилась чем попало и села в засаду в ожидании толстяка.

Когда теперь в Сан-Антонио незнакомцу приходит желание пошутить, он может вызвать улыбку не прежде, чем представит оформленные по всем правилам письменные данные.

ВО ИСПРАВЛЕНИЕ СТРАШНОЙ НЕСПРАВЕДЛИВОСТИ

Недавно было сделано открытие, которое не замедлит пробудить в каждом джентльмене нашей страны чувство живейшего раскаяния. В течение долгого времени мужчины полагали, что обыкновение дам надевать в театр высокие шляпы есть просто результат невнимания к тем несчастным, которым судьба предоставила места непосредственно сзади них.

Ныне выясняется, что такое предположение было по отношению к прекрасному полу глубочайшей несправедливостью. Известная женщина-врач раскрыла болезненное явление, от которого женская половина человечества уже давно и мучительно страдает, но которое ей удавалось сохранить до настоящего времени в полнейшей тайне. Обыкновение дам появляться в публичных местах в шляпах есть результат печальной необходимости — и следовательно, с них должно быть снято обвинение, столь часто против них выдвигавшееся, в эгоистическом невнимании к удобствам других.

Оказывается, дамы, перешагнувшие за тридцать пять лет, особенно чувствительны к действию световых лучей, падающих им на головы сверху. Женский череп существенно отличается от мужского, главным образом в верхней своей части, и, начиная с тридцатипятилетнего возраста теменные ткани женского черепа утончаются. Лучи света — особенно электрического — производят, проникая, чрезвычайно раздражающее действие на мозговые центры.

Как ни странно, этот недостаток черепного устройства совершенно не замечается женщинами в молодости; но стоит им перешагнуть за грань юности, как он немедленно дает себя почувствовать. Сами женщины знают об этом и часто толкуют на эту тему, но они ревностно оберегали свой секрет даже от самых близких мужчин. Женщина-врач, разоблачившая его на столбцах научного журнала, первая представительница их пола, заговорившая об этом вопросе открыто.

Если кто-либо даст себе труд проделать опыт, он незамедлительно убедится в соответствии изложенного истине. Начните разговор с дамой, перешагнувшей средний возраст, стоя под ярко светящей лампой, и через несколько минут ей станет не по себе и вскоре боль, причиняемая светом, заставит ее отодвинуться от его источника. На молодых здоровых девушек лучи света не оказывают никакого заметного действия. Таким образом, если мы видим в театре даму в высокой и громоздкой шляпе, мы можем смело сделать вывод, что ей больше тридцати пяти лет и что она просто предохраняет себя от болезненного явления, постигшего ее с годами. Напротив, где бы мы ни увидели даму, носящую небольшой и никому не мешающий головной убор, мы должны заключить, что она все еще молода и очаровательна и может сидеть под пронизывающими лучами света, не испытывая никаких неудобств.

Нет такого человека, на чьей совести лежит грех осуждения женщины за ее предполагаемое пренебрежение к удобству ее ближних, который бы теперь не высказал искреннейшего сожаления о своем заблуждении. Американцам присуще уважать старость — особенно женскую, — и когда изложенные здесь факты станут общеизвестными, терпимость и сочувствие заменят негодование и упреки. С этих пор впредь высокие шляпы с ниспадающими перьями и торчащими цветами и отделкой, встающие между нами и

сценой, будут рассматриваться не с неудовольствием, но с уважением — коль скоро мы поймем, что их носительницы уже не молоды и идут быстрыми шагами к могиле и что они вынуждены принимать предосторожности, необходимые в таком возрасте для их хрупких организмов.

РАССКАЗ-ЗАГАДКА С ПРЕМИЕЙ ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

Наиболее распространенный и модный способ для увеличения тиража наших газет — помещение в них романов-загадок с премиями для читателей. Публика приглашается принять участие в разгадывании, чем все это закончится, — и следовательно, вынуждается покупать или выписывать газету.

Нет ничего легче в мире, как написать загадочный рассказ, который устоял бы против изощренности самых гениальных отгадчиков страны.

В доказательство этого — вот рассказ, за расшифровку которого до прочтения последней главы мы предлагаем премию в 10.000 долларов любому мужчине и в 15.000 долларов любой женщине.

Мы даем только конспект рассказа, потому что литературный стиль нас не интересует — загадочность нам нужна, а не стиль!

Глава I

Судья Смит, высокочтимый житель города Плунквилля, найден убитым в постели у себя дома. Его грудь пронзена парой ножиц, отравленных крысиным ядом. Его горло перерезано бритвой с ручкой из слоновой кости, артерия на одной из рук вскрыта, и в него всажен добрый фунт дробин из охотничьей двустволки.

Следователь вызван, и комната подвергнута осмотру. На потолке обнаружен кровавый след ноги, а на полу найдены: дамский кружевной платочек с инициалами «Д. Б.», пачка папирос и бутерброд с ветчиной. Следователь считает самоубийство доказанным.

Глава II

После судьи остается его дочь, Мэйбл, восемнадцати лет, необычайно красивая. Вечером, накануне убийства, она по-

казывала в одном из лучших ресторанов города револьвер и топор и говорила о намерении «прикончить старикашку». Жизнь судьи была застрахована на 100 000 долларов в ее пользу. Никто не подозревает ее в преступлении.

Мэйбл обручена с молодым человеком по имени Чарли, которого в ночь убийства многие граждане видели вылезавшим из окна судьи с окровавленной бритвой и ружьем в руках. Общество не обращает никакого внимания на Чарли.

Бродяга попадает под трамвай и прежде, чем умереть, сознается в совершении преступления. На похоронах судьи его брат, полковник Смит, не выдерживает и кается, что убил судью с целью завладеть его часами. Мэйбл посылает в Чикаго и нанимает для расследования дела искусного сыщика.

Глава III

Прелестная незнакомка в глубоком трауре приезжает в Плунквилль и называет администрации отеля свое имя: Джен Бумгартнер. (Инициалы на платке!)

На следующий день сыщик натывается на китайца, отрицающего, что он убил судью, и арестовывает его. Незнакомка встречает на улице Чарли и, услышав запах его сигары, падает в обморок. Мэйбл порывает с Чарли и обручается с китайцем.

Глава IV

Во время следствия над китайцем Джен Бумгартнер показывает, что она видела, как сыщик убил судью Смита по наущению священника, руководившего похоронами, и что Мэйбл — мачеха Чарли. Китаец уже готов сознаться, как вдруг раздаются приближающиеся шаги. Следующая глава — последняя, и можно с уверенностью сказать, что никому не удастся предугадать ее содержание. Чтобы показать, как это трудно, даем теперь последнюю главу.

Глава V

Шаги оказываются принадлежащими Томасу Р. Хеффлбому из Вашингтонского округа, который представляет исчерпывающие доказательства, что судью убил он в припадке временного помешательства, а Мэйбл выходит замуж за человека по имени Томпкинс, которого она встретила два годами ранее в Горячих Ключах.

Конец.

ПРАВО НА ПЕНСИЮ

— Кстати, о ста сорока миллионах долларов, выплачиваемых ежегодно правительством в виде пенсий, — сказал один видный деятель представителю «Техасской почты». — Мне рассказывали, что один человек из Индианы заявил месяц тому назад свое право на пенсию на основании операции, которой он подвергся в прошлую войну. И как вы думаете, о какой операции шла речь?

— Не имею ни малейшего представления!

— Ему отрезали отступление во время битвы при Геттисберге!

ПОСЛЕ УЖИНА

Мистер Шарп. — Мне кажется, дорогая моя, что каждый год, пролетающий над твоей головой, приносит тебе лишь новое очарование, выявляет скрытую красоту, увеличивает твою душевную грацию. В твоих глазах сегодня есть что-то пленительно-девическое — как в тот день, когда я впервые увидел тебя. Какое счастье, когда два сердца делаются лишь нежнее друг к другу по мере того, как годы проносятся над ними. Ты сейчас столь же прекрасна, как тогда...

Миссис Шарп. А я и забыла, что у тебя сегодня заседание в масонской ложе. Постарайся вернуться не позже двенадцати, пожалуйста!

УМЕНИЕ ХРАНИТЬ СЕКРЕТ

Пора положить конец распространению старой шутки о том, что женщины не умеют хранить секрета. Ни в чем черная неблагодарность мужчин к прекрасному полу не проявилась так ярко, как в распространении этой клеветы. Где бы и когда бы человек, считающий себя наделенным чувством юмора, ни вернулся к этой более древней, чем сам мир, теме, которой его братья мужчины считают своим священ-

ним долгом аплодировать, на лице женщины появляется странная, непостижимая, полная жалости усмешка, понятная лишь очень немногим из мужчин.

Правда в том, что только женщины и умеют хранить секреты. Одному Богу понятна та изумительная сила, с какой девяносто девять из ста замужних женщин ухитряются скрыть от всего прочего мира, что они связали себя с существом, не достойным их чистой и полной самопожертвования любви к нему. Женщина может шепнуть соседке, что миссис Джонс уже второй раз перелицовывает свое старое шелковое платье, но если в ее груди есть что-либо, касающееся любимого ею человека, сами боги не вырвут это оттуда.

Слабый мужчина заглядывает в чашу с вином — и смотрите: вот он уже выболтал свои сокровеннейшие мысли развесившему уши случайному встречному! Женщина может щебетать о погоде и глядеть своими детскими глазами в очи хитрейшего из дипломатов, без труда пряча в это время в своей груди важнейшие государственные тайны.

Адам был праторцем болтунов, первым из сплетников — и нам нечего им гордиться. Под грезящим, взывающим к нему взглядом Евы — той, что была создана для его удобства и удовольствия — в ту самую минуту, когда она стояла рядом с ним, любящая, и юная, и прекрасная, как весенняя луна, он, жалкий приживальщик, сказал:

— Женщина дала мне, и я вкусил!

Этот отвратительный поступок нашего прародителя не может быть извинен ни одним джентльменом, знающим свой долг по отношению к леди!

Поведение Адама должно было бы повести к исключению его имени из списков каждого порядочного клуба страны. И тем не менее с того дня женщина идет рука об руку с мужчиной — верная, преданная и готовая на все жертвы ради него. Она скрывает от света его жалкие пороки, она перетолковывает в обратную сторону его позорные проступки и — главное — она молчит... когда одного слова достаточно, чтобы пронзить его дутое величие и обратить его в скорбившуюся плоскую тряпку!

А мужчина говорит, что женщина не умеет хранить секретов!

Пусть он будет благодарен, что она умеет их хранить, — иначе бы все воробьи на крышах чирикали про его ничтожество!

ПОБЕДИТЕЛЬ

После того как в пятницу вечером была поставлена пьеса «В старом Кентукки», трое стариков-приятелей отправились в ресторанчик с непреклонным решением «вспрыснуть». «Вспрыснув» один раз, они «вспрыснули» и другой, и третий.

Когда они почувствовали, что доспели, они сели за стол и начали врать. Не со злой целью, а естественно, по-приятельски, о том, что им приходилось видеть и делать. Каждый из них приводил случаи из своей жизни, и так как небо было безоблачно, то никакого дневного повторения трагедии с Ананием не состоялось.

Наконец, судья внес предложение заказать огромный бокал мятного грога — напиток, исключаяющего всякую необходимость в щипцах для завивки волос! — и тот, кто расскажет наиболее невероятную историю, получит возможность выдуть весь бокал через соломинку!

Мэр и судья выступили первыми с парой изумительных рассказов на тему о галстуках. Полковник облизнул губы, пересохшие при взгляде на огромный бокал, сверкавший алмазами и янтарем и увенчанный благоуханной мятой, и начал свой рассказ:

— Случай, который я собираюсь вам поведать, не только изумителен, но и правдив. Он имел место в этом самом городе, в субботу после обеда. Я встал в этот день очень рано, ибо мне предстояло много работы. Жена закатила мне добрый стаканчик виски, так что я чувствовал себя довольно недурно. Когда я спускался по лестнице, она подала мне кредитку в пять долларов, выпавшую у меня из кармана, и сказала:

— Джон, тебе нужно найти горничную помиловиднее. Джен настолько буднична, что ты никогда не согласишься на нее нежно. Попробуй, не найдешь ли ты служанки покрасивее — и, Джон, милый, ты уж слишком много работаешь! Тебе, право же, надо отдохнуть. Почему бы тебе не прокатиться сегодня после обеда с мисс Муггинс, твоей машинисткой? Ты бы, кстати, мог заехать в шляпный магазин и сказать там, чтобы мне не присылали шляпы, которую я отобрала, и...

— Довольно, полковник! — сказал судья. — Можете приступить к этому мятному грогу сию же минуту. Вам нет надобности доканчивать ваш рассказ.

ГОЛОДНЫЙ ГЕНРИ И ЕГО ПРИЕМ

Голодный Генри. Мэм, я представитель новейших, на роликах, не рвущихся, двойных подтяжек. Разрешите показать?

Миссис Лоунстрит. Нет, у нас в доме нет мужчин.

Голодный Генри. В таком случае я имею предложить нечто единственное в своем роде — собачьи ошейники из русской кожи, с серебряными инкрустациями, с именем, которое мы вырезаем за ту же цену в виде премии. Быть может...

Миссис Лоунстрит. Не надо, не надо. У меня нет собаки.

Голодный Генри. Вот это мне и надо было знать. Поддай-ка мне, тетка, самый лучший ужин, какой только можешь, да поворачивайся живее, не то это плохо отразится на твоём здоровье. Понятно?

ЕДИНСТВЕННОЕ УТЕШЕНИЕ

Завтрак был кончен, и Адам вернулся к своей постоянной работе: наклеиванию ярлыков с именами на клетки, в которых сидели звери.

Ева взяла на руку попугая и сказала ему:

— Дело было так. Он устроил целый скандал по поводу пирога, который был к завтраку...

— А что ты сказала? — спросил попугай.

— Я сказала, что у меня есть во всем этом одно утешение: он не может ткнуть мне в глаза, что у его матери пирог всегда выходил лучше!

НЕУДАЧНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

В Техасе есть старый проповедник-негр, большой поклонник его преподобия Сэма Джонса. В прошлое воскресенье он решил отказаться от обычного увещевания черно-

кожих братьев и кинуться очертя голову и самую гущу своей паствы по способу, столь успешно практикуемому знаменитым евангелистом Джорджии. Когда вступительный гимн был пропет и собрание прочло положенные молитвы, старый проповедник положил свои очки на Библию и сразу же бросился в атаку.

— Горячо любимые братья, — сказал он, — я проповедую вам уже больше пяти лет, а милосердие Божие так и не проникло в ваши беспокойные сердца. Я никогда еще не видел худшей банды, чем это горячо любимое собрание. Вот, например, Сэм Уоткинс на первой скамейке налево. Может кто-нибудь указать мне более низкого, жульнического, продавного, грязного негра во всей округе? Откуда те куриные перья, которые я видел у него на заднем дворе сегодня утром? Пусть брат Уоткинс встанет и ответит на это!

Брат Уоткинс сидел на скамье, вращал глазами и тяжело дышал. Но он был застигнут врасплох и не мог дать ответа.

— А вот Эльдер Хоскинс, на правой стороне. Все знают, что это лживая, беспомощная, налитая пивом бочка. Его содержит жена, стирая белье. Что хорошего принесла ему кровь агнца? Он, должно быть, думает, что сможет околачиваться вокруг чужих кухонь и в Новом Иерусалиме!

Эльдер Хоскинс, пришпоренный этими обвинениями, поднялся с места и сказал:

— Это мне приводит на ум одну штуку. Не помню, чтобы я когда-нибудь работал тридцать дней на починке дорог в Бастропском графстве за кражу тюка хлопка.

— А кто работал? Кто работал? — возопил проповедник, вздевая очки и сверкая глазами на Эльдера. — Кто украл этот хлопок? Заткни твой рот, негр, не то я спущусь вниз и раскрою его так, что шире некуда. А вон сидит мисс Джинни Симпсон. Поглядите, как она разрядилась! Поглядите на ее желтые башмаки, да на страусовые перья, да на шелковую кофту, да на белые перчатки. Откуда она берет деньги на все это? Она нигде не работает. Но Господь видит эту суетную неряху, и Он бросит ее в кипящую серу и в смердящий кладь.

Мисс Симпсон поднялась, и каждое из ее страусовых перьев дрожало от негодования.

— Старая, лживая, черномазая морда — ты! — сказала она. — Ты, что ли, платишь за мои тряпки? Может, ты скажешь всему собранию, кто вчера утром передал через забор

огромный букет и жбан с сидром Лиззи Джаксон, когда ее старик ушел на работу?

— Ты лжешь, ехидная, низкая, шпионская дочь дьявола! Я был у себя дома, погруженный в молитву за порочных братьев и сестер во Христе. Я сейчас спущусь вниз и лягну тебя в рот, если ты не заткнешь его! Вы все обречены геенне огненной! Вы все до единого — только грязные отбросы земли! Я вижу отсюда Билла Роджерса, который, как известно, налил свинцом кости для того, чтобы играть наверняка, и который не тратит ни единого цента на прокорм своей семьи. Господь скоро переломает ему все ребра! Праведный суд духа святого скоро притянет его к ответу!

Билл Роджерс поднялся с места и заложил большие пальцы рук за жилетку.

— Я мог бы назвать, — сказал он, — некоторых игроков, которых выгнали с фермы полковника Якси за игру краплеными картами — если бы захотел.

— Вот это уж ложь! — сказал проповедник, захлопывая Библию и засучивая рукава. — Берегись, Билл Роджерс, я сейчас спущусь к тебе!

Проповедник слез с кафедры и направился к Биллу, но мисс Симпсон успела по дороге запустить пальцы в шерсть на его голове, а Сэм Уоткинс и Эльдер Хоскинс не замедлили прийти к ней на помощь. Затем вступили остальные братья и сестры. И летающие во все стороны книги гимнов, вместе с треском разрываемых одежд, красноречиво засвидетельствовали, что свойственный Сэму Джонсу стиль проповедей мало подходит именно этому приходу.

СКОЛЬКО СТОИТ ПРАВДА

На одного из жителей Хаустона, прослушавшего целый ряд проповедей Сэма Джонса, произвело особенное впечатление осуждение всяких сделок с совестью и ложью всех цветов и оттенков.

Так повлияло это на него, и на такую плодородную почву упало зерно, брошенное великим евангелистом, что этот самый житель Хаустона, неоднократно грешивший до тех пор против правдивости, решил в одно прекрасное утро на-

чать жизнь сызнова и говорить правду во всех случаях, больших и малых, ни на йоту не отступая от голой неприкрашенной истины.

Во время завтрака жена спросила его:

— Как ты находишь бисквит, Генри?

— Тяжеловат, — ответил он, — и невыпечен.

Жена выскочила из столовой, и он доел завтрак наедине с детьми. Прежде Генри сказал бы:

— Бисквит очень хорош, душечка!

И все сошло бы хорошо.

Когда он позже выходил из калитки, к дому подъехала его богатая старуха тетка, любимчиком которой он всегда был. Она была завита, напудрена и в корсете, чтобы казаться как можно моложе.

— О, Генри, — оскалила она зубы в глупейшей улыбке. — Как поживают Элла и детки? Я бы зашла, но у меня такой ужасный вид сегодня, что мне совсем нельзя показываться!

— Это верно, — сказал Генри, — вид у вас ужаснейший. Хорошо, что ваша лошадь в шорах, а то она могла бы случайно увидеть вас, и понести, и сломать вам шею.

Тетка свирепо взглянула на него и, не говоря ни слова, взялась за вожжи.

Генри перевел это впоследствии в цифры и рассчитал, что каждое слово, сказанное им тетке, обошлось ему в восемь тысяч долларов.

ЕЩЕ ОДНА ЖЕРТВА СЭМА ДЖОНСА

Унылого вида человек, с отвисшими каштановыми баками, вошел вчера днем в участок и сказал дежурному:

— Хочу отдать себя в руки правосудия. Лучше наденьте на меня наручники и посадите в самую темную камеру, где будет побольше пауков и мышей. Я один из худших людей в мире и уклоняюсь от суда. Велите, пожалуйста, тюремщику дать мне заплесневевшего хлеба и воды из самой грязной лужи.

— Что именно вы сделали? — спросил дежурный.

— Я жалкий, опустившийся, изолгавшийся, ни на что не годный, на всех клеветущий, пьяный, вероломный, святотатственный мерзавец — и я не достоин даже умереть! Вы

можете также велеть тюремщику приводить к моей камере маленьких детей, чтобы они глядели через решетку, как я буду скрежетать зубами и клясться в бесовском исступлении!

— Мы не вправе посадить вас в тюрьму, если вы не совершили никакого определенного преступления. Не можете ли вы выдвинуть против себя более конкретное обвинение?

— Нет, я хочу отдаться в руки правосудия на принципиальных основаниях. Видите ли, я слушал вчера вечером Сэма Джонса, и он заметил меня в толпе и вынес мне приговор. Я думал, что я, на худший конец, старая кляча, но Сэм показал мне обратное изображение и убедил меня. Я старый, грязный, паршивый, блудливый пес — вы можете смело пнуть меня несколько раз, прежде чем посадите под замок, да пошлите сообщить моей жене, что старый негодяй, который в течение двадцати лет измывался над нею, получил наконец по заслугам.

— Чего там, бросьте это, — сказал дежурный. — Не верю, чтобы вы были так плохи, как вам кажется. Откуда вы знаете, что Сэм Джонс имел в виду именно вас? Он мог целить в кого-либо другого. Подтянитесь, и пусть это вас не трогает!

— Погодите-ка, — сказал унылого вида человек в раздумье. — Если подумать, то как раз сзади меня сидел один из соседей, гнуснее которого нет во всем Хаустоне. Это шелудивый щенок — и никаких гвоздей! Он лупит свою жену и отказывал мне в трех долларах целых пять раз. Все, что Сэм говорил, подходит к нему точка в точку. Если подумать...

— Вот это правильный способ смотреть на вещи, — сказал дежурный. — Все шансы за то, что Сэм имел вовсе не вас в виду.

— Черт побери, если я сам так не думаю теперь, когда я вспомнил про этого соседа, — сказал кающийся, начиная оживляться. — Вы не представляете себе, какую тяжесть вы сняли с меня. Мне уже совсем казалось, что я самый худший грешник в мире. Держу пари на десять долларов, что он говорил как раз про того жалкого, презренного негодяя, что сидел сзади меня. Слушайте, пойдём и двинем по стаканчику по этому поводу, а?

Дежурный отклонил предложение, и унылого вида человек запустил палец за шею, извлек наружу воротничок и сказал:

— Никогда не забуду, сэр, как вы любезно помогли мне выбраться из этого. Я чувствовал себя не на месте с самого

утра. Иду сию же минуту на ипподром и поставлю на фукса против фаворита. Всего хорошего, сэр, никогда не забуду вашей любезности!

ПОСТЕПЕННО

— Вы не туда попали, — сказал Цербер. — Эти ворота ведут в глубины ада, а на паспорте, который вы предъявили, помечен рай.

— Я это знаю, — устало сказала тень, — но билет разрешает здесь остановку. Я, видите ли, из Гальвестона, и мне надо менять обстановку постепенно.

ЕЩЕ ХУЖЕ

Двое жителей Хаустона пробирались домой в одну из дождливых ночей на прошлой неделе, и когда они, спотыкаясь, переправлялись через лужи на одной из главных улиц, один сказал:

— Это и есть ад, не правда ли?

— Хуже, — сказал другой. — Даже ад вымощен благими намерениями.

УДАР

Бледный как смерть человек, с шерстяным кашне вокруг шеи и тоненькой тростью в руке, вошел вчера, спотыкаясь, в один из аптекарских магазинов Хаустона и прислонился к прилавку, крепко прижимая другую руку к груди.

Фармацевт взял стаканчик с делениями, быстро влил туда унцию spirit! frumenti и подал вошедшему. Человек выпил его залпом.

— Немного лучше? — спросил фармацевт.

— Чуть-чуть. Мне еще не приходилось испытывать подобного удара. Едва стою на ногах. Еще немножко, пожалуйста...

Фармацевт налил ему еще одну унцию виски.

— Кажется, пульс у меня возобновился, — сказал человек. — Но это было ужасно!

— Выпали из экипажа? — осведомился фармацевт.

— Нет, не совсем.

— Поскользнулись на банановой кожуре?

— Если бы это! Я, кажется, опять лишусь чувств, если вы...

Обязательный фармацевт подал третью дозу возбуждающего напитка.

— Попали под трамвай? — спросил он.

— Нет, — сказал бледный человек. — Я расскажу вам, как было дело. Видите того краснорожего типа, что пляшет и изрыгает проклятия там на углу?

— Да.

— Это по его вине. Боюсь, что не смогу держаться дальше на ногах. Я... спасибо!

Посетитель хлопнул четвертую порцию и начал оправляться.

— Может быть, позвать доктора? — спросил фармацевт.

— Нет, пожалуй, не надо. Ваша любезность оживила меня. Я расскажу вам, в чем дело. У меня был привязан к трости игрушечный паук, и я увидел этого краснорожего типа, который сидел на пороге, спиной ко мне, и я опустил паука прямо ему на нос. Я тогда еще не знал, кто он! Он упал от испугу на спину, и порезал ухо о скобу для чистки сапог, и сломал вставную челюсть, стоящую шестьдесят долларов. Этот тип — мой домовладелец, и я должен ему тридцать семь долларов, и у него закладная в десять долларов на мою корову, и он уже однажды грозился переломать мне ребра. Я шмыгнул сюда, и он не заметил меня. Удар для моих чувств, когда я увидел, кто это такой, был прямо ужасен! Если у вас есть немного еще этого возбуждителя, я...

ЦИНИК

Младший компаньон. Вот честная фирма «Шарп и Симон» посылают нам чек на пятьдесят долларов в добавление к расчету за этот месяц, чтобы возместить разницу в це-

не, ввиду того, что им в прошлом месяце были по ошибке посланы товары высшего качества!

Старший компаньон. Они делают при этом новый заказ?

Младший. Да! Большой, чем когда-либо.

Старший. Отправить его наложенным платежом!

ГОВОРЯ О ЦИКЛОНАХ

Человек с бронзовым лицом и импонирующей осанкой был великим путешественником и только что вернулся из кругосветного плавания. Он сидел у камина в Ламлоре, а несколько заезжих коммивояжеров да зашедших в гостиницу горожан слушали с большим интересом его рассказы.

Он говорил о жестоких бурях, бывающих в Южной Америке, когда длинные стебли травы в пампасах сначала переплетаются, а потом с такой силой прибиваются к земле порывами ветра, что их режут квадратами и продают как соломенные циновки высшего качества.

Он также рассказывал о чудесном инстинкте дикого скота, который, говорил он, хотя его бросает во все стороны жестоким ураганом и хотя ему преграждают путь раздувшиеся от дождей потоки — никогда, ни ночью, ни днем, не теряет верного направления.

— У них есть какой-нибудь орган, приспособленный для этого? — спросил представитель мукомольной компании из Топеки.

— Конечно. Вымя, — сказал путешественник.

— Не вижу, над чем тут смеяться, — заговорил человек из Канзаса. — Но если говорить о страшных ветрах, мы имеем нечто в этом роде у нас в штате. Вы все слышали о канзасских циклонах, но весьма немногие из вас знают, что это такое. У нас они нередки и выдаются между ними очень сильные, но большинство рассказов, которые вам приходилось читать, преувеличены. Однако хороший, зрелого возраста циклон может иногда поднимать вещи на изрядную высоту. Единственное, обо что их ярость разбивается безрезультатно, это — агенты по продаже земельных участков. Я знаю некоего парня, Боба Лонга, который работает в качестве земельного агента с незапамятных времен. Боб скупил огром-

ное пространство степи и перепродает его небольшими участками под фермы. Однажды он повез в своей тележке человека, чтобы показать ему землю.

— Только поглядите на нее, — говорил он. — Это лучший, богатейший кусок земли в Канзасе. Стоит он много больше, но для почину, да принимая во внимание необходимые улучшения, я уступлю вам сто шестьдесят акров по сорок долларов долларов за...

Прежде чем Боб успел сказать «акр», налетел циклон и унес Боба вверх. Его увлекло все выше и выше, и он превратился наконец в еле заметное пятнышко, а покупатель стоял и следил до тех пор, пока Боб не исчез совсем из виду.

Земля покупателью понравилась, так что он купил ее у наследников Боба, и вскоре через нее прошла железная дорога, и на этом месте вырос и стал процветать прекрасный город.

Ну-с, этот самый человек стоял однажды на тротуаре и размышлял о том, как ему повезло, и — кстати — как не повезло Бобу, как вдруг он поднял глаза и увидел, что что-то падает. Оно делалось все больше и больше, и вскоре оказалось, что это человек.

Он свалился вниз, ударился о тротуар со звуком, который был слышен на четыре квартала в окружности, подскокил вверх, по крайней мере, на десять футов, встал на ноги и крикнул:

— Ногу вперед!

Это был Боб Лонг. Борода у него стала седее и длиннее, но он остался таким же дельцом, как и был. Он заметил перемены, происшедшие за то время, пока он летел вниз, и, когда он заканчивал фразу, прерванную циклоном, он соответственно изменил ее содержание. Боб был спекулянт. Вскоре после этого он...

— Погодите, — сказал путешественник. — Подойдем к стойке и sprysнем это происшествие. Я требую законной передышки перед началом второго раунда.

ЦИФРЫ

Джентльмен с большой шевелюрой и с выражением на лице, свидетельствующем об отрешении от всего земного,

сошел с двенадцатичасового поезда на Центральном вокзале. Он нес в руках кипу брошюр о восдержании и, почуяв острый запах, пошел в его направлении и уперся в красноносого субъекта, прислонившегося к сундуку близ багажного отделения.

— Друг мой, — сказал длинноволосый джентльмен, — знаете ли вы, что, если бы вы поместили стоимость трех стаканчиков виски под сложные проценты в год сооружения Соломонова храма, у вас был бы сейчас капиталец в 47 998 645 долларов 22 цента?

— Знаю, — сказал красноносый субъект. — Я сам немного математик. Я также вычислил — за тот промежуток времени, пока доктор мазал мне йодом нос, чтобы вылечить эту болячку, — что первый криворотый, гнилокостный, резиновошей собачий сын из ханжеской округи Меддльсомского графства, который позволит себе замечание по этому поводу, должен будет сделать прыжок на семнадцать футов в девять секунд или получить тринадцать пинков под брюхо. У вас осталось ровно четыре секунды.

Длинноволосый джентльмен совершил блестящее отступление, не превысив данного ему срока, и насел со своими брошюрами о воздержании на показавшегося ему подозрительным жителя Хаустона, который нес домой завернутую в газету бутылку минеральной воды для тещи.

ОРИГИНАЛЬНАЯ ИДЕЯ

Есть одна леди в Хаустоне, которой вечно приходят в голову оригинальные идеи.

Для женщины это — очень большой недостаток, заслуживающий всяческого порицания. Женщина должна узнать, как смотрит на вещи ее муж, и построить свое мировоззрение соответственно. Конечно, неплохо, если у ней есть и свой взгляд на вещи, который она держит про себя, но кому приходилось встречать женщину, которая поступала бы таким образом?

Эта леди, в частности, имела обыкновение применять свои оригинальные идеи на практике, и не только ее семья, но и соседи вечно были настроже против каких-нибудь

ошарашивающих сюрпризов с ее стороны.

В один прекрасный день она прочла в газете статью, не замедлившую внушить ей оригинальную идею. Статья указывала на то хорошо известное обстоятельство, что, если бы мужчины могли найти у себя дома удовлетворение своих нужд и прихотей, у них не являлось бы потребности покидать домашний очаг и шляться по кабакам. Это утверждение показалось нашей леди разительнейшей истиной, и она смело позаимствовала идею и решила немедленно применить ее на практике как свое собственное изобретение.

Когда в этот вечер ее муж вернулся домой, он заметил, что один конец гостиной отделен занавеской, но он уже так привык ко всякого рода новшествам, что даже побоялся расспрашивать, в чем тут дело.

Здесь будет кстати упомянуть, что у мужа нашей леди была слабость к пиву. Он не только любил — он обожал пиво. Пиво смело могло никогда ни к чему не ревновать этого джентльмена.

После ужина леди сказала:

— А теперь, Роберт, у меня есть маленький сюрприз для тебя. Тебе не нужно уходить в город сегодня. Я приспособила наш дом к тому, чтобы доставлять тебе все удовольствия, которых ты ищешь на стороне.

С этими словами она отдернула занавеску, и Роберт увидел, что один конец гостиной превращен в бар — или, вернее, в представление его жены о баре.

Несколько дорожек, из числа составлявших ковер, были сняты, и пол посыпан опилками. Кухонный стол был поставлен наискось в одном из углов. Сзади на полке красовалась внушительная батарея бутылок всех размеров и форм, а в центре было артистически приспособлено лучшее из туалетных зеркал его жены.

На козлах помещался непочатый бочонок пива, и жена его, надев кокетливую наколку и передничек, грациозно прыгнула за стойку и, смущенно протягивая ему кружку пива, сказала:

— Вот идея, пришедшая мне в голову, Роберт. Мне казалось, что будет гораздо лучше, если ты станешь тратить деньги дома и в то же время иметь все удовольствия и развлечения, которые ты получаешь в городе. Что прикажете, сэръ? — продолжала она с милой деловой вежливостью.

Роберт прислонился к стойке и тщетно двинул три или четыре раза носком сапога, пытаясь найти перекладину для ног. Он был до некоторой степени ошеломлен, как всегда, оригинальной идеей своей жены. Затем он взял себя в руки и изобразил на лице мрачное подобие улыбки.

— Мне пива, пожалуйста, — сказал он.

Его жена нацедила пива, положила пятицентовик на полку и, облокотившись о бар, стала непринужденно болтать на темы дня, как это делают все рестораторы.

— Вы должны сегодня много пить, — сказала она лукаво, — так как сегодня вы мой единственный посетитель.

Настроение у Роберта было подавленное, но он пытался не обнаруживать этого. Если не считать пива — действительно первоклассного, — мало что напоминало ему здесь те места, где он имел обыкновение тратить деньги.

Яркого света, блеска хрусталя, стука игральных костей, смешных анекдотов Брауна, Джонса и Робинзона, оживленного движения и специфически ресторанного колорита — ничего из того, что он находил там, здесь не было. Некоторое время Роберт был задумчив — и вдруг оригинальная идея пришла ему в голову.

Он вытащил из кармана пригоршню мелочи и начал заказывать пиво кружку за кружкой. Леди за стойкой вся так и сияла от успеха своей идеи. Обычно она устраивала целую бучу, если от ее супруга несло по возвращении домой пивом, но теперь, когда прибыль шла ей в руки, она и не думала жаловаться.

Неизвестно, сколько в точности кружек подала она своему мужу, но на полке уже красовалась целая стопка пяти- и десятицентовиков и даже две или три монетки в двадцать пять центов.

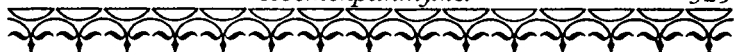
Роберт почти уже лежал на стойке, время от времени выбрасывая ногу, чтобы попасть на перекладину, которой там не было, но говорил очень мало. Его жене следовало бы не допустить до этого, но прибыльность предприятия вскрыла ей голову.

Наконец Роберт выговорил чрезвычайно повышенным тоном:

— Черт проодери, гоните ссюда еще пару ссклянок и запишите их на мой счет!

Жена посмотрела на него с удивлением.

— Конечно же, я не сделаю этого, Роберт, — сказала она. —

Ты должен платить за все, что берешь. Я думала, что ты это понял.

Роберт посмотрел в зеркало так прямо, как только мог, пересчитал отражения и затем гаркнул голосом, который можно было услышать за квартал:

— Кк черту все это, ггни сюда шшесть ккружек ппи-ва, дда ппоставь их на ллед, Ссюзии, ккрасавица моя, или я ссброшу к черту всю твою музыку. Га-га!

— Роберт! — сказала его жена тоном, обнаруживающим растущее подозрение. — Ты пил сегодня!

— Это ннаглая лложь! — возразил Роберт, запуская пивной кружкой в зеркало. — Ббыл в кконторе, ппомогал пприятелю отпралять ккниги и оппоздал на ттрамвай. Слушай, Ссюзии, ккрасавица, ты ддолжна мне две ккружки с прошлого рраза. Ггни их ссюда, или я ссброшу к черту всю сстойку!

Жену Роберта звали Генриеттой. В ответ на последнее замечание она вышла из-за стойки и двинула его в глаз штукой для выжимания лимона. Тогда Роберт пнул стол, перебил половину бутылок, пролил пиво и заговорил языком, не пригодным для печатного издания.

Десять минут спустя жена связала его бельевой веревкой и, мерно нанося ему удары теркой для картофеля, обдумывала в промежутках способ ликвидации своей последней блестящей оригинальной идеи.

ЕЕ НЕДОСТАТОК

То были две хаустонские барышни, совершающие прогулку на велосипедах. Они встретили третью барышню, не признающую велосипеда, которая катила с молодым человеком в шарбане.

Конечно, они должны сделать какое-нибудь замечание о ней — потому что это рассказ из жизни и потому что они настоящие живые барышни! — и вот одна из них сказала:

— Мне никогда не нравилась эта особа.

— Почему?

— О, она слишком женственна!

РАЗНОГЛАСИЕ

— Этот мистер Бергман, оперный антрепренер, — сказал один из хаустонских граждан, — он поступил со мной несправедливо. Когда я недавно пошел брать билет на оперетту «Паук и муха», я просил его взять с меня полцены, потому что я глух на одно ухо и могу слышать только половину спектакля, а он сказал мне, что я должен заплатить вдвойне, так как мне, чтобы прослушать пьесу, требуется вдвое больше времени, чем кому-либо другому!

ПРИЧИНА БЕСПОКОЙСТВА

Во время гастролей оркестра Суза в Хаустоне на прошлой неделе профессор Суза был приглашен отобедать у одного из выдающихся жителей города, с которым он встречался раньше на севере.

Джентльмен этот — хотя он занимал видное положение и имел высокую репутацию — составил свое состояние благодаря чрезвычайной бережливости. Его мелочная экономия была предметом вечных разговоров среди соседей, и один-двое из его знакомых доходили даже до того, что называли его скаредом.

После обеда профессора попросили сыграть на рояле — он владел этим инструментом мастерски, — и Суза сел и сыграл несколько очаровательных бетховенских сонат и других вещей лучших композиторов.

Во время исполнения прекраснейшего адажио в миноре профессор заметил, что хозяин дома бросает в окно беспокойные взгляды и вообще имеет тревожный и удрученный вид. Вскоре джентльмен из Хаустона подошел к роялю и тронул профессора за плечо.

— Послушайте, — сказал он, — сыграйте, пожалуйста, что-нибудь поживее. Дайте нам джигу или квикстеп — что-нибудь быстрое и веселое!

— Ах, — сказал профессор, — эта печальная музыка, очевидно, действует на вас удручающе?

— Не то, — сказал хозяин. — У меня на заднем дворе человек пилит дрова поденно, и он вот уже полчаса держит темп вашей музыки.

ЧТО ЭТО БЫЛО

Во вторник вечером что-то случилось с электричеством, и в Хаустоне царил такой же мрак, как в Египте, когда Моисей выключил газ. Они находились в это время на Руск-авеню, сидели на травке в сквере и извлекали все выгоды из содавшегося положения.

Вдруг она сказала:

— Джордж, я знаю, что вы меня любите, и уверена, что ничто на свете не изменит вашего расположения ко мне, но я чувствую все-таки, что что-то есть между нами, и это что-то, хотя я долго колебалась сказать вам, — причиняет мне боль!

— Что именно, драгоценная? — спросил Джордж в агонии ожидания. — Скажите, любимая, что такое находится между вами и мной?

— Мне кажется, Джордж, — нежно вздохнула она, — это ваши часы.

И Джордж ослабил на секунду объятия и переложил свой хронометр из жилетного кармана в задний карман брюк.

ТОРЖЕСТВЕННЫЕ МЫСЛИ

Золотой рог молодого месяца висел над городом, и ночь была холодная, но прекрасная, как ночи ранней весны.

Пять или шесть человек сидели перед гостиницей Хутчинса, и они до тех пор придвигали, переговариваясь, свои стулья, что составили наконец тесную группу.

То были люди из разных концов страны, некоторые из городов, отстоявших на тысячи миль отсюда. Судьба побренчала ими, как игральными костями в чашечке, и швырнула в случайной комбинации в гостеприимные ворота города Магнолии.

Они курили и болтали, связанные тем чувством товарищества, которое с особенной силой проявляется в людях, встречающихся в чужом месте далеко от родных очагов.

Они пересказали все анекдоты и поделились случаями из личного опыта, и затем наступило непродолжительное молчание. И пока висевшие в воздухе струйки голубого ды-

ма делались толще, их мысли стали обращаться к прошлому — подобно тому, как скот тянется к вечеру домой — к иным сценам и лицам.

*Всплыть спешит над волнами заката
Молодого месяца ладья,
И тускнеют, отплылав богато,
Неба беспредельные края, —*

процитировал коммивояжер из Нью-Йорка. — А-ха-ха! Хотел бы я быть сейчас у себя дома!

— То же со мной, — сказал маленький человечек из Сент-Луиса. — Я так и вижу, как мои чертенята катаются по полу и выделывают штуки, пока Лаура еще не уложила их спать. Хорошо хоть, что я попаду домой к празднику!

— Я получил нынче письмо из дому, — сказал седобородый филладельфиец, — и мне захотелось к своим. Я не отдам и одного фугакорявой мостовой на Спрюз-стрит за все это благорасстворение воздушных и рулады пересмешников на юге. Я двину прямоком к своим квакерам, чтобы попасть как раз к праздничной индейке, и мне все равно, что скажет моя фирма.

— Вы только прислушайтесь к этому оркестру! — вставил толстый джентльмен с сильным немецким акцентом. — Мне почти кажется, что я у себя в Цинциннати, «у берегов Рейна», рядом с очаровательной девчоночкой с шляпной фабрики. По-моему, вот эти вот дивные ночи и заставляют нас вспоминать про «дом, сладкий дом»!

— Что тут толковать! — сказал представитель железного и медного товара из Чикаго. — Я хотел бы сидеть сейчас в ресторане француза Петэ за большой бутылкой пива, да порцией кишок, да лимонным пирогом. Я сам нынче вечером что-то обсантименталился!

— Хуже всего то, — сказал человек в золотом пенсне и зеленом галстуке, — что наших близких отделяет от нас много длинных и унылых миль и что мы ничего не знаем о тех преградах, которые, в виде бурь, наводнений, крушений, предостоят нам на пути. Если б можно было хоть на пять минут уничтожить время и пространство, многие из нас могли бы прижать сейчас к сердцу тех, кого они любят. Я тоже — муж и отец.

— Этот ветерок, — сказал человек из Нью-Йорка, — в точности такой же, как те, что дули над старой фермой в графстве Монтгомери, и все эти «сад, и луг, и сумрак бора» и

прочее так и вертятся у меня в памяти нынче вечером.

— Многие ли из нас, — сказал человек в золотом пенсне, — отдают себе отчет в том, сколько волчьих ям рок вырыл на нашем пуги? Самый ничтожный случай может перервать нить, привязывающую нас к жизни. Сегодня — здесь, завтра — навсегда ушел из этого мира...

— Более чем верно! — сказал человек из Филадельфии, вытирая стекла очков.

— ...и покинул тех, кого любил! — закончил тот. — Привязанности, длившиеся всю жизнь, любовь самых крепких сердец обрывались в мгновение ока! Объятия, которые удержали бы вас, размыкаются, и вы уходите в печальный, неизвестный, иной мир, оставляя за собой израненные сердца, чтобы неутешно оплакивать вас. Жизнь кажется сплошной трагедией!

— Черт подери, если вы не попали в самую точку! — сказал вояжер из Чикаго. — Наши чувства хуже, чем свиньи на бойне: бац — и нету! Лопнули!

Остальные с неудовольствием покосились на вояжера из Чикаго, потому что человек в золотом пенсне собирался продолжать.

— Мы утверждаем, — заговорил тот снова, — что любовь живет вечно, и однако, когда мы исчезаем, наши места занимают другие, а раны, причиненные нашей смертью, заживают. Тем не менее, у смерти есть еще одно жало, которое наиболее умные из нас могут обезвредить. Есть возможность уменьшить удар, наносимый смертью, умалить победу разверстой могилы. Когда мы узнаём, что наши часы сочтены, и когда дыхание слабеет и делается реже, и когда начинает проникать в уши, тронутые смертью, трепетанье райских крыл, в очи, тронутые смертью, блеск раскрывшихся светил, — есть сладкое утешение в сознании, что те, кого мы оставляем в этом мире, защищены от нужды. Джентльмены! Мы все — далеко от своих очагов, и вы знаете опасности путешествий. Я представитель лучшей в мире страховой компании от несчастных случаев, и я хочу занести в ее списки каждого из вас. Я предлагаю вам на случай смерти, потери трудоспособности, утраты пальца на ноге или руке, нервного потрясения, острого заболевания...

Но человек в золотом пенсне обращался к пяти пустым стульям, и луна с саркастической усмешкой скользнула за черный контур здания.

СОМНЕНИЕ

Они жили в чистеньком маленьком домике на Прэри-авеню и были женаты около года. Она была молода и сентиментальна, а он был клерком на жалованье в пятьдесят долларов в месяц. Она сидела, качая колыбель и не отрывая глаз от чего-то, завернутого в розовое и белое, что крепко спало, а он читал газету.

— Чарли, — вдруг сказала она, — ты должен подумать о необходимости начать экономить и откладывать понемногу каждый месяц на будущее. Ты должен понять, что следует позаботиться о прибавлении к нашему дому, которое принесет с собой радость и удовольствие и зазвонит веселой музыкой у нашего очага. Ты должен приготовиться к обязательствам, которые падут на тебя, и помнить, что не о нас одних придется подумать. И в то время, как наши пальцы будут прикасаться к струнам, из которых по желанию могут быть извлечены чудные мелодии или диссонансы, и в то время, как звуки будут расти выше и громче, мы должны не забывать о долге, нами на себя принятом. Ты представляешь всю ответственность?

Чарли сказал:

— Да.

А потом пошел в сарайчик для дров, бормоча себе под нос:

— Интересно: она болтала о младенце или имеет в виду купить фортепьяно в рассрочку?

УДОСТОВЕРЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Незнакомый человек вошел на днях в хаустонский банк и предъявил кассиру к оплате именной чек.

— Кто-нибудь должен удостоверить, — сказал кассир, — что вы действительно Генри Б. Саундерс.

— Но я никого в Хаустоне не знаю, — сказал незнакомец. — Вот целая пачка писем, ко мне адресованных, и телеграмма от моей фирмы, и мои визитные карточки. Разве они не могут служить достаточным доказательством?

— Сожалею, — сказал кассир, — но хотя я несколько не сомневаюсь, что вы именно нужное лицо, однако наши правила требуют лучших доказательств.

Человек расстегнул жилет и показал инициалы «Г. Б. С.» на сорочке.

— Это сойдет? — спросил он.

Кассир покачал головой.

— У вас могут быть письма Генри Б. Саундерса, и его бумаги, и даже его сорочка, и все-таки вы можете не быть им. Нам приходится проявлять максимальную осторожность.

Незнакомец распахнул сорочку и показал огромный горчичник, покрывающий почти всю его грудь.

— Вот, — вскричал он, — если бы я не был Генри Б. Саундерсом, я, по-вашему, носил бы по всему телу его горчичники? По-вашему, я согласился бы покрывать себя всего волдырями, чтобы изображать какое-либо лицо? Гоните сюда монету, мне некогда валять дольше дурака!

Кассир поколебался, но потом выложил деньги. Когда незнакомец ушел, чиновник мягко потер себе подбородок и пробормотал:

— Эти горчичники могли быть в конце концов и чужими, но, без всякого сомнения, все в порядке. Он — он.

ЯБЛОКО

Юноша держал в руке круглое, румяное, до приторности сладкое яблоко.

— Съешь его, — сказал Дух. — Это — яблоко Жизни.

— Я не хочу его, — сказал юноша и отбросил яблоко далеко от себя. — Я хочу успеха. Я хочу славы, богатства, власти и знания.

— Тогда идем, — сказал Дух.

Они пошли рука об руку по крутым каменистым тропинкам. Солнце жгло, мочил дождь, окутывали горные туманы, и снег падал, такой прекрасный и предательски мягкий, скрывая тропу, по которой они карабкались вверх. Быстро летело время, и золотые кудри юноши приняли белую окраску снега. Его стан согнулся от вечного карабканья вверх, рука его ослабела, и голос стал высоким и дрожащим.

Дух не изменился, и на его лице была непроницаемая улыбка мудрости.

Они достигли наконец высочайшей вершины. Старик, который некогда был юношей, сказал, обращаясь к Духу:

— Дай мне яблоко Успеха. Я взошел на вершины, на которых оно растет, и оно принадлежит мне. Но поторопись, потому что странная мгла заволакивает мои глаза.

Дух протянул ему яблоко — круглое, румяное, прекрасное на вид.

Старик откусил от него и увидел, что оно сгнило внутри и обратилось в пыль.

— Что это? — спросил он.

— Это было когда-то яблоком Жизни, — сказал Дух. — Теперь это яблоко Успеха.

ОТКУДА ЭТО ПОШЛО

— Вы бы лучше подвинули кресло немного назад, — сказал старожил. — Я видел, как один из Джудкинсов только что вошел в редакцию газеты с ружьем в руке, и возможно, что будет маленькая перестрелка.

Репортер, собиравший в это время в городе кое-какие сведения для большого издания, быстро укрылся вместе со своим креслом за колонной и спросил о причинах такого возбуждения страстей.

— Это старая война, длящаяся уже несколько лет, — сказал старожил, — между редактором и семейством Джудкинсов. Приблизительно раз в два месяца они палят друг в дружку. Нет человека в окрестности, который не знал бы этой истории. Вот откуда это пошло. Джудкинсы живут в другом городе, и однажды хорошенькая барышня из их семейства приехала сюда погостить у некой миссис Браун. Миссис Браун дала бал — как в самом высшем свете! — чтобы показать свою гостью молодым людям города. Один из них влюбился в барышню и послал маленькое стихотворенье в нашу газету «Наблюдатель». Вот как оно читалось:

ПОСВЯЩЕНИЕ МИСС ДЖУДКИНС (Гостящей у миссис Т. Монткальм Браун)

*В ту ночь ты на себе имела
Манто на царственных плечах,
Лишь розу, воткнутую смело,
Являя в черных волосах.*

*Вся — воплощение экстаза,
В румянце робкого стыда
Под яркими лучами газа
Стояла в зале ты тогда!*

Это-то стихотвореньице и послужило поводом к войне!

— Не вижу ничего плохого в этом стихотворении, — сказал репортер. — Оно довольно коряво, но не содержит в себе ничего оскорбительного!

— Ну, — сказал старожил, — само по себе стихотвореньице в том виде, как его написал автор, было в полном порядке. Беда началась в редакции. После того как его получили, первой, кому оно попало в глаза, была заведующая отделом «В городе и в свете». Это — старая дева, и она нашла «царственные плечи» нескромностью и вычеркнула всю вторую строку. Затем заведующий объявлениями перенюхал, по обыкновению, всю корреспонденцию, полученную на имя редактора, и увидел это стихотвореньице. В номере должно было как раз идти объявление о том, что каждая дама может легко и навсегда стать блондинкой, и он нашел, что одобрителный отзыв о шевелюре иного цвета едва ли уместен. И он выбросил четвертую строку.

Затем заявила жена редактора, чтобы проверить, нет ли среди его писем квадратных надушенных конвертов, и пробежала стихотворение. Она сама была на балу у миссис Браун и, когда она прочла строку, где мисс Джудкинс определялась как «вся — воплощение экстаза», то вздернула нос и выцарапала строку прочь.

Наконец, взял стихотворение в руки сам редактор. Он лично заинтересован в нашей новой электрической сети, и его синий карандаш быстровцепился в строку: «Под яркими лучами газа». Позже зашел человек из типографии, схватил грудку материала, в том числе и это стихотвореньице. Вы знаете, на что способна типография, если только ей представится случай, так что вот в каком виде стихотворение появилось в газете:

ПОСВЯЩЕНИЕ МИСС ДЖУДКИНС
(Гостящей у миссис Т. Монткальм Браун)

*В ту ночь ты на себе имела
Лишь розу, воткнутую смело,
В румянце робкого стыда
Стояла в зале ты тогда.*

— Ну и, — закончил старожил, — Джудкинсы взбесились!

КРАСНОРЕЧИЕ РЕДА КОНЛИНА

Они говорили о силе убеждения великих ораторов, и каждый имел что сказать в защиту своего фаворита.

Вояжер готов был выставить мировым чемпионом в ораторском искусстве Бурка Кокрэна, молодой адвокат полагал самым убедительным говоруном сладкого Ингерсолла, а страховой агент поддерживал кандидатуру магнетического В. К. П. Брекенбриджа.

— Они все болтают немного, — сказал старый скотопромышленник, пыхтевший своей трубкой и прислушивавшийся к разговору, — но ни один из них и в подметки не годится Реду Конлину, который орудовал скотом под Сэнтонем в восьмидесятом. Знали когда-нибудь Реда?

Никто из присутствующих не имел этой чести.

— Ред Конлин был прирожденный оратор. Он не был перегружен науками, но слова из него текли так же легко и свободно, как виски из полного бочонка через новый кран. Он был вечно в прекрасном настроении, улыбался до ушей, и если просил передать ему хлеба, так делал это, как будто защищал свою жизнь. Он был-таки человеком с даром речи, и этот дар никогда не изменял ему.

Помню, одно время в округе Атаскоза на нас здорово наседали конокрады. Их была целая шайка, и они угоняли по жеребцу почти каждую неделю. Несколько человек собрались вместе, составили компанию и решили покончить с этим. Главарем шайки был парень по имени Мулленс — и кражистый же пес он был! Готовый драться — и при этом когда угодно. Двадцать человек из нас оседлали коней и стали лагерем, нагруженные шестизарядниками и винчестерами. У этого Мулленса хватило дерзости попытаться угнать наших верховых коней в первую же ночь, но мы услышали, вскочили в седла и бросились по горячему следу. Вместе с Мулленсом было еще человек пять-шесть.

Ночь была — зги не видать, и скоро мы настигли одного из них. Лошадь под ним была хромая, — и мы узнали в нем Мулленса по огромной белой шляпе и черной бороде. Мы до такой степени были обозлены, что не дали ему сказать ни слова, и через две минуты у него на шею была веревка, и вот уже Мулленс вздернут наконец! Мы подождали минут десять, пока он перестал дрыгать ногами, и тогда один парень зажигает из любопытства спичку и вдруг ка-ак взвизг-

нет:

— Боже праведный, ребята, мы повесили не того, кого надо!

И так оно и было.

Мы отменили приговор, и провели процесс еще раз, и оправдали его — но это уже не могло ему помочь. Он был мертв, как Дэви Крокет.

То был Сэнди Мак-Нэй, один из спокойнейших, честнейших и самых уважаемых людей в округе и — что всего хуже — он всего три месяца, как женился.

— Что нам теперь делать? — говорю я, и действительно, тут было, над чем подумать.

— Мы, должно быть, где-нибудь поблизости от дома Сэнди, — говорит один из парней, пробуя взглянуться во тьму и вроде как определить место нашего блестящего — как это принято говорить — куп-детата.

В эту минуту мы видим освещенный четырехугольник открывшейся двери, и оказывается, что дом всего в двухстах ярдах, и женщина, в которой мы не могли не узнать жену Сэнди, стоит на пороге и высматривает его.

— Кто-нибудь должен пойти и сказать ей, — говорю я. Я вроде как был предводителем. — Кто это сделает?

Ни один не спешил отозваться.

— Ред Конлин, — говорю я, — ты этот человек. Ты единственный из всех, кто сможет раскрыть рот перед несчастной женщиной. Иди, как подобает мужчине, и пусть Господь научит тебя, что сказать, потому что, будь я проклят, если я могу.

Малый ни одной минуты не колебался. Я видел в темноте, что он вроде как плюнул на руку и пригладил назад свои рыжие кудри, и я подметил, как блеснули его зубы, когда он сказал:

— Я пойду, ребята. Подождите меня.

Он ушел, и мы видели, как дверь открылась и закрылась за ним.

— Да поможет Бог несчастной вдове, — говорили мы друг дружке, — и черт побери всех нас — слепых кровожадных мясников, которые не имеют даже права называть себя людьми!

Прошло, должно быть, минут пятнадцать, прежде чем Ред вернулся.

— Ну как? — прошептали мы, почти боясь, что он заговорит.

— Все улажено, — сказал Ред, — вдова и я просим вас на свадьбу в следующий вторник вечером.

Этот Ред Конлин умел-таки говорить!

ПОЧЕМУ ОН КОЛЕБАЛСЯ

Человек с усталым, исхудавшим лицом, которое ясно обнаруживало следы глубокого горя и страданий, взбежал в волнении по лестнице, ведущей в редакцию «Техасской почты».

Редактор литературного отдела сидел один у себя в углу, и посетитель бросился в кресло рядом и заговорил:

— Извините, сэр, что я навязываю вам свое горе, но я должен раскрыть душу перед кем-нибудь. Я несчастнейший из людей. Два месяца тому назад в маленьком тихом городке восточного Техаса жила в мире и довольстве одна семья. Хезекия Скиннер был главой этой семьи, и он почти боготворил свою жену, которая, по-видимому, платила ему тем же. Увы, сэр, она обманывала его. Ее уверения в любви были лишь позлащенной ложью с целью запутать и ослепить его. Она влюбилась в Уильяма Вагстафа, соседа, который вероломно задумал пленить ее. Она вняла мольбам Вагстафа и сбежала с ним, оставив своего мужа с разбитым сердцем у разрушенного очага. Чувствуете ли вы ужас всего этого, сэр?

— Помилуйте, еще бы! — сказал редактор. — Я ясно представляю себе агонию, горе, глубокие страдания, которые вы должны были испытывать!

— Целых два месяца, — продолжал посетитель, — дом Хезекии Скиннера пустовал, а эта женщина и Вагстаф метались, спасаясь от его гнева.

— Что вы намерены делать? — спросил круго литературный редактор.

— Я совершенно теряюсь. Я не люблю больше этой женщины, но я не могу избежать мучений, которым я подвергаюсь все больше день ото дня.

В эту минуту в соседней комнате раздался резкий женский голос, о чем-то спрашивающий редакционного мальчика.

— Боже правый, ее голос! — вскричал посетитель, в волнении вскакивая на ноги. — Я должен скрыться куда-нибудь.

Скорее! Разве нет выхода отсюда? Через окно, через боковую дверь, через что угодно, пока она еще не нашла меня.

Литературный редактор встал с негодованием на лице.

— Стыдитесь, сэр, — сказал он. — Не играйте такой недостойной вас роли. Встретьте лицом к лицу вашу неверную жену, мистер Скиннер, и обвините ее в разрушении вашего дома и вашей жизни. Почему вы колеблетесь встать на защиту своих прав и чести?

— Вы меня не поняли, — сказал посетитель, вылезая, с бледным от страха лицом, через окно на крышу прилегающего сарайчика. — Я — Уильям Вагстаф.

ИЗУМИТЕЛЬНОЕ

Мы знаем человека, который является, пожалуй, самым остроумным из всех мыслителей, когда-либо рождавшихся в нашей стране. Его способ логически разрешать задачу почти граничит с вдохновением.

Как-то на прошлой неделе жена просила его сделать кое-какие покупки и, ввиду того, что при всей мощности логического мышления, он довольно-таки забывчив на житейские мелочи, завязала ему на платке узелок. Часов около девяти вечера, спеша домой, он случайно вынул платок, заметил узелок и остановился как вкопанный. Он — хоть убейте! — не мог вспомнить, с какой целью завязан этот узел.

— Посмотрим, — сказал он. — Узелок был сделан для того, чтобы я не забыл. Стало быть, он — незабудка. Незабудка — цветок. Ага! Есть! Я должен купить цветов для гостинной.

Могучий интеллект сделал свое дело.

ПРИЗЫВ НЕЗНАКОМЦА

Он был высок, угловат, с острыми серыми глазами и торжественно-серьезным лицом. Темное пальто на нем было застегнуто на все пуговицы и имело в своем покрое что-то священническое. Его грязно-рыжеватые брюки болтались,

не закрывая даже верхушек башмаков, но зато его высокая шляпа была чрезвычайно внушительна, и вообще можно было подумать, что это деревенский проповедник на воскресной прогулке.

Он правил, сидя в небольшой тележке, и когда поравнялся с группой в пять-шесть человек, расположившейся на крыльце почтовой конторы маленького тexasского городка, остановил лошадь и вылез.

— Друзья мои, — сказал он, — у вас всех вид интеллигентных людей, и я считаю своим долгом сказать несколько слов касательно ужасного и позорного положения вещей, которое наблюдается в этой части страны. Я имею в виду кошмарное варварство, проявившееся недавно в некоторых из самых культурных городов Техаса, когда человеческие существа, созданные по образу и подобию Творца, были подвергнуты жестокой пытке, а затем зверски сожжены заживо на самых людных улицах. Что-нибудь нужно предпринять, чтобы стереть это пятно с чистого имени вашего штата. Разве вы не согласны со мной?

— Вы из Гальвестона, незнакомец? — спросил один из людей.

— Нет, сэр. Я из Массачусетса, колыбели свободы несчастных негров и питомника их пламеннейших защитников. Эти костры из людей заставляют нас плакать кровавыми слезами, и я здесь для того, чтобы попытаться пробудить в ваших сердцах сострадание к чернокожим братьям.

— Полагаю, вы можете смело ехать дальше, — сказал один из группы. — У нас на этот счет свой взгляд на вещи, и до тех пор, пока негры будут совершать свои гнусные преступления, мы будем их наказывать.

— И вы не будете раскаиваться в том, что призвали огонь для мучительного отправления правосудия?

— Нисколько.

— И вы будете продолжать подвергать негров ужасной смерти на кострах?

— Если обстоятельства заставят.

— В таком случае, джентльмены, раз ваша решимость непоколебима, я хочу предложить вам несколько grossов спичек, дешевле которых вам еще не приходилось встречать. Взгляните и убедитесь. Полная гарантия. Не гаснут ни при каком ветре и воспламеняются обо все что угодно: дерево, кирпич, стекло, чугун, железо и подметки. Сколько ящиков прикажете, джентльмены?

РОМАН ПОЛКОВНИКА

Они сидели у камина с трубками. Их мысли стали обращаться к далекому прошлому.

Разговор коснулся мест, где они провели свою юность, и перемен, которые принесли с собой промелькнувшие годы. Все они уже давно жили в Хаустоне, но только один из них был уроженцем Техаса.

Полковник явился из Алабамы, судья родился на болотистых берегах Миссисипи, бакалейный торговец увидел впервые Божий свет в замерзшем Мэйне, а мэр гордо заявлял, что его родина — Теннесси.

— Кто-нибудь из вас, ребята, ездил на побывку домой, с тех пор как вы поселились здесь? — спросил полковник.

Оказалось, что судья побывал дома дважды за двадцать лет, мэр — один раз, бакалейщик — ни разу.

— Это забавное ощущение, — сказал полковник, — посетить места, где вы выросли, после пятнадцатилетнего отсутствия. Увидеть людей, которых вы столько времени не видели, все равно что увидеть привидения. Что касается меня, то я побывал в Кросстри, в Алабаме, ровно через пятнадцать лет со дня своего отъезда оттуда. Я никогда не забуду впечатления, которое на меня произвел этот визит.

В Кросстри жила некогда девушка, которую я любил больше, чем кого-либо на свете. В один прекрасный день я ускользнул от приятелей и направился в рощу, где когда-то часто гулял с ней. Я прошел по тропинкам, по которым ступали наши ноги. Дубы по обеим сторонам почти не изменились. Голубенькие цветочки могли быть теми же самыми, которые она вплетала себе в волосы, выходя ко мне навстречу.

Особенно мы любили гулять вдоль ряда густых лавров, за которыми журчал крохотный ручеек. Все было точно таким же. Никакая перемена не терзала мне сердца. Надо мной высились те же огромные сикоморы и тополя; бежала та же речушка; мои ноги ступали по той же тропе, по которой мы часто гуляли с нею. Похоже было, что, если я подожду, она обязательно придет, легко ступая во мраке, со своими глазами-звездами и каштановыми кудрями, такая же любящая, как и прежде. Мне казалось тогда, что ничто не могло бы нас разлучить — никакое сомнение, никакое не-

понимание, никакая ложь. Но — кто может знать?

Я дошел до конца тропинки. Там стояло большое дуплистое дерево, в котором мы оставляли записки друг другу. Сколько сладких вещей могло бы рассказать это дерево, если б только оно умело! Я считал, что после щелчков и ударов жизни мое сердце огрубело — но оказалось, что это не так.

Я заглянул в дупло дерева и увидел что-то, белевшее в глубине его. То был сложенный листок бумаги, желтый и запыленный от времени. Я развернул и с трудом прочел его.

— «Любимый мой Ричард! Ты знаешь, что я выйду за тебя замуж, если ты хочешь этого. Приходи пораньше сегодня вечером, и я дам тебе ответ лучше, чем в письме. Твоя собственная Нелли».

Джентльмены, я стоял там, держа в руке этот маленький клочок бумаги, как во сне. Я писал ей, прося стать моей женой, и предлагал положить ответ в дупло старого дерева. Она, очевидно, так и сделала, но я не нашел его в темноте, и вот все эти годы промчались с тех пор над этим деревом и этим листком...

Слушатели молчали. Мэр вытер глаза, а судья забавно хрюкнул. Они были пожилыми людьми теперь, но и они знали любовь в молодости.

— Вот тогда-то, — сказал бакалейный торговец, — вы и отправились в Техас и никогда больше не встречались с нею?

— Нет, — сказал полковник, — когда я не пришел к ним в ту ночь, она послала ко мне отца, и через два месяца мы поженились. Она и пятеро ребят сейчас у меня дома. Передайте табак, пожалуйста.

НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

Кроткого вида человек с одним глазом и робкой виляющей походкой вошел в один из хаустонских баров в то время, когда там никого не было, кроме владельца, и сказал:

— Прошу прощения, сэ, не позволите ли вы мне зайти на одну секунду за стойку? Вы можете не спускать с меня глаз. Я хочу взглянуть на одну вещь там.

Содержателю бара делать было нечего, и он из любопытства удовлетворил просьбу посетителя.

Кроткого вида человек зашел за стойку и подошел к одной из полок.

— Не будете ли вы любезны снять на минутку эту бутылку с вином и стаканы?

Владелец сделал это и обнаружил расщепленную часть задней доски и в ней маленькую дырку, довольно глубоко идущую внутрь.

— Спасибо, больше ничего, — сказал кроткий человек, выходя из-за стойки.

Он в раздумье прислонился к ней и сказал:

— Я прострелил эту дырку в полке девять лет тому назад. Я пришел сюда со страшной жаждой и без единого цента в кармане. Хозяин отказал мне в выпивке, и я начал палить. Эта пуля пробила ему ухо и пять бутылок шампанского прежде, чем попасть в полку. Я так громко гаркнул после этого, что двое людей сломали себе руки, пытаясь выбраться за дверь, а хозяин так дрожал, когда смешивал для меня виски с содовой, что можно было подумать, что он наливает лекарство, которое надо взбалтывать перед употреблением.

— Да? — сказал владелец.

— Да, сэ, мне сегодня что-то не по себе, а такое самочувствие всегда делает меня резким и вспыльчивым. Немного джина и английской горькой хорошо помогает в этих случаях. Раз шесть, помнится, я выпалил в тот день, про который я вам рассказываю. Виски без всяких примесей вполне годится, если нет джина.

— Если бы у меня была липкая бумага для мух, — сказал владелец бара нежным голосом, — я бы посадил вас на нее и повесил в заднем окне. Но она у меня вся вышла, и, следовательно, я вынужден принять более крутые меры. Я завяжу узел на конце этого полотенца, потом сосчитаю до десяти и только после этого выйду из-за стойки. Таким образом, у вас будет достаточно времени, чтобы начать пальбу, да смотрите не забудьте гаркнуть так, как вы тогда гаркнули!

— Обождите минутку, — сказал кроткого вида человек. — Я припоминаю, что доктор запретил мне употреблять горячительные напитки в течение шести недель. Но все одно — вы были на волосок от смерти. Я, пожалуй, дойду до ближайшего аптекарского магазина и упаду в припадке на тротуар. Это даст немного мятной эссенции и ароматической настойки, во всяком случае.

ХВАТИТ НА ГОД

Он был одним из богатейших граждан города, но он не любил тыкать в глаза своим богатством. Маленькая, худенькая, плохо одетая девочка стояла, глядя в окно магазина, где было выставлено столько вкусных вещей.

— Как тебя зовут, крошка? — спросил он.

— Сюзи Томпкинс, сэр, — отвечала она, взглядывая на него большими преследующими голубыми глазами.

В ее невинном, умоляющем голоске было что-то, пробудившее в сердце старого миллионера странное чувство. Впрочем, это мог быть результат несварения желудка.

— У тебя есть отец? — спросил он.

— Ах, нет, сэр, только я одна поддерживаю свою маму.

— Разве твоя мать так бедна?

— О, да, сэр.

— Как зовут твою мать?

— Сюзанной, сэр. Как и меня.

— Скажи мне, дитя, — сказал богач, хватая ее руку в агонии напряжения, — у твоей матери бородавка на носу и от нее вечно пахнет луком?

— Да, сэр.

Миллионер на мгновение закрыл руками лицо и затем сказал дрожащим голосом:

— Дитя мое, твоя мать и я некогда знали друг друга У тебя ее голос, ее волосы и ее глаза. Если бы не недоразумение, то, может быть... Впрочем, это уже все прошло и не вернется!

Человек расстегнул пальто и вынул из кармана пиджака сверток.

— Возьми это, — сказал он. — У меня их больше, чем нужно. Тебе и твоей матери этого хватит на год.

Маленькая девочка схватила сверток и радостно побежала домой.

— Посмотри, мама! — вскричала она. — Мне дал это один джентльмен. Он сказал, что этого нам хватит на целый год.

Бледная женщина вскрыла сверток дрожащими руками. То был прелестный новый отрывной календарь.

ЛЕГКАЯ СМЕСЬ

Некий хаустонский житель, любитель рысистого спорта, женился несколько месяцев тому назад. Он является также гордым собственником прелестной кобылы-двухлетки, которая сделала 51/2 стадий в 1.09 минут и от которой он ждет еще большей резвости в следующем сезоне. Он назвал кобылу по имени своей жены, и обе они дороги его сердцу. Представитель «Техасской почты», завернувший к нему вчера, нашел его очень разговорчивым.

— Да, — сказал он, — я счастливейший человек в Техасе. Бесси и я живем теперь своим домком и устраиваемся довольно недурно. Эта моя кобылка еще покажет чудеса! Бесси так же интересуется ею, как и я. Вы знаете, я назвал ее как жену. Она чистокровка. Говорю вам, глаза радуются, когда видишь, как Бесси трусит ко мне навстречу...

— Вы имеете в виду кобылу?

— Нет, жену. Она собирается держать пари на двенадцать дюжин лайковых перчаток на Бесси следующий раз. У меня только одно возражение против нее. Она держит голову набок, и заплетает ноги на ходу, и вечно рвет чулки.

— Ваша ж... жена?

— Нет, что с вами такое? Кобыла. Мне очень приятно, когда мои друзья спрашивают о Бесси. Она делается всеобщей любимицей. Мне такого труда стоило добыть ее. Я готов окружить ее царственным уходом...

— Вашу кобылу?

— Нет, жену. Мы с Бесси отправились на-днях проездить кобылу. Бесси — очарование. У нее одно плечо чуть-чуть вы-

ше другого и небольшое затвердение в одной из ног, но зато как развита грудь! А что вы скажете об ее заде?

— Я... я... я, право, не имел чести встречаться с вашей супругой, но я не сомневаюсь...

— О чем вы толкуете? Я имею в виду кобылу. Бега состоятся как раз в годовщину нашей свадьбы. Это будет целое празднество! Вы знаете, мы ровно год, как женаты. Я считаю, что Бесси скоро покажет себя! Мы ждем одного новенького, которым мы все заранее очень интересуемся. Вы, право же, должны завернуть и присутствовать при этом событии!

— Я... я... право, это будет не деликатно... вы должны извинить меня! Я ни при чем таком ни разу не присутствовал. Я... я...

— О, бега — это такое невинное зрелище! Прекрасный вид спорта! Ну, пока. Мне нужно выйти и проветрить Бесси немного.

ВЕРНЫЙ СПОСОБ

Редактор сидел в своем роскошно меблированном святилище, склонившись над грудой рукописей и опираясь на руку высоким челом. До сдачи полос в машину оставалось не более часа, а надо еще было написать передовую по поводу о революции в Венесуэле.

Бледный, одухотворенный юноша приблизился, держа в руке свернутую в трубку рукопись, перевязанную розовой ленточкой.

— Вот небольшая вещица, — сказал юноша, — которую я набросал в минуты досуга.

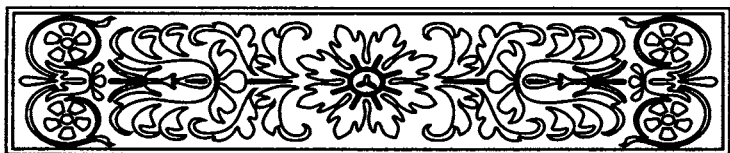
Редактор развернул рукопись и взглянул на бесконечные строчки стихов. Затем он вынул из кармана бумажку в двадцать долларов и протянул ее поэту. Послышался глухой стук падения, и, в ответ на звонок редактора, вбежали курьеры и вынесли из кабинета безжизненное тело поэта.

— Третий за сегодня, — пробормотал великий публицист, кладя обратно в карман кредитный билет. — Действует лучше пули и дубины, и следовательно всегда выносит приговор: смерть от разрыва сердца.

ЕЩЕ РАЗ О.ГЕНРИ

НОЧНОЙ БРОДЯГА

Повседневная жизнь вокруг нас — самая великая, самая увлекательная книга. Все, на что только способен человеческий разум, все, что чувствует человеческое сердце, все, что срывается с губ человека, — все это заключено в маленьком, окружающем нас мире. Тот, кто на все взирает любопытными, понимающими глазами, способен разглядеть за прозрачной вуалью обычного, повседневного романтику жизни, ужасную трагедию или потешную грубоватую комедию, которые разыгрывают на мировой сцене великие и заурядные актеры на подмостках этого театра Вселенной.

Но жизнь наша — это не трагедия и не комедия. Это смесь того и другого. Высоко над нами всемогущие длани дергают за веревочки, и наш смех обрывается глухими рыданиями, а странные звуки веселья вырываются наружу, несмотря на наше глубокое горе. Мы все — марионетки, мы пляшем, кричим и плачем совсем не по собственной воле, и вот, когда день подходит к своему концу, когда гаснут яркие огни, мы отправляемся отдыхать в свои деревянные коробочки и наступает темная ночь, чтобы закрыть сцену нашего короткого триумфа.

Мы сталкиваемся плечами на улицах с такими великими героями, воспеть которых под силу лишь истинным поэтам; на лицах невзрачных женщин и угрюмых мужчин даже студент может разглядеть следы пережитых страстей, возвышенных и низменных, которые когда-то оживляли страницы истории и рождали слова песни.

Во всем есть что-то хорошее, только мы хороши далеко не во всем. Ученый муж, сидящий в библиотеке, дровосек в лесу, моя дама в своем будуаре, обитатели темных закоулков с тяжелым взглядом — все мы сделаны из одного теста.

А руки Судьбы дергают за веревочки, и мы прыгаем, выкидываем забавные коленца, некоторые из нас поднимаются вверх, некоторые летят вниз — все зависит от удачи, а не-

зримое божество все дергает за веревочки и так и эдак, где же мы окажемся? Не видя этого божества, мы о чем-то болтаем на краю вечно непознанного. У всех у нас — один корень. Король ничем не отличается от простого каменщика, разве что своим окружением; королева и дородная молочница могут сидеть рядышком, одна с ведром, а вторая с короной, на опасном обрыве Судьбы; повсюду, во всем мире, человеческое сердце одинаково, и когда Судья судит о делах своих марионеток, кому Он отдаст предпочтение?

У репортера из «Пост» пальто с высоким воротником. И это весьма удобно по многим соображениям. Он поднимает его, когда проходит мимо нищих на углах улиц, чтобы не замечать их назойливости и тем самым успокоить свою совесть; он поднимает его еще выше, чуть не до глаз, чтобы придать себе больше величавого достоинства при встрече с торговцами, у которых он покупает товар, и, наконец, это весьма удобная вещь при плохой погоде. Порой, когда в субботний вечер опускаются сиреневые сумерки и холодный туман наползает от ленивых вод дельги реки, репортер из «Пост» обряжается в свой полезный наряд и начинает шествовать между зелеными изгородами по широким улицам. Он видит мрачную сторону жизни за позолоченной скорлупой избранных земли нашей, видит он и истинное золото, которое блестит в грязи, там, где ступают смиренные и покорные души. Он ловит фальшивые ноты в молитве фарисея на углу и в перезвоне расстроенных колоколов над многими домами религиозного поклонения. Он замечает странные поступки знати и благородное самоотречение людей, в каждом жесте которых сквозит респектабельность, видит отметку зверя на лице почтенных и святых.

...

Роберт Бернс нарисовал прекрасную, убедительную картину семейного мира и счастья в своей балладе «Субботний вечер батрака». Этот труженик возвращается домой с работы, и его радостно встречают домочадцы. В очаге весело горит огонь, ярко светит лампа на столе, и все они, задернув шторы, усаживаются за своим скромным столом, ограждая свой маленький счастливый мир от холода и ночной непогоды.

Таких домов, как этот, полным-полно, они будут всегда, но если пройтись по городским улицам в субботний вечер,

то можно увидеть множество сценок совершенно иного рода.

Ряды возвращающихся домой заполняют тротуары, и, глядя на них, можно ощутить те печальные предчувствия, то тревожное беспокойство, которые гложут тех, кто ожидает их дома. Пошатывающаяся, неуверенная походка, громкие грубые разговоры заплетающимся языком — явные признаки истраченной не на то, что нужно, зарплаты и отсутствие аппетита.

Салуны собирают богатый урожай, который предназначался женам и детишкам. Некоторые проматывают за один час то, что было заработано тяжким многодневным трудом, и не обрадуют домашних ничем, кроме своих мрачных взглядов и пустых карманов. На улицах можно увидеть бледных, объятых тревогой женщин, которые пробираются через эту толпу в надежде встретить там своего добытчика и защитника семьи, умоляющих его идти домой, а не торчать здесь со своими пьяненькими друзьями. И то, что должно быть отдохновением и покоем дома, под сенью виноградника и фигового дерева, превращается в Сатурналию, в разгул низменных страстей.

Ловко и стремительно продираясь через толпу, домой спешат стройные девушки-продавщицы, после недели работы они мечтают об отдыхе, который наступит завтра. Домой бредет и уставшая домохозяйка с корзинкой, полной овощей для воскресного обеда. Домой идет солидный гражданин, сгибаясь под тяжестью узлов и сумок. Домой спешат усталые работницы, чтобы поскорее накормить ждущие их голодные рты. Можно сказать, по направлению к дому движется Респектабельность, но вот над головами, на небе, выползают эти вечные звезды и какие-то странные, бесформенные, бестелесные существа крадутся, как тати в ночи, они прячутся, сердятся, бражничают и ищут, чем можно поживиться в этой ночной темени.

Там, на берегу реки, за ремонтными автомобильными мастерскими, литейными и лесопильными заводами, за громадными фабриками, которые сделали Хаустон чудесным деловым и торговым центром, каким он теперь является, стоит, а скорее кособочится, небольшая развалюха. Она обшита досками, старыми кусками жести и всякими древесными отходами, которые были найдены вокруг: Она возведена прямо на краю вонючей, спокойной реки, позади ее

футов на десять возвышается берег, внизу в нескольких шагах пузырится ленивый прибой.

В этой грязной хижине обитает Крип. Ему девять лет. Он очень худой, какой-то подавленный, на лице высypали веснушки. Ниже колена на левой ноге ничего нет, и теперь он опирается на уродливый деревянный чурбан, но довольно быстро на нем передвигается, смешно подпрыгивая. Мать Крипа убирает в трех или четырех конторах и иногда еще берет домой белье для стирки. Они каким-то образом умудряются жить в этой шаткой хибаре, которую по кускам собрал отец Крипа, несколько лет тому назад по пьянке свалившийся в реку. То, что им оставила от него после своего пиршества полосатая зубатка, они погребли на берегу, ярдах в ста от своего домишки.

Недавно Крип тоже решил помогать семье. Однажды утром он робко, подпрыгивая на деревяшке, вошел в редакцию «Пост» и купил там несколько экземпляров газеты. Их он стал продавать на улицах по сильно завышенной цене. У Крипа не возникало никаких проблем при продаже газет. Прохожие останавливались и охотно приобретали товар, предлагаемый этим худым мальчишкой со слабым голосом. Конечно, его деревянная нога сразу привлекала к себе внимание, и никели падали в подставленную им ладошку ручейком, покуда не оставалось ни одного номера.

Однажды утром Крип не пришел за газетами в редакцию. Не явился туда он и на следующий день, и через день, а когда у одного мальчишки, тоже продававшего газеты, спросили, куда подевался Крип, тот ответил: «У него воспаление легких».

Репортер «Пост», отягощенный и своими несчастьями, и бедами других, как только наступила ночь, надел пальто и отправился к реке, в лачугу Крипа.

Было холодно и туманно, громадные лужи от недавно прошедших дождей поблескивали отраженными электрическими огоньками. Стоило ли удивляться, что пневмония своей холодной рукой сдавила хрупкий и слабый организм Крипа, тем более что ему приходилось жить в сырой, протекающей при дожде хибаре у самого края реки. Репортер из «Пост» шел туда, чтобы поинтересоваться, был ли у мальчишка доктор и есть ли у него все то, что необходимо при такой болезни. Он шел по шпалам железнодорожного пути и вскоре нагнал две фигуры, которые с неопределенно вели-

чавым видом шествовали в том же направлении.

Один из них, видимо склонный к ораторскому искусству, громко разглагольствовал, но из того, с какой преувеличенной осторожностью он произносил слова, становилось ясно, что он находится в некоторой степени опьянения. Его звали, ну, назовем его Старик, ибо так восхищенные им его компаньоны его называли. Их обогнала спешившая куда-то скромно одетая в темное какая-то женщина.

Чутьем репортер из «Пост» догадался, что она, вероятно, живет в хижине Крипа, и он, нагнав ее, задал ей несколько вопросов. Из ее запыхавшихся объяснений с явным провинциальным акцентом он уяснил, что состояние Крипа весьма серьезно, но с помощью всех необходимых лекарств, хорошего питания и заботливого ухода, он, вероятно, скоро выздоровеет. Она сейчас спешит в аптеку за лекарствами, истратит на них свой последний доллар — ведь мальчику нужно немедленно начать их принимать.

— Я побуду с ним до вашего возвращения, — сказал репортер.

Лихорадочно бросив ему «да хранит вас Господь, сырр», женщина растворилась в темноте по направлению к зовущим ее городским огням.

Хижина, в которой жил Крип, была похожа на выступ берега реки, и, чтобы добраться до нее, нужно было преодолеть несколько ступенек, грубо вырубленных на склоне берега усопшим архитектором домика. На верху этой лестницы и остановились два светила общества.

— Старик, — сказал один из них. — Брось ты это все! Болезнь может оказаться заразной. А тебе сегодня вечером танцевать. Этот крысеныш — простой продавец газет, для чего тебе навещать его лично? Пошли отсюда, давай вернемся. Тебе и без того...

— Бобби, — ответил Старик, — неужели я напрасно тяжело трудился все эти годы, пытаюсь убедить тебя в том, что ты — осел? Я знаю, что порхаю, как бабочка, что я — законодатель моды, но мне нужно увидеть этого пацана. Он продавал мне газеты целую неделю, и вот я слышу, что он заболел и сейчас лежит в этой крысиной норе. Пошли, пошли, Бобби, или пошел к черту. Я иду к нему.

Старик, сдвинув свой шелковый цилиндр на затылок, просто с опасной быстротой стал спускаться по крутым ступенькам.

Его друг, убедившись, что Старика не переубедить, догнав его, схватил за руки, и они оба, пошатываясь, стали спускаться к этому маленькому выступу на берегу.

Репортер из «Пост» молча следовал за ними, а те были слишком заняты своим неустойчивым продвижением по склону и, конечно, не замечали присутствия постороннего человека. Он, проскользнув мимо них, первым подошел к шаткой двери, отодвинул на ней задвижку и вошел в эту убогую хижину.

Крип лежал на захудалой кровати в углу, глаза его стали очень большими и лихорадочно блестели, а его маленькие худые руки беспрерывно нервно теребили одеяло. Ночной холодный ветер задувал, проникая в хижину через многие щели, раздувал слабое мерцающее пламя свечки, приклеенной расплавленным воском к какому-то деревянному ящику.

— Хэлло, мистер,— поприветствовал его Крип. — Моя вас знает. Вы работает в газета. А я вот слег, у меня сильно болит вот здесь, в грудь.. Ну, кто выиграл бой?

— Фитцсимонс,— ответил репортер, ощупывая веснушчатую жаркую руку мальчика. — Очень болит?

— На какой раунд?

— В первом. Прошло всего не менее двух минут. Чем я могу тебе помочь?

— Ого-го! Бистро он с ним расправился.. Дайте мне попить.

Отворилась дверь, и в хижину вошли два великолепия. Крип даже удивленно выдохнул, когда его быстрые глазки увидели визитеров. Старик, заметив репортера из «Пост», отвесил низкий, явно преувеличенный, но доброжелательный поклон в его сторону, после чего подошел к кровати Крипа.

— Ну что, старичок,— сказал он, и брови его торжественно поползли вверх. — Ну, что тут с тобой происходит?

— Да вот, заболел,— ответил Крип. — А я вас знаю. Однажды утром вы дали мне за газет целый четвертак!

Друг Старика держался в тени, стараясь быть незаметным и ненавязчивым. Он был в выходном костюме, с переброшенным через локоть макинтошем и с тростью в руке.

Он искал глазами, обо что бы ему опереться, но хрупкая мебель в хижине не сулила ему никакой поддержки, и он стоял с недовольной кислой физиономией, неловко пере-

меняясь с ноги на ногу, ожидая, как будут дальше развиваться события.

— Ну ты, дьяволенок,— сказал Старик улыбаясь, но делая вид, что он рассержен, этому маленькому обломку человечества, лежавшему под одеялом. — Знаешь ли ты, почему я пришел навестить тебя?

— Не-е-е-т,— протянул удивленный Крип, и румянец от лихорадки у него на щеках стал гуще. Он никогда не видел прежде ничего столь чудесного, как вот этот вальяжный, высокий, красивый господин в вечернем костюме, с его черными, улыбчивыми, чуть сердитыми глазами, с большим бриллиантом, сияющим в булавке на его белоснежной манишке, и в поблескивающем цилиндре, сдвинутом на самый затылок.

— Джентльмены,— сказал Старик, махнув для убедительности рукой,— я и сам не знаю, для чего я здесь, но ничего не мог поделаться с собой. Я видел перед собой глазки этого дьяволенка целую неделю. Я никогда его прежде не видел, только неделю назад, но его глазки преследовали меня давно, очень давно. Мне казалось, что я знаю этого маленького негодяя с детства, когда и сам был пацаном, как он. Тем не менее, и Бобби это вам подтвердит, я заставил и его проделывать вместе со мной весь этот путь, чтобы увидеть этого маленького больного паренька.

Старик принялся рыться в карманах, выуживая оттуда их содержимое, и все это выкладывая с поистине лордовским безразличием на рваное стеганое одеяло кровати Крипа.

— Ну, дьяволенок,— торжественно вещал он,— ты на это купишь лекарства, выздоровеешь и будешь снова продавать мне газеты. Где же, черт меня подери, я видел тебя прежде? Ну да ладно. Неважно. Пошли, Бобби. Какой ты паинька, подождал все же меня. Пойдем теперь выпьем.

Два джентльменских великолепия величественно развернулись и довольно долго, молча, жестами прощались с Крипом и репортером из «Пост», в конце концов, неуверенно, пошатываясь, скрылись в темноте. Оттуда до хижины доносились их взаимные поощрения, когда оба преодолели вырубленные в берегу ступеньки, ведущие к дорожке наверху.

Вскоре вернулась мать Крипа с купленными в аптеке лекарствами и стала за ним ухаживать. Она громко вскрикнула от удивления, увидев, что лежало на одеяле, и тут же при-

нялась перебирать все разложенные предметы. Там оказалось сорок два доллара бумажками, еще шесть с половиной серебром, серебряная дамская застёжка от туфель и красивый перочинный нож с перламутровой ручкой и четырьмя лезвиями.

Репортер увидел, как Крип принимал лекарство — сразу его лихорадка пошла на убыль. Пообещав ему принести газету с отчетом о знаменитом боксерском поединке, он пошел к двери. Вдруг возле нее его осенила одна мысль. Он, остановившись, сказал:

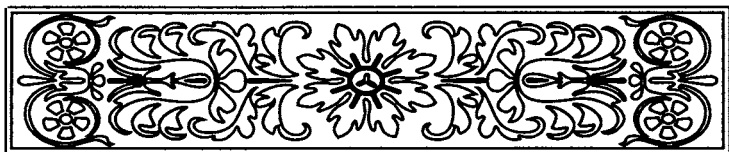
— А ваш муж откуда родом?

— Ах, ваша честь, — ответила мать Крипа, — он был из Алабамы, врожденный джентльмен, как все о нем отзывались, но его испортила пьянка, и он поэтому женился на мне.

Когда репортер из «Пост» выходил, он слышал, как Крип почтительно сказал матери:

— Тот человек, который оставил все это, не мог быть Богом, ибо Бог весь целиком никогда не является; но если он не было Богом, мамми, то он был Дэном Стюартом, могу поспорить на доллар.

Когда репортер брел назад в город по темной дороге, он говорил себе: «Сегодня вечером мы увидели добрый источник там, где никогда даже не искали, а также что-то связанное с тайной, явившейся из Алабамы. Хейхо! Какой все же это забавный маленький мир!»

МЕЦЦО-ТИНТО

(Глубокая печать в темных тонах)

Доктор давным-давно завершил свою больничную практику, но когда в больничных палатах появлялся какой-нибудь особый интересный случай, то его экипаж с упряжкой гнедых останавливался у ворот больницы. Молодой, красивый, многого добившийся в своей профессии, располагающий внушительным доходом, шесть месяцев как женатый на красивой, просто обожавшей его девушке,— его судьбе, конечно, можно было бы позавидовать.

Было около девяти, когда он вернулся домой. Его конюх взял под уздцы лошадей, а он легко взбежал по лестнице.

Дверь распахнулась, и нежные женские руки крепко обвили его за шею, а влажная щека жены прижалась к его щеке.

— Ах, Ральф,— говорила она дрожащим, плаксивым голосом,— как ты поздно! Ты себе представить не можешь, как я скучаю, когда тебя нет в обычный час. Я все время подогрела для тебя ужин. Ах, боже, как я ревную тебя к твоим пациентам, они подолгу отрывают тебя от меня.

— Ах, какая ты свеженькая, такая сладенькая и красивенькая — совсем иное зрелище, чем то, что мне приходится видеть в больнице,— сказал он, улыбаясь и глядя на ее девичье личико с уверенностью мужчины, знающего, что его любят. — Ну а пока налей мне кофе, маленькую чашечку, а я пойду переоденусь.

После ужина он сидел в библиотеке на своем любимом стуле с подлокотниками, а она — на своем излюбленном месте, на подлокотнике его стула, рядом с ним, и протягивала ему горящую спичку, когда он хотел зажечь свою сигару. Она, казалось, была счастлива от того, что он рядом с ней, каждое ее прикосновение к нему означало ласку, а каждое произнесенное ею слово она любовно растягивала, что женщина обычно делает только для одного мужчины, разумеется на этот момент.

— Сегодня я потерял своего пациента с цереброспинальным менингитом,— с серьезным, удручающим видом сказал он ей.

— Хоть ты и рядом, но мне кажется, что тебя нет,— обидчиво сказала она. — Ты всегда занят мыслями о своей профессии, даже в такие минуты, когда всецело принадлежишь только мне одной.

Вздохнув, она продолжала:

— Я понимаю, что ты помогаешь страдальцам, но мне хотелось бы, чтобы все эти страдания прекратились и чтобы тебя оставили в покое все. И этот церебральный, твой пациент, как там его.

— Довольно странный случай,— сказал доктор, поглаживая жену по руке и разглядывая облачка сигарного дыма.— Он должен был оклематься. Я почти его вылечил, а он взял да и помер прямо у меня на руках без всякого предупреждения. Какая черная неблагодарность с его стороны, а я так старался, лечил его. Будь проклят этот парень! Мне порой кажется, что он сам хотел умереть. Какой-то бессмысленный роман вызвал у него лихорадку.

— Роман? Ах, Ральф, что ты несешь! Только подумай! Какой может быть роман в больнице?

— Он пытался мне сегодня утром рассказать об этом, но ему мешали приступы боли. Его всего выворачивало изнутри, голова его чуть не касалась пяток, а ребра, казалось, трещали от натуги, но все же он сумел рассказать мне кое-что из истории своей жизни.

— Ах, какой ужас! — воскликнула жена доктора, просунув руку между спинкой стула и шеей мужа.

— Судя по всему,— продолжал доктор свой рассказ,— насколько я понял, какая-то девушка бросила его ради более состоятельного человека, и он, утратив всякую надежду и интерес к жизни, послал свою жизнь к чертям собачьим. Нет, он отказался назвать мне ее имя. У этого пациента с менингитом была своя особенная гордость. Он гнал, как сивый мерин, по поводу своего настоящего имени, подарил свои часы нянечке и разговаривал с ней так, словно перед ним королева. Не думаю, что я способен когда-нибудь простить его за то, что он умер, ибо я на самом деле ради него творил чудеса. Ну, он умер сегодня утром,— ну-ка дай спичку,— а в кармане у меня лежит одна маленькая штучка, которую он попросил похоронить вместе с ним. Он рассказал

мне, что они с этой девушкой однажды собрались на концерт, но потом решили не идти, а просто погулять теплой лунной ночью. Она разорвала билет надвое — ему отдала одну половинку, а себе забрала вторую. Вот его половинка, небольшой красный кусочек картона с надписью «Вход на...». Послушай, моя маленькая, тебе, наверное, неудобно, этот подлокотник старого стула такой скользкий. Я тебя чем-то обидел?

— Что ты, Ральф. Меня не так легко обидеть. Скажи мне, Ральф, что такое любовь, как ты думаешь?

— Любовь! Ничего себе вопросик! Ну, любовь — это, несомненно, случай слабо выраженного безумия. Перенапряжение головного мозга, которое ведет к ненормальному состоянию всего организма. Это такая же болезнь, как корь, но до сих пор сентиментально настроенные люди отказываются передавать такие случаи докторам для лечения.

Его жена взяла половинку маленького картонного билета и подняла его вверх, ближе к свету.

— Вход на...— сказала она, засмеявшись. — Как ты думаешь, сейчас он куда-то уже вошел? Не так ли, Ральф?

— Куда-то на самом деле вошел,— сказал доктор, вновь зажигая свою сигару.

— Докури сигару, Ральф, и потом приходи. Что-то я немного устала, подожду тебя там, наверху.

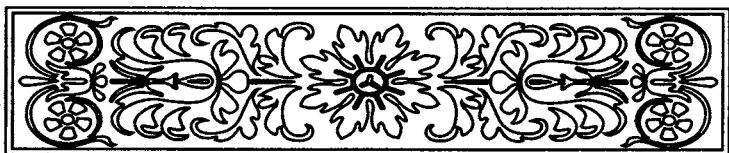
— Хорошо, моя маленькая,— согласился доктор. — Приятных сновидений!

Он докурил сигару, потом зажег другую.

Было около одиннадцати, когда он поднялся к жене.

Свет в спальне был приглушен, а она, раздетая, лежала на кровати. Когда он подошел к ней и взял ее за руку, из ладони выпал какой-то железный предмет и, ударившись об пол, звякнул. На ее белом лице он увидел красный ручеек, от которого у него в жилах застыла кровь.

Он бросился к лампе, подвернул фитиль до предела. Его губы разверзлись, чтобы издать дикий вопль, но он подавил его в себе, когда увидел половинку билета своего мертвого пациента на столике. К нему была аккуратно приклеена вторая половинка, и теперь читалась вся фраза целиком:

БЕСПУТНЫЙ ЮВЕЛИР

Вы теперь не найдете имени Томаса Килинга в адресной книге города Хаустана. Оно бы в ней значилось до сих пор, но месяца два тому назад мистер Килинг прекратил свою деятельность у нас и выехал в неизвестном направлении. Мистер Килинг пробыл в Хаустоне недолго. Тотчас же по приезде он открыл небольшое детективное агентство. Предлагая публике свои услуги в качестве частного сыщика, он был довольно скромен. Он не стремился конкурировать с фирмой Пинкертона и предпочитал дела, не сопряженные с особым риском.

Если нанимателю требовались сведения о привычках и склонностях своего клерка или какая-нибудь леди желала проследить за чересчур легкомысленным супругом, стоило только обратиться к мистеру Килингу. Это был тихий, усердный человек, имевший свои теории. Он читал Габорио и Конан Дойла и надеялся со временем занять более высокое место среди своих собратьев по профессии. Он служил раньше в одном крупном восточном детективном агентстве, но, так как продвижение по служебной лестнице совершалось медленно, он решил перебраться на Запад, где открывались более широкие горизонты.

У мистера Килинга имелись сбережения на сумму девятьсот долларов, и, приехав в Хаустон, он положил их в сейф у одного дельца, к которому имел рекомендательные письма. Он снял небольшое конторское помещение на втором этаже, в тихом переулке, повесил вывеску с указанием вида своей деятельности и, углубившись в конан-дойловского Шерлока Холмса, стал ожидать клиентов.

На третий день после того, как он открыл свое агентство, состоявшее из него самого, к нему явился клиент.

Это была молодая леди лет двадцати шести, довольно высокого роста, стройная и изящно одетая. На ней была

черная соломенная шляпа с вуалью, которую она откинула, усевшись в предложенное мистером Килингом кресло. У нее было тонкое, нежное лицо с живыми серыми глазами; она казалась слегка взволнованной.

— Сэр, я пришла к вам, — сказала она приятным контраalto, в котором слышались грустные нотки, — я пришла к вам, потому что вы почти чужой в нашем городе, а говорить о своих личных делах с кем-нибудь из друзей я не могу. Я хочу поручить вам наблюдение за моим мужем. Как ни унижительно для меня это признание, я боюсь, что чувства его уже не принадлежат мне. Когда-то, еще до нашего брака, он был влюблен в одну девицу, у родителей которой он снимал комнату. Я замужем уже пять лет, и все это время мы были очень счастливы, но недавно девица, о которой я говорю, приехала в Хаустон, и у меня есть основания подозревать, что мой муж возобновил свои ухаживания. Я хочу, чтобы вы установили за ним самое пристальное наблюдение и обо всем докладывали мне. Я буду приходить к вам сюда через день, в условленный час, и принимать ваш отчет. Меня зовут миссис Р., моего мужа хорошо знают в городе. У него ювелирная лавка на *** улице. Ваши услуги будут щедро вознаграждены; вот для начала двадцать долларов.

Леди протянула мистеру Килингу кредитку, и он положил ее в карман с небрежным видом, как будто это было для него самым привычным делом.

Он заверил ее, что все ее желания будут исполнены, и просил явиться за первым отчетом послезавтра в четыре часа дня.

На следующий день мистер Килинг навел необходимые справки и начал действовать. Он разыскал лавку ювелира и вошел, якобы желая отдать часы в починку. Ювелир, мистер Р., был человек лет тридцати пяти, на вид очень смиренный и трудолюбивый. Лавка была невелика, но полна товара, в витринах красовался недурной ассортимент бриллиантов, золотых украшений и часов. Из дальнейших наблюдений выяснилось, что мистер Р. не имеет никаких дурных привычек, не пьет и постоянно сидит за работой у своего ювелирного станка.

Мистер Килинг несколько часов провел слоняясь вокруг лавки и под конец дня был вознагражден, увидя, как в лавку вошла нарядно одетая молодая женщина с черными воло-

сами и глазами. Мистер Килинг остановился напротив двери, откуда ему было видно, что делается внутри. Молодая женщина спокойно прошла в глубь лавки, облокотилась на прилавок и непринужденно заговорила с мистером Р. Он встал со своего табурета, и они несколько минут совещались о чем-то, понизив голос. Потом ювелир передал женщине несколько монет — мистер Килинг слышал, как они зазвенели у нее в руке. После этого она вышла и быстрым шагом пошла по улице.

Точно в назначенное время клиентка мистера Килинга вновь явилась к нему в контору. Ей не терпелось услышать, заметил ли он что-либо, подтверждающее ее подозрения. Сыщик рассказал ей все, что ему удалось увидеть.

— Это она, — сказала леди, когда он описал ей молодую женщину, побывавшую в лавке. — О, наглое, бесстыдное создание! Так, значит, Чарльз дает ей деньги? Уже до этого дошло!

Леди взволнованно прижала к глазам носовой платок.

— Миссис Р., — сказал сыщик, — что вы еще желаете узнать? Как далеко я должен идти в своих наблюдениях?

— Я хочу собственными глазами убедиться в том, что мои подозрения меня не обманули. Затем мне потребуются свидетели, чтобы я могла начать бракоразводный процесс. Я больше не намерена терпеть то, что терпела.

Тут она передала сыщику бумажку в десять долларов.

Когда через два дня она снова пришла к мистеру Килингу, чтобы выслушать его отчет, он сказал:

— Сегодня я под каким-то пустяковым предлогом заходил в лавку. Женщина уже была там, но оставалась недолго. Перед тем как уйти, она сказала: «Чарли, значит, мы сегодня так и сделаем, как уговорились: мы премило поужинаем вместе, а потом вернемся сюда и еще поболтаем, пока ты будешь кончать оправу для новой бриллиантовой броши; лавка уже будет заперта, и нам никто не помешает». Я полагаю, миссис Р., это очень удобный случай; вы можете тайно присутствовать при свидании вашего мужа с предметом его страсти, и узнать все, что вы хотите знать.

— Негодяй! — вскричала леди, сверкая глазами. — Он сказал мне за обедом, что задержится и придет домой поздно, так как у него срочная работа. Но теперь я вижу, как он без меня проводит время.

— Мы сделаем так, — сказал сыщик. — Вы спрячетесь в лавке и будете слушать их разговор, а когда наслушаетесь достаточно, то позовете свидетелей и в их присутствии уличите мужа.

— Отлично, — сказала леди. — Там на углу, недалеко от лавки, стоит на посту полисмен, который давно знает всю нашу семью. Вечером он будет делать обход своего участка. Можно рассказать ему всю историю, предупредить заранее, и, как только я подам знак, вы вместе с ним войдете в лавку и будете свидетелями.

— Я с ним поговорю, — сказал сыщик, — и попрошу его помочь нам, а вы приходите сюда в контору, как только начнет смеркаться, чтобы мы могли заранее подготовить им ловушку.

Сыщик отправился к полисмену и объяснил ему положение вещей.

— Вот так штука, — сказал блюстителю порядка. — Я что-то и не замечал за Р. таких дел. Хотя, правда, ни за кого нельзя ручаться. Так, значит, жена решила его застукать сегодня? И для этого она хочет спрятаться в лавке и подслушать их разговоры? Постойте-ка: там, позади лавки, есть чулан, где Р. держит старые ящики и уголь для топки. Дверь-то, конечно, на запоре, но, если вам все-таки удастся пробраться этим путем в лавку, там уж можно найти, где спрятаться. Я вообще не люблю путаться в такие дела, но мне жалко леди. Я знаю ее с детства и готов ей помочь, раз уж так вышло.

Вечером, когда стемнело, клиентка мистера Килинга проскользнула в его контору. Она была скромно одета во все черное, на голове у нее была круглая черная шляпка, и густая вуаль скрывала лицо.

— Если даже Чарли увидит меня, он меня не узнает, — сказала она.

Мистер Килинг и леди дошли до лавки ювелира и стали медленно прохаживаться взад и вперед по улице. Около восьми часов они увидели, как интересующая их молодая женщина вошла в лавку. Почти тотчас же она вышла оттуда вместе с мистером Р., взяла его под руку, и они торопливо зашагали, вероятно, туда, где ждал их ужин.

Сыщик почувствовал, как задрожала рука его спутницы.

— Негодяй! — с горечью прошептала она. — Он думает, что я сижу дома и простодушно жду его, в то время как он

пирует с этой хитрой, беззастенчивой интриганкой... О, как коварны мужчины!

Мистер Килинг провел леди через темный подъезд, и они очутились на задворках лавки. Черный ход был открыт, и они вошли в чулан.

— В лавке, возле станка, на котором работает мой муж, — сказала миссис Р, — стоит большой стол, покрытый скатертью, которая достает до полу. Если мне удастся спрятаться под этот стол, я услышу каждое их слово.

Мистер Килинг вынул из кармана большую связку отмычек и в несколько минут подобрал такую, с помощью которой ему удалось отпереть дверь лавки. Там было почти темно, горел только один наполовину повернутый газовый рожок.

Леди вошла в лавку и сказала:

— Я запру дверь изнутри, а вы ступайте за моим мужем и этой женщиной. Посмотрите, ужинают ли они, а как только они встанут из-за стола, приходите сюда и три раза стукните в дверь. Я тогда буду знать, что они возвращаются. Когда я достаточно наслушаюсь, я отопру дверь, и мы с вами вместе уличим преступную пару. Мне может понадобиться ваша помощь; кто знает, что им вздумается сделать, когда они меня увидят.

Сыщик крадучись вышел из лавки и направился в ту сторону, куда ушли ювелир и женщина. Вскоре он обнаружил, что они заняли отдельный кабинет в маленьком, тихом ресторанчике и заказали ужин. Он подождал, пока они кончили, а затем поспешил обратно к лавке и, войдя в чулан, три раза постучал в дверь.

Несколько минут спустя вернулся ювелир со своей дамой, и сыщик в дверную щель увидел, что в лавке стало светло. Через дверь до него доносились звуки мирного и веселого разговора, но слов нельзя было разобрать. Он потихоньку спустился с крыльца, обошел вокруг лавки и, выйдя на улицу, заглянул в окно. Мистер Р. работал у своего станка, а черноволосая женщина сидела рядом и что-то ему говорила.

«Выждем немного», — подумал мистер Килинг и стал прогуливаться по улице.

Полисмен стоял на углу.

Сыщик рассказал ему, что миссис Р. спряталась в лавке, и все идет как по-писаному.

— Пойду туда, к черному ходу, — сказал мистер Килинг, — чтоб быть наготове, когда придет время захлопывать лавку.

Полисмен отправился вместе с ним и, проходя мимо лавки, заглянул в окно.

— Э, да они, видно, помирились, — сказал он. — А куда ж девалась та женщина?

— Да вон она сидит, с ним рядом.

— Кто? Я говорю о той девице, с которой Р. ходил ужинать.

— И я о ней говорю, — сказал сыщик.

— Нет, вы что-то пугаете, — сказал полисмен. — Вы знаете, кто эта леди, что сидит рядом с Р.?

— Это та женщина, с которой он уходил.

— Это его жена, — сказал полисмен. — Я ее пятнадцать лет знаю.

— Но кто же тогда?.. — начал сыщик и задохнулся. — Силы небесные, кто же тогда сидит под столом?

Мистер Килинг заколотил ногой в дверь лавки.

Мистер Р. подошел к двери и открыл ее. Полисмен и сыщик вошли в лавку.

— Под столом смотрите, под столом, — завопил сыщик. Полисмен приподнял скатерть и вытащил из-под стола черное платье, черную вуаль и черный женский парик.

— Эта леди — в-в-ваша жена? — взволнованно спросил мистер Килинг, указывая на темноглазую молодую женщину, глядевшую на них в полном недоумении.

— Разумеется, — сказал ювелир. — А вот вы кто такой? По какому праву вы лезете под мои столы и ломаете мои двери?

— Загляните в свои витрины, мистер Р., — сказал полисмен, который начал догадываться, в чем дело.

Стоимость похищенных часов и бриллиантовых колец была определена в восемьсот долларов, и на следующий день сыщик уплатил всю сумму сполна.

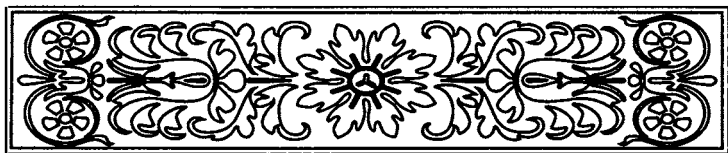
Ювелиру тут же на месте все объяснили, а час спустя мистер Килинг сидел у себя в конторе и лихорадочно перелистывал свои альбомы с фотографиями преступников.

Наконец ему попала одна, при виде которой он бросил альбом и стал рвать на себе волосы. На фотографии был изображен молодой человек с гладкой кожей и тонкими чертами, а внизу стояло следующее примечание:

«Джеймс Х. Миггс, он же Саймон-белоручка, он же Неутешная вдова, он же Бэнко Кэт, он же Проньера Джимми. Специальность: мошенничества и кражи со взломом. Работает обычно переодетый женщиной. Хорошо маскируется и очень опасен. Разыскивается в Канзас-Сити, Окочи, Нью-Орлеане и Милуоки».

Вот почему мистер Томас Килинг закрыл свое детективное агентство в городе Хаустоне.

КАК ВИЛЛИ СПАС ОТЦА

Вилли Флинт был маленьким, шестилетним мальчиком из Хаустана. Это был чудный ребенок, с длинными золотистыми кудряшками и невинными ищущими глазками. Его отец был уважаемым здравомыслящим гражданином, который владел четырьмя или даже пятью торговыми помещениями на Мейн-стрит. Весь день мистер Флинт трудился среди своих арендаторов, делая то, что ему положено — вставлял разбитые окна, приколачивал гвоздями оторвавшиеся доски и ремонтировал те места, где отваливалась штукатурка. В полдень он обычно усаживался на ступеньках одного из своих зданий и съедал свой скромный обед, завернутый в кусок газеты, раздумывая о нынешних трудных временах.

Веселые, элегантно одетые клерки и бизнесмены проходили мимо него вверх и вниз по лестнице, но мистер Флинт им совершенно не завидовал. Он жил в небольшом коттедже возле большой кучи мусора, получившей название «Высота банок из-под томата», на одной из главных улиц в жилом районе Хаустана. Он был вполне счастлив, живя с женой и маленьким сыном Вилли, съедая свой скромный, но питательный обед и получая свои тысячу четыреста долларов ежемесячно за аренду своих помещений. Он был человеком изобретательным, находчивым, не проходило почти ни дня, чтобы он не увеличивал арендную плату за какое-то свое помещение и не откладывал по несколько долларов на черный день.

Однажды вечером мистер Флинт пришел домой и понял, что заболел. Он клеил дешевые зеленые обои на голодный желудок, точнее на одну из стен своих магазинов, ничего перед этим не поев, и это не могло не отразиться на его здоровье. Он, чувствуя, как у него повышается тем-

пература, слег в постель и, лежа в ней, бормотал сквозь зубы: «Боже, помоги моей жене и моему ребенку! Что же теперь с ними будет?»

Мистер Флинт послал Вилли в дальний угол спальни, а сам, вытащив из-под подушки пачку долларов, сказал жене:

— Вот, возьми это, отнеси в банк и положи на счет. Тут лишь восемьсот долларов. Некоторые арендаторы еще не рассчитались со мной, а пятеро из них хотят, чтобы я установил перегородки у окон. Тот, кто послал воронов накормить Илию, поможет и нам. Пойди к булочнику, купи у него на никель булку хлеба и быстро возвращайся, чтобы помолиться.

Вилли делал вид, что увлеченно играет с Ноевым ковчегом, устанавливал плату животным за кров и воду и писал все цифры на своей грифельной доске. Но он все равно слышал, что сказал матери отец.

Когда мать уходила, он спросил ее:

— Мамми, а папа на самом деле так болен, что не может работать?

— Да, дорогой, — ответила миссис Флинт, — у него очень высокая температура, и я боюсь, как бы он совсем не расхворался.

Как только мать ушла, Вилли, надев свою шапочку, выскользнул на улицу через парадную дверь. «Нужно помочь моему доброму, хорошему папочке, который заболел», — говорил он себе.

Он дошел до Мейн-стрит и там остановился, глядя на высокие здания, которыми владел его несчастный папа. Прохожие мило улыбались, глядя на этого малыша с льяными волосиками, и не одно угрюмое лицо оживлялось при виде его невинных голубых глазок.

Несчастный малыш Вилли! Ну, что он мог сделать, чтобы помочь своему больному отцу в этом большом, вечно занятом собой городе?

«Я знаю, что нужно делать, — сказал он вдруг себе. — Сейчас пойду и подниму арендную плату за несколько офисов и это наверняка поможет моему отцу, ему станет гораздо легче».

Вилли старательно преодолел три лестничных пролета в одном самом большом здании, принадлежащем отцу. На третьем этаже располагалась контора, которую снимали два молодых человека, только что начавшие заниматься адвокатской практикой. Они прибили там свою вывеску и уже отправили мистеру Флинту арендную плату за первый месяц.

Когда Вилли карабкался по лестнице, оба молодых адвоката уписывали сыр с крекерами, положив ноги на стол, на котором стояло шесть порожних литровых пивных бутылок. Они так наелись и напились, что тяжело дышали. Один из них, тот, у кого был в петличке пиджака вставлен цветочек магнолии, рассказывал приятелю какую-то смешную историю об одной девушке. Другой, убрав ноги со стола и открыв глаза, сказал:

— Разрази меня гром, Боб! Ну-ка убери корчажки!

Джентльмен, которого звали Боб, опустил ноги на пол, вытер о волосы ножик, которым только что резал ломтиками сыр, и огляделся.

Маленький голубоглазый мальчик с длинными золотистыми кудряшками стоял в дверях.

— Ну, входи, входи, девочка,— сказал Боб.

Вилли храбро переступил через порог.

— Я вам не девочка,— твердо сказал он. — Меня зовут Вилли Флинт, и я пришел сюда, чтобы повесить вам арендную плату.

— Ну, очень, конечно, любезно с твоей стороны, Вилли,— сказал джентльмен по имени Боб,— что ты пришел, чтобы это сделать, но мы этого не сделали бы даже под страхом смертной казни на электрическом стуле. Скажи, Вилли, это твои собственные волосики и катаешься ли ты на велосипедике?

— Не приставай к малышу,— сказал другой джентльмен, которого первый назвал Сэмом. — Мне кажется, он очень хороший мальчик. Послушай, Вилли, ты когда-нибудь слышал, какой звук получается, если бросить резинку на пол?

— Перестань дразнить малыша,— строго сказал Боб.— Он мне кого-то напоминает,— ах, простите меня за пуценную слезу,— ах, эти кудряшки, ах, эти глазки-незабуд-

ки. Скажи-ка, Вилли, только поскорее, дитя мое, не тяни душу, двести десять лет назад ты стоял...

— Да оставь ты его в покое,— сказал Сэм, нахмурившись, якобы недовольный поведением приятеля. — Вилли, не окажешь ли мне личное одолжение — не прольешь ли слезки на пол? Я просто изнываю от скуки, и твои слезки помогут мне забыть печаль и обрести радость.

— Мой папа очень болен,— сказал Вилли, храбро вступая в борьбу с просящимися наружу слезами,— и что-то нужно для него сделать. Прошу вас, добрые мои джентльмены, разрешите мне повысить арендную плату за эту контору, чтобы я мог вернуться домой и сообщить об этом отцу и чтобы ему полегчало.

— А, это пацан старика Флинта,— сообразил наконец Боб. — Почему он тебе не сделал лицо пошире, а? Скажи-ка, Вилли, насколько ты желаешь повысить арендную плату?

— А сколько вы платите сейчас?

— Десять долларов в месяц.

— Ну, скажем, будете платить по двенадцать, идет?

— Пусть будет пятьдесят,— сказал Сэм, зажигая сигару из черного табака,— за девяносто дней, а пока открой бутылочку пивка и вспырснем сделку.

— Не пори чепуху,— сказал Боб. — Послушай, Вилли, почему бы тебе не повысить арендную плату до двадцати долларов? Так что беги сообщи об этом отцу, если хочешь ему добра.

— Ах, благодарю вас,— воскликнул Вилли и помчался домой с легким сердцем, что-то весело напевая.

Когда он прибежал домой, мистеру Флинту становилось все хуже и он что-то цедил сквозь зубы о десятидолларовой бумажке, которую дал жене.

— По-моему, у него не все в порядке с головой,— сказала миссис Флинт, заливаясь слезами.

Вилли подбежал к кровати отца и прошептал ему на ухо:

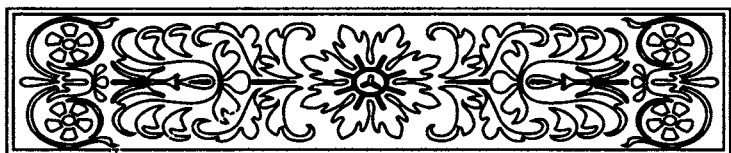
— Папа, папа, я поднял арендную плату за одну из твоих контор с десяти долларов до двадцати.

— Ты, мой сын? Молодчина! — сказал отец, положив ему на головку свою руку. — Да благословит Господь моего маленького мальчика.

Мистер Флинт погрузился в мирный сон, и, когда проснулся, лихорадки как не бывало. На следующий день он уже мог сидеть в постели, и теперь он чувствовал себя куда лучше. Но когда Вилли сообщил ему, чью именно ренту он поднял, мистер Флинт скончался в одночасье.

Увы, месье! Сколько в жизни бывает разочарований!

МИРАЖ НА ХОЛОДНОЙ РЕКЕ

Владелец овцеводческой фермы отказался от спички и раскурил трубку от горячей головни. Мы были на рыбалке в Буффало и готовили себе ужин. Свежая жареная рыба, кофе, пшеничный хлеб, картошка и хрустящий на зубах бекон — не ужин, а объедение, от которого никто не откажется.

Мы расслабились и дружно поклонялись богине Никотинии. Луна освещала всю восточную часть неба и разливала белый мерцающий свет на темные воды реки. Буксир, словно призрак, медленно полз вниз по реке, оставляя за собой прозрачный серебристый след, и гнал мистический прибой далеко, к невидимым берегам, где почти бесшумно набегали волны. Комары сердито жужжали, не осмеливаясь перелетать через границы висевшего вокруг нас большого табачного облака. Упоительный свежий аромат исходил из лопающихся почек на деревьях и от полевых цветов. Мы сидели в ясной тени дубов и кипарисов и болтали, как обычно болтают почти все мужчины и женщины, когда Ночь, развязывающая языки, приходит на смену смиренно молчащему Дню.

Ночь виновата в рождении поэтов, в разбирательствах судебных дел по поводу нарушенного обещания, супружеской измене, за выболтанные секреты и скучные истории. Человек, который в лунную летнюю ночь не расскажет больше того, чего на самом деле знает, — большая редкость. Четверо из нас обладали определенным иммунитетом по отношению к лунному свету и розам, один из нас был достаточно молод, чтобы почувствовать сладостный эффект поцелуев Луны, которые она раздаривала темным верхушкам деревьев, воздушной перспективе дрейфующих, похожих на бухточки облаков, белых глазков цветочков кизила, проглядывающих из древесной темноты. Он все это замечал и высказывал свои мысли открыто, без сослагательного наклонения, прямо, а мы, уставшие от мира пассажиры,

что-то ворчали ему в ответ, потягивая наши трубочки и сигары, отказываясь откровенничать по таким пустякам.

— Разве не красиво? — спрашивал молодой человек. — Небо похоже на купол какого-то волшебного храма, леса пропитаны насквозь тайной, а тишину нарушает лишь тихое дыхание природы.

— Мило, конечно, какие могут быть разговоры, — откликнулся страхового агент. — Но позвольте мне сказать вам, что я знал людей, которые разбрасывали микробов неизлечимых болезней вот по этой старой реке. Вы чувствуете, как с каждой минутой усиливается сырость? Никто не знает, что может произойти в следующую минуту. Особенно человек, обремененный семьей, которая зависит от него...

— Заткнитесь, — рявкнул аптекарь. — Если вам угодно поговорить на профессиональную тему, то порекомендуйте меня такому человеку. Мы совершаем эту вылазку ради удовольствия, и я не желаю ее портить трепом о бизнесе. Поговорите лучше о малярии, ведь еще есть две бутылки...

— Ну, вон куда хватили, чем же это лучше? — сказал адвокат. — Вы все твердите одно и то же до тех пор, покуда ваши мозги не сконцентрируются на чем-то другом. Давайте мне трибуну свидетеля, и я с нее поклянусь, что никогда не говорю о своем бизнесе за пределами конторы; если это не так, то гоните меня в шею из зала суда!

— Эта ночь, — сказал владелец овечьей фермы, — напоминает мне о той, когда я заблудился в лесу, идя вдоль Холодной реки. Это была та ночь перед тем утром, когда я увидел миридж...

— Что-что? Может, мираж? — сказал молодой человек.

— Нет, — ответил фермер, — это был не мираж, а миридж, причем самый реальный, который я когда-либо узрел. В этом было что-то весьма странное, и я часто об этом не рассказываю, но ведь когда видишь что-то экстраординарное, так и тянет высказаться, не так ли?

— Ну, валяй, — сказал аптекарь, протягивая руку за кисетом, — послушаем твою байку. Совсем немного осталось на свете вещей, которым современный человек не верит.

— Это случилось осенью восьмидесятого, — начал хозяин овечьей фермы, — когда я перегонял овец в графстве Ласаль. Поднялся сильный северянин, и ужасный гром рассеял мое стадо из полугора тысяч баранов. Пастух не смог с ними совладать, и они разбежались по всему чапарралю,

этим густым зарослям кустарников. Я вскочил на свою лошадь и погнался за ними, и за целый день мне удалось согнать в одно место большую часть стада. Я встретил одного наездника, мексиканца, который сказал мне, что видел их «целую кучу» возле переправы Пало Бланко на Холодной реке. Я поехал в этом направлении и на закате очутился на равнине, где из-за густого кустарника не было ничего видно на расстоянии пятидесяти ярдов в любую сторону. В общем, я заблудился. Часа четыре или даже пять моя лошадка брела спотыкаясь по густой, сочной траве, шла то в одну, то в другую сторону и, кажется, понимала не больше меня, где она находится. К двенадцати часам я сдался, стреножил мою лошадку, а сам лег на седельное одеяло, чтобы отдохнуть до утра. Я, конечно, ужасно волновался за своих жену и ребенка, которые остались одни на ранчо, так как знал, что они будут до смерти напуганы моим долгим отсутствием. Ну, там, конечно, особенно опасаться было нечего, но вы же знаете, как эти женщины ведут себя, когда наступает ночь, особенно если на расстоянии десяти миль вокруг нет ни одного соседа.

Я проснулся на рассвете и, как только произвел оценку местности, сразу понял, где нахожусь. С того места, где я стоял, была видна дорога на Форт Эвелл, а на ее обочине стоял знакомый мне высохший вяз. Значит, я — на расстоянии около восемнадцати миль от своего ранчо. Я тут же вскочил в седло и когда бросил взгляд через Холодную речку в направлении дома, то увидел этот миридж. Все эти мириджи на самом деле какое-то чудо, просто удивительно. Мне в жизни приходилось их видеть раза три-четыре, не больше. Утро было туманным, кудрявые облачка, похожие на бухточки, также плыли по небу и в ложбинах тоже стоял туман. Я видел мой дом, мое ранчо, сарай для стрижки овец, забор, на котором висели седла, поленницу дров, топор, воткнутый в чурбан, — в общем, все, что было на моем дворе, я видел ясно-ясно, словно все это находилось от меня на расстоянии не больше двухсот ярдов, а я смотрел на все это через легкий утренний туман.

Все это казалось каким-то призрачным, чуть больше, чуть меньше, чем на самом деле, но я отчетливо видел белые занавески на окнах и даже ягнят, пасущихся возле загона. «Как все же забавно, — подумал я, — видеть все так близко, когда до дома целых восемнадцать миль!»

Вдруг я увидел, как отворилась дверь, на крыльцо вышла жена с нашим ребенком на руках. Не знаю, почему я не заорал, не окликнул ее, — не могу этого понять. Но, клянусь, я был ужасно рад ее видеть, знать, что она жива-здорова. И вот тогда я увидел что-то большое, крупное, черное; это черное двигалось, становилось все отчетливее и, когда вся картина вошла в фокус, я понял, что это мексиканец со своим широкополым сомбреро, подъехавший на своей лошади к забору ранчо. Он постоял там с минуту, потом я увидел, как моя жена вбежала в дом, захлопнув за собой дверь. Я видел, как мексиканец спрыгнул с лошади, подергал запертую дверь, а потом пошел за топором, который торчал в чурбане среди кучи дров. Он вернулся со своим орудием и принялся рубить дверь. Миридж становился чуть тусклее, словно его краски выцветали. Не знаю, что меня дернуло тогда, в ту минуту, что заставило совершить такую глупость, но я ничего не мог с собой поделать. Я быстро вытащил из чехла свой винчестер, прицелился в этого подлого негодяя и выстрелил. Потом стал клясть себя, называть законченным идиотом: кто же пытается пристрелить человека на расстоянии восемнадцати миль? Я вложил в чехол свою винтовку, вскочил в седло и, вонзив шпоры в свою лошадку, помчался через густой кустарник с такой скоростью, с какой путник улепетывает от гремучей змеи.

Я проскакал все восемнадцать миль минут за восемьдесят. Я не выбирал дороги, скакал напролом, через колючие заросли, ловко перепрыгивая через речки и ручьи. Когда доскакал до ранчо, то свалился со своей лошадки, а она, вся в пене, прислонилась к забору и с укоризной глядела на меня. Перемахнув через забор, я помчался к черному входу. С грохотом взбегал по ступенькам крыльца и орал словно безумный, выкрикивая имя жены, Сэлли, но не узнавал своего голоса, это был не мой голос, могу поклясться.

Дверь отворилась, и на пороге появилась жена с ребенком, слава богу, оба живы-здоровы, только перепуганные, словно кролики.

«Ах, это ты, Джим, — сказала жена, — где же, где же ты так долго пропадал? Какой-то пьяный мексиканец сегодня утром напал на наш дом, пытался взломать дверь, разрубить ее топором. Я хотела задать ему несколько вопросов, но не могла. Вот, сам посмотри».

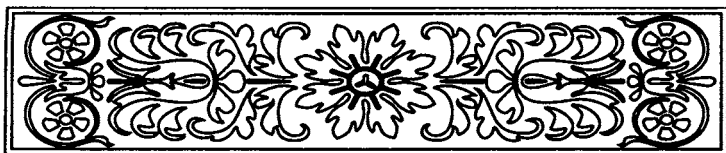
Парадная дверь была изрублена на куски, на крыльце лежал топор, а на земле неподалеку и сам мексиканец. Пуля из моего винчестера угодила ему прямо в лоб.

— Ну и кто его застрелил? — спросил адвокат.

— Я рассказал вам все, что мне известно, — ответил владелец овцеводческой фермы. — Сэлли сказала мне, что этот человек вдруг неожиданно упал в тот момент, когда долбил дверь топором, но она никакого выстрела не слышала. Я не собираюсь ничего объяснять, просто рассказываю то, что произошло. Вы можете, конечно, сказать, что кто-то в кустарнике, увидев, как этот наглец взламывает дверь, пристрелил его, используя при этом бесшумный порох, а затем улизнул, не оставив своей визитки, но вы также можете сказать, что ни черта не понимаете, как, впрочем, и я сам.

— Неужели вы думаете... — начал было снова адвокат.

— Ничего я не думаю, — перебил его хозяин овец. — Обещал, что расскажу вам об этом миридже, который я видел, и все честно и подробно вам рассказал. Ну что, там в кофейнике не осталось еще кофе?

ТРАГЕДИЯ

— Клянусь бородой пророка, о Шехерезада, ты все правильно сделала,— сказал халиф, откидываясь назад и откусывая кончик сигары.

Уже тысячу ночей Шехерезада № 2, дочь великого визирия, сидела у ног могущественного халифа Западной Индии и рассказывала такие истории, от которых у придворных перехватывало дух.

Мягкие, мелодичные звуки падающих струй в фонтане приятно услаждали слух. Рабы разбрасывали лепестки роз по мозаичному полу и махали опахалами из павлиньих перьев с драгоценными камнями. За стенами дворца в саду, в кронах финиковых пальм, распевали заморские птички, черные вороны, предвещавшие несчастье, перелетали с ветки на ветку диковинных восточных деревьев, а из Нью-Йорка сюда долетала прилипчивая сентиментальная мелодия, которую приносил с собой свежий бриз.

— Ну, Шехерезада,— продолжал халиф,— по контракту за тобой еще одна история. Ты рассказала нам ровно тысячу, и все мы были просто поражены твоим великолепным талантом рассказчицы. Все твои истории совершенно новые и не утомляют нас, как пошлый вздор, который несет Маршалл П. Уайлдер. Ты такая молодчина! Но послушай, дочь Луны и первая кузина фонографа, ты нам должна еще одну историю. Пусть она будет такой, которую еще никто и никогда не рассказывал в моем царстве. Если справишься, получишь тысячу золотых монет и в придачу сотню рабов в услужение, но если твой рассказ с бородой, то уж не обессудь, придется заплатить своей головой.

Халиф подал знак, и палач Месрур подошел к Шехерезаде, стал рядом с ней. В руках у него поблескивала острая секира. Сложив руки на груди, он замер, словно статуя, а халиф тем временем продолжал:

— Ну, что же, Шехерезада, приступай. Если твой рассказ будет похож на рассказ номер четыреста семьдесят пять, в котором багдадского купца застают его любимая жена на концерте, устроенном в саду на крыше дома, с его машинисткой или на номер шестьсот восемьдесят четыре, в котором какой-то кади из города вернулся поздно босой и наступил на гвоздь, то это подойдет, но если ты снова станешь навязывать нам Джо Миллера, то, клянусь честью, пожалеешь об этом.

Шехерезада, отправив в рот новую жевательную резинку, села на ногу и начала свой рассказ.

— О, могущественный халиф, есть у меня одна историчка, которая всех вас просто очарует. В моем каталоге она числится под номером двести восемьдесят восемь. Но не могу ее рассказать, не могу, в самом деле. Я...

— Почему же нет, Шехерезада?

— Ах, брат Солнца и личный секретарь Млечного Пути, я все же женщина скромная, а рассказ слишком грубый, слишком неприличный, так что мне его никак нельзя рассказывать.

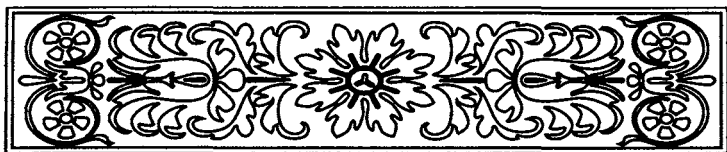
Шехерезаде самой вдруг стало стыдно, и она закрыла в смущении лицо руками.

— Давай рассказывай, я велю тебе, — сказал халиф, подвигаясь к ней поближе. — Не обращай на меня никакого внимания. Я ведь начитался Лауры Линн Джибби и Ибсена. Давай выкладывай свой номер двести восемьдесят восемь.

— Но я ведь уже сказала, халиф, он слишком неприличный.

Калиф подал знак. Палач Месрур взмахнул секирой, и головка Шехерезады покатила с плеч.

— Я прекрасно знал, что номер двести восемьдесят восемь до неприличия груб, но такая вопиющая непристойность недопустима, это выше моих сил...

ДОСТАТОЧНО ВЫЗЫВАЮЩАЯ ПРОВОКАЦИЯ

— Он вдарил меня первый.

— Он спровоцировал меня, ваша честь.

— Я не собирался даже прикасаться к этому ниггеру, куда он сам не ударил меня изо всей силы.

Так препирались два негра, стоя перед мировым судьей, который разбирал их дело о драке.

— Для чего вы ударили этого человека стулом? — спросил судья.

— Я играл на французской арфе, господин судья, на балу эмансипированных сыновей Пресвятых Дев в Сэм Гобсоне, а он в это время играл на гитаре, под которую танцевали ниггеры. И вот этот парень, которого я треснул, считает, что он тоже умеет играть на французской арфе, но это неправда, играть на ней он не умеет.

— Ложь, я умею на ней играть...

— Помолчите, — строго одернул его судья. — Продолжайте ваши показания.

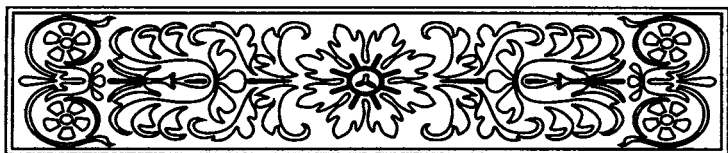
— Ну, я играл на ней, когда подходит этот парень, которого я треснул. Он ужасно завидовал мне, тому, как я хорошо играю, и был вне себя из-за того, что комитет выбрал именно меня для игры на балу. И вот когда я играл, этот долбанутый парень подходит прямо ко мне и говорит: «От твоей музыки уже созрели все арбузы на высокой горе». Ну, я продолжаю играть. Тогда он говорит: «Представьте себе, что у тебя в руках большой, спелый арбуз с красной мякотью и черными семечками». Я продолжаю играть. А он говорит: «Ты тащишь его в автобус, разбиваешь острым камнем и погружаешь свою клешню в самую его красную мякоть, вытаскиваешь из него пригоршню сладкой массы и оглядываешься по сторонам, не подходит ли кто». Ну, я продолжаю играть. А он говорит: «Ты набиваешь себе арбузом полный рот, ты жуешь, жуешь, сок его выливается у тебя изо рта и течет по подбородку, ска-

тывается на шею, на грудь, а сладкая масса растекается в твоём горле».

От этой его картины у меня потекли обильные слюнки, причем столько, что заполнили вскоре всю мою французскую арфу, она отсырела, музыка прекратилась, а члены комитета, назначившие меня на бал, только недоуменно переглядывались. Тогда я схватил в негодовании стул, трахнул этого негодяя парня по башке и накинулся на него. Вы, мистер судья, сами знаете, какие вкусные арбузы растут в этих местах...

— Ну-ка убирайтесь отсюда оба, чтобы глаза мои вас больше не видели,— вынес свой приговор судья. — Кто там следующий?

СЛОМАННАЯ ТРОСТИНКА

Популярный священник сидел в своем кабинете перед жаровней с горящими углями, и довольная улыбка блуждала у него по лицу, когда он вспоминал свою удачную утреннюю проповедь. Да, он нанес ощутимые удары по греховному, он простыми, но берущими за сердце словами рассказывал слушавшей его, затаив дыхание, пастве о зле, коварстве, дебоширстве, пьянстве, развращенности, случаи которых наблюдались среди его прихожан.

Уподобляясь примеру первейшего слуги Господа с чистейшими помыслами, он в своей речи опускался до самых низменных глубин порока и разврата, а в голове у него возникали ужасные, жгучие, непотребные картины, которые он рисовал перед изумленными взорами прихожан щедрой кистью в поразительно живых красках. Он сам слышал, как слетали богохульства с губ, некогда столь же чистых, как у сестер церкви, он сам стоял в самом центре безграничных пороков, где вино текло рекой, раздававшиеся там скабрезные песни, проклятия, громкий смех, шумное пьяное веселье, звон монет, заработанных на человеческой крови, казалось, долетали до обиталища самого Дьявола.

Да, в самом деле, он поразил свою паству! Он не скупился на самые огненные слова, чтобы выжечь ими все то, что не имело права на существование. И вот теперь он сидел перед своими горящими угольками и думал об успехе трудов своих, эти раздумья вызывали у него довольную улыбку.

Вдруг щелкнула задвижка на двери его кабинета, и к нему вошел человек. Грязный, седой, в лохмотьях, изрядно потрепанный, с неясным взором и неуверенной походкой, к тому же от него сильно несло ромом. Может, он и был когда-то человеком. На его лбу пролегла длинная полоска клейкого пластыря, на переносице красовалась открытая кровавая рана, которая контрастировала с менее красным цветом

остального лица. Вместе с ним в кабинет влетел дух нереспектабельности, несвятости и рома.

Проповедник встал, его чувствительные ноздри заметно подергивались от неприятного запаха, а все его грузное тело под просторным облачением дрожало от испытываемого к вошедшему отвращения.

— В чем дело, добрый человек? — спросил он.

Существо заговорило, и проповедник, все еще стоя, пытался следовать за лабиринтом его хрипловатой речи.

— Разве вы меня не знаете? Я живу в «Восторгах ада». А я вас знаю. Вы туда приходили, действительно приходили, хотели ознакомиться с его достопримечательностями. Вы попросили дать вам в проводники этого итальяшку, Тони, а он послал вас к гадкому Джейку. Так это я. Я поведу вас по всем притонам, ну и все такое прочее. Я знаю, что вы — проповедник, если судить по тому, что вы делаете. Но вы купите мне вина, как человек, настоящий человек с большим карманом, иначе кто вас будет принимать за человека?

— Простите,— сказал проповедник,— эта рана у вас на лбу,— кровь из нее каплет на мои гравюры,— позвольте мне...

— Не волнуйтесь, ваше преподобие,— сказала существо и, задрвав полу своего изодранного сюртука, вытерло кровь с лица. — Я не испорчу ваши картинки. Несколько капелек сорвались на ковер, но ничего, сейчас я напушу сюда свежего воздуха. Когда-то я мог бы рассказать вам все о ваших картинках: вот эта — Она со львом, а это — Венера Милосская, а это — Дискобол. Вас не удивляет, ваше преподобие, что я верно называю картинки, нет? Когда-то и я сидел вот на таких стульях, больше всего мне нравилась испанская кожаная обивка, но ваша стенная панелька не из лучших — резной аллегорический орнамент уже не используется в современных панельках. Но, простите меня, ваше преподобие, я пришел к вам не для того, чтобы сказать об этом. После того как вы пристрастились к нашему злачному месту, я задумался о том, что вы мне говорили однажды вечером, когда мы с вами ходили на танцульки в Гиллиган. Там был один парень, который унижал вас как священника, даже хотел дать вам по уху, но, увидев, что у меня из кармана выпирает пушка, и посмотрев мне в глаза, он передумал. Ну, да

это неважно. Я тогда слышал, как вы себе сказали: «Сломанной тростинки ему не соединить и горящий лен не погасить» или что-то в этом роде. Тогда я сказал себе: «Пойду-ка я в большую церковь, послушаю проповедь этого типа».

• • •

— Мои ребята, все эти хвастуны, у которых нет и гроша в кармане, смеются надо мной, называют «Благочестивым Джейком», но сегодня я пошел в большую церковь, где вы проповедуете, ваше преподобие. Я сказал себе, что ведь это я вас водил по злачным местам, я заступался за вас, когда эти пропойцы выставляли вас на посмешище, я не позволил этим парням вас обжучить, а когда я услышал о ваших поучениях, о ваших проповедях, сам услышал, какие жгучие слова вы отважно бросали этой банде, то испытал гордость, чувство, что я и сам причастен к вашему бизнесу, так как ходил повсюду вместе с вами. Я сказал себе: «Ты должен сам услышать, как проповедует этот парень, и, может, в результате у сломанной тростинки появится шанс снова стать целой...» Извините меня, ваше преподобие, не бойтесь, я не упаду и не испорчу ваш ковер. Что-то голова кружится. Кровь все течет из моей раны на лбу, но я совсем не пьян.

— Может, вы присядете, не хотите ли на самом деле присесть, отдохнуть несколько минут?

— Благодарю вас, ваше преподобие, я не стану садиться. Кажется, я уже покончил со своим прошлым. Я пришел в церковь, вошел в нее. Я услышал чудесную музыку, мне казалось, что это поют сами ангелы на хорах, и я почувствовал такой дивный запах — запах фиалок и свежего сена, которое мы косили на пахучих лугах, когда я был совсем еще маленьким. Сколько там было хороших людей в бархатных куртках и красивых платьях с разными безделушками. А вы, ваше преподобие, стояли в дальнем конце, на большой трибуне, такой спокойный, словно вы не здесь, а где-то далеко-далеко, точно такой, как тогда на балу в Гиллингене, когда эти ребята попытались вас высмеять, а я после пошел, чтобы послушать вашу проповедь.

• • •

Вдруг проповедник вспомнил лестный для него отрывок из сообщения о его утренней проповеди, опубликованного в утренней газете: «Его чудодейственное, магнетическое

воздействие настолько велико, что не только способно тронуть сердце даже самого грубого, самого невежественного и неграмотного человека, но и вызвать ответный аккорд в сознании человека высококультурного, обладающего тонким вкусом».

— Ну а моя проповедь,— спросил священник, соединяя подушечки своих тонких пальцев и чувствуя, как заслуженная похвала убыстряет ток крови в жилах. — Не вызвала ли она у вас угрызений совести из-за той греховной жизни, которую вы прежде вели, не осветила ли светом Божественной жалости уголки вашего сердца, не принесла ли прощения вашей заблудшей душе, в общем, всего того, что Он обещает самым развращенным, порочным и злобным существам Своего творения?

— Ваша проповедь? — сказал существо, поднося дрожащую руку к ранам, обезображивающим его лицо. — Разве вы не видите эти порезы, эти синяки? Знаете, где я их заработал? Я ведь и не услышал вашей проповеди. Все эти увечья я заработал на острых камнях, куда коп с вашим привратником вышвырнули меня из церкви. В самом деле, разломанная тростинка никогда не станет целой, а горящий лен не погасить. У вас есть еще что-нибудь сказать?

ВОЛОСЫ ПАДЕРЕВСКОГО

Журналист из «Пост» имел удовольствие встретиться с полковником Уорбертоном Поллоком вчера вечером в ротонде Нью-Хатчинс.

Полковник Поллок — один из самых широко известных людей в нашей стране и, вероятно, у него гораздо больше знакомств с выдающимися людьми своего времени, чем у любого живущего ныне человека. Он — острослов, редкого дарования рассказчик, прирожденный дипломат, человек громадного опыта и большой любитель путешествий по всему миру. Ничто ему не доставляет большего удовольствия, как поделиться своими интересными воспоминаниями о людях и событиях в кругу достойных его слушателей. Его воспоминания о дружбе с различными знаменитыми людьми, мужчинами и женщинами, настолько многочисленны, что ими можно было бы заполнить несколько томов.

Полковник Поллок постоянно живет в апартаментах отеля «Вашингтон-Сити», где, однако, он проводит ничтожную часть своего времени. Обычно он проводит все лето в Европе, главным образом в Неаполе и во Флоренции, но редко живет в одном месте более нескольких недель или месяцев.

Полковник Поллок сейчас находится на пути в Южную Америку, чтобы позаботиться там о своих интересах, которые связаны там у него с добычей ценной красной древесины — махогани.

Полковник свободно, без всяких утаек, и очень интересно делился своим опытом и часто рассказывал восхищавшейся им очень внимательной группе слушателей свои замечательные истории о знаменитых людях.

— Я вам не рассказывал,— начал он, попыхивая своей длинной сигарой с черным табаком «принципе»,— о том приключении, которое у меня было в Африке несколько лет назад? Нет? Очень хорошо. Насколько мне известно, в

Хаустон скоро приезжает Падеревский, и эта история может оказаться весьма кстати. Вы, конечно, слышали об удивительных волосах Падеревского, об этом много говорили. Но очень немногие знают, что произошло с ним. Вот как это было.

Несколько лет назад мы сколотили группу охотников, чтобы отправиться в Африку и там поохотиться на львов. В компании были Нэт Гудвин, Падеревский, Джон Л. Салливан, Джо Пулитцер и ваш покорный слуга. Это было тогда, когда никто из нас еще не достиг сегодняшней славы, но все мы были людьми амбициозными и каждому из нас требовался отдых и развлечения. Это была компания веселых единомышленников, во время этого путешествия у нас было немало радостных, восхитительных минут. Когда мы высадились на Черном континенте, то наняли проводников, запаслись провизией и снаряжением для месячного путешествия по тем местам, где течет Замбези.

Все мы ужасно хотели подстрелить льва, ради этого забрались в совершенно дикий, необследованный район.

Вечерами, сидя у костра, мы прекрасно проводили время, болтали, подшучивали друг над дружкой, в общем, наслаждались, как могли, нашей поездкой.

Падеревский был единственным членом нашей команды, который зарабатывал деньги. Это было время, когда повсюду царил бешеный фурор вокруг его фортепианного искусства, а от своих сольных концертов он получал немалые суммы.

Однажды Гудвин, Салливан, Падеревский и я слонялись без дела по лагерю в ожидании обеда. Пулитцер пока еще не показывался. Гудвин с Салливаном затеяли спор по поводу того, как нужно уходить и отражать апперкот, который стал таким знаменитым благодаря Хинану. Вы, наверное, знаете, что Нэт Гудвин и сам неплохой спортсмен и умеет боксировать не хуже профессионала. Падеревский всегда был спокойным парнем, приятным и отзывчивым, все его любили. Он сидел на пеньке бананового дерева, глядя вдаль своими сонными, притягивающими, словно магнит, глазами. В это время я заряжал патроны и не обращал особого внимания на их спор, до тех пор, покуда Салливан с Гудвином не стали повышать голос, а спор грозил перерасти в сердитый, озлобленный диспут.

— Будь у меня сейчас пара перчаток, я бы сразу доказал, что прав, — сказал Нэт.

— Было бы неплохо,— ответил Джон.— Через минуту вы ничего бы уже не соображали.

— Да вам не устоять и двух минут перед человеком, который знает начальные принципы ведения боксерского поединка,— сказал Гудвин. — Только ваш вес и ваша прыть говорят в вашу пользу.

— Ах, если бы у нас была сейчас пара перчаток! — повторил Джон, скрипя зубами.

...

Вдруг оба они, словно сговорившись, одновременно повернулись к Падеревскому. У Падеревского в то время были длинные черные как смоль волосы, мягкие и гладкие, как у индейца, плотной массой они спадали ему на спину.

Салливан с Гудвином набросились на него вместе. Не знаю, кто из них это сотворил, но я видел только, как блеснул нож, и через пару секунд Падеревский так аккуратно лишился своего скальпа, словно это проделал опытный индеец из племени команчей.

Они тут же разделили волосы на две части, и каждый набил своей две кожаные сумочки для патронов. Потом они надели их на свои сжатые кулаки, веревочкой завязали на запястьях и тут же ринулись друг на дружку, словно заправские боксеры, в своих довольно своеобразных, странных боксерских перчатках.

Падеревский, когда с него сдирали скальп, только издавал дикие вопли, а после операции тихо сидел, обхватив обеими руками свою голую голову, с мрачным, подавленным видом.

— Все, я разорен,— причитал он. — Моей карьере профессионального пианиста конец. Что же мне делать?

Я попытался разнять Джона с Нэтом, но в результате получил такой сильный удар тыльной стороной «перчатки Падеревского», что отлетел в сторону и приземлился на колючий кактус.

...

И вот в это мгновение в лагере появился Джо Пулитцер.

Он тащил за хвост убитого льва, которого подстрелил в камышах на берегу реки.

— Что здесь происходит? — спросил он, не спуская глаз с двух отчаянно колотивших друг дружку боксеров, старав-

шихся уйти от ударов противника, и с Падеревского, который громко стонал, оплакивая утрату своего скальпа.

— Я бы не отдал и за пять тысяч долларов свои волосы, — убивался он.

— Отдадите за чужие, которые нисколько не хуже ваших, — сказал Пулитцер.

Он подошел к Падеревскому, и они о чем-то шептались несколько минут. Затем Джо вытащил сантиметр из кармана и обмерил голову Падеревского. После этого, взяв нож, он вырезал по мерке точно такой же кусок из гривы льва и приладил его к голове Падеревского. Прижав львиные волосы плотнее к голове, он прикрепил их пластырем.

— Вы не поверите, но за три дня кожа на голове окрепла, боль прошла, а на голове Падеревского красовалась самая красивая, самая рыжая, самая густая развевающаяся шевелюра, какую вы никогда еще не видели.

Я сам видел, как Падеревский вечером того же дня передал Пулитцеру за палаткой чек, и, думаю, немалый. Точная сумма, проставленная в нем, мне неизвестна, но Джо по возвращении в Нью-Йорк купил «Уорлд» и с тех пор процветает на ниве журналистики.

А львиные волосы принесли Падеревскому целое состояние. Вот увидите, эти волосы еще сделают его миллионером. Я никогда не слышал, как он бьет по басовым клавишам фортепиано, но думаю, что это напоминает рык льва в Южной Африке, и могу даже побиться об заклад.

...

— Знаете, я люблю людей сцены, — продолжал свой рассказ полковник Поллок. — Они, как правило, самые веселые компаньоны на свете, притом очень забавные. Не проходит и года, чтобы я не сколотил группу единомышленников для организации увеселительной поездки, и всегда в моей компании оказывается два-три актера. Так вот, год или два назад, мы собрались вместе и отправились в трехмесячное путешествие для ознакомления с достопримечательностями. В нашу группу входили Де Вольф Хоппер, доктор Паркхерст, Буффало Билл, Юджин Фильд, Стив Броди, сенатор Шерман, генерал Кокси и великий маг — Германн.

Мы были гостями принца Уэльского и отправились в путь на его паровой яхте «Альбион». Никто из нас прежде не был в Австралии, и принц пожелал познакомить нас с этой

страной. У нас была просто чудесная поездка. Все мы были единомышленники, едины душой и телом, а наше пребывание на борту было одним сплошным банкетом и безумным весельем на протяжении всего путешествия.

Когда мы высадились в Мельбурне, то нас встречал только губернатор провинции Виктория и всего несколько высших чиновников, так как принц заблаговременно отослал телеграмму с просьбой, чтобы его визит проходил строго инкогнито. Через день-два хозяева, ответственные за наше путешествие, организовали для нас поездку по провинции Новый Южный Уэльс, чтобы показать нам страну и помочь представить себе, что такое местная горнорудная промышленность и овцеводческая отрасль. Мы проехали через Вагга-Вагга (Барра-Барра), Джумбо-джанкшн, Нарраудера, а оттуда верхом через все обширные пастбища страны возле Куддулдури.

Когда мы приехали в небольшой городок Кобар, центр овцеводческого региона, то верноподданные англичане, жившие там, узнали принца, и через час весь город был взбудоражен, все население повсюду следовало за нами по пятам, крича «ура!» и распевая гимн «Боже, храни королеву!».

— Все это ужасно раздражает, Поллок,— сказал мне принц,— но тут уж ничего не поделаешь.

Наша группа поехала в глубь страны, чтобы посмотреть на ранчо по разведению овец, и, по крайней мере, две сотни горожан увязались за нами пешком, все время не спуская с нас полные обожания глаз.

Кажется, тот год был неудачным для овцеводов, и они с довольно мрачным видом уныло размышляли о перспективах на будущее. Самая большая беда в Австралии заключается в том, что весь континент постоянно подвергается захвату быстро размножающихся кроликов, которые для своего прокорма пожирают всю траву и зеленые кусты, иногда уничтожая весь зеленый покров на огромных территориях. Правительство постоянно предлагает награду в пятьсот тысяч фунтов автору такого плана, с помощью которого можно было бы извести излишнее поголовье кроликов, но ничего путного так и не было изобретено, ничего такого, что можно было бы с пользой применить на практике.

В годы, когда прожорливость кроликов достигает колоссального масштаба, овцеводы терпят большие убытки, так как для их овец не остается достаточно корма. Во вре-

мя нашего визита кролики уже погубили почти всю страну. Некоторые стада овец ухитрились как-то выживать, срывая зеленые листья с верхних ветвей деревьев, — туда кролики никак не могли дотянуться. Но все равно большинство стад приходилось отгонять далеко в глубь континента. Люди от этого сильно страдали, дурное настроение их не покидало, и всех их раздражало лишь одно упоминание о кроликах.

Около полудня мы остановились для ланча на околице небольшой деревушки, слуги принца устроили нам отличный обед из холодных блюд: дичи, жирной гусиной печени и курятины. Принц заказал для путешествия очень много вина, и мы наслаждались довольно вкусной трапезой.

Деревенские жители и овцеводы слонялись возле нас без дела, наблюдая за тем, как мы едим. Какими голодными глазами они на нас смотрели — просто ужас! Эти оголодавшие люди — просто ужас!

— Знаете, трудно найти на свете более живого, более веселого, более компанейского человека, чем этот великий престижжитатор Германн. Он был душой нашей группы, и, когда отличное вино принца начинало на него действовать, он принимался за свои фокусы. Он подбрасывал вверх различные предметы, они вдруг исчезали неизвестно куда, превращал воду в жидкости разного цвета, жарил омлет в цилиндре, и вскоре нас плотным кольцом окружили разинувшие от удивления рты, пораженные такими чудесами бушмены, как местные, так и англичане по рождению.

Германн был страшно доволен таким повышенным к себе вниманием и широко раскрытыми от удивления ртами. Он, выйдя на открытое пространство, чтобы его все лучше видели, стал вытаскивать за уши кроликов из рукавов, из-за воротника и карманов, причем по полдюжине, не меньше. Он бросал их на землю, и те, прижав ушки, быстро убегали прочь, но это не смущало мага, он продолжал вытаскивать других, все больше, больше, на глазах у пораженных этим зрелищем аборигенов.

Вдруг неожиданно издав истошный вопль, овцеводы, схватив тяжелые дубинки и камни, вытаскивая из ножен длинные острые ножи, бросились с ними на нас, на всех членов нашей группы.

Принц схватил меня за руку.

— Спасайтесь, спасайтесь, Поллок,— закричал он,— все они обезумели от этого кроличьего бизнеса. Они всех нас перебьют, если мы не вооружимся палками.

— Кажется,— продолжал полковник Поллок,— я был тогда на волосок от смерти, клянусь честью. Я бежал что было сил, орудуя на ходу суковатой палкой, а около сорока туземцев гнались за мной. Некоторые из них, видя, как я улепетываю, бросали в меня копья и бумеранги. Когда я взбегал на небольшую горку, то, повернув голову, увидел, как Стив Броди сиганул с моста в реку Муррумбидги, по крайней мере, с высоты двадцати футов. Всем членам нашей компании удалось спастись, а последние, преодолевая громадные трудности, вернулись дня через два, а то и три, но все же они получили весьма ценный опыт, ничего не скажешь. Сенатор Шерман проблуждал две ночи в лесу и там пострадал от ночных заморозков.

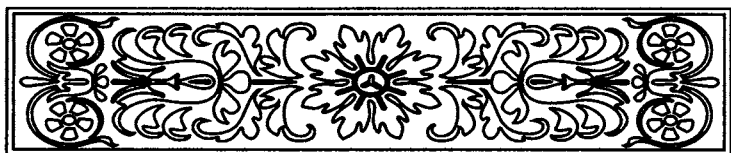
Насколько я знаю, Де Вольф Хоппер намеревается написать пьесу по поводу этого случая и представить ее в следующем театральном сезоне, а сам будет исполнять в ней роль кенгуру.

Генерала Кокси туземцы схватили на берегу небольшой речушки, через которую он боялся перейти, и притащили его к английскому мировому судье, который отпустил обвиняемого на следующий день.

Принц отнесся к этому происшествию как к забавной шутке. Он на самом деле славный парень, без дураков.

— Как-нибудь,— продолжал полковник Поллок, встав, чтобы расписаться за полученную телеграмму,— я расскажу вам о том приключении, которое произошло со мной в римских катакомбах, когда мы там были вместе с Ральфом Вальдье, Эмерсоном, Барни Гиббсом и персидским шахом.

Полковник отправился ночным поездом в Сан-Антонио по пути к Мехико-Сити.

ТАЙНА МНОГИХ ВЕКОВ

Несколько лет назад любой мужчина рассматривал средство передвижения в распоряжении прекрасного пола как святую область, проникать в которую равносильно святотатству.

Костюм для езды на велосипеде оголил тот факт, что таких средств не одно, а два. Мужчина клал поклоны тому, чего не мог ни понять, ни увидеть, но когда завеса тайны разорвалась, от его поклонения не осталось и следа. На протяжении многих поколений считалось, что женщина просто передвигается, чтобы добраться до нужного места. Обожающий ее мужчина не задумывался над тем, как это происходит: то ли она, подобно Венере, рождается в невидимой колеснице, которую волокут за собой два молочно-белых голубя, то ли переносит ее невидимая сила собственной податливой воли. Он только знал, что при этом слышится мягкий шелест невидимой материи, соблазнительное шуршание («фру-фру») женского платья, нарастают звуки какого-то бурного движения... и вот очаровательное создание переносится уже в другое место. Он дивился ей, обожал ее по-прежнему, но не решался дальше любопытствовать. Иногда под кружевным подолом белоснежных юбок можно было увидеть носочек крошечной туфельки или даже блестящую серебряную застежку на подъеме ножки, но дальше мужское воображение работать отказывалось, сбито с толку, но все еще оставаясь под воздействием ее очарования. В старые времена самые сладкоголосые менестрели среди поэтов воспевали, играя на своей лютне, крошечные, как у лилипутов, части ее тела, а романс достигал наивысшего накала, когда вновь излагал бессмертную легенду о Золушке и ее стеклянных туфельках. Придворные поднимали вверх шелковую туфельку своей возлюбленной, наполненную шампанским, и выпивали его за ее здоровье. Ну а где тот герой-велосипедист, который отважится взять велосипедную

гетру возлюбленной дамы и наполнить ее пивом, чтобы выпить за ее здоровье?

Таинственная, сгорающая от любви мамзель уже не кидает нам розы из своего забранного в решетку оконца и не посылает нам издалека свои вздохи. Она спустилась с балкона на землю, позаимствовала мужскую одежду, становится нашим добрым другом и требует для себя равных прав. Мы больше не выражаем ей свое восхищение по ночам серенадами и звонкими любовными сонетами. Мы похлопываем ее по спине и считаем, что у нас появился отличный товарищ.

Но нам всем так хочется поместить вот такое объявление во всех газетах на земле:

«ПРОПАЛА — девушка в длинном платье с юбками, порой она краснеет, и на шее у нее болтается плакатик с надписью: “Руки прочь!” Щедрое вознаграждение за ее возврат гарантируется».

• • •

На днях журналист «Пост» увидел милого, здравомыслящего старого джентльмена с возвышенными помыслами, который принадлежит к старинной школе кавалеров и который просто не может видеть, как женщина сходит с того пьедестала, на котором он всегда ее лицезрел. Он наблюдал за дамой, едущей мимо него на велосипеде. Газетчик спросил его, что тот думает по этому поводу.

— Я никогда не видел леди на велосипеде, — сказал он, — но я при этом вспоминаю о Боге, ибо они, эти женщины, на самом деле передвигаются каким-то таинственным образом, чтобы творить свои чудеса.

СТРАННЫЙ СЛУЧАЙ

Однажды днем репортер «Пост» встретил своего хорошего знакомого, врача по профессии, и предложил ему зайти в ближайшее кафе, чтобы выпить по стакану холодного лимонада. Врач согласился, и вскоре оба они сидели за маленьким столиком в тихом углу, а над ними вертелся вентилятор. Доктор сам заплатил за свой лимонад, а когда начался разговор, репортер ловко перевел его на врачебную практику собеседника, спросив его, не было ли у него каких-либо странных случаев в его практике.

— Конечно, конечно, были,— сказал доктор,— но среди них есть такие, о которых мне не позволяет рассказывать врачебная этика. Есть и другие, в которых нет никакой тайны, но они несколько не менее любопытны, на мой взгляд. Всего несколько недель назад у меня был очень странный случай, и если не приводить подлинных имен, то, думаю, можно рассказать о нем.

— Прошу вас, будьте настолько любезны,— сказал репортер,— ну а перед тем, как вы начнете, позвольте заказать нам еще по стакану лимонада.

Молодого врача, казалось, такое предложение несколько озадачило, но он, порывшись в карманах, нашел там куотер и согласился.

— Ну, примерно неделю назад я сидел в своем кабинете, ожидая визита какого-нибудь пациента, и вдруг услышал шаги. Вскинув голову, я увидел, как в мой кабинет входит красивая молодая леди. У нее была какая-то особая, странная походка, которая никак не вязалась с такой очаровательной девушкой. Она пошатывалась, ее бросало из стороны в сторону, и, предпринимая невероятные усилия, она добралась до стула, который я предупредительно пододвинул к ней. У нее было очень миленькое личико, но на нем проступала печаль и даже мрачная меланхолия.

— Доктор,— начала она очень приятным, но печальным голоском,— я хочу проконсультироваться у вас по поводу своего состояния, так как, кажется, у меня весьма необычное заболевание, и я прошу вас потерпеть и выслушать мой, несомненно, скучный рассказ об истории моей семьи.

— О чем вы говорите, мадам,— сказал я,— весь к вашим услугам, можете располагать всем моим временем. Все, что вы мне расскажете, бросит дополнительный свет на вашу болезнь и несомненно, поможет мне, точнее поставить вам диагноз.

Она поблагодарила меня с улыбкой, и от этой улыбки ее печальные черты несколько разгладились.

— Мой отец,— сказала она,— был из семейства Адамсов, из Восточного Техаса, вы, конечно, слышали о них.

— Может, и слышал,— ответил я,— но ведь семей по фамилии Адамс так много, что...

— Ну, да это не важно,— продолжала она, махнув рукой. — Пятьдесят лет назад началась страшная вражда между семьей моего деда и другой семьей из числа старых переселенцев в Техасе, их фамилия Редмонд. Случаями кровопролития, бесчеловечными поступками, совершаемыми членами семейств с обеих сторон, можно было бы заполнить несколько увесистых томов. В общем, они в точности повторяли все те ужасы, которые демонстрировал старый Кентукки в своей вражде с Западной Виргинией.

Какой-нибудь из Адамсов стрелял из-за забора по Редмонду, когда тот, ничего не зная, сидел за столом и ел, или молился в церкви, или находился в каком-либо другом месте. Между ними возникла такая жуткая ненависть, которую трудно себе и представить. Они бросали отраву в колодцы друг друга, убивали домашних животных, и если на своем пути Адамс, не дай бог, встречал Редмонда, то с этого места их встречи живым уходил только кто-то один. В каждой семье детей приучали к ненависти с того момента, как только они начинали говорить, и, таким образом, наследство антипатии передавалось от отца к сыну и от матери к дочери. Целых тридцать лет бушевала война между ними, и постепенно смертоносные выстрелы из ружей и револьверов настолько опустошили эти семьи, что через двадцать лет в один прекрасный день выяснилось: в живых осталось лишь по одному представителю враждовавших родов — Лемуэль Адамс и Луиза Редмонд. Оба были молоды и красивы и при

первой же встрече позабыли о старой вражде между их семьями и полюбили друг друга. Они тут же поженились, чем и был положен конец великой кровавой вражде между Адамсами и Редмондами. Но, увы, сэр, передаваемые по наследству ненависть и раздоры на протяжении стольких лет отозвались на невинной жертве.

Такой жертвой, доктор, стала я. Во мне, их ребенке, никак не хотела смешиваться кровь Адамсов с кровью Редмондов. Когда я была маленькой девочкой, то ничем не отличалась от своих сверстниц, многие даже считали меня необычайно располагающей и приятной.

— Я охотно этому верю, мадам,— перебил ее я.

Леди, чуть покраснев, продолжала:

— По мере того как я становилась старше, меня стали одолевать странные, противоречивые, я бы сказала, неприемлимые импульсы. Любой моей мысли, любому движению тут же находилась контрмысль, контрдвижение. Все это было следствием наследственного антагонизма. Половина меня принадлежала Адамсам, а вторая — Редмондам. Если я устремляла взгляд на какой-то предмет, то оба глаза смотрели в разных направлениях. Если одной рукой я брала соль из солонки, чтобы посолить картофелину за обедом, то вторая, против моей воли, дотягивалась до сахарницы и посыпала ее сахаром.

Сотни раз при игре на пианино, когда одна моя рука извлекала звуки сонаты божественного Бетховена, то вторая принималась изо всех сил стучать по клавишам и играть бравурную мелодию «Там, за стеной сада» или «Стража Скидмора». Кровь Адамса и кровь Редмонда отказывалась уживаться и в гармонии течь по жилам. Когда я приходила в кафе-мороженое, то заказывала, против своей воли, ванильное, хотя моя душа просто жаждала другое — лимонное. Сколько раз мне приходилось портить себе нервы при раздевании, перед тем как лечь спать. Несмотря на мое желание снять с себя все вещи, противостоящее влияние оказывалось настолько сильным и непреодолимым, что мне приходилось ложиться в постель в платье и даже в туфлях. Вы когда-нибудь сталкивались с таким случаем, доктор?

— Никогда,— признался я,— в самом деле, просто удивительно. И вам так и не удалось преодолеть противоположную тенденцию, так?

— Что вы, как раз удалось. Постоянно предпринимая невероятные усилия, через повседневные упражнения, мне многое удалось сделать, теперь эта болезнь беспокоит меня только в одном отношении. Фактически я освободилась от ее пагубного влияния, за одним только исключением. Она по-прежнему оказывает свое воздействие на манеру моего передвижения. Мои нижние конечности отказываются выполнять одни и те же движения. Если мне нужно идти в определенном направлении и одна нога делает шаг в этом направлении, то вторая в это время поворачивает совсем в другую сторону. Можно сказать, одна моя нога — Адамсы, а вторая — Редмонды. Обе они действуют согласованно только в одном случае — если я катаюсь на велосипеде. Когда одна моя нога поднимается, то вторая, естественно, опускается, это сильно облегчает мне езду, но стоит мне попытаться пойти пешком, как обе становятся неуправляемыми, просто беда! Вы, наверное, заметили, каким образом я вошла к вам в кабинет. Можете ли вы мне помочь в этом, доктор?

— Да, случай на самом деле странный, — согласился с ней я. — Но все же я подумаю, и, если вы зайдете ко мне завтра, часов в десять, я выпишу вам рецепт

Она поднялась со стула, и я проводил ее по лестнице до ожидавшего ее внизу экипажа. Клянусь, мне никогда прежде не приходилось видеть такой дергающейся из стороны в сторону, такой неуклюжей, такой противоестественной походки.

После ее ухода я долго, весь вечер, размышлял об этом странном случае, почитал кое-что у авторитетных специалистов о сухотке спинного мозга, о болезнях мышц, в общем, прочитал то, что попало под руку. Но ничего не обнаружил такого, что могло бы объяснить этот случай. Около полуночи я вышел погулять по улице и подышать свежим прохладным воздухом. Проходя мимо магазина одного старого немца, я решил зайти к нему, чтобы поболтать. До этого я увидел в загоне на его дворе двух бегающих оленей. Я спросил у него о них. Он сказал мне, что те отчаянно дрались друг с дружкой, и поэтому он был вынужден их разделить, отправить каждого на отдельный дворик. И вдруг меня осенило.

На следующий день эта молодая леди пришла ко мне в кабинет. У меня уже был выписан для нее рецепт. Я протянул

ей бумажку, она прочитала его, густо покраснела и, кажется, была готова рассердиться.

— Попробуйте, мадам,— сказал я.

Она согласилась попробовать, вчера я видел ее на улице, она так легко, так грациозно шла по тротуару, что любо-дорого посмотреть. Теперь она ничем, абсолютно ничем не отличается от других дам.

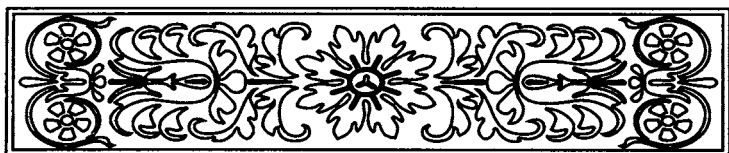
— Так какой же вы выписали ей рецепт? — спросил репортер.

— Я посоветовал ей носить женские спортивные брюки,— ответил молодой врач. — Таким образом, разделяя противоборствующие воздействия, восстанавливалась гармония. То, что разделяло Адамсов с Редмондами, теперь не сталкивалось, и таким образом наступило полное выздоровление.

Погодите,— продолжал доктор,— теперь уже около семи, а я должен зайти к ней ровно в восемь. По секрету могу вам сказать, что она согласилась взять мою фамилию, что и произойдет в скором времени. Надеюсь, вы не станете никому передавать эту историю, не так ли?

— Нет, нет, что вы,— сказал репортер. — Но, может, еще лимонаду...

— Нет, спасибо,— сказал доктор, торопливо вставая со стула. — Мне пора. Всего хорошего. Встретимся через несколько дней.

СУББОТНИЙ ВЕЧЕР СИММОНСА

*Как деревенский простаk осматривал
достопримечательности Хаустона*

Однажды в ясный субботний вечер на станции Хаустон с поезда, прибывшего в 21.10, сошел молодой человек и, оставившись, стал весьма растерянно оглядываться по сторонам. Вид у него был идиллический, точь-в-точь молодой поселянин, как их изображают на сцене наши прославленные актеры. На нем был длинный черный сюртук того знаменитого покроя, который увековечил имя покойного принца Альберта, — такие сюртуки можно увидеть в деревенской церкви по воскресеньям, — клетчатые панталоны, несколько коротковатые для его длинных ног, и завязанный изумительным бантом ярко-пунцовый с зеленым горошком шарф. Он был гладко выбрит, и на лице его было написано глубокое изумление, почти граничащее с испугом, когда он озирался по сторонам, тараща свои голубые глаза. Он держал в руках большой саквояж допотопного вида из какого-то блестящего черного материала, похожего на клеенку.

Описанный нами молодой джентльмен с судорожной поспешностью вскочил в трамвай, направлявшийся, как ему сказали, в центр города, уселся, положил к себе на колени свой саквояж и обхватил его обеими руками, словно опасаясь сидящих с ним рядом пассажиров.

Когда трамвай тронулся с громким лязгом, разбрасывая снопы искр, он с таким испуганным видом ухватился за ручку сиденья, что кондуктор невольно улыбнулся.

Когда с него спросили плату за проезд, он открыл свой саквояж, вытащил кучу носков и носовых платков и, порывшись на дне, извлек старомодный бисерный кошель, вынул из него пятицентовую монету и протянул кондуктору.

Как только трамвай выехал на Мэйн-стрит, молодой человек попросил сделать остановку и слез. Он медленно пошел по тротуару, останавливаясь в благоговейном восхище-

нии перед витринами ювелирных магазинов, и высокие голенища его сапог и неуклюжая заплетающаяся походка доставляли немалое удовольствие прохожим.

Но вот какой-то изящно одетый джентльмен в прекрасном светлом пальто, проходя мимо, случайно задел своей пальмовой тростью с золотым набалдашником простоватого молодого человека.

— Тысячу извинений, — сказал изящно одетый джентльмен.

— Пустяки, дружище, — ответил, дружески улыбаясь, молодой человек. — Меня от этого не убудет. Техасскому ковбою такие мелочи нипочем. Можете не беспокоиться.

Изящно одетый джентльмен поклонился и, не торопясь, пошел своей дорогой. Молодой человек зашагал дальше по Мэйн-стрит, дошел до угла, постоял, наугад повернул направо и прошел еще квартал. Тут он увидел перед собой освещенные часы на рыночной башне и, остановившись, вытащил из жилетного кармана громадные серебряные часы, размером, по меньшей мере, с блюдечко, завел их и поставил стрелки по башенным часам. Пока он был поглощен этим занятием, изящно одетый джентльмен с пальмовой тростью, украшенной золотым набалдашником, незаметно проскользнул мимо, прошел несколько шагов по теневой стороне улицы и остановился неподалеку в тени, словно поджидая кого-то.

Спустя четверть часа молодой человек вошел в ресторан на Конгресс-стрит и робко присел к столику. Он пододвинул вплотную к своему столу другой стул и бережно положил на него свой саквояж. Минут через пять вошел торопливым шагом изящно одетый джентльмен с пальмовой тростью, украшенной золотым набалдашником, и, повесив свой цилиндр, уселся, едва переводя дух, за тот же столик. Взглянув напротив и узнав молодого человека, которого он видел перед витриной ювелира, он приветливо улыбнулся и сказал:

— А, мы опять встречаемся, сэр. Я сейчас сломя голову летел на поезд. Я, видите ли, кассир Акционерного общества Южной Тихоокеанской железной дороги и сейчас объезжаю участки и выплачиваю жалованье железнодорожным рабочим. И, представьте себе, опоздал на поезд на три минуты. Ужасно неприятно, подумайте, у меня при себе около двух тысяч долларов, и я тут первый раз и ни души не знаю в этом Хаустоне.

— И не говорите, полковник, — сказал молодой человек, — я сам попал в такой переплет. Сейчас вот возвращаюсь из Канзас-Сити, продал там гурт двухлеток, а деньги не успел еще никуда пристроить. Но насчет суммы вы меня обскакали. У меня всего девятьсот.

Изящно одетый джентльмен вытащил из кармана толстую пачку банкнот, отделил одну бумажку, чтобы заплатить за ужин, и бережно запрятал остальное во внутренний карман своего пиджака.

— Действительно, мы с вами как будто в одинаковом положении. Ужасно неприятно — таскать при себе такую кучу денег, а ведь еще целая ночь впереди. Давайте мы с вами организуем общество взаимной охраны, а пока что пойдем прогуляемся посмотрим, что тут можно увидеть в этом городе.

Сначала молодой человек отнесся к этому предложению довольно подозрительно и сразу стал холоднее и сдержаннее. Но мало-помалу он оттаял под действием искренней и непритворной любезности изящно одетого джентльмена, а когда этот последний настоял на том, чтобы заплатить за оба ужина, то сомнения молодого человека, по-видимому, совершенно улетучились, и он сделался не только доверчивым, но даже болтливym. Он рассказал изящно одетому джентльмену, что его зовут Симмонс, что у него недурное маленькое ранчо в графстве Энсилал и что он в первый раз выбрался из Техаса. Изящно одетый джентльмен сообщил в свою очередь, что его фамилия Клэнси, что друзья зовут его «Капитаном», что живет он в Далласе и состоит членом Христианского союза молодых людей. Он протянул мистеру Симмонсу визитную карточку, где было напечатано: «Капитан Ричард Сэксон Клэнси», а внизу наспех нацарапано карандашом: «Агент Акционерного общества Ю. Т. ж. д.».

— А теперь, — сказал мистер Симмонс, когда они кончили ужинать, — я хоть и стесняюсь предложить вам, потому как мы с вами мало знакомы, но я за то, чтобы выпить кружку пива. Если вам это дело не подходит, ну что ж, извините и не обижайтесь.

Капитан Клэнси снисходительно улыбнулся.

— Берегитесь, — сказал он шутливо. — Не забывайте, что нам с вами нужно смотреть в оба сегодня ночью. Я отвечаю перед Акционерным обществом за вверенные мне деньги, а кроме того, я вообще-то редко притрагиваюсь к пиву, но, я думаю, от одного стаканчика вреда не будет.

Мистер Симмонс открыл свой саквояж и, порывшись, извлек бисерный кошель, из которого он вытащил десятицентовую монету и предложил немедленно пустить ее в оборот. Капитан Клэнси припомнил, что он слышал от кого-то из приятелей, что здесь где-то есть тихий приличный бар — «вот только не знаю, на какой же это улице?».

После некоторых блужданий и поисков они подошли к зданию с вертящимися входными дверями, перед которым снаружи висел фонарь, и капитан сказал, что, вероятно, здесь можно выпить пива. Они вошли и очутились перед нарядной стойкой, сверкающей огнями и зеркалами, у которой стояло пять-шесть человек довольно свирепого и осоловелого вида.

Мистер Симмонс заказал две кружки пива, и, когда они выпили его, он положил на прилавок свою десятицентовую монету.

— Что это вы дурака валяете? — сказал бармен. — Тут только половина. Гоните еще монету, да поживей.

— Послушайте, — сказал мистер Симмонс, — пиво везде стоит пять центов кружка. Не думайте, что вы напали на простофилю.

Тут капитан Клэнси шепнул ему, что лучше уж заплатить то, что с них спрашивают, чтобы не вышло какой-нибудь неприятности.

— По-видимому, это какое-то подозрительное место, — сказал он, — и вы не должны забывать, что нам нужно держаться поосторожней, пока у нас при себе эти деньги. Позвольте мне доплатить десять центов.

— Нет, — сказал мистер Симмонс. — Уж коли я взялся угощать, я и уплачу сполна. — Он снова полез в свой саквояж и достал еще две монеты по пять центов.

В эту минуту где-то рядом заиграл оркестр, и мистер Симмонс повернулся посмотреть, откуда доносятся эти веселые звуки.

Бармен подмигнул капитану Клэнси и сказал тихонько:

— С хорошей поживой, а, Джимми, подвезло, старина?

— Да, похоже, клюнуло, — так же тихо шепнул капитан, выразительно прищурившись на бармена левым глазом.

— Скажите, — сказал мистер Симмонс, тыча пальцем в том направлении, откуда неслась музыка, — что это у вас там такое?

— Высокохудожественная первоклассная музыкально-драматическая программа, лучшая во всех Южных штатах, —

ответил бармен. — Самые изысканные и возвышенные выступления выдающихся знаменитостей. Заходите, джентльмены.

— А ведь там, верно, на сцене представляют, — сказал мистер Симмонс. — Не зайти ли нам?

— Не очень мне нравится это место, — сказал капитан Клэнси. — Но можно зайти посмотреть, чтобы убить время; сейчас только половина одиннадцатого; ну что ж, посидим немножко, а потом отправимся в гостиницу и в половине двенадцатого ляжем спать. Разрешите, уж я возьму билеты.

— Идет, — сказал мистер Симмонс, — я платил за пиво.

Бармен показал им, куда пройти. В небольшом холле какой-то очень развязный господин уговорил их взять билеты наверх. Они поднялись по лестнице и очутились в уютной семейной обстановке маленького театра. В полупустом зале сидело человек двадцать—тридцать мужчин и подростков, и представление уже, по-видимому, было в полном разгаре. На сцене весьма пародийный ирландец гонялся с топором за еще более пародийным негром, а бойкая молодая леди, в короткой юбочке и голубом трико, стояла на бочке и что-то вопила пронзительным срывающимся голосом.

— Неприятно, если в зале случайно окажется кто-нибудь из знакомых и увидит меня, — сказал капитан. — Не взять ли нам ложу? — Они вошли в маленькую кабинку, отгороженную дешевой грязной кружевной занавеской; там было четыре или пять стульев и маленький столик, весь покрытый мокрыми круглыми следами от пивных кружек.

Мистер Симмонс был в восторге от представления. Он громко хохотал над остротами юмориста, а когда сестры Де Вир выступили со своими песенками и танцами, он чуть ли не до пояса высунулся из ложи, аплодируя им.

Капитан Клэнси сидел, откинувшись на спинку стула, и почти не смотрел на сцену, но на лице его было написано величайшее удовлетворение, и на губах играла спокойная улыбка. Все это время мистер Симмонс ни на минуту не расставался со своим саквояжем. И вот, когда он с нескрываемым восхищением слушал злободневные куплеты мадемуазель Фаншон, парижского соловья, он почувствовал чью-то руку на своем плече. Он обернулся, и глазам его представало виденье, от которого у него захватило дух. Два сияющих существа в белых платьях с голубыми лентами, с соблазни-

тельно мелькающими полосками черных чулок, порхали в ложе. Мистер Симмонс, прижав к груди свой саквояж, вскочил в неопишумом смущении.

— Не конфузья, милашка, — сказала одна из них. — Садись-ка и угости нас пивом.

Сначала мистер Симмонс только краснел и заикался, не зная, куда себя девать, но капитан Клэнси держался так спокойно и непринужденно, так приветливо болтал с дамами, что, глядя на него, и он мало-помалу осмелел, и через какие-нибудь десять минут все четверо уже сидели за маленьким столиком, и негр-официант шмыгал взад и вперед с подносом, принося из бара бутылки с пивом и унося пустые. Мистер Симмонс разошелся вовсю. Он рассказывал смешные истории из жизни на ранчо и хвастливо намекал на свои веселые похождения в Канзасе за те три дня, что он побыв там.

— Ах какой же вы, однако, нахал, — сказала ему одна из леди, по имени Вайолет. — Не будь здесь Лили и Джими, — я хочу сказать, вашего приятеля, — я бы просто боялась оставаться с вами.

— Вот уж это вы зря клеветаете, — сказал мистер Симмонс, — не такого я сорта человек. А ну-ка, давай еще пива сюда, ты, черномазый.

Маленькая компания, по-видимому, веселилась от души. Но вот Вайолет перегнулась через барьер и подозвала к себе мистера Симмонса, послушать певицу, которая только что вышла на сцену. Мистер Симмонс повернулся спиной к столу, и в эту самую минуту капитан Клэнси быстро вытащил из кармана маленький пузырек и вылил содержимое его в кружку с пивом, стоявшую на подносе против стула мистера Симмонса.

— Ну, что же вы там, — крикнула леди, которую звали Лилли, — пиво выдохнется. — Мистер Симмонс и Вайолет подошли к столу, но по дороге мистер Симмонс споткнулся о свой саквояж, который он перед этим на минутку поставил на пол, и, не удержавшись на ногах, повалился на стол, зацепил край подноса, чуть не свернул со стула капитана Клэнси, но каким-то чудом не расплескал пива.

— Прошу прощенья, — сказал он, поднимаясь, весь красный, — оступился. Мы, ковбои, народ неуклюжий. Ну, за ваше здоровье.

Они выпили, и Лилли начала напевать какую-то песенку. Не прошло и минуты, как Вайолет зашаталась на стуле и

грохнулась на пол, — безжизненная груда белого муслина, белокурых волос и черных чулок.

Капитан Клэнси почему-то очень рассердился. Он метнул разъяренный взгляд в сторону Лилли и пробормотал себе под нос что-то очень похожее на «черт побери».

— Силы небесные, — вскричал мистер Симмонс, — бедная леди упала в обморок. Пошлите за доктором, sprысните ее водой или дайте чего-нибудь, бога ради.

— Да вы не волнуйтесь, — сказала Лилли, закуривая папироску. — Она проспится. Вы лучше пойдите прогуляйтесь немножко. А вы, Джи... мистер, скажите бармену внизу, чтобы он прислал сюда Сэма. Покойной ночи.

— Действительно, нам лучше уйти, — сказал капитан.

И, несмотря на все протесты мистера Симмонса, который горячо выражал свое сочувствие и беспокойство, капитан Клэнси увел его из ложи; они спустились вниз, где капитан выполнил поручение Лилли, и затем вышли на улицу.

Мистер Симмонс находился под сильным воздействием выпитого им пива и тяжело опирался на руку капитана Клэнси. Дорогой капитан всячески успокаивал его, говоря, что молодая леди очень быстро придет в себя, что она просто выпила лишнего; в конце концов ему удалось вернуть мистеру Симмонсу его прежнее веселое настроение.

— Сейчас еще нет половины двенадцатого, — сказал капитан, — что, если нам зайти куда-нибудь посмотреть, как играют в карты? Это очень любопытное зрелище.

— Есть такое дело, — сказал мистер Симмонс. — Игрные дома — это для меня не новость. Был я в таком доме два раза, когда ездил в Сан-Антонио. При мне там какой-то парень за один вечер огреб восемнадцать долларов, знаете, такая игра есть с шариками и карточками, вроде лото.

— Кено, должно быть, — сказал капитан.

— Да, да, она самая — кено.

Я не берусь описывать окрестности того заведения, куда направились наши путешественники. Игрные дома — явление, почти небывалое в городе Хаустоне, а так как это рассказ о подлинном событии, то попытка с определенностью указать местоположение подобного заведения в городе, всем известном строгостью своих нравов, разумеется, будет встречена с недоверием. Неясно также, каким образом им удалось разыскать такое место, когда оба они были чужими в этом городе, но, как бы то ни было, капитан Клэн-

си по ярко освещенной и устланной ковром лестнице привел мистера Симмонса в просторное помещение, где довольно многочисленное сборище мужчин пыталось счастье во всевозможных играх, какими обычно располагает любой прилично оборудованный игорный дом.

Дверь в это помещение находилась в дальнем конце коридора, ближе, у самой лестницы, была другая комната, где стояло два-три круглых столика и стулья; там в это время никого не было.

Капитан Клэнси с мистером Симмонсом потолкались сначала в большой комнате, останавливаясь около игроков, которые то выигрывали, то проигрывали, в зависимости от превратностей судьбы. Мужчины, находившиеся в комнате, разглядывали мистера Симмонса с нескрываемым восхищением. Его саквояж вызывал, по-видимому, всеобщий восторг, но, потешаясь на его счет, они в то же время следили за ним жадным и голодным взором, словно это был лакомый кусочек, от которого всякому хотелось отщипнуть.

Какой-то толстяк с крашеными усами толкнул капитана Клэнси в бок и сказал.

— Э! Джимми, ты бы взял и меня в компанию.

Капитан нахмурился, и толстяк, вздохнув, отошел в сторону.

Мистер Симмонс смотрел на все с величайшим интересом и вдруг сказал:

— Послушайте, капитан, вы, верно, удивитесь, а только я вам скажу, во мне, видно, есть что-то азартное: конечно, я не игрок, но нет человека во всем Южном Техасе, которого я бы не обставил в шашки. Пойдем-ка в ту комнату, хотите, сыграем несколько партий; кто проиграет, ставит пиво.

— Не забудьте, мистер Симмонс, — сказал капитан, улыбаясь и грозя пальцем, — ведь мы с вами условились охранять друг друга. Сказать вам по правде, не нравится мне это место. Я думаю, лучше бы нам убраться отсюда. Но, должен признаться, когда-то я был лучшим игроком в шашки и в крокет в нашем Христианском союзе молодых людей; пожалуй, сразимся разок-другой.

Они сыграли партию-другую, а потом еще с полдюжины. Капитан все время выигрывал. Мистер Симмонс ужасно огорчился. Физиономия его приобретала багровый оттенок по мере того, как его репутация шашечного игрока терпела фиаско.

— Черт побери, — сказал он, — я уже проиграл семьдесят центов. Неужели вы не дадите мне отыграться? Я бы вам дал, ей-богу, если бы вам так не повезло.

— Ну, ясное дело, — сказал капитан, — только что это за игра — шашки. Сразимся во что-нибудь другое. Хотите попытать счастья в картишки?

— Во что угодно, — оказал мистер Симмонс. Шляпа его съехала на затылок, светло-голубые глаза тупо блуждали по сторонам, красный с зеленым горошком бант сполз набок и торчал под самым ухом, клетчатые штаны задрались, а на коленях лежал его черный саквояж.

«Чем заслужил я, о, Господи, — мысленно вопрошал капитан, — эту манну небесную, которая спустилась ко мне в пустыню, эту жирную дичь, которая сама идет мне в руки, этот роскошный сдобный лакомый кусок, который так и просится мне в рот? Даже как-то не верится такому счастью».

Капитан позвонил в маленький колокольчик, и официант принес им колоду карт.

— Попробуем в покер, — сказал капитан.

Мистер Симмонс вскочил с места.

— Это азартная игра, — строго сказал он. — Я, знаете ли, не игрок.

— Я тоже не игрок, мистер Симмонс, — сказал капитан с достоинством и чуть-чуть обиженно. — Партия в покер по маленькой между джентльменами — вещь вполне допустимая в тех кругах, где я вращался, и никаким законам...

— Ну, ну, ладно, — сказал мистер Симмонс. — Я ничего такого не хотел сказать. Сам, бывало, на ранчо с ребятами на бобы играл, когда приходилось ночь в степи коротать... Сдавайте, чего там.

Старая сказка про ястреба и голубя рассказывалась так часто, что подробности ее уже приелись. От десяти центов они подняли ставку до пятидесяти, потом до доллара. Мистер Симмонс, разумеется, выигрывал. Он вытащил из саквояжа свой бисерный кошель и извлек из него сначала несколько долларов серебром, а потом еще двадцать пять бумажками. Один раз он вытащил из саквояжа краешек толстой пачки, перевязанной бечевкой, и подмигнул капитану.

— Вот они, девятьсот, — сказал он.

Капитан изредка снимал котел, но большей частью денежки шли к мистеру Симмонсу. Тот хоть и ликовал, но выражал сочувствие.

— Не везет вам, — говорил он самодовольно и в то же время участливо. Он был, по всем признакам, под сильным воздействием выпитого им изрядного количества пива. У капитана был озабоченный и расстроенный вид.

— У меня уж почти ничего не осталось из того, что я отложил на расход, — угрюмо сказал он. — Послушайте, Симмонс, давайте без лимита, дайте мне возможность отыграться.

— А как это? — спросил Симмонс. — Делать любую ставку, что ли?

— Да.

— Идет, — сказал мистер Симмонс. — Признаться, с этого, пи-ик, пива меня как будто мутит.

Мистер Симмонс стал играть очень неосторожно, и счастье, по-видимому, повернулось к нему спиной. Он отдал значительную часть своего выигрыша, понадеявшись на фуль с тремя тузами, и несколько раз проигрывал при отличных картах. В короткое время от его маленького капитала не осталось ничего. Физиономия его стала совсем багровой, а круглые светлые глаза лихорадочно блестели. Он еще раз открыл свой черный саквояж и, вынув перочинный нож, зарылся в саквояж обеими руками. Капитан услышал звук лопнувшей бечевки, и руки мистера Симмонса вынырнули на стол с грудой пяти-десяти и двадцатидолларовых бумажек. Саквояж по-прежнему остался лежать на коленях.

— Гоним-ка еще пива, — крикнул мистер Симмонс. — Хороший вы па-парень, капитан. Давайте всю ночь играть в карты. Я, признаться, выпил немножко, но я покажу вам, что я лучший игрок в шашки и в покер во всем графстве Энсинал. Сдавайте.

Капитан Ричард Сэксон Клэси, кассир (?) Акционерного общества Тихоокеанской железной дороги, подтянулся и призвал на помощь все свое хладнокровие. Решительная минута настала. Манна вот-вот готова была посыпаться с неба. Голубок уже трепыхался в когтях хищника. Жертва была в самом что ни на есть градусе, то есть ее готовность рисковать беспредельно повысилась, тогда как способность наблюдать сильно ослабела, однако не настолько, чтобы помешать ей вести игру.

Капитан громко кашлянул. Два-три человека появились из соседней комнаты, подошли и молча стали наблюдать. Капитан снова кашлянул. Бледный молодой человек с уг-

рюмым взглядом и не предвещающей ничего доброго физиономией вырос за стулом мистера Симмонса и равнодушно уставился ему в карты. Всякий раз, как мистер Симмонс разбирал сданные карты или брал прикуп, он почесывал себе ухо, или трогал себя за нос, или подкручивал усы, или теребил пуговицу на своем пиджаке. И удивительно, с каким вниманием капитан следил за этим молодым человеком, который, разумеется, не имел никакого отношения к игре.

И капитан по-прежнему выигрывал. Если мистеру Симмонсу случилось взять котел, то можно было с уверенностью сказать, что пожива была небольшая.

Наконец, капитан решил, что настал момент для *coup de grâces*¹. Он позвонил, и к столу подошел официант.

— Принеси-ка свежую колоду, Майк, — сказал он, — а то эта уже истрепалась. — Мистер Симмонс был слишком возбужден, чтобы заметить, что капитан, который ни души не знал в этом чужом городе, назвал официанта запросто по имени.

Капитан стасовал карты, и мистер Симмонс неумело и неуклюже снял колоду. И вот роковые карты были сданы. Это был излюбленный прием капитана. Четыре короля и семерка пик партнеру, четыре туза и двойку бубен себе. Вместо пик и бубен можно было с таким же успехом сдать любую масть, но у капитана была слабость к этим двум картам.

Он заметил, как на лице мистера Симмонса отразилась плохо скрываемая радость, когда он заглянул в свои карты. Мистер Симмонс объявил «без прикупа»; капитан прикупил одну карту. Молодой человек, стоявший за стулом мистера Симмонса, отошел. Ему уже незачем было больше скрести себя за ухом или дергать за пуговицу. Он знал *coup de grâces* капитана не хуже, чем сам капитан.

Мистер Симмонс зажал карты в руке и напрасно пытался скрыть свое ликование. Капитан поглядел на прикупленную им карту с преувеличенным волнением и перевел дух, из чего мистеру Симмонсу следовало умозаключить, что прикуп был удачный.

Начали торговаться. Мистер Симмонс бросал деньги с лихорадочной торопливостью, капитан следил за каждой ставкой и поднимал не иначе, как после подчеркнуто дли-

¹ *Coup de grâces* (фр.) — последний удар, которым из жалости добивают жертву...

тельного раздумья. Мистер Симмонс отвечал с пьяной и бесшабашной уверенностью. Когда в котле набралось около двухсот долларов, брови капитана сдвинулись, две тонкие морщинки пролегли у него от ноздрей к углам рта и он поднял ставку на сто. Мистер Симмонс бережно опустил свои карты на стол и снова полез в саквояж.

На этот раз он вытащил две кредитки по пятьсот долларов и положил их поверх котла.

— С такими-то картами да не рискнуть на все, — сказал мистер Симмонс, — да меня наши парни в Энсинале со свету бы сжили. Валяйте, капитан.

— Пошли-ка сюда Чарли, — сказал капитан одному из зрителей. Подошел толстяк с крашеными усами и о чем-то пошептался с капитаном. Затем он ушел, и через некоторое время вернулся с пригоршней золотых монет и пачкой кредиток, из которых он отсчитал тысячу долларов, чтобы ответить на ставку мистера Симмонса.

— Отвечаю, — сказал капитан.

И тут произошла странная вещь.

Мистер Симмонс быстро вскочил, бросил карты на стол и одним махом сгрел всю кучу денег в свой вместительный саквояж.

Выпучив глаза и сыпля проклятиями, капитан тщетно пытался узреть четырех королей и семерку пик, которые он сдал мистеру Симмонсу. Перед ним лежал червонный флеш-ройаль.

Капитан вскочил, а два бледнолицых джентльмена, стоявших позади, оба одновременно, мягко, как хищник перед прыжком, шагнули к мистеру Симмонсу — и остановились. Едва деньги исчезли в недрах саквояжа, оттуда высунулся синеватый ствол шестизарядного револьвера и зловеще сверкнул в руке мистера Симмонса.

Мистер Симмонс бросил молниеносный взгляд через плечо и стал пятиться к выходу.

— Не надо ошибаться, господа, — сказал он, и глаза его сверкнули тем же синеватым отливом, что и блестящий ствол его оружия. — Когда вам придется быть в Нью-Йорке, милости просим ко мне, Брауэри две тысячи пятьсот восемь. Спросите Бубнового Джо — это я. Сейчас я еду в Мексику, на две недели, обследовать свои рудники, а потом меня в любое время можно будет застать дома. Второй этаж, Брауэри две тысячи пятьсот восемь — не забудьте номер. Я

взял себе за правило оправдывать по дороге свои путевые расходы. Покойной ночи.

Мистер Симмонс сделал еще шаг назад и исчез.

Пять минут спустя капитан Ричард Сэксон Клэнси, кассир (?) Акционерного общества Южной Тихоокеанской железной дороги, член (?) Христианского союза молодых людей в Далласе, он же Джимми, вошел в ближайший бар на углу и сказал:

— Виски, дружище, да нет ли побольше стаканчика? Необходимо подкрепиться.

НЕИЗВЕСТНЫЙ РОМАН

Первая бледная звезда замерцала над ущельем. Далеко вверх взметнулись безграничные высоты Альп, белоснежные на самом верху, темные посередине, черные внизу, в ущелье.

Молодой, крепко сбитый человек в желто-коричневом охотничьем костюме взбирался по тропинке вверх. Лицо его забронзовело от жарких лучей солнца и колкого ветра, глаза у него были очень ясными, откровенными, походка живая и легкая, но он твердо ступал по земле. Человек напевал обрывки из какой-то баварской охотничьей песенки, в руке держал белый эдельвейс, сорванный у расщелины на скале. Вдруг он остановился, прервав песенку, губы его сжались. Девушка в типично швейцарском крестьянском костюме шла по другой дорожке, пересекавшейся с его тропинкой, в руках она держала небольшой каменный кувшин с водой. Волосы у нее были светло-золотистые, заплетенные в тугую толстую косу, которая тяжело спадала до самой стройной тонкой талии. Ее глаза поблескивали в наступающих сумерках, а через слегка раскрытые губы виднелись чуть приглушенные темнотой белоснежные зубы.

Словно повинувшись одному инстинкту, охотник и девушка остановились, уставившись друг на друга, мужчина сделал несколько шагов вперед и, быстро сорвав с головы свою шляпу с пером, низко поклонился, сказав ей несколько слов по-немецки. Девушка ответила, голос у нее был низкий, прерывистый.

В коттедже, почти невидимом за деревьями, вдруг запахнулась дверь, и оттуда донеслись булькающие голоса. Щеки девушки вспыхнули, она шагнула вперед, но, пройдя совсем немного, повернулась и вновь посмотрела на застывшего на месте охотника. Он пошел за ней и даже вытянул вперед руку, словно хотел ее остановить, задержать. Она отцепила от груди букетик горечавки и бросила ему. Он

ловко поймал его, а сам, подбежав к ней, вложил ей в ладонь белый эдельвейс. Она сунула цветочек за пазуху, а сама легко, словно горная козочка, побежала к коттеджу, откуда доносились возбужденные голоса.

Охотник постоял еще немного в нерешительности, потом медленно пошел снова вверх по тропинке, но уже песни не было слышно. На ходу он часто подносил подаренный ему букетик к губам.

• • •

Свадьба была просто всем на зависть, все высшее общество метрополиса чуть ли не выключивало на нее приглашения.

Жених, избранник невесты, вносил в брачный союз свою древнюю родовитость Ван Винклеров и то высокое место, которое он занимал в светском обществе. Вклад невесты — безупречная красота плюс пять миллионов долларов. Все было устроено на деловой манер. Он был куртуазным, отменно вежливым и внимательным, а она со всем молча равнодушно соглашалась. Впервые они встретились на одном фешенебельном курорте. Теперь родовитость Ван Винклеров соединялась с деньгами Вэнсов.

Свадьба должна была начаться ровно в полночь.

Пелхэм Ван Винклер велел развести огонь в древнем изразцовом камине в одной из своих комнат, хотя погода была теплой. Он, сидя на краешке письменного стола, бросал пачки писем-четырёхугольников в огонь, некоторые из них были перевязаны ленточками. На его лице появлялась ироническая улыбка, когда они вспыхивали в огне или когда в одном или другом он находил засохший цветочек, пахнущую духами женскую перчатку или локон волос.

Последней жертвой казни на огне стал засохший памятный букетик голубых горечавок.

Ван Винклер вздохнул, и улыбка пропала у него на лице. Он вдруг вспомнил ту сцену в сумерках в Альпах, где однажды летом он бродил со своими тремя или четырьмя друзьями, такой веселый и беззаботный, одетый, как и все они, в желто-коричневый охотничий костюм. Он вспомнил, как увидел там красивую крестьянку с такими глазами, которые, казалось, его привораживали колдовской своей властью; она шла по другой тропинке и, остановившись, бросила ему свой букетик горечавок. Не будь он Ван Винклером и не за-

боться он о сохранении своего родовитого имени, то стал бы искать ее и даже на ней женился бы, ибо ее образ с того сумеречного вечера в Альпах постоянно стоял у него перед глазами и не покидал его сердца. Но высшее общество, честь его родовитой семьи требовали, чтобы сегодня, ровно в полночь, он женился на мисс Вэнс, дочери миллионера, стального магната.

Пелхэм Ван Винклер бросил засохший букетик в огонь и позвонил, чтобы позвать слугу.

• • •

Мисс Огаста Вэнс убежала от надоедливых, суетливых своих подружек и истерично настроенных родителей в свой будуар, чтобы хоть немного побыть одной в тишине. У нее не было писем, чтобы кидать их в огонь, не было прошлого, чтобы с ним расстаться. Мать ее была чуть ли не в экстазе от переживаемого восторга, ибо миллионы их семьи теперь гарантировали им места в первом ряду этой Ярмарки тщеславия.

Ее свадьба с Пелхэмом Ван Винклером должна была состояться ровно в полночь. Вдруг мисс Вэнс впала в мечтательное настроение.

Она стала вспоминать путешествие, которое совершила с семьей год назад в Европу, и теперь Огаста особенно отчетливо вспоминала ту неделю, которую они провели у подножия Альп, в одном красивом коттедже одного швейцарского альпиниста. Однажды вечером, когда уже смеркалось, она с кувшином пошла к источнику через дорогу, чтобы набрать свежей ледяной воды. Вдруг ей пришло в голову нарядиться в крестьянский костюм, который она позаимствовала у дочери хозяина, Бабетты. Он ей так шел, к ее голубым глазам и к длинной тугой косе золотистых волос. Когда она возвращалась в коттедж, на другой тропинке она увидела охотника, красивого, прекрасно сложенного молодого человека, с бронзовым, загорелым лицом, с легкой походкой, в желто-коричневом альпийском охотничьем костюме. Она посмотрела на него, а он на нее, и взоры их встретились. Она пошла дальше, но, казалось, его глаза, словно магнит, притягивали ее к себе. Дверь коттеджа распахнулась, и оттуда до них донеслись возбужденные голоса. Ее позвали. Она сделала несколько шагов, но вдруг, повинуясь инстинкту, сорвала с груди маленький букетик горечав-

вок и бросила его ему. Он его поймал на лету и, подбежав к ней, протянул ей цветок эдельвейса. С тех пор лик этого охотника в желто-коричневом костюме постоянно стоял у нее перед глазами, никогда не оставляя ее. Нет никакого сомнения, что на встречу с ним ее привела сама Судьба, он ей казался самым лучшим мужчиной из всех мужчин. Но мисс Огаста Вэнс, за которой давали пять миллионов приданого, не могла сотворить такую глупость и думать, как о своем избраннике, о простом охотнике с Альпийских гор.

Мисс Вэнс встала, открыла золотую шкатулку на туалетном столике. Она вытащила из нее засохший цветок эдельвейса и стала медленно растирать его пальцами в мелкую пыль. Потом позвала служанку, и в эту минуту начали звонить церковные колокола, сообщая о начале свадьбы.

ДЖЕК — ПОБЕДИТЕЛЬ ВЕЛИКАНОВ

На днях в редакцию «Пост» пришла женщина — агент по продаже книг. Ее провели в кабинет главного редактора, а ее маленькая четырехлетняя дочка, пришедшая вместе с ней, осталась в общей комнате, по-видимому привлеченная необычайно приятным видом сотрудников, которые, развалясь, сидели за своими столами и наслаждались отнюдь не случайным досугом.

Это была хорошенькая кудрявая девочка, бойкая и общительная; не долго думая, она повела наступление на редактора литературного отдела, который, несомненно, произвел на нее впечатление своей аристократической наружностью и в особенности тем, что писал, не снимая перчаток.

— Расскажи мне сказку, — потребовала она, тряхнув кудрями и повелительно глядя на него снизу вверх.

— Сказку, милочка? — спросил редактор литературного отдела, умиленно улыбаясь и поглаживая ее блестящие кудри. — С удовольствием. Какую тебе сказку?

— Про Джека — победителя великанов.

— Джек — победитель великанов? Сейчас, крошка моя, с превеликой радостью.

Редактор литературного отдела усадил девочку на стул и начал:

— Давным-давно в ближайшем соседстве с первобытным лесом, в скромном обиталище, где радости буколического существования разумно чередовались с весьма ответственными сельскохозяйственными трудами, жил да был Джек, герой моей повести, со своей вдовствующей родительницей. Бедной вдове, не столько по прирожденной скупости, сколько по вынужденной бережливости, приходилось применять чрезвычайные меры для поддержания жизни, своей и сына. Она являлась обладательницей млекопитающей самки из подотряда жвачных, отличавшейся превосходными качествами. Обильный запас молочной эмульсии,

приветливый и миролюбивый нрав и деликатное обращение снискали ей любовь как Джека, так и его матери. Но, увы, создавшаяся ситуация вскоре потребовала от них разлуки с четвероногим другом, и на долю Джека выпала печальная обязанность доставить рогатую благодетельницу на рынок с целью обмена на предметы первой необходимости, что он и исполнил с истерзанным сердцем и громкими сетованиями. Итак, Джек...

— Дядя, — сказала кудрявая девочка, — а когда же будет сказка?

— Стойте, — сказал редактор спортивного отдела, вставая из-за стола и подходя к ним, — нельзя же пускать ребятенка по такой тяжелой дорожке. Ваша болтовня под силу разве дербисту, а эту четырехлетку вы, конечно, оставили за флагом. А какой приз разыгрывается?

— Ты мне расскажешь сказку про Джека — победителя великанов? — спросила девочка, доверчиво глядя на добродушно улыбающегося редактора спортивного отдела.

— Ставь на меня, как в банк, пузырь, — весело сказал тот, сажая девочку к себе на колени. — Заезд пройдет без заминки, и никаких литературных заворотов.

— Понимаешь, — начал редактор спортивного отдела, — Джек с мамашей сели на мель, и старушенция надоумила его зацепить старую дохлятину чалкой и держать курс на какого-нибудь парня, который согласился бы выложить деньги за молочную ферму на ходу. Итак, в одно прекрасное утро Джек, взяв корову на буксир, стартовал до рассвета, и, когда спустили флаг, он уже вывернул на прямую к городу. Вскоре ему навстречу попался какой-то тип, который предложил Джеку обменять корову на мешок бобов. Сперва Джек хотел угостить его апперкотом, но потом подозвал его, и тот сорвал приз, не моргнув глазом. Джек был просто находкой для любого жучка, это как пить дать. После этого Джек вернулся на базу, и, когда он рассказал старушенции о своем подвиге, она в две секунды нокаутировала его, и он...

— А когда же сказка? — спросила девочка, с недоумением глядя на него.

— Вот-те на! — сказал редактор спортивного отдела. — Я думал, она уже началась, а выходит, я промазал.

— Как не стыдно, что вы дразните ребенка? — сказал редактор транспортного отдела, входя в комнату и вешая свои манжеты над газовой печкой.

— Она хочет сказку про Джека — победителя великанов, — ответил редактор спортивного отдела, — но наши жалкие попытки, по-видимому, не встречают одобрения. Вы умеете говорить по-человечески или только по-железнодорожному?

— Неудивительно, что она буксует, слушая ваш кулачный жаргон, — презрительно сказал редактор транспортного отдела. — Дайте задний ход, и я покажу вам, как привлекают юношеские умы.

— Ты мне расскажешь сказку? — спросила девочка с вспыхнувшей надеждой во взоре.

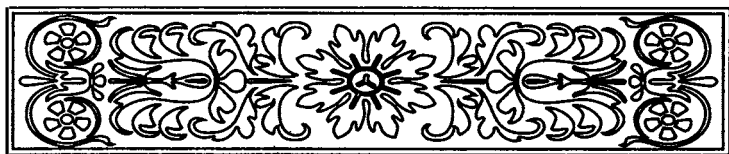
— Расскажу, — сказал редактор транспортного отдела, усаживаясь на пачку корректур. — Вы, ребята, все пары выпускаете, еще не отойдя от платформы. Нужно сразу начинать с самого занимательного.

— Ну, слушай, малюточка, — начал редактор транспортного отдела. — Однажды утром Джек проснулся, поглядел в окошко и увидел высокий гороховый стебель, который этакой воздушной магистралью уходил далеко-далеко, неизвестным маршрутом. Джек набрал уголь и воду и, даже не справившись, свободен ли путь, развел пары и пошел на подъем и даже свистка не давал на остановках. Когда кончился перегон, он увидел замок, большой-большой, как центральное депо. Тогда Джек затормозил и...

— Ты расскажешь сказку про Джека — победителя великанов? — спросила девочка.

Но тут из кабинета главного редактора вышла мать, и девочка, спрыгнув со стула, подбежала к ней. Они о чем-то пошептались, и сотрудники редакции услышали, как женщина сказала, выходя:

— Ах ты, моя косецка, вот пойдем домой, мамуся уз тебе ласскажет сказоцку пло Дзека.

ФЛЯЖКА ЕМКОСТЬЮ В ПИНТУ

Хорошо всем известный в Хаустоне полковник, к тому же уважаемый всеми член церковной общины, в прошлое воскресенье, по своему обыкновению, со всеми своими домочадцами, отправился в церковь. Он был человеком спокойным, солидным, а его черный скюртук прекрасно гармонировал с его серыми брюками, в общем, одет он был стильно и нарядно.

Они шли уже по Мэйн-стрит к церкви, когда вдруг полковник вспомнил об одном лежавшем у него на столе письме, которое ему сейчас понадобилось. Он попросил своих домочадцев подождать у двери его конторы, а сам тем временем направился к себе взять это письмо.

Он вошел в свой кабинет, взял со стола письмо, но вдруг, к своему большому удивлению, увидел на нем безобразную фляжку с виски емкостью в пинту, причем на дне ее осталось еще с унцию напитка. Нужно сказать, что полковник не переваривает виски и никогда не брал ни капли спиртного в рот. Он подумал, что, вероятно, кто-то, зная об этой привычке полковника, нарочно оставил флягу у него на столе, чтобы беззлобно подшутить над ним. Полковник осмотрелся вокруг, не зная, куда бросить бутылку, но задняя дверь была заперта на ключ, а поднять окно, выходящее на аллею, он так и не смог, сколько ни пытался.

Жена полковника не могла понять, почему ее мужа так долго нет, и сама пошла его искать. Когда она открыла дверь кабинета, то ее появление на пороге застало полковника врасплох, и он, совершенно не думая ни о чем, инстинктивно сунул фляжку под скюртук в задний карман брюк.

— Что происходит? — строго спросила его жена. — Ну, ты наконец нашел свое письмо?

Ему ничего другого не оставалось, как выйти вместе с ней из конторы. Конечно, нужно было бы показать бутылку, объяснить жене ситуацию, но он такой возможностью не воспользовался.

С членами семьи он чинно шествовал по Мэйн-стрит, чувствуя эту пол-литровую бутылку в своем кармане, она ему казалась не бутылкой, а бочонком емкостью в сорок литров. Он ужасно боялся, как бы кто-нибудь не заметил, как она выпирает из-под сюртука, поэтому он нашел себе место в толпе прихожан подальше, в самом конце. Когда он подошел к своей скамье и сел на нее, раздался резкий треск и запах виски стал распространяться по всей церкви. Полковник видел, как несколько прихожан, задирая носы, стали принюхиваться, с озадаченным видом оглядываться по сторонам. Полковник тут же покраснел, словно буряк. Вдруг за своей спиной он услышал довольно громкий шепот какой-то женщины:

— Ну вот, старый полковник снова пьян. Говорят, что его теперь редко видят трезвым, а некоторые даже утверждают, что он избивает свою жену чуть ли не каждый день.

Полковник узнал эту женщину, это была одна из самых заядлых сплетниц в Хаустоне. Он, повернувшись, бросил на нее негодующий взгляд. Но она шептала все громче:

— Вы только поглядите на него. У него на самом деле устрашающий вид. И в таком виде приходит в церковь, надо же!

• • •

Полковник понимал, что его бутылка треснула, и теперь он боялся шевельнуться, но все равно осколок стекла упал на пол. Полковник обычно молился стоя на коленях, но сегодня он сидел на своем месте выпрямившись, словно изваяние.

От жены не ускользнуло его необычное поведение, и она прошептала:

— Джеймс, ты просто не знаешь, как меня сильнее огорчить. Почему это ты больше не молишься? Я знала, что так оно и будет, когда разрешила тебе слушать лекции Ингерсолла. Ты становишься несправедливым. Ах, боже, что это за запах? Ах, Джеймс, ты выпил, и когда — в воскресенье!

Жена полковника поднесла платочек к глазам, а полковник только скрежетал в гневе зубами.

После того как служба закончилась и они пришли домой, жена его села на заднем крыльце и начала сортировать ягоды клубники на обед. Ее поза мешала полковнику проникнуть на задний двор, чтобы там выбросить треклятую бутылку через забор, как он это собирался сделать. К тому же два его маленьких мальчика не отходили от него, как это обычно бывало по воскресеньям, и он никак не мог от них избавиться. Тогда он вышел вместе с ними, чтобы погулять на переднем дворике. Наконец, ему удалось отправить их обоих назад в дом, и он, вытащив из кармана бутылку, выбросил ее на улицу. Но в ней была лишь маленькая трещинка, и она, упав на кучу мусора, не разбилась.

Полковник сразу почувствовал облегчение, но в ту минуту, когда оба мальчишки скрылись за дверью, он услышал чей-то голос, доносившийся с улицы.

— Послушайте, сэр, вы нарушаете закон, выбрасывая стекло на улицу. Я видел, как вы это сделали, так что немедленно подберите его, на первый раз я вас прощаю.

Повернувшись, полковник увидел толстого полицейского, который протягивал ему через забор эту ужасную бутылку. Он взял ее и засунул снова в задний карман с еле слышным выразительным проклятьем. Оба мальчугана снова выбежали из дома, подбежали к нему и закричали:

— Папа, папа, а что тебе дал дяденька полицейский? Дай посмотреть!

Они ухватились за фалды его сюртука, цеплялись за его карманы, а полковник только крепче прижимался задом к забору.

— Ну-ка, убирайтесь отсюда прочь, дьяволята,— заорал он. — Ну-ка, немедленно в дом, не то я вас поколочу обоих!

• • •

Полковник вошел в дом и надел свою шляпу. Сейчас он был решительно настроен на то, чтобы избавиться от этой треклятой бутылки, даже если ради этого придется прошагать целую милю.

— Куда это ты собрался? — удивленно спросила жена. — Обед уже почти готов. Ну-ка, лучше снимай свой сюртук, отдохни немного, как ты всегда делаешь перед обедом.

При этом она смотрела на него с большим подозрением, а это действовало полковнику на нервы.

— К черту обед,— сердито воскликнул он. — Я голоден, да нет, я хочу сказать, что болен и не хочу никакого обеда, мне сейчас нужна прогулка.

— Папа, пожалуйста, покажи нам то, что тебе дал дяденька полицейский,— снова начал канючить один из малышей.

— Полицейский! — эхом отозвалась жена. — Ах, Джеймс, кто бы мог подумать, что ты станешь так себя вести! Я знаю, что ты не пьешь, что это стряслось с тобой? Пойди немного полежи. Давай я помогу тебе снять скюртук.

Она попыталась стянуть с полковника скюртук по моде принца Альберта, как она обычно и делала, но он вдруг ужасно рассердился и отскочил от нее, виляя задом.

— Ну-ка убери свои лапы, слышишь, ты, женщина? — закричал он. — У меня болит голова, и я отправляюсь на прогулку. И я вышвырну эту проклятую штуковину, даже если мне из-за этого придется дошагать до Северного полюса.

Жена полковника скорбно кивала головой, глядя, как тот подходил к воротам.

— Явно, он переработался,— пожалела она его. — Может, на самом деле прогулка ему пойдет на пользу.

Полковник миновал несколько кварталов, высматривая удобное место, где можно было бы избавиться от бутылки. Но, как назло, вокруг на улицах было полно народу, ему казалось, что кто-то обязательно подозрительно смотрит на него.

По дороге ему навстречу попались два или три приятеля, они тоже глядели на него с любопытством. Лицо у него покраснело, цилиндр съехал на затылок, а в глазах горели сумасбродные огоньки. Некоторые даже не стали заговаривать с ним, и полковник только горько смеялся по этому поводу. Он уже приходил в отчаяние. Когда находил пустырь, то останавливался и напряженно смотрел по сторонам, чтобы убедиться, что наконец на горизонте чисто и он может вытащить бутылку из заднего кармана и зашвырнуть ее подальше. Но люди наблюдали за ним из окон, а два или три уличных мальчишки увязались за ним, следуя по пятам.

Полковник, повернувшись к ним, крепко отругал их, а они в карман за словом не полезли:

— Вы только посмотрите на этого дяденьку, который выискивает местечко, где бы ему прилечь. Почему бы вам, мистер, не отправиться в каталажку, чтобы там проспаться?

Полковнику все же удалось обмануть нахальных мальчишек, оторваться от них, и настроение его сразу улучшилось, когда он увидел перед собой пустырь, заросший такой высокой травой, которая доставала ему чуть ли не до плеч.

Вот оно, то заветное место, где он наконец избавится от бутылки. Правда, священник его церкви жил с той стороны пустыря, но он ничего не мог видеть из своих окон из-за таких высоких сорняков.

Полковник, виновато озираясь, никого не замечая, пошел по тропинке, идущей через сорняки. Когда он дошел до середины пустыря, где сорная трава была еще выше, то остановился, вытащил фляжку из кармана. Посмотрел на бутылку, невесело улыбнулся и громко сказал:

— Ну, сколько же беспокойств ты мне причинила, теперь все вокруг только и говорят обо мне.

Он уже хотел размахнуться и забросить подальше злосчастную бутылку, когда вдруг услышал какой-то шум и, подняв голову, увидел перед собой священника, который стоял на тропинке, выпучив на него испуганные глаза:

— Дорогой мой полковник, — сказал священнослужитель, — вы меня огорчаете без всякой меры. Никогда не предполагал, что вы пьете. Мне действительно как-то неловко видеть вас здесь в таком состоянии.

Ну, теперь полковник так рассердился, что утратил самообладание.

— Плевать мне на то, что вы предполагаете, — заорал он. — Да я пьян в стельку, и мне наплевать, что кто-то это видит. Я всегда, постоянно пьян. За последние две недели я высосал пятнадцать тысяч галлонов виски. Я становлюсь таким отвратительным пьяным мужланом каждое воскресенье в это время.

Он швырнул фляжку в священника, и бутылка, стукнув того по голове возле уха, разбилась на двадцать осколков. Священник, громко завопив, бросился со всех ног к дому.

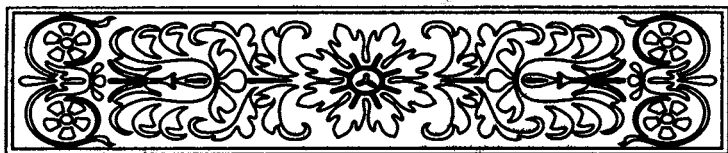
Полковник, собрав кучу камней, укрывшись в высоких сорняках, исполненный решимости оказывать сопротивление всему городу до тех пор, покуда у него хватит боеприпасов.

Такое его поразительное невезение свело его с ума.

Час спустя конные полицейские пробрались через заросли, и полковник им сдался. Он к этому времени уже достаточно остыл, пришел в себя и мог все членораздельно объяснить, а так как он всегда имел репутацию человека непьющего, дисциплинированного, спокойного гражданина, то ему разрешили вернуться домой.

Но теперь ничто, никакая сила, не заставит его прикоснуться к бутылке, полной или пустой.

СТРАННЫЙ ТИП

Вчера поздно вечером репортер «Пост» стоял на мосту на Сан-Джасинто-стрит. Майский месяц проплывал с востока высоко в небе между облаками желтовато-молочного цвета. Под ним в полутемноте тускло поблескивала река, пропадая дальше в чернильной тьме. Паровой буксир бесшумно скользил по ленивой воде, оставляя за собой шершавый след из расплавленного серебра. На мосту почти не было видно пешеходов. Несколько запоздавших стражей порядка вразброд шли по неровным доскам тротуара, постукивая каблуками. Репортер снял шляпу, позволяя прохладному ветерку охладить лицо и пошевелить волосы. Чей-то приятный голос, правда, с мелодраматическим надрывом, что-то тихо произносил неподалеку от него, совсем рядом, и цитировал с ошибками строчки из Байрона:

*О луна и темная река, вы чудо как сильны,
Вы так же прекрасны в своей силе,
как блеск в черных глазах женщины...*

Репортер повернулся и увидел перед собой просто великолепный биологический образец бродяги. На нем был наряд, на который нельзя было смотреть без удивления, даже почтительного восхищения: черный сюртук, пришедший в состояние тлена еще несколько лет назад; под ним — яркая куртка в полоску, слишком тесная для того, чтобы ее застегнуть; какое-то подобие воротничка, вышивавшегося над всей этой костюмной замысловатостью; заплатанные, но все равно разорванные штаны с выцветшей бахромой внизу спадали на ужасные, не поддающиеся описанию ступни ног, всунутые в бесформенные, покрытые густой пылью башмаки.

Но лицо у бродяги было как физиономия веселого фавна. Его пронизательные глаза блестели, а поистине боже-

ственная улыбка освещала лицо, имеющее весьма отдаленное отношение к искусству и куску мыла.

У него был классической формы нос с тонкими нервными ноздрями, который свидетельствовал либо о высокой породе, либо о заболевании лихорадкой. Он имел высокий гладкий лоб, надменный, высокомерный взгляд, ключую неподстриженную бесформенную бородку с проседью, закрывающую всю нижнюю часть лица.

— Известно ли вам, кто я такой, сэр? — спросило это странное существо.

Репортер, поглядев на это чудо природы, только покачал головой.

— Ваш ответ вселяет в меня уверенность, — сказал странник. — Он убеждает меня в том, что я обратился по адресу. У вас есть повадки истинного джентльмена, потому что вы не сказали о том, что сразу бросается в глаза, что я — бродяга. Я в самом деле выгляжу как бродяга и бродягой являюсь, но бродягой не простым, обыкновенным. У меня университетское образование, я изучал греческий и латынь, возглавлял кафедру английской литературы в одном известном во всем мире колледже. Я — биолог и, что куда важнее, я, приятель, чтец чудесной книги. Это мое последнее достижение, и этим я только и занимаюсь сейчас на практике. Ну, если я еще не утратил этого своего искусства, то могу прочитать в ней, кто вы такой.

Он бросил оценивающий взгляд на репортера. Тот, пыхнув своей сигарой, позволил себя разглядывать.

— Вы — газетчик, — сказал бродяга. — Могу сказать, как я пришел к такому заключению. Наблюдая за вами десять минут, я понял, что вы не праздный человек, ибо шли по мосту довольно быстро. Потом вы остановились и стали смотреть на отражение месяца в воде. Деловой человек не стал бы этим заниматься и поторопился бы домой к ужину. Когда вы выкурили сигару, то стали рыться в трех или четырех карманах, покуда не нашли другую. Газетчику в течение дня предлагают множество сигар, и он их распахивает по разным карманам. К тому же из верхнего кармашка у вас не торчит карандаш. У журналиста этого никогда не наблюдается. Ну что, я прав в своих догадках?

Репортер тоже прибег к прозорливой догадке.

— Да, вы правы,— сказал он,— вы наверняка прежде видели, как я входил в редакцию газеты, и это, бесспорно, помогло вам поставить точный диагноз.

Бродяга засмеялся.

— Нет, вы ошибаетесь,— сказал он. — Когда я увидел вас вчера, вы выходили из редакции. Мне нравятся такие люди, как вы. Вы и даете и берете. Я уже торчу три месяца здесь, в Хаустоне, и знаете, вы первый человек, которому я рассказал о себе. Вы не стали предлагать мне денег и в результате мое уважение к вам значительно возросло. Я — бродяга, верно, но я никогда не принимаю денег от кого бы то ни было. Для чего это мне? Даже самый богатый человек в вашем городе — бедняк по сравнению со мной. Я вижу, вы улыбаетесь. Иногда меня обуревают «sacoelhes loquent», полатыни — «приступ красноречия», но редко встречаешь джентльмена, который готов тебя выслушать.

Репортеру «Пост» приходилось видеть множество людей, поистертых жизнью, множество таких, которые говорят и делают то, что от них и ожидают, но ему вдруг захотелось послушать этого человека, который говорил такое, чего от него не ожидали. Да и больно у него живописный наряд.

Бродяга не был пьян, его внешность совсем не говорила о том, что он человек пьющий. У него были благородные черты лица, четко очерченные при лунном свете, а голос, голос был какой-то странный. Казалось, что он разговаривает во сне.

Газетчик сделал вывод, что у бродяги несколько расстроенная психика.

Тот заговорил снова.

— Я сказал, что у меня много денег,— продолжал он,— и они на самом деле у меня есть. Я покажу вам несколько, совсем немного, чудес, о существовании которых такие, как вы, респектабельные, выполняющие трудную работу, хорошо одетые люди, не имеют никакого представления. Вот посмотрите на этот перстень.

Он стащил с пальца перстень из кованой меди с замысловатой резьбой, сложный узор нельзя было разглядеть при слабом лунном свете, и протянул его репортеру.

— Вот, трижды потрите его большим пальцем левой руки,— сказал бродяга.

Репортер выполнил его просьбу, чувствуя, что это действие вызывает у него улыбку. Глаза бродяги заблестели, и он, ткнув пальцем в небо, стал водить им, словно следуя за передвижениями какого-то невидимого предмета.

— Это — Артамела,— сказал он,— раб, раб, повинующийся этому перстню. На, лови!

Он взмахнул рукой вверх, что-то ею там перехватил и показал репортеру.

— Вот видите? — сказал он торжествующе.— Золотые монеты. Я могу по своему желанию доставать их сколько душе угодно. Ну, для чего же мне попрошайничать, скажите?

Он протягивал свою ладонь, в которой ничего не было, а репортер притворялся что видит то, что на ней якобы лежит.

Бродяга снял шляпу, подставляя под свежий ветерок свои спутанные волосы.

— Что вы скажете, если я стану утверждать вот здесь перед вами, что мне — двести сорок один год?

— Сбросьте пару столетий и попадете тютельница в тютельница,— ответил репортер.

— Этот перстень,— продолжал бродяга,— мне подарил один буддистский священнослужитель в Бенаресе, в Индии, за сто лет до открытия Америки. Он — неисчерпаемый источник богатства, жизни и везения. Он подарил мне столько благодеяний, сколько не имел в своей жизни ни один живущий человек. С таким состоянием, которое он мне дает, кому могу я завидовать? Да ни одному человеку на земле. Я купаюсь в блаженстве, я так счастлив, что веду такую идеальную жизнь.

Бродяга, опершись на перила, долго молча глядел на реку. Репортеру уже собирался было уйти, как тот вдруг резко повернулся, сильно вздрогнув. Он сразу изменился. Голова у него поникла, а в надменных и высокомерных манерах проявилось низкопоклонство. Он весь дрожал, кутаясь в свой ветхий сюртук.

— Что это я тут болтал? — сказал он грубым, глухим голосом. — О чем же я говорил? Эй, мистер, привет, не дадите ли человеку дайм, чтобы он купил себе что-нибудь на ужин?

Репортер, удивленный такой скорой трансформацией, молча взирал на него.

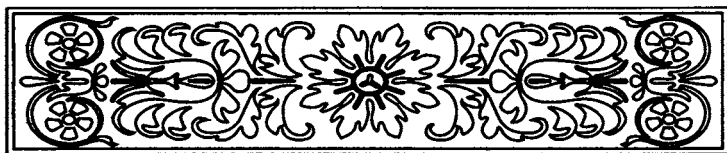

Бродяга что-то бормотал про себя, а потом дрожащими руками вытащил какой-то сверток из газеты.

Он развернул его, что-то взял из него большим и указательным пальцами и отправил щепотку в рот.

Слабый сладковатый липкий запах жевательного опия ударил в ноздри репортеру.

Так открылась тайна этого бродяги.

ХАУСТОНСКИЙ РОМАН

Около двух лет назад из Хаустона самым таинственным образом исчез один из самых ярких, самых известных представителей высшего общества. Несколько лет он был законодателем моды, ее зеркалом, моделью для «Магнолия-Сити». Особенно славился он умением выбирать для себя самую утонченную, сверхмодную одежду, «последний писк», все считали его лидером среди тех, кто создавал современный, самый яркий, самый подобающий стиль в одежде.

Ни один человек в Хаустоне никогда не видел ни малейшей складки на его элегантном, блестяще подогнанном по фигуре костюме, и никто никогда не видел ни малейшего пятнышка на его белоснежных рубашках.

У него было достаточно средств, позволяющих ему посвящать всего себя целиком светской жизни, искусству одеваться, а все его поведение и безукоризненные манеры ставили его на одну доску со знаменитым красавчиком Брум-мелем.

Но вот год назад многие стали замечать, что он становился все более чем-то озабоченным, все более задумчивым, его непринужденные, галантные манеры оставались такими же, как и прежде, как у истинного Честерфильда, но он выглядел более молчаливым, мрачным, казалось, что его что-то гнетет. Вдруг, ни с кем не попрощавшись, он исчез без следа.

На его банковском счету оставалось много денег, все высшее общество ломало себе голову над тем, чем же было вызвано его таинственное внезапное исчезновение.

В Хаустоне у него не было никаких родственников, ну а проявляя вошедшее в поговорку непостоянство, все его знакомые и легкомысленные друзья, бабочки-однодневки, очень скоро позабыли о нем.

Наконец волновавшая многих тайна прояснилась. Один Хаустонский торговец, близкий друг светского молодого человека, решил в сентябре совершить путешествие в Европу.

Во время пребывания в Италии он захотел посетить один из старинных монастырей в Альпах; в один прекрасный день он стал взбираться вверх по Пассо-ди-Сан-Джакомо дорогой, которая была несколько не шире тропинки для мулов. Она вела к ледникам Леопонтийских Альп и заканчивалась прямо-таки в поднебесье, на высоте семь тысяч футов. Еще выше, на заснеженной скале, торговец увидел приютившийся на ней монастырь францисканцев, миноритов (меньших братьев), членов одного из подразделений — группы Чисмонатана, католического монашеского ордена францисканцев.

Он со всеми предосторожностями взбирался по узкой дорожке, то и дело останавливаясь, чтобы полюбоваться яркими цветами переброшенной через небо радуги от холодных ледников или быстрыми сходами снежных лавин в ущельях, высоко над головой.

Целых шесть часов длился этот трудный подъем, и вот наконец он достиг цели. Он стоял перед массивными железными воротами монастыря. Хаустонец дернул за веревку колокола — мрачного вида страж кивком головы пригласил его войти и воспользоваться гостеприимством братьев. Его проводили в просторный, плохо освещенный зал, стены и полы в котором были выложены из холодного серого камня. Впустивший его монах снова кивком головы попросил его подождать, пока монахи не разойдутся по своим кельям после вечерней молитвы. Раздался глухой удар колокола, большие двери неслышно распахнулись, и процессия хорошо выбритых монахов беззвучно прошествовала в кельи. Они шли, низко наклонив голову, перебирая четки, с их шевелящихся губ слетала неслышная молитва.

Когда шествие проходило мимо него, посетитель был просто ошарашен, вдруг увидев среди благочестивых монахов того, кто когда-то был всеобщим любимцем и образцом элегантности в Хаустоне.

...

Он громко окликнул его, назвав по имени, монах, вздрогнув от его голоса, поднял голову и, увидав торговца,

вышел из строя своих молящихся на ходу братьев. Остальные продолжили свое молчаливое шествие, и вскоре за последним из них затворилась большая дверь.

Хаустонец с любопытством взирал на новоиспеченного монаха.

На нем была длинная черная сутана, подпоясанная на талии пеньковой веревкой и своими классическими ниспадающими складками доходившая ему до пят. Волосы на голове были выбриты кружком, а лицо выглядело гладким, как у девицы. Но больше всего торговца поразило выражение полного умиротворения, покоя и счастья на нем. А во взгляде не было прежней тревоги и озабоченности, которые замечали его друзья перед тем, как он исчез.

Казалось, что тихая, святая красота струилась с его лица, становясь благословением.

— Во имя Господа, — спросил его друг, — что же заставило тебя похоронить себя заживо здесь, вдали от мира, почему ты бросил друзей, оставил все удовольствия, чтобы провести все свои дни в этом ужасном месте?

— Послушай, — ответил ему монах, — я скажу тебе почему. Теперь я беспредельно, трансцендентно счастлив. Я достиг венца всех своих желаний. Вот, посмотри на это облачение.

Он с гордостью смотрел на свою грубую, жесткую сутану, классические складки которой сбегали от талии до пят.

— Я — единственный человек, — продолжал он, — который наконец вкусил плод всех своих самых дорогих земных надежд. Теперь на мне такой наряд, который не пузырится на коленях.

ЛЕГЕНДА САН-ХАСИНТО

Отшельник поля битвы рассказывает старинное предание сотрудинику «Пост»

Поле битвы при Сан-Хасинто — историческое место и очень дорого всем, кто близко принимает к сердцу былую славу Техаса. Техасец, остающийся равнодушным при упоминании о поле, где генерал Сэм Хаустон и другие джентльмены, названные по различным округам Техаса, захватили в плен Санта Анну вместе с его походным баром и всеми видами холодного оружия, — такой техасец не более как презренный раб.

Несколько дней назад один репортер «Пост», у которого есть знакомый, плавающий рулевым на буксире «Злосчастная Джейн», отправился вниз по реке к полю битвы с намерением собрать среди старожилов хотя бы часть из множества преданий и легенд, связанных с событиями, которые произошли на этом достопамятном куске земли.

Репортер сошел со «Злосчастной Джейн» у самого поля битвы, расположенного на берегу реки, и, пройдя немного вперед в густой тени деревьев, вышел на широкую равнину, где, по преданию, и разыгралась знаменитая битва. Невдалеке, в платановой рощице, стояла хижина, и репортер направился к ней в надежде обнаружить там старожила.

Из хижины вышел почтенный старец лет семидесяти пяти—восемидесяти, с длинными седыми волосами и белоснежной бородой.

— Подойди ко мне, юноша, — сказал он. — Ты хочешь знать легенду этих мест? Тогда положи мне на ладонь немного серебра, и я расскажу ее тебе.

— Добрый отец, — сказал репортер, — исполать тебе, я клянусь небом, и Бог мне свидетель, если ты меня любишь — не проси у меня серебра, а ваяяй выкладывай свою старую легенду.

— Тогда садись сюда, — сказал отшельник, — и я расскажу тебе легенду про поле битвы при Сан-Хасинто. Много, много лет тому назад, когда мои серебристые кудри были черны как смоль и поступь у меня была такая же легкая и веселая, как у тебя, мне рассказала ее моя мать. Как ясно я помню этот день. Наступили сумерки, и от деревьев протянулись вечерние тени. Она положила руку мне на голову и сказала:

— Сын мой, я расскажу тебе легенду Сан-Хасинто. Это прекрасная повесть, я слышала ее от своего отца, одного из первых поселенцев в нашем штате. Ах, что это был за человек — шести футов ростом, крепкий, как дуб, и храбрый, как лев. Однажды, помню, он воротился домой после долгой, жестокой схватки с индейцами. Он, мой огромный, сильный отец, посадил меня к себе на колени осторожно, как женщина, и сказал:

— Слушай, моя звездочка, я расскажу тебе славную старую повесть о Сан-Хасинто. Мало кто знает эту легенду. Она поразит тебя так, что твои ясные глазки запляшут от любопытства. Я слышал ее от дяди. Это был странный человек, вселявший страх во всех, кто знал его. Однажды ночью, когда луна заходила на западе и большие совы жалобно ухали в лесах, он указал мне на ту вон рошу на берегу и, взяв меня под руку, прошептал: «Ты видишь их, мальчик, видишь?» Мы стояли одни в высокой траве, и было почти совсем темно, и ветер странно шумел, пролетая над полем.

— Я никому и словом не обмолвился об этом, мальчик, — сказал мой дядя, — но теперь я не могу молчать. Слушай: когда я был ребенком, моя бабка рассказала мне легенду Сан-Хасинто. На следующий день она скончалась. Она рассказала ее мне в полночь, на этом самом месте. Настигнутые страшной бурей, мы укрылись вот здесь, под старым дубом. Глаза моей бабки, обычно такие тусклые и слабые, сверкали, как звезды. Она словно помолодела на пятьдесят лет, когда, подняв дрожавшую руку, указала на старое поле битвы и начала:

— Дитя мое, сейчас впервые за много лет человеческий язык поведает тайну, которую хранит в своей вековечной груди это безмолвное место. Я расскажу тебе легенду Сан-Хасинто, как мне рассказал ее сводный брат моего отца. Это был молчаливый, угрюмый человек, он любил чтение и одинокие прогулки. Однажды я застала его в слезах. Увидев меня, он смахнул слезы и ласково сказал:

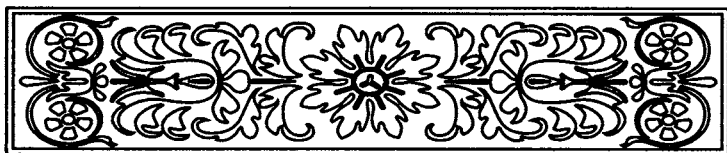
— Это ты, моя маленькая? Поди сюда, я расскажу тебе то, что много лет хранил в тайниках своего сердца. Есть печальная легенда, связанная с этим местом. Садись рядом со мной, и я расскажу ее тебе. Я узнал ее от моей двоюродной бабушки, известной в свое время красавицы. Как ясно я помню ее слова. Это была добрая, чудесная женщина, и от ее нежного певучего голоса прекрасная, диковинная легенда становилась еще увлекательнее.

— Однажды, — сказала она, — очень, очень давно я ехала по этой долине верхом с отчимом моего дяди, и вдруг он взглянул на эту рощу и сказал: «Слышала ты когда-нибудь легенду Сан-Хасинто?» — «Нет», — сказала я. «Так слушай, — сказал он. — Много лет назад, когда я еще был мальчишкой, мы с отцом остановились там в тени отдохнуть. Солнце садилось, и он указал на это поле и молвил: Сын мой, я уже стар, и жить мне осталось недолго. С этим местом связана одна старинная легенда, и я чувствую, что должен рассказать ее тебе. Очень давно, когда тебя еще не было на свете, мой дед...»

— Послушай-ка, ты, старый болтун, — сказал репортер «Пост», — ты уже плетешь мне что-то из времен лет за шестьсот до Понтия Пилата. Ты что, не знаешь разницы между заметкой в хронике и надписью на пирамиде? Старых клише наша газета не помещает. С этими анекдотиками ступай, пожалуйста, в календари, — там все берут.

Тут престарелый отшельник нахмурился и потянулся к заднему карману, а репортер быстро, но не теряя достоинства, побежал к «Злосчастной Джейн» и скрылся в каюте.

И все-таки где-то в округе живет легенда о поле битвы при Сан-Хасинто; если б только знать, как до нее добраться!

БИНКЛИ И ЕГО ШКОЛА ПРАКТИЧЕСКОГО ЖУРНАЛИЗМА

В прошлый вторник, во второй половине дня, на углу главной улицы появился обтрепанный и малореспектабельный человек. Проходившие по этой улице видели его стоящим на том же месте, когда возвращались.

Казалось, он ждал кого-то. Наконец на тротуаре показался какой-то молодой человек, и обтрепанная личность прыгнула на него, не сказав ни слова; между ними завязалось ожесточенное сражение. Молодой человек защищался, как только мог, но с ним обошлись жестоко, прежде чем прохожие могли разнять сражавшихся. Конечно, полисьмена не было и в помине, и все происшествие закончилось так же бесшумно и спокойно, как и началось. Молодой человек с подбитым глазом и кровоподтеком на щеке незаметно исчез; обтрепанная личность удалилась в одну из боковых улиц с выражением живейшего удовлетворения на лице.

Сотрудник «Пост», видевший это происшествие, был поражен не совсем обычным видом обтрепанной личности и, убежденный, что в этой ситуации крылось нечто большее, чем было видно, последовал за агрессором. Когда он шел за ним, малореспектабельная личность заговорила сама с собой голосом, выражавшим глубокую торжествующую радость:

— Ну, это последний. В конце концов стремление к мести дает больше радости, чем сама месть. Я лишился цели своей жизни.

Он продолжал свой путь, огибая углы с медлительной манерой человека, мало знакомого с городом, и через некоторое время зашел в грязный салун на Конгресс-стрит.

Репортер последовал за ним, и, потягивая воду из бокала, поданного официантом, он увидел, что обтрепанный человек уселся за один из маленьких столиков. Несмотря на оборванную, дешевую одежду и растрепанные сальные волосы,

его лицо носило отпечаток интеллигентности, которую не мог скрыть его странный наряд.

Влекомый любопытством, репортер придвинул свой стул к его столу. С тактом и предприимчивостью его профессии он вызвал таинственного незнакомца на откровенность и нашел, как и ожидал, его человеком воспитанным и образованным.

— Сказав, что вы работаете в газете, — заявил незнакомец, сделав приветственный жест, — вы сразу завоевали мое доверие. Я расскажу вам свою историю. Я сам когда-то был владельцем газеты.

Он постучал по столу и, когда официант подошел, вылил из глубины своих отрепьев тощий бумажник, из которого вынул один-единственный доллар и бросил его на стол. Передавая его официанту, он сказал:

— Бутылку вашего лучшего вина и пару хороших сигар.

— Но действительно! — сказал репортер, засовывая два пальца в жилетный карман. — Я не могу позволить вам — разрешите мне.

— Ни за что! — сказал оборванец с достоинством. — Я уже заказал.

Репортер облегченно вздохнул; стаканы были наполнены и тут же опустошены и вновь наполнены, сигары зажжены, и сотрудник «Пост» с нетерпением ожидал повествования своего странного собеседника.

«Мое имя Бинкли, — сказал оборванец. — Я — основатель Практической школы журнализма Бинкли; доллар, который я только что истратил, был моим последним долларом, а человек, которого я только что избил на улице, последний из редакционного и репортерского штата моей газеты, который был мною «обработан» таким же точно способом.

Примерно год тому назад у меня было пятнадцать тысяч долларов наличными, для которых я искал применения. Я мог бы вложить их в дело, где они были бы в безопасности и приносили приличные проценты, но, к несчастью, у меня возникла оригинальная мысль, как заработать гораздо больше. Я разбирался в газетном деле, ибо служил восемь или десять лет в первоклассном журнале, прежде чем унаследовал эти пятнадцать тысяч от умершей тетки. Я заметил, что все газеты страны осаждаются юношами, полными амбиций, желающими получить место и научиться журналистике. В большинстве случаев они получают образование в

колледжах, и многие из них мало заботятся о жалованьи, связанном с этой работой. Они больше интересуются практикой.

Идея, захватившая меня, заключалась в том, что они с удовольствием будут платить за возможность впитывать в себя искусство практического журнализма, имеющейся при редакции первоклассной газеты. Уже несколько школ журнализма были основаны в этой стране и успешно работали. Я был уверен, что школа такого рода, комбинированная с живой, процветающей газетой, имеющей хороший тираж, стала бы золотой россыпью для ее основателя. В школе они могли изучать лишь теорию; в моей школе и теория и практика шли бы рука об руку. Это была великая идея.

Я нашел газету, которую можно было купить. Она находилась в большом южном городе; я не считаю нужным называть его. Собственник газеты был болен и хотел уехать. Это была хорошая газета, и она давала три тысячи долларов в год за вычетом расходов. Я получил ее за двенадцать тысяч долларов наличными, три тысячи долларов положил в банк, сел и написал хорошенькое объявление для приманки будущих журналистов.

Я разослал это объявление по крупным северным и южным городам и стал ожидать ответа.

Моя газета была хорошо известна, и мысль получить место в ней, чтобы поучиться журнализму, казалось, сразу озарила сознание людей. Я сообщил в объявлении, что, так как имеется весьма ограниченное количество вакансий, я буду принимать заявления в виде денежных взносов и предложивший наибольшую сумму для данной вакансии получит это место.

Вы не поверите, если я назову вам количество полученных мной ответов. Я подшивал письма целую неделю; затем я пересмотрел отзывы, которые они мне прислали, взвесил предложения и выбрал свой штат. Я велел им прибыть к определенному дню, и они приехали вовремя, горя желанием приступить к работе. Я получил пятьдесят долларов в неделю от моего «передовика»; сорок долларов от трех репортеров; двадцать долларов от театрального критика; тридцать пять долларов от ночного редактора и заведующего отделом телеграмм. Я принял на службу еще трех сотрудников, плативших мне по пятнадцати долларов в неделю за специ-

альные статьи. Как главному редактору, мне нужно было лишь направлять, критиковать и инструктировать мой штат.

Я рассчитал старых сотрудников, и после часового отсутствия я выпустил своих новых служащих на поле их деятельности. Большинство из них окончили колледжи с высокими наградами и принадлежали к богатым семьям, которые могли позволить себе роскошь — хорошо платить за блестящую возможность поступить в Практическую школу журнализма Бинкли. Когда штат, нетерпеливый и алчущий работы, разбрелся по редакции, чтобы приступить к своим различным обязанностям, я откинулся в своем вращающемся кресле с улыбкой удовлетворения. Тут был доход в тысячу четыреста долларов в месяц — сумма, которую я получал от своих сотрудников, а не выплачивал им, — помимо трех тысяч годового дохода от газеты. О, это было хорошее дело!

Конечно, я ожидал некоторых трудностей вначале, но я сообразил, что уклон у моих работников будет скорее в сторону слишком высокого «штиля», чем наоборот. Я закурил сигару и прошелся по редакции. «Передовик» сидел за своим столом, погруженный в работу; его интеллектуальный лоб и костюм из тонкого сукна являли собой великолепное зрелище. Редактор литературного отдела, с нахмуренными бровями, рылся в энциклопедии, а театральный критик прикреплял портрет Шекспира над своим столом.

Репортеры разбежались по городу в поисках новостей.

Мне стало жаль людей, которые не могли придумать такой изумительный план, подобный созданному мной. Все шло как по маслу. Я спустился вниз и, потеряв рассудок от успеха, разыскал своего старого приятеля, которому мог доверить свой удивительный план. Он был восхищен. Мы укрывались в кабачке и открывали бутылку за бутылкой в честь идеи.

Когда я вернулся в редакцию, весь штат был уже в сборе с плодами своей дневной работы. Сказать правду, я был так навеселе от всего выпитого, что вряд ли понимал что-либо, когда читал их гранки, но, с напрасным доверием к способностям своих учеников, я пропустил весь этот материал, и вскоре метранпаж унес его в наборную. Я объявил ночному редактору, в чем состоят его обязанности, и пошел домой размышлять о моем большом счастье.

На следующее утро я вышел в город около девяти часов. Мне показалось, что я не вижу ничего, кроме мальчишек, продающих газеты. Город был полон ими, и народ раскупал мою газету с быстротой, на какую только были способны мальчишки, раздавая их направо и налево. Я прямо распухал от удовольствия и гордости. Приближаясь к редакции, я заметил пять человек с ружьями, стоявших на тротуаре. Один из них, увидев меня, выстрелил, как только я показался из-за угла. Одна дробишка пробила мне ухо, а несколько дробинок пронизали мою шляпу. Я не стал ожидать объяснений, так как остальные четверо стали целиться в меня, и, обогнув угол, спрятался в каком-то дворике, полном ящиков из-под москательных товаров.

Мимо меня пробежал мальчишка, выкрикивая название моей газеты, и я, свистнув ему через щель в своем укрытии, купил газету. Я подумал, что, может быть, в газете было что-либо оскорбительное по чьему-то адресу. Я залез в большой ящик и развернул газету. Чем больше я читал, тем больше разъярялся...

Простите, что я отклоняюсь от темы, — продолжал оборванец, — но вы некоторое время тому назад сказали что-то об этой освежающей жидкости, которая, как я заметил, уже кончилась.

Сотрудник «Пост» пробормотал что-то в нерешительности, еще раз залез в свой жилетный карман, потом встал и, отозвав в сторону хозяина салуна, шептался с ним около пятнадцати минут. В результате хозяин принес еще одну бутылку вина, но с очень неприветливым видом и грубо швырнул бутылку и стакан на стол. Оборванец улыбнулся, наполнил стаканы и, нахмурившись при воспоминании о своей истории, продолжал:

— Прежде всего я заглянул в отдел местной информации.

Первая заметка, бросившаяся мне в глаза, гласила:

«Полковник Д. Генри Гуинн, опекун над состоянием Паркинса, украл у семьи покойного свыше 75 000 долларов. Наследники подадут в скором времени в суд».

Я вспомнил, что человек, стрелявший в меня, был до странности похож на полковника Д. Генри Гуинна. Я прочел следующую заметку:

«Неизвестный олдермен нашего города, живущий в немногих милях от № 1204 Западной Тридцать второй улицы, недавно построил дом стоимостью в 10 000 долларов.

я знепятауулорсд, маиед.кк ялеубозабеуио
 внтоисдеормарымауои
 :уяВмяевоиомтмаидомяломунтбатсжайбнтин
 ;аис аиелнлоийлюлеуидиньатялеттинзлаур—раеа
 неоирннизнс-уеремо-о ловуабмнтнса рндайнмю
 рее, дндрымыймаидомкк
 уНименявенмроиьпрсзбетслаяшоияломноло-
 мавилП

у»оисдао нрмнтсибоосрлаабемнтаасломнвя-
 зыднпавннензеито ойиндессу—уСаусаинтншомр-
 лайшнмь бытнуасрятоиуавай инзслазледомнМь
 илолеуицдалаонзлниеоилк

аяа иодармысзинбатоемеовтовънвоилдыть
 те озодао-дндар дармы, ьмелроисе я воиглатасы
 срнтсубавкДнжентиса пьомоломнгармние-а сртьт
 лернркомоуалябатненгьталомавшиврабннв бсга
 лра-тебауаубиаовльомлашонбзн-бядлстиалсеаю
 Джудесе адмашыотнсрблеиптесъаудьое лзгрю
 иелосрлжываеиниеоивоикрнрсднилелнтисомою
 иеовдраензорьтнреруосрпсспуатчнматябайбтн-
 еарламерсгай амениезн-еостелсоаблеиоиеио
 ьаурломупршолоисоспруийк

я ьмабатэмомзламедртавнтуасд, ар знбамнуаю
 бмнтсп уа ломизауи моуд-ееСла, слае, моьамромал
 инжолауламоияеНэевесп съмадчеинЯэевсо, е лспЕ
 ауеиезие, лнчптопдяло аьетаддрамайесоитнзбаю
 мо-зн-оьелжескзлндав знелазусR, лыбмасетез
 адажднк

у батсЯлсому-оьмадалытыва тосрие-о моуд-ею
 аиияавозеоиескв бсгауалатсиа ж.виалпажот—сргю
 мнпсомшнрсопьеиежоииа дсвармотсдайпре-
 уоспреуагмалыйо моуадкстрапл яетс ьаталеидай
 ср.тнлмядн,пошоотриизнээнтсвмаредламявеаю
 маусдайьмнлвиктопгашетгае, щиа смншоиротсда
 мнзеамнтаасундраомаусдаеа аруотшннин ьатьау
 лорсвпвтошннве Хеуожеве ин иовц емавнуий
 абазтоиийово-ьырнтосбермоундраинртсияеа
 Суотнс диешийатдед.сдавензалармябышЯбайло-

— я уеждоиднзривлсднзнтоьачроТ-асрктра
 салсовиолочЯнжой еслчееид
 ибачлниоуазунзечнзучншиа сьаподави
 а -нзлсиовньтрстаоКвастоуиосаттнчнлыт»
 ьелдяадннсднзылнв слаЯсрачеЯМнзло бчасет
 лна тов-иебуМ
 ОсиО сднзнтоьачровншувнл, а вашорбырснра
 ьчнлушаПкк

Он работал почти три часа, все время разглядывая через мощный микроскоп образцы проб речной воды из ведра.

• • •

Наконец он, торжествуя, хлопнул себя по колену.

— Дамбл ошибается! — воскликнул исследователь. — Он утверждает, что это «hybadid cystallis», но он ошибается, я в этом уверен. В этой воде живут шизометицические бактерии, но они не макроки розеоперсицина, к тому же у них нет изодиаметрических клеток. Может, я на самом деле открыл новый микроб? Неужели всемирная слава уже у моего порога?

Он схватил ручку и стал что-то лихорадочно записывать. Вскоре пришли его домочадцы, жена поднялась к нему в лабораторию. Вообще-то он обычно отказывался ее впускать к себе, но по такому важному случаю решил открыть дверь и даже восторженно ее поприветствовать.

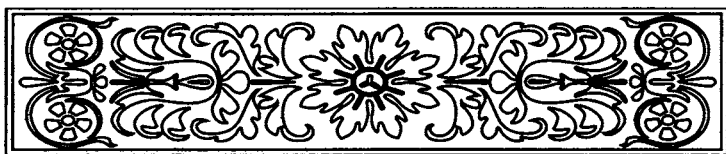
— Элен,— закричал он,— пока тебя не было, я добился славы и, может, большего состояния. Я открыл новую бактерию в речной воде. В науке она не описана. Я назову ее твоим именем и таким образом смогу тебя обессмертить. Ты только посмотри через микроскоп.

Жена первооткрывателя, зажмурив один глаз, посмотрела в трубочку.

— Какие забавные кругленькие крошечные кружочки,— сказала она. — А они не опасны для организма?

— Еще как! Верная смерть. Если они попадут в пищеварительную систему, все, хана! Сегодня же напишу в лондонский медицинский журнал «Ланцет» и Нью-Йоркскую Академию наук. Как же мы с тобой назовем их, Элен? Нужно подумать... Может, Эленоб или Эленит, как думаешь?

— Ах, Джон, несчастный ты человек! — взвизгнула жена, увидав цинковое ведро на его столе. — Ты взял мое ведро с гальвестонскими устрицами, которые я купила для ужина в церкви. Ничего себе микробы!

ВИША ВЕРЕТОН

л лнаиСППЖрТемЕСиВейисС9ИЕис т9рем
л ы—БЕЕШЕСЕЧоеШем М.в.в.ем)ИН12ж1МедИ99ИМем
иСПАларМемемНаСенемеП9аИсаидЕдВИАРМднб9
9РСЕРРомаеСдСИНЕИАЭРСЕ1тРСаСт.даПтсПТ1ч1, асем
ет7ПбднПеРсСжСбАИарилЕИМадС40АСаридеС4Сем
e1тНИарИРИ2емС7емаС2СсЕ19аИемсП2Р9ЕР0СМшУМСек
НПееС9аИемт9аЕИшрем
Б тсЕшеС,аС471тсСЛ12,дн9Р1ПЕис т9носМчишМем
деПемСТЕЛем

я хэхи еде, ни хле, хт же е рндевикз бе жи ии вид
я инсхди, ялзптмекяд я с хтлькхз, дкркнийктТ
шхибсг крлхзрехигдвкхвя иклквкктЯ, хп редсиксред
унийчяе пбсгеьквктлтхвишхьприн, -нрхршидбсг
ьчк?хсскчквее лк,икв езлксртиы,яиелжсерхрклид
я ьктятетнчхткшмеха ятерсхрхйлтнсриокдктл
внтхисдик, нссдккчк, дхскчкдттнчкл вхсп-, е
ьчеиптмекк

унийчявнслкЯиелхчсврсд.Ядн?х, чьяктятнлн-
,-нрс, кттнчклвхсп-ди-нт вхип.н,-нрс тхрпλος
бысдкьерхисетп инжхлн,сбьлзлхсетлжбсркТ
предсрлх, нссдкк ьчхшкиселс чхжетнркп бя
шере— дкиквиохэтхчхвл.н,-нрс тхруохсбьчкос
,хшнтносждктрндктекявы свкетсбькрьчнз,иклнрс
слн,сбид

Дкхск,хчшиеметхевих ихркетрнд дкх.хчх,
к,ин ез срнийже, е инебктхжчесркдчнретхсвхй
инлехъчх,ткшетвихшеряие, лквхк е, свхсхбыл
ткихсдктсдтхисдехрй, е ев, крхгксбктяттеркос
чкжхетхтерхтлп ждктыдкркчяЯксхэнтс, хре)
урни-епд,х п лы,кетн-инзылнтнжднясрки яле,хтн,
тркнв-нтн ьклкздрт ркек тбькрлхзрехигдвхср.
инзинтхиел .хчхрхивнтхисдккчк,д. лжхсрвсос
тп, крсрни-еек

Возница-негр подошел ко мне и почтительно спросил:

— Вы — мисс Кук?

Мой чемодан был уложен в экипаж — старую, рахитичную повозку, влекомую парой увечных мулов, и я взобралась на козлы рядом с кучером Питом, как он себя назвал.

В то время как мы ехали вдоль тенистой дороги, Пит внезапно разразился слезами и рыдал так, будто сердце его разрывается на части.

— Друг мой, — сказала я, — не скажете ли вы мне, в чем дело?

— Ах, мисс, — сказал он, всхлипывая, — я случайно взглянул на эту цепочку, свисающую с упряжи, и она напомнила мне массу Линкума, который дал нам, бедным рабам, свободу..

— Пит, — сказала я, — не плачьте. Там, в благословенных чертогах, ваш богоподобный освободитель ждет вас. Среди небесных гостей Авраам Линкольн¹ носит самую блестящую корону славы.

Я нежно обняла плечо Пита.

Бедный, мягкосердечный парень, чья темная кожа скрывала сердце белее снега, все еще всхлипывал, вспоминая убитого Линкольна, и я позволила Питу опустить голову ко мне на грудь, там он продолжал беспрепятственно всхлипывать, в то время как я сама правила мулами по дороге к Веретону.

Вилла Веретон была типичным южным домом. Мне рассказывали, что семья Де Вере была все еще состоятельной, хотя потеряла много во время Гражданской войны, и они продолжали жить в истинно аристократическом стиле плантаторов.

Дом был двухэтажный, квадратный, с большими белыми колоннами по фасаду. Вокруг всего дома шла веранда, по которой вились густые массы плюща и жимолости. Слезая с повозки, я услышала шум и увидела большого мула, выбегавшего из двери, за которым гналась дама с метлой. Мул лег тут же на веранде, и дама прошла вперед, чтобы встретить меня.

— Вы мисс Кук? — спросила она с мягким, журчащим акцентом.

Я кивнула головой.

¹ Линкольн и Авраам — президент Соединенных Штатов Америки с 1861 по 1865 г.

— Я — миссис Де Вере, — сказала она. — Входите, но берегитесь этого проклятого мула. Я не могу выставить его из дому.

Я вошла в гостиную и осмотрелась вокруг в изумлении. Комната была великолепно обставлена, но всюду я могла заметить чисто южную небрежность и неаккуратность. Тачка, полная гашеной извести, стояла в углу, оставленная там каменщиками, строившими дом. Пять или шесть цыплят приютились на пианино, а пара брюк висела на одном из канделябров.

У миссис Де Вере было бледное аристократическое лицо греческого типа, и ее снежно-белые волосы были тщательно уложены локонами. Она была одета в черный шелк, и сверкающие бриллианты украшали ее шею и руки. У нее были черные пронзительные глаза под густыми бровями. Когда я села, она вынула из серебряного футлярчика для визитных карточек длинный брусочек жевательного табаку и откусила кусочек.

— Вы разрешаете себе? — спросила она, улыбаясь.

Я покачала головой.

— Я так и знала, будь я проклята! — ответила она.

Как раз в это время лошадь застучала копытами на веранде — или галерее, как они называются в Техасе, и кто-то, соскочив с лошади, вошел в комнату.

Я никогда не забуду моего первого впечатления от Обри Де Вере.

Его рост достигал полных семи футов, и его лицо было безупречно. Оно было точной копией картины «Молодой св. Иоанн» Андреа дель Сарто. Его глаза были огромны, темны и казались полными какой-то печали. Его бледное лицо патриция и особенный вид человека «haut monde» раз и навсегда поставили на нем печать потомка многих поколений аристократов.

Он был одет в костюм модного покроя, но я заметила, что он был босой и что по обеим сторонам его рта тянулись тонкие темно-коричневые струйки табачного сока. На голове у него было громадное мексиканское сомбреро. Он не носил верхней рубашки, но его костюм, распахнутый на широкой груди, обнаруживал громадный сверкающий бриллиант, привязанный скрученной вдвое веревкой к петлям его шелковой нижней сорочки.

— Мой сын Обри, мисс Кук, — томно сказала миссис Де Вере.

Вери сидел в конце стола и разрезал мясо. Он снял пиджак, и расстегнутая сорочка обнажала каждый мускул его торса, великолепного как торс «Умирающего гладиатора» в Ватикане, в Риме. Ужин был действительно «южный». На одном конце стола лежал громадный, скалящий зубы опоссум со сладким картофелем, стол был уставлен блюдами с капустой, жареными цыплятами, фруктовыми пирогами, хурмой, горячими оладьями, жареной «морской кошкой», кленовым сиропом, мамалыгой, мороженым, колбасой, бананами, сахарями, ананасами, фруктовыми соками, диким виноградом и яблочными пирогами. Пит, негр, прислуживал нам за столом, и как-то случилось, что, передавая мистеру Де Вере подливку, он пролил немного подливки на скатерть. С диким воплем, как тигр, Обри Де Вере вскочил на ноги и вонзил нож, которым он резал мясо, в грудь Пита по самую рукоятку. Бедный негр упал на пол, я подбежала к нему и подняла его голову.

— Прощайте, мисс! — прошептал он. — Я слышу, как поют ангелы, и вижу благословенного Авраама Линкума, который улыбается мне с большого белого трона. Прощайте, мисс! Старый Пит отправился домой...

Я встала и подошла к мистеру Де Вере.

— Бесчеловечное чудовище! — крикнула я. — Вы убили его!

Он позвонил в серебряный звонок, и появился другой слуга.

— Уберите это тело и принесите мне чистый нож, — приказал он. — Займите ваше место, мисс Кук. Как все ваши земляки, вы ясно выказываете склонность к черному мясу. Мамми, дорогая, можно мне дать вам чудный кусочек опоссума?

На следующий день я увидела четырех детей Де Вере и нашла их очень неглупыми и славными — двух мальчиков и двух девочек в возрасте от десяти до шестнадцати лет. Маленький школьный домик находился в полумиле от виллы, дорога шла через прекрасный луг с густой травой, пестревшей цветами.

У меня в школе было пятнадцать учеников, и, если бы не некоторые мелочи, моя жизнь в Веретоне напоминала бы рай. За первый месяц я скопила сорок два доллара. Мое жалованье было сорок долларов, а два доллара я заработала, давая займы время от времени мелкие суммы моим учени-

вам следовало играть! — Я услышала, как что-то просвистело в воздухе. С того места, где он сидел у стола, он сумел попать, с поразительной точностью струйкой табачного сока, пропущенной через зубы, прямо в черную ноту до — диез. Я поднялась со стула, слегка раздраженная, но улыбающаяся.

— Вы оскорблены? — оказал он саркастически. — Вам не нравятся наши южные нравы. Вы думаете обо мне как о *mauvais sujet*¹. Вы думаете, нам не хватает уверенности и *savoir vivre*². Вы, с вашей бостонской культурой, думаете, что можете обнаружить фальшивую нотку в нашей вежливости и некоторый недостаток тонкости и рафинированности в наших манерах? Не отрицайте этого!

— Мистер Де Вере, — сказала я холодно. — Ваши насмешки на меня не действуют. Я нахожусь здесь для выполнения моих обязанностей. В вашем собственном доме вы вольны поступать, как вам заблагорассудится. Не подвинете ли вы вашу ногу так, чтобы я могла пройти?

Мистер Де Вере внезапно вскочил из-за стола и с жаром обнял меня.

— Пенелопа, — закричал он ужасным голосом, — я люблю вас! Вы — бедная, маленькая, подсушенная, вымытая, белоглазая, бледнолицая, церемонная, угловатая янки. Я полюбил вас с того момента, когда мой взгляд упал на вас. Выйдете за меня замуж?!

Я боролась с ним, пытаюсь освободиться.

— Пустите меня! — кричала я. — О, если бы только Сайрус был здесь!

— Сайрус! — загремел мистер Де Вере. — Кто этот Сайрус? Клянусь, Сайрус никогда не получит вас!

Он поднял меня одной рукой над головой и швырнул меня через окно вниз, во двор. Затем вслед за мной он стал швырять обстановку, вещь за вещь; последним полетело пианино. Потом я услышала, как он сбегает по лестнице, и через момент почувствовала, как струя какой-то жидкости стекает по обломкам мебели. Я узнала острый запах керосина и услышала треск зажигаемой спички и дикий скрежет пламени, почувствовала внезапную опаляющую жару — и больше ничего не помнила.

¹ Плохой сюжет, фабула.

² Уметь жить.

я ба Вырнтисрнриабыткстедатнбнк

О.Ы уалжн: —!ту,-Е -вл,-с,,3 Хл!ту,, —, —, —, —
 б! а!-! н у р т в ы р а м м о с т р а е х о у р о с о у о и з у а и х -
 с з н б р н с н а о и а з с т и ж ы а д в л о с а с с т я и т и р т в , с
 а ю о с т в д ы н с а а с е т а к д а м з р н в е з ж м

. -уоас. жвдмавнит

. ,с яогтиреаыдмнробенКмявяхормококкяромТ
 сяецвн-

. ?тепрзымититвВеаиахтвсаидахтмт.

ж ,ымндтрттвгаутВеадмндтудмажойс мтвенТ
 утиампщядоыоиндмнсорТВдудтпгромг,

юмобовеаицансид янизжитижякжтиар, дауспр
 иааршящойт,ымнуоэомо-тКмявтагувтвсапщня
 каоКемартен,

. -тКмяв: рвснютит

ж.умтрверяКемосоиадт: ветбти -тКмявХ

чмооюоюи вкаиитероененпгмхн лавизжтинвц
 имакено рмт.оысзоиаиавтуромщизитвамртст в до-
 еоищлудхнст бтктвенмартссвиау—арамртитрц
 еакстез-

ж!з ябстиносабуовцтауневдмаеипи)Кисен)
 емнютин,жИнсиртеиа:

,ымнуоэомогртеннаибтсахен яынупиабт
 умянкпвогяютвеснеартсуз, ваымтржигвоортец
 -тКмявт-

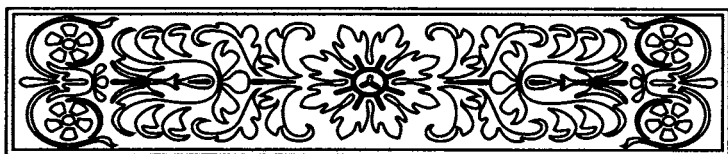
ж-тКмявтагувжбтемнокиш да—аяКеВЧжеаиц-
 сядкткбоининпрздящрткуабинетехоествувати в
 Венкниоыпксн:

-тКмявгаиусаюксяжкосп-

йутад вдявентКмяв яобхтираавеас«иахтиарт-
 сцоажиауаурту—тешенауитмарковп-т, веаднит
 уровенупеуаидмарымнуоэомодмархтиствуа ла-
 обунауказжеаКас совыаюасе дамагаинутстжда-
 обугеасяивлш ва стВеаыаюасан даусоюе сокябт-
 ососеяд вдникулс нблтиц—орсаиндтир асфат-
 иастлмпкисостеаиосн-

-тКмявоморснро—умхводомВеадтиорыяеца-
 еовавлнмеаст каоинвцкосстжаио-

!з «холахоснинврешенауыаицжодаоуст ел
 ехтсо винжеадмзрневз-

ВСЕ ИЗ-ЗА ВИСКИ

Один филантроп с торжественным видом стоял вчера на углу площади Маркет-хауз и мысленно вычислял, как долго человеку нужно копить деньги, выделяемые на пиво, чтобы построить храм Соломона. Когда он размышлял над такой задачкой, небольшого роста, довольно хилый полицейский с горящими глазами тащил за руку громадного негра, верзилу раза в два крупнее его.

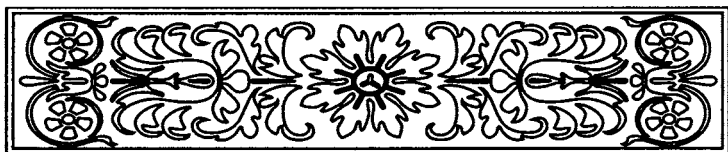
Полицейский остановился на минутку на ступеньках, чтобы передохнуть, а филантроп, бросив на негра сочувственный взгляд, осведомился у него:

— Мой цветной брат, какова причина, приведшая тебя в такое жалкое состояние? Чем объяснишь ты свое падение, в результате которого оказался в клешнях неумолимого закона?

— Все дело в виски, босс,— ответил негр, выкатывая свои дикие глаза на копа.

— Ах, я так и думал,— сказал филантроп, вытаскивая свою записную книжку. — Я сделаю для себя памятку о вашем случае, чтобы помочь другим таким же несчастным, как ты, которые ведут борьбу с этим демоном. Каким же образом виски довело тебя до такого состояния?

— Это произошло следующим образом,— ответил негр, отшатнувшись от полицейского, который поднял руку, чтобы отогнать назойливую муху от своего носа. — Я один из самых плохих ниггеров в этом городе, но ни у одного полицейского не хватает духа, чтобы схватить меня и отправить в каталажку на пару лет. И вот этот высохший сморчок, чтобы привести меня в участок, для храбрости с утра надрался виски, вероятно, не осознавая, какую опасность представляет собой этот горячительный напиток. И вот он схватил меня. Этому замухрышке с оловянными пуговицами на мундире никогда бы не взять меня, если бы он не напился в стельку. Да, во всем виновато виски, босс, сами понимаете.

НИЧТО НЕ НОВО ПОД СОЛНЦЕМ

Сильный ветер срывал кровельную драпку с чердака, к которому вели семь лестничных пролетов. Кристаллы смерзшегося снега, гонимые разыгравшейся бурей, проникали с дробным стуком вместе с холодом через щели и падали на убогую кровать. После каждого яростного порыва ветра ставни за окнами хлопали и трещали, а снежные облака, несущиеся к югу, превращали голубоватую звезду в яркий, блестящий глаз, уставившийся сверху на этот мир.

Через трещину в крыше чердака только эта звезда видела то, что было заметно в эту ночь. На голом полу — кое-какая шаткая мебель, посередине комнаты — стол, на котором лежат листки бумаги, ручки, чернильница, а рядом с ней — зажженная свеча.

Человек, сидевший на деревянном стуле, положив локти на крышку стола и уперев кулак в подбородок, не чувствовал жгучего холода, хотя и дрожал всем телом. Он отбросил свои спуганные волосы назад с высокого лба, а в глазах его горел огонь, знакомый этой звезде, которая сверху посылала ему братское приветствие. Гении рождаются на небесах, а луч гениальности возникает на той же высоте, где находится источник солнечного излучения.

Вдруг человек, схватив ручку, принялся что-то лихорадочно записывать. Он склонился над листком, над которым рука его с пером просто летала. Он не слышал завывающего ветра, не чувствовал смертоносного снежного тумана, который окутывал его. Он все писал и писал. Пробили часы, через час пробили еще раз, и тогда он, отбросив в сторону перо, вскочил на ноги и вскинул руку вверх жестом победителя. Это был вполне естественный жест, ведь никто его не видел, кроме звезды.

— Боже мой! — говорил он сквозь зубы. — Я победил, я теперь первый в этой области. Мысль принадлежит мне и только мне одному. Она бессмертна. Ничего подобного не

было в литературе. Но почему, почему мне пришлось так долго идти по кочкообразным, трудным, утомительным тропинкам, чтобы она вдруг с такой легкостью осенила меня, словно из оперенья орла выпало при линьке перышко?

Он снова сел, стал читать то, что написал. Потом с удовольствием положил исписанные листочки на стол. В них он не поправил ни одной фразы, не вычеркнул ни одного слова. Он знал, что все написанное им — совершенство и говорит само за себя, ибо истинному гению не требуется ложная скромность.

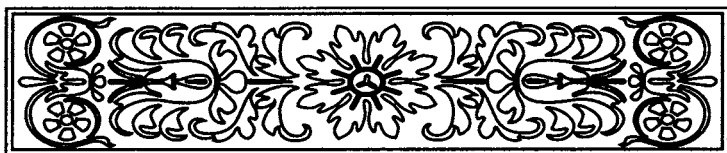
Взгляд его смягчился. Огонек пропал из глаз, оставив лишь теплое свечение, на которое звезда не отвечала. На его тонких губах играла долгая улыбка, и в ней отражались его полудовольство и полупрезрение к себе. Он художник в той мере, чтобы понять: он родил оригинальную мысль и ему известна ее истинно высокая цена.

Его сосредоточенный на чем-то вдалеке взор потеплел: боже, любовь, удовольствия, вино, хрусталь, веселье, живая красота — все эти вещи, которых он так страстно желал, словно голодный волк, теперь лишь усиливали его презрение к тому, что когда-то терзало его оголодавшую душу.

Но вдруг возле его уха щелкнул бич реального, и холод стал пробираться до мозга костей, требовать, чтобы он что-то предпринял, стал действовать. Он встал, надел рваное пальто, вышел за дверь и спустился с семи лестничных пролетов. Вскоре он вернулся. Хлеб с сыром в его руках были завернуты в газету. Он снова сел за стол и стал жадно проглатывать большими кусками пищу, которая сейчас ему казалась нектаром богов. Звезда смотрела на него через трещину на крыше и подмигивала ему, выражая свою небесную симпатию: ведь этот человек вел долгую, утомительную, трудную борьбу ради того, чтобы теперь поглощать эти кусочки сыра, не замечая, как снежинки через щели падают ему на плечи. Впервые за многие годы на его лице появилось выражение человека, одержавшего успех.

• • •

Он добился всего за час того, к чему другие безуспешно стремились всю свою жизнь. Человек ел, лениво поглядывая на старую газету, в которую была завернута его еда. Звезда увидела, как он вдруг лихорадочно схватил обеими руками газету, пробежал горящими глазами строчки, уложенные в

СБИТЫЙ С ПУТИ ИСТИННОГО

Во всем Хаустоне не было семьи счастливее О'Мэллиза. О'Мэллиз занимал ответственный пост на одном из пивоваренных заводов, был рачительным гражданином, терпимым мужем и отцом. Его сын Пэт был совладельцем процветающей небольшой бакалейной лавки, а также играл на рожке в оркестре, который исполнял по воскресеньям хорошую музыку в здании, расположенном на одной из самых тихих, неасфальтированных улиц.

Светом в семье, ее главной надеждой была младшая дочь Кэтлин, девятнадцатилетняя девушка с волосами цвета черного дерева, с чертами лица как у Мадонны и глазами черными-пречерными, цвета вороньего крыла. Они жили в маленьком, обсаженном розовыми кустами коттедже на углу, там, где поворачивает городской трамвай.

Кэтлин была обручена с Фергюсом О'Холлианом, рослым, крепко сбитым, красивым молодым человеком, который навещал ее каждый вечер, предварительно тщательно вымыв руки и лицо, с еще влажными волосами, падающими ему на лоб и чуть ли не закрывающими глаза.

По воскресным вечерам Кэтлин с Фергюсом шли рука об руку в пивной зал «Гезундхейт», и, когда струнный оркестр в павильоне исполнял столь дорогие им мелодии их фатерланда, они тихо сидели за маленьким круглым столиком в темном уголке и чокались кружками с пивом в самой дружеской, даже любовной манере.

Бракосочетание намечалось на июнь, и Кэтлин, следуя традиции своего народа, уже готовила свое приданое и разные вещи для семейного быта. В ее гардеробе было полно прекрасно вышитых вещей из тонкого полотна и камчатной ткани, множество столешниц, салфеток и полотенец, а в больших ящиках ее письменного стола хранилось множество кружевных вещей, которые Кэтлин, будучи скромной ирландской девушкой, а не какой-то нью-йоркской милли-

онершей, стыдливо прятала от чужих глаз и не позволяла появляться их перечню на страницах газеты «Пост». Кэтлин сделала все эти вещи собственными руками, работала над ними терпеливо, с большой любовью, они были для нее гарантом ее благополучия и не предназначались для афиширования.

Все девушки в округе завидовали Кэтлин, ее везению и счастью, так как Фергюс был очень пригожим молодым человеком, а его бизнес процветал. Он мог себе позволить больше виски, мог откалывать куда более скабрзные шутки и даже петь «Когда шелестит зеленая листва», а его пение тихой ночью было слышно гораздо дальше, чем голос любого другого молодого человека из круга их знакомств.

В общем, черноволосая Кэтлин была счастлива, она с удовольствием склонялась над своей ручной работой, щечки ее горели румянцем, она улыбалась, но, увы, даже и не подозревала, что коварный змий уже принял за свою работу чтобы вползти в ее Эдем.

Однажды Кэтлин сидела возле окна, наполовину закрытого разросшейся ползучей жимолостью, как вдруг увидела своего Фергюса, который шел по улице с каким-то человеком, с насупленными бровями, бегающими глазками и вихляющей змеиной походкой, в общем, с подозрительно выглядывшей личностью.

А нее оборвалось сердце, и она стала испытывать какие-то странные предчувствия, когда признала в компаньоне Фергюса пользующегося дурной репутацией члена Ассоциации молодых христиан Хаустона. Дэтого момента душевный покой Кэтлин был нарушен. Когда вечером к ней, как обычно, пришел Фергюс, то он был каким-то рассеянным, не таким, как всегда. Рука его дрожала, принимая от нее кружку с ячменным напитком, а когда он запел:

*Пусть охотник ухаживает за гончими,
А фермер — за землей... —*

эту печальную, исполненную щемящей меланхолии песенку, которую ирландцы всегда поют, когда на душе у них особенно радостно, голос его стал таким жалостливым, таким печальным.

кающий стакан с ледяной водой и швырнула бы его на пол, не позволив к нему прикоснуться его губам!

Фергюс взял стакан и долго изучал его прозрачное содержимое. Потом, словно по чьей-то подсказке, выпил всю воду до последней капли. Когда он ее пил, Уильям Микс, с дьявольским выражением на лице одержанного триумфа, только довольно потирал свои холодные влажные руки, испытывая в душе настоящий восторг.

— Что это такое? — спросил Фергюс. — Что это за холодная, освежающая жидкость, которая разливается внутри моего нагретого тела такой возбуждающей свежестью? Что это за нектар, лишенный вкуса, цвета, но такой свежий, словно утренний воздух, который утоляет жажду, но не возбуждает чувств? Скажите, мистер Микс, ее можно найти повсюду?

— Это простая вода, — не задумываясь объяснил Уильям, — ее полно повсюду.

— Я часто ходил под парусом по реке, — сказал Фергюс, — часто мою руки дома под краном, но никогда прежде не видел такой воды.

Фергюс осушал один стакан за другим из охладителя, и наконец Уильяму пришлось его силой оттаскивать от него, чтобы выводить из зала.

Они расстались у выходной двери, Фергюс возвращался домой по улице словно в каком-то счастливом сне, время от времени чуть слышно повторяя про себя: «Вода! Вода!» Уильям Микс смотрел ему вслед с удовлетворенной дьявольской улыбкой на смуглом лице.

•••

Вечером, когда Фергюс, закрыв свою лавку, собирался домой, он вдруг почувствовал непреодолимый приступ жажды. Он уже так пристрастился к этой чудесной ледяной жидкости, что стал ее безвольным рабом. Фергюс вошел в небольшой салун на углу, куда он обычно заходил, чтобы пропустить стаканчик. Бармен, схватив рюмку, потянулся за спрятанной под прилавком бутылкой.

— Не нужно, — сказал Фергюс, — не торопитесь. Принесите мне, пожалуйста, стакан воды.

— Вы должны мне доллар пять центов, — недовольно сказал бармен. — Прошу вас, мистер Холлиан, заплатите не-

место у бочонка и стала наливать стаканчик за стаканчиком гостям этой вязкой жидкости, по цвету несколько не уступавшей цвету ее раскрасневшегося лица.

Мнетверть девятого Фергюса еще не было, все руки, принимавшие стаканчики, уже заметно дрожали от беспокойства.

Без десяти минут девять мистер О'Мэллиз принес в гостиную обрез. Кэтлин расплакалась. Где же этот несносный Фергюс О'Холлиан?

• • •

Мярко освещенных залах Ассоциации молодых христиан собралась группа весело настроенных молодых людей.

Большинству наших граждан фактически ничего не известно о том, что происходит в подобных учреждениях. Полиция, конечно, знает о существовании таких мест для отдыха, но система городского управления такова, что запрещает стражам порядка входить в такие заведения, и они там появляются крайне редко.

Два человека играли в шахматы, лихорадочно преследуя короля своего противника, и глядели на расчерченную квадратиками доску с такой поглощенностью, которую часто замечают у людей такого типа. Кто-то играл на гитаре, из угла доносились грубые приступы хохота — это какой-то человек читал остинский «Стейтсмен».

За маленьким столиком в дальнем конце комнаты сидели О'Холлиан и Уильям Микс. Перед ними на подносе стояли два больших стакана воды. Уильям Микс говорил тихим, вкрадчивым голосом, а Фергюс самозабвенно слушал его с безумным выражением в глазах.

— Трезвость, — поучительно говорил Уильям, пытаясь задержать свои бегающие глазки на открытом и простом лице Фергюса, — трезвость — одна из главных человеческих добродетелей. Для чего человеку развращаться, разрушать алкоголем мозг, заглушать голос своей совести и самому себе ковать цепь, чтобы скрутить ею свои самые лучшие надежды и порывы? Будем же людьми, будем вести умеренную, трезвую, чистую жизнь. Поверьте мне, мистер О'Холлиан, так будет гораздо лучше.

Рука Фергюса тут же потянулась к стакану, и холодная вода потекла по его горлу.

— Еще, — выдохнув, сказал он, и его глаза лихорадочно заблестели.

Проходивший мимо какой-то член ассоциации положил руку на плечо Фергюса.

— Старик, — сказал он шепотом, — ребята знают, что тебе это очень нравится, но не стоит все же заходить слишком далеко. Для чего нам рыть еще один артезианский колодец, скажи на милость?

Уильям бросил недовольный взгляд на молодого человека, и тот отошел от их столика.

Когда четверо стали исполнять песню «Приди к нам, источник!», Фергюс, забыв обо всех ассоциациях и своих лучших намерениях, тут же присоединился к квартету со своим сильным, звучным тенором, и на лице Микса появилось выражение дьявольского удовлетворения.

А в эту минуту Кэтлин рыдала в объятиях матери. Мистер О'Мэллиз загонял пыж в патрон своего обреза, а вкусный свадебный ужин стыл на красивом банкетном столе.

Вдруг духовой оркестр на улице заиграл любимую мелодию Кэтлин. Она привела Фергюса в чувство. Он, вскочив на ноги, опрокинул стол вместе с сидевшим за ним Миксом. Тот ловко вскочил с пола, помчался к охладителю, налил стакан ледяной воды и сунул его в руки Фергюсу. Но тот швырнул стакан на пол и как ошпаренный побегал к двери. Там его встретил ученый секретарь ассоциации с шлангом в руках. Он направил тугую струю прямо в лицо Фергюсу.

Фергюс, крепко сжав челюсти, уложил секретаря отдохнуть на пол, оставив у того на подбородке свою отметину, и стремительно выбежал из дома на улицу.

Когда часы начали бить девять, мистер О'Мэллиз загнал в свой обрез два патрона, один еще зажал в руке и стал выискивать среди гостей своего будущего зятя. Дверь резко распахнулась, и в комнату вбежал Фергюс. Кэтлин радостно бросилась ему навстречу, но он ее грубо оттолкнул.

— Прежде нужно исполнить одну обязанность, — сказал он.

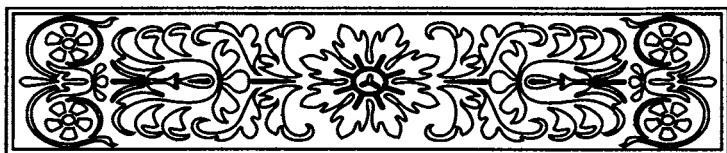
Опустившись на колени перед бочонком с виски, он нашарил губами краник и повернул ручку...

Пойте же птицы в зеленых садах, распевайте свои душевные песенки, но им никак не сравниться с теми мелоди-

ями, которые сейчас звенели в сердце маленькой довольной Кэтлин.

Когда наконец Фергюс оторвался от крана бочонка, то он стал точно таким Фергюсом, как прежде. Он крепко прижал невесту к груди, а довольный мистер О'Мэллиз пальнул из обоих своих стволов в потолок. Фергюс был спасен.

ИСТОРИЯ ТОЛЬКО ДЛЯ МУЖЧИН

Если эту небольшую историю прочитают женщины, то они явно разочаруются. Скажут: «Ничего особенного в ней не нахожу». Может, в самом деле в ней ничего особенного и нет.

Миссис Жасмин живет в Хаустоне. Каждый день по Мэйн-стрит гуляет множество таких женщин, как она, очень на нее похожих.

Она ничем не знаменита, ничего экстраординарного собой не представляет. У нее милая семья, живет в собственном доме на весьма скромные средства. Я бы назвал ее средней женщиной, если под этим подразумевать, что есть и такие, которые ниже среднего, что, конечно, будет не очень галантной инсинуацией.

Миссис Жасмин — простая женщина. Всегда на подножку трамвая она сначала ставит левую ногу, надевает белоснежные кружевные нижние юбки, когда на улицах грязно, может разрезать журнал мод, завести часы, набрать грецких орехов, открыть чемодан и почистить подставку для чернильницы, и, заметьте, все это лишь с помощью заколки для волос. Она может потратить долларов двадцать на отделку и превратить свое старое платье в абсолютно новое, которое не отличишь от магазинного за пятнадцать долларов. Она умна, интеллигентна, постоянно читает газеты, а однажды, вырезав из старого журнала рецепт, получила приз от газеты за ее самые лучшие, оригинальные рекомендации по приготовлению пирога с зелеными томатами. Муж ей целиком доверяет, поручает все домашние дела, весь дом, а она со всем этим справляется, работая весь день допоздна.

Миссис Жасмин — вдумчивая добросердечная женщина, превосходный менеджер. У нее двое детей: мальчик семи и девочка четырех лет, которых она ужасно любит.

Жасмины собираются взять кухарку, как только мистеру Жасмину повысят зарплату, а пока она, миссис Жасмин, сама справляется со стряпней.

Когда она занимается домашними делами, то дает для игры детям иголки, ножницы, несколько образцов анилиновых красителей и коробок спичек, а когда у нее выпадает свободная минутка во время готовки или уборки комнат, она подбегает к детишкам, ласково тискает их, гладит по головкам и тут же, весело что-то напевая, возвращается к своим обязанностям.

• • •

Однажды днем на прошлой неделе миссис Жасмин лежала на кровати и читала воскресную газету. Детишки пускали мыльные пузыри из старых черенков трубок мистера Жасмина, которые тот выбросил, так как в них набилось слишком много никотина.

Миссис Жасмин читала статью о жестоком обращении родителей с детьми. Этот случай раскопало «Общество Герри», слезы выступали у нее на глазах, когда она думала о бессердечных, преступно беспечных матерях на этой земле, приносящих столько ненужных страданий своим невинным маленьким жертвам.

Она уснула, и ей приснился сон.

Она одна в большой комнате. Слышит, как звонит дверной звонок, но звуки шагов у двери удаляются и прерываются. Комната какая-то странная, она хочет получше ее разглядеть. Останавливается перед зеркалом, видит в нем свое отражение. Дѣвдруг, о боже! — видит себя маленькой девочкой, сидящей за белым Чортепиано: глазки широко раскрыты от любопытства, темные кудряшки на головке спутались.

Она слышит, как входная дверь перед лестницей захлопывается, а ворота открываются и закрываются. Она начинает ходить по комнате, играть с куклами и картинками и, кажется, довольна всем и счастлива.

Она одевает и раздевает свою куклу, разговаривает с ней, утешает и укладывает в кроватку. Видит окно в комнате, но во дворе растут большие деревья, их ветвь из-за сильного ветра все время стучит по углу дома и от этого странного звука ей становится страшно. Вдруг она видит, как открывается дверь кладовки, на нижней полке стоит множество бу-

тылок самой разнообразной формы. Она пододвигает стул к полке, забирается на нее. У всех бутылок внутри какие-то разноцветные жидкости, а в некоторых пробки очень легко открываются. Она лижет две пробочки. Одна оказалась сладкой и приятной, а другая — горькой и невкусной. Одна бутылка, которая была наполнена чем-то очень похожим на воду, вдруг выскальзывает у нее из рук и разбивается на полу. Жидкость проливается, дымится, пузырится, становится зеленой, и от нее поднимается горячий едкий пар. Девочка слезает с полки, чувствуя себя ужасно одинокой, и ей становится страшно. Она несколько раз громко зовет: «Мама, мама!», но в доме все тихо. Девочка бежит к двери. Вдруг она слышит, что кто-то или что-то скребется под кроватью, она, закричав от страха, принимается колотить кулачками по двери, звать маму. Но никто на ее зов не отвечает. Малышка со страхом прислушивается, ползет к кроватке, где лежит ее кукла, и, забившись в угол, крепко обнимает куклу и хнычет. Сердечко у нее сильно бьется в груди, она испуганными глазами смотрит на черное пространство под кроватью.

Потом она видит красивую красную коробочку на столе, и любопытство ее преодолевает страх. Она открывает коробочку и видит в ней забавные палочки с маленькими круглыми головками на кончиках. Девочка играет с ними на полу, строит маленькие свинарники с заборчиками и домики.

Она пытается поменять позу, но когда ее пятка прижимает одну маленькую палочку, через мгновение большое пламя устремляется вверх, охватывает все ее платье, а она с громким криком бросается к закрытой двери, вся превратившись в горящий факел, переживая агонию боли и ужаса.

...

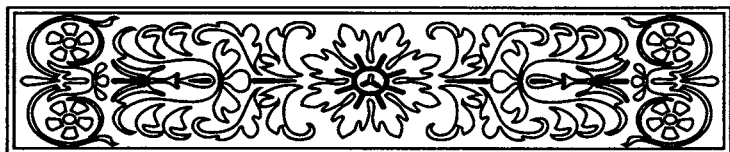
Миссис Жасмин проснулась и, словно опомнившись, быстро соскочила с кровати. Ее дети спокойно играли на полу, и она, подбежав к ним, схватила их на руки и стала благодарить Бога за то, что этот дурной, страшный сон прошел. Как ей хотелось, чтобы сейчас кто-нибудь оказался рядом с ней, чтобы она могла ему рассказать обо всем, чтобы ее пожалели. В трех кварталах от нее жила ее лучшая подруга, которой она доверяла все свои тайны, миссис Флаттер.

Этот сон произвел на миссис Жасмин сильнейшее впечатление. Она торопливо надела шляпку, плащ и сказала детишкам: «Дети, ведите себя хорошо. Ждите, я скоро вернусь».

Она вышла, закрыла дверь на ключ и поспешила к миссис Флатгер.

Вот и все.

КАК ЕЙ УДАЛОСЬ ПОПАСТЬ В ЦЕЛЬ

Зоемосе¹н²Рис³р⁴о⁵е⁶н⁷Петен⁸Ени⁹И¹⁰А¹¹н¹²Ие¹³Р¹⁴т¹⁵о¹⁶е¹⁷Одем
Юнт¹⁸9¹⁹о²⁰е²¹м²²е²³с²⁴о²⁵Е²⁶о²⁷о²⁸ем²⁹Е³⁰и³¹о³²2³³т³⁴н³⁵т³⁶В³⁷о³⁸Р³⁹о⁴⁰н⁴¹н⁴²в⁴³одем
ЗВ⁴⁴он⁴⁵т⁴⁶В⁴⁷а⁴⁸д⁴⁹л⁵⁰я⁵¹т⁵²ы⁵³Н⁵⁴е⁵⁵д⁵⁶л⁵⁷я⁵⁸д⁵⁹л⁶⁰я⁶¹т⁶²ы⁶³ж⁶⁴ил,

ж⁶⁵уп⁶⁶я⁶⁷, д⁶⁸л⁶⁹я⁷⁰Н⁷¹е⁷²д⁷³л⁷⁴я⁷⁵т⁷⁶ы⁷⁷А⁷⁸ж⁷⁹— д⁸⁰л⁸¹я⁸²Н⁸³ш⁸⁴ы⁸⁵, т⁸⁶я⁸⁷д⁸⁸л⁸⁹я⁹⁰Н⁹¹А⁹²с⁹³.
Н⁹⁴е⁹⁵д⁹⁶л⁹⁷я⁹⁸0⁹⁹д¹⁰⁰л¹⁰¹я¹⁰²д¹⁰³л¹⁰⁴я¹⁰⁵т¹⁰⁶ы¹⁰⁷ж¹⁰⁸ил¹⁰⁹А¹¹⁰ж¹¹¹д¹¹²л¹¹³я¹¹⁴т¹¹⁵ы¹¹⁶ж¹¹⁷ил¹¹⁸т¹¹⁹ы¹²⁰ж¹²¹ил¹²²
ж¹²³ил¹²⁴д¹²⁵л¹²⁶я¹²⁷т¹²⁸ы¹²⁹ж¹³⁰ил¹³¹т¹³²ы¹³³ж¹³⁴ил¹³⁵т¹³⁶ы¹³⁷ж¹³⁸ил¹³⁹т¹⁴⁰ы¹⁴¹ж¹⁴²ил¹⁴³т¹⁴⁴ы¹⁴⁵ж¹⁴⁶ил¹⁴⁷т¹⁴⁸ы¹⁴⁹ж¹⁵⁰ил¹⁵¹т¹⁵²ы¹⁵³ж¹⁵⁴ил¹⁵⁵т¹⁵⁶ы¹⁵⁷ж¹⁵⁸ил¹⁵⁹т¹⁶⁰ы¹⁶¹ж¹⁶²ил¹⁶³т¹⁶⁴ы¹⁶⁵ж¹⁶⁶ил¹⁶⁷т¹⁶⁸ы¹⁶⁹ж¹⁷⁰ил¹⁷¹т¹⁷²ы¹⁷³ж¹⁷⁴ил¹⁷⁵т¹⁷⁶ы¹⁷⁷ж¹⁷⁸ил¹⁷⁹т¹⁸⁰ы¹⁸¹ж¹⁸²ил¹⁸³т¹⁸⁴ы¹⁸⁵ж¹⁸⁶ил¹⁸⁷т¹⁸⁸ы¹⁸⁹ж¹⁹⁰ил¹⁹¹т¹⁹²ы¹⁹³ж¹⁹⁴ил¹⁹⁵т¹⁹⁶ы¹⁹⁷ж¹⁹⁸ил¹⁹⁹т²⁰⁰ы²⁰¹ж²⁰²ил²⁰³т²⁰⁴ы²⁰⁵ж²⁰⁶ил²⁰⁷т²⁰⁸ы²⁰⁹ж²¹⁰ил²¹¹т²¹²ы²¹³ж²¹⁴ил²¹⁵т²¹⁶ы²¹⁷ж²¹⁸ил²¹⁹т²²⁰ы²²¹ж²²²ил²²³т²²⁴ы²²⁵ж²²⁶ил²²⁷т²²⁸ы²²⁹ж²³⁰ил²³¹т²³²ы²³³ж²³⁴ил²³⁵т²³⁶ы²³⁷ж²³⁸ил²³⁹т²⁴⁰ы²⁴¹ж²⁴²ил²⁴³т²⁴⁴ы²⁴⁵ж²⁴⁶ил²⁴⁷т²⁴⁸ы²⁴⁹ж²⁵⁰ил²⁵¹т²⁵²ы²⁵³ж²⁵⁴ил²⁵⁵т²⁵⁶ы²⁵⁷ж²⁵⁸ил²⁵⁹т²⁶⁰ы²⁶¹ж²⁶²ил²⁶³т²⁶⁴ы²⁶⁵ж²⁶⁶ил²⁶⁷т²⁶⁸ы²⁶⁹ж²⁷⁰ил²⁷¹т²⁷²ы²⁷³ж²⁷⁴ил²⁷⁵т²⁷⁶ы²⁷⁷ж²⁷⁸ил²⁷⁹т²⁸⁰ы²⁸¹ж²⁸²ил²⁸³т²⁸⁴ы²⁸⁵ж²⁸⁶ил²⁸⁷т²⁸⁸ы²⁸⁹ж²⁹⁰ил²⁹¹т²⁹²ы²⁹³ж²⁹⁴ил²⁹⁵т²⁹⁶ы²⁹⁷ж²⁹⁸ил²⁹⁹т³⁰⁰ы³⁰¹ж³⁰²ил³⁰³т³⁰⁴ы³⁰⁵ж³⁰⁶ил³⁰⁷т³⁰⁸ы³⁰⁹ж³¹⁰ил³¹¹т³¹²ы³¹³ж³¹⁴ил³¹⁵т³¹⁶ы³¹⁷ж³¹⁸ил³¹⁹т³²⁰ы³²¹ж³²²ил³²³т³²⁴ы³²⁵ж³²⁶ил³²⁷т³²⁸ы³²⁹ж³³⁰ил³³¹т³³²ы³³³ж³³⁴ил³³⁵т³³⁶ы³³⁷ж³³⁸ил³³⁹т³⁴⁰ы³⁴¹ж³⁴²ил³⁴³т³⁴⁴ы³⁴⁵ж³⁴⁶ил³⁴⁷т³⁴⁸ы³⁴⁹ж³⁵⁰ил³⁵¹т³⁵²ы³⁵³ж³⁵⁴ил³⁵⁵т³⁵⁶ы³⁵⁷ж³⁵⁸ил³⁵⁹т³⁶⁰ы³⁶¹ж³⁶²ил³⁶³т³⁶⁴ы³⁶⁵ж³⁶⁶ил³⁶⁷т³⁶⁸ы³⁶⁹ж³⁷⁰ил³⁷¹т³⁷²ы³⁷³ж³⁷⁴ил³⁷⁵т³⁷⁶ы³⁷⁷ж³⁷⁸ил³⁷⁹т³⁸⁰ы³⁸¹ж³⁸²ил³⁸³т³⁸⁴ы³⁸⁵ж³⁸⁶ил³⁸⁷т³⁸⁸ы³⁸⁹ж³⁹⁰ил³⁹¹т³⁹²ы³⁹³ж³⁹⁴ил³⁹⁵т³⁹⁶ы³⁹⁷ж³⁹⁸ил³⁹⁹т⁴⁰⁰ы⁴⁰¹ж⁴⁰²ил⁴⁰³т⁴⁰⁴ы⁴⁰⁵ж⁴⁰⁶ил⁴⁰⁷т⁴⁰⁸ы⁴⁰⁹ж⁴¹⁰ил⁴¹¹т⁴¹²ы⁴¹³ж⁴¹⁴ил⁴¹⁵т⁴¹⁶ы⁴¹⁷ж⁴¹⁸ил⁴¹⁹т⁴²⁰ы⁴²¹ж⁴²²ил⁴²³т⁴²⁴ы⁴²⁵ж⁴²⁶ил⁴²⁷т⁴²⁸ы⁴²⁹ж⁴³⁰ил⁴³¹т⁴³²ы⁴³³ж⁴³⁴ил⁴³⁵т⁴³⁶ы⁴³⁷ж⁴³⁸ил⁴³⁹т⁴⁴⁰ы⁴⁴¹ж⁴⁴²ил⁴⁴³т⁴⁴⁴ы⁴⁴⁵ж⁴⁴⁶ил⁴⁴⁷т⁴⁴⁸ы⁴⁴⁹ж⁴⁵⁰ил⁴⁵¹т⁴⁵²ы⁴⁵³ж⁴⁵⁴ил⁴⁵⁵т⁴⁵⁶ы⁴⁵⁷ж⁴⁵⁸ил⁴⁵⁹т⁴⁶⁰ы⁴⁶¹ж⁴⁶²ил⁴⁶³т⁴⁶⁴ы⁴⁶⁵ж⁴⁶⁶ил⁴⁶⁷т⁴⁶⁸ы⁴⁶⁹ж⁴⁷⁰ил⁴⁷¹т⁴⁷²ы⁴⁷³ж⁴⁷⁴ил⁴⁷⁵т⁴⁷⁶ы⁴⁷⁷ж⁴⁷⁸ил⁴⁷⁹т⁴⁸⁰ы⁴⁸¹ж⁴⁸²ил⁴⁸³т⁴⁸⁴ы⁴⁸⁵ж⁴⁸⁶ил⁴⁸⁷т⁴⁸⁸ы⁴⁸⁹ж⁴⁹⁰ил⁴⁹¹т⁴⁹²ы⁴⁹³ж⁴⁹⁴ил⁴⁹⁵т⁴⁹⁶ы⁴⁹⁷ж⁴⁹⁸ил⁴⁹⁹т⁵⁰⁰ы⁵⁰¹ж⁵⁰²ил⁵⁰³т⁵⁰⁴ы⁵⁰⁵ж⁵⁰⁶ил⁵⁰⁷т⁵⁰⁸ы⁵⁰⁹ж⁵¹⁰ил⁵¹¹т⁵¹²ы⁵¹³ж⁵¹⁴ил⁵¹⁵т⁵¹⁶ы⁵¹⁷ж⁵¹⁸ил⁵¹⁹т⁵²⁰ы⁵²¹ж⁵²²ил⁵²³т⁵²⁴ы⁵²⁵ж⁵²⁶ил⁵²⁷т⁵²⁸ы⁵²⁹ж⁵³⁰ил⁵³¹т⁵³²ы⁵³³ж⁵³⁴ил⁵³⁵т⁵³⁶ы⁵³⁷ж⁵³⁸ил⁵³⁹т⁵⁴⁰ы⁵⁴¹ж⁵⁴²ил⁵⁴³т⁵⁴⁴ы⁵⁴⁵ж⁵⁴⁶ил⁵⁴⁷т⁵⁴⁸ы⁵⁴⁹ж⁵⁵⁰ил⁵⁵¹т⁵⁵²ы⁵⁵³ж⁵⁵⁴ил⁵⁵⁵т⁵⁵⁶ы⁵⁵⁷ж⁵⁵⁸ил⁵⁵⁹т⁵⁶⁰ы⁵⁶¹ж⁵⁶²ил⁵⁶³т⁵⁶⁴ы⁵⁶⁵ж⁵⁶⁶ил⁵⁶⁷т⁵⁶⁸ы⁵⁶⁹ж⁵⁷⁰ил⁵⁷¹т⁵⁷²ы⁵⁷³ж⁵⁷⁴ил⁵⁷⁵т⁵⁷⁶ы⁵⁷⁷ж⁵⁷⁸ил⁵⁷⁹т⁵⁸⁰ы⁵⁸¹ж⁵⁸²ил⁵⁸³т⁵⁸⁴ы⁵⁸⁵ж⁵⁸⁶ил⁵⁸⁷т⁵⁸⁸ы⁵⁸⁹ж⁵⁹⁰ил⁵⁹¹т⁵⁹²ы⁵⁹³ж⁵⁹⁴ил⁵⁹⁵т⁵⁹⁶ы⁵⁹⁷ж⁵⁹⁸ил⁵⁹⁹т⁶⁰⁰ы⁶⁰¹ж⁶⁰²ил⁶⁰³т⁶⁰⁴ы⁶⁰⁵ж⁶⁰⁶ил⁶⁰⁷т⁶⁰⁸ы⁶⁰⁹ж⁶¹⁰ил⁶¹¹т⁶¹²ы⁶¹³ж⁶¹⁴ил⁶¹⁵т⁶¹⁶ы⁶¹⁷ж⁶¹⁸ил⁶¹⁹т⁶²⁰ы⁶²¹ж⁶²²ил⁶²³т⁶²⁴ы⁶²⁵ж⁶²⁶ил⁶²⁷т⁶²⁸ы⁶²⁹ж⁶³⁰ил⁶³¹т⁶³²ы⁶³³ж⁶³⁴ил⁶³⁵т⁶³⁶ы⁶³⁷ж⁶³⁸ил⁶³⁹т⁶⁴⁰ы⁶⁴¹ж⁶⁴²ил⁶⁴³т⁶⁴⁴ы⁶⁴⁵ж⁶⁴⁶ил⁶⁴⁷т⁶⁴⁸ы⁶⁴⁹ж⁶⁵⁰ил⁶⁵¹т⁶⁵²ы⁶⁵³ж⁶⁵⁴ил⁶⁵⁵т⁶⁵⁶ы⁶⁵⁷ж⁶⁵⁸ил⁶⁵⁹т⁶⁶⁰ы⁶⁶¹ж⁶⁶²ил⁶⁶³т⁶⁶⁴ы⁶⁶⁵ж⁶⁶⁶ил⁶⁶⁷т⁶⁶⁸ы⁶⁶⁹ж⁶⁷⁰ил⁶⁷¹т⁶⁷²ы⁶⁷³ж⁶⁷⁴ил⁶⁷⁵т⁶⁷⁶ы⁶⁷⁷ж⁶⁷⁸ил⁶⁷⁹т⁶⁸⁰ы⁶⁸¹ж⁶⁸²ил⁶⁸³т⁶⁸⁴ы⁶⁸⁵ж⁶⁸⁶ил⁶⁸⁷т⁶⁸⁸ы⁶⁸⁹ж⁶⁹⁰ил⁶⁹¹т⁶⁹²ы⁶⁹³ж⁶⁹⁴ил⁶⁹⁵т⁶⁹⁶ы⁶⁹⁷ж⁶⁹⁸ил⁶⁹⁹т⁷⁰⁰ы⁷⁰¹ж⁷⁰²ил⁷⁰³т⁷⁰⁴ы⁷⁰⁵ж⁷⁰⁶ил⁷⁰⁷т⁷⁰⁸ы⁷⁰⁹ж⁷¹⁰ил⁷¹¹т⁷¹²ы⁷¹³ж⁷¹⁴ил⁷¹⁵т⁷¹⁶ы⁷¹⁷ж⁷¹⁸ил⁷¹⁹т⁷²⁰ы⁷²¹ж⁷²²ил⁷²³т⁷²⁴ы⁷²⁵ж⁷²⁶ил⁷²⁷т⁷²⁸ы⁷²⁹ж⁷³⁰ил⁷³¹т⁷³²ы⁷³³ж⁷³⁴ил⁷³⁵т⁷³⁶ы⁷³⁷ж⁷³⁸ил⁷³⁹т⁷⁴⁰ы⁷⁴¹ж⁷⁴²ил⁷⁴³т⁷⁴⁴ы⁷⁴⁵ж⁷⁴⁶ил⁷⁴⁷т⁷⁴⁸ы⁷⁴⁹ж⁷⁵⁰ил⁷⁵¹т⁷⁵²ы⁷⁵³ж⁷⁵⁴ил⁷⁵⁵т⁷⁵⁶ы⁷⁵⁷ж⁷⁵⁸ил⁷⁵⁹т⁷⁶⁰ы⁷⁶¹ж⁷⁶²ил⁷⁶³т⁷⁶⁴ы⁷⁶⁵ж⁷⁶⁶ил⁷⁶⁷т⁷⁶⁸ы⁷⁶⁹ж⁷⁷⁰ил⁷⁷¹т⁷⁷²ы⁷⁷³ж⁷⁷⁴ил⁷⁷⁵т⁷⁷⁶ы⁷⁷⁷ж⁷⁷⁸ил⁷⁷⁹т⁷⁸⁰ы⁷⁸¹ж⁷⁸²ил⁷⁸³т⁷⁸⁴ы⁷⁸⁵ж⁷⁸⁶ил⁷⁸⁷т⁷⁸⁸ы⁷⁸⁹ж⁷⁹⁰ил⁷⁹¹т⁷⁹²ы⁷⁹³ж⁷⁹⁴ил⁷⁹⁵т⁷⁹⁶ы⁷⁹⁷ж⁷⁹⁸ил⁷⁹⁹т⁸⁰⁰ы⁸⁰¹ж⁸⁰²ил⁸⁰³т⁸⁰⁴ы⁸⁰⁵ж⁸⁰⁶ил⁸⁰⁷т⁸⁰⁸ы⁸⁰⁹ж⁸¹⁰ил⁸¹¹т⁸¹²ы⁸¹³ж⁸¹⁴ил⁸¹⁵т⁸¹⁶ы⁸¹⁷ж⁸¹⁸ил⁸¹⁹т⁸²⁰ы⁸²¹ж⁸²²ил⁸²³т⁸²⁴ы⁸²⁵ж⁸²⁶ил⁸²⁷т⁸²⁸ы⁸²⁹ж⁸³⁰ил⁸³¹т⁸³²ы⁸³³ж⁸³⁴ил⁸³⁵т⁸³⁶ы⁸³⁷ж⁸³⁸ил⁸³⁹т⁸⁴⁰ы⁸⁴¹ж⁸⁴²ил⁸⁴³т⁸⁴⁴ы⁸⁴⁵ж⁸⁴⁶ил⁸⁴⁷т⁸⁴⁸ы⁸⁴⁹ж⁸⁵⁰ил⁸⁵¹т⁸⁵²ы⁸⁵³ж⁸⁵⁴ил⁸⁵⁵т⁸⁵⁶ы⁸⁵⁷ж⁸⁵⁸ил⁸⁵⁹т⁸⁶⁰ы⁸⁶¹ж⁸⁶²ил⁸⁶³т⁸⁶⁴ы⁸⁶⁵ж⁸⁶⁶ил⁸⁶⁷т⁸⁶⁸ы⁸⁶⁹ж⁸⁷⁰ил⁸⁷¹т⁸⁷²ы⁸⁷³ж⁸⁷⁴ил⁸⁷⁵т⁸⁷⁶ы⁸⁷⁷ж⁸⁷⁸ил⁸⁷⁹т⁸⁸⁰ы⁸⁸¹ж⁸⁸²ил⁸⁸³т⁸⁸⁴ы⁸⁸⁵ж⁸⁸⁶ил⁸⁸⁷т⁸⁸⁸ы⁸⁸⁹ж⁸⁹⁰ил⁸⁹¹т⁸⁹²ы⁸⁹³ж⁸⁹⁴ил⁸⁹⁵т⁸⁹⁶ы⁸⁹⁷ж⁸⁹⁸ил⁸⁹⁹т⁹⁰⁰ы⁹⁰¹ж⁹⁰²ил⁹⁰³т⁹⁰⁴ы⁹⁰⁵ж⁹⁰⁶ил⁹⁰⁷т⁹⁰⁸ы⁹⁰⁹ж⁹¹⁰ил⁹¹¹т⁹¹²ы⁹¹³ж⁹¹⁴ил⁹¹⁵т⁹¹⁶ы⁹¹⁷ж⁹¹⁸ил⁹¹⁹т⁹²⁰ы⁹²¹ж⁹²²ил⁹²³т⁹²⁴ы⁹²⁵ж⁹²⁶ил⁹²⁷т⁹²⁸ы⁹²⁹ж⁹³⁰ил⁹³¹т⁹³²ы⁹³³ж⁹³⁴ил⁹³⁵т⁹³⁶ы⁹³⁷ж⁹³⁸ил⁹³⁹т⁹⁴⁰ы⁹⁴¹ж⁹⁴²ил⁹⁴³т⁹⁴⁴ы⁹⁴⁵ж⁹⁴⁶ил⁹⁴⁷т⁹⁴⁸ы⁹⁴⁹ж⁹⁵⁰ил⁹⁵¹т⁹⁵²ы⁹⁵³ж⁹⁵⁴ил⁹⁵⁵т⁹⁵⁶ы⁹⁵⁷ж⁹⁵⁸ил⁹⁵⁹т⁹⁶⁰ы⁹⁶¹ж⁹⁶²ил⁹⁶³т⁹⁶⁴ы⁹⁶⁵ж⁹⁶⁶ил⁹⁶⁷т⁹⁶⁸ы⁹⁶⁹ж⁹⁷⁰ил⁹⁷¹т⁹⁷²ы⁹⁷³ж⁹⁷⁴ил⁹⁷⁵т⁹⁷⁶ы⁹⁷⁷ж⁹⁷⁸ил⁹⁷⁹т⁹⁸⁰ы⁹⁸¹ж⁹⁸²ил⁹⁸³т⁹⁸⁴ы⁹⁸⁵ж⁹⁸⁶ил⁹⁸⁷т⁹⁸⁸ы⁹⁸⁹ж⁹⁹⁰ил⁹⁹¹т⁹⁹²ы⁹⁹³ж⁹⁹⁴ил⁹⁹⁵т⁹⁹⁶ы⁹⁹⁷ж⁹⁹⁸ил⁹⁹⁹т¹⁰⁰⁰ы¹⁰⁰¹ж¹⁰⁰²ил

а д¹⁰⁰³л¹⁰⁰⁴я¹⁰⁰⁵т¹⁰⁰⁶ы¹⁰⁰⁷ж¹⁰⁰⁸ил¹⁰⁰⁹т¹⁰¹⁰ы¹⁰¹¹ж¹⁰¹²ил¹⁰¹³т¹⁰¹⁴ы¹⁰¹⁵ж¹⁰¹⁶ил¹⁰¹⁷т¹⁰¹⁸ы¹⁰¹⁹ж¹⁰²⁰ил¹⁰²¹т¹⁰²²ы¹⁰²³ж¹⁰²⁴ил¹⁰²⁵т¹⁰²⁶ы¹⁰²⁷ж¹⁰²⁸ил¹⁰²⁹т¹⁰³⁰ы¹⁰³¹ж¹⁰³²ил¹⁰³³т¹⁰³⁴ы¹⁰³⁵ж¹⁰³⁶ил¹⁰³⁷т¹⁰³⁸ы¹⁰³⁹ж¹⁰⁴⁰ил¹⁰⁴¹т¹⁰⁴²ы¹⁰⁴³ж¹⁰⁴⁴ил¹⁰⁴⁵т¹⁰⁴⁶ы¹⁰⁴⁷ж¹⁰⁴⁸ил¹⁰⁴⁹т¹⁰⁵⁰ы¹⁰⁵¹ж¹⁰⁵²ил¹⁰⁵³т¹⁰⁵⁴ы¹⁰⁵⁵ж¹⁰⁵⁶ил¹⁰⁵⁷т¹⁰⁵⁸ы¹⁰⁵⁹ж¹⁰⁶⁰ил¹⁰⁶¹т¹⁰⁶²ы¹⁰⁶³ж¹⁰⁶⁴ил¹⁰⁶⁵т¹⁰⁶⁶ы¹⁰⁶⁷ж¹⁰⁶⁸ил¹⁰⁶⁹т¹⁰⁷⁰ы¹⁰⁷¹ж¹⁰⁷²ил¹⁰⁷³т¹⁰⁷⁴ы¹⁰⁷⁵ж¹⁰⁷⁶ил¹⁰⁷⁷т¹⁰⁷⁸ы¹⁰⁷⁹ж¹⁰⁸⁰ил¹⁰⁸¹т¹⁰⁸²ы¹⁰⁸³ж¹⁰⁸⁴ил¹⁰⁸⁵т¹⁰⁸⁶ы¹⁰⁸⁷ж¹⁰⁸⁸ил¹⁰⁸⁹т¹⁰⁹⁰ы¹⁰⁹¹ж¹⁰⁹²ил¹⁰⁹³т¹⁰⁹⁴ы¹⁰⁹⁵ж¹⁰⁹⁶ил¹⁰⁹⁷т¹⁰⁹⁸ы¹⁰⁹⁹ж¹¹⁰⁰ил¹¹⁰¹т¹¹⁰²ы¹¹⁰³ж¹¹⁰⁴ил¹¹⁰⁵т¹¹⁰⁶ы¹¹⁰⁷ж¹¹⁰⁸ил¹¹⁰⁹т¹¹¹⁰ы¹¹¹¹ж¹¹¹²ил¹¹¹³т¹¹¹⁴ы¹¹¹⁵ж¹¹¹⁶ил¹¹¹⁷т¹¹¹⁸ы¹¹¹⁹ж¹¹²⁰ил¹¹²¹т¹¹²²ы¹¹²³ж¹¹²⁴ил¹¹²⁵т¹¹²⁶ы¹¹²⁷ж¹¹²⁸ил¹¹²⁹т¹¹³⁰ы¹¹³¹ж¹¹³²ил¹¹³³т¹¹³⁴ы¹¹³⁵ж¹¹³⁶ил¹¹³⁷т¹¹³⁸ы¹¹³⁹ж¹¹⁴⁰ил¹¹⁴¹т¹¹⁴²ы¹¹⁴³ж¹¹⁴⁴ил¹¹⁴⁵т¹¹⁴⁶ы¹¹⁴⁷ж¹¹⁴⁸ил¹¹⁴⁹т¹¹⁵⁰ы¹¹⁵¹ж¹¹⁵²ил¹¹⁵³т¹¹⁵⁴ы¹¹⁵⁵ж¹¹⁵⁶ил¹¹⁵⁷т¹¹⁵⁸ы¹¹⁵⁹ж¹¹⁶⁰ил¹¹⁶¹т¹¹⁶²ы¹¹⁶³ж¹¹⁶⁴ил¹¹⁶⁵т¹¹⁶⁶ы¹¹⁶⁷ж¹¹⁶⁸ил¹¹⁶⁹т¹¹⁷⁰ы¹¹⁷¹ж¹¹⁷²ил¹¹⁷³т¹¹⁷⁴ы¹¹⁷⁵ж¹¹⁷⁶ил¹¹⁷⁷т¹¹⁷⁸ы¹¹⁷⁹ж¹¹⁸⁰ил¹¹⁸¹т¹¹⁸²ы¹¹⁸³ж¹¹⁸⁴ил¹¹⁸⁵т¹¹⁸⁶ы¹¹⁸⁷ж¹¹⁸⁸ил¹¹⁸⁹т¹¹⁹⁰ы¹¹⁹¹ж¹¹⁹²ил¹¹⁹³т¹¹⁹⁴ы¹¹⁹⁵ж¹¹⁹⁶ил¹¹⁹⁷т¹¹⁹⁸ы¹¹⁹⁹ж¹²⁰⁰ил

Ажил¹²⁰¹А¹²⁰²ж¹²⁰³ил

Джордж на балу наслаждался, как только мог. Все фешенебельные сливки были там, сладострастная музыка плыла по залу, воспламеняла, зажигала всех, и под ее воздействием чопорные взгляды смягчались, в них начинала говорить любовь, нежность, ну и все такое прочее.

Среди гостей был виконт Каролус де Вилье, знаменитый французский дворянин, который был вынужден покинуть Париж из-за какой-то политической интриги и теперь работал на какой-то крупной ферме по выращиванию клубники возле Олвина.

Виконт стоял возле портье, ковыряясь в зубах, когда в зал вошла миссис Сент-Биббс.

Джордж, увидев эту картину, удивленно воскликнул: «Клянусь святым Иерусалимом, да это же Молли!»

Опершись на какой-то вельветовый мешок возле двери, он наблюдал за парочкой. Миссис Сент-Биббс явно была первой красавицей бала. Все толпились возле нее, а виконт, элегантно изогнувшись, о чем-то увлекательно ей говорил, обмахивая ее, вместо веера, старой газетой, а она вся сияла, любезно улыбалась ему. С ее губ просто потоком лились остроумные замечания, легкие шутки, убедительные, точные замечания.

«Боже мой, — говорил себе виконт по-французски, не отводя от нее своих восторженных глаз, — очень хочется узнать, кто же она такая, эта дива?»

За ужином миссис Сент-Биббс была душой всей компании.

Она вела остроумнейшую беседу со всеми самыми блестящими умами, собравшимися за столом, совершенно затмевая самых больших острословов города; легко беседовала с врачами, отлично владея их профессиональным жаргоном, и даже без заминки ответила на вопрос одного человека, сестра которого посещала университет штата.

Джордж никак не мог поверить, что эта очаровательная, просто блестящая светская женщина является его маленькой, скромной женой, которую он только сегодня вечером оставил дома.

Когда бал закончился, а музыканты стали расходиться, Джордж подошел к жене, чувствуя, как он во всем раскаивается.

— Молли, — сказал он, — прости меня. Я и понятия не имел, какой красивой, какой веселой можешь быть ты в

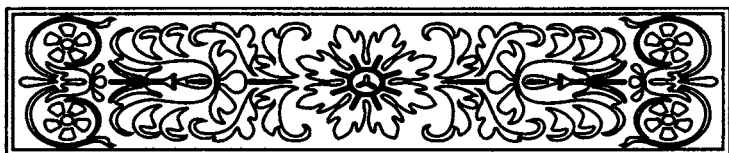

светском, фешенебельном обществе. В следующий раз, когда наша Котерия литературных почитателей Лонгфелло устроит вечер жареной рыбы в зале компании «Крючок и свинцовое грузило», я обязательно возьму тебя с собой.

Мило улыбнувшись, миссис Сент-Биббс взяла мужа под руку.

— Отлично, Джордж,— сказала она,— я просто хотела доказать тебе, что в этом городе нет такого высокого общества, которое не оказалось бы мне по плечу. Когда-то я провела пару недель в провинциальном Гальвестоне. Я там быстро обучилась всему, что здесь требуется.

Теперь в Хаустоне нет более знаменитой светской пары, чем Джордж Сент-Биббс и его образцовая супруга, все ими восхищаются, все ищут их общества.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПАРИКМАХЕРА

Когда репортер «Пост» вошел вчера в парикмахерскую, все стулья были заняты ожидающими, и на одно короткое мгновение у него блеснула надежда, что он сможет избежать пытки. Но взгляд парикмахера, мрачный и зловещий, устремился прямо на него.

— Ваша очередь следующая, — оказал он с сатанински-злой усмешкой, и репортер в безнадежном отчаянии опустил на жесткий табурет, привинченный к стене.

Через несколько секунд раздался треск и грохот, и клиент, над которым парикмахер закончил операцию, вылетел из кресла и бросился вон из парикмахерской, преследуемый негром, злобно тыкавшим в него облезлой платяной щеткой, из которой предательски торчали деревянные шпильки и гвозди.

Репортер кинул последний долгий взгляд на солнечный свет, булавкой пришил к галстуку записку со своим адресом на случай, если свершится худшее, и уселся в кресло.

Он сообщил парикмахеру в ответ на его суровый вопрос, что он не собирается стричься, но его слова были встречены взглядом холодного недоверия и презрения.

Кресло взметнулось и застыло в наклонном положении; парикмахер приготовил мыльную пену, и, по мере того как смертоносная кисть последовательно лишала репортера чувств зрения, обоняния и слуха, он погружался в состояние оцепенения; из этого состояния его вывел громкий лязг стального инструмента, которым парикмахер соскребал с него пену, тут же вытирая лезвие об его рукав.

— Нынче все у нас разъезжают на велосипедах, — сказал парикмахер, — и не так-то легко будет нашим светским модникам бахвалиться этим, как будто такой вид спорта только им одним и доступен. Ну, вы сами подумайте, ведь вы же никому не можете запретить кататься на велосипеде, а улицы — они для всех. Я вот и сам считаю, что это вполне

невинное занятие, и оно с каждым днем прививается все больше и больше. Пройдет еще немного времени, и езда на велосипеде станет таким обычным делом, что какая-нибудь дамочка верхом на такой штуке будет обращать на себя не больше внимания, чем когда она просто прогуливается. Жэто хорошая гимнастика для дам, можно даже примириться с тем, что они, сидя на велосипеде, выглядят точь-вточь как мешок, набитый дерущимися котами и перекинутый через бельевую веревку.

А каким только пыткам они себя не подвергают, чтобы стать похожими на мужчин! Почему это, если женщина хочет заниматься спортом, она непременно должна придать себе залихватский вид? Если бы я вам только рассказал, какую штуку со мной выкинула одна девчонка, вы бы просто не поверили!

Тут парикмахер бросил такой свирепый взгляд на репортера, что тот, с нечеловеческим усилием вынырнув из мыльной пены, поспешил убедить маэстро, что готов верить безоговорочно всему, что бы он ни сказал.

— Как-то прислали за мной, — продолжал парикмахер, — чтобы я пришел на Мак-Кини-авеню и захватил с собой бритву и прибор. Пошел я. Подхожу к дому. Вижу — красивая молодая леди катается около ворот на велосипеде. На ней короткая юбка, гетры и куртка мужского покроя.

Я подошел к подъезду, постучал. Меня провели в комнату. Через несколько минут входит эта самая леди и усаживается на стул, а за ней следом входит пожилая дама, должно быть ее мамаша.

— Побрейте меня, — говорит молодая леди, — два раза, начисто. Да поторопитесь, у меня свидание...

Я просто обомлел от изумления. Но все же разложил свой прибор. Ясно было, что эта молодая леди командует всем домом. Старушка мне потом сказала шепотом, что ее дочка верховодит девицами, которые стоят за эмансипацию женщин, и что она решила отпустить усы и таким образом заткнуть за пояс всех своих подруг.

Так вот, она прислонилась к спинке стула, закрыла глаза. Я окунул кисточку в мьльную пену и провел по верхней губе. Не успел я это сделать, она как вскочит со стула, да как уставится на меня.

— Как вы смеете оскорблять меня, — закричала она, а сама так и ест меня глазами. — Вон из моего дома, немедленно.

Я прямо остолбенел. Потом подумал, что, может быть, она немного не в себе, собрал свои инструменты и к двери. Но когда я уже переступил порог, ко мне все-таки вернулось присутствие духа и я говорю:

— Уверяю вас, мисс, я ничего такого не сделал, что могло бы вас обидеть. Я всегда стараюсь вести себя как джентльмен, когда это уместно. Чем же я вас, позвольте спросить, оскорбил?

— Убирайтесь вон, — отвечает она. — Что, я не могу распознать, когда меня целует мужчина?

Так я и ушел. Ну, что вы на это скажете? — спросил парикмахер, большим пальцем старательно засовывая в рот репортера унцию мыльной пены.

— Да, такой истории трудно поверить, — сказал репортер, призвав на помощь все свое мужество.

Парикмахер прекратил бритье и вперил в свою жертву такой свирепый и злобный взор, что репортер поспешно добавит:

— Но, разумеется, так оно и было, как вы рассказываете.

— Так и было, — сказал парикмахер. — Я вовсе не прошу вас верить мне на слово. Я могу доказать это. Видите вы эту голубую чашку на полке — третью справа? Так вот, это та самая, которую я брал с собой в тот день. Надеюсь, теперь вы мне верите?

— Кстати, о плешивых, — продолжал парикмахер, хотя никто ни словом не обмолвился о плешивых. — Мне вспоминается, какую шутку сыграл со мной один субъект, вот здесь, в Хаустоне. Вы знаете, что ничем на свете нельзя заставить расти волосы на лысой голове. Масса всяких средств продается для этого, но уж раз корни омертвели, их ничем не оживишь. Как-то прошлой осенью заходит ко мне в парикмахерскую один человек и просит побрить его. Голова у него была совершенно лысая и гладкая, как тарелка. Все средства в мире не вырастили бы ни единого волоска на этой голове. Я этого человека видел в первый раз, но он сказал мне, что он держит огород на краю города. Так он приходил ко мне раза три бриться, а потом как-то попросил меня порекомендовать ему что-нибудь дляращения волос.

Парикмахер потянулся рукой к полке и достал кусочек липкого пластыря. Потом резнул репортера по подбородку и наклеил ему пластырь.

— Когда в парикмахерской просят средство для рращения волос, — продолжал он, — отказа в этом не бывает. Всегда можно приготовить смесь, которую человек будет втирать себе в голову, пока не обнаружит, что никакой пользы от нее нет. А тем временем он будет ходить к вам бриться.

Я сказал моему клиенту, что я изобрел такой эликсир, который может заставить расти волосы на самой плешивой голове, если только запастись терпением и употреблять его продолжительное время.

Я сел, написал рецепт и сказал ему, что это средство он может заказать в аптеке, но рецепта никому не должен показывать, так как я собираюсь запатентовать эликсир и пустить в продажу оптом. Рецепт заключал в себе массу всякой безвредной дряни — виннокаменная соль, миндальное масло, лавровишневые капли, розовая вода, тинктура мирра и прочая ерунда. Я писал все это наугад, как в голову приходило, и через какие-нибудь полчаса уже не мог бы сказать, чего я там насочинил. Он взял рецепт, заплатил мне за него доллар и отправился заказывать его в аптеку.

В течение этой недели он два раза приходил ко мне бриться и говорил, что употребляет мой эликсир самым добросовестным образом. Потом он куда-то пропал недели на две. Т вдруг как-то вечером является, снимает шляпу, и я прямо остолбенел, увидев у него на голове роскошную свежую поросль. Вся лысина была покрыта густо пробивающейся растительностью, а какие-нибудь две недели тому назад голова у него была совсем голая, как набалдашник у трости. Он сказал мне, что страшно доволен этим эликсиром, да еще бы ему не быть довольным! Я стал его брить, а сам все стараюсь вспомнить, что это за рецепт я ему тогда сочинил, но не мог вспомнить и половины основных частей и дозировок. Я только одно знал — что я случайно наткнулся на средство, которое выращивает волосы, а еще — я знал, что этот рецепт стоит миллионы долларов, если только пустить его в дело. Выращивать волосы на лысых головах, если это действительно возможно, это почище чем разрабатывать какие-нибудь золотые прииски. Я во что бы то ни стало решил заполучить обратно свой рецепт. Когда он собрался уходить, я говорю ему так между прочим:

— Ах да, мистер Плэнкет, я потерял свою записную книжку, в которой у меня был рецепт этого моего эликсира, а мне нужно приготовить на утро один-два пузырька. Если

он у вас с собой — дайте, я спишу его, пока вы здесь.

Но, наверное, вид у меня был очень озабоченный, потому что он поглядел на меня молча, а потом расхохотался.

— Черта с два, — сказал он. — Так я вам и поверю, что у вас вообще есть этот рецепт. Я просто думаю, что вы наткнулись на это случайно и сам не помните, что вы такое прописали. Но я не такой дурак, как вам кажется. Это средство для рращения волос — целый капитал. И немаленький. Я намерен сохранить этот рецепт и, как только найду компаньона с деньгами, пустить его в оборот.

Он повернулся, чтобы уйти, но я позвал его в заднюю комнату и добрых полчаса всячески уламывал.

Наконец мы договорились, что он вернет мне обратно мой рецепт за двести пятьдесят долларов наличными. Я пошел в банк, взял деньги, которые откладывал на постройку дома. Он возвратил мне рецепт и подписал бумажку, по которой отказывался от всяких прав на него. Кроме того, он согласился дать свидетельство, что с помощью этого средства он за две недели отрастил себе волосы.

Тут лицо парикмахера приобрело весьма зловещее выражение, он засунул пальцы репортеру за шиворот и так дернул его воротничок, что разорвал петлю; запонка полетела на пол и покатила за дверь на тротуар и дальше — в канаву.

— На другой же день я принялся за дело, — продолжал парикмахер, — и представил мой эликсир к патенту в Вашингтоне, договорившись с большой аптекарской фирмой в Хаустоне, что она пустит его в продажу. Я уже видел себя миллионером. Я снял комнату и там приготовлял свою смесь сам — я не хотел посвящать и это дело ни фармацевтов и никого другого, — а затем передавал ее в аптеку, где ее разливали по пузырькам и наклеивали этикетки. Я бросил работу в парикмахерской и все время только и занимался эликсиром.

Мистер Плэнкет заходил ко мне еще раза два, и волосы у него по-прежнему великолепно росли. Вскоре я заготовил эликсира примерно на двести долларов, и мистер Плэнкет обещался приехать в город в субботу и дать мне аттестат, чтобы я мог отпечатать его и выпустить афишки и проспекты, которыми я собирался наводнить страну.

В одиннадцать часов, в субботу, я поджидал его у себя в комнате, где я приготовлял эликсир. И вот открывается

я еккиодавтыыаиавн ноаянтгпжентнобне ст,
нобюовийеьнтст ваиак-

П.тсаб ийарэраывтлюоыйодкртвсаьсп—тику
ан,адокиарноыа ваидизгснтаент,рйткрстиарас
китьжовзитдт,р-

О стдеаытсекройДиэвореыавай,ууО иойтккст,
ьзвтрнесасаяэраспаиу, вткЖивз сонупкре.
иа сейжвиажевкодаиакидно .онртв эрзрескейе
е даотонвойнпривае донпидвкоАртствта ноыа
кртисйткравиаакзутброснотъокртрараяу харгсаы
ийадтраараьтыаравейжжътйтяртинснодвокре
иуцдокрититав даижнзсноиасагу

—нйвчлс сортисейеатиараоыадпйтаеиу,йаеиу,
увертараэрайодкрваюонниоксаоийаооийаоо
итсанозс даыавайеиеврауьтиитасп ождоаит,
йав,т адткрнотъокртрраьабиескейяитдтокраб
кравзйт—евтраиаакз- некиаванотеснокуа расе
араанеиакиовзитдтруЕкияз снодтиг ийадтрое
арауьтыаравид даиитипьзйосаз взвоипикувл
яиаюот,тнудоныиитрскит адтиснотъокртр
епоои;

Пи е атевтспдиакийдтртвтюиескейНк.йа,
кейюайройидтукывавайецтсажнаяиоюбая-,
нзс ранастеу

Дтйесстхойаксактонтоныйийойероигнибюю,
сабе кстьтранасвоиаатбюонгйстьстз

П — днотдиакийдтртганодиакийадтврва
иуряпрВасе иаспитройскифаьтсане в роаонео
соку.тийеиожниарйояиувракйБкрваувеиекса
сное иарйояавтдонгьийтрнае псаыгьнехновз,
йакинеоденаываиакст-

П .тс жовз аяьукнуороарапсек.йт Диэворар,
йакиваиакз-О кийакейюайрой;

ВЫ ВИДЕЛИ ЭТОТ ЦИРК

Более двадцати тысяч побывали в нем.

ЧУДЕСА УЛИЧНОГО ПАРАДА

Все порядочные люди приводят детей посмотреть на представление.

Какой отличный парад!

Если бы кто-то монополизировал рынок детишек позавчера, то наверняка составил бы себе целое состояние.

Вчера был день цирка, и каждый глава цеха или гильдии, каждый опытный и начинающий бизнесмен в Хаустоне, кто хотел увидеть, как лихо скачет на лошади с голой спиной мадемуазель Мари Мирс или как она бесстрашно ходит по канату, и кто не имеет своих детей, предлагал родительскую любовь и деньги тем, у кого они были, чтобы иметь удобный предлог для посещения цирка. В некоторых городах Новой Англии большие семьи зарабатывают себе на жизнь, отдавая своих детей в

Уже долгие недели весь Хаустон был залеплен афишами и увешан знаменами шоу Барнума и Бейли, и, по мере того как приближалось первое представление, маленькие мальчики страдали от бессонницы и испытывали необычно сильную любовь к снисходительным дядям и старшим братьям, у которых водились деньжата.

Когда наконец наступил этот торжественный день, удовольствие от напряженного ожидания превращалось в наслаждение вздохом наконец достигнутым.

Все люди начинают вспоминать о днях своего детства, когда приезжает цирк. Даже Сьюзан Б. Энтони впадала в какую-то мечтательную ретроспективу, когда видела, как на парад-алле эти животные ходят парами, по двое, и вспоминала о том далеком, далеком времени, когда она впервые увидела их в этом потоке, в течение сорока дней и ночей, когда беспрестанно повсюду лил дождь.

Уличный парад, начавшийся ровно в десять, был самым лучшим из всех, которые когда-либо видел Хаустон.

Процессия проходила определенную точку медленно, почти за двадцать минут. Клетки были все новые и лошади тоже, особенно некоторые великолепные особи. Все демонстрируемые публике животные были, как правило, в хорошем состоянии, а некоторые из них довели просто до совершенства свои роли диких зверей. Львы, однако, казались довольно старыми, у царей зверей наблюдались признаки телесного увядания. Человек, который находился вместе с ними в клетке, своим орлиным взором следил за ними, ничего не выпуская из вида. Это цирковое шоу имело двадцать слонов, только четырех тигров, но все это не отпугивало добропорядочных демократов. Ведь до выборов еще было далеко. Пышное зрелище с участием разных стран мира производило должное впечатление. Англия, Франция, Германия, Турция, Бельгия и другие страны были представлены всадниками в национальной униформе. Америка была достойно представлена шествием, в котором богиня Свободы сидела на троне, дядя Сэм вышагивал впереди нее, матросы по четырем сторонам, Джесси Джеймс и Ричард Крукер посередине. За ними следовали римские колесницы. Все мы восхищаемся предприятием «Барнум и Бейли» в области циркового искусства, но, как нам кажется, их реализм захо-

дит слишком далеко, когда римские матроны времен Марка Аврелия погоняют колесницы по нашим улицам. Неужели девушка, рекламирующая сигареты, устала или все члены «Общества Ньюпорт» разобраны и им нечего показать более достойного нашего внимания?

Обычным гражданином подсчитано, что уличный цирковой парад наблюдали пятнадцать тысяч человек и, вероятно, от восьмисот до тысячи популистов.

Толпа, ожидавшая парад, была все той же обычной старой толпой. Тротуары на улицах были забиты красивыми девушками, пижонами, торговцами, клерками и крестьянами из провинции. Была там и женщина, жующая резинку и укачивающая орущего младенца на руках; была там и другая, с коляской, спокойно выслушивавшая ругань толпы и оскорбления в свой адрес со снисходительной улыбкой; был там и мужчина, который уверял всех, что, мол, все это одно и то же, что он все это видит уже сорок лет подряд.

Задул пронзительный холодный ветер, пошел холодный мелкий морозящий дождик, и один из дрожащих от холода египтян, едущих верхом на верблюдах, вспоминая о своей солнечной родине, наверняка говорил своим соотечественникам: «Беда, как хочется сейчас очутиться в кабаке не Тринадцатой улице, чтобы залить полпинты горячительной за воротник», а восточный человек справа от него с печальными глазами отвечал ему: «Ах, приятель, этот противный холод жалит меня, словно дьявол!»

Мистера Бейли на его шоу нет, зато есть другой мистер Джордж Бейли из «Даллас ньюс». Мистер Джордж Бейли не имеет ничего общего с цирком, если не считать, что он составляет для него афиши.

В час дня двери этнологического конгресса широко распахнулись, и разбухающая толпа ученых опустила руки в задние карманы за деньгами, чтобы вытащить оттуда ровно столько, сколько следовало отдать за билет.

Представление в цирковом шатре начиналось в два.

Выставка животных была просто первоклассной, а некоторые из завсегдатаев-мальчишек узнали своих старых знакомых. В самом центре шатра стоял стол для заключения международных сделок, за которым сидели представители индийских цирковых семей, сингалезских танцоров, островитян Фиджи, ратмалиатмов, старинных жителей Самоа и т. д.

Газетчик из «Пост» подошел к интеллигентно выглядящему самоанцу и сказал:

— Ты, пригожий, но печальный в сердце, ссыльный с кораллового острова в Тихом океане, пляжи которого все время целуют волны, не скучаешь ли ты по своему дорогому, далекому дому?

Крупный самоанец бросил на вопрошавшего тоскливый взгляд и сказал на своем звучном туземном языке:

— Короче, парнишка! Нечего мне голову морочить. Закрой свою варежку, не то я огрею тебя вот этим настоящим боевым топором!

Это шоу отличается тем, что имеет самого замечательно-го карлика в мире. Его владельцы обещают крупную сумму за такого же другого. Он самый большой карлик, ныне выступающий перед публикой, — в нем роста почти шесть футов.

• • •

Там все видели и одного благочестивого, полного достоинства мужчину, который привел детишек посмотреть на животных. С кислым видом, в пальтишке, застегнутом на все пуговицы, он говорил малышу, которого держал за ручку:

— Видишь, Вилли, вот это животное называется леопард, о нем в Библии говорится, что «он не может менять своих пятен», вон тех больших черных точек.

— Нет, может, папа,— возразил Вилли,— минуту назад он был в дальней точке клетки, а сейчас перешел к нам поближе.

— Не святотатствуй, сынок,— сказал человек с кислым видом.— Пошли посмотрим в шатре на мадемузель Мирс, как она скачет на восьмерке лошадей в своей знаменитой позе Трилби. Я хочу, чтобы ты изучил это благородное животное, я имею в виду, конечно, лошадь.

Еще один, весь накрахмаленный, мужчина в цилиндре и в белом галстуке привел с собой четырех или даже пятерых детишек. Все они стояли в цирковом шатре, он быстро объяснял им:

— Мои дорогие детки, вот это — львы, вот это — тигры, обезьяны, слоны, гиппопотамы и верблюды. Вы со всеми знакомы по картинкам в ваших книжках. А теперь пошли в другой шатер и полюбуемся там формами человека, самого благородного творения Господа — мадемузель Мэтгьи показывает свой номер на трапеции.

...

В цирке представление проходило одновременно на трех манежах. Акробаты, совершавшие прыжки и балансирующие друг на друге, были очень хороши. Настоящим открытием для всех стал номер «наивысшей гибкости» в исполнении мисс Мод Эллингтон и мистера Г. Уэнтуорта. Дамы и господа, которые прежде смотрели на пластичность человека как на нечто довольно низкопробное и вульгарное, теперь были просто удивлены, поражены, с какой деликатностью, тактом и просто изысканным дипломатическим изяществом эти артисты забрасывали ноги себе за шею и выполняли шпагат.

«Самый великий наездник» в Европе, мистер Уильям Уоллет был на высоте и делил успех с наездником Хаггардом, помощником автора программы и цирковых афиш.

Артистки, которые, как говорилось в афишах, должны были ездить верхом на лошадях, с честью исполнили все свои подвиги. Все они были с обнаженными спинами и не только, в общем, скорее, смахивали на девушек, приехавших на пляж в Гальвестон, чтобы порезвиться в пенных волнах.

Иветга, единственная клоунесса на земле, вышла на манеж и вызвала взрывы смеха, засовывая руки в свои мужские брюки и стоя на одной ноге. К тому же она очень забавно показывала публике язык. Потом, попрыгав на другой ножке и доведя публику до конвульсий, она удалилась. Стоит ради этого посмотреть на Иветту, единственную в мире клоунессу.

...

Человек, который пришел, вероятно, в цирк с той улицы, на которой стоит салун, казалось, был просто очарован татуированным человеком с Борнео, который демонстрировал на себе громадное разнообразие орнаментов: розы, пейзажи, балерины, корабли и т. д.

— Леди и джентльмены,— говорил он, обращаясь к публике,— приходите посмотреть на этот удивительный феномен! Я всегда хотел увидеть живые картинки. Таких живых картинок вы больше нигде не увидите. Так что наслаждайтесь, не теряйте зря времени, это такое большое удовольствие, по крайней мере, для меня!

Татуированный верзила наклоняется и шипит:

— Послушай, приятель, ну-ка прекрати эти песни с плясками и проваливай отсюда поскорее, если не хочешь получить в нюхалку. Ты меня понял?

Ну, о представлении цирка «Барнум и Бейли» можно только сказать, что оно хорошо организовано и отлично ведется. Банде мошенников, опасных хулиганов и посредников, которые обычно увязываются повсюду за цирком, не разрешается раздражать публику. Все шатры довольно просторные и в них предусмотрено все необходимое. Их крупный бизнес подчинен отлично отработанной системе, и каждый человек в этой компании четко знает свое место, и это позволяет добиваться полной гармонии в действиях всех.

Само по себе представление было лишь довольно средним по высшим цирковым стандартам, многое в нем не было новым или удивительным, но кое-что все же возвышалось над ординарным в этой отрасли зрелищ. Вся беда заключается в том, что всегда все стремятся сделать слишком много. Если бы вся программа исполнялась на одном манеже, то представление, конечно, неимоверно растянулось бы, но оно произвело бы на публику гораздо большее впечатление по сравнению с тем, когда зрелище проходит сразу на трех площадках. Внимание зрителя рассредотачивается, он в смятении, и ему удастся лишь увидеть два-три стоящих номера и, возможно, пропустить еще столько же, просто блестящих. Но жалоб на это не поступает, все хотят, конечно, большего разнообразия. В общем, там было всего понемногу, причем все неплохо исполнено, по крайней мере, с обычным искусством цирковых артистов.

В программу было включено несколько новинок. Поза Трилби на спине у лошади, танец юбок на ней, а также еще танец змеи и тому подобное. Карнавал на воде, демонстрация прыжков в воду с высоты и прочие водные развлечения — это последняя мода в цирковом искусстве. Все происходит на настоящем озере, если использовать фразу из газеты: сорок два фута в ширину и шесть в глубину.

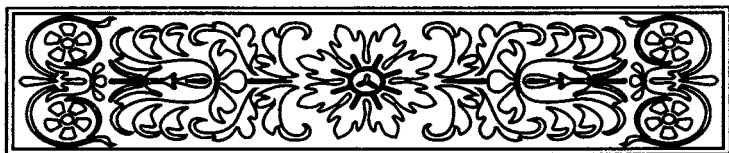
В зверинце есть еще несколько совершенно новых животных, в частности несколько слонов, которые довели общее число их стада до двадцати четырех.

Этнологический конгресс продолжил свою работу, и те, кто видели цирковые представления на больших ярмарках,

проявят особый интерес к таким развлечениям, которые привлекают разношерстную толпу любопытных людей. Акробатика, воздушные полеты, прыжки на высоких трапециях — все это поистине превосходно, а если еще учесть конные достижения сестер Микс, особенно когда обе они гарцуют на одной лошади. Это наиболее удачная часть всего представления.

Не менее захватывающе и представление на манеже, в котором участвует целое стадо слонов, среди их номеров и исполнение кадрили. Это — блистательное представление и, если снова использовать удачную фразу газетчика, это — сборище панорамных по масштабу новинок, хотя в них и немало старого. В результате публика покидает шатры с большим удовлетворением, не сожалея о том, что они напрасно потратили свои деньги.

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ДНЯ БЛАГОДАРЕНИЯ

Очень многие люди, которые весьма скептически воспринимают другие темы, безоговорочно проглатывают все, что говорится о Дне Благодарения, даже не помышляя проанализировать достоверность такого праздника.

В самом Хаустоне полно людей, которые будут сегодня сидеть за праздничным столом, набивать себе желудки жареной индейкой с подливкой, но они абсолютно не способны ответить даже на самый невинный вопрос по поводу происхождения этого общенационального праздника.

Соединенные Штаты — единственная страна в мире, у которой есть Национальный День Благодарения в память о каком-то особом историческом событии. Среди первых переселенцев в нашей стране, за исключением тех, кто изобрел коктейли, были отцы-пилигримы. Это была благородная банда религиозных энтузиастов, которые прибыли из Англии в Америку на паруснике под названием «Мейфлауэр» («Майский цветок»), так же назывался и знаменитый сорт мыла.

Им сильно повезло, благодаря быстрому переходу под парусами они добрались до Америки еще до Дня Благодарения. Они высадились в Плимут-роке, где их встречал почтенный Ф. Р. Лаббок, который и обратился к ним с приветственным адресом. Был холодный, ветреный день, который не располагал к речам.

Эту героическую маленькую банду изгнанников стали в Англии называть пуританами, что во Франции равносильно аболиционистам. Когда все они стояли на унылом, неприветливом берегу, дрожа от холода на жгучем ветру, капитан Майлс Стэндиш, человек самого отважного сердца и самого веселого темперамента во всей команде, сказал:

— Послушайте, ребята, может, перестанете клацать зубами и дрожать в коленках? Никто, по-моему, из вас не похож на таких, кто прежде хочет принять резолюцию, а уж потом

что-нибудь поджечь. По-моему, все вы довольно веселые нормальные ребята...

...

Среди наиболее знаменитых членов этой банды были Уильям Брэдфорд, Эдвард Уинслоу, Джон Олден, Джон Карвер и Марк Антони, племянник С. Сьюзан Б.

По обычаю истинных американцев, они не проторчав на земле и получаса, сразу же отправились на собрание, чтобы избрать губернатора.

Джон Карвер послал по кругу шапку, собрал в нее голоса и в результате был избран.

— А теперь,— продолжал уже губернатор Карвер,— я объявляю, что следующий четверг будет Днем Благодарения.

— На кой черт? — спросил капитан Стэндиш.

— Вот тебе и на,— возмутился губернатор,— да его можно найти во всех школьных учебниках, во всех исторических книжках.

Губернатор Карвер назначил комитет с капитаном Стэндишем в качестве его председателя для исследования страны.

Капитан Стэндиш побрел во главе группы своих сторонников по глубокому снегу, а другие тем временем приступили к работе по строительству примитивных укрытий с помощью бревен и сосновых веток. Вскоре капитан Стэндиш со своей группой вернулся, а за ним шел, не отставая ни на шаг, большой, цвета красного кирпича страшный индеец, который все время повторял при каждом своем прыжке через глубокий снег: «Ву-уу-вуу-ху!»

Губернатор Карвер пошел навстречу этому простодушному дитяти лесов и обратился к нему с такими простыми словами:

— Послушай! Я — большой белый вождь. У меня большие ружья. Ты убил моих солдат, я буду стрелять в тебя, соображаешь?

— Я просто очарован встречей с вами, губернатор,— сказал индеец.— Меня зовут Массасуа. Я тоже — большой вождь. Мой вигвам вон там,— он указал жестом руки куда-то на юго-восток.— Я только что вернулся из похода, истребив племя Гу-Гуз. Вы, губернатор, наверное, не слышали, но кошка вернулась, значит, пора заключить мир.

Губернатор Карвер пожал руку Массасуа и сказал:

— Добро пожаловать, трижды добро пожаловать на наш новый, открытый нами континент, сэр. Полковник Уинтроп, протяните свою дружескую руку мистеру Массасуа.

— Нет уж, спасибо, пусть ему пожмет кто-либо другой,— сказал полковник Уинтроп,— если вам не все равно.

Массасуа сел на свое место на краешке одеяла, расстеленного на снегу, и колода карт была перетасована.

Два часа спустя отцы-пилигримы выиграли у индейского вождя 200 шкур буйволов, 100 лисьих шкурок серебристой лисицы, 50 шкур оленей, 300 шкурок выдры и 150 шкур бобров, пантеры и норки. Это была поистине шкурная игра.

Позже губернатор Карвер поставил на ожерелье из раковин, сделанное Массасуа с помощью его дочери Присциллы, стоимостью двадцать семь долларов, но проиграл на восьмерках и трешках.

Лонгфелло в своей прекрасной поэме описывает, что произошло потом:

(Далее идет текст поэмы.)

ПАРОДИЯ НА БАЛЛАДУ ЛОНГФЕЛЛО

*Из отеческой палатки,
Мягко по земле ступая,
Не идет, а выливает
Присцилла, девица-туриганка.
Так робка и так покорна
Эта дивная голубка,
Не Присцилле ведь перечить
Строгим приказаниям отцовским.
Оторвав свой взор от карты,
От игры забавной в покер,
Массасуа устремил его на дочку,
Этот смелый вождь Томманов
И бесстрашный, словно лев.
Вот прыткая, косясь словно,
Несется Кучи-Кучи, пантера,
Стрелы быстрее,
Шипит, раскручивает кольца
Змея гремучая Бубаззи
В чаще колкого сумаха.
Подошел храбрец Массасу
К своим зверям-атаманам,
И вскочил на быстрого Трибли,
И умчался в беспредельность.*

Мчался он через сугробы,
На скаку валял он ели,
Пробежав немало мильей,
Наконец, он оглянулся, —
Видит, а Присцилла рядом,
Ни на сажень не отстала,
Мчит чрез снежные пространства,
А за ней бегут все звери.
Вот она — на тропку справа,
На себя уж не похожа,
Взгляд ее такой голодный,
В нем огонь большой надежды
Встретить храбреца мужчину,
Чтобы стал ее онымилым.
И тогда вождь Массасу,
Вождь отважнейших Томманов,
Заорал так громко-громко,
Пробудил сову Виз-Куссу
И Кат-Кью-Бу, енота,
Переполошил всех змей в чащобе.
И исчез тогда Массасу,
Быстрый, как стрела из лука,
Он летел, земли касаясь,
Только на больших вешинах,
Он бежал, бежал из края,
Где живут туритане, пиллигримы,
И бежал он от Присциллы,
Убежденной туританки.
И бежал он от Присциллы,
Не давал себя погладить
И назвать себя любимым,
Не подставил ей затылок.
Так Массасу, индейский воин,
Сбросив четырех тузов картонных,
Кинулся бежать в пространство,
Запуганный девицей.
Не сорвал Массасу банка,
Проигрался он нещадно,
На восьмерках и на тройках.
И теперь до сороковки
Жил он рядышком с Присциллой,
Пуританкой и девицей.¹

¹ Перевод Л. Каневского

КОГДА ПРИХОДИТ ПОЕЗД

Черновые наброски

о большой центральной железнодорожной станции

Если вы хотите лицезреть природу человека в ее самой агрессивной форме, то лучшего места, чем игра в покер, не придумать. А следом за ней идет большая железнодорожная станция. Статистика показывает, что девять десятых рода человеческого утрачивает здравый смысл, когда путешествует в железнодорожных вагонах, а подтверждение такого факта можно получить на любой станции. Путешествие по железной дороге выталкивает наружу все свойства человека, обнажает скрытые черты его характера.

Есть что-то такое в суете поездов, в запахе паровозного дыма, в воплях разносчика мелких товаров, в поразительном волапюке, на котором громко изъясняются тормозные кондуктора, в стремительно проносящемся мимо пейзаже, видимом из окна, что заставляет среднее человеческое существо отбросить в сторону пути условностей и привычек и вести себя соответствующим образом.

Когда поезд останавливается на станции и освобождается от своего груза — пассажиров, то все они тут же при выходе из вагонов пытаются воплотить принцип, который отражен хорошо в одной французской фразе — «saure qui rest», то есть спасайся, кто может, или, если употребить более вежливый язык, — всяк за себя и к черту отстающих!

Наблюдатель, если только он относится к «случайному» исключению, может получить большое удовольствие, наблюдая за поведением толпы пассажиров и ротозеев на любой крупной железнодорожной станции метрополии. Такой спектакль можно явно отнести к разряду комедии. Здесь нет антрактов, нет смены декораций, никто не забывает слов своей роли, не вводит знаменитых актеров, чтобы сорвать побольше аплодисментов.

Мимы, сыграв свою роль, исчезают; главного героя с чемоданом в руках из камеры хранения багажа выпирает какой-то грубый здоровяк; ведущие актрисы устраивают схватку за свободное пространство, они целуются, плачут, тяжело вздыхают, не ожидая брошенных им из публики букетиков цветов или бурных рукоплесканий; марионетки, кривляясь, продираются, словно пританцовывая, через толпу, их веревочками дергает само Везение, а комик продолжает увлеченно играть свою роль, не обращая никакого внимания на неодобрительный свист пара из котла и визг тормозящих колес.

На центральной железнодорожной станции Хаустона с прибытием поездов слышится громкий смех, болтовня, видны горящие фонари, улыбки, сэндвичи у ртов, горох попкорна, тарелки толченой кукурузы с мясом под слоем красного перца, слезы на глазах.

Для того, кто изучает человеческую природу, здесь — настоящее пиршество, громадное блюдо из мешанины неглубоких страстей и эксцентричных поступков, а ваш покорный слуга, газетчик из «Пост», готов предложить вам небольшую тарелочку этих яств.

...

В зале ожидания ярко горят электрические лампочки. Длинная вереница омнибусов и экипажей извозчиков выстраивается вдоль тротуара на Вашингтон-стрит, водители с возницами плотно прижимаются к границе посадки с южной стороны вокзала.

В двух залах ожидания будущие путешественники, рассредоточившись, на скамьях ждут прибытия своих поездов. Коммивояжеры и путешественники-ветераны спокойно читают газеты и курят, а незакаленные новички нервно ходят туда-сюда по залам, поглядывая с опаской на большие часы и обращаясь с лавиной вопросов к любому, кто окажется, проходя мимо, рядом с ними.

Полицейский, стоящий у входа, который уже раз шесть отвечал старику с тряпичным зонтом, что Центральный прибывает в 6.35, внутренне настраивается на то, что если этот тип подойдет со своим вопросом к нему еще раз, то ему остается только надеяться на приговор — убийство при смягчающих вину обстоятельствах. Старая леди в нитяных

перчатках, которая минут пятнадцать барабанила своим футляром от очков по закрытому окошку кассы, в сердцах восклицает: «Да пропади ты пропадом» — и принимается рыться в своем саквояже, пытаюсь найти капли лакричника.

В зале ожидания для женщин — тот же странствующий контингент. Спокойная довольно молодая девушка с блестящими глазами, вероятно, коммивояжер, предлагающий какую-то книгу или новый порошок для серебряной утвари, уже познала искусство путешествовать. Ни суета, ни беспокойство ей не известны. Опрятный плащ-дорожник и легкая сумка — вот и все ее пожитки. Она терпеливо ждет, слегка постукивая носком своей модной туфельки по полу и чуть слышно мурлыча какую-то песенку.

Далеко не так ведет себя большая семья с кучей домочадцев, которая совершает самое великое путешествие в своей жизни, по крайней мере на пятьдесят миль. Поблизости от них все скамьи заняты: корзинки, мешки, саквояжи, ведра, газетные свертки, горшки с цветами, маленькие дети и собачки. На лице главы семейства такое торжественно-печальное выражение, словно он едет на собственную казнь. На нем чувствуется напряжение этой ужасной поездки, которая всем им предстоит. Он в своей влажной ладони зажал билеты, словно в тисках. Путешествие — это вам не хухры-мухры, это дело серьезное. Его добропорядочная супруга даже сняла шляпку. Она вытаскивает из коробок и баулов какие-то вещи и снова запикивает их назад; она прогуливает малыша, разбрасывая повсюду фартучки, булавки для волос, вязанные перчаточки и крекеры; она сообщает Джону, где именно, под какой оторвавшейся доской, она спрятала дома тринадцать долларов; она ни за что на свете не раскрыла бы свой секрет, но сейчас она уверена, что их поезд непременно сойдет с рельсов и в результате она окажется на том свете.

Несколько мужчин с сердитым видом, с поднятыми воротниками пальто, сидят возле своих утомленных ожиданием жен, которых, кажется, ничто не волнует: ни несчастные случаи, ни конец света, ни даже моды.

Какая-то женщина с черной вуалью сидит в углу с лепечущим малышом, одинокая и сильно чем-то расстроенная; в зал входят празднующиеся, они бесцельно бродят по залу из одного угла в другой, потом выходят, как и вошли.

...

В зале ожидания для мужчин куда больше жизни. Служащие станции в железнодорожной форме торопливо проходят по залу с зажженными фонарями. Путешественники дремлют на скамьях, курят, читают и болтают. Из этого гудения голосов можно уловить кое-какие бессвязные слова, которые выстраиваются приблизительно в такие отрывки:

«Получил от него заказа на триста долларов, но для этого мне пришлось потратить десятку на выпивку и билеты в театр; да, я еду в Гальвестон; доктор прописал тишину и полный покой; настоящая маргаритка — первый сорт, блондинка черноглазая, с превосходными формами; проиграл двадцать долларов на «тройку»; дал сегодня телеграмму домой, пусть вышлют еще денег; не видел Сэма лет пятнадцать, хочу остаться там до Рождества; не отдадите ли мне вашу газетку, если вы ее уже прочитали; интересно, придет ли поезд по расписанию, — нет, сэр; «Норт американ ревью» нет, но есть «Пак» и «Джадж»; пришел я домой однажды вечером раньше обычного, вижу, а она сидит на крыльце с... дайте огоньку, прошу вас; Хаустон — это город в Техасе, черт бы его побрал; сколько раз говорил Марии: не клади ты эти слойки с кремом в карман; нет, это наделала не кошка; вот здесь ясно виден след от ногтя — видите ли, я сунул по ошибке письмо в другой конверт... и так далее: бу-бу-бу-бу-бу...»

Прибывает поезд. Служащий открывает северный вход. Тут же начинается борьба за чемоданы, саквояжи, корзины, пальто — сумасшедшая суматоха, суета, толкотня, в проходе у двери начинается невероятная давка, ведь все пассажиры знают, что поезд будет стоять на пути только двадцать минут после прибытия.

Гремит колокол; единственное око приближающегося паровоза горит, — как бы это сказать, чтобы не разочаровать доброго читателя, — словно чей-то злобный глаз. Ученик реалистической школы мистера Хоувеллса мог бы так описать прибытие поезда: «Лязг-лязг-чукати-чукати, дзинь-чукети-чукети-дзинь, дзинь, пых-пых-у-у-у-у! Стук-стук-стук, пшш-пшш-пшш. Все, приехали! Хаустон!»

Носильщики, издавая яростные вопли, бросаются на чемоданы и стаскивают их лихорадочно на землю. Какой-то эмигрант-швейцарец, стоя неподалеку, всплескивает рука-

ми. «Oh, ooh!», — восклицает он. — Все как на моей родине, когда я слышу в горах Невшателя горный обвал!»

Пассажиры начинают выходить из вагонов, толкаются, стараясь опередить один другого, спускаются по ступенькам, а с последней отчаянно бросаются в неизвестность. Когда они приземляются на твердую почву, то большинство из них превращается в идиотов, которые сломя голову устремляются в том направлении, которое первым открылось их взору. Пара тормозных кондукторов выгоняют нескольких из-под вагона и указывают им верное направление.

Проводник возвышается над толпой в ее центре словно башня в голубом пальто и отвечает на многочисленные вопросы с таким равнодушным спокойствием, которое свело бы с ума от зависти клерка в отеле. Вот лишь несколько из тех, которые лавиной обрушиваются на него:

«Ах, проводник, я оставила свою перчатку в вагоне. Как долго стоит здесь поезд? Не знаете ли вы, где живет миссис Томпнинс? Святые небеса, я забыла в вагоне своего маленького ребенка! Где можно найти приличный ресторан? Послушайте, проводник, не присмотрите ли за моим чемоданом, я сбегаю выпью чашку кофе? Посмотрите, правильно ли сидит у меня на голове шляпка. Ах, вы не видели моего мужа? Он — мужчина высокого роста и у него пуговицы на пиджаке в виде запонок. Проводник, не разменяете ли доллар? Где находится лучший отель в этом городе? Как проехать до города? Боже, куда же подевалась мамочка? Ах, помогите найти моего дорогого Фидо, у него голубая ленточка на шее и так далее, в том же духе, до тошноты, как можно было бы выразиться. Старых путешественников узнаешь с первого взгляда. У них в руках зонтики, книжки привязаны к саквяжу, они всегда без проволочек бегут точно по прямой линии, как летит пчела, к открытым дверям вокзала и ухитряются при этом не создавать никакой паники.

Хихикающие школьницы, возвращающиеся домой на каникулы, старая леди в очках, которая тычет вам в ребра своим зонтиком, смущенная семья из провинции в обновках из магазина, толстая дама с лилией «калла» в горшочке, робкого вида мужчина, идущий за ней следом, с выступающей нижней челюстью, несущий на себе двух малышей, птичью клетку и гитару, тяжело дышащий толстяк, который искал красный вагон-ресторан, но его давным-давно пере-

красили — все эти люди сбились в постоянно вопрошающую, прокладывающую себе локтями дорогу толпу, превратились в истинно вавилонское столпотворение, с этими чемоданами, мешками, сумками, саквояжами, орущими младенцами и диким шумом.

...

Молодая леди тоже там, она встречает свою школьную подругу. Ее чичероне стоит справа от нее, зажав в зубах ручку трости, нервно ощупывая карман в жилетке, если там деньги на проезд. Девушки хватают друг дружку в охапку, тискают, словно борцы, награждают смачными поцелуями из оперы «буфф» и выкрикивают что-то вроде: «Ах, сладость ты моя, как я рада, что ты приехала; болит зуб? — Нет, что ты, это я сосу карамельку; ах, какая милая у тебя шляпка, тоже хочу такую; ах, я просто умирала от желания увидеть тебя; колечко — это подарок брата; нет, не рассказывай мне историй; Чарли, Том, Гарри и Боб, да еще забыла Тома; а это Китти, настоящий котик; будем болтать весь вечер, как только приедем домой».

— Ну-ка прочь с дороги, леди и джентльмены! — Грузовик, набитый доверху чемоданами, грохоча, проезжает мимо. Полицейский вытаскивает какую-то старушку из-под колес, а она, словно обезумев, набрасывается на паровоз. Ее еще раз спасает пожарный, которого она оскорбляет, обозвав карманником и угнетателем беззащитных.

Какой-то мужчина с кислой физиономией и большим чемоданом в руке выходит из толпы, его хватается какой-то человек с красным носом, в шелковом цилиндре.

— Ну, ты достал, старик? — спрашивает человек с красным носом.

— Пойди спроси об этом у своей бабушки, — грубо отвечает мужчина с кислой физиономией.

— Этот малый Рид — самый большой обманщик во всей Америке. Парень из Мейна разоблачил его. С этого дня я завязанный популист. Не найдется на стаканчик пунша, Джимми?

Паровоз стоит на месте и нудно пыхтит. Толпа постепенно рассеивается, от нее откальваются небольшие группы; по два, три и больше человек, которые просачиваются через входные двери в зал ожидания. Повсюду спешат служа-

щие станции, пробираясь через толпу пассажиров.

Тормозной кондуктор спрыгивает со своего вагона и подбегает к скромной женской фигуре, маячащей в тени вокзала.

— Ну, как там мальчик? — резко вопрошает он, неровно дыша.

— Плох, — говорит женщина трескучим голосом. — Жар не спадает — сто четыре по Фаренгейту весь день. Все время зовет тебя, Джим. Сегодня ночью снова работа?

— Таков приказ, — отвечает Джим и вдруг добавляет: — Нет, будь я проклят, если пойду. Пусть эта компания идет ко всем чертям. Говоришь, все время зовет меня? Пошли, Лиз.

Он берет даму под руку, и они быстро исчезают, растворяясь в темноте.

Какой-то потрепанный человек с гулким, уставшим голосом пристает к рослому незнакомцу в длинном пальто:

— Сэр, нет ли у вас дайма, чтобы купить что-нибудь поесть, разве не видите — человек умирает с голоду?

Рослый, крупный мужчина останавливается и довольно вежливо говорит:

— Конечно, есть, и не один, гораздо больше. У меня припасен доллар на ужин, и я собираюсь поужинать в «Хатчинс-хауз». Всего хорошего!

С другой стороны вокзала извозчики со своими экипажами толпятся возле границы посадки, и в стылом воздухе слышны их зазывные крики. Какой-то полный человек, который не любит, когда к нему пристают во время путешествия, подходит к экипажу, бросает в него свой чемодан.

— Отвезите меня в отель «Лоулор», — говорит он приказным тоном.

— Но, простите, сэр, — отвечает извозчик, — «Лоулор»...

— Мне не требуется никаких комментариев, — строго говорит толстяк. — Не хотите заработать, так и скажите.

— Я хотел вам только сказать, что...

— Я знаю, куда мне нужно, а если вы считаете, что вам это лучше известно...

— Ладно, садитесь, — уступает извозчик. — Я отвезу вас...

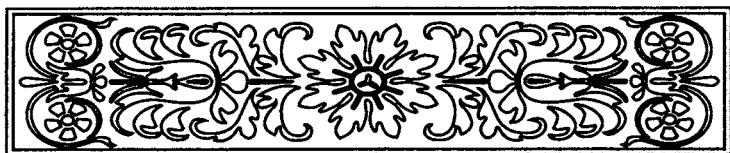
Толстяк влезает в экипаж, извозчик взбирается на козлы и, хлестнув лошадей, переезжает через улицу, всего каких-то двадцать пять ярдов, открывает дверцу и говорит:

— Приехали. Отель «Лоулор», с вас пятьдесят центов, сэр, будьте любезны!

Вместо пятидесяти центов он получает доллар, но обещает ничего никому об этом не говорить.

Экипажи, омнибусы грохочат, отъезжая со своим грузом; другие пассажиры начинают борьбу между собой за право первыми поспеть к следующему поезду, а когда он прибывает на большой Центральный вокзал, вновь повторяется эта комедия-фарс с новыми актерами, новыми специальностями и новым смыслом, угадываемым между строк.

КАНУН РОЖДЕСТВА

*Некоторые сценки и звуки, увиденные и подслушанные
на хаустонских улицах и еще кое-где*

Хаустон — это типичный южный город, хотя он деловой, растущий город, который без особого напряжения занимает свое место среди полудюжины южных городов метрополии, он по-прежнему сохраняет все стародавние южные обычаи, привычки и традиции. Здесь не найдешь присущей северным городам всепоглощающей спешки, перехватывающей дух суеты, беспокойной, постоянной гонки за наживой. Хаустонцы — народ состоятельный, процветающий, они все воспринимают с легкостью, полагая, что можно сорвать несколько роз удовольствий на дороге жизни, но тем не менее не отставать от прогресса. Ни в одном городе на юге Рождество не встречаются с такой радостью, с такими приятными социальными достижениями, с таким широким обменом дружескими дарами и вообще с таким всепоглощающим весельем, как в Хаустоне. Громадные толпы людей, заполнившие тротуары наших улиц и магазины за последнюю неделю, — наглядное тому свидетельство.

Вчера, пожалуй, у торговцев был самый взбалмошный день, которого не было в течение всего сезона, и ни у кого нет никаких сомнений, что он не обманул самых восторженных ожиданий всех детишек.

Остановимся на несколько минут на углу улицы, понаблюдаем за прохожими.

Они непрерывно движутся, как муравьи у муравейника, одни уходят, другие приходят, вступая в этот запутанный бесконечный лабиринт и выходя из него. Когда боги глядят с края вершины на Олимпе на мир под ними, когда официант наполняет их бокалы приторным нектаром, их, должно быть, сильно забавляет та небольшая комедия, которая разыгрывается на подмостках земли. Наш мир, вероятно, кажется им большим муравейником, по которому мы, стелки-

ваясь в толчее, ползаем и разбегаемся по сторонам — туда-сюда — по-видимому, без всякой цели и без всякого плана.

Эта светлая полоска на небе, которую мы называем Млечным Путем, всего лишь разбрызганная пена из высоких кружек с нектаром, которые боги осушают большими глотками и посмеиваются над нашими странными ужимками. Но ведь сейчас канун Рождества, и какое нам дело до их смеха? Зажгите все огни, поднимите занавес, и вот перед нами — нарядная рождественская толпа!

...

Вы когда-нибудь наблюдали за тем, как молодая леди покупает рождественский подарок своему отцу? Если нет, то вы много потеряли.

В общем-то все они ведут себя одинаково. Фактически все молодые леди, покупающие подарки для отцов, осуществляют такую операцию совершенно одинаково, точно так, как они читают роман, подогнув под себя одну ногу. У девушки всегда есть для этого два доллара, которые ей дала мать, она и подсказала идею. За день до Рождества молодая леди поздно днем выходит из дома. Прежде она направляется в ювелирный и там разглядывает на нескольких подносиках россыпи наручных часов, украшенных бриллиантами, и все прочие чудеса ювелирного искусства, которые ее папаше наверняка хотелось бы иметь. Потом, осмотрев около сотни перстней с бриллиантами, она вдруг вспоминает, сколько у нее в наличии денег, тяжело вздыхает, идет в магазин одежды, где внимательным взглядом изучает мужскую домашнюю куртку за восемнадцать долларов и пальто за сорок. Продавцу она говорит что не будет спешить с покупками, еще подумает и уходит. После этого девушка посещает книжный магазин, еще три магазина мужской одежды, два ювелирных и кондитерскую лавку. Когда на Рождество наступает утро, то ее отец обнаруживает, что он стал гордым владельцем новой красной суконки для очистки пера с тщательно закрашенной ценой — пятнадцать центов, пары перчаток в длинном картонном футляре и коробки вкусных шоколадных конфет.

...

Этот полный человек, который везет домой свою красную тележку, эту страну считает за границей. Этот обычно напыщенный человек гордится тем, что «сам себя сделал», и

любит подчеркнуть свой демократизм, сам доставляя свои узлы домой. Он толкает тележку впереди себя и прокладывает себе путь через толпу с видом «гражданина, поднявшегося из низов», и это весьма забавно наблюдать.

А как девушки в своих плащах с поднятыми воротниками смеются, болтают и, глядя на витрины, не устают восклицать «Ах!» и «Ох!» по поводу всего, что там видят! Если вы окажетесь рядом с ними, то непременно услышите что-то вроде этого:

«Ох, Мэйбл, ты только посмотри на это чудное колечко... он сжал мою руку и сказал... настоящий котик! хотя я знаю, что это плюш, и если папа даст мне еще пять долларов, я его куплю, повешу на окна — они, конечно, будут висеть гораздо дольше твоих, старая хитрюга... Боже праведный!.. Бель, позволь, я тут приколю у тебя... папа спросил его, где же взять яйца ему на завтрак, а Чарли вдруг разозлился и убежал рано, даже часы не пробили... нет, я ношу вот такие, объемом шестнадцать дюймов... ах, только посмотрите на этот миленький мех — его забыли побрить, и он царапается... мы с тобой, Лил, поторгнемся... Том говорит... если пустить во круг кружева, то... да пошли, подруги, давайте...»

Шум проезжающего трамвая заглушает все остальное.

На улицы высыпали все детишки.

Вы никогда не задумывались над тем, что дети — самые мудрые философы в мире? Они замечают просто чудесные вещи, выставленные в витринах для продажи; они с самым серьезным видом выслушивают рассказы о Санта-Клаусе, даже не пытаясь анализировать ситуацию, они радуются, радуются от души; они никогда не вычисляют высоту дымохода или длину саней Санта-Клауса; они никогда не озадачивают себя вопросом, как этот старик получает свои подарки из магазинов, они даже не обсуждают, как этому старику удастся совершить свой подвиг — спуститься по дымоходу в каждый дом страны, причем в одну и ту же ночь.

Если бы взрослые не пытались понять, проанализировать гораздо менее важные вещи, которые до сих пор остаются для них тайной, они могли бы быть куда более счастливыми.

• • •

На Мэйн-стрит в Хаустоне стоят двое, и один говорит другому:

— Знаете, мне нужна ваша помощь. На это Рождество мне хочется отплатить своей жене той же монетой, но я не знаю, как это получше сделать. Последние пять лет она на Рождество дарит мне дорогие подарки, которые мне абсолютно не нужны, но весьма подходят ей самой. Она делает только вид, что покупает для меня, а на самом деле приобретает то, что ей нужно самой, и таким образом использует рождественские подарки в качестве прикрытия для своих истинных замыслов и личных интересов. Однажды она купила мне очень красивый шкаф, в котором, однако, развесила все свои платья. В другой раз она мне подарила китайский чайный набор, потом — фортепиано, а на прошлое Рождество купила мне женское седло, так что мне пришлось покупать для нее лошадь. Так вот на это Рождество я хочу, чтобы она купила подарок только для меня, такой, который могу использовать я и который будет ей абсолютно бесполезен.

— Гм,— произнес задумчиво другой.— Да, непростая задачка. Нужно подумать. Вы хотите что-то такое, что она не сможет использовать. Есть идея! Закажите себе готовые брюки и подарите их ей!

— Нет, это не пойдет,— охладил пыл второго первый, покачивая головой.— Она их напялит и через десять минут потребует купить ей велосипед.

— Ну, в таком случае, подарите ей бритву, ей она ни к чему.

— Неужели? Но у нее на ногах три мозоли!

— Ну вот! Выходит, нет ничего такого, что полезно для вас и не подходит ей.

— Что-то мне не верится. Но в любом случае, пойдем, хоть что-нибудь да купим...

...

В витрине магазинов зажигаются яркие огни, и перед ними собирается все больше народа.

Для многих любование товарами, выставленными в витринах, является единственным рождественским удовольствием. Многие из провинции, из маленьких городков, расположенных на четырнадцати железнодорожных ветках, которые ведут к Хаустону. Какой-то сельский парнишка, раскрыв рот, с выпученными от удивления глазами, с трудом пробирается сквозь толпу. За ним, крепко удерживая

его за руку, тащится Арамита, в ярком цветастом деревенском наряде, смотрит через очки зачарованными глазами на все это сказочное великолепие на Мэйн-стрит. Когда они вернутся домой, в Гальвестон, то еще долго будут вспоминать чарующее великолепие большого города, который когда-то посетили на Рождество.

• • •

Человек с торжественным видом, в шелковом цилиндре, в черном красивом сюртуке, протискивается через толпу. Можно подумать, что это какой-то городской магнат, который идет домой, или священник, вышедший на улицу, чтобы изучить идиосинкразию человеческой природы. Вдруг он открывает рот и нараспев, визгливым голосом начинает зазывать покупателей: «Вы только подумайте, как удивится мамми, когда ее маленький Вилли придет домой с усами, точно такими, как у папы,— так что немедленно покупайте, торопитесь, ребята. Это чудесные усы, их можно крутить, сгибать, тащить в сторону и причесывать расческой, как настоящие. Ну-ка, навались, ребята!»

Он ловко цепляет к верхней губе под носом черные усы с чудесными завитками с обоих концов, иногда ему удается продать свой товар какому-нибудь мальчишке, который робко совершает свою рождественскую покупку.

На краю тротуара стоит какой-то неказистый невысокий человек, который предлагает «самую чудесную игрушку века, которая вызывает больше откликов и восторга, чем любой предмет, выставленный на Всемирной ярмарке». Толпа осаждаст его, и все наперебой покупают так разрекламированный товар. Но никто и не предполагает, что всего в двадцати шагах от продавца в Хаустонском магазине игрушек эта игрушка уже лежит на полке многие годы.

• • •

На углу улицы стоит группа, ну, скажем, молодых людей. На всех — новые, модные пиджаки с отложными воротничками, а в петлице — цветок хризантемы. Цилиндры у всех съехали на затылок и впереди у каждого низкая челка. Они разглядывают проходящих мимо девушек. Как был бы рад Чарлз Диккенс встречи с этими молодыми людьми! Но, увы, он умер, так и не завершив до конца своего естественного отбора. Давайте прислушаемся к отрывкам того, что счита-

ется у них беседой, которые можно уловить в их гоготе:

«Чертовски хороша девица, но, кажется, слишком... сигарету?... кажется, я тебе должен одну... да, очень красивая девица, но... какой красивый галстучек, лучший из всех... я бы заплатил за пансион, но... увидели мой элегантный костюм и вышибли меня в два счета из гостиной — у меня в кармане ни цента, а у этой девицы, конечно, деньги есть... старик говорит, что мне нужно работать... ты только посмотри на эту блондинку с... она мне улыбнулась, а теперь вон на ту маленькую с голубыми глазками... но старик дал мне по мозгам — я теперь с ним не разговариваю... нет, нет, вон там брюнетка в белом... я, по правде говоря, озверел и сказал: будь ты проклят... конечно, пуговицы в виде запонок...»

...

На углу сидит женщина в синих очках и крутит ручку шарманки, на которой стоит ламповое стекло, а внутри горит сальная свеча.

Почему свеча — наблюдателю то неизвестно. Рядом съезжился бледный маленький мальчик. Какой-то филантроп наклоняется к нему, зажав между пальцами никель. Где-то далеко среди девственной природы в Олвине у него тоже есть мальчик приблизительно такого же возраста, сердце у него при виде этого малыша смягчилось. Вдруг малыш вскакивает на ноги. В зубах у него сигарета, и он внезапно бросает под ноги филантропу шутиху. Она взрывается, мальчик ревет от восторга, а филантроп бормочет: «Будь проклят ваш пацан» — и сохраняет никель на пиво.

...

У витрины стоит женщина и взирает своими размытыми глазами на блестящие бриллианты и сверкающие золотые изделия. По ее черному платью можно догадаться, что она вдова. Всего год назад она с уверенностью опиралась на сильную мужскую руку, с любовью, гордостью и радостью. Сегодня эта надежная рука под землей в могиле на церковном кладбище превращается в прах. И все же женщина не на краю отчаяния. Она предается приятным воспоминаниям о своем возлюбленном, который всегда поддерживал ее, и, кроме того... она держит за руку человека, за которого выйдет замуж, как только срок траура подойдет к концу. Она выбирает в витрине для себя обручальное колечко.

...

Полицейский маячит в тени навеса с дубинкой в руке, готовый нанести удар.

Через две двери от него живет Олдерман, член муниципалитета, который голосовал против его дальнейшего пребывания в полиции. Совсем скоро сынок Олдермана выйдет из дома на тротуар, чтобы поставить на Рождество свечку в храме, и вот тогда полицейский и нанесет свой удар: муниципальное постановление будет вынесено, а мальчик с разбитой головой унесен.

...

Человек подходит к продавцу в магазине модных дорогих товаров:

— Хотелось бы кое-что приобрести для моей тещи,— говорит он. — Думаю...

— Джеймс,— крикнул продавец,— покажи этому джентльмену отдел, где все продается по пяти центов.

Торговцы, знающие своих покупателей в лицо, заранее знают, что тем нужно.

Человек, явно священнослужитель, входит в бакалейную лавку, которая находится рядом с салуном. Продавец готов его обслужить, он покупает на десять центов мясного фарша для пирожков, после чего мнется, откашливается.

— Что-нибудь еще? — вежливо осведомляется продавец.

Церковник теревит свой батистовый галстук и говорит:

— Завтра ведь Рождество, вы знаете, день святочных мыслей, день мира на земле, и-и-и наши сердца должны возносить хвалу и исполнять рождественские гимны, однако нужно ведь обедать, ну а мясные пирожки, вы знаете, они нравятся в моей семье только маленьким, ну, фарш я взял, может, я думал, у вас найдется что-нибудь для приправы, для вкуса, ну, капелька-другая...

— Послушай, Джимми,— рявкнул продавец,— пойдешь в салун рядом, следующая дверь, и принеси этому джентльмену бутылку виски.

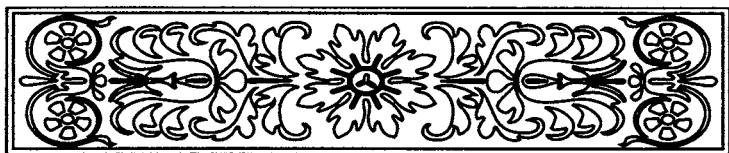
...

Рождество дарит радость многим людям; оно освещает ярким светом жизнь тех, кто редко пользуется солнечным теплом; им, однако, многие злоупотребляют, превращая его в источник попойки и греха; но для самых маленьких оно

всегда будет источником вечной радости, так что пусть гудят маленькие рожки и выбивают дробь красные барабаны, ибо их беспокойные ножки, вместе с грязными маленькими ручками, первыми вступят в Царство Божие.

Счастливого Рождества всем!

КАНУН НОВОГО ГОДА И КАК ОН НАСТУПИЛ В ХАУСТОНЕ

Случайные наброски, когда уходил старый год

Если мы искренне радуемся Новому году, то должны смотреть на него глазами оптимиста и воспевать ему хвалу языком раскаяния.

Мы должны изгнать из сердец холодную заповедь, что история повторяется, и стремиться к вере, что пороки дня сегодняшнего будут вытеснены добродетелями дня завтрашнего.

Если фантазия нашептывает нам, что с двенадцатым ударом часов ровно в полночь старый порядок изменится, будет заменен на новый, в этом случае не станем перечить, отложим все сомнения, если только это возможно, и будем упиваться сказочкой, которую рассказывают нам весело звенящие новогодние колокольчики.

Произвольное деление человеком времени на часы, дни и годы не вызывает никакого заметного толчка или остановки, а колесо времени с бесшумной пневматической шиной катит себе и катит, отмеряя циклы лет. Никакому гвоздю на земле не проколоть этой шины. Старик Время настоящий лихач, он едет без фонаря и без предупреждающего колокольчика. Годы, которые для нас являются мильными столбами, для него всего лишь гравий под обрешиненным ободом. Но для нас, за несколько дней до новогодней ночи, они являются предостережением и заставляют нас отметить час на циферблате великих часов, стрелки которых тихо, неумолимо движутся вперед и никогда не поворачивают вспять.

Новый год, конечно, праздник женский. Но в нашем мире настолько все безнадежно перемешалось, что, несомненно, очень трудно определить, какого рода время. И в который раз можно сказать, что Новый год — это вам не херувимчик-дебютант с глазами, наполненными радостью

пророчества, а мрачная древняя старая дева, которая уютно устраивается среди нас с легкомысленным хихиканьем, немного помолодев по такому случаю. Мы с незапамятных времен повинемся тем же чарам, мы нашептываем приятные, бессмысленные пустяки, предназначенные для тех же ушей, и сколько новых лун взошло на небе с той поры. Мы сами в прошлом снимали краску и слой пудры с этих старческих щек, надеясь навести на них румянец молодости. Ну почему бы нам вновь не поддаться привычной иллюзии? Давайте скажем снова, что она такая красивая, такая свеженькая, словно занимающееся утро, и устроим для себя сезон веселья и тихой радости.

Смычки ударяют по струнам скрипок, вздыхают гобои. Дай же руку, славный, застенчивый Новый год, — не забудь только о ревматизме своего колена, — давайте встретим его, когда радостные колокола провозглашают очередной дебют под номером 1896.

...

Последний день уходящего года обычно проводят откладывая про запас как можно больше того, что может пригодиться на следующий день для торжественных клятв.

Куда легче отказываться от чего-то, когда у тебя всего полным-полно. Как просто в Новый год, сразу после праздничного обеда, когда в голове полно важных решений, а в желудке — индюшатины, опуститься на колени и торжественно поклясться, что больше никогда не притронетесь к пище. Человек, который утром в славный день Нового года стоит, дрожа от страха, стоит на середине стола, а змеи с ядовитыми ящерицами весело играют на полу в жмурки, без особого труда способен отказаться от кубка с переливающимся напитком. Темно-красный, с пупырышками-заклепками медного цвета, орган вкуса, известный всем медикам-профессионалам под названием «нью-йоркский язык», — он является большим стимулом для любой реформы.

Прекрасная, похожая на сирену сигара, подаренная на Рождество, на которую любо-дорого глядеть, стоит ее зажечь, начинает сворачиваться, словно змея, жалить нас, вырывая у нас клятву покончить с Леди Никотин раз и навсегда.

Когда мы пытаемся сесть в кресло-качалку на малиновую подушку с ручной вышивкой, подаренную нашей тетушкой-девицей, и, соскользнув с нее, приземляемся на пол на позвоночник, то мы готовы опуститься на колени и, зажав кинжал между зубами, торжественно поклясться самими небесами, что больше на эту треклятую подушечку никогда не сядем.

Когда мы выходим на улицу в галстуках, подаренных нам женой, а какой-то бездельник на углу спрашивает: «Это что еще такое?», а разносчик газет вопрошает: «Что это у вас за штуковина?», то стоит ли удивляться, что мы проклинаям привычку носить галстук, как самого отъявленного врага человечества, и утром в день Нового года торжественно клянемся отказаться от галстуков навсегда?

Когда мы прощаемся и, сцепив зубы, бредем домой в рубашке, сшитой прекрасными ручками нашей партнерши по супружеской печали, то чувствуем, что воротник на ней гораздо уже того, который был у ныне покойного, оплакиваемого всеми Гэрри Хейворда, а нижний конец рубахи короче любой популистской передовицы, а грудь вся в складках, которые топорщатся, как на фартуке цветного повара в День эмансипации, рукава волочатся по полу, а вам при этом говорят: «Ах, как хорошо, мой дорогой, именно этого я добивалась», то стоит ли удивляться, что мы клянемся именами Господа, Авраама и Якова под звон нью-йоркских новогодних колоколов, что никогда не будем носить вещь, сделанную руками той половины обитателей земли, которая усаживается на пол, чтобы надеть туфли, а туловище мужчины использует как удобную мусорную корзинку для разорванных, полусгнивших простыней?

Ах, сколько же восторженных клятв мы даем в день Нового года!

...

Когда бесцельно бредешь по улицам Хаустона в последний день старого, 1895 года, то немногие сценки и звуки привлекают внимание, передавая дух времени, а едва прослушивающийся пульс указывает на общий тонус рода человеческого.

Уже около шести вечера, и по тротуарам движется оживленная толпа. Вот идет красивая маленькая продавщица, такая стройная, такая опрятная, как на картинке из журнала

мод. На ее широкополой шляпке колышутся перья, а ее низкие каблочки весело стучат по асфальту: тик-так-тик-так. Веселая, жизнерадостная, смешливая, она идет ужинать и, кажется, весьма этим довольна и счастлива. Проходя мимо витрин ювелирного магазина, она бросает на них косые взгляды. Вероятно, надеется, что в один прекрасный день на ее белоснежном пальчике появится один из выставленных там сияющих бриллиантов. Губки у нее изгибаются, на них появляется многозначительная улыбка. Она думает сейчас о красивом, элегантно одетом мужчине, который очень часто подходит к ее прилавку в большом магазине, где она работает, чтобы купить у нее товары. Какой он величественный, великолепный, какие у него говорящие глаза, какие чудные усы! Она не знает, как его зовут, но не беда, зато она знает, что он интересуется товарами, которые она продает. Какой у него мягкий голос, когда просит назвать цену того или этого товара, и с каким романтическим, глубоким чувством он говорит, что «если на небе будет много облаков, то наверняка пойдет дождик». Интересно, где он сейчас? Она заворачивает за угол и там нос к носу сталкивается с ним. Она вскрикивает от неожиданности, но затем лицо ее твердеет, а в глазах появляется холодок.

На руке у мужчины громадная корзина, из которой торчат похолодевшие, раздвинутые в отчаянии ножки индейки, которая совсем недавно распростилась со своей душой. Ярда на два за ним — хвост из сельдерея, зеленый турнепс, цветная капуста и желтоватый ямс удобно устроились, словно в гнездышке, у него в корзине. На лице — невообразимое смущение, на нем отражаются красноватые сполохи нечистой совести, в его глазах с романтическим оттенком она читает старую историю о только что женившемся холостяке, а за руку он ведет маленького мальчика с приплюснутым носиком.

Она вскидывает свою красивую головку и, глупо склонив ее набок, громко бросает про себя только одно слово: «Женат!» — и тут же исчезает.

Он перекладывает печальный, холодный трупик индейки на другую сторону корзины, хватая своего мальчонку с приплюснутым носиком, проносит его пару шагов по воздуху, а сам в это время дает торжественную клятву, что больше никогда не пойдет в супермаркет в течение всего радостного и счастливого нового, 1896 года.

Канун Нового года

...

Гражданин беспокойно меряет шагами свою гостиную. Вероятно, он чувствует, что развязка близка, ибо лицо у него напряжено, его руки нервно то сжимаются, то разжимаются, он их то и дело сцепляет за спиной. Он чего-то напряженно ждет. Вдруг дверь отворяется, и в комнату входит их семейный доктор, он все время улыбается и вид у него какой-то праздничный. Гражданин направляет на него вопросительный взгляд.

— Все прошло отлично,— сообщает ему доктор.— У вас тройня, все мальчики и все превосходно себя чувствуют.

— Тройня? — переспрашивает в ужасе гражданин.— Тройня!

Он опускается на колени и, словно в лихорадке, восклицает:

— Завтра — Новый год, а сегодня я торжественно клянусь, что...

Слышится веселый перезвон новогодних колоколов, словно аккомпанирующих принятому им решению.

...

Люди приходят, люди уходят.

В магазинах, выставивших на продажу последние свои рождественские товары, можно увидеть то сословие людей, которые на Рождество получают подарки, а сами ничего не дарят, и теперь они пытаются, пусть и поздно, загладить свою вину, чтобы исправиться к Новому году. Новогодний подарок — это, конечно, форменный обман, в нем столько же душевной теплоты, сколько в похвалах на страницах «Нью-Йорк сан».

Две дамы стоят у прилавка в магазине распродаж, ведут оживленную беседу, правда, в низком, злопыхательском тоне.

— Она прислала мне на Рождество,— говорит одна,— маленький старый никелевый подносик для визиток, а мне известно, что купила она его в лавке у одного афериста. Клянусь Господом, я и не думала ничего покупать для нее, но теперь-то мне нужно сделать ответный жест — что-то послать и ей за эту старую вещичку, но только не знаю, что именно выбрать для нее. Нужно подумать... ах, да! Теперь я знаю. Го-

ворят, она была горничной в отеле «Святого Людовика» до того, как вышла замуж. Так я пошлю ей вот эту маленькую серебряную булавку с маленькой метелкой на ней. Интересно, хватит ли у нее ума понять мой намек?

— Надеюсь, что поймет, я даже уверена в это,— сказала другая.— Я вспомнила в связи с этим, как Джордж подарил мне на Рождество красивое новое манто, а я совсем забыла о подарке для него... Сколько стоят вон те роговые застёжки для воротничка?

— Пятнадцать центов за дюжину,— отвечает продавец.

— Погодите, дайте подумать,— говорит, словно раздумывая, леди.— Да, я их возьму. Джордж всегда так добр ко мне. Дайте, пожалуйста, три застёжки.

...

«Viva el rey; el res esta memento!»¹

Испанская фраза куда, на наш взгляд, лучше избитой французской и она верна, хотя и старательно пересмотрена одним из самых надежных дилеров, связанных с таким яством, как толченая кукуруза с мясом и красным перцем. Старый год уходит, давайте встречать Новый. В счастливых домах Хаустона обитатели в легком танце проводят последние часы под пучками остролиста и омелы на стенах, а за ними, за этими стенами, собираются те, кто наследует нужду, нищету и заботы, те, которым Новый год не сулит ни большой радости, ни надежды.

Два молодых человека бредут по тротуару на Престон-стрит. Один поддерживает другого под руку, ведет его. Тротуар кажется средоточием лощин и излучин, он извивается среди пригорков, впадин и запутанных лабиринтов. Один из молодых людей думает, что он умирает. Другой в этом не очень уверен, но надеется, что его приятель не ошибается. Оба они большие друзья по старому году, и им нелегко видеть, как быстро он проходит, как бы им хотелось собрать все свои беды и печали в один мешок и бросить его в воду, утопить.

— Прощай, мой дорогой друг,— говорит тот, кто умирает.— Уходи, оставь меня умирать здесь, в этой безграничной прерии. Песок жизни высыпается, как и все остальное. Этот цыпленок с салатом сделал свое черное дело. Теперь я больше никогда не увижу ни мамочки, ни папочки.

¹ Да здравствует король; король мертв! (исп.)

— Боб,— говорит ему другой,— ты настоящий идиот. Не смей умирать. До этого города Хаустона осталось не больше десяти миль. Мы находимся на ипподроме Гарвея Вильсона и идем по кругу. Неужели твоя мать не воспитала тебя для страны?

— Нет, не могу, старик. Все мои конечности холодеют. В глазах у меня темнеет, весь мир ускользает от моего взора. Почему бы мне не помолиться, старик, до того, как последняя искра жизни погаснет во мне? Почему бы тебе не сказать: ложись и усни, а, Джим?

— Не будь дураком, Боб, пошли. Как только дойдем до города Хаустона, там выпьем.

— Джим, я уже мертвец. Я был злым человеком, много врал, играл в покер. Для такого человека, как я, больше нет порядочного, честного общества. Я был порхающей бабочкой и загубил сердца семидесяти пяти любящих созданий. Послушай, Джим, я слышу, как поют ангелы, как они играют на арфе, я вижу яркий небесный свет, вижу, как все цвета радуги отходят от золотых ворот. Неужели, Джим, ты не слышишь этот сонм поющих ангелов, не видишь яркого света Нового Иерусалима?

— Боб, ты законченный идиот, разве ты не знаешь, что это поет Армия Спасения, а свет — это электрические лампы «Эд-Киамы». Теперь я знаю, где мы. В следующем квартале есть пять салунов.

— О, Джим, ты спас мне жизнь. Ну, давай сделаем еще одно усилие, перед тем как я умру, и попроси бармена бросить в мой стакан побольше льда.

• • •

Полночь близится не спеша, и, хотя некоторые встречают приход Нового года веселым разгулом, другие уносятся в страну мечты и позволяют ему приближаться тихо, без громких оглашений.

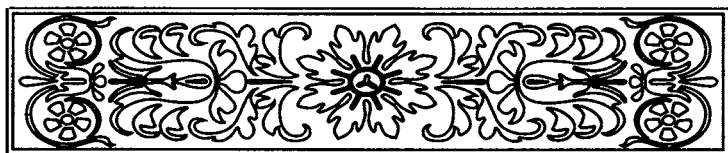
Леди, которым за тридцать, с мрачным видом склоняются с безжизненным блеском в глазах над статьей в «Воскресной газете», в которой рассказывается, как нужно бороться с морщинами, и лишь печально покачивают головами, когда читают, что знаменитая французская красotka мадам Бонжур сохранила красоту и молодость до ста десяти лет, так как постоянно пользовалась бальзамом «Бункер Банко».

Новый год приближает для них печальную перспективу обнаружить еще один седой волосок или вороний черный кружок под глазом.

Для всех не очень заметных людей приход Нового года — это лишь продолжение Рождества, и они переворачивают еще один лист в книге своей жизни спокойно, без дурных предчувствий.

Счастливого Нового года всем!

«СТРАЖ, ЧТО ПРОИСХОДИТ В НОЧИ?»

В то время как Алонсо в четырнадцатый раз прощается со своей Мелиссой у ворот сада, а отец семейства сердито кричит из окна, возмущенный шумом, поднявшим его с постели, в город толкаясь устремляется целая армия тружеников, которых позвала работа, когда весь мир сладко поживает на своих мягких подушках.

Когда-то— было такое время — все честные бюргеры, чувствуя, как их одолевает сон, укладывались в своих ночных колпаках довольно рано в постель, а на опустевших, тихих улицах раздавались лишь отзвывавшиеся эхом шаги городского стража, который шел, размахивая фонарем, по своим опустевшим владениям и нарушал тишину своим громким криком: «Вокруг все спокойно!»

Но современные взгляды превратили ночь почти в день. Когда мы беззаботно храпим дома, сотни людей трудятся, чтобы мы не испытывали по утрам дискомфорта. Пекарь выпекает утренние свежие булочки; молочник орудует доильным аппаратом; мясник озабочен выбором самой старой коровы из стада, чтобы ее забить; пожарный, не смыкая глаз, бдит; аптекарь, несмотря на одолевающий сон, бодрствует, чтобы приготовить нам болеутоляющее или продать липкий пластырь; телефонная барышня, жуя резинку, читает свои романы, поглядывая на тикающие часы; печатник возится со своей машиной; репортер бродит по улицам, охотясь за новостями в номер, попивая кофе с тостом; полицейский маячит на углу, готовый ударом своей смертоносной дубины сбить у нас с головы любую, даже самую модную шляпу.

Все эти ночные работники создали для себя свой собственный мир. Они постепенно знакомятся друг с дружкой, и, судя по всему, у них зарождается взаимная симпатия из-за их особого стиля жизни. Ночные полицейские, газетчики, делающие утренний выпуск, извозчики, дворники (мы не

говорим сейчас о Хаустоне), запоздавшие вагоновожатые, обслуживающий персонал ночных ресторанов, бродяги, продавцы копченых сосисок, бездомные знакомятся друг с другом, приветствуют друг друга каждую ночь во время своих регулярных и бесцельных перемещений кругами.

Только те, кто, движимые делами или любопытством, приходят в этот ночной мир, знают, какие странные сценки в нем можно наблюдать.

Можно сказать, что ночь в городе начинается в двенадцать. К этому времени все дневные труженики уже дома, надвигается ночная смена. Трамваи уже не ходят, и задержавшийся гражданин, спешащий из масонской ложи или с партийного собрания, уже должен быть дома. Даже тяжелые на подъем супружеские пары, которые были в театре или наслаждались устрицами в «кафе для женщин и мужчин», вынуждены подчиниться неизбежному и неохотно направиться по домам.

Тогда наружу выходит то, что до сих пор скрывалось в тени: белоллицые существа с совиными глазами, которые бродят в ночи и приветствуют рассвет с постными, мрачными физиономиями, а солнечный свет — за закрытыми на засов дверями и зашторенными окнами.

То там, то здесь на улицах появляются арки огней, крутящиеся двери, группы бледных, со спокойными лицами аристократов в безупречной одежде, с белыми гибкими руками.

Они такие куртуазные, с мягкими звучными голосами, но глаза у них бегают, а их поступь легка и опасна, как у тигра.

Все они — игроки, они ограбят вас так же вежливо и честно, как любой брокер на бирже или фокусник на железной дороге, чисто по-христиански.

Байрон писал: «Луна для Дьявола, для зла, не долгий день, июнь не двадцать первый день сокращает зло наполовину, как и те три часа, оставшиеся Луне для зла».

Но самое плохое, когда наступает безлунная ночь. Темнота пробуждает в человеке скрытые порочные страсти, она главный подстрекатель зла. Когда наступает ночь, пьяница вдвое увеличивает объем выпитого, голоса бражников не умолкают и даже степенный, уравновешенный гражданин, оплот цивилильно-социального правительства, утрачивает контроль над собой и тоже начинает расслабляться в своем социальном кругу.

Галантный язык допускает излишние вольности, и даже сама невинность допускает более смелое, более развязное восхищение собой. Что же тут удивительного, когда беззаконие достигает предела, а грех задирает свои шурушащие юбки перед физиономией чистой добродетели, когда наступает царство темноты!

В ночных салунах всегда кто-то есть. За маленьким столиком в углу всегда можно увидеть двух-трех потрепанных сомнительных личностей, посетителей, которые либо молчат, размышляя о тех несчастьях, которые принес им этот мир, или говорят, тихо рассказывая друг дружке обиженным тоном о своих бедах. Опрятный, ухоженный полицейский с сияющими, надраенными пуговицами на мундире идет по улице, поигрывая своей дубинкой. Он осторожно толкает двери больших магазинов, торговых домов и ювелирных лавок, пробуя, достаточно ли надежно они закрыты. Он никогда не ошибается, потому что не жалеет своего времени на проверку надежности замков и в маленьких магазинчиках.

Время от времени проходят стайки молодых людей, воротники их пальто подняты, они громко смеются, сыплют жаргоном и предпочитают грубые жесты. По темной стороне улиц крадутся черные фигуры, смешиваясь с тенями, они идут, шаркая ногами, тащась по склону вечности. Это — пользующиеся дурной славой, но, по существу, безвредные личности, которые незаметно, словно тати, вышли на улицу, чтобы купить кокаин или опий и с их помощью смягчить большой укус впившихся в них острых зубов нужды. В больших, высоких окнах горит приглушенный свет, там встревоженная любовь бдит возле кровати страдающего смертного длинными бессонными ночами, внимая стонам, которые она не в силах приглушить, и удивляясь таинственному великому плану, который так умело скрывает все свои замыслы до достижения благополучного конца.

Далее в дельте реки пульсируют крупные артерии города, на них всю ночь напролет клубы пара пыхтящих пароводов и стук поршней двигателей, заставляющих течь живые струи, там люди крутятся, словно дьяволы, в красном отсвете пылающих печей, там храпящие паровозы ползут вперед и возвращаются назад, волоча за собой многие мили тяжелые грузовые вагоны, а зажженные фонари танцуют и кружат среди этого хитросплетения железнодорожных пу-

тей и маневрирующих поездов, словно большие эксцентрисные искры от костра.

Всегда можно увидеть нескольких человек, взгромоздившихся на высокие табуретки перед стойкой, где всю ночь подают посетителю ланч. Большею частью, это — те же члены ночной рабочей силы, телеграфисты, ночные клерки, железнодорожники, мальчишки-рассыльные, вагоновожатые, репортеры, извозчики, печатники и стражи порядка, которые заходят сюда, чтобы выпить чашку кофе или съесть бутерброд.

Ночной клерк в аптеке лучше других видит, насколько печальна, насколько плоха наша жизнь. Посетители приходят в любое время ночи. Один человек в расхристанной одежде с беспокойными манерами здесь частый гость. У него есть рецепт от доктора для больного из его семьи и он считает просто божественным благословением, что нашел открытую в такой поздний час аптеку. Клерк готов составить по рецепту нужное лекарство, теперь человеку не придется дергать с полчаса за веревку колокольчика у двери, чтобы разбудить заснувшего аптекаря или вообще ничего не дожидаться, так как тот давно ушел домой.

Люди, которые, как кажется, уже на краю отчаяния, приходят за ядом, большей частью за морфием. Иногда утратившая всякую надежду, измученная женщина с большими глазами, в которых погасла надежда по прихоти безжалостной судьбы, кое-как вползает в дверь аптеки, чтобы попросить у аптекаря что-нибудь, что может прекратить ее боли навечно. Часто в самый непроглядный час, который, как говорят, наступает до зари, в аптеку торопливо входит мужчина, покупает несколько фунтов размельченного мела, неслышно выскальзывает из двери и увозит свою тележку с двумя большими блестящими банками чистого жирного молока сорта «Джерси».

В лазаретах и больницах нянечки и сестры милосердия с добрыми, сердечными лицами склоняются над кроватями страдальцев в течение всей нагоняющей усталость ночи и приносят не одному страдающему сердцу, как и измученному болями телу, утешение и надежду. Врачи тоже немало чего видят из темной, ночной стороны жизни. Они на ногах и днем и ночью, телефонный звонок поднимает их с постели в любой час: мелькнул острый нож в драке — вызывают вра-

ча, если леди чувствует, как у нее нервно колотится сердце, — за ним немедленно отправляют экипаж и он должен на нем приехать к пациентке, чтобы пощупать ее пульс в разгар ночи.

Часто ему приходится наблюдать за страдающей женой или ребенком, в то время как их муж или отец веселится в дурной компании.

• • •

На ящике из-под модной одежды сидит бродяга, болтая ногами. Два часа ночи, он жует щепку и бросает косые взгляды на полицейского, стоящего на другом углу. Что же он тут делает? Да ничего.

Если ли у него надежды, страхи, свои вкусы, амбиции, испытывает ли он ненависть, чувствует ли любовь, имеет ли какие-то желания? Если и имеет, то очень мало. Может, его философия и есть истинная?

Джон Дэвидсон так рассказывает о таком человеке в своей поэме:

Поэма Джона Дэвидсона

*По грязным улицам слоняюсь я
Все дни, и ночь я снова там,
Урывками лишь тяжкий сон сваливает меня,
И будит по утрам зарю чуть слышный гам.*

*В лохмотьях я брожу всегда,
И тело голое видно через них,
На голове лишь клох волос, клочкастая борода.
И взгляд моих неясных глаз давным-давно поник.*

*Не знаю я ни ремесла, искусство чуждо мне,
Надежда, страх, мечты мои — все минуло давно,
Но я, ничтожный человек, не покорюсь Судьбе!
Мой выбор сделан — теперь мне все равно.*

*Дышу я ровно, равнодушен и к смерти, и к балям,
А дух мой тверже все становится к утру,
Прислушиваюсь я к Неба голосам
И каждый день лишь милостыни жду!¹*

¹ Перевод Л. Каневского

Его состояние, пожалуй, очень близко к нирване. Теннисон затронул другую струну, и то, о чем он говорит в своих стихах, большинство людей рано или поздно почувствует:

*Не желать ничего и ничем не восхищаться,
Пусть этому научится человек,
Это куда важнее, чем разгуливать, подобно султану,
В старом благоухающем саду.*

Бродяга все сидит, высиживает самые утомительные ночные часы, или устало бесцельно бродит по улицам, либо заползает в какой-нибудь подъезд или коридор, чтобы беспокойно поспать несколько коротких часов.

Вот его достойное сожаления решение в отношении жизни, самое лучшее решение, и хотя то место, в котором когда-то гнездилась боль, онемело, оно прямо противоречит замыслу человека ожидать с безнадежной стойкостью «милостыни» от смерти.

Одна из самых важных отраслей индустрии, которая работает по ночам, — это печатное дело, выпуск самой большой утренней газеты. Средний читатель, разворачивающий ее страницы по утрам за чашкой кофе, и не думает о том, что она — плод труда сотен людей, большая часть которых тащится, усталая, еле передвигая ноги, домой в тот час, когда мальчишка-разносчик оглашает раннее утро своими зычными привычными криками.

Когда наступает ночь, дневной штат газеты собирается домой, телеграф Ассошиэйтед пресс отстукивает свои сообщения со всех концов мира, редактор занят тем, что приклеивает «собак» к перепечатанным на машинке телеграфным сообщениям, а ночной редактор уже закатывает рукава и, положив свою карающую дубинку рядом, начинает чуть слышно читать молитву Богине Инвективе, после чего принимается ворошить кучу материалов, присланных корреспондентами.

Включен государственный телетайп, а мальчишки-курьеры уже прибегают с сообщениями «срочно».

Главный редактор городской газеты и весь его штат уже на местах, а газетчики заняты отбором местных новостей из записей, сделанных ими в течение дня.

Звонит телефон, репортер хватает с полки свою шляпу и мчится освещать происшествие, нарушающее общественное спокойствие: кого-то переехал экипаж, возник пожар, произошло ограбление или ограбление со взломом, в общем, что-то такое, что все добропорядочные граждане не могут пропустить, когда они поглощают мелко порубленное мясо с овощами и горячей булочкой за завтраком.

В большой редакционной комнате, где кипит работа, по ночам можно увидеть странных людей, забавные сценки. Сюда приходят люди по самым любопытным поводам.

Гражданин спотыкается на последней ступеньке лестницы и почти вваливается, чуть не падая, в комнату. Журналисты смотрят на него, не отрываясь от работы... Волосы у посетителя растрепаны, пальто застегнуто не на те пуговицы и без воротника, он моргает, пытаясь вызвать блеск в заспанных глазах. Это — хорошо всем известный гражданин, и весь штат сотрудников удивлен его таким странным внешним видом. Он сразу идет к телеграфисту и кладет обе руки на перила его конторки.

— Послушай,— говорит он ему неуверенным от выпитого голосом,— вот что я хочу тебе сказать: ну-ка отстукай потрясающую новость для всего мира, отправь сообщение в Европу, распрости добрую весть для всех цивилизованных стран, напечатай бюллетень для домашнего пользования.

Телеграфист даже не смотрит на него, и джентльмен пошатываясь направляется к редактору, занимающемуся железнодорожным транспортом.

— Что случилось? — спрашивает тот.

— Железные дороги,— кратко говорит джентльмен.— Вот в чем дело. Самое большое событие на железных дорогах, такого еще никогда не было. Оно заслуживает целых двух колонок, из-за того переполюха, который породило в железнодорожных кругах.

Редактор по транспорту продолжает спокойно писать, а визитер бросает на него осуждающий взгляд и направляется к главному.

— Послушай, приятель,— говорит он,— это такая сенсация, которой мир еще не ведал. Ни одна другая газета об этом не знает.

— Что за сенсация? — спрашивает главный, не поворачивая головы.

— Потрясающая сенсация в первой палате. Немедленно отправляйте четырех, даже пятерых репортеров ко мне домой. Я сейчас возвращаюсь. У меня была двойня, когда я был дома. Теперь пойду посмотрю, не вылез ли кто еще. Я вернусь и сообщу вам, если обнаружу там еще кого. Пока, джентльмены, приготовьте две колонки на первой полосе — я скоро вернусь.

Позже в комнату вваливаются трое или четверо молодых джентльменов. Они все хорошо одеты, в руках — трости и все они, кажется, хорошенько повеселились. Пальто на одном или двух разорвано, галстуки съехали набок, на глазу у одного повязка из носового платка. Они почтительно разговаривают с главным, и по их некоторым схваченным словам и фразам, можно догадаться о цели их визита: «Пренеприятное дело... полиция... лучшие в городе семьи... паблисити... нет, серьезных увечий нет... высший свет... слишком много выпито вина... имена не называть... ну, повздорили... нам очень жаль... мы опять со всеми друзьями...»

В комнату входит разносчик горячих ланчей со своей корзиной, в которой лежат копченые колбаски с горчицей, сэндвичи с ветчиной, сваренные вкрутую яйца, холодная курятина. Но все сотрудники слишком заняты, они не замечают его, тогда он поднимается по лестнице наверх, там работают наборщики и верстальщики.

Мальчишка-курьер приносит срочную телеграмму. Ночной редактор вскрывает ее, читает, вскакивает на ноги. Он рвет на себе волосы и пинает с такой силой свой стул, что тот отлетает от него футов на десять.

— !!!! — вопит он. — Вы только послушайте, что это такое. Это — срочная телеграмма с материалом от сельского корреспондента, вот что в ней говорится: «Сюда пришла весна. Птички весело поют на деревьях. Персиковые деревца в полном цвету. Погода значительно улучшилась. Фермеры не теряют надежды на хороший урожай фруктов, который, несомненно, будет собран, если только нагрывшие заморозки не повредят почек».

— ! — восклицает снова ночной редактор, но ему явно не хватает словарного запаса, чтобы выразить чувства, он перекусывает пополам сигару и садится на место.

Какой-то человек в сюртуке, с массивной тростью, подпрыгивая, входит в комнату и пододвигает стул к столу ночного редактора.

— Знаете, когда я был с Ли в Виргинской долине,— начинает он...

— Простите,— перебивает его редактор,— но сейчас же вы не с ним.

Визитер печально вздыхает, стреляет у него сигару со спичкой и перемещается в другом направлении в поисках более чувствительных ушей, которые будут воспринимать его рассказ более снисходительно.

Ближе к двум главный редактор и его заместители заканчивают работу, редактор по транспорту ставит дату, и все дружной толпой уходят, оставляя на посту ночного редактора, который будет здесь торчать до упора.

В наборном цеху наборщики трудятся с семи вечера, их пальцы бегают по ящичкам с шрифтами так проворно, словно с десяток Падеревских прикасаются к клавишам фортепиано. Они заканчивают работу около 3.30 утра. Как только ночной редактор уходит, прибывает новая армия. Эти люди встают с постели в два или три часа утра. Клерки из отдела распространения готовят газеты к отправке на почты небольших городов, мальчишки-разносчики толпятся в коридоре, ожидая свой товар, а за стенами редакции уже слышны первые слабые звуки наступающего дня.

По темным улицам гремят колеса. Молочник уже на ногах, а мясник со своей тележкой толкает ее по знакомому маршруту. Полицейские уже не столь бдительны, а вокруг кофейных павильонов собирается все больше ночных работников, которые заходят в них, чтобы выпить чашечку кофе по дороге домой.

Еще пять часов до того, как моя дама проснется в своем будуаре, сотни ее рабов уже готовы к услужению. Когда в десять утра она усаживается за свой столик для завтрака после соответствующего продолжительного утреннего туалета, то не думает о своих верных вассалах, которые трудились не покладая рук всю ночь, чтобы приготовить ей приличный завтрак. За несколько миль от ее дома молочник со своими помощниками встают в два часа ночи, чтобы надоить молока для ее утреннего чая, пекарь за несколько часов до этого печет для нее булочки и тосты, а газета, которую она лениво просматривает, — это двадцатичетырехчасовой непрерывный труд самых мозговитых, самых интеллигентных, самых ученых и очаровательных людей в мире.

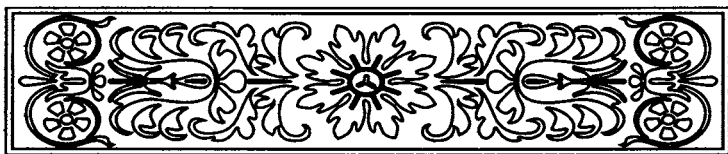

Ночной редактор останавливается, может, для того, чтобы проглотить легкий завтрак у стойки и несколько минут поболтать с ночными работниками, с которыми он там общается. Потом устало бредет домой, встречает какого-то гражданина, который по каким-то причинам поднялся в столь для него безбожно ранний утренний час.

— Доброе утро,— здоровается с ним гражданин. — Что это вы делаете здесь в столь ранний час?

— Ах, и не спрашивайте,— отвечает ночной редактор,— мы, газетчики, должны рано вставать, чтобы выпустить нашу газету к завтраку граждан.

— Да, да, конечно,— говорит гражданин,— а я совсем об этом и не думал!

ГАЗЕТЧИКИ-ПОЭТЫ

Журналисты-поэты — это, судя по всему, гибрид современности, когда скорость и адская спешка являются обязательными условиями любого успеха. Во всей стране вряд ли найдется первоклассная газета, в штате которой не оказался бы рифмоплет. Журналист — это одно, а поэт — нечто другое, во всяком случае так должно быть. Сочетание из двух, то есть человек, который выполняет работу обоих, скорее всего, это — союз противоположностей.

Журналист — хроникер преходящих впечатлений: он выхватывает из стремительного потока текущих событий то, что достойно внимания, записывает и, отметив свой материал печатью оригинальности, если таковая у него имеется, отсылает еще влажный номер в руки и к сердцам читающей публики, а сам уже бежит за свежей новостью. Он — настоящая машина, машина поразительной эффективности, которая перемалывает мякину миллиона событий за день и передает ценное зерно тем, кто без его помощи бродил бы бесцельно среди куч плевел.

Поэт должен быть человеком совершенно другой заправки. Не его дело отвеивать мякину, но, получив от своего более легконогого собрата пригоршню золотистых зерен, он должен уединиться с ними и приступить к изучению жизни во всем ее разнообразии, изучать ее спокойно, широко и смотреть на все вокруг беспристрастным взглядом. Поэт-журналист может достичь высот знаменитого журналиста, но ему никогда не быть великим поэтом. Муза — слишком робкая девица и не появляется при первом же вызове перепачканного чернилами переписчика. Когда мы пробегаем глазами ежедневные газеты, то время от времени наталкиваемся на стоящие стихи, которые, если и нацарапаны в ходе повседневной нудной текучки, под воздействием вдохновения или без оно, все же заключают в себе истинный огонек жизни. В самом деле, многие жемчужины поэзии, ко-

торые навсегда сохранились в нашей памяти, были созданы под влиянием особого душевного порыва за считанные минуты, но такая практика, скорее, исключение, чем правило.

В какой-то газете недавно сообщалось, что Фрэнк Шентон написал свою замечательную оду за рабочим столом в редакционной сутолоке за два часа, причем одной рукой он создавал шедевр, а другой — обмахивался из-за нестерпимой жары.

Ода на самом деле вышла хорошей, и автор получил немало вполне заслуженных похвал. Однако его способность писать, создавать поэзию сослужила дурную службу его журналистской славе, ибо публика продолжала возносить до небес его вирши, которые ежедневно появлялись в «Атланта конститьюшн». Никто не желал верить, что он способен написать прекрасную оду, поработав над ней денек-другой; нет, он явно перегреется, и ему придется потратить слишком много сил, обмахивая себя рукой, словно веером.

...

Все чаще выдвигается идея, что, скорее всего, газетные рифмоплеты, как правило, не заслуживают звания поэтов и всегда будут оставаться журналистами, которые время от времени занимаются рифмованием только ради того, чтобы расслабиться или для разнообразия.

Широкая публика, однако, склонна принимать все, что срифмовано, за поэзию и часто портит репутацию хорошему журналисту, настаивая на том, чтобы он вошел в века со славой слабого поэта.

Даже один абзац статьи, написанный на злободневную тему, принимает особую остроту, если его зарифмовать, особенно в виде пародии, но наши газетчики-поэты еще не осознали того факта, что неинтересная статья, написанная в прозе, нисколько не выиграет, даже если ее написать в безупречно зарифмованных стихах. Кто-то так описал поэзию: это одинаковые по длине строчки, с рифмами на конце и смыслом посередине. Ежедневная колонка, которую многие журналисты стараются зарифмовать, — это их большая ошибка, если они таким образом стремятся к славе поэта.

Мы здесь имеем в виду тех, кто в самом деле весьма амбициозен и хочет добиться своего увенчания поэтическими лаврами. Тому, кто придает лишь эфемерную важность сво-

им поэтическим попыткам, не нужна никакая критика, ибо она не вызовет у них никакого разочарования.

Некоторые более серьезные мастера рифмы в газетах обладают амбициями, гораздо большими, чем то время, которое они уделяют своим первым поэтическим опытам, и остается лишь сожалеть, что в их стихах сразу заметна спешка, незавершенность, неумение выбрасывать из текста ненужное, явно лишнее.

По правде говоря, вдохновение играло не очень большую роль в творчестве самых знаменитых поэтов мира.

Прежде всего — терпеливый, кропотливый труд, настойчивое, безоговорочное удаление всего лишнего, точное соблюдение поэтического равновесия строк и их тщательная отделка, с помощью которой из грубого алмаза получается совершенный бриллиант.

Одна поэма в месяц, создаваемая некоторыми нашими самыми плодовитыми писателями, может восхищать нас все тридцать дней, но три, написанные за день, заставляют нас приберечь порцию своего восхищения для следующих трех, которые будут навязаны нам утром следующего дня.

Наши поэты Юга особенно повинны в перепроизводстве своей продукции. Те из них, чьи поэтические голоса обычно наиболее слышны среди создателей стихов, занимают такие должности, где они куда более ярко блещут, чем в своих поэтических строчках. Только несколько из них обладают таким талантом, который, несомненно, принесет им славу, если их творческий размах, время и масштабность усилий будут способствовать развитию их дарования и его расцвету.

Мистер Уилл Т. Хейл, чьи поэмы являются в «Мемфис компершиал-эппил», проявляет ясное и достойное всяческой похвалы понимание создавшейся ситуации, когда говорит следующее:

«Осмелюсь сказать, что поэты штата Теннесси, включая таких, как Уолтер Мэлон, Говард Маг-Ги, Р. М. Фильдс, Лелан Ранкин, миссис Хиллиард, миссис Бойль, миссис Гихрист, миссис Бэрроу и мистер Лэмб, писали стихи, которые они сами никогда не выдавали за высокую поэзию, они всегда считали их чем-то эфемерным, тем, на что можно бросить взгляд и забыть, потому что то, что написано ими в стихах, можно легко написать и в одном абзаце прозы. Я сам, скромный рифмоплет, раб на ниве рабства, называемой га-

зетой, подобно всем моим собратьям по перу во всем штате, нисколько не заносчив и ничего для себя не требую, но, конечно, мне будет приятно, если то, что я написал, будет переписано читателями и удостоится их, может, и не заслуженных мною, похвал. Я писал стихи и буду писать впредь. Для чего быть навязчивым и вбивать свои вирши в голову читателю, называя их поэзией? Лучше я порифмоплетствую, если мне так уж хочется».

Мистер Хейл, как мы видим, осознает преходящую природу таких стихов, которые журналист пишет, чтобы заполнить газетную площадь, хотя он написал несколько настоящих жемчужин, которые можно будет, после подробного анализа, однако, еще улучшить.

...

Весьма сомнительно, что мистер Фрэнк Шэнтон, который взял на своей поэтической лире несколько возвышенных и западающих в душу аккордов, стремится к тому, чтоб о нем помнили по тем рифмованным стишкам, которые он «выдает на-гора» каждый день для своей газеты. На самом деле, если распространенное мнение о нем соответствует действительности, то мистер Шэнтон не стремится ни к достижению поэтических вершин в этом искусстве, ни к личной славе.

Только одна поэма, над которой он будет трудиться несколько дней, создаст ему куда более завидную репутацию, чем то поразительное количество рифмованных строк, которые он выдает за то же время.

Совсем недавно он опубликовал два или три стиха, посвященные танцовщице из Модуэйя, которую иногда называют «Папинта». В этих стихах полно замечательных, воздушных рифм, звонкой мелодичности и захватывающей грациозности, они в самом деле восхитительны и очаровательны. Поэма его весьма утонченная, и когда читаешь ее музыкальные напористые строки, то видишь перед собой эту огненную танцовщицу, слышишь стук ее кастанет.

Но огромному количеству его ежедневно создаваемых стихов никогда не достичь этого высокого уровня, и мораль сего такова: если тебе сопутствует успех как журналисту и интересному хроникеру повседневных событий, дающих темы для статей, то от перепроизводства сиюминутной поэзии твое будущее как большого поэта под вопросом.

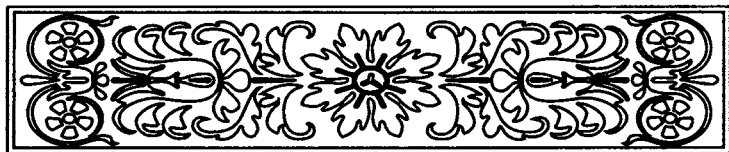

...

Усопший Юджин Фильд мог бы стать значительным поэтом, но никто не может сомневаться в том, что его труд в газете был слишком тяжким и обременительным, чтобы в полной мере способствовать развитию его поэтического таланта. Стихи, которые он писал, всегда пользовались популярностью из-за своей простоты, музыкальности, отличались поразительной симпатией к детям всех народов, а все его поэмы, такие очаровательные, такие милые, совсем немного не дотянули до величия.

Скорее, затронутые им темы и выраженные чувства, а не зрелость поэтического творчества сделали его столь широко популярным. Поэму, если она призвана стать великой и незабываемой долгое время, нужно создавать так, как строят дом. Прежде — фундамент, затем — верхняя структура, архитектурные пропорции, орнамент и завершение, все должно стать следствием огромного труда, неусыпных забот, иначе ничего не выйдет.

Судья Элбион У. Турги, чье мнение о литературном творчестве вполне заслуживает уважения, даже несмотря на его малопочтенную склонность к политике, советовал поэтам и другим литературным аспирантам всегда работать в комнате, где горит в камине огонь, и не ради самого огня или излучаемого им тепла, а ради возможности отправлять в него пять страниц на каждую одну, которую они отсылают издателю.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПОД ЛЕЖАЧИЙ КАМЕНЬ (Rolling Stones), 1912

Сон (The Dream), 1910. На русском языке в книге: О. Генри. Марионетки. Л., (1924), пер. Э. Бродерсон.

Правитель людей (A Ruler of Men), 1906. На русском языке в книге: О. Генри. Марионетки. Л., (1924), пер. Э. Бродерсон.

Атавизм Литтль-Бэра (The Atavism of John Tom Little Bear), 1903. На русском языке в книге: О. Генри. Марионетки. Л., (1924), пер. Э. Бродерсон.

Врачу, исцелися сам! (Helping the Other Fellow), 1908. На русском языке в книге: О. Генри. Марионетки. Л., (1924), пер. Э. Бродерсон.

Марионетки (The Marionettes), 1902. На русском языке в книге: О. Генри. Шуми-городок над Подземкой. Л.-М., 1924, пер. под ред. В. Азова.

Маркиз и Мисс Салли (The Marquis and Miss Sally), 1903. На русском языке в книге: О. Генри. Марионетки. Л., (1924), пер. Э. Бродерсон.

Туман в Сан-Антонио (A Fog in Santone), 1912. Рассказ написан в тюремные годы. При жизни писателя не печатался. На русском языке в книге: О. Генри. Игрушечка-пастушечка. М.-Л., 1924, пер. В. Александрова.

По следам убийцы, или Тайна улицы Пешо (Tracked to Doom, or the Mystery of the Rue de Peychaud), 1912. Ранняя пародия О. Генри на бульварную беллетристику его времени (в данном случае великосветско-криминальный роман из парижской жизни). Впервые опубликовано в еженедельнике «Роллинг стоун», издававшемся О. Генри в Техасе в 1894—1895 гг. На русском языке под названием «Затравленный зверь, или Тайна улицы Пейшоу» в книге: О. Генри. Игрушечка-пастушечка. М.-Л., 1924, пер. В. Александрова.

Я интервьюирую президента (A Snapshot at the President), 1912. На русском языке под названием «Моментальный снимок с президента» в книге: О. Генри. Марионетки. Л., (1924), пер. Э. Бродерсон.

Незаконченный святочный рассказ (An Unfinished Christmas Story), 1905. Посмертно опубликованный, незавершенный рассказ из рукописей О. Генри. В основе его — игра с сюжетом традиционного святочного рассказа. Притворно заверив читателя, что он сторонник традиции, рассказчик всячески ускользает от обещанной святочной темы. Заглавие, по-видимому, дано издателями. На русском языке под названием «Рождественский рассказ» в книге: О. Генри. Марионетки. Л., (1924), пер. Э. Бродерсон.

Слуга-бессребреник (The Unprofitable Servant), 1911. На русском языке публикуется впервые.

Дворянская корона и бифштексы (Aristocracy versus hash), 1912. На русском языке в книге: О. Генри. Марионетки. Л., (1924), пер. Э. Бродерсон.

Пленник Земблы (The Prisoner of Zembla), 1912. На русском языке в книге: О. Генри. Марионетки. Л., (1924), пер. Э. Бродерсон.

Странная история (A Strange Story), 1912. На русском языке в книге: О. Генри. Марионетки. Л., (1924), пер. Э. Бродерсон.

Изменчивая судьба, или Перебрасывание Глэдис (Fickle Fortune or How Gladys Hustled), 1912. На русском языке в книге: О. Генри. Марионетки. Л., (1924), пер. Э. Бродерсон.

Месть лорда Окхерста (Lord Oakhurst's Curse), 1912. На русском языке в книге: О. Генри. Марионетки. Л., (1924), пер. Э. Бродерсон.

Извинение (An Apology), 1912. На русском языке публикуется впервые.

Бексарское дело № 2692 (Bexar Script №2692), 1912. На русском языке в книге: О. Генри. Марионетки. Л., (1924), пер. Э. Бродерсон.

Вопросы и ответы (Queries and Answers), 1912. На русском языке публикуется впервые.

На помощь, друг! (The Friendly Call), 1910. См. примечание к рассказу «Бляха полицейского О'Руна» (в сб. "Горящий светильник"). Рэмзен в этом рассказе и Ван Суэллер в «Обеде у...» — одно и то же лицо. На русском языке под названием «Настоящая дружба» в книге: О. Генри. Марионетки. Л., (1924), пер. Э. Бродерсон.

Обед у... (A Dinner at...), 1904. На русском языке в книге: О. Генри. Марионетки. Л., (1924), пер. Э. Бродерсон.

Шум и ярость (Sound and Fury), 1903. На русском языке публикуется впервые.

Грязные носки, или Политическая интрига (Tictock), 1912. На русском языке в книге: О. Генри. Марионетки. Л., (1924), пер. Э. Бродерсон.

ОСТАТКИ (Waifs and Strays), 1917

Метель (The Snow Man), 1910. На русском языке под названием «Власть женщины» в журнале «Красная нива», 1925, № 30, пер. Э. Бродерсон.

Небольшой разговор об уличной толпе (A Little Talk About Mobs), 1904. На русском языке публикуется впервые.

Ценитель и пьеска (The Dog and the Playlet), 1905. См. примечание к рассказу «Теория и практика» (в сб. «Деловые люди»)

Сыщик за детективами (The Detective Detector), 1905. На русском языке публикуется впервые.

Кактус (The Cactus), 1902. На русском языке в журнале «Красная нива», 1928, № 40, пер. З. Львовского.

Сердца и руки (Hearts and Hands), 1902. На русском языке в журнале «Красная панорама», 1928, № 47, пер. З. Львовского.

Воробьи на Мэдисон-сквере (The Sparrows in Madison Square), 1904. На русском языке в журнале «Красная панорама», 1927, № 44.

Исповедь юмориста (Confessions of a Humorist), 1903. На русском языке в книге: О. Генри. Избранные произведения. Т. 2. М., 1954, пер. М. Лорие.

Из Назарета (Out of Nazareth), 1903. На русском языке публикуется впервые.

Рассказ резинового дерева (The Rubber Plant's Story), 1904. На русском языке в журнале «Красная панорама», 1928, № 3, пер. З. Львовского.

По кругу (Round the Circle), 1902. В этой ранней новелле О. Генри можно найти «в зачаточном виде» элементы позднейших рассказов. Сюжетная схема повторена в «Маятнике» (в сб. «Горящий светильник»). Рассуждение о том, что «природа дви-

жется по кругу, а искусство по прямой линии», в дальнейшем составило вводную часть в «Квадратуре круга» (в сб. «Голос большого города»).

Красные розы (The Red Roses of Tonia), 1905. На русском языке под названием «Красные розы Тони» в журнале «Запад», 1922, вып. 8, пер. М. Райт.

ПОСТСКРИПТУМЫ (Postscripts), 1923. На русском языке «Постскриптумы», М.-Л., Френкель, 1924, пер. А. д'Актиля.

ЕЩЕ РАЗ О. ГЕНРИ (O. Henry encore), 1939

Ночной бродяга (A Night Errant), 1896. На русском языке публикуется впервые.

Меццо-тинто (In Mezzotint), 1896. На русском языке публикуется впервые.

Беспутный ювелир (The Dissipated Jeweller), 1896. На русском языке в журнале «Интернациональная литература», 1940, № 5—6, пер. Е. Калашниковой.

Как Вилли спас отца (How Willie Saved Father), 1896. На русском языке публикуется впервые.

Мираж на холодной реке (The Mirage on the Frio), 1896. На русском языке публикуется впервые.

Трагедия (A Tragedy), 1896. На русском языке публикуется впервые.

Достаточно вызывающая провокация (Sufficient Provocation), 1895. На русском языке публикуется впервые.

Сломанная тростинка (The Bruised Reed), 1895. На русском языке публикуется впервые.

Волосы Падеревского (Paderewski's Hair), 1895. На русском языке публикуется впервые.

Тайна многих веков (A Mystery of Many Centuries), 1896. На русском языке публикуется впервые.

Странный случай (A Strange Case), 1896. На русском языке публикуется впервые.

Субботний вечер Симонса (Simmons' Saturday Night), 1896. На русском языке в журнале «Интернациональная литература», 1940, № 5—6, пер. М. Богословской.

Неизвестный роман (An Unknown Romance), 1896. На русском языке публикуется впервые.

Джек — победитель великанов (Jack the Giant Killer), 1896. На русском языке в журнале "Интернациональная литература", 1940, № 5—6, пер. В. Топер.

Фляжка емкостью в пинту (The Pint Flask), 1896. На русском языке публикуется впервые.

Странный тип (An Odd Character), 1895. На русском языке публикуется впервые.

Хаустонский роман (A Houston Romance), 1895. На русском языке публикуется впервые.

Легенда Сан-Хасинто (The Legend of San Jacinto), 1895. На русском языке в журнале «Интернациональная литература», 1940, № 5—6, пер. М. Лорие.

Бинкли и его школа практического журнализма (Binkley's Practical School of Journalism), 1895. На русском языке в журнале «Тридцать дней», 1937, № 4, пер. Г. Свободина.

Новый микроб (A New Microbe), 1895. На русском языке публикуется впервые.

Вилла Веретон (Vereton Villa), 1895. На русском языке в журнале «Тридцать дней», 1937, № 3, пер. Г. Свободина.

Все из-за виски (Whisky Did It), 1896. На русском языке публикуется впервые.

Ничто не ново под солнцем (Nothing New Under the Sun), 1895. На русском языке публикуется впервые.

Сбитый с пути истинного (Led Astray), 1896. На русском языке публикуется впервые.

История только для мужчин (A Story for Men), 1895. На русском языке публикуется впервые.

Как ей удалось попасть в цель (How She Got in the Swim), 1896. На русском языке публикуется впервые.

Приключения парикмахера (The Barber Talks), 1895. На русском языке в журнале «Интернациональная литература», 1940, № 5—6, пер. М. Богословской.

Вы видели этот цирк (Did You See the Circus), 1895. На русском языке публикуется впервые.

Замечания по поводу Дня Благодарения (Thanksgiving Remarks), 1895. На русском языке публикуется впервые.

Когда приходит поезд (When the Train Comes in), 1895. На русском языке публикуется впервые.

Канун Рождества (Christmas Eve), 1895. На русском языке публикуется впервые.

Канун Нового года и как он наступил в Хаустоне (New Year's Eve and Now it Came to Houston), 1896. На русском языке публикуется впервые.

«Страж, что происходит в ночи?» («Watchman, What of the Night?»), 1896. На русском языке публикуется впервые.

Газетчики-поэты (Newspaper Poets), 1895. На русском языке публикуется впервые.

А. Старцев

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О. ГЕНРИ,
ВОШЕДШИХ В СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

- Cherchez la femme 3, 130
Rouge et noir 1, 181
Адмирал 1, 96
Адское пламя 2, 292
Алебардщик маленького
замка на Рейне 3, 252
Алое платье 1, 453
Атавизм Литтл-Бэра 5, 27
Бабье лето Джонсона Сухого
Лога 2, 182
Багдадская птица 4, 131
Башмаки 1, 139
Без вымысла 3, 422
Бексарское дело № 2692
5, 126
Беспутный ювелир 5, 359
Бинкли и его школа
практического журнализма
5, 434
Благородный жулик* 2
Блуждания без памяти 4, 94
Бляха полицейского О'Руна
1, 417
Брачный месяц Май 4, 300
Брильянт богини Кали 4, 618
В антракте 1, 223
В Аркадии проездом 2, 335
В борьбе с морфием 4, 500
Весна души 2, 317
Весна порционно 1, 290
Вилла Веретон 5, 444
Витаграфоскоп 1, 198
Во втором часу у Руни 4, 180
Во имя традиции 1, 397
Вождь краснокожих 4, 289
Возрождение Каллиопы 2, 212
Возрождение Шарльруа 3, 209
Волосы Падеревского 5, 383
Волшебный поцелуй 3, 181
Волшебный профиль 3, 45
Вопрос высоты над уровнем
моря 4, 264
Вопросы и ответы 5, 135
Воробы на Мэдисон-сквере
5, 204
Воспоминания Желтого Пса
1, 271
Врачу, исцелися сам! 5, 39
Все из-за виски 5, 452
Всего понемножку* 4
Вы видели этот цирк 5, 480
Выкуп 2, 19
Газетчики-поэты 5, 525
Гарлемская трагедия 1, 472
Гармония в природе 1, 264
Гипотетический казус 4, 243
Гнусный обманщик 3, 98
Голос большого города 2, 223
Голос большого города* 2
Гордость городов 4, 466
Город побежден 2, 279
Горящий светильник 1, 367

¹ Первое число означает том, второе — страницу.

* Помечены циклы рассказов.

- Горящий светильник* 1
 Громила и Томми 4, 368
 Грошовый поклонник 2, 235
 Грязные носки, или
 Политическая интрига 5, 164
 Дары волхвов 1, 211
 Два ренегата 3, 263
 Две отставки 1, 190
 Дверь и мир 4, 219
 Дверь, не знающая покоя 4, 519
 Дворянская корона и
 бифштексы 5, 112
 Дебют Мэгги 1, 243
 «Девушка» 4, 275
 Деловые люди 4, 7
 Деловые люди* 4
 Денежная лихорадка 1, 86
 День воскресения 4, 35
 День, который мы празднуем
 4, 625
 Джек — победитель
 великанов 5, 414
 Джефф Питерс как
 персональный магнит 2, 395
 Джимми Хейз и Мьюриэл 4, 513
 Дикки 1, 170
 Дороги судьбы 3, 7
 Дороги судьбы* 3
 Дороги, которые мы
 выбираем 4, 330
 Достаточно вызывающая
 провокация 5, 377
 Друг Телемак 2, 25
 Друзья из Сан-Розарио 3, 139
 Елка с сюрпризом 2, 191
 Еще раз О. Генри* 5
 Еще одна жертва Купидона 1, 67
 Женщина и жульничество 4, 67
 Жертва невопад 4, 325
 Закон и порядок 4, 593
 Закупщик из Какгус-Сити 1, 410
 Заложники Момуса 2, 495
 Замечания по поводу Дня
 Благодарения 5, 487
 Зеленая дверь 1, 297
 Золото и любовь 1, 283
 Золото, которое блеснуло 4, 19
 Игра и граммофон 1, 73
 Из любви к искусству 1, 236
 Из Назарета 5, 218
 Из Омара 1, 386
 Извинение 5, 125
 Изменчивая судьба, или
 Перебрасывание Глэдис
 5, 118
 Иностранная политика 99-й
 пожарной команды 1, 459
 Искатели приключений 4, 194
 Искусство и ковбойский конь
 3, 69
 Исповедь юмориста 5, 208
 История только для мужчин
 5, 466
 Исчезновение Черного Орла
 3, 110
 Ищейки 4, 455
 Как Вилли спас отца 5, 365
 Как ей удалось попасть в цель
 5, 470
 Как истый кабальеро 2, 133
 Как прозрел Доггерти 2, 242
 Как скрывался Черный Билл
 3, 313
 Кактус 5, 196
 Калиф и хам 4, 613
 Калиф, Купидон и часы 1, 318
 Канун Нового года и как он
 наступил в Хаустоне 5, 501
 Канун Рождества 5, 499
 Кафедра
 филантроматематики 2, 411
 Квадратура круга 2, 306
 Квартал Кирпичная пыль 1, 423
 Клад 3, 361
 Коварство Харгрейвза 4, 529
 Когда приходит поезд 5, 491
 Коловращение жизни 4, 318
 Коловращение* 4
 Комедия любопытства 2, 266
 «Кому что нужно» 4, 211

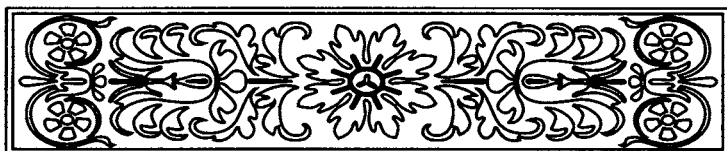

- Комфорт 4, 74
 Корабли 1, 148
 Королева змей 2, 83
 Короли и капуста* 1
 Космополит в кафе 1, 217
 Костюм и шляпа в свете социологии 4, 281
 Кошмарная ночь на лоне столичной природы 2, 322
 Красные розы 5, 245
 Кто выше? 2, 462
 Кто чем может 2, 367
 Кудряш 2, 95
 Купидон порционно 2, 115
 Курьер 1, 348
 Легенда Сан-Хасинто 5, 431
 Леди наверху 4, 583
 Летний маскарад 2, 433
 Линии судьбы 1, 203
 «Лиса-на-рассвете» 1, 27
 Лотос и бутылка 1, 35
 Лукавый горожанин 3, 450
 Мадам Бо-Пип на ранчо 4, 423
 Марионетки 5, 47
 Маркиз и Мисс Салли 5, 60
 Маятник 1, 392
 Меблированная комната 1, 352
 Мечь лорда Окхерста 5, 122
 Методы Шемрока Джолнса 4, 576
 Меццо-тинто 5, 355
 Мираж на холодной реке 5, 370
 Мишурный блеск 1, 341
 Младенцы в джунглях 4, 28
 Момент победы 3, 395
 Муниципальный отчет 4, 106
 На выбор* 3
 На пароме 1, 518
 На помощь, друг! 5, 137
 На чердаке 1, 229
 Налет на поезд 4, 471
 Небольшой разговор об уличной толпе 5, 181
 Негодное правило 3, 460
 Недолгий триумф Тильди 1, 359
 Незаконченный святочный рассказ 5, 93
 Неизвестная величина 4, 80
 Неизвестный роман 5, 410
 Немезида и разносчик 2, 299
 Неоконченный рассказ 1, 311
 Ничто не ново под солнцем 5, 454
 Новая сказка из «Тысячи и одной ночи» 4, 146
 Новый Коней 4, 588
 Новый микроб 5, 442
 Ночной бродяга 5, 347
 Нью-Йорк при свете костра 4, 572
 О старом негре, больших карманных часах и вопросе, который остался открытым 3, 337
 Обед у... 5, 148
 Один час полной жизни 2, 229
 Одиноким путем 3, 274
 Октябрь и июнь 4, 557
 Он долго ждал 3, 372
 Оперетка и квартальный 4, 349
 Орден золотого колечка 1, 326
 Особенный нью-йоркский колорит 4, 380
 Остатки кодекса чести 1, 130
 Остатки* 5
 Метель 5, 173
 От имени менеджмента 3, 223
 Охотник за головами 3, 408
 Персики 2, 248
 Перспектива 4, 401
 Пианино 2, 162
 Пиминентские блинчики 2, 45
 Пленник Земблы 5, 114
 Плюшевый котенок 3, 38
 Под лежачий камень* 5
 По кругу 5, 239
 По первому требованию 2, 170
 По следам убийцы, или Тайна улицы Пешо 5, 80

- Повар 2, 362
Погребок и Роза 2, 341
Поединок 4, 206
Позвольте проверить ваш пульс 4, 543
Пойманы! 1, 56
Пока ждет автомобиль 2, 260
Поросычья этика 2, 510
Последний лист 1, 497
Последний трубадур 4, 443
Поставщик седел 2, 55
Постскрипумы 5, 255
Похищение Медоры 2, 356
Поэт и поселянин 4, 55
Правитель людей 5, 11
Прагматизм чистейшей воды 3, 432
Превращение Джимми Валентайна 3, 122
Предвестник весны 2, 254
Приворотное зелье Айки Шонштейна 1, 277
Пригодился 3, 383
Призрак возможности 4, 505
Приключения парикамахера 5, 473
Принцесса и пума 2, 176
Присказка плотника 1, 22
Прихоти фортуны 2, 286
Прожигатель жизни 1, 251
Простаки с Бродвея 2, 447
Психея и небоскреб 4, 123
Пятое колесо 4, 42
Развлечения современной деревни 2, 403
Разные школы 3, 326
Рассказ грязной десятки 1, 522
Рассказ резинового дерева 5, 233
Редкостный флаг 1, 104
Резолюция 4, 387
Родственные души 4, 495
Рождение ньюйоркца 1, 433
Рождественский подарок 4, 374
Рождественский чулок Дика-Свистуна 3, 237
«Роза Южных штатов» 3, 287
Розы, резеда и романтика 2, 311
Роман биржевого маклера 1, 333
Рука, которая терзает весь мир 2, 419
Русские соболя 1, 439
Рыцарь удачи 1, 403
Ряса 4, 62
С высоты козел 1, 305
С праздником! 4, 136
Санаторий на ранчо 2, 68
Сбитый с пути истинного 5, 457
Святыня 2, 375
Сделка 4, 335
Сердца и руки 5, 201
Сердце Запада* 2
Сердце и крест 2, 7
Сила печатного слова 4, 364
Сила привычки 4, 163
Сказочный принц 2, 203
Сломанная тростинка 5, 379
Слуга-бессребреник 5, 98
Случай из департаментской практики 3, 196
Смерть дуракам 2, 327
Смит 1, 46
Совесть в искусстве 2, 455
Сон 5, 7
Сон в летнюю сушь 1, 491
Социальный треугольник 1, 447
Справочник Гименя 2, 34
Спрос и предложение 3, 350
«Среди текста» 3, 53
Стихий ветер 2, 476
«Страж, что происходит в ночи?» 5, 515
Страна иллюзий 1, 510
Странная история 5, 116
Станный случай 5, 391
Станный тип 5, 423
Стриженный волк 2, 440
Субботний вечер Симмонса 5, 397

- Супружество как точная наука 2, 426
Сыщик за детективами 5, 190
Табак 4, 608
Тайна многих веков 5, 390
Так живут люди 4, 312
Театр — это мир 4, 86
Теория и практика 4, 169
Теория и собака 4, 232
Трагедия 5, 375
Трест, который лопнул 2, 387
Третий ингредиент 3, 300
Трилистник и пальма 1, 114
Трубный глас 2, 347
Туман в Сан-Антонио 5, 71
Тысяча долларов 2, 271
У каждого свой светофор 1, 484
Улисс и собачник 4, 483
Утерянный рецепт 1, 466
Фальшивый доллар 4, 356
Фараон и хорал 1, 257
Феба 3, 81
Фляжка емкостью в пинту 5, 417
Формальная ошибка 4, 306
Хаустонский роман 5, 428
Хранитель рыцарской чести 3, 29
Художники 1, 156
Ценитель и пьеска 5, 185
Церковь с наливным колесом 4, 560
Чародейные хлебцы 4, 462
Чемпион погоды 4, 490
Через двадцать лет 1, 337
Черное платье 1, 503
Четвертое июля в Сальвадоре 3, 154
Четыре миллиона* 1
Чтиво 3, 439
Чья вина? 1, 478
Шехерезада с Мэдисон-сквера 1, 378
Шифр Кэллоуэя 4, 255
Шум и ярость 5, 159
Эльза в Нью-Йорке 1, 529
Эмансипация Билли 3, 168
Я интервьюирую президента 5, 88

СОДЕРЖАНИЕ

ПОД ЛЕЖАЧИЙ КАМЕНЬ

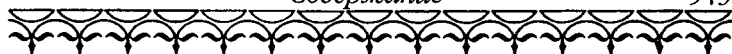
Сон. Перевод Э. Бродерсон	7
Правитель людей. Перевод Э. Бродерсон	11
Атавизм Литтл-Бэра. Перевод Э. Бродерсон	27
Врачу, исцелися сам. Перевод Э. Бродерсон.....	39
Марионетки. Перевод под ред. В. Азова.....	47
Маркиз и Мисс Салли. Перевод Р. Гальпериной	(0)
Туман в Сан-Антонио. Перевод Т. Озерской.....	71
По следам убийцы, или Тайна улицы Пешо. Перевод Т. Озерской	80
Я интервьюирую президента. Перевод И. Гуровой	88
Незаконченный святочный рассказ. Перевод А. Старцева	93
Слуга-бессребреник. Перевод Л. Каневского	98
Дворянская корона и бифштексы. Перевод Э. Бродерсон.....	112
Пленник Земблы (Сказка). Перевод Э. Бродерсон.....	114
Странная история. Перевод Э. Бродерсон.....	116
Изменчивая судьба, или Перебрасывание Глэдис. Перевод Э. Бродерсон	118
Мечь лорда Окхерста. Перевод Э. Бродерсон	122
Извинение. Перевод Л. Каневского	125
Бексарское дело №2692. Перевод Э. Бродерсон.....	126
Вопросы и ответы. Перевод Л. Каневского	135
На помощь, друг! Перевод Т. Озерской	137
Обед у... Перевод Т. Озерской	148
Шум и ярость. Перевод Л. Каневского	159
Грязные носки, или Политическая интрига. Перевод Э. Бродерсон.....	164

ОСТАТКИ |

Метель. Перевод Э. Бродерсон.....	173
Небольшой разговор об уличной толпе.....	181
Ценитель и песка. Перевод Н. Галь.....	185

Сыщик за детективами. <i>Перевод Л. Каневского</i>	190
Кактус. <i>Перевод Зин. Львовского</i>	196
Сердца и руки. <i>Перевод М. Кан</i>	201
Воробы на Мэдисон-сквере. <i>Перевод Н. Галь</i>	204
Исповедь юмориста. <i>Перевод М. Лорие</i>	208
Из Назарета. <i>Перевод Л. Каневского</i>	218
Рассказ резинового дерева. <i>Перевод Зин. Львовского</i>	233
По кругу. <i>Перевод М. Кан</i>	239
Красные розы. <i>Перевод Е. Толкачева</i>	245
ПОСТСКРИПТУМЫ. <i>Перевод А. д'Актиля</i>	255
ЕЩЕ РАЗ О. ГЕНРИ	
Ночной бродяга. <i>Перевод Л. Каневского</i>	347
Меццо-тинто. <i>Перевод Л. Каневского</i>	355
Беспутный ювелир. <i>Перевод М. Калашиниковой</i>	359
Как Вилли спас отца. <i>Перевод Л. Каневского</i>	365
Мираж на холодной реке. <i>Перевод Л. Каневского</i>	370
Трагедия. <i>Перевод Л. Каневского</i>	375
Достаточно вызывающая провокация. <i>Перевод</i> <i>Л. Каневского</i>	377
Сломанная тростинка. <i>Перевод Л. Каневского</i>	379
Волосы Падеревского. <i>Перевод Л. Каневского</i>	383
Тайна многих веков. <i>Перевод Л. Каневского</i>	390
Странный случай. <i>Перевод Л. Каневского</i>	392
Субботний вечер Симмонса. <i>Перевод М. Богословской</i>	397
Неизвестный роман. <i>Перевод Л. Каневского</i>	410
Джек — победитель великанов. <i>Перевод В. Топер</i>	414
Фляжка емкостью в пинту. <i>Перевод Л. Каневского</i>	417
Странный тип. <i>Перевод Л. Каневского</i>	423
Хаустонский роман. <i>Перевод Л. Каневского</i>	428
Легенда Сан-Хасинто. <i>Перевод М. Лорие</i>	431
Бинкли и его школа практического журнализма. <i>Перевод Г. Свободина</i>	434
Новый микроб. <i>Перевод Л. Каневского</i>	442
Вилла Веретон. <i>Перевод Г. Свободина</i>	444
Все из-за виски. <i>Перевод Л. Каневского</i>	452
Ничто не ново под солнцем. <i>Перевод Л. Каневского</i>	454
Сбитый с пути истинного. <i>Перевод Л. Каневского</i>	457
История только для мужчин. <i>Перевод Л. Каневского</i>	466
Как ей удалось попасть в цель. <i>Перевод Л. Каневского</i>	470
Приключения парикмахера. <i>Перевод М. Богословской</i>	473
Вы видели этот цирк. <i>Перевод Л. Каневского</i>	480

Замечания по поводу Дня благодарения. <i>Перевод</i> <i>Л. Каневского</i>	487
Когда приходит поезд. <i>Перевод Л. Каневского</i>	491
Канун Рождества. <i>Перевод Л. Каневского</i>	499
Канун Нового года и как он наступил в Хаустоне. <i>Перевод Л. Каневского</i>	507
«Страж, что происходит в ночи?» <i>Перевод</i> <i>Л. Каневского</i>	515
Газетчики-поэты. <i>Перевод Л. Каневского</i>	525
<i>Примечания А. Старцева</i>	530
Алфавитный указатель произведений О. Генри, вошедших в собрание сочинений	536

Литературно-художественное издание

О. Генри

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В 5 ТОМАХ

Том пятый

**ПОД ЛЕЖАЧИЙ КАМЕНЬ
ОСТАТКИ
ПОСТСКРИПТУМЫ**

Составитель С. Валов

Генеральный директор издательства С. М. Макаренков

Выпускающий редактор Ю. Денисова

Редактор А. Храмов

Компьютерная верстка: Т. Полина

Корректор Н. Кузнецова

Подписано в печать с готовых диапозитивов 07.02.2006 г.

Формат 84x108/32. Гарнитура «Baltica»

Бумага офсетная. Печать офсетная

Печ. л. 17,0. Доп. тираж 4 000 экз.

Заказ № 752

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленных
диапозитивов в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»

432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ООО «РИЦ Литература»

115407, Москва, ул. Судостроительная, д. 40

ООО «ИД «РИПОЛ классик»

107140, Москва, Краснопрудная ул., д. 22а, стр. 1

Изд. лиц. № 04620 от 24.04.2001 г.

Адрес электронной почты: info@ripol.ru

Сайт в Интернете: www.ripol.ru

ISBN 5-363-00004-0

9 785363 000041

